ДЖОН ЛИ АНДЕРСОН

Че Гевара

ВАЖНА ТОЛЬКО РЕВОЛЮЦИЯ

АМФОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография знаменитого революционера и общественного деятеля Эрнесто Че Гевары (1928–1967), ставшего одной из культовых фигур XX века.

Этот человек еще при жизни стал легендой, а своей смертью заслужил место в пантеоне величайших мучеников мировой истории; он был пламенным бойцом революции, талантливым стратегом, общественно-политическим деятелем, экономистом, врачом, наконец другом и ближайшим сподвижником Фиделя Кастро. Мечта всей жизни Че Гевары была поистине величественной — объединить Латинскую Америку и весь остальной развивающийся мир, устроив всеобщую революцию, чтобы раз и навсегда положить конец многовековым страданиям простого народа от нищеты, несправедливости и разобщенности.

> Я верю в то, что вооруженная борьба является единственным спасением для народов, сражающихся за свободу, и я последователен в своих убеждениях. Многие назовут меня авантюристом, и будут правы, вот только я авантюрист особого типа — из тех, что не жалеют собственной жизни ради доказательства своей правоты.
>
> *Эрнесто Че Гевара*

> Увлекательно написанная и исчерпывающая биография легендарного предводителя латиноамериканских повстанцев, человека, который и много лет спустя после своей гибели по-прежнему олицетворяет для миллионов людей образ героического революционера-идеалиста.
>
> *Manchester Evening News*

- Джон Ли Андерсон
  - Благодарности
  - Введение
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5

        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
    - Часть вторая
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
    - Часть третья
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
    - Эпилог: Мечты и проклятья
    - Избранная библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

Джон Ли Андерсон
Че Гевара. Важна только революция

Посвящается Эрике, а также памяти моей матери Барбары Джой Андерсон (1928–1994).

Благодарности

Хотя биографию обычно пишет один человек ему никак не обойтись без посторонней помощи. Есть немало людей, которых следовало бы поблагодарить за помощь в этой работе, растянувшейся на целых пять лет. Кое-кто из них, возможно, не одобрит того, что получилось в итоге. Им я могу сказать только одно: в этой книге я выступаю исключительно от имени самого Че Гевары, стараюсь высказать то, что, как мне кажется, было именно его, а не чьей-то точкой зрения. Но, чтобы успокоить иных читателей, я хочу заявить: всю ответственность за содержание книги несет ее автор и только он.

На Кубе, где прошла большая часть моей жизни и где в основном я проводил свои исследования, есть один человек, которому я обязан особо: это вдова Че Гевары Алейда Марч; эта женщина рискнула выйти из тридцатилетнего затворничества и открыть свои двери настырному «янки», сующему нос в чужие дела. Я знаю, что для нее это был непростой шаг и что многие отговаривали ее от этого. Я очень благодарен Алейде Марч за проявленную смелость и за то, что она не стесняла меня в возможности самостоятельно делать выводы на основе полученной от нее информации. Я крайне признателен Марии дель Кармен Арье, ближайшей помощнице и другу Алейды — быть может, лучшему в мире специалисту по Че Геваре. Орландо Боррего, протеже и близкий друг Че, щедро поделился со мной богатейшими сведениями и, за что я навеки останусь ему благодарен, отнесся ко мне как к другу. Мануэль Пиньейро Лосада, он же «Рыжебородый», глава кубинской разведки и хранитель государственных тайн в последние тридцать пять лет, вышел из тени, дабы раскрыть некоторые секреты, окружающие подпольную деятельность Че, и я очень признателен за эту невероятную честь, оказанную мне. Также я хотел бы поблагодарить Алейду Пьедру, моего преданного друга и помощницу, которая практически стала членом нашей семьи.

Кроме того, особое спасибо Денису Гусману, члену Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, который содействовал тому, чтобы мой запрос по поводу исследовательской работы на Кубе был одобрен, и затем помогал сгладить шероховатости, случавшиеся на первых порах нашего пребывания в его стране; Марии Флорес; Роберто де Армасу; покойному Хорхе Энрике Мендосе, который изначально должен был меня курировать, но с которым, как это ни прискорбно, мне почти не довелось поработать; Хулии Мартин и ее отцу Лионелю

Мартину, замечательному человеку и прекрасному другу, который поделился со мной своими воспоминаниями, гипотезами и связанными с Че документами из своего личного архива. Я также благодарю Мануэля, Алехандро, Катю и всю семью Гато; Лорну Бердсол, Паскаля и Исис Флетчер, Лизетту, Рона Риденора, Веронику Спасскую, Роберто Саласа, Энкарну, Фернандо, Лейли Бэррел, Лео и Мичи Акоста, Микаэлу и Фернандо, Мигеля и Таню, Хулио и Оливию, Марту и Кармен, Исаака и Ану, Диноса и Мирабель Филиппос, Анхеля Аркоса Вернье, Хуана Гравалосу, Тирсо Саэнса, Гарри Вильегаса, Кристину Кампусано, Альберто Кастельяноса, Альберто Гранадо; Освальдо де Карденаса, Ану Марию Эрра, Марию Элену Дуарте, Эстелу и Эрнесто Браво, Мариано, Густаво Санчеса, Хесуса дель Валье, Пако Усальяна, Марту Виторте, Кари и Маргариту. Педро Альварес Табио дал мне допуск к вожделенным архивам Че в Государственном совете Кубы, а там мне очень помогли Эфраин Гонсалес, а также Эберто Норман Акоста. Историк Андрес Кастильо Берналь предоставил мне экземпляр своего исчерпывающего исследования по истории кубинской революции и другие документы.

В Аргентине мне оказали помощь Калика Феррер, Карлос Фигероа, Чичо и Марио Сальдуна, Пепе и Чучи Тиссера, Роберто и Селия Гевара, Хулия Констенла, Рохелио Гарсиа Лупо, Рейнальдо Сьетекасе, Эктор Жюв, Альберто Корн, Эктор «Тото» Шмуклер, Оскар дель Барко, Бенхамин и Эльза Элькин, Нелли Бенбибре де Кастро, Эмилисано Акоста, Татьяна и Хайме Рока и вся «Группа судебной антропологии Аргентины»: Анахи, Патрисия, Дарио и Мако, и в особенности Алехандро Инчаурреги, которого я теперь считаю своим добрым другом. Также благодарю Роберто Баскетти, Хулио Вильялонгу, Марию Лауру Авиньоло и Клаудию Король.

Моя особая благодарность тем, кто помог мне в Боливии: Лойоле Гусман и Умберто Васкес Вианье. Спасибо также Розе и Натали Апькоба, Мартину и Матильде; Ане Уркиэта, Хуану Игнасио Силесу, Чато Передо, Рене Рокабадо, Карлосу Сориа, Кловису Диасу, Мигелю Анхелю Кинтанилье и Тане из отеля «Копакабана». Мои лучшие пожелания — Экипо де Балонсесто Андерсон из Вильягранде. Огромное спасибо генералу в отставке Реке Терану, щедро уделившему мне время и предоставившему документы и коллекцию трофейных фотографий.

В Парагвае мне оказали поддержку Сокорро Селич и ее дочери, из которых особо хочется поблагодарить Сорку, отнесшуюся ко мне с доверием и открывшую секреты покойного полковника Андреса Селича, принимавшего непосредственное участие в событиях последних часов жизни Че Гевары. Я говорю

им спасибо за теплоту и гостеприимство. А также благодарю Тилина за то, что он помог мне сделать копии магнитофонных записей и переснять фотографии тридцатилетней давности.

В Мексике мою исследовательскую работу координировал и направлял Фил Гансон, превосходный журналист, специализирующийся на Латинской Америке, и просто хороший друг. Я чрезвычайно обязан ему за терпение и неустанную помощь в поиске различных людей и архивных документов в Мехико, Гватемале, Никарагуа и Панаме.

Мои коллеги в Великобритании Ричард Готт и Джон Ретти поделились со мной важной информацией, подсказали, к кому обратиться, и в целом оказали поистине бесценную поддержку. Еще я хотел бы сказать спасибо Данкану Грину и Ракель из издательства «ЛАБ». Благодарю также Педро Сардуя и Джина Страббса; Нолла Скотта, Лендона Темпла, Мухаммада и Хелену Полдерваартам, Карлоса Карраско, Ашока Прасада и Питера Моллоя.

В Москве мне помогали Ирина Калинина, Анатолий, Эсперанса, Володя, Марио Монхе и Александр Алексеев; в Испании — Генри Лернер, Кармен Гонсалес Агилар и ее покойный брат Пепе, который уделил мне свое время, уже находясь при смерти; в Швеции — Сиро Бустос, открывший в ходе долгих бесед передо мной дверь в свой дом и собственное сердце; в Каире — Кароль Бергер, которая, оставив собственные дела, разыскивала для меня нужных людей; в Германии — Петер Мюллер, он помог мне получить доступ к архивам «Штази» и оказал поддержку во многом другом. Швейцарский кинорежиссер Рихард Диндо щедро поделился со мной всевозможными сведениями о Боливии.

В Вашингтоне мне помогали Питер Корнблу из «Архива национальной безопасности», Скотт Армстронг, Девид Корн, Серго Микоян и Фил Бреннер. Я очень благодарен моим друзьям из Майами, которые проявляли благожелательный интерес к моей книге и мукам творчества: Рексу и Габриэле Хендерсон, Девиду и Инес Адамс, Хосе и Джине де Кордова.

Эти и другие друзья и родственники по всему миру помогли сделать так, чтобы мой труд, растянувшийся на несколько лет, не ощущался как тяжелая обуза. Среди них Ванадия Сендон-Хамфрис, Дорин Кунрад, Девид Хамфрис, Джонатан Гленси, Мишель, Тина, Мейм, Нохад аль-Турки, Ник Ричардс, Кристофер и Моника Максвелл-Либби, Колин Пиз, Девид Ридд, Саймон Такер, Рос Бейн, Лори Джонстон, Кети Бут, Тим Голден, Джефф Расселл, Чак и Бекс, Мишель Лабру, Берта Тайер, Майк и Джоан Карабини-Паркер, Дженет и Терри Паркер, Мария Елена,

Матильда Стоун, Мартин и Ева Баррат, Ингрид Вавер, Колин Лизьери, Йос и Кьен Шройрс-Тиммерман.

За эти пять лет ушли из жизни многие близкие мне люди. Им я говорю последние слова благодарности. Моя мать, Барбара Джой Андерсон, первый мой наставник и ближайший друг, скоропостижно скончалась, когда я находился на Кубе. София Гато, бывшая няня детей Че, помогла растить и моих детей тоже и очень скоро стала нашим большим другом. Она умерла год назад и всем нам очень и очень ее не хватает.

Мне кажется на редкость удачным то обстоятельство, что эта книга была опубликована в издательстве «Гроув пресс», которое впервые познакомило американского читателя со многими работами Че Гевары. В офисах издательства прогремели взрывы, после того как один из издаваемых им «радикальных» журналов, «Эвегрин», вышел с тем же изображением Че на обложке, какое украшает и эту книгу. Мой издатель Морган Энтрекин поддерживал меня в течение всех пяти лет. Хотя он никогда об этом не говорил, я уверен, что временами он был отнюдь не в восторге от моих планов, и я благодарен ему за то, что он никогда не делился со мной этими мыслями. То же самое относится и к моему литературному агенту Деборе Шнайдер. Я благодарен Карле Лалли и Элизабет Шмиц за все их усилия, предпринятые ради меня; кроме того, большое спасибо Антону Мюллеру, Кенну Расселлу, Мюриэл Йоргенсен, Миве, Джуди и всем сотрудникам «Гроув пресс», которые старались создать для меня максимально комфортные условия: Джоан Эрику, Джиму, Скотту, Лорен, Лиссе, Эми, Кирстен, Тому, Лее и Бену. Отдельное спасибо Патти О'Коннелл, откорректировавшей мой путаный синтаксис и исправившей ошибки в испанских словах и предложениях, а также моим издателям из «Трансуорлд», «Эмесе», «Бальдини и Кастольди», «Лист» и «Обхетива» за их поддержку и терпение.

Мало какой писатель может похвастать тем, что при создании книги в качестве редакторов выступили его брат и близкий друг. А вот мне повезло: Скотт Андерсон и Франсиско Голдман оказались критиками, и весьма придирчивыми, моего непомерно раздувшегося сочинения. Если книгу можно теперь спокойно читать, то за это в первую очередь следует поблагодарить их.

Во время моей «одиссеи имени Че» неизменным спутником, поддерживавшим все мои начинания, была моя жена Эрика. Она приняла переезд из Оксфорда в Гавану с подлинно британским спокойствием и занялась обустройством нашего нового дома, не обращая внимания на начинающийся в стране развал. Эрика без жалоб переносила мои многочисленные заграничные поездки,

которые подчас длились по нескольку месяцев, и благодаря ей я всякий раз по возвращении находил свое семейное гнездо исполненным здоровья и веселья. Для наших детей — Беллы, Рози и Максимо — эта книга оказалась неотъемлемой частью их жизни. Для всех них Че Гевара стал первым человеком вне нашей семьи, о котором они узнали. Первым языком Рози и Максимо стал испанский, а Белла начинала каждое утро с пения гимна «Seremos сото el Che» — «Мы будем такими, как Че».

Введение

Почти буднично произошло это откровение — во время долгой беседы за чашкой кофе в ноябре 1995 г. Сидя в саду своего дома в предместье боливийского города Санта-Крус, отставной генерал Марио Варгас Салинас посвятил меня в секрет своего участия в тайных похоронах человека, за которым он охотился двадцать восемь лет назад: уроженца Аргентины революционера Эрнесто Че Гевары.

Признание генерала пролило свет на одну из самых главных загадок в истории Латинской Америки. После того как в октябре 1967 г. человек являвшийся правой рукой Фиделя Кастро, был пойман и убит боливийскими военными в присутствии агента ЦРУ, труп его исчез. И вот теперь, сидя в своем саду в Санта-Крусе, Варгас Салинас рассказал, как принимал участие в ночных похоронах, когда тело Че — без кистей рук, которые были ампутированы, — вместе с телами нескольких его товарищей было захоронено в братской могиле недалеко от взлетно-посадочной полосы у маленького городка Вильягранде в Центральной Боливии. Военные, одержавшие победу над самым известным в мире партизаном, не хотели, чтобы его могила стала местом паломничества. Они надеялись, что, если Че Гевара исчезнет, легендарности его придет конец.

Однако легенда о Че Геваре росла и ширилась, не зная преград. Миллионы людей оплакивали его уход. Поэты и философы слагали в его честь хвалебные речи, композиторы посвящали ему сочинения, художники изображали его в тысячах героических поз. Революционеры-марксисты в азиатских, африканских и латиноамериканских странах шли в бой под его знаменами. Когда молодые люди в США и Западной Европе восставали против общественного порядка, против войны во Вьетнаме, против расовых предрассудков и социальных условностей, символом их пылкого, хотя и во многом неудавшегося, бунта был пламенный образ Че Гевары.

Каким же был он, этот человек, в тридцать шесть лет оставивший жену и пятерых детей, а также пост министра, пренебрегший статусом почетного гражданина и высоким офицерским чином в революционной Кубе — в надежде разжечь «континентальную революцию»? Что заставило выходца из аристократической аргентинской семьи, выпускника медицинского факультета попытаться изменить мир?

На эти вопросы я пытался найти ответ. Я заинтересовался Че в конце 1980-х годов, когда писал книгу о современных

партизанах. Я обнаружил, что и в Бирме, и в Сальвадоре, и в Западной Сахаре, и даже в мусульманском Афганистане Че остается культовой фигурой для партизан всех мастей. Его работы по военному делу и, прежде всего, его революционные принципы, воплощением которых он являлся, — самопожертвование, честность и преданность делу — прошли через времена и идеологии, они питают и вдохновляют новые поколения борцов и мечтателей.

Я искал книги про Че Гевару. Мало что было напечатано, а серьезных биографических исследований и вовсе не имелось. В основном это были либо официальные «жития святого», вышедшие на Кубе, либо, напротив, попытки представить Че Гевару в черном свете — произведения его идеологических врагов, не менее, впрочем, скучные. Вскоре я понял, что жизнь Че Гевары еще только предстоит описать, ведь многие факты его биографии были покрыты тайной. Казалось, что, если разрешить эти загадки, удастся пролить свет на значительнейшие события эпохи «холодной войны», остающиеся при этом наименее изученными: поддержку кубинскими революционными властями партизанских движений в других государствах и разжигание Востоком и Западом войн в странах третьего мира.

Я посчитал, что ответы на большинство вопросов нужно искать на Кубе, куда и отправился в 1992 г. Это было смутное для Кубы время: только что распался СССР и закончилось его тридцатилетнее покровительство режиму Фиделя Кастро. Кастро был потрясен, но не сломлен; он по-прежнему гордо держал флаг социализма, хотя казалось, что корабль государства тонет под его ногами.

Во второе свое посещение, в том же году, я встретился с вдовой Че, Алейдой Марч, и она сказала, что посодействует мне в написании биографии ее покойного мужа. Это оказалось весьма кстати, так как чиновник, от которого я вначале получил разрешение и который должен был являться моим официальным помощником, вскоре совершил самоубийство, пустив себе две пули в грудь. В начале 1993 г. я вместе с семьей переехал в Гавану и остался там почти на три года. С помощью Алейды Марч — и проводя дополнительные исследования в Аргентине, Парагвае, Боливии, Мексике, России, Швеции, Испании и Соединенных Штатах — я попытался выяснить, что за человек был Че Гевара и что происходило в его жизни. Прежде всего я хотел понять, какова была реальная личность, стоявшая за легендарным образом революционера. В результате моих пятилетних усилий и появилась эта книга.

Любопытно, что фигура Че Гевары по-прежнему способна и

увлекать, и порождать споры, а также становиться причиной политических беспорядков. Сведения, которыми поделился со мной генерал Варгас Салинас, повлекли за собой целый поток новой информации, касающейся не только смерти, но и жизни Че Гевары. Все это взбудоражило Боливию.

Осаждаемый прессой, боливийский президент издал приказ, предписывающий военным найти и эксгумировать тело Че Гевары и двух десятков его товарищей-партизан, «исчезнувших» вместе с ним. За этим последовало весьма колоритное действо: бывшие партизаны, солдаты, судебные эксперты копали землю в окрестностях Вильягранде, вокруг стояли толпы зевак репортеры вовсю упражнялись в красноречии. Открылись многие старые раны страны. Возникла угроза, что на поверхность всплывут еще более мрачные подробности события многие годы считавшегося государственной тайной. Военные Боливии подчинились президентскому приказу, но поступок Варгаса Салинаса сочли предательством и надавили на генерала, чтобы тот держал язык за зубами. Он приехал в Вильягранде и заявил, что не может «точно» вспомнить, где был похоронен Че. Генерал вернулся домой, где был помещен под временный арест. Затем он надолго уехал за границу и впоследствии высказывался очень сдержанно. Поиски в Вильягранде продолжались, но, так как точное место для раскопок было неизвестно, вести их становилось все труднее. Тем не менее через несколько недель были найдены тела четырех партизан. Однако это не помогло взять след. К началу 1997 г. поисковые группы так и не достигли конечной цели: найти могилу со скелетом человека без кистей рук.

Часть первая
БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ

Глава 1
Плантация мате в Мисьонес

I

С гороскопом дело обстояло неясно. Если знаменитый революционер Эрнесто Че Гевара родился 14 июня 1928 г., как указано в его свидетельстве о рождении, то он был Близнецами — причем довольно бесцветной личностью. Знакомая матери Че, астролог, еще раз сделала все подсчеты: куда закралась ошибка? — но результат оказался тот же. Че выходил неприметным, несамостоятельным человеком, прожившим не отмеченную яркими событиями жизнь. Вариантов было два: либо астролог права, либо она плохой астролог.

Когда матери Че показали этот унылый гороскоп, она рассмеялась. После чего поведала секрет, который хранила тридцать с лишним лет. Ее знаменитый сын на самом деле родился месяцем раньше, 14 мая. Он был не Близнецами, а своевольным и решительным Тельцом.

Мать объяснила, что им пришлось прибегнуть к обману, так как, выходя замуж за отца Че, она была на третьем месяце беременности. Сразу после свадьбы молодожены уехали из Буэнос-Айреса в удаленное местечко в джунглях, Мисьонес, где приобрели плантацию мате. Она вынашивала ребенка вдали от любопытных глаз столичного общества. Когда пришло время рожать, они поехали по реке Парана в город Росарио. Там она разрешилась от бремени, и врач, их друг, изменил дату в свидетельстве о рождении, сдвинув ее на месяц, чтобы избежать скандала.

Когда сыну исполнился месяц, молодые родители известили родственников, сообщив, что собирались приехать в Буэнос-Айрес, но в Росарио у Селии начались преждевременные роды. В конце концов, семимесячный ребенок не такая уж редкость. Возможно, у родственников и друзей и возникли сомнения, но историю эту и официальную дату рождения ребенка они приняли спокойно и вопросов в последующие годы не задавали.

Если бы этот младенец не стал впоследствии знаменитым революционером Че, то тайна его родителей могла бы уйти с ними в могилу. Вероятно, Гевара — один из немногих известных людей нашего времени, у кого поддельным является и свидетельство о рождении, и свидетельство о смерти. Но,

наверное, так и должно было случиться, что жизнь человека, которому предстояло посвятить себя подпольной деятельности и погибнуть, осуществляя секретную операцию, началась с обмана.

II

Когда в 1927 г. Эрнесто Гевара Линч познакомился с Селией де ла Серна, она только что закончила в Буэнос-Айресе Католическую женскую гимназию для аристократок, Сакре-Кёр. Это была эффектная двадцатилетняя девушка с орлиным носом, темными волнистыми волосами и карими глазами. Селия была начитанна, но наивна, набожна, но пытлива. Иными словами, готова к романтическому приключению.

Селия де ла Серна была чистокровной аргентинской аристократкой, ведшей происхождение от испанской знати. Один из ее предков был наместником испанского короля в колониальном Перу, другой — знаменитым аргентинским генералом. Ее дед по отцу был состоятельным землевладельцем, а сам отец — известным профессором юриспруденции, конгрессменом и послом. И он, и его жена умерли, когда Селия была еще ребенком, и девочка вместе с шестью братьями осталась на попечении строгой и очень религиозной тетушки. Однако, несмотря на ранний уход родителей, у семьи сохранились доходные земельные владения, и по достижении двадцати одного года Селия должна была получить солидное наследство.

В свои двадцать семь Эрнесто Гевара Линч был высок ростом и красив, лицо его отличал волевой подбородок. Очки, которые он носил из-за астигматизма, делали его немного похожим на клерка, но это было обманчивое впечатление, так как он обладал кипучим, общительным нравом, горячим темпераментом и редким воображением. В его роду также были не последние в Аргентине люди: он являлся правнуком одного из крупнейших богачей Южной Америки, среди предков его значились представители знатных испанских и ирландских фамилий. Но с течением времени семья Эрнесто во многом утратила свое положение.

Эрнесто Гевара Линч был шестым ребенком в семье Роберто Гевары Кастро и Аны Исабель Линч. В XIX веке, когда власть в стране захватил диктатор Росас, отцы Роберто и Аны, наследники богатых семей, бежали из Аргентины в Калифорнию, зараженные «золотой лихорадкой». Там и родились их дети. Когда они вернулись на родину, Роберто и Ана Исабель поженились. У них родилось одиннадцать детей. В целом жизнь супругов была

благополучной, хотя они и утратили статус крупных землевладельцев. Муж работал землемером, жена растила детей в Буэнос-Айресе. На лето они переезжали в простой деревенский дом, оставшийся от старых фамильных владений и отошедший к Ане Исабель по наследству. Чтобы подготовить сына к трудовой жизни, Роберто Гевара послал его в государственную школу, напутствовав словами: «Единственная аристократия, в которую я верю, — это аристократия талантливых людей».

Но Эрнесто по праву рождения сохранял принадлежность к элите аргентинского общества. Он был воспитан на историях матери о жизни в Калифорнии и на леденящих кровь рассказах отца о нападениях индейцев и гибельных опасностях андского высокогорья. Поразительное, полное приключений прошлое его семьи бередило душу. Ему было девятнадцать лет, когда умер отец. Поступив в университет, Эрнесто стал изучать архитектуру и инженерное дело, но ушел, не закончив курс. Мечтая о приключениях и богатстве, он решил пустить скромное наследство отца на достижение своей цели.

К тому времени, когда Эрнесто встретил Селию, он (на пару с одним богатым родственником) вложил большую часть денег в яхтостроительную компанию «Астильеро Сан-Исидро». Некоторое время он сам проработал там в качестве контролера, но вскоре это стало ему неинтересно. Тогда Эрнесто загорелся новой идеей: друг убедил его, что можно разбогатеть на выращивании мате — растения, из которого делается традиционный бодрящий напиток, любимый миллионами аргентинцев.

В то время можно было дешево купить землю под плантации в провинции Мисьонес, расположенной в тысяча двухстах милях от Буэнос-Айреса по реке Парана, на северной границе с Парагваем и Бразилией. Первоначально эти места были освоены миссионерами-иезуитами, которые в XVI веке обратили в христианство индейцев гуарани. К Аргентине Мисьонес была присоединена лишь за пятьдесят лет до описываемых событий и теперь была открыта для поселенцев. Туда хлынули спекулянты землей, искатели приключений и бедные эмигранты из Европы. Гевара Линч отправился туда, чтобы посмотреть на обстановку собственными глазами, и оказался захвачен «лихорадкой мате». Его собственные деньги были вложены в компанию «Астильеро», но на приданое Селии они могли бы купить достаточно земли под плантацию. Он рассчитывал, что «зеленое золото» сделает их богатыми.

Ничего удивительного, что родственники Селии приняли в штыки столь «несолидного» жениха. Селии не исполнилось еще двадцати одного года, и по аргентинским законам ей требовалось

согласие родных для заключения брака и вступления в наследство. Однако согласия получено не было. В отчаянии, особенно из-за того, что она была уже беременна, Селия бежала с Эрнесто, пытаясь силой добиться разрешения на брак. Они поселились в доме ее старшей сестры. Побег возымел нужный эффект. Разрешение на свадьбу было получено, но для отвоевания наследства Селии пришлось обратиться в суд. В итоге молодой женщине удалось получить часть того, что ей причиталось, в том числе имение с хозяйством, включавшим пашни и скот, в центральной провинции Кордова, а также кое-какие облигации — достаточно для того, чтобы купить плантацию мате в Мисьонес.

10 ноября 1927 г. состоялась их с Эрнесто свадьба. Неофициальная церемония прошла в доме ее замужней старшей сестры Эдельмиры Мур де ла Серны. Газета «Ла-Пренса» в Буэнос-Айресе сообщила об этом событии. Сразу после свадьбы новобрачные уехали из Буэнос-Айреса в глухомань провинции Мисьонес, унося с собой тайну. «Мы вместе решили, как устроить свою судьбу, — писала Селия позже в мемуарах. — Мы оставили позади все сожаления и притворства вместе с тесным кругом родственников и друзей, хотевших расстроить наш брак».

III

В 1832 г. английский натуралист Чарлз Дарвин стал свидетелем тех страшных жестокостей, которые учинил по отношению к коренным аргентинским жителям — индейцам — предводитель гаучо Хуан Мануэль де Росас. По поводу увиденного Дарвин заметил: «От краснокожих индейцев страна перейдет в руки белых дикарей гаучо. Те имеют небольшое преимущество в образовании и куда меньшую приверженность моральным принципам».

Однако в Аргентине появился свой пантеон национальных героев, начиная с генерала Хосе Сан-Мартина — освободителя страны от испанского владычества — и заканчивая Доминго Сармьенто — журналистом-борцом, просветителем и, наконец, президентом, приведшим Аргентину к ее нынешнему состоянию территориального единства и приверженности республиканскому строю. В своей книге 1845 г. «Факундо»[1] Сармьенто обратился к соотечественникам с призывом предпочесть путь приобщения к цивилизованному человечеству и отвергнуть жестокость, воплощенную в гаучо — жителях пограничных территорий Аргентины.

При этом сам Сармьенто не преминул прибегнуть к

авторитарному способу управления страной, и после его смерти аргентинский культ вождя, каудильо, никуда не исчез. На протяжении следующего столетия он оставался важным фактором государственной политики: сменяя друг друга, страной правили то каудильо, то демократы. Словно бы отражая резкие контрасты ландшафта гигантской территории, оказавшейся под властью аргентинцев, характер их объединил в себе непреодолимые противоречия, находясь в постоянном поиске равновесия между склонностью к дикости и стремлением к просвещению. Необузданные, переменчивые, склонные к национализму, аргентинцы в то же время воплотили в себе такие черты, как открытость, веселый нрав, гостеприимство. Эта парадоксальность способствовала расцвету культуры. Ее выразили такие классические литературные произведения, как «Дон Сегундо Сомбра» Рикардо Гиральдеса и эпическая поэма о гаучо «Мартин Фьерро» Хосе Эрнандеса.

Начиная с 1870-х годов страна обрела некоторую стабильность. И с окончательным завоеванием южных пампасов, сопровождавшимся санкционированным властями истреблением местного индейского населения, новые обширные территории стали открыты для колонизации. Пампасы были пущены под пашни и выпас скота; повсюду возникали новые города и промышленные предприятия; активно прокладывались грунтовые и железные дороги, строились порты. На рубеже веков население страны утроилось за счет притока более миллиона эмигрантов из Италии, Испании, Германии, Великобритании, России и с Ближнего Востока, наводнивших богатую, обещающую процветание южную часть страны, — и этот поток не ослабевал.

Всего лишь сто лет назад Буэнос-Айрес был унылым поселением колонизаторов в широком устье Ла-Платы. Теперь же он напоминал раскаленный плавильный котел. Главной культурной приметой новой действительности стала страстная музыка танго, а вестником зарождающегося чувства национальной гордости был бархатистый голос темноглазого эстрадного певца Карлоса Карделя. Население города говорило на собственном креольском диалекте под названием «лунфардо» — своего рода аналоге лондонского кокни, богатом на каламбуры, рождающиеся из смеси слов языка индейцев кечуа, итальянского языка и диалекта гаучо.

Городской порт ни секунды не стоял без дела: одни корабли отправлялись в Европу, груженные аргентинским мясом, зерном, кожей; другие везли в Аргентину американские «студебекеры», граммофоны и последние новинки парижской моды. Жители Буэнос-Айреса гордились своей оперой, биржей, превосходным

университетом, рядами величественных общественных зданий и частных особняков в неоклассическом стиле, ландшафтными парками с раскидистыми деревьями и площадками для игры в поло, а также просторными бульварами, украшенными монументальными статуями и причудливыми фонтанами. Трамваи с шумом и звоном проносились по мостовым мимо элегантных «конфитерий» и «вискерий» с бронзовыми дверьми и золочеными надписями на витринах. Изнутри они были украшены зеркалами и отделаны мрамором, а надменные официанты в белом готовы были устремиться к столику по первому знаку клиента.

Однако, хотя культура столичных жителей была вполне сопоставима с европейской, большинство простого народа по-прежнему прозябало в косности, застряв в XIX веке. На севере провинциальные деспоты-каудильо жесткой рукой правили огромными территориями с плантациями хлопка и сахарного тростника. В рабочей среде по-прежнему были распространены такие болезни, как проказа, малярия и даже бубонная чума. В андских провинциях туземные племена индейцев койя, говорящие на языках кечуа и аймара, жили в условиях крайней нищеты. Женщины еще не получили права голоса, да и официальные разводы были разрешены значительно позже. Линчевание и кабальная зависимость оставались обычным делом для большей части мест, удаленных от крупных городов.

Политическая система Аргентины явно отставала от изменений, происходивших в обществе, в ней наблюдался застой. В течение десятилетий две партии — Радикальная и Консервативная — определяли судьбу страны. В период, который нас сейчас интересует, президентом был радикал Иполито Иригойен, человек пожилой и чудаковатый, который, окружив себя аурой тайны, редко выступал и появлялся на публике. Рабочие были практически бесправны, их забастовки нередко подавлялись с помощью оружия и полицейских дубинок. Преступников отправляли на кораблях к местам заключения — в холодные пустынные места Южной Патагонии. Но иммиграция и прогресс XX века принесли новые политические идеи. В обществе зазвучали голоса феминисток, социалистов, анархистов, а вскоре и фашистов. К 1927 г. политические и социальные перемены в Аргентине были уже неизбежны, но еще не начались.

IV

На деньги Селии Гевара Линч купил двести гектаров

джунглей вдоль побережья Параны. На крутом склоне с видом на кофейного цвета реку и густые заросли леса на парагвайском берегу они построили просторный деревянный дом на сваях с открытой верандой и туалетом во дворе. От комфортной жизни Буэнос-Айреса их отделяло очень большое расстояние, но Гевара Линч был в восторге. Острым взглядом предпринимателя смотрел он на джунгли, раскинувшиеся вокруг, и видел заманчивые перспективы.

Похоже, он верил, что сможет, подобно своим дедам, в новых и неизведанных землях «восстановить» пошатнувшееся благосостояние семьи. Но, даже если Эрнесто и не имел прямого намерения повторить опыт предков, ясно одно: для Гевары Линча жизнь в Мисьонес была сродни приключениям на Диком Западе. Для него это было не аргентинское захолустье, а потрясающее место, полное «свирепых животных, опасной работы, грабежей и убийств, лесных циклонов, бесконечных дождей и тропических болезней».

Он писал: «Тут, в загадочной провинции Мисьонес… всё притягивает к себе и пленяет сердце. Притягивает — ибо таит опасность, и пленяет сердце — ибо исполнено страсти. Тут нет ничего привычного, всё незнакомо: почва, климат, растительность, джунгли, полные диких зверей, даже местные жители… Стоило нам ступить на эту землю, и тут же стало понятно: чувство безопасности здесь дает только мачете или револьвер в руке…»

Их усадьба находилась в месте под названием Пуэрто-Карагуатаи, что на языке гуарани означает очень красивый алый цветок. Правда, тамошний «пуэрто» (порт) представлял собой не более чем маленькую деревянную пристань. У них ушло два дня на то, чтобы доплыть до Карагуатаи из старого торгового порта Посадас — на «Иберии», почтенном викторианском пароходике с гребным колесом, который до того верно служил британским колонистам на Ниле. Ближайший «аванпост» находился в Монтекарло — крохотном немецком поселении в пяти милях от них. В то же время у супругов Гевара обнаружился приятный сосед, живший всего в нескольких минутах ходьбы через лес, — Чарлз Бенсон, ушедший на покой английский инженер-железнодорожник и заядлый рыболов, он построил для себя чуть выше по реке белое приземистое бунгало с ватерклозетом, заказанным аж в Англии.

В течение нескольких месяцев молодожены приятно проводили время, занимаясь обустройством дома и исследованием окрестностей. Они рыбачили, плавали на лодке, катались на лошадях вместе с Бенсоном, а порой ездили в

Монтекарло в коляске, запряженной мулами. В восприятии восьмилетнего Гертрудиса Крафта, чьи родители владели маленькой гостиницей в Монтекарло, супруги Гевара были «богатыми и красивыми людьми», внушающими восхищение, а их простое жилище на берегу реки казалось мальчику особняком.

Идиллия медового месяца, однако, длилась недолго. Спустя некоторое время все-таки пришлось вернуться к цивилизации: рожать ребенка следовало в более подходящих и безопасных условиях. Супруги отправились вниз по реке и прибыли в Росарио — портовый город, где жило триста тысяч человек. Здесь и появился на свет их первенец — Эрнесто Гевара де ла Серна.

Его свидетельство о рождении, выданное местными властями 15 июня, было заверено двумя свидетелями — родственником Гевары Линча, жившим в Росарио, и бразильским таксистом, по-видимому приглашенным в последнюю минуту. Документ гласит, что ребенок родился в 3 часа ночи 14 июня в доме 480 по улице Энтре-риос.

Супруги Гевара решили остаться в Росарио, пока Селия полностью не оправится после рождения Эрнестито. Они снимали просторную квартиру с тремя спальнями и комнатой для прислуги, расположенную в новом фешенебельном доме недалеко от центра города по адресу, указанному в свидетельстве о рождении. Им пришлось продлить срок пребывания там, поскольку ребенок вскоре после рождения заболел бронхопневмонией. Мать Эрнесто, Ана Исабель Линч, и его незамужняя сестра Эрсилия приехали, чтобы помочь в уходе за младенцем.

Если родственники супругов что-то и подозревали, то хранили молчание. По утверждению младшего брата Че — Роберто, — мать говорила ему, что «Эрнесто родился в клинике в Росарио 14 июня 1928 г. Адрес, указанный в документе, обозначает дом, где он прожил первые месяцы своей жизни, но не тот, где появился на свет. Вероятно, подлинным местом рождения был дом какого-то их друга, а то и дом таксиста, подписавшего свидетельство…»

Как Селия позже поведала Хулии Констенле де Джуссани (той самой женщине, которая передала данные Че их знакомому астрологу для составления гороскопа), на самом деле сын ее родился на месяц раньше, 14 мая, причем накануне в ходе забастовки был смертельно ранен портовый рабочий по кличке Дьенте де оро (Золотой Зуб).

В архиве ежедневной городской газеты Росарио хранятся пожелтевшие старые номера, и они подтверждают эту историю. В мае 1928 г. забастовка портовых рабочих в Росарио

спровоцировала вспышки насилия. Почти каждый день происходили поножовщина и стрельба, в основном «благодаря» вооруженным штрейкбрехерам, нанятым подрядчиками докеров из конторы «Сосьедад патрональ». В четверг, 13 мая 1928 г., в 17:30, двадцативосьмилетний портовый грузчик по имени Рамон Ромеро, по прозвищу Золотой Зуб, был ранен в голову в стычке, разгоревшейся в пригороде Росарио — Пуэрто-Сан-Мартин. На следующий день, 14 мая, он скончался в больнице «Гранадерос-а-Кабальо» в Сан-Лоренсо, примерно в двадцати километрах к северу от Росарио.

V

Чета Гевара приехала в Буэнос-Айрес и, совершив бесчисленное количество визитов к родственникам, чтобы показать малыша, вернулась на ферму в Мисьонес.

Гевара Линч взялся за плантацию всерьез. Он нанял парагвайца-управляющего, «капатас», по имени Куртидо. Тот руководил расчисткой земли и первыми посадками мате. Но когда ему потребовались рабочие, Гевара столкнулся с системой трудового рабства, все еще широко распространенной в тех диких краях.

Лесорубы и плантаторы в Мисьонес обычно нанимали индейцев-гуарани, которые кочевали с места на место в поисках работы. Таких называли *менсу*. С ними заключали контракты и сразу давали аванс наличными. Затем менсу получали плату по низким ставкам за объем выполненной работы — причем не наличными, а талонами, по которым они могли купить лишь самое необходимое в магазинах при плантациях, где цены были непомерно высоки. Фактически это означало, что они никогда не смогут погасить свой первоначальный долг. Вооруженные охранники, капангас, бдительно следили, чтобы никто не сбежал, и нередко случалось, что кого-то жестоко убивали мачете или выстрелом из ружья. Те же менсу, которым удавалось бежать от капангас, попадали в руки полиции и неминуемо возвращались к своим хозяевам. Гевара Линч тоже нанимал менсу, но, шокированный этими историями, платил своим работникам наличными. Благодаря этому он стал весьма популярен, и много лет спустя его по-прежнему вспоминали в этих местах как «доброго человека».

Гевара Линч трудился на плантации, а сын его в это время учился ходить. Чтобы помочь ему в этом, отец посылал малыша на кухню: отдать повару баночку с мате. Эрнестито постоянно

спотыкался, но упорно продолжал путь. Еще одна каждодневная забота была связана с наводнявшими Карагуатаи вредоносными насекомыми. Каждый вечер, когда сын спал в колыбели, Гевара Линч и Куртидо тихонько заходили в детскую. Отец светил фонариком, а Куртидо с помощью горящего кончика сигареты изгонял клещей, которые успели за день впиться в плоть малыша.

В марте 1929 г. Селия вновь забеременела. Чтобы присматривать за Эрнестито, которому не исполнилось еще и года, она наняла молодую няню-галисийку. Кармен Арьяс вскоре стала для Гевара членом семьи; она прожила у них восемь лет, пока сама не вышла замуж, и на всю жизнь осталась дружна с ними. Освободившись от необходимости постоянно следить за ребенком, Селия стала каждый день плавать в Паране. Пловчихой она была хорошей, но однажды, когда она купалась, будучи на шестом месяце беременности, ее стало уносить течением реки. Селия, вероятно, утонула бы, если бы двое лесорубов ее мужа, работавших неподалеку, не заметили женщину и не вытянули на берег, бросив ей лиану.

Гевара Линч нередко с упреком припоминал Селии такие опасные эпизоды, случившиеся в первые годы их брака. Уже тогда наметилось несоответствие их очень разных натур. Она была замкнута, нелюдима и как будто ничего не боялась, он же постоянно нуждался в людях, был тревожно-мнителен, его живое воображение всегда преувеличивало опасности, таившиеся, как ему казалось, повсюду.

Но, хотя первые признаки их будущего семейного разлада были уже налицо, до разрыва было еще далеко. Супруги Гевара устраивали семейные походы: на лошадях по лесным тропинкам (Эрнестито сидел спереди на отцовском седле) или речные прогулки на «Киде», деревянной лодке с каютой на четыре койки, которую Эрнесто построил в «Астильеро Сан-Исидро». Однажды они плавали к знаменитым водопадам Игуасу на аргентинско-бразильской границе и смотрели, как над ревущей коричневой водой, каскадами падающей с покрытых девственными джунглями утесов, поднимается пар. В конце 1929 г. семейство вновь собралось в речное путешествие — в Буэнос-Айрес. Земля для посадок была уже расчищена, и ее начали засевать, но Селия вот-вот должна была родить второго ребенка, а Геваре срочно требовалось приехать в «Астильеро Сан-Исидро». Там за время его отсутствия дела пошли неважно и один из инвесторов вышел из игры. Поездка предполагалась недолгая — всего на несколько месяцев, — но они так и не вернулись в Пуэрто-Карагуатаи всей семьей. Время, которое Эрнесто Гевара Линч вспоминал как «трудные, но очень счастливые годы», закончилось.

VI

В Буэнос-Айресе Гевара Линч снял для своей семьи бунгало, находившееся во владениях его сестры Марии Луизы и ее мужа. Новое обиталище было расположено удобно: в Сан-Исидро, вблизи претерпевающей трудные времена яхтостроительной компании.

Вскоре, в декабре, Селия родила второго ребенка, девочку, которую они назвали Селией. Некоторое время, пока Гевара Линч улаживал дела на верфи, главными событиями в семейной жизни были посещения яхт-клуба «Сан-Исидро», находившегося недалеко от места, где реки Парана и Уругвай, сливаясь, образуют залив-эстуарий Ла-Плата.

Гевара Линч обнаружил, что его компания находится на грани банкротства, виной чему, предположительно, была нехватка делового чутья у его троюродного брата и партнера Германа Фрерса. Для Фрерса, не стесненного в деньгах чемпиона парусной регаты, это было просто хобби. Он хотел создавать шедевры яхтостроения и тратил огромные деньги на дорогие импортные материалы и высококлассных мастеров. Эти расходы были, как правило, выше заранее оговоренной стоимости произведенных лодок. Вложения Гевары Линча вот-вот могли испариться. Мало того, вскоре после его приезда на верфи разгорелся пожар. Лодки, дерево, краска — все погибло в пламени.

Если бы верфь была застрахована, пожар мог бы оказаться ее владельцам даже на руку. Но Фрерс забыл сделать страховой взнос, и Гевара Линч в одну ночь потерял свое наследство. Все что осталось — это «Кид». Чтобы частично компенсировать Геваре убытки, Фрерс отдал ему «Алу», двенадцатиметровую моторную яхту.

Так что не все было потеряно. За «Алу» можно было кое-что выручить, и у них еще по-прежнему имелась плантация в Мисьонес, управление которой Гевара на время своего отсутствия передал в руки друга семьи. Вскоре, как супруги надеялись, урожаи мате принесут прибыль. А пока что можно было жить на доходы от имения Селии в Кордове. К тому же у них было много родни и друзей. Голод семейству Гевара не угрожал.

В начале тридцатых годов Гевара Линч определенно не был обеспокоен своим будущим. Несколько месяцев он весело проводил время: уик-энды с друзьями на борту «Алы», пикники на островках в дельте. Жарким аргентинским летом (с ноября по март) семья проводила целые дни на пляжах яхт-клуба «Сан-Исидро» или гостила у богатых родственников в их загородных

«эстансиях».

Однажды, в мае 1930 г. Селия с маленьким сыном пошли в яхт-клуб купаться, но погода стояла уже почти зимняя: холодная и ветреная. В тот вечер у мальчика случился приступ кашля. Врач диагностировал астматический бронхит и прописал обычные в таких случаях средства. Но приступ не утих, а, напротив, продлился несколько дней. Вскоре стало ясно, что у юного Эрнесто хроническая астма, что болезнь эта будет сопровождать его до конца дней и что она коренным образом изменит течение жизни всей семьи.

Вскоре приступы возобновились и стали еще тяжелее. Хрипы страдающего от удушья сына приводили родителей в отчаяние. Они повсюду искали врачей и безуспешно пытались лечить Эрнесто всеми известными лекарствами. Атмосфера в доме стала тягостной. Гевара Линч корил Селию за неблагоразумие, проявленное ею в тот день на пляже, и говорил, что в болезни сына виновата она.

Однако Гевара Линч сильно заблуждался. Селия сама была подвержена аллергии и страдала от астмы. По всей вероятности, она передала Эрнесто эту предрасположенность. Позже у некоторых его братьев и сестер тоже обнаружилась астма, хотя ни один из них не страдал от болезни так жестоко, как он. Холодный воздух и вода, вероятно, лишь послужили толчком для проявления ждавшей своего часа болезни.

Какова бы ни была причина, астма Эрнесто сделала невозможным возвращение во влажный климат Пуэрто-Карагуатаи. Даже в Сан-Исидро, расположенном у Ла-Платы, было слишком влажно для астматика. И в 1931 г. семья Гевара вновь переехала, на этот раз непосредственно в Буэнос-Айрес. Они сняли квартиру на шестом этаже здания, расположенного недалеко от парка Палермо. Теперь они обитали совсем близко от Аны Исабель, матери Гевары Линча, и его сестры Беатрис, старой девы, жившей с ней. Обе женщины были страстно привязаны к болезненному Эрнестито.

Третьего ребенка Селия родила в мае 1932 г., и это тоже был мальчик. Назвали его Роберто, в честь деда-калифорнийца по отцовской линии. Маленькой Селии исполнилось уже полтора года, она начала ходить, а четырехлетний Эрнесто учился ездить на велосипеде в парке Палермо.

Однако переезд в Буэнос-Айрес не помог ему излечиться от астмы. Для Гевары Линча болезнь сына оказалась просто проклятием: «Наши решения стали зависеть от состояния здоровья Эрнесто. Каждый день налагал все новые ограничения на свободу наших передвижений, и с каждым днем мы все больше

оказывались в зависимости от прихотей этой окаянной болезни».

По совету врачей, рекомендовавших для укрепления здоровья Эрнесто сухой климат, родители стали возить сына в центральную, гористую, часть провинции Кордова. В течение нескольких месяцев они ездили туда-сюда между Кордовой и Буэнос-Айресом, ненадолго останавливаясь в отелях и арендованных на краткий срок домах. Приступы у Эрнесто то утихали, то возобновлялись с новой силой, причины чему были неясны. Гевара не мог ни заниматься дальше своим бизнесом, ни начать какое-то новое дело и все больше погружался в тоску. Он чувствовал, «будто потерял опору под ногами, оказался в пустоте, стал ни на что не способным».

Затем врач порекомендовал им пожить в Кордове хотя бы четыре месяца — это обеспечило бы выздоровление Эрнесто. Друг семьи предложил им остановиться в Альта-Грасии, маленьком курортном городке в предгорьях Сьеррас-Чикас, небольшой горной цепи недалеко от Кордовы. Там был прекрасный, сухой климат, и место это пользовалось большой популярностью у страдающих туберкулезом и другими респираторными заболеваниями. Супруги Гевара последовали этому совету. Они ехали в Альта-Грасию ненадолго и даже не подозревали, что останутся там на одиннадцать лет.

Глава 2
В сухом климате Альта-Грасии

I

В начале тридцатых годов Альта-Грасия была симпатичным курортным городком с населением в несколько тысяч человек, окруженным фермами и не испорченными цивилизацией сельскими районами. Воздух там был как в горах: свежий, чистый, бодрящий.

В Альта-Грасии Эрнесто стало лучше, но приступы астмы по-прежнему случались. Сначала семья остановилась в «Де-ла-Грута» — санатории, который принадлежал выходцу из Германии и находился на холме на выезде из города. Большинство его постояльцев страдали легочными заболеваниями, название же свое санаторий получил от находящихся рядом часовни и грота, где особо почиталась Богоматерь Лурдская и куда стекались паломники в надежде на чудо.

В этом пасторальном окружении жизнь Селии с детьми была похожа на затянувшиеся каникулы. Они ходили купаться, ездили на мулах, начали общаться с местным населением. Но Гевара Линч не участвовал в этом праздном времяпрепровождении. Их семейный капитал начал таять, и его разочарование в своих силах как предпринимателя теперь граничило с отчаянием. Он чувствовал себя одиноким, вид окружающих гор стал давить на него, его настигла бессонница. Проводя долгие ночи без сна, бедняга все больше впадал в депрессию.

Забота супругов Гевара о здоровье Эрнесто, приведшая их в Альта-Грасию, продолжила определять пути их семьи и дальше, являясь важнейшим фактором их жизни. Очень скоро они решили остаться в Альта-Грасии на неопределенный срок, так как за несколько месяцев, проведенных в «Де-ла-Грута», почувствовали заметное улучшение состояния Эрнесто. Сухой гористый воздух действительно «утихомирил» его астму. Здесь приступы случались лишь время от времени, ничуть не напоминая то страшное хроническое заболевание, которое мучило ребенка в Буэнос-Айресе. Несмотря на астму, он был теперь живым и своенравным пятилетним мальчуганом, своим человеком в «барра» — стайках местной ребятни, которая то играла в войнушку или в полицейских и грабителей, а то носилась на велосипедах по холмистым улочкам Альта-Грасии.

Гевара Линч подыскал свободную виллу на улице Авельянеда по соседству с виллой «Карлос Пеллегрини», всего в пяти минутах ходьбы от роскошного «Сьеррас-отеля», претендующего на сходство со знаменитым отелем «Радж» в Калькутте и являющегося своеобразной гордостью Альта-Грасии. Вилла «Чичита» представляла собой трехэтажный коттедж в готическом стиле, который Гевара Линч находил похожим на маяк. Хотя сама вилла была окружена засаженными полями, из ее окон можно было видеть с одной стороны горные цепи, с другой — открытые желтые равнины, растянувшиеся в сторону Кордовы.

В январе 1934 г. Селия родила четвертого ребенка. Дочь назвали Аной Марией в честь бабушки по отцу. Маленький Эрнесто, нередко враждовавший с Селией и Роберто, окружил заботой самую младшую сестру. Едва лишь Ана Мария научилась ходить, он стал водить ее на прогулки, развлекая разными историями. Когда мальчик уставал бороться с одышкой, то опирался на плечо сестренки.

На семейных фотографиях Эрнесто Гевара предстает круглолицым коренастым пареньком с бледной кожей и непослушными темными волосами. На нем всегда одни и те же короткие штаны, гетры и сандалии, а на голове — самые различные шляпы, защищающие его от горного солнца; вид у Эрнесто несколько замкнутый и напряженный; ясно, что фотографу нелегко ухватить его настроение. На снимках, сделанных двумя годами позже, мальчик более худой, а лицо его немного землистое и вытянутое — очевидно, следствие затяжных приступов астмы.

Когда Эрнесто исполнилось семь лет, семья Гевара переехала из виллы «Чичита» в новое, более удобное место прямо напротив. Вилла «Нидия» представляла собой двухэтажный коттедж, стоявший под навесом высокой сосны, в ней имелись три спальни, кабинет и комнаты для прислуги, в общей сложности она занимала один гектар земли. Арендная плата, хотя и не столь «незначительная», как за виллу «Чичита», все равно была довольно небольшой — всего лишь семьдесят песо в месяц (примерно двадцать долларов).

Много лет прожив в Альта-Грасии, они потом переезжали еще несколько раз, с одной виллы на другую. Однако на вилле «Нидия» они прожили дольше всего и именно это место в наибольшей степени воспринимали как дом. Хотя арендная плата за жилье была очень низкой, Гевара Линч, в основном сидевший без дела, постоянно испытывал трудности, когда подходило время платить.

Он был в тупике. Вернуться в Буэнос-Айрес было нельзя из-за

здоровья Эрнесто, но и тут работы не находилось. Главные надежды отец возлагал на плантации в Мисьонес, но цены на рынке мате стремительно падали, а доходы Селии от имения в Южной Кордове заметно сократились вследствие продолжительной засухи. В Альта-Грасии, по крайней мере, жизнь была сравнительно дешевой, а дети были здоровы.

В течение следующих лет семья Гевара продолжала жить на доходы от своих земельных владений, однако доходы эти зависели от климатических условий и колебаний цен на рынке и потому были нестабильными и, в общем, незначительными. Если верить словам родственников и друзей Селии, именно на ее деньги, предположительно оставшиеся от продажи принадлежавших ей облигаций, семья и существовала в тридцатые годы. «Времена были тяжелые, — признает Гевара Линч. — …В денежном отношении было много трудностей. Дети росли, Эрнесто по-прежнему страдал от астмы. Мы много средств тратили на докторов и лекарства, приходилось платить и за помощь по дому, поскольку Селии было не управиться в одиночку с четырьмя детьми. А ведь были еще школа, плата за жилье, траты на одежду, еду, поездки. Деньги все время на что-то уходили, прибыли же было очень мало».

Однако, если уж говорить начистоту, ни он, ни Селия не отличались бережливостью, они стремились поддерживать образ жизни, на который у них уже не хватало средств. Супруги давали званые обеды, пользовались рессорной двуколкой и автомобилем, устраивали себе летние каникулы, держали дома штат прислуги из трех человек. Каждое лето, в зависимости от того сколько денег у них было, они ездили или на Мар-дель-Плата, шикарный курорт на атлантическом побережье, популярный у аргентинских богачей, или в имение бабушки, Аны Исабели, в Санта-Ана-де-Иринео-Портела.

Родители Эрнесто Че Гевары были своими людьми среди постояльцев «Сьеррас-отеля». Пусть у них не было денег, но они принадлежали к правильному сословию, имели правильные манеры и подходящие фамилии. Все, кто их знал, соглашались с тем, что супруги Гевара обладают «стилем». Видимо, им было свойственно то чувство внутренней уверенности, которое присуще людям, рожденным в богатой среде, — уверенности в том, что все в конечном счете будет хорошо. Так обычно и происходило. Когда же все складывалось иначе, их выручали друзья и родственники.

Весьма показательную историю припоминает Карлос Калика Феррер. Беззаботный сын преуспевающего в Альта-Грасии врача, специалиста по легочным заболеваниям, он тесно подружился с

Эрнесто и даже ездил на летние каникулы вместе с семьей Гевара. Во время одной из поездок все сели в поезд, отправляющийся в Буэнос-Айрес, и тут отец Эрнесто понял, что у него нет при себе денег. Тогда он попросил Калику одолжить ему карманные деньги, которые родители дали сыну в дорогу.

Этот случай произошел за некоторое время до того, как Гевара Линч смог извлечь некоторую выгоду из своих связей в Альта-Грасии и найти высокооплачиваемую работу. В 1941 г., воспользовавшись дипломом архитектора, имевшимся у его брата Федерико, и собственным удостоверением «организатора работ и подрядчика», он получил контракт на расширение и улучшение площадок для гольфа «Сьеррас голф корс». Эта работа стала неплохим источником дохода, но ни о каких иных заработках Гевары Линча во время долгого пребывания его семьи в Альта-Грасии нам неизвестно.

II

По причине астмы Эрнесто до девяти лет не мог регулярно посещать школу, и Селия терпеливо занималась с ним дома, учила читать и писать. Без сомнения, именно в этот период те особые отношения, которые существовали между ними, укрепились еще более.

Эмоциональная связь между матерью и сыном с годами становилась все крепче, как видно по огромному множеству писем, которыми они обменивались вплоть до смерти Селии в 1965 г. и в которых не скрываясь изливали друг другу душу. Уже в пятилетнем возрасте у Эрнесто стали проявляться черты характера, которыми он сильно напоминал свою мать. Так, оба они любили опасность, были по природе бунтарями, отличались решимостью и упрямством, а также выборочной интуитивной привязанностью к людям. Еще будучи ребенком, Эрнесто выбрал из двух родителей «любимого». Среди других родственников любимыми были его незамужняя тетя Беатрис и бабушка по матери Ана Исабель.

Бездетная Беатрис очень любила Эрнесто и баловала племянника подарками. Одно из первых его писем, в котором мальчик рассказывает тете Беатрис об улучшении своего здоровья, датируется 1933 г. Под текстом письма, написанным рукой одного из родителей, красуется тщательно накарябанная детским почерком подпись «Тэтэ». Это было ласкательное имя, придуманное Беатрис для Эрнесто и принятое всей семьей.

Астма Эрнесто по-прежнему очень беспокоила его родителей.

Отчаянно желая выяснить причины заболевания, они принялись тщательно следить за всеми сторонами его жизни, включая влажность воздуха, одежду, которую он носит, и пищу, которую ест. В дневнике его отца об одном из «хороших дней» в жизни десятилетнего Эрнесто сказано следующее: «Среда, 15-е: немного облачное утро, сухо, он проснулся легко, чувствует себя хорошо. Спал с открытым окном. Не идет в бассейн. Ест с хорошим аппетитом, то же, что и в предыдущие дни. Чувствует себя прекрасно до полудня».

Родители перепробовали все варианты постельного белья, включая подушки и матрасы с различными наполнителями, убрали ковры и шторы из спальни, регулярно протирали стены от пыли, не допускали в дом и сад никакой живности. Все впустую. В какой-то момент отец решил даже прибегнуть к «народным средствам». Кто-то сказал ему, что, если рядом с мальчиком будет спать кот, это обезопасит его от приступов. Гевара Линч принес кота и положил его в постель к Эрнесто, но с утра приступ астмы был ничуть не меньше обычного, а кот оказался мертв: по-видимому, он задохнулся придавленный спящим ребенком.

В конце концов родители поняли, что против болезни Эрнесто нет никакой четкой схемы лечения. Максимум, что они могли делать, — это пытаться сдерживать ее. Например, увидев, что астма несколько ослабевает после того, как мальчик поплавает, они стали ходить в плавательный бассейн в отеле «Сьеррас». Они также ввели ряд ограничений: Эрнесто запрещалось есть некоторые продукты, вызывавшие у него приступы, в частности рыбу, а при обострении болезни мальчику приходилось садиться на строгую диету. Эти вынужденные меры выработали в Эрнесто некоторые привычки, оставшиеся с ним до конца жизни. Еще ребенком он демонстрировал необычайную способность к самоограничению в связи с астмой и необходимостью соблюдать диету, но стоило приступам сойти на нет, как он с жадностью набрасывался на еду и мог за один раз поглотить огромное количество пищи.

Часто мальчику было тяжело даже гулять, и в течение нескольких дней он бывал прикован к постели. Долгие часы вынужденного одиночества Эрнесто проводил за чтением книг или игрой в шахматы с отцом. Любовь к обоим этим занятиям осталась с ним на всю жизнь, и позже Че Гевара признавал, что страсть к чтению зародилась в нем именно благодаря сидению дома из-за болезни в детском возрасте.

Однако в те благословенные дни, когда астма оставляла его в покое, Эрнесто стремился во что бы то ни стало доказать свою физическую состоятельность. Именно в этой сфере он впервые

ощутил потребность к соперничеству. Мальчик погрузился в занятия спортом: увлекался футболом, настольным теннисом, гольфом. Он учился ездить верхом, стрелял в местном тире, плавал в бассейне отеля «Сьеррас» и в запрудах местных рек, бродил по горам и принимал участие в игровых сражениях между враждующими группировками барра.

Отец неодобрительно относился к этим занятиям, но мать была убеждена, что сыну надо позволить вести нормальный — насколько это возможно — образ жизни. Правда, порой последствия оказывались самыми удручающими, и не раз друзья Эрнесто приводили его в дом обессиленным и тяжело дышащим. Подобные эпизоды, однако, не могли заставить мальчика отказаться от активной жизни и в конце концов стали обычным явлением, и Гевара Линч ничего не мог с этим поделать.

Геваре Линчу никак не удавалось обуздать своего старшего сына, а Селия даже не предпринимала таких попыток. В результате Эрнесто становился все более диким и непослушным. Во избежание наказания за какой-нибудь проступок он запросто мог убежать из дома и спрятаться где-нибудь в зарослях кустарника, а возвращался мальчик только тогда, когда родительский страх за сына пересиливал гнев. Но, как считает Карлос Фигероа, друг и сосед Эрнесто, это «прятанье в кустах» было не чем иным, как попыткой убежать от ссор между родителями, которые, по его воспоминаниям, были «ужасными».

Неизвестно, провоцировало ли эмоциональное расстройство, вызванное этими ссорами, новые приступы астмы у Эрнесто, но и родственники, и друзья сходятся в том, что в Альта-Грасии между Селией и Гевара Линчем стали регулярно случаться скандалы. Оба обладали горячим темпераментом, и историям об их семейных ссорах несть числа.

Без сомнения, одной из причин конфликтов служило незавидное финансовое положение семьи. Впрочем, как утверждают ближайшие друзья Селии, трещина в их отношениях в действительности была вызвана романами Гевары Линча с другими женщинами, что не могло остаться незамеченным в таком маленьком месте, как Альта-Грасия. Но супруги продолжали жить вместе — то ли из-за того, что в Аргентине по-прежнему были запрещены разводы, то ли ради блага детей.

Настал день, когда вольной жизни Эрнесто в духе Гекльберри Финна пришел конец: к его родителям пожаловали представители властей Альта-Грасии, ответственные за образование, и потребовали отправить сына в школу. Эрнесто было уже почти девять лет, и Селии ничего не оставалось, как выполнить это требование. Благодаря ей сын уже умел читать и

писать, поэтому ему было позволено пропустить подготовительный и первый классы школы. В марте 1937 г. Эрнесто поступил во второй класс школы имени Сан-Мартина, где оказался почти на год старше всех своих одноклассников.

Полученные им в 1938 г. оценки за третий класс можно охарактеризовать как средние: в аттестате стоят высокие баллы по истории, отмечается «устойчивый прогресс» в естественных науках, чтении, правописании, географии, геометрии, этике и основах гражданства и права, в то время как к рисованию, физкультуре, музыке и танцам Эрнесто явно не проявил большого интереса. Годовая отметка за поведение «хорошо», хотя в третьей четверти стояло «неудовлетворительно». Этот сбой совпал с резким снижением посещаемости. Если в первой и второй четверти мальчик пропустил только четыре дня, то в третьей число пропущенных дней возросло до двадцати одного, что, возможно, было вызвано продолжительным приступом астмы.

Эльба Росси де Овьедо Селая, директор школы и одна из учителей Эрнесто в третьем классе, вспоминает о нем как об «озорном, веселом мальчике, незаметном на уроках, но верховодящем на игровой площадке». Припоминая обучение в начальной школе, Эрнесто Че Гевара позже рассказывал своей второй жене, Алейде, что Эльба Росси была строгим блюстителем дисциплины и регулярно шлепала его в наказание за шалости. Однажды, когда ему опять предстояла эта процедура, мальчик умудрился сыграть с учительницей шутку, положив себе в штаны кирпич. Она ударила его, но только ушиблась сама.

В начальной школе Эрнесто проявлял себя как неисправимый «пижон». В нем развился дух соперничества, заставлявший его выделывать такие рискованные фокусы, что взрослые пугались, а сверстники испытывали благоговейное восхищение. Одноклассники, всегда с охотой ожидавшие его выходок, вспоминают немало историй: то он выпивал чернила из бутылки, то съедал мел во время урока, то залезал на деревья во дворе школы, то повисал на каркасе подвесной железной дороги над расселиной, то исследовал полную опасностей заброшенную шахту, то играл в тореадора с весьма агрессивным бараном.

Однажды Эрнесто и его барра прошлись по улицам Альта-Грасии и разбили из рогаток несколько фонарей. В другой раз он и его друг Хуан Мигес поквитались с мальчишкой из враждебной группировки, нагадив на рояль его родителей (больше всего пострадали клавиши из слоновой кости). Еще одной знаменитой выходкой стал обстрел зажженными шутихами открытых окон соседского дома, как раз когда там шел званый обед, — гости, разумеется, страшно перепугались.

Проделки Эрнесто окружили семью Гевара ореолом своеобразной славы, но и родители вносили свою лепту. У них вечно царил веселый беспорядок, за что местная публика навесила на них ярлык — «богема». Атмосфера в их доме была вполне демократичная: если кто-то из соседской детворы приходил во время ужина или чаепития, его непременно усаживали со всеми за стол, а за обедом «лишние рты» присутствовали всегда. Дети Гевара заводили дружбу со сверстниками, не глядя кто из какой семьи, и часто играли вместе с сыновьями обслуги из гольф-клуба и отпрысками других обитателей бедных районов Альта-Грасии.

Главным оплотом вольнодумства была «мадре» Селия. По словам бывшей директрисы Эльбы Росси, именно Селия первой в тамошнем строгом обществе совершила поступки, прежде для женщины немыслимые: села за руль автомобиля и надела брюки вместо юбки. Другие вспоминают о том, что мать Эрнесто курила сигареты, бросая открытый вызов тогдашним нормам поведения.

Все это прощалось Селии потому, что она занимала высокое положение в обществе и отличалась щедростью. Сеньора Гевара регулярно возила своих детей и их друзей в школу и обратно на машине, которую они шутливо называли «Катрамина» («Колымага»). Это был здоровенный «максвелл» 1925 г. выпуска, с открывающимся верхом и откидным сиденьем сзади. На ее деньги в школе была введена так называемая кружка молока, чтобы дети из бедных семей имели возможность перекусить в течение учебного дня. Впоследствии школьное начальство сохранило эту традицию.

В отличие от большинства соседей, родителям Эрнесто были свойственны антиклерикальные настроения. Мать Гевары Линча была атеисткой и дала ему сугубо светское воспитание. Селия, взращенная в религиозном духе, была более терпимой и в течение всей жизни сохраняла интерес к духовным вопросам. Когда они только приехали в Альта-Грасию, Селия какое-то время посещала воскресные мессы и брала с собой детей, но, по мнению супруга, делала это исключительно «показухи ради», а не по причине глубокой веры.

Однако вольные взгляды супругов Гевара не всегда соответствовали их поступкам. Такое противоречие между словом и делом было присуще многим отшедшим от веры католикам, которые не решались полностью отбросить традиционные ритуалы, так как те обеспечивали приятие их обществом, крайне консервативным в те времена. Хотя супруги Гевара не посещали храм, они крестили детей по канонам католической церкви. Крестным отцом Эрнесто стал богач Педро Леон Эчагуэ,

благодаря которому Селия и ее муж познакомились и который убедил Гевару Линча попытать счастья в Мисьонес.

Ко времени, когда Эрнесто пошел в школу, Селия уже перестала посещать мессы, и родители попросили школьное руководство освободить их детей от изучения предметов религиозного характера. Роберто вспоминает о том, как после уроков мальчишки частенько играли в футбол, поделившись на тех, кто верит в Бога, и тех, кто нет. Те, кто «нет», были обречены на проигрыш в силу своей малочисленности.

Хотя Эрнесто не был прилежным учеником, его одноклассники из Альта-Грасии как один отмечают, что он схватывал знания на лету. Однако оценки его не интересовали и потому по большей части оставляли желать лучшего. Это обстоятельство приводило в недоумение отца. В течение всех школьных лет тема отметок Эрнесто звучала постоянным рефреном. Отец, похоже, никогда не понимал, что движет его сыном, так же как не вполне понимал и свою жену. По его мнению, Селия отличалась «тягой к опасности» и «безрассудством с самого детства», и именно от нее сын унаследовал эти черты. Гевара Линч (который и сам признавал, что является человеком «чрезмерно осмотрительным») вечно нервничал и боялся таящихся повсюду угроз и неприятностей. Кое в чем он даже в большей степени выполнял материнские функции, чем Селия, которая порой выступала для детей в роли доверенного лица и заговорщика. При этом Гевара Линч обладал «ирландским» темпераментом, и их друзья из Альта-Грасии помнят много случаев, когда он вспыхивал от гнева, особенно если считал, что кому-то из членов его семьи нанесено оскорбление. Эту вспыльчивость (возможно, преувеличенную молвой) Гевара Линч передал и своему старшему сыну. Как писал Гевара Линч, у Эрнестито в детстве случались «вспышки неконтролируемой ярости», если он чувствовал, что его упрекают или наказывают несправедливо, отсюда — нередкие драки с другими ребятами из барра. Эта черта характера осталась присуща ему и в дальнейшем, но к моменту поступления в гимназию Эрнесто все же научился контролировать свой темперамент, обычно заменяя физическое действие острыми, режущими, как бритва, словами. Однако в редких случаях он мог прибегнуть и к силе.

Хотя Гевара Линч был отнюдь не глупым человеком, он не всегда понимал свою жену и Эрнесто, так как те обладали более острым и живым умом. Отец обожал приключенческие романы и передал эту страсть Эрнесто, однако преподавательской жилки у Линча не было. Селия, со своей стороны, увлекалась художественной прозой, философией и поэзией и постепенно

привила сыну интерес к ним.

Если этим увлечениям предстояло раскрыться и созреть в последующие годы, то черты характера, составившие затем легендарный образ взрослого Эрнесто Гевары, были присущи ему уже в детстве. Бесстрашие, умение повести за собой, упрямство, дух соревнования и самодисциплина — все это ярко проявлялось в поведении «Геваріты» из Альта-Грасии.

III

В 1932–1935 гг. между Парагваем и Боливией разгорелся затяжной кровавый конфликт за контроль над полупустынным краем Чако, лежащим на границе двух государств.

Эрнесто Гевара Линч внимательно следил за этой войной по газетам, и, поскольку в Мисьонес он общался с парагвайцами, его симпатии были на их стороне. В какой-то момент он даже заявил, что готов взять в руки оружие и помочь Парагваю защитить свою территорию. Захваченный отцовским энтузиазмом, старший сын вскоре также стал следить за ходом войны. Через некоторое время Гевара Линч заметил, что конфликт дал местным подросткам новую тему для игр: теперь они устраивали свои потешные бои, поделившись на парагвайцев и боливийцев.

Впоследствии Гевара Линч склонен был считать, что именно возникший тогда у старшего сына интерес к этой войне во многом предопределил его склонность к занятиям политикой. Это кажется маловероятным, поскольку Эрнесто исполнилось всего семь лет, когда конфликт был исчерпан. Впрочем, во взрослом возрасте Че вспоминал об отцовских переживаниях по поводу той войны и с интонациями одновременно нежными и насмешливыми рассказывал своим аргентинским друзьям о высокопарных «угрозах» отца вступить в ряды сражающихся. В глазах сына этот пример как нельзя лучше отражал трогательно-комические черты, которые были столь присущи отцу — человеку, исполненному добрых намерений и прекрасных замыслов, но никогда не воплощавшему их во что-то конкретное.

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. была, вероятно, первым политическим событием, действительно наложившим серьезный отпечаток на мировоззрение Эрнесто Гевары — причем с необратимыми последствиями. Начиная с 1938 г., когда фашистские войска Франко стали склонять чашу весов в свою пользу, в Альта-Грасию начали прибывать беженцы из республиканского лагеря.

Среди них были четверо детей Хуана Гонсалеса Агилары,

приехавшие в Аргентину с матерью. Их отец, руководитель медицинской службы на флоте, поначалу оставался на своем посту, но после падения Барселоны в январе 1939 г. присоединился к своей семье. Их дети были примерно одного возраста с детьми Гевара, они ходили в одну школу и вместе пропускали религиозные предметы, поэтому неудивительно, что оба семейства вскоре тесно сблизились.

Кроме того, в доме Гевара какое-то время жила старшая сестра Селии Кармен с двумя детьми, пока их отец, поэт-коммунист и журналист Каэтано Поличо Кордова Итурбуру, находился в Испании в качестве военного корреспондента столичной газеты «Критика». Когда от Поличо приходили письма, Кармен вслух зачитывала всем послания мужа.

Вскоре семья Гевара также оказалась в лагере тех, кто глубоко сопереживал бьющейся за свободу Республике. В начале тридцатых в Аргентине немного было политиков, вызывавших симпатию у либералов Гевара. Власть в стране передавалась от одного консервативного военного режима другому, и время от времени эти режимы входили в коалицию с либеральной партией «Радикальный гражданский союз», которая, впрочем, ушла в малоконструктивную оппозицию после переворота в 1930 г. Война за Республику в Испании, однако, символизировала сопротивление нарастающей угрозе мирового фашизма и потому с легкостью вызывала горячий эмоциональный отклик.

Гевара Линч участвовал в организации в Альта-Грасии собственного скромного «Комитета помощи Республике», который был частью общенационального движения в поддержку республиканской Испании. Он дружил со многими беженцами из Испании. Одним из них, особенно его восхищавшим, был генерал Хурадо, герой войны, разбивший войска Франко и его итальянских союзников в битве при Гвадалахаре, а ныне вынужденный работать страховым агентом, чтобы прокормить себя. Гевара Линч приглашал Хурадо к себе на обеды и вместе с семьей завороженно внимал его воспоминаниям о войне.

Будучи окружен людьми, столь страстно желавшими победы Испанской республике, десятилетний Эрнесто пропитался глубоким интересом к событиям этой войны. По воспоминаниям членов его семьи, он стал называть их домашнюю собаку Негрино — и за то, что она была черного цвета, и в честь премьер-министра Республики Хуана Негрина. Он также обозначал на карте продвижение войск республиканцев и франкистов с помощью маленьких флажков.

Разгром Испанской республики практически совпал с началом широкомасштабной войны в Европе. Вслед за аннексией

Австрии и захватом Чехословакии по Мюнхенскому пакту Адольф Гитлер овладел в сентябре 1939 г. Польшей. Великобритания и Франция объединились против стран нацистского блока. Так началась Вторая мировая война. В Альта-Грасии, как и повсюду, люди стали выбирать, кому отдать свое предпочтение.

Гевара Линч бросил все силы на помощь «Аргентинскому делу», обществу солидарности с силами союзников, и организовал его местную ячейку в Альта-Грасии. У семьи Лосада он снял небольшое помещение на территории миссии иезуитов, откуда открывался вид на окаймленное ивами озеро Тахамар. Одиннадцатилетний Эрнесто вступил в «молодежное крыло» «Аргентинского дела» и получил членский билет, который, по словам отца, «с гордостью всем показывал».

Гевара Линч ездил по всей провинции, выступал на публичных собраниях и проверял слухи о возможном «проникновении нацистов». В его организации очень боялись вторжения в Аргентину нацистов, поэтому тщательно отслеживали любые подозрительные действия крупной немецкой диаспоры, проживавшей в Кордове. Что касается Эрнесто, то, как пишет отец, он посвящал «Аргентинскому делу» «все свободное от игр и занятий время».

В Кордове особую тревогу членов «Аргентинского дела» вызывало немецкое поселение в долине Каламучита около Альта-Грасии. В конце 1939 г. германский линейный корабль «Адмирал граф Шпее», потопив несколько британских военных кораблей в Атлантическом океане и получив серьезные повреждения сам, оказался загнан в залив Ла-Плата. По приказу капитана судно было затоплено неподалеку от Монтевидео. Аргентинские же власти постановили «интернировать» весь личный состав в Кордову.

Питая большие подозрения в отношении интернированных немецких моряков, люди Гевары Линча установили за ними слежку и, как следует из некоторых воспоминаний, увидели, как те выполняют военные упражнения с деревяшками вместо ружей. Они подозревали также, что принадлежащая немцам гостиница в другом городке служит прикрытием для нацистской шпионской сети и снабжена подпольным радиопередатчиком, соединяющим местных фашистов напрямую с Берлином. Однако все было так окружено секретностью, что никаких доказательств активистам получить не удалось.

Читая воспоминания Гевары Линча об этих мероприятиях, невольно вспоминаешь рассказ американского писателя Джеймса Тербера «Тайная жизнь Уолтера Митта». Его герой отчаянно мечтал о жизни, полной приключений и свершений, но ему было

суждено остаться вдали от крупнейших событий своего времени. Точно так же и сам Гевара Линч повсюду трубил о своем желании биться за Парагвай, но не сделал этого. Гражданская война в Испании и Вторая мировая также давали ему шанс проявить себя (а впоследствии были и другие возможности), но он всегда оставался в стороне от событий. И в конце концов запомнился он не своими собственными делами, а тем, что был отцом Эрнесто Че Гевары.

Предполагая, что нацисты развернули в Кордове кипучую подпольную деятельность, Гевара Линч и его товарищи отправили подробный отчет о своих расследованиях руководству «Аргентинского дела» в Буэнос-Айресе, ожидая скорых мер со стороны просоюзнической администрации президента Роберто Ортиса. Но в 1940 г. Ортис по причине серьезной болезни фактически отошел от дел, а власть оказалась в руках вице-президента Рамона Кастильо, человека коварного и нечистоплотного. Правительство Кастильо симпатизировало странам нацистского блока, и поэтому, по словам Гевары Линча, новый режим ничего не предпринял против нацистского движения в стране.

Неопределенная позиция Аргентины в ходе войны — а страна оставалась нейтральной почти до самого разгрома Германии в 1945 г. — была обусловлена, с одной стороны, экономическими соображениями, а с другой — настроениями высших политических и военных кругов, которые были склонны поддерживать страны гитлеровской коалиции. Аргентина традиционно зависела от европейских стран (особенно от Великобритании), являвшихся основными потребителями ее говядины, зерна и других продуктов сельского хозяйства, и поэтому, лишившись европейского рынка сбыта, оказалась на грани разорения. Поддержав союзников, администрация Ортиса рассчитывала взамен получить гарантии на поддержание своего экспорта от стремительно набиравших вес Соединенных Штатов Америки, которые поставляли в Аргентину подавляющую массу промышленных товаров. Однако неспособность Ортиса добиться заключения «справедливой сделки» способствовала укреплению режима Кастильо, сочувствовавшего странам нацистского блока, а аргентинские ультранационалисты всерьез стали рассматривать Германию как перспективный рынок сбыта аргентинских товаров и источник оружия и техники для собственных вооруженных сил.

IV

Пока где-то далеко в Европе бушевала Вторая мировая война, а политическая ситуация в родной Аргентине становилась все более нестабильной, Эрнесто Гевара из детства перешел в отрочество. Хотя для своего возраста мальчик был недостаточно высок и стал заметно расти только ближе к шестнадцати, он отличался любознательностью, пытливостью и ершистостью в отношении взрослых. Впрочем, его любимыми книгами были в основном классические приключенческие романы, принадлежащие перу Эмилио Сальгари, Жюля Верна, Александра Дюма.

В марте 1942 г., накануне своего четырнадцатилетия, Эрнесто перешел в среднюю школу — *бачильерато*. Поскольку школы Альта-Грасии предлагали только начальное образование, ему пришлось ежедневно ездить на автобусе в Кордову, за двадцать три мили от дома, в государственную гимназию имени Деана Фунеса, считавшуюся одной из лучших в городе среди некоммерческих заведений.

В том же году кто-то сфотографировал Эрнесто среди других пассажиров утреннего автобуса «Альта-Грасия — Кордова». Он озорно улыбается в объектив; на нем надеты блейзер и галстук, но при этом неизменные шорты со сбившимися гольфами; Эрнесто сидит в переднем крыле автобуса, а вокруг него — ученики постарше, одетые в костюмы с пристегнутыми воротничками, галстуки и брюки.

Во время летних каникул 1943 г. семейство перебралось в Кордову, где Гевара Линч наконец смог найти делового партнера, вместе с которым открыл строительную фирму. Поскольку Эрнесто учился в Кордове, а его сестре Селии предстояло поступать в находящуюся там же среднюю школу для девочек, переезд был вполне разумным решением.

Глава 3
Мальчик со множеством прозвищ

I

Переезд семейства Гевара в Кордову совпал с кратким всплеском их благосостояния, но одновременно оказался также началом распада их семьи. Пытаясь оживить былые чувства, в 1943 г. Эрнесто и Селия завели пятого — и последнего — ребенка, Хуана Мартина, но и это не смогло воспрепятствовать растущему между супругами отчуждению, и, когда они четырьмя годами позже решили вернуться в Буэнос-Айрес, брак их уже распался окончательно.

По словам друзей семьи, дело было, как и прежде, в любовных похождениях Гевары Линча. «Их отец претендовал на звание плейбоя, — вспоминает Татьяна Кирога, дружившая с детьми Гевара. — Но он был очень неразумным плейбоем, поскольку, когда у него была работа и водились деньги, он тратил всё… на романы с „юными леди", на одежду — на разные глупости, а не на что-то существенное… так что семья оставалась ни с чем».

Если в Кордове семейная жизнь немного наладилась, то только потому, что Гевара Линч наконец стал кое-что зарабатывать. Его деловым партнером был чудаковатый архитектор, которого прозвали Маркес де Арьяс (Маркес-Ариец) за необычайно высокий рост и аристократичность. Маркес заключал контракты на строительство, в основном жилых домов, а Гевара Линч в роли «подрядчика» следил за их исполнением.

«Мы жили как боги, деньги так и летели, никто и не думал их куда-то вкладывать», — говорит сестра Эрнесто Селия. Ни к чему хорошему это привести не могло. При этом Эрнесто Гевара Линч купил имение в гористой местности неподалеку от Кордовы, в местечке Вилья-Альенде, а также вступил в закрытый теннисный клуб Кордовы, где его дети плавали в бассейне и учились играть в теннис. Семейство Гевара поселилось в новом двухэтажном особняке на улице Чиле, 288, недалеко от пересечения с Чакабуко — бульваром, засаженным пышными, тенистыми деревьями, *палос боррачос*. За бульваром находились обширные зеленые территории парка Сармьенто, городского зоопарка, теннисного клуба и, далее, Университета Кордовы.

Атмосфера в доме Гевара на улице Чиле была такой же

свободной и гостеприимной, какой они радовали своих друзей в Альта-Грасии. Долорес Мояно, новая их знакомая из одной из богатейших семей Кордовы, находила принятые в доме порядки весьма необычными. Мебель в доме была едва видна под кипами разложенных повсюду книг и журналов, и не существовало никаких правил относительно совместных трапез: каждый мог есть тогда, когда был голоден. Детям разрешалось въезжать на велосипедах с улицы в гостиную и оттуда в сад.

Но Долорес вскоре обнаружила, что не все так просто, как кажется на первый взгляд. Стоило лишь хозяевам почуять в госте чванливость, педантизм или лицемерие — и они безжалостно порывали с ним отношения. Долорес откровенно побаивалась Эрнесто, который обычно начинал придирки первым, и не раз именно она становилась объектом его нападок. Мать Эрнесто была не менее резкой и могла проявлять редкостную жесткость и упрямство. Эрнесто-старший, напротив, внушал глубокую симпатию, так как источал тепло и жизнелюбие. «Он говорил звучным голосом, при этом был довольно рассеян. Временами он забывал о заданиях, которые сам же давал своим детям, что обнаруживалось, когда они возвращались, выполнив поручение».

II

Переезд в Кордову совпал также с началом стремительного взросления Эрнесто. Оно выражалось в нарастающем желании самоутвердиться, поставить под сомнение жизненные ценности родителей (вечно ссорящихся друг с другом), сформировать собственные, еще зачаточные, основы мировоззрения.

На первом году учебы в гимназии имени Деана Фунеса у Эрнесто появились новые друзья. Самым близким среди них был Томас Гранадо, младший из трех сыновей испанского эмигранта, который работал проводником в поездах. В свои четырнадцать лет Эрнесто был невысок, но теперь скорее строен, чем коренаст. Томас был погабаритнее, с более хриплым голосом, он по-пижонски зачесывал волосы назад, в то время как у Эрнесто на голове красовался незамысловатый «ежик». Из-за этого он получил прозвище Пелао (Лысый) — одно из многочисленных имен, которыми его в юном возрасте наградили приятели.

Скоро к их компании присоединился и старший брат Томаса — двадцатидвухлетний Альберто, первокурсник факультета биохимии и фармакологии Университета Кордовы. Рост Альберто, имевшего прозвище Петисо (Коротышка), был немногим больше полутора метров, а его крупный нос напоминал

клюв, но при этом у него были широкая, мощная грудь и накачанные ноги — следствие занятий футболом; кроме того, Альберто обладал хорошим чувством юмора, знал толк в вине, девушках, литературе и регби. Хотя он был значительно старше Эрнесто, со временем их дружба стала даже крепче, чем у Эрнесто с Томасом.

Альберто Гранадо был тренером местной команды по регби «Эстудьянтес», и Эрнесто страстно мечтал попасть в ее состав. Альберто окинул паренька критическим взглядом. «Первое впечатление было не в его пользу… он не отличался особой крепостью, и руки у него были очень тонкие».

Однако Альберто решил дать шанс Пелао и разрешил ему походить на тренировки. Вскоре тот, несмотря на одышку, стал заниматься с «Эстудьянтес» два раза в неделю. Пелао заслужил репутацию бесстрашного нападающего, он несся с мячом в руках на игроков противника с криком: «Поберегись, я „Фурибиндо" („Яростный".) Серна!» За этот воинственный клич Альберто дал ему новое прозвище: Взрыватель, а сам получил от него ласковое Миаль (сокращенное Мой Альберто).

Будучи под впечатлением от бесстрашной игры новичка, Альберто Гранадо заинтересовался Эрнесто. Часто Гранадо, ожидая, когда поле освободится и «Эстудьянтес» смогут начать тренировку, видел, как Эрнесто читает какую-нибудь книгу, сидя прямо на земле и прислонившись к столбу фонаря, освещающего газон. Как выяснилось позже, Взрыватель уже был знаком с трудами Фрейда, восхищался поэзией Бодлера, читал в оригинале Дюма, Верлена и Малларме; им также были прочитаны многие романы Эмиля Золя, произведения аргентинской классики, как, например, «Цивилизация и варварство» Сармьенто, и последние романы американских писателей Уильяма Фолкнера и Джона Стейнбека.

Гранадо, сам обожавший хорошую литературу, был поражен: как этот мальчик мог прочитать так много? Эрнесто сказал ему, что начал читать из желания как-то занять себя в периоды затяжных приступов астмы, когда родители заставляли его сидеть дома и делать ингаляции. Что касается знания французского, то ему он обязан матери, которая сама занималась с Эрнесто, когда ему приходилось пропускать уроки из-за болезни.

Несмотря на то что семейство Гевара с комфортом устроилось в Кордове и нашло там новых друзей, они продолжали испытывать чувство привязанности к Альта-Грасии и иногда снимали там дом во время праздников, так что Эрнесто мог поддерживать дружбу с Каликой Феррером, Карлосом Фигероа и другими ребятами из своей старой барры. Их друзья из

семьи Гонсалеса Агилары последовали за ними в Кордову и поселились в доме неподалеку, так что их отношения по-прежнему оставались тесными. Когда у Гевара родился Хуан Мартин, пятый ребенок, названный в честь отца Селии, то его крестными родителями стали именно Агилара.

Как оказалось, дом на улице Чиле имел свои недостатки. Гевара Линч сначала не обратил на них внимания — так доволен он был соседством с парком Сармьенто и теннисным клубом. Однако рядом с ними на холме находился район Нуэва-Кордова, который еще не окончательно превратился в полноценную часть города. Район представлял собой скопище разномастных жилых домов, окруженных пустырями, *бальдиос*. На этих участках, а также у пересыхающих речушек, которые протекали в этой зоне, ютились хибары бедняков.

Одно из таких стихийных поселений находилось прямо напротив нового дома семьи Гевара. Его обитатели представляли собой живописную публику, постоянно притягивающую взоры. Особенно выделялся безногий инвалид, который ездил на шестерке дворняг, впряженных в маленькую деревянную тележку, и погонял их длинным, со свистом рассекающим воздух хлыстом.

В то время в доме часто бывала Долорес Мояно, близкая подруга младшей сестры Эрнесто Аны Марии. По ее воспоминаниям, одним из главных их развлечений было сидеть на обочине «с безопасной стороны» улицы и наблюдать за тем, что происходит у жителей трущоб. Там жили, например, женщина в черном, которая нянчила ребенка под деревом параисо, харкая мокротой через его голову, и двадцатилетний карлик Кико, у которого не было ни бровей, ни ресниц. Ребятишки предлагали ему сладости за то, чтобы он показал им свой удивительно белый язык; сделав это, карлик тотчас улепетывал назад, в свою дыру.

Хотя условия их жизни были несравненно лучше, чем у бедных соседей, ютившихся в лачугах из картона и жести, Гевара вскоре обнаружили, что фундамент их собственного дома отнюдь не так прочен. Очень скоро по стенам пошли чудовищные трещины, и по ночам Гевара Линч со своей кровати видел звезды через трещину в потолке. Однако, хотя глава семейства сам занимался строительством, он на редкость легкомысленно отнесся к этой проблеме, которая была чревата опасностью для жизни. В детской, где также появилась трещина, он «исправил» положение, отодвинув кровати от стены, на случай если та упадет. «Нам было удобно жить в этом доме, и мы не хотели никуда переезжать, поэтому решили оставаться там, пока возможно», — писал он.

Резкие социальные контрасты городской жизни, вероятно

бывшие Гевара в новинку, становились характерными для Аргентины и всей Латинской Америки. С конца XIX века, вследствие перемен в экономической жизни, притока иммигрантов и развития промышленности, городское население стало преобладать над сельским. Бедные выходцы из деревни хлынули в города в поисках работы и лучшей жизни. Многие из них стали жителями трущоб, или *вильяс мисериас*, которые появились в Кордове и других городах Аргентины.

За пятьдесят лет демографическая ситуация в Аргентине изменилась кардинально: если в 1895 г. количество городских жителей составляло 37 %, то в 1947 г. их было уже 63 %. В этот же период вчетверо выросло население страны: с четырех до шестнадцати миллионов жителей.

Несмотря на продолжающиеся социальные перемены, во втором по величине аргентинском городе Кордове в 1940-х гг. сохранялась мирная, провинциальная атмосфера. Окруженная безграничными желтыми пампасами — лишь местами на горизонте виднелись голубые цепи «сьеррас», — Кордова по-прежнему была слабо затронута индустриализацией и строительством, в то время как Буэнос-Айрес стремительно превращался в современный мегаполис. В Кордове находился старейший в Аргентине университет, основанный иезуитами, и было множество старых церквей и зданий колониальной архитектуры, поэтому она славилась как образовательный центр и ее жители гордились своим культурным достоянием.

Ведущая роль в образовательной сфере закрепилась за ней после событий 1918 г., когда студенты и преподаватели Университета Кордовы, выступавшие за Радикальную партию, стали инициаторами реформы, гарантировавшей автономию университетов, и это движение распространилось из Кордовы по другим университетским городам Аргентины, а потом и других стран Латинской Америки. Долорес Мояно вспоминает о Кордове своего детства и юности как о «городе книжных магазинов, религиозных процессий, студенческих демонстраций и военных парадов; городе спокойном, скучном, почти апатичном снаружи, но в котором подспудно кипели страсти».

«Кипение» это привело к серьезным событиям, почти совпавшим с переездом в город семьи Гевара. 4 июня 1943 г. группа военных заговорщиков совершила переворот в Буэнос-Айресе, сместив президента Кастильо, который намеревался сделать своим преемником некоего богатого и влиятельного человека из провинции, имевшего тесные связи с британскими корпорациями. Поначалу реакция на переворот была сдержанно положительной как со стороны либералов, относившихся с

подозрением к прогерманскому правительству Кастильо, так и со стороны националистов, опасавшихся экономической интервенции.

В течение сорока восьми часов стало известно, кто стоит во главе заговорщиков: военный министр генерал Педро Рамирес, представляющий фракцию военных-ультранационалистов. Он предпринял решительные репрессивные меры для подавления внутренней оппозиции. Был введен комендантский час, выборы отложены на неопределенный срок, конгресс распущен. Пресса была взята под контроль, и та же участь постигла университеты. Недовольные из числа профессуры были уволены. В конце года последовала вторая волна гонений, в результате чего были распущены все политические партии, в школе введено обязательное религиозное образование, а свобода печати ограничена. Преподаватели и студенты Кордовы начали акции протеста и вышли на улицы. Последовали аресты, и в ноябре 1943 г. Альберто Гранадо наряду с другими студентами оказался в главной тюрьме Кордовы. Там его навещали братья и Пелао, они приносили ему еду и сообщали новости.

Шли недели, но по-прежнему было не ясно, отпустят ли студентов или выдвинут против них обвинения. Подпольный «комитет заключенных» обратился к учащимся средних школ Кордовы с просьбой пройти маршем по улицам города, требуя выпустить арестованных на свободу. Альберто спросил пятнадцатилетнего Эрнесто, будет ли он участвовать в шествии, но тот неожиданно ответил отрицательно. Он заявил, что сделал бы это только с револьвером в руках. По его мнению, этот марш — не более чем пустой жест и он не принесет особых плодов, а его участников «просто отделают дубинками».

В начале 1944 г., проведя в заключении около двух месяцев, Альберто Гранадо был отпущен на свободу. Несмотря на отказ Эрнесто принять участие в демонстрации, их дружба осталась прежней. И все же нежелание Эрнесто помочь другу кажется удивительным, если принять во внимание его склонность к рискованным предприятиям. Парадоксальный разрыв между радикальными заявлениями и полным равнодушием к активному участию в политических делах оставался характерен для Эрнесто в годы его взросления.

III

Мало кто догадывался тогда, что за всеми последними пертурбациями в политической жизни Аргентины стоит

малоприметный полковник с крупным, мясистым лицом и римским носом, некий Хуан Доминго Перон. Однако вскоре это имя станет известно каждому. Вернувшись из Италии, где он служил у Муссолини и был пылким почитателем дуче, Перон краткое время проработал армейским инструктором в провинции Мендоса, а потом оказался среди военного руководства в Буэнос-Айресе. Здесь он стал лидером подпольной офицерской группировки, называвшей себя Группой объединенных офицеров (ГОУ), которая и организовала июньский переворот 1943 г.

В течение следующих трех лет Перон двигался к вершине власти. После переворота он сначала выполнял обязанности заместителя военного министра и своего наставника — генерала Эдельмиро Фаррелла. Когда в октябре 1943 г. Фаррелл получил пост вице-президента, Перон по собственному ходатайству был назначен главой Национального департамента труда. На этому посту он быстро стал влиятельной фигурой. В течение месяца его поначалу неприметная должность трансформировалась в пост главы Министерства труда и социального обеспечения, подотчетного исключительно президенту.

Из недр ведомства Перона вышла целая череда постановлений, реформировавших рынок труда. Его меры были направлены на то, чтобы улучшить положение рабочих, до того не имевших особых прав, и одновременно с этим он приложил все усилия к тому, чтобы разрушить спайку организованных групп работодателей с основными политическими партиями. Очень скоро аргентинские рабочие были готовы носить Перона на руках. Так начался знаменитый «перонизм», который вскоре радикально переменит политический ландшафт Аргентины.

В конце 1943 г., когда в войну вступили США, нацистской Германии пришлось занять оборону по всей Европе и в Северной Африке, а Муссолини лишился власти в Италии. Подозревая новый аргентинский режим, и в особенности Перона, в пособничестве идеям Третьего рейха в Латинской Америке, Соединенные Штаты усилили давление на Аргентину, чтобы та официально отказалась от нейтралитета в войне. Многие аргентинцы разделяли подозрения американцев. Популистские лозунги Перона, обращенные к беднейшим слоям общества и отдававшие фашистской риторикой, отвратили от него либеральный средний класс. К нему присоединились и крупные капиталисты, которые видели в политике Перона угрозу существующему «статус-кво». В результате большинство представителей того социального слоя, к которому принадлежала семья Гевара, превратились в убежденных антиперонистов. Однако их оппозиция не помешала Перону упрочить свое

могущество.

В марте 1944 г. Фаррелл стал президентом Аргентины. Перона сделали военным министром, а в июле и вице-президентом. Как ни странно, из трех занимаемых им постов важнейшим оставался пост министра труда и социального обеспечения. Теперь каждый человек в Аргентине знал, кто такой Перон.

Тем временем Гевара Линч продолжал активно сотрудничать с «Аргентинским делом»; вместе с Селией он также вступил в кордовский «Комитет в поддержку де Голля», отделение интернациональной организации, занимавшейся помощью Сопротивлению в оккупированной нацистами Франции. А Эрнесто втайне от них попытался возобновить работу по выслеживанию нацистов, которую его отец оставил незавершенной.

Вместе со школьным другом Освальдо Бидиностом Пайером Эрнесто совершил секретную вылазку в маленькое поселение Ла-Кумбре, любимое место отдыха кордовской элиты, где люди его отца ранее обнаружили гостиницу под серьезной охраной, в которой, как они подозревали, находилась штаб-квартира нацистов, снабженная радиостанцией, соединявшей их напрямую с Берлином. Гевара Линч снял шпионский надзор с этого объекта и предостерег Эрнесто от попыток что-либо выяснить, рассказав, что из двух направленных туда государственных следователей вернулся только один, а второй, вероятно, убит.

Движимые жаждой приключений и риска, мальчишки пренебрегли запретами и отправились туда. Они подошли к гостинице ночью. Через открытое окно, рассказывает Бидиност, они увидели двух людей, работающих за длинным столом. Но не успели ребята как следует что-нибудь разглядеть, как их обнаружили. «Нас услышали, кто-то вышел с фонарем, и по нам дважды выстрелили. Мы убежали и больше там не показывались».

Несмотря на подобные выходки, пока Эрнесто учился в средней школе, его интерес к политическим делам не перерос ни во что серьезное. Он и его друзья, среди которых были дети бежавших из Испании республиканцев, таких как чета Гонсалес Агилар, не отставали от родителей и были убежденными антифашистами. Как и взрослые, они часто вели споры о том, что «на самом деле» произошло в Испании. Но они куда слабее представляли себе, что происходит в Аргентине, да и не так уж интересовались этим. Политические суждения Эрнесто обычно носили провокационный характер: так он стремился шокировать своих родителей или приятелей. Когда в Кордове прошел слух о том, что перонисты готовятся забросать камнями местный

жокейский клуб, средоточие консервативных землевладельцев-олигархов, Эрнесто заявил, что рад был бы к ним присоединиться. «Я и сам не прочь покидаться камешками по этому клубу», — заявил он. Его друзья решили, что это признак симпатии к перонистам, однако более вероятно, что в нем просто говорил подросток, ищущий повода задеть окружающих и вызвать их на спор.

Когда аргентинское правительство окончательно порвало все отношения со странами нацистского блока, родители Эрнесто были на вершине счастья. Однако его друг Пепе Гонсалес Агилар никогда не видел Эрнесто таким разгневанным. «Я не мог понять, почему он, всегда выступавший против нацистов, не разделяет радости родителей». Позже Пепе осенила догадка: гнев Эрнесто был вызван тем, что решение было принято Аргентиной не по велению собственных принципов, а под давлением США, и он разделял с националистами чувство стыда за свою страну, подмятую американцами.

Но когда в сентябре 1944 г. силы союзников освободили Париж, Эрнесто присоединился к торжествующей толпе, собравшейся на площади Сан-Мартина. С ним были некоторые друзья из гимназии, и у каждого в карманах имелись камни: подростки собирались обстрелять лошадей, на которых восседали полицейские, призванные охранять порядок.

(В знак признательности за все усилия, направленные на помощь «народу Франции» в дни невзгод, Гевара Линч получил благодарственную грамоту, подписанную самим де Голлем. До конца дней он относился к ней как к самому драгоценному своему достоянию.)

Как бы ни хотелось задним числом обнаружить в подростке Эрнесто Геваре признаки приверженности социалистическим идеалам, все его товарищи по школе в Кордове утверждают, что он был довольно равнодушен к политике. По мнению его друга Хосе Мария Роке, Эрнесто в то время не имел «определенных политических взглядов». «Мы все любили спорить на политические темы, но я что-то не помню, чтобы Гевара в этих спорах участвовал».

Помимо того, Эрнесто не допускал, чтобы его «антифашистские принципы» влияли на личные отношения. Одним из его одноклассников был Доминго Ригатуссо, сын бедного эмигранта из Италии, подрабатывавший после школы продавцом сладостей возле местных киношек. Как и его отец, во время войны Ригатуссо рьяно поддерживал Муссолини, а Гевара добродушно называл его «тано фассио», что на местном сленге означало «итальянский фашист».

Однако Рауль Меливоски, сын университетского профессора еврейского происхождения, бывший на год старше Эрнесто, вспоминает, что в 1943 г. они с Эрнесто недолгое время были членами ячейки «Фронта студентов-синдикалистов» («ФСС»): когда воинствующее молодежное крыло пронацистского «Национального освободительного союза» стало запугивать студентов, симпатизирующих союзникам. Меливоски слышал о Геваре с первых дней учебы в гимназии имени Деана Фунеса, хотя они еще не были знакомы. Гевара был единственным учащимся в школе, кто открыто бросил вызов преподавателю истории, известному своими пронацистскими настроениями: однажды на уроке он указал ему на подтасовку фактов. Один этот поступок снискал ему уважение в глазах Меливоски.

Затем активисты «ФСС» решили сформировать «ячейки» из трех человек, чтобы противостоять ультраправым парням из «Национального освободительного союза». Став членом такой «ячейки», Меливоски вместе с другим первокурсником был отдан под начало старшего товарища, которым оказался Эрнесто Гевара. «Мы были ячейкой только номинально, — вспоминает он. — Мы даже не встречались, вся наша деятельность свелась к тому, чтобы называть себя ячейкой».

Но однажды, когда несколько молодчиков из «Союза» с перочинными ножами в руках обступили Меливоски и других учеников, не давая им выйти из школы, он увидел, как Гевара бросился на них, бешено крутя ранцем над головой. В глазах благодарного Меливоски Гевара был «не просто храбрым… он не знал страха».

Второй, и последний, раз их «ячейка» оказалась «в деле», когда Эрнесто, пользуясь своими правами «старшего», приказал Меливоски и другому мальчику, бывшему у него в подчинении, прогулять школу на следующий день. Речь шла о настоящем подвиге, поскольку все вполне могло закончиться исключением из школы, и Меливоски знал об этом. «Эрнесто приказал нам не только прогулять школу, но еще и пойти в кино на фильм, на который не пускали ребят нашего возраста. Нам было тринадцать-четырнадцать лет, а не восемнадцать, как требовалось, так что никого обмануть мы при всем желании не смогли бы. Мы не отличались ни высоким ростом, ни крепким сложением. Но он сказал, чтобы мы явились в шляпах, с сигаретами и деньгами для покупки билетов».

Вот каков был первый опыт «политической борьбы» Эрнесто. Двадцатью годами позже в письме одному угодливому редактору, собиравшемуся опубликовать его «отлакированную» биографию, Гевара так прямо и заявил: «В юности я не занимался никакой

общественной деятельностью и не принимал участия в политической и студенческой борьбе в Аргентине».

Ищущий, бескомпромиссный, жаждущий приключений — таким был Эрнесто Гевара накануне своего семнадцатилетия — в год окончания Второй мировой войны.

IV

Эрнесто был теперь вполне зрелым юношей, и помимо ненасытной страсти к чтению в нем появился серьезный интерес к противоположному полу. Оба увлечения сошлись воедино, когда он раздобыл у своего друга несокращенное издание «Тысячи и одной ночи», полное эротических сцен.

Однако большинство юношей того поколения не осмеливались заходить дальше, они лишь растравляли себе фантазию и думать не могли о воплощении своих мечтаний в жизнь. В провинциальной Аргентине середины 1940-х гг. к вопросам брака и половых отношений по-прежнему подходили консервативно, как это было свойственно традиционному католическому обществу: разводы оставались под запретом, и «порядочные» девушки обязаны были хранить невинность до замужества.

«Мы были просто ангелами, — вспоминает Татьяна Кирога, которая не раз ходила на "двойные свидания" с Эрнесто и другими ребятами. — Мы ходили на танцы, разговаривали, пили кофе, а к половине первого ночи должны были возвращаться домой, иначе нас убили бы родители; это было время, когда встречаться с кем-то серьезно было не так-то просто. Чтобы мы, девочки, пошли домой к какому-нибудь мальчику, остались с ним наедине? Нет, это было исключено! Максимум, что мы могли себе позволить, это скрыться вдвоем с какой-нибудь вечеринки и пойти выпить мате».

В поисках секса ребята из таких общественных слоев, как Эрнесто, должны были либо идти в бордель, либо искать подружку среди девушек из более бедных семей, поскольку социальное и финансовое превосходство несколько развязывало им руки. У многих первый сексуальный опыт был связан с мукамой, то есть служанкой, обычно индианкой или метиской, приехавшей из северных провинций Аргентины.

У Эрнесто первое знакомство с сексом состоялось в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет благодаря Калике Ферреру, который свел товарища с мукамой из их дома — женщиной по имени Кабрера, или «Негра». Родольфо Руарте стал свидетелем

посвящения Эрнесто в мужчины. Вместе с другими мальчишками он наблюдал за происходящим через замочную скважину в спальне. Они видели, что, хотя Эрнесто превосходно справляется со своим делом, ему время от времени приходится останавливаться, чтобы впрыснуть в рот лекарство против астмы. Ребята едва сдерживали хохот, наблюдая за этой картиной, и еще долгие годы любили об этом вспоминать. Но Эрнесто был невозмутим и продолжал отношения с Кабрерой.

Одновременно с открытием для себя секса Эрнесто пристрастился к чтению поэзии, он с удовольствием разучивал стихи и читал их вслух. Не без влияния испанского поэта XVII века Франсиско де Кеведо в нем развился вкус к непристойностям. Однажды он блеснул своими познаниями в этой области, чтобы вогнать в краску Долорес Мояно. Услышав, как девушка рассуждает об испанско-арабских мистиках, он решил проверить ее на знание предмета, так что ей пришлось объяснять: «Любовник-мистик в поэзии святого Хуана обладает двойным видением. Есть внутреннее и есть внешнее зрение — любовник-мистик обладает обоими…» На этих словах, вспоминает она, Эрнесто прервал ее и с преувеличенным кордовским акцентом продекламировал вульгарный куплет про одноглазую монашку и косоглазого святошу.

Этот случай показывает, какой разрыв образовался между юношами и девушками, принадлежавшими к поколению и социальному кругу Эрнесто. Девушки, сохранявшие целомудрие и невинность, были погружены в мир романтической поэзии и хранили себя для истинной любви и брака, тогда как юноши, подобно Эрнесто, под влиянием бурливших в крови гормонов с упоением читали непристойные стихи и искали секса в публичных домах либо превращали в наложниц своих несчастных служанок.

В период летних каникул 1945/46 учебного года в жизни Эрнесто вновь появилась его двоюродная сестра, красавица Кармен Кордова Итурбуру де ла Серна, по прозвищу Негрита. Она поразила сердце своего братца-радикала, бывшего на три года ее старше. Отец Негриты, поэт Каэтано Кордова Итурбуру, всегда привозил с собой из Буэнос-Айреса целый чемодан новых книг, и девушка каждый раз рылась в нем в поисках поэтических сборников. Как она узнала, Эрнесто разделял ее страсть к поэзии: он читал кузине стихи Пабло Неруды из цикла «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния», с которыми сам только что познакомился.

«Находясь в расцвете юности, мы с Эрнестито были больше чем просто друзья, — вспоминала Негрита годы спустя. —

Однажды мы играли на террасе нашего дома… Эрнесто спросил, девушка я или уже женщина…» Вслед за тем у них состоялось любовное свидание, и позже, когда семья Гевара переехала в Буэнос-Айрес, Эрнесто продолжал видеться с Негритой. Она часто приходила к ним в дом, и там у них случались романтические интерлюдии: стоя на лестнице, они с Эрнесто говорили «о литературе… и о любви, поскольку, как это часто бывает между двоюродными братьями и сестрами, нас тянуло друг к другу. До чего же Эрнесто был красив!»

И это правда. К семнадцати годам Эрнесто превратился в чрезвычайно привлекательного молодого человека: стройного и широкоплечего, с темно-каштановыми волосами, бездонными карими глазами, чистой белой кожей и сдержанной уверенностью в себе — девушек к нему так и тянуло. «Все мы, если честно, были немного влюблены в Эрнесто», — признается Мириам Уррутиа, девушка из почтенной кордовской семьи.

В возрасте, когда молодые люди изо всех сил стремятся произвести впечатление на девушек, безразличие Эрнесто к тому, как он выглядит, действовало безотказно. Однажды вечером Эрнесто появился с элегантно одетой девушкой в кинотеатре «Сине-опера», где его приятель «фассио» Ригатуссо продавал сладости. Эрнесто был одет как обычно: в старый не по размеру тренч, в карманах которого лежали бутерброды и термос с мате. Стоило ему завидеть Ригатуссо, как он демонстративно отошел от своей дамы, заставив ее стоять в одиночестве, пока он болтал со своим другом из «низов общества».

Эрнесто быстро усвоил те нормы поведения в обществе, которые надолго остались в памяти его сверстников, живших в Кордове. Бесшабашность, наплевательское отношение к формальностям и приличиям, язвительность теперь уже совершенно явно становились чертами его характера, а с годами им предстояло развиться еще больше. Даже юмор его был нацелен на конфронтацию, на то, чтобы бросить вызов общественным устоям, пусть это и скрывалось зачастую под маской самоиронии.

Его друг Альберто Гранадо хорошо знал, как Эрнесто любит шокировать окружающих. «У него было несколько прозвищ. Одно из них было Локо (Безумный) Гевара. Эрнесто нравилось казаться немного неприятным… Например, он хвастался, что редко принимает ванну. Отсюда прозвище Чанчо (Свин). На тренировке по регби он мог заявить что-нибудь вроде: „Последний раз я стирал эту футболку полгода назад"».

В один прекрасный день Эрнесто не стал надевать в школу короткие штаны и заявился в брюках. Предвосхищая насмешки со стороны ребят постарше, которые наверняка стали бы

подшучивать, что он-де внезапно вырос, Эрнесто сказал, что надел брюки, поскольку его короткие штаны испачкались до такой степени, что пришлось их выкинуть.

В течение пятилетней учебы в гимназии имени Деана Фунеса Эрнесто поддерживал имидж неугомонного задиры. Он обожал шокировать учителей и одноклассников. Гевара мог посреди урока закурить вонючие сигареты — лекарство против астмы, открыто спорил с учителями математики и литературы, указывая им на допущенные неточности, по выходным устраивал со своей «бандой» походы в горы, а то и в Альта-Грасию, где предавался тем же отчаянным забавам, которыми он так пугал родителей в детстве: ходил по канату через крутые расщелины, прыгал с высоких скал в реку, ездил на велосипеде по рельсам.

Его поведение должным образом оценила администрация школы. На 1 июня 1945 г. (шел четвертый год учебы в гимназии имени Деана Фунеса) он получил десять предупреждений (двадцать пять означали бы исключение) от учительского совета «за недисциплинированное поведение и за то, что приходил в учебное заведение и покидал его в неурочное время, не имея на то соответствующего разрешения».

Однако оценки Эрнесто в целом были хорошими. Как всегда, Гевара проявлял особую склонность к таким предметам, как математика, естествознание, география и история, при этом с каждым годом росли его успехи во французском и испанском, он хорошо писал сочинения и любил музыку.

А еще он по-прежнему читал много книг, не входивших в школьную программу. По словам его друга Пепе Агилары, вкусы Эрнесто были разнообразными и весьма неординарными для его возраста. «Он читал с упоением, прямо-таки заглатывал книги из родительской библиотеки… читал Фрейда и Джека Лондона вперемежку с Пабло Нерудой, Орасио Кирогой, Анатолем Франсом и даже сокращенным изданием „Капитала", в котором оставил на полях какие-то пометки мелкими буквами».

Тем не менее Эрнесто нашел сочинение Маркса невразумительным и годы спустя, будучи уже команданте Эрнесто Че Геварой, признавался своей жене на Кубе, что, когда впервые прочел Маркса и Энгельса, «ровным счетом ничего не понял».

V

В том же 1945 г. стала раскрываться более серьезная сторона личности Эрнесто. В его школьной программе впервые появилась

философия. Она привлекла его интерес, что видно по оценкам «очень хорошо» и «отлично». Гевара также начал составлять собственный «философский словарь».

Первый рукописный вариант состоял из ста шестидесяти пяти страниц, статьи в нем располагались в алфавитном порядке, а в конце имелся тщательно составленный указатель страниц, названий статей и имен авторов. Словарь включал краткие биографии выдающихся мыслителей и цитированные определения широкого спектра понятий, например таких, как «любовь», «бессмертие», «истерия», «сексуальная этика», «вера», «справедливость», «смерть», «Бог», «дьявол», «фантазия», «рассудок», «невроз», «нарциссизм» и «мораль».

Очевидно, Эрнесто пользовался всеми доступными источниками. Так, в статье о марксизме он цитировал «Майн кампф» и некоторые небезызвестные высказывания Гитлера, в которых проявилась его одержимость идеей еврейско-марксистского заговора. Для заметок о Будде и Аристотеле он привлек работу Г. Дж. Уэллса «Краткая история мира», а труды Бертрана Рассела послужили источником по вопросам, связанным с любовью, патриотизмом и сексуальной этикой. Его вдохновляли также идеи Зигмунда Фрейда, начиная с теории снов и либидо и заканчивая исследованиями нарциссизма и эдипова комплекса. Встречаются у Эрнесто высказывания Джека Лондона об обществе и цитаты из Ницше о смерти, а определение терминов «ревизионизм» и «реформизм» он позаимствовал из книги своего дяди Каэтано Кордова Итурбуру.

Этот словарик был первым из семи, составленных Геварой в течение десяти лет. Перерабатывая прежние варианты, он добавлял новые статьи и заменял старые по мере углубления своих знаний и формирования более определенных воззрений и интересов. Так, последующие редакции словаря отражают знакомство с работами Джавахарлала Неру, а также более глубокое изучение марксизма: Эрнесто цитирует теперь не Гитлера, а самих Маркса, Энгельса и Ленина.

Выбирая для чтения художественную литературу, он переключается на произведения более выраженной социальной направленности. Как вспоминает его друг Освальдо Бидиност Пайер, у Эрнесто Гевары «все начиналось с литературы». В то время они читали примерно одно и то же: книги Фолкнера, Кафки, Камю, Сартра. Из поэзии Эрнесто предпочитал творчество испанских поэтов-республиканцев: Гарсиа Лорки, Мачадо и Альберти, с удовольствием читал также Уолта Уитмена и Роберта Фроста в испанском переводе, но выше всех для него по-прежнему стоял Пабло Неруда.

Впрочем, Бидиност вскоре обнаружил, что Эрнесто увлекся такими латиноамериканскими авторами, как Сиро Алегрия, Хорхе Икаса, Рубен Дарио и Мигель Анхель Астуриас. В их романах и стихах впервые затрагивались острые для Латинской Америки темы (например, унизительное положение индейцев и метисов), обычно игнорировавшиеся литературой и далекие от жизни тех слоев общества, к которым принадлежал Эрнесто. Бидиност полагает, что именно из этих произведений его друг получил первое, еще довольно смутное, представление о том, какова на самом деле страна, в которой он живет и о которой пока что мало знает. «Это было первое приближение к пониманию того, что его окружало, а окружала его Латинская Америка — а никакая не Европа или там Вайоминг».

Также огромное влияние на Эрнесто в период формирования его гражданской позиции оказала его мать Селия. Подобно друзьям Эрнесто по Альта-Грасии, Бидиност был восхищен неформальной обстановкой в доме семьи Гевара и особенно «мадре» Селией. По его словам, это было место, где царил дух творчества и где происходило, как он выразился, «открытие мира через служебный вход», поскольку Селия привлекала в дом самых разных и неординарных людей, независимо от их статуса и социального положения. Туда приходили странствующие художники, подрабатывавшие чисткой сапог, заезжие эквадорские поэты, университетские профессора — и все эти люди могли остановиться в доме хоть на неделю, хоть на месяц, если им нужны были еда и кров. «Это был удивительный человеческий зоопарк».

Селия круглосуточно заправляла этим своим «салоном», а отец Эрнесто тем временем пристрастился кататься на стареньком мотоцикле, который он называл «Педорра» («Пердун») за фырканье и треск, который тот издавал при езде. Они с Селией жили в одном доме, но спали порознь, и их жизненные пути расходились все дальше и дальше.

Другим кордовским юношей, подпавшим под очарование дома семьи Гевара, был Роберто «Бето» Аумада, школьный товарищ Роберто, младшего брата Эрнесто. Аумада вспоминает множество случаев, когда Роберто приглашал его на обед и с ним не задумываясь делились едой. «Никто и не думал волноваться, что съест немного меньше из-за того, что один из детей привел с собой друзей. Все приводили, кого хотели, и никто за этим не следил».

Неудивительно, что в этом шумном доме, где было полно детворы, гостей и обсуждали все на свете, Эрнесто было тяжело сосредоточить внимание на занятиях и у него появилась

привычка запираться в ванной комнате и читать там часами напролет — она сохранится у него до конца жизни.

Как-то раз один из старинных приятелей Эрнесто по барра, Энрике Мартин, неожиданно наткнулся на него в Альта-Грасии. Энрике удивился, увидев его, поскольку был будний день, а учебный год еще не закончился. Взяв с приятеля честное слово хранить тайну, Эрнесто поведал, что снял маленькую комнату в гостинице «Сесиль», рядом с автовокзалом — там, где его никто не знает. «Я хочу здесь спрятаться от всех», — сказал он.

Энрике Мартин не поинтересовался, зачем Эрнесто нужно уединение, но он остался верен слову и хранил тайну друга в течение многих лет. Зачем Геваре понадобилось это укромное место: для чтения и занятий или же для встреч с какой-нибудь похотливой мукамой из Альта-Грасии, — остается под покровом тайны. Но очевидно, что перед нами уже не тот разбитной парень, склонный к рискованным чудачествам и известный всем в классе и в команде по регби как Локо, Чанчо или Пелао, а скрытный молодой человек, ищущий уединения.

VI

В начале 1946 г. Перон пришел к власти. Он выдержал краткий период отстранения от всех постов (это произошло в результате интриг его соперников из военных кругов), пережил непродолжительную ссылку на остров Мартин-Гарсиа в устье Ла-Платы, а затем, после массовых народных демонстраций в его защиту, совершил триумфальное возвращение в столицу и на всеобщих февральских выборах был избран на пост президента.

И теперь Перон был не один. Несколькими месяцами ранее он женился на своей любовнице — молодой блондинке по имени Эва (Эвита) Дуарте, которая работала актрисой на радио. Никому тогда и в голову не могло прийти, что Эвита оставит не меньший след в народном сознании, чем ее муж.

В том же 1946 г. Эрнесто закончил гимназию. В июне, через десять дней после инаугурации Перона, он отметил свое восемнадцатилетие. Еще продолжая учебу, он впервые поступил на оплачиваемую работу — в лабораторию при Департаменте дорожного строительства провинции Кордовы.

Вместе с ним туда же устроился его друг Томас Гранадо. Два молодых человека, оба увлекавшиеся математикой и естественными науками, уже обсуждали планы поступления в университет в следующем году — они хотели стать инженерами. Устроиться на эту работу — а она давала возможность

приобрести бесценный опыт для будущих специалистов в инженерном деле — им удалось благодаря отцу Эрнесто, который попросил своего друга позволить юношам пройти спецкурс, организованный департаментом. Оба успешно его окончили и были приняты на должность «специалистов по почвам», в чьи обязанности входило проводить анализ качества материалов, используемых частными компаниями, получившими подряд на строительство дорог. В лаборатории, где они работали на полставки, Эрнесто забавлялся тем, что в блендере, используемом для перемешивания почв, делал для всех фруктовые коктейли.

Окончив гимназию имени Деана Фунеса, они перешли на полный рабочий день и были откомандированы в разные уголки провинции. Эрнесто отправили проверить материалы, применяемые при строительстве дорог в Вилья-Марии, что в ста пятидесяти километрах к северу от Кордовы. Помимо небольшой зарплаты ему предоставлялись возможность пользоваться грузовым автомобилем компании и бесплатное жилье.

В марте 1947 г., когда Эрнесто находился в Вилья-Марии, его семья вернулась в Буэнос-Айрес. Но возвращение после пятнадцати лет отсутствия было отнюдь не праздничным: родители решили расстаться, а их финансовое положение вновь было весьма плачевным. Строительный бизнес Гевары Линча застопорился, и он был вынужден продать летний дом в Вилья-Альенде. Вскоре ему пришлось также продать плантацию в Мисьонес. Она приносила очень небольшой доход, да и тот в последние два года съедали налоговые выплаты.

В Буэнос-Айресе семья поселилась в квартире на шестом этаже дома на углу улиц Ареналес и Урибуру, принадлежавшей престарелой матери Гевары Линча — Ане Исабели. В начале мая девяностошестилетняя Ана Исабель заболела, и родителям пришлось послать Эрнесто телеграмму, в которой сообщалось, что бабушка находится в тяжелом состоянии.

Встревожившись, 18 мая он отправил ответную телеграмму, в которой просил сообщить подробности и уведомлял, что, если самочувствие бабушки ухудшится, он готов оставить работу и немедленно выехать в Буэнос-Айрес.

Через несколько дней пришла печальная весть: у его бабушки случился удар и ее состояние стало по-настоящему опасным. Эрнесто оставил работу и примчался в Буэнос-Айрес. Он успел застать бабушку в живых. Последние семнадцать дней ее жизни он провел рядом с ней. «Мы все понимали, что она уже не выздоровеет, — писал Гевара Линч. — Эрнесто, в отчаянии, что бабушка ничего не ест, проявлял огромное терпение, пытаясь заставить ее поесть хоть чуть-чуть, и все время развлекал ее,

почти не отходя от постели. Он оставался с моей матерью, пока она не покинула этот мир».

Когда бабушка умерла, Эрнесто был безутешен. Его сестра Селия никогда не видела обычно сдержанного старшего брата таким несчастным. «Эрнесто был очень, очень печален, это было одно из самых грустных событий в его жизни».

Глава 4
Быть самим собой

I

Сразу после смерти бабушки Эрнесто сообщил родителям, что пойдет изучать не инженерное дело, а медицину. В том же месяце он подал заявление на медицинский факультет Университета Буэнос-Айреса.

Факультет медицины располагался в современном пятнадцатиэтажном здании: только прямые линии, непреклонный серый цвет, квадратные окна. Неприветливым и мрачным памятником медицинской науке тянется оно ввысь среди изысканных высоких особняков конца XIX века, с богато украшенными решетками балконов, французскими окнами и сводчатыми потолками. Здание выходит на площадь, доминантой которой является великолепный купол старинного католического храма. Оно украшено бронзовыми барельефами с изображениями хирургов, делающих операции пациентам.

Гевара так и не дал четкого объяснения, почему выбрал медицинскую карьеру, только несколькими годами позже заметил, что им двигало желание добиться «триумфа»: «Я мечтал стать знаменитым исследователем, неустанно трудящимся в поиске чего-то такого, что навсегда осталось бы в распоряжении человечества».

Точные науки давались ему легко, поэтому инженерное дело казалось разумным выбором, но к этой сфере он не проявлял достаточного интереса. В медицине, по крайней мере, можно сделать что-то стоящее. В семье считали, что это решение вызвано его переживаниями по поводу смерти бабушки: Эрнесто видел, что современная медицина никак не может ослабить ее мучения, и потому захотел сам сделать что-то для облегчения человеческих страданий. Шок от смерти бабушки (хотя скончалась она в преклонном возрасте), быть может, и подтолкнул Эрнесто поменять решение, избрать иной жизненный путь, но, как выяснилось вскоре, также им двигало страстное желание найти лекарство против собственной болезни — астмы.

Помимо учебы, Эрнесто регулярно подрабатывал. Но из всего, чем он занимался, более всего его увлекла работа в Клинике Пизани, специализировавшейся на лечении аллергии. Там он проработал дольше всего. Гевара появился в клинике поначалу

как пациент доктора Сальвадора Пизани, но вскоре проявил такие способности и интерес к этой области медицины, что Пизани предложил ему занять неоплачиваемую должность научного ассистента. Для юного студента участие в научной работе было уникальной возможностью.

Пизани применял собственную систему лечения аллергии: с помощью вакцины, составленной из веществ, содержащихся в полупереваренной пище. И лечение Эрнесто этим методом дало некоторый положительный эффект. Тот был в таком восторге от этих результатов и от работы в лаборатории, что решил выбрать специализацию врача-аллерголога.

Семейная клиника Пизани стала для Эрнесто вторым домом. Доктор Пизани, его сестра Мафальда и их мать жили в просторном доме по соседству и вскоре очень привязались к Эрнесто. Женщины кормили его специальной «противоастматической» пищей: морковным соком, зерновым хлебом и овсяным печеньем — и укладывали в постель, когда у него случался приступ. Эрнесто отвечал благодарностью на эту материнскую заботу, а доктор Пизани стал считать юношу своим протеже, который пойдет по его стопам и станет когда-нибудь крупным аллергологом.

Собственный же отец стал редко видеть Эрнесто: тот вечно куда-то спешил, у него постоянно не было времени. «Энергичный и трудолюбивый, он, выполнив свои обязанности в одном месте, сразу бежал в следующее. Естественно, он всегда спешил! Чтобы обеспечить себя, Эрнесто необходимо было работать. Я давал ему недостаточно денег, да он и не хотел, чтобы я хоть грошом ему помогал. Он стремился делать все как можно лучше».

Но за активностью и трудолюбием Эрнесто скрывалось внутреннее беспокойство. За несколько месяцев до того, приехав в Вилья-Марию, он попытался выплеснуть свои смятенные чувства на страницы дневника. Эти строки написаны белым стихом и дают редкую возможность заглянуть в мир эмоций Эрнесто в важный момент его жизни. Ниже следует отрывок из дневника, запись от 17 января 1947 г.

Я знаю это! Знаю!
Стоит мне выйти, и река меня поглотит…
Мне суждено умереть сегодня!
Но нет, сила воли способна все превозмочь.
Я признаю — есть преграды,
Но я не хочу уходить.
Пусть я умру — но в этой пещере.

Пули — что могут пули сделать со мною,
Когда утонуть я должен?
Но я судьбу хочу одолеть.
Судьбу подчинить можно воле.

Умру я, пускай, но пулями изрешеченный,
Штыками истерзанный, — только не сгинув в пучине…
Память, что имени дольше живет, —
В сраженье, в гибельной битве.

Это внутреннее смятение Эрнесто было не просто результатом беспокойства, вызванного разладом в семье или размышлениями по поводу выбора университета. Оно касалось других вопросов — его внутренней силы, судьбы, того, какой путь выбрать в жизни, «безопасный» или «рискованный»: «Умру я, пускай, но пулями изрешеченный, штыками истерзанный, — только не сгинув в пучине…»

С другой стороны, упоминания о гибели в морской пучине, о «глубоком колодце», возможно, являются символическими аллюзиями на его астму, которая накладывала серьезные ограничения на жизнь Эрнесто и, как ему, должно быть, казалось, предопределяла его смерть. Возможно, юноша хотел сказать, что болезнь есть препятствие, которое он должен преодолеть силой воли и духа. Но, не имея авторского толкования этих стихов, лучше, наверное, считать это произведение тем, чем оно и являлось: патетическим излиянием чувств поглощенного собой, мятущегося восемнадцатилетнего юноши.

Последние месяцы нанесли много душевных ран Эрнесто: разрыв родителей и печальное экономическое положение семьи, вынужденный переезд в Буэнос-Айрес и, наконец, смерть любимой бабушки — все это разрушило чувство опоры, которое давала семья. Как старший сын, Эрнесто чувствовал, что на нем лежит ответственность «вызволения» семьи из трудного положения, и ему стало казаться, что будущее его уже определено. Еще до печальных известий о бабушке и до приезда в Буэнос-Айрес у Эрнесто стало формироваться новое понимание своего долга перед семьей. Перед отъездом из Вилья-Марии он писал матери: «Расскажи мне, решила ли ты вопрос с жильем и могут ли младшие ходить в школу».

Вся семья оказалась теперь в Буэнос-Айресе, но, так как денег у них не было, вопрос о жилье стоял очень остро. На некоторое время они нашли себе пристанище, и следующий год вся семья жила в квартире покойной Аны Исабель. Затем Гевара Линч

продал плантацию в Мисьонес и отдал деньги Селии, чтобы она купила дом.

Дом, который она нашла, представлял собой старое, уродливое здание на улице Араос, 2180, к тому же нижний этаж там снимала пожилая пара. Однако располагался дом удобно, на окраине Палермо — элитного района, где имелись парки и игровые площадки. Теперь у них снова появился свой очаг, но жизнь не была прежней. Старшим детям пришлось искать работу, а отношения родителей расстроились, хоть они и оставались официально в браке. Эрнесто Гевара Линч больше не спал в одной постели с Селией, а перебрался на диван в гостиной.

Изменившиеся семейные обстоятельства самым существенным образом повлияли и на отношения Эрнесто с отцом. «Мы подшучивали друг над другом, будто были ровесниками, — писал Гевара Линч. — Эрнесто постоянно меня дразнил. Как только мы дома садились за стол, он подзуживал меня, затевая разговоры о политике… В свои двадцать лет он знал больше моего в этой сфере, и мы вечно спорили. Тому, кто услышал бы нас случайно, могло показаться, что мы ссоримся. Но это было совсем не так. Глубоко внутри нас жило чувство самого настоящего товарищества».

II

В первый год учебы в университете Эрнесто призвали в армию. Но медицинская комиссия выявила астму, и его забраковали по причине «ограниченных физических способностей». Это решение избавило юношу от необходимости прервать учебу и целый год провести в казарме. Эрнесто был чрезвычайно обрадован и говорил друзьям, что «благодарен своим дрянным легким за то, что они наконец решили сделать для него что-то полезное».

На факультете он тем временем изучал обычные курсы анатомии и физиологии. Среди тех, с кем Эрнесто подружился в самом начале учебы, была Берта Хильда Инфанте, по прозвищу Тита. Ее покойный отец был юристом и политиком в Кордове, а семья недавно переехала в столицу. Эрнесто сразу привлек Титу, показавшись ей «красивым и раскованным юношей».

Сохранилась довольно жуткая фотография 1948 г., где Эрнесто и Тита, одна из всего лишь двух девушек в группе, стоят вместе с другими студентами в белых халатах перед обнаженным трупом мужчины на хирургическом столе. Его обритая голова с открытым ртом свисает со стола, а грудная полость зияет, как

нутро выпотрошенного цыпленка. Вероятно, Эрнесто чувствовал несуразность этой сцены: большинство студентов стоят с серьезными минами, подобающими выбранной ими профессии, пара-другая улыбаются, и только он один скалится во весь рот прямо в камеру.

Встретившись на занятиях по анатомии, Эрнесто и Тита стали преданнейшими друзьями. Отношения их были чисто платоническими. Для Эрнесто девушка стала наперсницей, которой он мог поверять чувства в трудный период жизни. И Тита была рада, что ее выбрали на эту роль. Каждую среду они встречались в Музее естественных наук, где студенты препарировали рыб под руководством пожилого профессора-немца. Иногда Эрнесто и Тита встречались в кафе или у нее дома и обсуждали занятия и личные проблемы; они обменивались книгами и обсуждали их, читали друг другу любимые стихи.

Наверное, отношения Эрнесто и Титы были основаны на потребности каждого из них в искренней, бескорыстной дружбе. Оба они были одиноки и жаждали привязанности, у обоих были разрушены семьи — отец Титы умер три года назад, — и оба не совсем еще освоились в огромном столичном мегаполисе, с населением в пять миллионов человек. Дружба их продлилась долго; когда Гевара уехал из Аргентины, они непрерывно писали друг другу: Эрнесто отправил Тите не меньше писем, чем матери и тете Беатрис.

Стараясь пореже бывать дома, где всегда было слишком много народу, Эрнесто подолгу засиживался в квартире своей незамужней тети Беатрис. Когда он был ребенком, Беатрис проявляла по отношению к племяннику такую заботу, какая не была свойственна Селии: присылала ему подарки и книги, новые лекарства от астмы. Она неизменно поддерживала Эрнесто в учебе и всегда переживала за него. Теперь она снова была рядом.

Эрнесто регулярно приходил в квартиру на улице Ареналес, где тогда жила Беатрис, в двадцати кварталах от улицы Араос. Там он ужинал и занимался по вечерам. Беатрис готовила еду и хлопотала вокруг племянника: хорошо ли он себя чувствует, регулярно ли питается, достаточно ли у него лекарств от астмы? Гевара Линч вспоминал: «Сестра не ложилась спать, пока Эрнесто занимался, у нее всегда был готов для него мате, Беатрис обязательно приходила к племяннику, когда он делал перерыв, и все это сопровождалось глубочайшей любовью и привязанностью».

Свидетелем теплых отношений тети и племянника стал двоюродный брат Эрнесто, Марио Саравиа, который был семью годами младше него. В 1951 г. он приехал учиться в столицу из

Баия-Бланки, что на юге Аргентины, где жила его семья. В течение двух лет Марио жил в семье Гевара и делил комнату с Эрнесто и Роберто. Также, будучи привечаем Беатрис, он часто ужинал в ее доме вместе с Эрнесто.

Как рассказывает Саравиа, Беатрис была такой чистюлей, что, прежде чем взять в руки деньги, надевала перчатки, а подав руку незнакомцу, обязательно мыла ее после этого. Тетушка не доверяла простолюдинам и закрепляла клещами ручку запертой двери в комнату прислуги, когда ее кухарка-мукама уходила спать, — чтобы ручку было не повернуть. Эрнесто нравилось шокировать Беатрис. Однажды за ужином он сказал, что хочет встречаться с одной девушкой. «А как ее фамилия?» — спросила Беатрис, желавшая знать, из хорошей ли та семьи. Когда Эрнесто беспечно ответил, что не знает, бедная тетушка была подавлена и крайне огорчена.

С этой преданно любившей его женщиной Эрнесто никогда не затевал серьезных стычек. Не спорил с ней, однако сам делал, что хотел. Хотя иной раз Эрнесто подтрунивал над тетушкой, шокируя ее воображение намеками на какие-то неподобающие дела, которыми якобы тайно занимался.

По словам Саравиа, если бы Беатрис узнала о некоторых из этих дел, у нее «случился бы инфаркт прямо на месте», потому что в число грехов Эрнесто входило, например, соблазнение той самой кухарки, которую она так тщательно запирала по ночам.

Как-то за обедом, во время перемены блюд, Саравиа со своего места за столом в изумлении наблюдал через открытые двери, как Эрнесто совокупляется с мукамой на кухонном столе — прямо за спиной ничего не подозревающей тетушки. Быстро закончив свое дело, Эрнесто вернулся за стол и продолжил есть, а тетушка так ничего и не заметила.

III

Неудивительно, что товарищи по университету редко видели Эрнесто. Он производил впечатление человека, вечно куда-то спешащего. Да так оно и было — работал ли он, учился ли, или предавался все растущей страсти к путешествиям. В каком-то смысле, Буэнос-Айрес был лишь плацдармом для расширения его географических горизонтов. Эрнесто начал путешествовать автостопом: поначалу ездил на выходные или праздники в Кордову или в эстансию своей покойной бабушки в Санта-Ана-де-Иринео-Портеле, но постепенно он стал удлинять маршруты и увеличивать продолжительность поездок.

Хотя в его жизни произошло много перемен, кое-что оставалось неизменным. Эрнесто по-прежнему страдал от астмы, он продолжал играть в шахматы — это стало одним из любимых его увлечений — и в регби. Он читал много книг и продолжал делать записи в философских тетрадях. А также он писал стихи. К этому периоду относится одно из наиболее ранних из сохранившихся стихотворений Гевары, нацарапанное на внутренней стороне обложки его пятой философской тетради.

Как и другие стихи, которые Эрнесто писал в возрасте двадцати лет, оно неуклюже и вычурно, но в то же время в нем видна сила романтического воображения, а любовь к словам свидетельствует о зарождении его растущего желания писать.

Камень надгробный абстрактного сада,
Своей архаической архитектурой
Ты бьешь по кубу людской морали.
Фигурки жуткие стих твой багрянят кровью
И окропляют отсветы панегирических фасадов,
И темное имя твое зловещие тени пятнают.
Тебя одевая в общий наряд со всеми.

Все чаще и чаще он надолго уходил в мир своих размышлений и учебы. Роберто, его брат, был поражен, когда увидел, что Эрнесто книгу за книгой читает отцовское двадцатипятитомное издание «Истории новейшего времени»; в своих тетрадях молодой Гевара не раз ссылается на эти книги.

С такой же методичностью он стал составлять каталог прочитанной литературы. В алфавитную книжку в черном переплете он вносил имя автора, указывал, из какой тот страны, записывал название книги и ее жанр. Список книг огромен и включает в себя все подряд: популярные современные романы, европейскую, американскую и аргентинскую классику, труды по медицине, сборники стихов, биографические и философские исследования. Некоторые книги из списка просто поражают: «Мои лучшие партии» шахматиста Александра Алехина, «Социалистический ежегодник за 1937 год», «Производство и использование целлулоида, бакелита и пр.» Р. Бунке. Но любил Гевара и классику приключенческой литературы, особенно Жюля Верна. Он прочел полное собрание его сочинений, а старинный трехтомник в кожаном переплете Эрнесто считал одной из самых главных своих ценностей. Десять лет спустя, когда он был уже команданте на Кубе, ему привезли этот трехтомник из Аргентины.

Эрнесто продолжал также изучать труды по вопросам

сексологии и социального поведения Фрейда и Бертрана Рассела и все больше интересовался социальной философией: он читал на эту тему все, от древних греков до Олдоса Хаксли. Интересно наблюдать, как сужается круг его интересов и как это отражается одновременно в списке прочитанных книг и в записях в философских тетрадях.

Набирал силу интерес Гевары к концепциям и происхождению социалистической философии. О фашизме он читал у Бенито Муссолини, о марксизме у Сталина, о справедливости у Альфредо Паласиоса, пламенного социалиста и основателя Аргентинской социалистической партии; у Золя он почерпнул резкую критику христианства, а у Джека Лондона — описание классового общества. Он прочел биографию Ленина французского автора, «Манифест Коммунистической партии», несколько речей Ленина и заново погрузился в «Капитал». По записям в третьей тетради видно, что Эрнесто увлекся Марксом. Краткое описание его жизни и трудов занимает не один десяток страниц — сведения Гевара почерпнул из книги Р. П. Дюкатильона «Коммунизм и христианство». (Маркс вообще стал его увлечением на всю жизнь: в 1965 г., когда Гевара тайно находился в Африке, он нашел время набросать черновик биографии Маркса, которую намеревался собственноручно написать.)

Из книги Дюкатильона молодой Гевара также выписал строки о Ленине, где тот назван необыкновенной исторической фигурой, человеком, который «жил, дышал и грезил» социалистической революцией, подчиняя этой цели всю свою жизнь. Эти слова поразительно созвучны с тем, что будут впоследствии говорить о самом Че Геваре его соратники-революционеры.

И все же, несмотря на весь свой интерес к социализму, пока что Эрнесто не проявлял склонности по-настоящему примкнуть к левым. В сущности, в университетские годы Гевара оставался политически нейтрален, он лишь размышлял, слушал, иногда спорил, но избегал активного участия в политической жизни.

К 1950 г. власть Перона в стране превратилась в популистско-националистическое движение, официально называвшееся перонизмом. Перон был его «руководителем», а молодая жена президента Эвита, вечно щеголявшая в роскошных нарядах, — его символом и вдохновляющей силой. У движения имелась своя социальная философия под названием «хустисиализм», конечной целью которой провозглашалось «организованное сообщество» живущих в согласии людей.

Однако, вступая в противоречие с этими возвышенными принципами, Перон начал репрессии против своих оппонентов.

Несогласных с его политикой заставили замолчать — в стране были ужесточены меры наказания за десакато — оскорбление должностных лиц государства. Главными в стране официально почитались дескамисадос (безрубашечные), то есть рабочие массы, и их верность президенту была завоевана бесчисленными общественными программами, которые проводила Эвита, и градом подарков. Эвита стала «лицом» режима и президентом собственного «Фонда Эвиты Перон».

Место новой Аргентины в мировом сообществе Перон определял как «третью позицию», что означало оппортунистическую и намеренно двусмысленную политику балансирования между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. По словам самого Перона, «эта идеологическая позиция означает, что мы находимся в центре, слева или справа в зависимости от обстоятельств. Мы подчиняемся обстоятельствам».

Цинизм Перона был абсолютно очевиден, однако было ясно и то, что его политикой движет желание создать новую Аргентину — суверенное, независимое государство. Демонстрируя своего рода смесь недоброжелательства и уважения к Перону, Эрнесто прозвал его Капо (Глава банды гангстеров). Однако по большому счету Гевара не выражал симпатий ни к Перону, ни к его противникам. Мало было привлекательного в том, чтобы вступить в ряды оппозиции. Основные политические партии Аргентины демонстрировали слабое понимание процессов, происходивших в обществе, и проявляли неспособность противостоять Перону. Коммунистическая партия была пока что легальной политической организацией, но поддержка ее профсоюзами и рабочей организацией «Всеобщая конфедерация труда» (ВКТ) значительно ослабилась, ибо Перон создал новые структуры, объединяющие рабочих. В ответ коммунисты вступили в союз с центристской Радикальной партией и группой менее значительных левоцентристских партий, сформировав стратегическую оппозицию Перону. Оппозиция эта тонула в трясине теоретических споров, у нее не было мощного лидера и серьезной поддержки в народе. Ну а поскольку ради выживания она объединилась с приверженцами status quo ante,[2] Эрнесто наверняка не считал ее силой, способной изменить что-то в обществе.

В университете действовал «Коммунистический союз молодежи» («Федерасьон хувениль комуниста»), и Эрнесто был знаком с некоторыми его активистами. Один из них, Рикардо Кампос, вспоминал впоследствии, что они вели ожесточенные споры о политике. Однажды ему удалось убедить Эрнесто прийти

на собрание организации. Но в самый его разгар Гевара, к ужасу участников, торжественно удалился. «По некоторым вопросам у него были абсолютно четкие воззрения. И в первую очередь по поводу этики. В то время мне он казался скорее человеком этики, нежели политики».

Врат Титы Инфанте, Карлос, считал Эрнесто «прогрессивным либералом», интересующимся в первую очередь медициной и литературой. Они обсуждали работы Анибаля Понсе, аргентинского писателя-марксиста, но, когда речь заходила о Коммунистической партии, Эрнесто очень критиковал ее за «сектантство» и высказывал скептицизм по поводу роли коммунистов в политической жизни Аргентины.

В спорах с окружающими Эрнесто поверял идеи, почерпнутые из книг и особенно ему понравившиеся. Так, в 1951 г., на поминках дяди, у него произошел спор о политике и философии с двоюродным братом, Хуаном Мартином Муром де ла Серна. Эрнесто апеллировал к взглядам Маркса и Энгельса, тогда как Хуан отстаивал идеи французских католических философов. А приехав как-то в Кордову, Эрнесто крайне расстроил Долорес Мояно, раскритиковав в ницшеанском духе учение Иисуса Христа. Война в Корее стала предметом ожесточенных споров между сыном и отцом: Эрнесто осуждал американцев, обвиняя их в империализме, а Гевара-старший стоял на их стороне.

Именно в подобных спорах, а вовсе не в активном участии в аргентинской политике стали выкристаллизовываться взгляды молодого человека. Но никто из его друзей и родственников не назвал бы Эрнесто марксистом, да и сам он в то время не считал себя таковым. Его приверженность нонконформистским взглядам близкие относили на счет «богемного влияния» и непокорного нрава Эрнесто. Такое мнение подкрепляла и его привычка неформально одеваться, и «цыганская» страсть к путешествиям. Вероятно, многие из них думали, что с возрастом он откажется от этой «шелухи».

В сложной политической среде Аргентины его взгляды находили опору. Перон изобрел макиавеллиевскую формулу радикальных политических перемен: перемен вопреки могущественной оппозиции, состоявшей из консервативной олигархии, католического духовенства и части вооруженных сил. На примере Перона Эрнесто видел, как работает настоящий мастер политики, владеющий волшебными ключами от врат политического успеха: знанием настроения народа, знанием, кто тебе друг, а кто враг, и наконец — знанием, в какой момент нужно действовать. Вот какой урок преподавал Перон: чтобы достичь высот политики в такой стране, как Аргентина, нужно

обладать мощнейшим умением повести за собой народ и быть готовым использовать силу для достижения своих целей.

Учитывая, что Эрнесто были свойственны националистические взгляды, ему наверняка пришлись по нраву попытки Перона укрепить политическую и экономическую независимость Аргентины. В этом смысле особенно показательной выглядит его увлеченность книгой Джавахарлала Неру «Открытие Индии» (1946). Он прочел ее с великим интересом, подчеркивая важные места и оставляя на страницах неразборчивые комментарии. Он с восторгом рассказывал о ней своим друзьям.

Трудно поставить рядом Перона и Неру, настолько различны были их взгляды на то, как следует руководить государством. Однако между борьбой Неру за освобождение Индии от колониальной зависимости и пероновской программой превращения Аргентины в экономически независимую державу было немало общего. Общим был и синдром зависимости, свойственный слаборазвитым странам. Перон и Неру сыграли важную роль в формировании взглядов Эрнесто. И хотя впоследствии они приобретут новые, радикальные, черты, нет сомнения, что именно идеями Перона и Неру были вдохновлены будущие призывы Гевары к странам третьего мира: освободиться от власти капиталистического империализма, провести скорейшую индустриализацию — и призывы к лидерам этих стран стать во главе революционных перемен.

И Перон, и Неру проводили быструю индустриализацию своих аграрных государств, считая ее важнейшим шагом на пути к независимости от могущественных держав — в первую очередь Великобритании и Соединенных Штатов, — по воле которых менялось их экономическое состояние. И Аргентина, и Индия сильнейшим образом зависели от импорта, особенно промышленных товаров, и сталкивались со сложностями экспорта своего сырья. У обоих государств не было собственного прочного промышленного фундамента.

Неру писал: «В современном мире ни одна страна не может быть независима политически и экономически, даже в пределах взаимозависимости государств друг от друга, если она не обладает высокой степенью индустриализации и не развила максимально свои энергетические ресурсы».

Эти идеи будто эхом отзываются в пероновской программе «социальной справедливости, экономической независимости и политического суверенитета», провозглашенной в то время, когда в основном Британия, но все больше и США имели контрольные пакеты акций в важнейших предприятиях транспортного,

железнодорожного, коммунального секторов и отвечали за ввоз в страну большей части промышленных товаров. В первый год своего правления Перон начал амбициозную программу развития промышленности в целях «замещения импорта». А когда в 1947 г. он решил национализировать принадлежавшие иностранцам коммунальные и железнодорожные предприятия и выплатить внешний долг Аргентины, на карту оказалась поставлена та самая «экономическая независимость» государства.

Семена упали в плодородную почву. В Аргентине не доверяли зарубежным капиталистам, причиной чему были экономические трудности, которые пережила страна из-за неоднократных падений цен на свою сельскохозяйственную продукцию в период двух мировых войн и в 20–30-е годы, во время Великой депрессии в Америке. При этом собственная промышленность Аргентины не могла предоставить достаточно товаров в ответ на повышение цен на импортную продукцию. Унизительный «Пакт Роки-Рансимена», подписанный в 1933 г. Вице-президентом Аргентины Х. Рокой и британским министром торговли У. Рансименом и предоставлявший значительные торговые преференции Великобритании, а также пришедший ему на смену договор 1936 г. принуждал Аргентину покупать английские товары и гарантировал английским инвесторам концессии в обмен на закупки Британией аргентинской пшеницы, шерсти и говядины. Зарубежный капитал все больше становился символом иностранного вмешательства в дела страны и превращался в фактор, разжигавший националистические настроения.

Вмешательство янки достигло небывалых высот на выборах 1946 г., когда Сприл Брейден, непродолжительное время бывший американским послом в Буэнос-Айресе, а затем ставший заместителем секретаря Сената по Латинской Америке, открыто начал кампанию против Перона. Со свойственным ему изяществом Перон сумел использовать американское вмешательство в свою пользу, взывая к патриотизму народа. Он заявил, что выбор предстоит сделать не между разными движениями внутри Аргентины, а между Брейденом и Пероном.

Многие аргентинцы весьма саркастически восприняли новость о том, что администрация Трумэна пытается провести «договор о взаимной обороне» между США и латиноамериканскими странами. Тем не менее подобный договор, ставший частью объявленной незадолго до того «доктрины Трумэна», основой которой была бескомпромиссная политика сдерживания СССР, был подписан в 1948 г. правительствами западных стран в Рио-де-Жанейро. Подписание договора сопровождалось воспеванием на разные лады «нового»

панамериканизма. Коммунисты Латинской Америки объявили это спонсируемое США «братство» вариацией на старую тему — доктрину Монро, отдавшую Латинскую Америку в руки колониалистов «с Уолл-стрит и капиталистическим монополиям». Фактически договор дал Вашингтону право военного вторжения в соседние государства, «дабы поддерживать свободные народы, сопротивляющиеся действиям вооруженного меньшинства либо внешнему давлению». Эрнесто оставил в своих тетрадях заметки о конференции в Рио-де-Жанейро, а также сделал отдельную запись о панамериканизме, где процитировал лицемерное, со словами о божественном промысле, определение этого понятия, данное одним из участников конференции.

Как вспоминает Долорес Мояно, в начале 1950-х годов Эрнесто испытывал глубокую враждебность к США. «По его мнению, у Латинской Америки были две беды: ее собственная олигархия и Соединенные Штаты. Единственным, что он любил в своей стране, были поэты и писатели; я никогда не слышала, чтобы он хорошо отозвался о чем-то другом. Эрнесто приводил в замешательство и националистов, и коммунистов, поскольку, явно выступая против Америки, тем не менее не принимал точки зрения ни тех ни других. Так как моя мать была американкой, я часто вставала на защиту США но всегда терпела неудачу. Мне никогда не удавалось убедить Эрнесто, что в основе внешней политики Соединенных Штатов чаще всего лежат неведение и ошибочные представления, а вовсе не заранее спланированная стратегия клики злодеев. Он же был уверен, что действиями США за границей управляют темные князья зла».

А доказательств в пользу таких взглядов в послевоенной Латинской Америке было предостаточно. Эрнесто достиг совершеннолетия в ту пору, когда США были на вершине имперского могущества и жестко преследовали свои экономические и стратегические интересы в регионе, мало заботясь о местных социальных и политических преобразованиях. В антикоммунистической атмосфере «холодной войны» поддержка Соединенными Штатами правых военных диктаторских режимов — Анастасио Самосы в Никарагуа, Рафаэля Трухильо в Доминиканской Республике, Мануэля Одриа в Перу и Маркоса Перес Хименеса в Венесуэле — в ущерб левым и открыто националистическим режимам объяснялась потребностями национальной безопасности.

Тогда как Вашингтон был более всего обеспокоен укреплением СССР в послевоенной Европе, Центральное разведывательное управление (ЦРУ) к концу 1950-х годов было настолько озабочено исходящими от коммунистического режима

угрозами Западу, что разработало секретный документ под названием «Возможности и намерения Советского Союза в Латинской Америке». «В отношении Латинской Америки, — говорилось в документе, — целью Советского Союза, по всей видимости, является максимальное уменьшение поддержки этого региона Соединенными Штатами, так чтобы стала возможна советизация региона, а его ресурсы можно было напрямую использовать для укрепления мощи СССР».

Особенно беспокоила ЦРУ возможность сотрудничества просоветски настроенных латиноамериканских компартий с Москвой, которое в случае начала войны между двумя сверхдержавами позволило бы им проводить подрывную деятельность и устраивать общественные волнения. ЦРУ констатировало способность СССР использовать антиамериканские настроения в регионе, отмечая, что в Аргентине «коммунисты, играя на аргентинском изоляционизме, нашли горячий отклик среди не-коммунистов, выступая против отправки аргентинских войск в Корею», а на Кубе они привлекли всеобщее внимание к произошедшему недавно инциденту, когда американский военнослужащий помочился на статую кубинского национального героя Хосе Марти, — «таким образом они серьезно, пусть и на время, уменьшили уважение народа к Соединенным Штатам». ЦРУ также обращало внимание на то, что Советы могут использовать «неприятие либерально-демократическими режимами одних стран диктаторских режимов других», что способствовало бы напряжению в отношениях между первыми и вторыми — лояльными к Вашингтону.

Эрнесто был на четвертом курсе университета, когда Перон, ссылаясь на коммунистическую угрозу внутри страны, начал атаку на левых. Во время этой «чистки» был арестован знакомый Эрнесто из Кордовы, его ровесник Фернандо Барраль, которого обвинили в «коммунистической агитации» и продержали под арестом семь месяцев. Барраль был испанским республиканцем, бежавшим в Аргентину, его отец, знаменитый скульптор, был убит при обороне Мадрида. Как иностранный гражданин, Барраль подлежал депортации во франкистскую Испанию, где его ждала неизвестность. Однако компартии Аргентины удалось получить от Венгрии предложение принять Барраля у себя в качестве политического беженца, и ему было позволено уехать туда.

Не считая случайных встреч, Барраль и Эрнесто мало общались с тех пор, как семейство Гевара переехало в Буэнос-Айрес. Барраль же тем временем влюбился в двоюродную сестру Эрнесто, Негриту Кордова Итурбуру. Хотя она и не ответила на его чувства взаимностью, Негрита и Барраль стали близкими

друзьями. Возможно, Эрнесто считал Барраля соперником в борьбе за сердце кузины, хотя сам Барраль впоследствии высказывал мнение, что тот не любил его за «догматизм». Как бы то ни было, все время пребывания Барраля в тюрьме Эрнесто был безразличен к его судьбе. Он не посещал его в заключении (впрочем, он вел себя так и прежде — когда был арестован Альберто Гранадо) и не участвовал в попытках его освободить.

Один из друзей вспоминает, что слышал, как Эрнесто советует прислуге голосовать за Перона, так как его политика направлена на благо их «социального класса». Также, когда это было ему нужно, он пользовался институтами перонистской системы. По словам его двоюродного брата Марио Саравиа, Эрнесто вступил в молодежную перонистскую организацию, для того чтобы пользоваться ее богатой библиотекой, где было много книг, которые он не мог достать в других местах. А как-то раз, последовав шутливому совету Татьяны Кироги, он, собираясь в продолжительное путешествие по Латинской Америке, сочинил письмо щедрой супруге Перона, Эвите, с просьбой подарить ему «какой-нибудь джип». Татьяна участвовала в составлении этого письма и вспоминает, что они ужасно веселились за этим занятием, но от великолепной первой леди Аргентины ответа так и не пришло.

IV

В двадцать с небольшим Эрнесто казался окружающим личностью привлекательной, но чудаковатой, стоявшей особняком от других. Людям трудно было вписать его в свою систему координат. Да он и не поддавался никакому определению. Внешний вид Эрнесто был странен, но он не замечал насмешек. Молодые люди его круга носили безупречные галстуки, блейзеры, брюки со стрелкой и начищенные до блеска туфли, чтобы их не дай бог не приняли за детей рабочих-иммигрантов, а Эрнесто вечно ходил в грязной ветровке и старомодных ботинках, купленных в комиссионке.

Как вспоминает Долорес Мояно, облик Эрнесто был излюбленной темой обсуждения среди друзей.

«Нужно знать, что такое провинциальная элита, чтобы понять, какой эффект производил на окружающих внешний вид Эрнесто. Все наши знакомые мальчики были крайне озабочены тем, как одеваются, и тратили кучу времени и денег, чтобы добыть прикиды по последней моде: ковбойские сапоги, джинсы, итальянские рубашки, английские пуловеры и тому подобное. А

любимой одеждой Эрнесто в то время была нейлоновая рубашка, когда-то белая, но посеревшая от постоянной носки. Он всегда ходил в ней и называл эту рубашку семанерой,[3] потому что стирал ее раз в неделю. Брюки его были слишком широки и болтались на нем, и как-то раз я заметила, что они подвязаны бельевой веревкой. Стоило Эрнесто войти в комнату, где проходило какое-нибудь сборище, как все разговоры прекращались, при этом каждый старался казаться равнодушным и делал вид, что не замечает, как он выглядит. Эрнесто все это ужасно забавляло, он прекрасно понимал, что шокирует окружающих, и наслаждался этим».

Гевара был начисто лишен музыкального слуха и научился танцевать, только когда друзья обучили его шагам и ритму каждого танца. Перед тем как приступать к танцу, он спрашивал, что это: танго, вальс или еще что. Получив ответ, он приглашал девушку и, в уме отсчитывая ритм, неуклюже вел ее по паркету.

«Танцы ни в коей мере не интересовали Гевару», — вспоминал его близкий друг Карлос Фигероа. По его словам, в то время Эрнесто был «бесстыжим нахалом», бездушным и безжалостным соблазнителем, поэтому единственной целью, с которой он ходил на танцы, было подобраться поближе к жертве. Мало что могло остановить его в желании соблазнить женщину, а внешность и разница в возрасте были ему безразличны.

Лишь некоторые из друзей и родственников Эрнесто были посвящены в его похождения. Как сообщает его кузен Марио Саравиа, Эрнесто «за тарелку еды был готов на все». В качестве примера он приводит связь Гевары со служанкой его родителей, индианкой из Боливии. Звали ее Сабина Португаль, ей было под сорок, и в Буэнос-Айресе Эрнесто регулярно спал с ней. «Это была самая безобразная женщина, какую я видел в жизни, — говорил Саравиа, — но стоило Сабине позвать Эрнесто, как он шел к ней в комнату».

Эрнесто очень непринужденно общался с родителями, ласково называя их «старушка» и «старичок», и спокойно воспринимал шутливые прозвища в свой адрес. Особенно его веселила новая кличка Чанчо (Свин), потому что она вызывала дикий гнев его отца, беспокоившегося о мнении окружающих. Когда Гевара Линч узнал, что позорное прозвище придумал Карлос Фигероа, он яростно набросился на него, так как считал подобное проявлением неуважения к семье.

Несмотря на недовольство отца, а может быть как раз именно из-за него, Эрнесто благожелательно принял эту кличку и в основанном им журнале «Тэкл», посвященном регби и выдержавшем одиннадцать выпусков, подписывал свои статьи

псевдонимом Чанг-Чо. В журнале этом Эрнесто разбирал матчи по косточкам, сочиняя статьи в энергичном стиле спортивного журналиста и сдабривая их специальной английской терминологией.

И если с отцом у него время от времени возникали конфликты, то к матери Эрнесто становился все внимательнее, причиной чему было ее слабое здоровье. В 1946 г. у Селии обнаружили рак груди, и она перенесла операцию. Эрнесто опасался рецидива болезни. Их «особенные отношения» были замечены друзьями семьи. Некоторые считали, что союз матери и сына так тесен, что прочие дети из него исключаются. Кое-кто, например, сочувствовал Роберто. Будучи лучше развит физически, хотя он и был двумя годами младше Эрнесто, Роберто в конце концов превзошел того в игре в регби. Но для семьи его успехи по-прежнему стояли ниже успехов старшего брата, так как считалось, что Эрнесто «перебарывает» астму. По словам родственников, у Роберто немало лет ушло на то, чтобы преодолеть чувство обиды, которое он с детства ощущал по отношению к брату.

В семье старались не замечать, что Гевара Линч и Селия не спят вместе. Со временем все уже привыкли к тому, что Гевара Линч приходит домой поздно вечером и, не обращая внимания ни на кого и ни на что вокруг, заваливается на диван спать. Так как ему были свойственны и другие странности, такое поведение казалось вполне естественным.

А надо сказать, что Гевару-старшего всегда отличала склонность к страхам и суевериям, которая со временем усугубилась. Он никогда не уходил из дома, не «забыв» там преднамеренно что-нибудь, например ключи, чтобы был повод вернуться. Не вернуться — это «дурной знак». Он маниакально следовал этому ритуалу. Если кто-нибудь за обеденным столом произносил слово «змея», Гевара Линч сразу же говорил «кабан» — своего рода противоядие, нейтрализующее зло, влекомое сказанным словом.

Селия тем временем по-прежнему старалась, чтобы ее дом был «салоном». Она часами раскладывала на обеденном столе пасьянсы, к которым — как и к курению — крепко пристрастилась, но всегда готова была принять у себя кого-нибудь из молодежи.

Что же касается бытовых сторон жизни, то Селия была выше них. Она понятия не имела, что происходит у нее на кухне, а когда у кухарки был выходной, наспех готовила обед из того, что оказывалось в холодильнике, не заморачиваясь рецептами. И совершенно не беспокоилась, если не обнаруживала в

холодильнике вообще ничего.

Все гости дома замечали, что в нем не хватает некоторых предметов мебели, украшений, картин на стенах, но, с другой стороны, их поражало великое множество книг, которыми было буквально забито все вокруг. Имелись и иные интересные особенности: «по вине» кухонной плиты постоянно происходили замыкания и стены были «живыми», они одаривали электрическим током всякого, кто по неосторожности к ним прислонялся.

Так же как Эрнесто уходил заниматься в квартиру Беатрис или в библиотеку, где находил необходимую тишину и уединение, его отец стал удаляться в обретенное им недавно убежище: съемную квартиру-студию на улице Парагвай. У него появился новый деловой партнер, вместе с которым они организовали контору, сочетавшую в себе агентство недвижимости и фирму, занимающуюся строительными подрядами. Организация называлась «Гевара Линч и Фербрух». Вскоре они нашли клиентов в городе, но, как всегда случалось у Гевары Линча, предприятие на ноги толком не встало. Линчу фатально не везло с партнерами: как только дела пошли на лад, Фербрух вышел из бизнеса из-за трагедии в личной жизни, впав в глубокую и продолжительную депрессию. Впоследствии Гевара Линч нашел другого партнера, Росси. Их компания удержалась на плаву, хотя пережила как взлеты, так и падения, и просуществовала до 1976 г., когда после военного переворота Гевара Линч вынужден был бежать из страны.

В студии имелась спальня, но Гевара Линч поставил в ней письменные и чертежные столы, а потому продолжал ночевать на диване на улице Араос или в квартире своей сестры Беатрис.

Однако, поскольку дом на улице Араос был всегда переполнен, студия эта с неизбежностью превратилась в место занятий младших членов семьи и их друзей. «Старичок» Гевара сделал дополнительные ключи, и дети приходили туда, когда хотели. Эрнесто зубрил там билеты перед экзаменами, равно как и Роберто, учившийся на юридическом факультете. Селия-младшая и Ана Мария со своим приятелем Карлосом Лино (эти трое изучали архитектуру) регулярно работали там над своими проектами, а какое-то время студия служила редакцией недолго просуществовавшего журнала «Тэкл».

В надежде заработать денег, которых вечно не хватало, Эрнесто не раз затевал коммерческие проекты, которые были столь же малоосуществимы, сколь и оригинальны. В этих авантюрах как правило участвовал его старый друг Карлос Фигероа, который к тому времени стал учиться на юриста и тоже

постоянно нуждался в наличных. Вдохновителем первого их предприятия был Эрнесто. Он пришел к выводу, что «Гамексан», инсектицид, применяемый против саранчи, можно успешно использовать для борьбы с домашними тараканами. Молодой человек провел испытания средства в своем квартале, посчитал результаты удовлетворительными и решил начать производство. Вместе с Фигероа и еще одним товарищем, пациентом доктора Пизани, они стали смешивать средство с тальком и упаковывать в коробки в гараже собственного дома.

Эрнесто хотел зарегистрировать порошок под торговой маркой «Аль Капоне», но ему сказали, что в этом случае нужно будет получить согласие семьи Капоне. Тогда он придумал название «Аттила», по имени предводителя гуннов: идея была в том, что средство «убивает все на своем пути». Однако выяснилось, что продукт с таким названием уже существует. В итоге Эрнесто остановился на названии «Вендаваль», что по-испански означает «мощный ветер, дующий с юга», и получил на него патент. В восторге от успехов сына, Гевара Линч предложил познакомить его с потенциальным инвестором, но Эрнесто, у которого уже сформировалось предубеждение против деловых партнеров отца, отказался со словами: «Папаша, неужели ты считаешь, что я позволю твоим друзьям меня сожрать?»

Семья сколько могла терпела фабрику «Вендаваля» у себя дома, но от нее шла ужасная, всюду проникающая вонь. «Отвратительный запах стоял по всему дому, — вспоминает Гевара Линч. — За обедом нам казалось, что мы чувствуем во рту вкус «Гамексана». Но Эрнесто невозмутимо продолжал работу». Однако конец бизнесу пришел довольно быстро: сначала его товарищи, а потом и сам Эрнесто почувствовали себя плохо, и дело было прекращено.

Следующий проект был порождением смелой мысли «Гордо» Фигероа. Молодые люди надумали закупить оптом большое количество обуви, а затем продать ее по более высокой цене, обходя дома и квартиры. Казалось, идея неплоха, но, успешно купив на аукционе большое количество туфель — невиданное дело, — они обнаружили, что перед ними куча поношенного хлама, причем пары зачастую не совпадают. Разобрав покупки, друзья нашли не слишком много полноценных комплектов. А когда продали их, стали продавать пары, туфли в которых были просто похожи!

В конечном счете у них осталось множество туфель только на правую или только на левую ногу, не составлявших никаких пар, и они продали один ботинок человеку без ноги, жившему на той же улице. После этого случая друзья и родные стали шутить, что

им следует отыскать как можно больше одноногих инвалидов и распродать остаток товара. Воспоминание об этой истории сохранилось потому, что некоторое время сам Эрнесто — несомненно получавший удовольствие от обращенных на него взглядов — носил ботинки разных цветов, оставшиеся от этой партии.

Не ограничиваясь этими предпринимательскими авантюрами, Эрнесто стал проводить у себя дома медицинские эксперименты. Некоторое время на балконе его комнаты в клетках жили кролики и морские свинки, которым он вводил препараты, вызывающие рак. Ставил он опыты, правда не прибегая к столь смертоносным средствам, и на своих друзьях. Карлос Фигероа как-то раз по наивности позволил сделать себе укол, и, когда в результате он весь опух, Эрнесто радостно воскликнул: «Вот! Именно такой реакции я и ждал!» — и сделал ему другой укол, чтобы снять симптомы.

Товарищ Эрнесто по медицинскому факультету вспоминал, как однажды они с Геварой проехались в буэнос-айресском метро, везя с собой ампутированную ногу. Они выпросили ее у ассистентов в анатомическом театре, чтобы «попрактиковаться» на ней дома, завернули в газету и сели в метро. Вскоре пассажиры, заметившие, что приятели пытаются скрыть в своем довольно неаккуратном свертке, стали бросать на них ошарашенные взгляды. Эрнесто наслаждался зрелищем охваченных ужасом пассажиров, а к тому времени, когда они добрались до дома, он уже просто умирал от хохота.

Так медицина, спорт и путешествия автостопом предоставили Эрнесто новые возможности для выходок, на которые он был мастер с самого детства. Некоторое время его желание изведать неизведанное удовлетворяло увлечение планерным спортом, которым он занимался по выходным на летном поле в пригороде Буэнос-Айреса вместе со своим вольнолюбивым дядюшкой Хорхе де ла Серна. Хорхе был младшим братом Селии и весьма яркой личностью. Он любил бродить по стране путешественником-одиночкой. Его очень любили в семье — Эрнесто его просто обожал. Однако дядюшка был не вполне в своем уме и по меньшей мере один раз лежал в психиатрической клинике, откуда вернулся с обритой головой и одетый в кожу.

Но наибольшую свободу Эрнесто ощущал, когда уезжал далеко от дома. В поездках автостопом, как правило в Кордову, его часто сопровождал Карлос Фигероа. Путешествие, которое обычно занимало на автомобиле десять часов, у них длилось семьдесят два: в основном друзья ехали на грузовиках, и иногда, чтобы заплатить за дорогу, им приходилось эти грузовики

разгружать.

Эти поездки доставляли Эрнесто истинное удовольствие, и он жаждал расширить горизонты. Дорога манила его. 1 января 1950 г., будучи на третьем курсе, он отправился в путешествие в глубь Аргентины — на велосипеде, снабженном небольшим итальянским двигателем. Это была его первая большая поездка в одиночку.

Перед отъездом Эрнесто сделал эффектное фото. Он сидит на велосипеде, опираясь ногами о землю и сжимая в руках руль, как будто на старте гонки, на нем кепка, очки от солнца и кожаная летчицкая куртка. Запасная велосипедная шина перекинута наискось через плечо, как патронташ.

Гевара отправился в Кордову. Оттуда он планировал поехать в Сан-Франсиско-дель-Чаньяр, расположенный в ста пятидесяти километрах к северу, где в то время работал в лепрозории и держал аптеку Альберто Гранадо.

Эрнесто начал путешествие вечером, поначалу воспользовавшись мотором, чтобы поскорее выехать из города, а затем стал крутить педали. Вскоре его нагнал другой велосипедист, и до утра они ехали вместе. Проезжая через Пилар, городок неподалеку от Буэнос-Айреса, который был первой его целью и которому некоторые «доброжелатели» из числа домашних предрекали стать конечной точкой путешествия, Эрнесто «ощутил настоящее счастье победителя». Он был в пути.

V

Эта поездка вывела на новый уровень два увлечения Эрнесто, которым предстояло сохраниться у него на всю жизнь: путешествия и ведение дневника. Он впервые ощутил необходимость описывать события каждого дня.[4] Ему было тогда двадцать два года.

На второй вечер Эрнесто добрался до места своего рождения — Росарио, а на следующий день, через «сорок один час семнадцать минут» с начала пути, прибыл в дом семьи Гранадо в Кордове. По дороге с ним постоянно что-то приключалось. Для начала, после того как Эрнесто позволил себе некоторое время проехать на буксире У грузовика, шедшего со скоростью шестьдесят километров в час, У него лопнуло заднее колесо и он оказался в куче хлама на обочине дороги, разбудив сезонного рабочего, который там спал. У них завязался разговор, и новый знакомый радушно угостил Гевару мате, положив туда «столько сахара, что и старую деву можно было сделать сладкой». (Эрнесто

предпочитал подслащённый мате.)

В Кордове Эрнесто провел несколько дней. Он навестил друзей, а потом вместе с Томасом и Грегорио, братьями Альберто Гранадо, отправился в поход к водопаду, находившемуся к северу от города. Там они полазали по скалам, поныряли с большой высоты в мелководные заводи, а когда случился ливень, их чуть не смыло внезапным наводнением.

Грегорио и Томас вернулись в Кордову, а Эрнесто поехал к Альберто в Лепрозорий имени Хосе Х. Пуэнте в окрестностях Сан-Франсиско-дель-Чаньяр. Поскольку Альберто занимался исследованием иммунологической реактивности прокаженных, а Эрнесто принимал участие в изучении проблемы аллергии в Клинике Пизани, у них теперь было куда больше общего, не только регби и книги. По словам Гранадо, для них обоих медицинская наука была «путеводной нитью», которая, «как тогда казалось», ведет их в будущее.

Эрнесто очень заинтересовала работа Альберто, и он сопровождал друга при обходах больных. Но вскоре между ними произошел конфликт. Он возник из-за одной пациентки, хорошенькой девушки по имени Иоланда, у которой страшные симптомы проказы — пятна омертвевшей плоти — проявились пока лишь на спине. Гранадо уже не первый раз сталкивался с тем, что, как только прибывает новый врач, девушка, не понимая, сколь серьезно ее состояние, начинает рассказывать тому, что ее совершенно незачем изолировать от других. «Эрнесто не стал исключением. Под впечатлением красоты девушки и ее жалостливого рассказа он пришел ко мне, и у нас разгорелся спор».

Эрнесто утверждал, что решения об изоляции больных должны приниматься более взвешенно. Альберто пытался объяснить, что случай этой девушки безнадежен и она крайне заразна. В доказательство он воткнул в один из пораженных участков на спине ничего не подозревающей девушки длинную иглу. Бедняжка даже ничего не почувствовала. «С торжествующей улыбкой я обернулся к Эрнесто, но встретил такой ледяной взгляд, что улыбка тут же сползла с моего лица. Будущий Че резко приказал мне: "Вели ей уйти!" И, когда пациентка вышла, я прочитал на лице друга еле сдерживаемый гнев… Прежде я никогда не видел Гевару таким. Мне пришлось выдержать целую бурю упреков. "Петисо, — сказал он мне, — я никогда не думал, что ты можешь стать до такой степени бесчувственным. Ты только что обманул эту девушку, лишь бы покичиться своим знанием!"» В конце концов Гранадо удалось аргументировать свою позицию, и друзья помирились. Инцидент был исчерпан, хотя и не забыт.

Проведя несколько дней в лепрозории, Эрнесто снова засобирался в путь. Он принял решение совершить путешествие более дальнее, чем думал вначале: теперь он «лелеял планы» доехать до отдаленных и малопосещаемых северных и крайних западных провинций. Гевара уговорил Альберто, у которого был мотоцикл, сопровождать его на первом отрезке пути.

Друзья отправились в дорогу, и Петисо на своем мотоцикле вез Пелао на буксире. Велосипед был привязан к мотоциклу веревкой, она все время рвалась, и через некоторое время молодые люди решили, что Эрнесто продолжит путь один. Альберто развернулся и поехал назад в Сан-Франсиско-дель-Чаньяр, а Эрнесто сделал в дневнике запись: «Мы обнялись, но не слишком крепко, и я глядел ему вслед, пока Альберто, помахав мне рукой на прощанье, не скрылся из виду; на своем мотоцикле он был похож на рыцаря».

Не встретив никаких трудностей, Эрнесто переехал через «окрашенную серебром землю» Салинас-Грандес, аргентинскую Сахару, и прибыл в небольшой городок Лорето. Там на одну ночь его приютили местные полицейские. Узнав, что он студент-медик, стражи порядка стали упрашивать его стать врачом в их городке — поскольку доктора там вообще не было. Но в тот момент Гевара и думать не хотел ни о чем подобном и вскоре снова отправился в путь.

В Сантьяго-дель-Эстеро, главном городе провинции, у него взял интервью корреспондент газеты «Тукуман дейли». «Первая в жизни статья обо мне», — с ликованием записал Эрнесто в дневнике и направился к Тукуману, следующему городу в северном направлении. По дороге, когда Эрнесто в очередной раз ремонтировал проколотую шину, он познакомился с еще одним странствующим рабочим, и у них опять завязался разговор.

«Этот человек возвращался со сбора хлопка в Чако и, побродяжничав некоторое время, намеревался устроиться собирать виноград в Сан-Хуане. Когда он услышал о моем намерении проехать по нескольким провинциям и понял, что все это делается только удовольствия ради, он обхватил голову руками и в отчаянии воскликнул: "Боже мой, столько усилий — и всё просто так!"»

Вряд ли Эрнесто сумел толком объяснить бродяге, зачем ему нужно путешествовать, разве что не раз повторил, что хочет посмотреть страну. Но слова этого человека заставили его задуматься. Если раньше в дневнике Гевара просто пересказывал факты и словоохотливо описывал события, расцвечивая эти описания разными байками, то теперь стал глубже анализировать себя и свои ощущения.

Добравшись до лесистого региона к северу от Тукумана, по дороге в Сальту, Эрнесто остановился, слез с велосипеда и углубился в густые заросли. Там он ощутил чувство единения с окружающей природой. Впоследствии он написал: «Мне кажется, во мне созрело нечто, что росло уже давно, и это — ненависть к цивилизации».

В тот же день Гевара встретил мотоциклиста, ехавшего на новехоньком «харли-девидсоне», и тот предложил подвезти его на веревке. Памятуя о недавних неприятностях с веревкой, Эрнесто отказался, но, прежде чем разъехаться в разные концы, они выпили вместе кофе. Несколько часов спустя, прибыв в ближайший город, Гевара увидел, как тот самый «харли-девидсон» снимают с грузовика. Ему сказали, что мотоциклист погиб. Это событие и то, что он чудом избежал той же судьбы, вызвало новую волну размышлений.

«Смерть этого мотоциклиста вряд ли потрясет множество людей, но, когда осознаешь, что человек идет навстречу опасности, не имея ни малейших героических целей, и может умереть просто на повороте дороги, никем не замеченный, думается, что этот безвестный искатель приключений находится во власти какой-то суицидальной горячки».

В Сальте Эрнесто явился в больницу, представился студентом-медиком и попросил ночлега. Его пустили спать на сиденье в грузовике. Там он «почивал как царь», пока рано утром его не разбудил водитель машины. Переждав проливной дождь, Гевара под шум капель, падающих с ярко-зеленой листвы, отправился в направлении Жужуя, самого северного города Аргентины.

В Жужуе, «чтобы узнать, чего стоит местное гостеприимство», он пришел в больницу и снова воспользовался «верительными грамотами» студента-медика, дабы получить постель. Его пустили переночевать, но только после того, как он повытаскивал вшей с головы индейского мальчика.

Это была самая северная точка, до которой Эрнесто добрался в своем путешествии. Он поехал бы и дальше, прямо до границы с Боливией, но, как он написал отцу, «из-за нескольких речных наводнений и действующего вулкана путешествиям в этом регионе настали кранты». К тому же в университете вскоре начинался новый семестр.

Гевара вернулся в Сальту и снова пришел в больницу. Сотрудники стали расспрашивать его, что он увидел за время своей поездки. Это навело молодого человека на размышления. «И правда, что же я вижу на самом деле? Меня не кормят всякой ерундой, как туристов, и мне странно видеть в рекламных

проспектах достопримечательности Жужуя. <…> Нет, страну так не узнаешь и жизнь ее не поймешь. Это роскошный фасад, а настоящая ее душа — это страждущие в больницах, арестанты в полицейских участках, это беспокойные прохожие, которых видишь, когда волнуется и вздувается Рио-Гранде».

Впервые в жизни Эрнесто ощутил резкие противоречия, свойственные его стране: он пересек водораздел между перенесенной сюда европейской культурой, которая тоже была «его», и забытой, отсталой «исконностью» ее глубинки. По мнению Эрнесто, облик Аргентины как государства сводился к внешнему лоску, «роскошному фасаду», за которым скрывалась истинная «душа» страны, и душа эта была больной и гниющей.

Несправедливость, окружающая людей — прокаженных, странствующих рабочих, арестантов, пациентов больницы, — которые оказались выброшены на обочину жизни и с которыми он подружился за время своего путешествия, свидетельствовала о скрытом «неспокойствии» региона, лежащего «ниже Рио-Гранде». Эти загадочные ссылки на Рио-Гранде — ее нет среди рек, которые он пересек во время поездки, — могут быть весьма существенны, так как речь, видимо, идет о реке, которая долгое время была своего рода политическим символом, разделительной линией между богатым Севером и бедным Югом: между Мексикой и США. Если эта догадка верна, то вот первый проблеск идей, которые овладеют Геварой позже: о том, что именно США, с их неоколониализмом и извечной эксплуатацией, виновны в том, что его родина пребывает в столь плачевном состоянии.

Северные провинции Аргентины являли собой огромные просторы незаселенной территории, там было лишь несколько старинных городов, которыми с давних пор управляли олигархические кланы невероятно богатых и привилегированных землевладельцев. Веками они и созданные их предками колониальные структуры существовали рядом с безликим и «чужим» большинством, над которым они властвовали. Это был регион деспотичных правителей, таких как сенатор от Катамарки Робустиано Патрон Костас, владелец сахарного завода. Он был выбран на роль преемника президента Кастильо, но ему не дали взять власть военные, совершившие в 1943 г. переворот при поддержке Перона.

Годами позже, чтобы оправдать этот переворот, Перон обвинил Патрона Костаса в том, что тот был «эксплуататором», управлявшим своим заводом как «феодальным поместьем», представителем той «немыслимой» системы, с которой нужно покончить, если Аргентина хочет занять достойное место в современном мире. Рассказывая о Патроне Костасе, один из

биографов Перона вторит этим словам: «Его заводы процветали благодаря почти рабскому труду рабочих, и слава Богу, если все не кончалось проказой, малярией, трахомой, туберкулезом или чесоткой, которые были весьма распространены в угодьях сенатора».

Именно из таких регионов бежали аргентинские индейцы, которых обычно называли «койя», и люди смешанной крови — «кабеситас неграс» («черные головы»). В поисках работы они наводняли города и создавали поселения из лачуг. Одно такое было напротив дома семьи Гевара в Кордове. Выходцами из таких поселений были их служанки, «Негра» Кабрера и Сабина Португаль, и именно вышеупомянутые регионы давали дешевую рабочую силу новым аргентинским предприятиям. Именно о них говорил Перон, когда призывал нацию вспомнить и принять в свои ряды *дескамисадос*, которые так раздражали белую элиту грубостью, зловонием и шумом, мешая ей жить в идиллии столичного города. Впервые эти люди стали для Эрнесто не слугами и не отвлеченными образами. Теперь он сам побывал среди них.

Эрнесто вернулся в Буэнос-Айрес как раз к началу семестра. За шесть недель, проведенных в дороге, он объехал двенадцать провинций и проделал путь в четыре тысячи километров. Гевара решил отнести велосипедный двигатель в ремонт в компанию «Америмекс», где в свое время и купил его. Когда там узнали, какое расстояние парень покрыл, ему предложили поучаствовать в рекламе двигателя в обмен на бесплатный ремонт.

Как они договорились, Эрнесто написал благодарственное письмо, где вкратце описывал свою одиссею и расхваливал произведенный компанией двигатель «Кукчиоло», с помощью которого проделал весь путь. В письме говорилось: «Двигатель прекрасно работал в течение всей моей продолжительной поездки, и я только к концу пути заметил, что у него уменьшилась степень сжатия, по каковой причине и оставляю его вам для ремонта».

VI

На четвертом курсе Эрнесто сдал еще пять экзаменов, приблизивших его к получению диплома, и при этом не прекращал работать в Клинике Пизани. Он также продолжал играть в регби и заниматься планерным спортом вместе с дядей Хорхе.

Но в нем уже пробудилось стремление увидеть мир, и после

удачного, как он говорил, «рейда» по Аргентине Гевара стал вынашивать новые планы. А потом, в октябре, незадолго до окончания курса, с ним случилось то, чего раньше еще не бывало. Впервые в жизни Эрнесто по-настоящему влюбился.

Однажды вся семья Гевара поехала в Кордову, на свадьбу Кармен, одной из дочерей Гонсалеса Агилара. На празднике Эрнесто познакомился с шестнадцатилетней Марией дель Кармен Феррейрой, по прозвищу Чичина, юной красавицей, происходившей из одного из старейших и богатейших семейств Кордовы. Они и прежде были знакомы, но, когда Эрнесто жил в Кордове, Чичина была еще маленькой девочкой. Да и сейчас ей исполнилось лишь шестнадцать, но она уже расцвела и превратилась в соблазнительную молодую женщину. Чичина была брюнеткой с нежной белой кожей и сочными губами, и, по свидетельству Пепе Агилара, впечатление, которое она произвела на Эрнесто, было «подобно удару молнии».

По словам самой Чичины, влечение было взаимным. Она была восхищена «его мощным телосложением», игривым нравом и простотой в обращении. «То, как бестолково он был одет, повергало нас в смех и смущало одновременно… Мы были настолько привержены условностям, что облик Эрнесто казался нам вызывающим. Он всегда спокойно принимал наши подшучивания».

Всё было очень серьезно, по крайней мере для Эрнесто. По воспоминаниям самых разных людей, хотя Чичина была еще совсем юной, в ней было мало женского легкомыслия, девушку отличали живой ум и воображение. Судя по всему, Эрнесто был уверен, что это любовь всей его жизни.

Это был красивый роман. Эрнесто происходил из семьи обедневших аристократов, а Чичина из провинциальной аргентинской аристократии. Девушка была наследницей семейной империи Феррейра: известняковых карьеров в Малагеньо и заводского комплекса, одного из немногих существовавших в то время в Кордове промышленных предприятий. В городе у семьи Феррейра имелась роскошная вилла во французском стиле — «Паласио Феррейра», — построенная на закрытой территории, посреди парка, в конце проспекта Чакабуко. Дом был возведен на рубеже веков и являлся родовым поместьем, в котором сейчас царила бабушка Чичины. Сама Чичина с родителями жила неподалеку, в другом особняке, который находился всего в двух кварталах от прежнего дома семьи Гевара. Совсем рядом с Кордовой у них имелась еще эстансия под названием Малагеньо, где семья жила летом.

Как пишет Долорес Мояно, на просторах Малагеньо, в две

тысячи гектаров, «было два поля для игры в поло, конюшни с арабскими скакунами и деревня, где жили рабочие с известняковых карьеров. Каждое воскресенье Феррейра всей семьей ходили в церковь на мессу, там у них имелась своя огороженная зона справа от алтаря, с отдельным входом и собственным местом у алтарной решетки для принятия причастия, в стороне от того, где теснились рабочие. Можно сказать, что Малагеньо воплощало в себе все, что презирал Эрнесто. И тем не менее, непредсказуемый как всегда, он без ума влюбился в принцессу этой маленькой империи, мою двоюродную сестру Чичину Феррейру, необычайно красивую и обаятельную девушку, которая, на горе своим родителям, была в равной степени увлечена им».

Обе семьи были уже хорошо знакомы, так как, когда Гевары жили в Кордове, Гевара Линч встречался с ними через своих деловых партнеров, а их дети дружили. Родители Чичины не стали сразу отвергать Эрнесто, хотя, вполне возможно, считали, что он ей не пара. Поначалу они находили этого юношу очаровательно чудаковатым и взрослым не по летам. Пепе Агилар, бывший свидетелем начавшегося романа, вспоминал, что семью Феррейра удивили и позабавили неряшливый вид Эрнесто и его неформальное поведение, но, как он заметил, когда Гевара говорил о литературе, истории, философии или рассказывал байки из своих путешествий, они внимательно слушали.

Вероятно, семью Феррейра не смутили необычность Эрнесто и его страсть к путешествиям, потому что они и сами были людьми неординарными. Пепе Агилар рассказывает о них как о людях исключительных, располагающих к себе, тонко чувствующих, образованных и любящих мирские радости. Они резко выделялись на фоне консервативного провинциального общества, которое почитало их и в равной степени им завидовало. Безрассудно смелый отец Чичины совершил путешествие по Амазонке, которое и в наши дни покажется опасным. Они участвовали в автогонках, когда дорог в тех местах почти не было, и увлекались самолетами, когда те только появились. Перед полетами их напутствовала бабушка, просившая, как Феррейра любили рассказывать, «летать пониже». Во время Второй мировой войны дядя Чичины, направлявшийся в Европу, чтобы вступить в войска генерала де Голля, погиб на корабле, потопленном немцами.

«Атмосфера семьи Феррейра», должно быть, воодушевляла Эрнесто, но посещения их дома были для него и своего рода проверкой. Вскоре он уже регулярно ездил в Кордову, чтобы повидаться с Чичиной. В течение 1951 г. Гевара часто посещал их

как в городе, так и в Малагеньо, где собиралось множество друзей Чичины.

По словам друзей, из всех родственников Чичины Эрнесто особенно нравился ее чудаковатому дяде Мартину. Дядя Мартин был пожилым затворником, жившим в Малагеньо, где занимался разведением племенных жеребцов. Он никогда не покидал эстансию. Дядя выделялся тем, что во время войны упорно поддерживал фашистскую Германию, тогда как остальные члены семьи были горячими сторонниками войск союзников. Он любил засиживаться допоздна и великолепно играл на фортепьяно. Поэтому, когда к Чичине приезжал Эрнесто и приходили друзья, он играл для них, а молодежь болтала или танцевала, часто до самого рассвета.

Однако Эрнесто чересчур поспешно предложил Чичине стать его женой и отправиться в свадебное путешествие по Южной Америке в «каса роданте», автомобиле с домиком на прицепе. «Тогда и начались ссоры, — вспоминал Пепе Агилар. — Чичине было лишь шестнадцать лет, и она не могла на такое решиться, да и родители не одобряли этот брак».

После того как Эрнесто сделал Чичине предложение, его появления в доме Феррейра все чаще стали приводить к конфликтам. «Столкновения были жестокие, — вспоминала Долорес Мояно. — Прямота, откровенность и насмешливость Гевары делали опасным его появление на любом вечере. Когда Эрнесто приходил к нам в дом на ужин, мы всегда ждали чего-то ужасного — со страхом и восторгом одновременно».

По мнению Татьяны Кироги, Эрнесто прекрасно понимал, какую реакцию вызывает, и неодобрение окружающих заставляло его говорить резкие слова, «чтобы не чувствовать себя униженным».

Напряжение достигло максимума, когда как-то за ужином в Малагеньо речь зашла об Уинстоне Черчилле. Свидетелями конфликта стали и Долорес Мояно, и Пепе Агилар. Феррейра были известными англофилами, и имя Черчилля в их доме всегда произносили с глубоким уважением. Сейчас они снова рассказывали истории о Черчилле, которого Эрнесто не слишком жаловал.

В конце концов, не удержавшись, он вмешался в разговор, сказав, что Черчилль не лучше других политиков и «все они одним миром мазаны». Вот что, по словам Пепе Агилара, за этим последовало. «Орасио, отец Чичины, сказал: "Я это терпеть не буду", — встал из-за стола и вышел. Я взглянул на Эрнесто, думая, что если кто и должен уйти, так это мы с ним. Но он лишь улыбнулся, как шаловливый ребенок, и принялся есть лимон

вместе с кожурой и косточками».

Чичина продолжала видеться с Эрнесто, но теперь тайно. Как-то раз, когда вся ее семья поехала в Росарио смотреть игру в поло, в которой участвовал ее отец, девушка договорилась с Эрнесто о встрече: он должен был спрятаться среди ее подружек в другой машине. Пока отец играл в поло, они тайком повидались друг с другом.

Мать Чичины, Лола, глубоко религиозная женщина, знала о чувствах дочери и была так обеспокоена перспективой получить себе в зятья Эрнесто, что, по словам Татьяны Кироги, дала обет святой Деве Катамаркской, покровительнице Аргентины: если Чичина разорвет отношения с Эрнесто, она сама совершит паломничество в провинцию Катамарка — к месту поклонения Деве, находящемуся далеко от их краев. (Лола выполнила обет, отправившись в паломничество на машине с личным шофером, однако испытание оказалось тяжелым: у них серьезно сломалась машина, и они много дней провели посреди жаркой пустыни. Эта поездка вошла в семейный фольклор Феррейра.)

Когда в декабре 1950 г. очередной университетский семестр подошел к концу, Эрнесто, как это ни удивительно, не приехал в Кордову, чтобы быть поближе к Чичине. Вместо этого он получил разрешение работать медбратом и устроился корабельным врачом на судно государственной нефтяной компании «Ясимьентос петролиферос фискалес».

На первый взгляд может показаться, что чары Чичины перевесила страсть к путешествиям, но правильнее будет предположить, что участие в мореплавании должно было придать Эрнесто мужественности в глазах любимой. Возможно, он хотел показать, что не меньше способен на подвиги, чем ее отец и дядья.

9 февраля 1951 г. Эрнесто отплыл в Бразилию на танкере «Анна Г.» и провел в море полтора месяца. Затем, вплоть до середины июня, когда он совершил свое четвертое и последнее плавание, Эрнесто больше времени проводил в море, чем на суше. Он плавал и на юг, и на север: от аргентинского порта Комодоро-Ривадавиа в Патагонии до британской колонии Тринидад и Тобаго, — заезжая в порты Кюрасао, Британской Гвианы, Венесуэлы и Бразилии.

Эрнесто не забывал о Чичине. Как только он возвращался в порт, то первым делом звонил своей сестре Селии и спрашивал, есть ли письма от Чичины. «Он просил меня как можно скорее прибежать к месту стоянки и принести письма. Я неслась со всех ног, выполняя его просьбу, — вспоминала она годы спустя. — Однажды брат попросил меня прибежать очень быстро, так как

корабль скоро отправлялся. Я схватила письмо и помчалась, но, когда добежала до порта, корабль уже уходил, а Эрнесто стоял на палубе и смотрел на берег… потом он увидел, что я стою с письмом в руке и машу ему».

Друзьям и родным Эрнесто казалось, что он живет весьма романтичной жизнью: они получали экзотические сувениры из тех мест, где он побывал, и слушали захватывающие истории о путешествиях в открытом море. Приключения у него и правда бывали. Карлосу Фигероа Эрнесто, например, рассказал, как подрался в одном бразильском порту с американским матросом (правда, его сестра Селия уверяет, что это был англичанин, а стычка с ним произошл в Тринидаде). Этот случай, как показалось Карлосу, подкрепил его будущую враждебность к англосаксам. А Освальдо Бидиносту Гевара поведал, как во время плавания удалил матросу аппендикс с помощью кухонного ножа: единственный скальпель, имевшийся на корабле, был пущен в ход во время драки, и его забрали как вещественное доказательство.

Но, как Эрнесто ни старался уверить себя в романтичности морской жизни, она не соответствовала его ожиданиям. Молодого человека огорчало, что танкер слишком мало времени проводит в портах и он не успевает ничего увидеть. В мае, когда снова начались занятия в университете, Гевара в последний раз отправился в плавание, из которого вернулся в середине июня, и больше в море не выходил.

Эрнесто явно очень много читал и размышлял, будучи в море, потому что, вернувшись в Буэнос-Айрес, он преподнес отцу необычный подарок. Это была тетрадь с написанной им автобиографической повестью, посвященной отцу. Она называлась «Angustia (Eso es cierto)» — «Страдание (Это точно)». Повесть богата цитатами из различных философов, а в качестве эпиграфа автор выбрал афоризм Ибсена: «Образование — это способность справляться с трудными положениями, в которые ставит тебя жизнь».

Это произведение, изобилующее глубокими метафорами, раскрывает причину и природу депрессии, которую Эрнесто испытал и преодолел, пока был в море. Действие повести происходит во время краткого увольнения на берег в тропическом порту Тринидада. Эта довольно мелодраматичная повесть — первая из известных нам попыток Гевары написать художественное произведение. Хотя в предисловии он заявляет, что преодолел депрессию и снова может «улыбаться и вдыхать воздух полной грудью», в тексте явно нашли отражение его одиночество и страдания по поводу отношений с Чичиной, желание противостоять ограничениям, налагаемым обществом, и

освободиться от них.

«Я падаю на колени, пытаясь найти решение, истину, побуждение. Надеюсь, что я рожден для любви, а не для того чтобы размышлять, сидя за столом, хорош человек или нет. Ибо я и так знаю, что человек хорош. Потому что рука об руку был с ним в деревне, на заводе, на лесозаготовках, в тюрьме, в городе. Видеть, что он здоров, в нем есть дух соратничества, он молод и полон сил, как молодое животное, но понимает, что исключен из общей картины, — это страдание. <…> Принести никому не нужную жертву, которая не поможет созданию новой жизни, — это страдание».

VII

К концу июня Эрнесто снова приступил к занятиям в университете. Ему было двадцать три, и до получения диплома оставалось еще два года, но занятия и экзамены больше его не радовали. Молодой человек страдал от безнадежной любви и не находил себе покоя. Путешествие на велосипеде и плавание на корабле обострили его желание увидеть мир, но надежда жениться на Чичине и увезти ее в свадебную поездку стала затухать.

Чичине едва исполнилось семнадцать, и она была еще очень привязана к семье. Сочетание стойкой неприязни к Эрнесто со стороны ее родителей и своей собственной нерешительности привело к тому, что их отношения зашли в тупик. А разлука лишь усугубляла дело.

На помощь Эрнесто пришел Альберто Гранадо, который стал готовиться к годовому путешествию по всему южноамериканскому континенту. Он уже давно говорил о такой поездке, но ничего не делал для ее осуществления, поэтому в семье его все решили, что это просто безобидная фантазия. Но теперь, когда ему почти исполнилось тридцать, Альберто понял, что если не сделает этого сейчас, то не сделает никогда. И рассудил, что без спутника ему не обойтись. А кто, кроме Пелао, способен бросить все ради такого приключения? Когда Альберто рассказал другу о своих планах, Эрнесто, «по горло сытый медицинским факультетом, больницами и экзаменами», не раздумывая согласился.

Во время октябрьских каникул Эрнесто приехал в Кордову, чтобы повидаться с Альберто и составить план поездки. Позже он с ностальгией вспоминал это время: они сидели под виноградными лозами возле дома Альберто, пили мате и мечтали

о предстоящем путешествии. «По дорогам мечты мы добирались до далеких стран, плавали по тропическим морям и объехали всю Азию. И вдруг… У нас возник вопрос: а не отправиться ли в Северную Америку? В Северную Америку? Как? На «Подеросе». Так было запланировано путешествие, которое впоследствии точно пролегло по линиям нашего плана — Импровизации».

«Подероса» («Мощная») — так назывался мотоцикл, на котором Альберто безуспешно пытался тянуть на буксире велосипед Эрнесто во время его недавнего посещения Сан-Франсиско-дель-Чаньяр. Это был старый мотоцикл марки «Нортон» с объемом двигателя 500 $см^3$. Альберто дал ему имя «Подероса Вторая», в честь «Подеросы Первой» — велосипеда, на котором он катался в юности.

4 января 1952 г. друзья выехали в направлении атлантического побережья, взяв курс на курорт Мирамар, где с друзьями и тетушкой-компаньонкой отдыхала Чичина. Эрнесто хотел попрощаться с любимой девушкой, и он вез с собой подарок для нее. Это был маленький, вечно норовивший выскочить и удрать щенок. Он назвал его по-английски — Камбэк.[5]

Глава 5
Бегство на север

I

Поездка в Мирамар, где отдыхала Чичина, была последним шансом спасти их отношения, поскольку Эрнесто все еще любил ее и отнюдь не был уверен в неизбежности разрыва. Но он не знал, правильно ли поступает. Готова ли девушка ждать его? Ему нужен был какой-то знак, и Эрнесто решил, что, если Чичина примет у него щенка в подарок, это будет «символом», указанием на то, что он должен будет вернуться к ней. У Альберто был свой повод для тревоги: он опасался, как бы его друг не надумал отказаться от путешествия, когда оно не успело еще и начаться. Зная об этом, Эрнесто отметил в своем путевом дневнике: «Альберто почувствовал опасность и уже представлял, как ему придется бороздить дороги Америки в одиночестве, однако не сказал ни слова».[6]

Эрнесто пытался добиться от Чичины обещания дождаться его, и их пребывание в Мирамаре вместо запланированных двух дней растянулось на целых восемь. Сидя в огромном чреве «бьюика» и сжимая руки Чичины, Эрнесто попросил девушку дать ему золотой браслет, который она носила на запястье, в качестве талисмана, который он будет хранить во время путешествия. Но девушка отказалась.

В конце концов Эрнесто решил ехать. Он не получил ни талисмана, ни благословления Чичины на это путешествие. Правда, она приняла Камбэка, несмотря на насмешки подружек, которые говорили, что пес не чистокровная немецкая овчарка, как уверяет Эрнесто, а лишь «жалкая дворняжка». Еще Чичина дала ему пятнадцать американских долларов, попросив купить ей в Соединенных Штатах шарфик. Едва ли это можно было считать достаточно весомыми доказательствами ее любви и преданности, так что у Эрнесто были все основания для тревоги, когда 14 января он сел на «Подеросу» и тронулся в путь.

II

Открывшаяся перед ними дорога манила друзей в далекое странствие, и «двое цыган» устремились вперед. Однако на то,

чтобы выехать за пределы Аргентины, у них ушло целых четыре недели. Когда они проехали примерно половину пути через пампасы к западу от Баия-Бланки, у Эрнесто начался жар и ему пришлось лечь на несколько дней в больницу, а потом их снова ждала пыльная ухабистая дорога.

К моменту, когда друзья прибыли в удивительно живописный озерный край Лос-Лагос, расположенный на поросшем лесом восточном склоне Анд, где Аргентина граничит с Чили, их и без того скудные финансы подошли к концу, вследствие чего молодым людям пришлось превратиться в профессиональных нахлебников, или, по ироничному определению Эрнесто, *мангерос моторисадос* (моторизованных попрошаек).

Иногда, не получив сочувственного отклика со стороны людей, у которых они рассчитывали остановиться, молодые люди вынуждены были разбивать палатку. Однако куда чаще их усилия увенчивались успехом и приятелям удавалось раздобыть для себя местечко у кого-нибудь в гараже, на кухне или в сарае, а то и в полицейском участке, где им приходилось делить кров и пищу с преступниками, среди которых встречались весьма любопытные личности. В частности, в тюрьме на лыжном курорте Барилоче они познакомились с моряком, дезертировавшим с торгового судна, который позабавил их своими побасенками о том, как «купил» четырнадцатилетнюю японскую девушку, взял ее с собой в плавание, а потом, когда она ему надоела, прогнал при первой возможности.

Как-то приятели остановились на ночлег у эмигрантов из Австрии, которые пустили их в свой амбар. Среди ночи Эрнесто проснулся, так как услышал, что у дверей кто-то скребется и ворчит, и увидел пару горящих глаз. Он был наслышан о свирепых «чилийских пумах», поэтому потянулся за пистолетом «смит-вессон», который дал сыну с собой Гевара Линч, и выстрелил. Шум прекратился, и он стал спать дальше. Но, проснувшись утром, они с Альберто обнаружили, что Эрнесто ранил никакую не пуму, а любимую хозяйскую собаку — восточноевропейскую овчарку Бобби. Друзья спешно бежали из приютившего их дома. Толкая никак не хотевшую заводиться «Подеросу» вниз под горку, они слышали за спиной горестные возгласы, причитания и угрозы хозяев.

В Лос-Лагосе молодые люди весело провели время: погуляли по берегам озер, поднялись на скалу (едва не упав и не убившись), пристрелили дикую утку из пистолета Гевары Линча. Как-то раз, сидя на берегу одного особенно живописного озера, друзья размечтались о том, как вместе организуют медицинский исследовательский центр. Вернувшись в тюрьму Барилоче,

Эрнесто обнаружил пришедшее от Чичины письмо. Девушка сообщала, что решила не ждать его. На улице в это время бушевала гроза. «Я снова и снова перечитывал письмо, не веря своим глазам. Все мои мечты… были разбиты… Мне стало страшно за себя, и я начал было писать ответное письмо с целью разжалобить Чичину, но не смог, в этом не было никакого смысла».

Их роман был окончен. В дневнике Эрнесто не раскрывает причины, по которой Чичина решила оставить его, но, похоже, дело было в том, что девушка встретила другого. Пытаясь вызвать в памяти лицо Чичины, Гевара хотел убедить себя, что не пал духом. «В объявшей нас полутьме всё кружились и кружились какие-то призрачные фигуры, но она никак не хотела явиться. <…> Я должен бороться за Чичину, она моя, она моя, она м… Я заснул».

Впоследствии Альберто задавался вопросом, нет ли в разрыве влюбленных и его вины. В свое время он «подцепил» одну из мукам, работавших у Феррейра, дал ей купальный костюм, принадлежавший тете Чичины, и взял ее с собой на пляж. На глазах Чичины и ее друзей они скрылись в палатке, которую он там разбил. В его поступке был открытый вызов тому неписаному, но единодушно принимаемому правилу, что в интимные отношения со слугами вступать нельзя. «Чичине это не понравилось, — вспоминает Гранадо. — Я думаю, она считала, что я отнимаю у нее Эрнесто, и не любила меня».

Тем временем Эрнесто как будто смирился со своей потерей и был готов продолжать странствие.

Попав в Чили, друзья сумели сесть на паром, чтобы переправиться через озеро Эсмеральда, подрядившись следить в трюме за насосами грузовой баржи, которую паром тащил за собой. На борту они познакомились с чилийскими врачами, которым Эрнесто и Альберто представились «лепрологами». Простодушные чилийцы рассказали им о расположенном в Тихом океане острове Пасхи, или Рапа-Нуи, где, помимо единственного в Чили лепрозория, имеется множество чувственных и доступных женщин. Услыхав об этом, Эрнесто и Альберто тотчас попросили своих новых знакомых дать им рекомендательное письмо для «Общества друзей острова Пасхи» в городе Вальпараисо, чтобы бесплатно попасть на остров. Сходя с парома на берег, они были полны решимости отправиться в это экзотическое место, хотя планы у них и без того были наполеоновские.

И вот молодые люди снова сели на «Подеросу». Окружающие пейзажи не очень привлекали их взгляд: остров Пасхи был заманчиво близок, и они спешили попасть туда.

Следующей остановкой стал тихоокеанский порт Вальдивия, где они посетили редакцию местной газеты «Коррео де Вальдивия», и та опубликовала о них восторженную заметку под заголовком «В Вальдивию прибыли два целеустремленных аргентинских путешественника-мотоциклиста». Эрнесто и Альберто были не из тех, кто станет упускать свой шанс, поэтому они, ничтоже сумняшеся, вновь объявили себя «специалистами по проказе», имеющими «опыт проведения исследований в соседних странах», а журналист «Коррео» без тени сомнения повторил их слова. Эрнесто и Альберто, видимо, позволили себе коснуться и многих других тем, помимо проказы, — по крайней мере, «Коррео» написала, что «за короткое время пребывания в стране они глубоко проникли в проблемы, связанные с общественной жизнью, экономикой, гигиеной». Финальным аккордом стало заявление гостей журналисту «Коррео», что все свое путешествие они посвящают городу Вальдивии, как раз отмечавшему тогда свое четырехсотлетие.

Затем друзья двинулись в Темуко, где у них опять взяли интервью. 19 февраля 1952 г. «Аустраль де Темуко» опубликовала статью с внушительным заголовком: «Двое аргентинских лепрологов совершают путешествие по Южной Америке на мотоцикле».

Фотография, сопровождающая статью, запечатлела двух обманщиков в героических позах. Эрнесто серьезен и смотрит прямо в камеру. Он стоит, засунув большие пальцы за ремень, и напоминает скорее популярного киноактера, нежели ученого-медика, а Альберто с несколько плутоватым видом почтительно наклоняется к другу.

Прихватив газетные вырезки, приятели снова пустились в путь. На следующий день «Подероса» попала в аварию: коробка передач оказалась разбита, руль сломан. Пока они чинили мотоцикл в мастерской в поселке Лаутаро, вокруг собралась толпа зевак — поглазеть на заезжих знаменитостей. Воспользовавшись ситуацией, друзья обзавелись новыми знакомыми, и им удалось несколько раз бесплатно поесть, а после того как «Подероса» была починена, их пригласили выпить вина. Эрнесто воздал должное превосходному чилийскому вину и ко времени, когда они пошли на деревенские танцы, почувствовал, что его «тянет на подвиги». Там, выпив еще, он пригласил на танец замужнюю женщину и попробовал увести ее из комнаты прямо на глазах у мужа. Женщина пыталась сопротивляться, но Эрнесто «продолжал тянуть ее за руку», так что бедняжка просто упала на пол. В итоге Эрнесто и Альберто бежали, преследуемые толпой разъяренных селян.

Эрнесто сел за руль, и они спаслись бегством из места, которое было уже не столь гостеприимно к ним. Однако через несколько километров на узком повороте дороги у «Подеросы» отказал задний тормоз, а затем, когда мотоцикл набрал ход, катясь под горку, перестал работать и ручной. Эрнесто резко повернул, чтобы обогнуть стадо коров, которое неожиданно появилось перед ними, и они врезались в дорожное ограждение. Каким-то чудом «Подероса» избежала повреждений, а задний тормоз ни с того ни с сего вновь заработал, так что друзья смогли продолжить свой путь. Однако на этом приключения не закончились.

«Как всегда, под прикрытием нашей «газетной» верительной грамоты, мы навязались в гости к семье немцев, которые обращались с нами самым сердечным образом, — пишет Эрнесто. — Ночью у меня прихватило живот, и я не знал, как быть; не хотелось оставлять сувенир в чужом ночном горшке, поэтому я вскарабкался на окно и выпростал всю свою муку в ночь и темень… На следующее утро я выглянул на улицу, чтобы посмотреть на содеянное, и увидел, что в двух метрах внизу на цинковом листе сушились персики: добавка выглядела внушительно. Нам пришлось делать ноги».

Столь блистательно выступив перед чилийской публикой, друзья продолжили свой путь на север. Однако верный конь подводил их все чаще. Стоило приблизиться к холму, как «Подероса» начинала упрямиться, а на второй день пути встала окончательно на первом крутом подъеме. В тот день окончилась их карьера «попрошаек на моторе».

Вместе с парализованной «Подеросой» их подобрал грузовик, и путешественники доехали до следующего городка, под названием Лос-Анхелес. Там они умудрились устроиться на ночлег в местном отделении пожарной службы — благодаря тому, что завязали разговор с дочерьми его начальника. Впоследствии Эрнесто довольно деликатно охарактеризовал этих трех раскованных барышень, назвав их «воплощением очарования, свойственного чилийским женщинам, которые — не важно, красивы они или дурны, — как-то непосредственны и свежи и этим пленяют мгновенно».

Альберто выражается более прямо. «После обеда мы пошли погулять с девчонками. И снова я обнаружил, насколько свободнее чилийские женщины в сравнении с нашими. <…> Мы вернулись в пожарное отделение вялые и молчаливые, каждый был погружен в размышления. <…> Когда Взрыватель стелил себе постель, я заметил, что он взбудоражен — то ли из-за астмы, то ли из-за девчонки, не знаю».

На следующий день друзья напросились в попутчики к водителю грузовика, ехавшему в Сантьяго. Чилийская столица не произвела на них особого впечатления, и, найдя мастерскую, где можно было оставить мотоцикл, они двинулись дальше, теперь уже пешком. Они горели желанием попасть на остров Пасхи и рассчитывали раздобыть бесплатные билеты на корабль, отходящий из близлежащего порта Вальпараисо.

III

Заночевав под открытым небом во дворе харчевни «Джоконда», гостеприимный хозяин которой бесплатно накормил и приютил их, друзья отправились на разведку в порт Вальпараисо. Но вернулись они разочарованные, так как узнали, что следующий корабль на остров Пасхи будет не раньше чем через полгода. Впрочем, они не теряли надежды, так как оставалось еще «Общество друзей острова Пасхи».

Тем временем воображение молодых людей все более распаляли рассказы об этом острове. Передавая некоторые из них, Эрнесто пишет: «Остров Пасхи! <…> Говорят, туземки почитают за честь иметь в любовниках белого парня. Там — просто мечта! — женщины делают всю работу. А ты только ешь, спишь и ублажаешь их… Задержаться там на годик, и побоку всю эту учебу, зарплату, семью».

Поскольку Эрнесто вовсю пользовался своим мнимым званием врача, в «Джоконде» к нему обратились с просьбой осмотреть одну посетительницу, пожилую женщину-служанку, страдавшую от болезни сердца и хронической астмы. Она умирала, и Эрнесто мало чем мог ей помочь. Дав ей рекомендации по поводу питания, а также поделившись остатками собственного запаса таблеток драмамина, он ушел, «провожаемый благодарностями старухи и равнодушными взглядами ее родственников».

Этот случай глубоко затронул Гевару, погрузив в раздумья о бессердечности погрязших в нищете людей. «В этих последних мгновениях жизни людей, которые не привыкли заглядывать дальше завтрашнего дня, коренится глубокая трагедия, общая для пролетариев всех стран; в глазах этих умирающих сквозит униженная просьба о прощении. <…> До коих пор будет оставаться незыблемым этот порядок вещей… я ответить не могу, но пора уже правительствам тратить больше, намного больше денег на нужды общества».

Несколькими днями позже, получив от «Общества друзей

острова Пасхи» сообщение, что кораблей на остров в ближайшие месяцы не будет, Эрнесто и Альберто скрепя сердце решили вернуться к изначальному маршруту. После нескольких бесплодных попыток найти работу на каком-нибудь торговом корабле им наконец удалось попасть на борт грузового судна «Сан-Антонио», направлявшегося в порт Антофагаста на севере Чили. Проскользнув на него на рассвете с помощью одного моряка, путешественники спрятались в гальюне. Стоило кораблю отплыть, как Альберто стало тошнить. Зловоние в гальюне было страшное, но молодые люди не вылезали оттуда, пока им не стало совсем невмоготу. «В пять часов вечера, умирая от голода и убедившись, что берег скрылся из виду, мы показались перед капитаном».

Капитан оказался человеком свойским и, хотя устроил им страшную выволочку в присутствии младших офицеров, распорядился накормить безбилетных пассажиров и дать им какое-нибудь дело, дабы они могли оправдать свое присутствие на корабле. Эрнесто вспоминает: «Очень довольные, мы тут же проглотили свои пайки, но, когда я узнал, что мне предстоит вычистить уже знакомое отхожее место, кусок застрял у меня в горле. Моя слабая попытка отказаться не увенчалась успехом, и я ушел, сопровождаемый издевательским взглядом Альберто, которому поручили чистить картошку. Признаюсь, мной овладело искушение забыть все написанное о духе товарищества и попросить другую работу. Разве же это справедливо! Ведь это Альберто окончательно все там изгадил, а я теперь убирай!»

Впрочем, когда оба безбилетника выполнили свои задания, капитан пригласил их к себе как почетных гостей, и они втроем допоздна играли в канасту, потягивая вино. На следующий день Альберто снова работал на кухне, а Эрнесто мыл палубу керосином под внимательным взором сердитого матроса. Вечером, после очередного «изматывающего раунда канасты», друзья подошли к перилам судна и долго смотрели на море и небо. Как раз в это время вдалеке показались огни Антофагасты.

В Антофагасте они попытались пробраться на другой корабль, державший курс далее к северу, но эта попытка закончилась неудачей: «зайцев», уже спрятавшихся на борту, обнаружили до отплытия. Виной тому были они сами. Укрывшись под брезентом, друзья обнаружили вкуснейшие дыни и стали поедать их, неосмотрительно швыряя корки за борт. Непонятно откуда взявшиеся на воде корки привлекли внимание капитана, и он нашел укрытие безбилетников. «Подчистую выеденные дынные кожурки длинной цепочкой плыли по спокойному морю. Что было дальше — стыдно рассказывать».

После того как очередная попытка продолжить морское путешествие закончилась полным фиаско, они двинулись автостопом в глубь материка. Их следующим пунктом назначения было Перу, но сначала друзья хотели посетить Чукикамату — крупнейшее в мире открытое месторождение меди и главный источник прибыли для Чили.

Уже на подходе к одной из крупнейших шахт, разработка которой находилась в руках американцев, Эрнесто получил новый аргумент в пользу своего антиамериканизма. Чукикамата являлась предметом жарких дебатов в чилийском обществе, будучи наиболее наглядным символом «господства иностранцев» над отечественной экономикой. Как и на других чилийских шахтах, делами на Чуки, как ее сокращенно называли, заправляли американские корпорации-монополисты, а именно «Анаконда» и «Кеннекотт». Более того, дочерняя компания корпорации «Кеннекотт» в Чили — «Брейден коппер компани» — в свое время принадлежала семье американского консула Спруэла Брейдена, чье вмешательство во внутренние дела Аргентины в тот период, когда Перон шел к власти, крайне не понравилось многим националистам.

Эти компании получали огромные прибыли, а чилийская экономика оставалась крайне зависимой от них. Поэтому многие чилийцы, особенно придерживавшиеся левых взглядов, активно выступали за национализацию шахт. А Соединенные Штаты оказывали серьезное давление на чилийское правительство с целью заставить его разогнать профсоюзы горняков и запретить Коммунистическую партию.

Застряв в ожидании машин среди голых, пустынных гор на полпути к шахте, Эрнесто и Альберто повстречали супружескую пару, вынужденную оставить свой дом. Мужчина был шахтером, только что вышедшим из тюрьмы, куда его посадили за участие в забастовке. Ему еще повезло, сказал он: другие его товарищи просто исчезли после ареста и, вполне возможно, убиты. Теперь ему как члену запрещенной Коммунистической партии не дают работу, и они с женой, оставив детей на попечение добросердечного соседа, вынуждены идти в глубь гор на шахту, где добывают серу. Там, объяснил их новый знакомый, условия работы настолько ужасны, что никому нет дела до твоих политических убеждений.

Перед ними во плоти и крови предстали самые настоящие жертвы капиталистической эксплуатации. Эрнесто и Альберто на время разделили с ними их жизнь: холод и голод, усталость и нищету. Но молодые аргентинцы путешествовали по собственной прихоти, а эти люди оказались на дороге потому, что подверглись

преследованию за свои взгляды.

На следующее утро друзья остановили грузовик, ехавший в сторону Чуки, и попрощались со своими случайными знакомыми, которых ждала неведомая судьба. Их образ запал Эрнесто глубоко в сердце, и посещение шахты Чукикамата стало для него настоящим политическим событием. Он с презрением говорил об управляющих-американцах, которые нехотя позволили молодым людям осмотреть шахту — при условии, что они покинут ее как можно скорее, поскольку Чуки «не достопримечательность для туристов».

Им дали проводника-чилийца, который, хотя и был «верным псом хозяев-янки», за глаза честил их на чем свет стоит. Он рассказал о готовящейся забастовке: «Безмозглые гринго теряют на забастовке тысячи песо в день, а все из-за того что отказывают в грошовой надбавке бедным рабочим».

В Чили в это время разворачивалась жаркая кампания по выборам президента. Эрнесто и Альберто заметили, что большинство представителей рабочего класса, с которыми они общались на эту тему, высказывались в поддержку кандидата от правого крыла — бывшего диктатора генерала Карлоса Ибаньеса дель Кампо, отличавшегося, как и аргентинский президент Перон, склонностью к популистской риторике.

В своих «Путевых заметках» Эрнесто назвал политическую обстановку «неопределенной», но высказал некоторые предположения. Отметив отсутствие каких-либо шансов у кандидата от левых Сальвадора Альенде, Эрнесто предсказал победу Ибаньеса, выступавшего с антиамериканскими лозунгами о национализации шахт и проведении крупномасштабных социальных реформ.

На состоявшихся выборах Ибаньес был избран на пост президента, а Сальвадор Альенде пришел к финишу последним. Шахты, однако, не были национализированы при Ибаньесе, который вскоре стал просить у Международного валютного фонда денег на покрытие дефицита платежного баланса.

Жесткие антиинфляционные требования МВФ привели к массовым беспорядкам и последующей поляризации политических сил в стране. Господство американцев в экономической сфере сохранялось вплоть до 1970 г., когда Сальвадор Альенде оказался первым в Южном полушарии свободно избранным президентом-социалистом; одним из первых его шагов стала национализация шахт. Американское влияние в Чили, однако, не уменьшилось. Через три года правительство Альенде было свернуто военной хунтой при поддержке США.

После Чукикаматы друзья отправились в Перу и уже через

два дня пересекли границу. Сидя в кузове среди молчаливых индейцев аймара, они ехали в направлении озера Титикака, расположенного на высоте пять тысяч метров над уровнем моря. Перед ними раскрывались красоты этой земли: древние акведуки инков, падающая каскадами вода, пронзающие облака снежные вершины Анд. Этот пейзаж наполнил сердце Эрнесто восторгом: «Перед нами — легендарная долина, которая остановилась в своем развитии уже много веков назад и которую сейчас дано видеть нам, счастливым смертным, до последней клетки пропитанным цивилизацией XX века».

IV

Эйфория Эрнесто была недолгой. Во время остановки в индейском городке Тарата он во всей красе увидел последствия испанского завоевания: «Народ побежденных смотрит, как мы проходим по городским улицам. Взгляды индейцев кротки, почти пугливы и совершенно безразличны к внешнему миру. Такое ощущение, что некоторые из них живут только по привычке, от которой им никак не избавиться».

Они путешествовали по Андам еще несколько недель, и постоянное общение с представителями «народа побежденных», живущего на одном с ним континенте, произвело на Эрнесто сильное впечатление. Если в его собственной стране аборигены были практически уничтожены, растворившись в кипящем котле аргентинского общества с его миллионами эмигрантов из Европы, то здесь, в высокогорьях Перу, индейцы по-прежнему составляли заметное большинство, сохранявшее свою уникальную культуру, несмотря на приниженность и забитость.

Когда Эрнесто и Альберто садились в грузовики, их обычно приглашали в кабину к водителю. А в открытых кузовах сидели индейцы, в неизменных грязных пончо, вшивые и зловонные. Друзья, при всем их безденежье, прекрасно понимали, что находятся в привилегированном положении. Образованные белые люди, да еще из Аргентины, они были куда «выше уровнем», чем окружавшие их индейцы.

Если им требовались кров и еда, они всегда могли обратиться к перуанской Гражданской гвардии, местной полиции, участки которой имелись в любом городе. И гостям почти никогда не отказывали. В одном городке глава местной полиции даже воскликнул: «Как так? Неужели аргентинские доктора будут спать на улице только потому, что у них нет денег? Этого нельзя допустить», — и настоял на том, чтобы оплатить им номер в

гостинице.

В Хулиаке друзья получили в баре бесплатную выпивку от пьяного сержанта полиции, который, решив продемонстрировать свое мастерство стрелка, изрешетил из револьвера стену. Когда владевшая баром индейская женщина побежала за помощью и вернулась со старшим по званию офицером, то Эрнесто и Альберто подтвердили версию своего благодетеля, заявившего, что никакой стрельбы не было. Это Альберто, сказали они, выпустил «шутиху». Отделавшись устным внушением, молодые люди свободно вышли из бара. Только пострадавшая индейская женщина возмущенно прокричала им в спину: «Эти аргентинцы везде как у себя дома!»

Перуанские индейцы не раз расспрашивали их о «чудесной стране Перона, где бедные имеют равные права с богатыми». Эрнесто и Альберто знали, что это не так, но, как врачи, вынужденные лгать обреченным на смерть пациентам, рассказывали слушателям то, что те желали услышать.

Живописный колониальный город Куско, построенный на развалинах древней столицы инков, вдохновил Эрнесто, и он испещрил страницы дневника заметками по поводу местной архитектуры и истории. Они с Альберто провели много часов в городском музее и библиотеке, чтобы получить более полное представление о загадочных сооружениях и культуре инков.

В Куско Альберто отправился в гости к врачу, с которым когда-то познакомился на одной конференции. Врач милостиво предоставил им в распоряжение свой «лендровер» с водителем, чтобы гости смогли посетить Священную долину инков, а также достал им бесплатные билеты на поезд до развалин Мачу-Пикчу.

Несколько часов друзья бродили по каменным развалинам, в горах, поросших настоящими джунглями. Затем они поиграли в футбол с деревенскими ребятами, «блеснув», по выражению Эрнесто, своим мастерством, и управляющий местной гостиницы предложил им ночлег. Правда, два дня спустя их попросили съехать, поскольку в Мачу-Пикчу прибыл целый автобус с американскими туристами, готовыми платить за постой.

Возвращаясь в Куско по проложенной через горы узкоколейке, Эрнесто увидел, что собой представляет вагон третьего класса, предназначенный специально для индейцев: примерно в таких вагонах в Аргентине перевозили скот.

В уме Эрнесто роились новые мысли и настроения. Он ощутил родство с туземными «покоренными народами», по чьим землям сейчас путешествовал, руины чьих городов сейчас посещал и чьих предков его собственные прадеды помогали истреблять. Две расы, индейская и европейская, сошлись когда-то

в кровавой борьбе, и века нетерпимости и несправедливости разделяли их и по сей день. Но эти же самые обстоятельства объединяли их, поскольку именно из этого далекого от гармонии союза появилась новая раса — метисы. Будучи порождением их общей истории, метисы, возможно, наиболее полно воплощали в себе понятие латиноамериканца. Но все они — и европеоидные креолы, и метисы, и индейцы — были куда ближе друг к другу, чем к северянам-англосаксам, прогуливающимся по Куско и Мачу-Пикчу. У них были один язык, одна история, им приходилось решать общие проблемы.

Как и полагается начинающему медику, Эрнесто был склонен, увидев симптом, тут же доискиваться до его причины. А обнаружив таковую, он хотел найти лекарство. Для Эрнесто умирающая старуха в Вальпараисо и отверженный шахтер с женой, встреченные по дороге в Чуки, стали «олицетворением пролетариата всего мира», живущего в нищете из-за несправедливости общественного уклада и не могущего надеяться на перемены к лучшему до тех пор, пока правительства их стран не изменят сам этот уклад. За правительствами стояли, сея повсюду несправедливость, американцы с их всеподавляющей экономической мощью. По мнению Эрнесто, «лекарством для Чили было дать хорошего пинка соседу-янки», но и в экспроприации собственности он видел свои подводные камни.

Эрнесто не знал лекарства от всех болезней, но упорно искал его. Возможно, искомым решением было «красное пламя, озаряющее мир», но пока что он не мог сказать этого с уверенностью.

V

Проведя две недели в стране инков, Эрнесто и Альберто отправились в андский город Аванкай. Получив для себя столько выгод от мнимого звания «специалистов по проказе», они хотели хоть как-то ему соответствовать и поэтому взяли у врача из Куско рекомендательное письмо для руководства лепрозория, находящегося в удаленном местечке Уамбо.

Денег у них по-прежнему не было, так что способ передвижения по стране оставался прежним: не мытьем так катаньем напрашиваться в попутчики к водителям грузовиков. В Аванкае друзья выклянчили себе в местной больнице свободную палату и питание. Взамен они прочитали несколько «лекций» о проказе и астме, но куда больше времени провели, флиртуя с медсестрами. Там же у Эрнесто случился приступ астмы, которая

мало беспокоила его с тех пор, как они выехали за пределы Аргентины. Бедняге было так плохо, что Альберто пришлось трижды вводить ему адреналин.

Друзья отправились дальше к Уамбо. В деревне Уанкарама, ввиду того что от больницы для прокаженных их отделяли еще несколько миль пути по заросшим лесом горам, а Эрнесто чувствовал себя настолько неважно, что еле держался на ногах, приятелям пришлось обратиться к местному начальству с просьбой предоставить им лошадей. Через некоторое время перед ними предстал проводник, говоривший на языке кечуа, с двумя тощими клячами.

Проехав несколько часов, Эрнесто и Альберто заметили, что их пытается догнать какая-то индейская женщина с мальчиком. Когда она наконец поравнялась с ними, выяснилось, что лошади, на которых они едут, принадлежат ей. Глава Уанкарамы просто отнял их, чтобы выполнить свое обещание помочь «аргентинским докторам». Принеся множество извинений, Эрнесто и Альберто вернули лошадей и продолжили свой путь пешком.

Лепрозорий в Уамбо представлял собой несколько бараков с соломенными крышами и грязными полами, стоявших в расчищенном от джунглей месте, кишащем москитами. От главного врача они узнали, что основатель больницы доктор Уго Пеше, разработавший программу по борьбе с проказой в Перу, является также видным деятелем коммунистического движения, и решили встретиться с ним, когда прибудут в Лиму.

Друзья остановились по соседству у зажиточного асендадо, землевладельца-помещика, который рассказал им о том, как он освоил свои обширные земли: пригласил на один из своих участков бедных колоно, поселенцев, с тем чтобы они очистили его от леса и засадили зерном, а затем, после первого урожая, переселил их на другой и так далее, продвигаясь постепенно на более высокие и менее доступные территории. В итоге, похвалялся асендадо, вся земля была очищена от джунглей бесплатно.

В Уамбо друзья провели пару дней, потом состояние Эрнесто ухудшилось и они решили, что ему необходим серьезный медицинский уход. Для сопровождения гостей асендадо выделил одного из своих индейцев. Молодые люди должны были ехать на лошадях, тогда как индейцу предстояло идти пешком и тащить их сумки. Эрнесто отмечает: «Богатые люди в этих краях относятся совершенно естественно к тому, что слуга, даже пеший, несет на себе весь груз во время такого рода путешествий». Как только хозяин ранчо скрылся из виду, они с Альберто забрали у индейца свои сумки. Но если они ждали какой-то благодарности, то их

постигло разочарование, поскольку лицо их проводника ничего не выразило.

В городе Андауайласе они раздобыли лекарства, и Эрнесто на два дня лег в больницу. Потом путешественники стали ждать какого-нибудь грузовика до Лимы.

В течение десяти дней, проведенных без особого комфорта и впроголодь, они ехали, петляя, через Анды в Лиму. Эрнесто пишет: «Наше путешествие продолжалось без особых перемен; время от времени удавалось перехватить что-нибудь из еды, что случалось, когда какая-нибудь сострадательная душа проникалась сочувствием к нашему бедственному положению».

Друзья отточили, доведя до совершенства, свой метод добывания бесплатной еды. По рассказу Эрнесто, уловка состояла в том, чтобы громкой речью с утрированным аргентинским акцентом привлечь к себе любопытство со стороны выбранного «кандидата». Лед таял, и начиналось общение. Далее либо Эрнесто, либо Альберто «ненароком упоминал о своих трудностях, устремляя взор в пространство», а другой в это время ронял замечание, что сегодня «как раз» исполняется ровно год, как они в пути. Затем, вспоминает Гевара, «Альберто, куда более нахальный, чем я, испускал ужасный вздох и говорил (словно бы мне на ухо): "До чего же досадно, что такой день нам нечем отметить"».

Услышав такое, «кандидат», разумеется, предлагал угостить путешественников выпивкой. Эрнесто и Альберто, конечно же, не могли принять его приглашение, поскольку им нечем было платить, но в конечном счете они «сдавались». Последний удар наносил Эрнесто. «После первой рюмки я наотрез отказываюсь выпить еще хоть каплю, и Альберто начинает надо мной насмехаться. Наш новый знакомый сердится и настаивает, я продолжаю отказываться, не объясняя почему. Тип настаивает, и тогда я, сгорая со стыда, признаюсь, что в Аргентине принято пить под закуску».

VI

1 мая 1952 г. «без гроша в кармане, но довольные» они прибыли в Лиму. Основанная конкистадором Франсиско Писарро в 1535 г. и некогда провозглашенная «городом вице-королей», Лима и в середине XX века сохраняла свою красоту, хотя ей также были свойственны резкие социальные контрасты. Для Эрнесто столица олицетворяла собой «Перу, не вышедшее из феодального состояния колонии», страна, по его мнению, ждала «истинно

раскрепощающей революции».

Утром друзья раздобыли немного еды, после чего отправились к Уго Пеше. Пеше тепло принял гостей и дал им возможность остановиться в больнице для прокаженных. Туда их буквально за руку отвела его ассистентка Сораида Болуарте, отличавшаяся большой отзывчивостью. Эрнесто и Альберто просто покорили ее и вскоре имели в доме Болуарте не только стол, но и возможность постирать свою одежду.

В течение следующих трех недель друзья питались, отдыхали, отвечали на письма и изучали город. Что еще важнее, они получили немного денег от своих родителей. Также молодые люди посетили несколько лекций Пеше в больнице и часто обедали у него, после чего часами разговаривали на самые разные темы, начиная от проказы и физиологии и заканчивая политикой и философией.

Альберто заметил, что между Эрнесто и человеком, которого тот уважительно называл «маэстро», установилась особо тесная духовная близость. В глазах обоих юношей Пеше был достоин восхищения. По окончании медицинского училища в Италии Пеше вернулся домой, где познакомился с перуанским философом-марксистом Хосе Карлосом Мариатеги и стал его последователем.

После смерти Мариатеги в 1930 г. Пеше оставался видным представителем Коммунистической партии Перу, продолжая свою медицинскую карьеру. Будучи известным специалистом по проказе, он также читал лекции в университете и занимался исследованием тропических болезней, в частности совершил несколько открытий в отношении малярии. За свою политическую деятельность Пеше был на некоторое время сослан президентом Одриа в Анды, но в конце концов получил разрешение вернуться и продолжить работу в университете Лимы. Он опубликовал книгу под названием «Latitudes del Silencio» («Широты тишины»), повествующую об опыте своей жизни в ссылке.

В лице Пеше Эрнесто впервые увидел профессионального медика, который по собственному желанию посвятил жизнь служению «общему благу». Должно быть, Пеше казался ему перуанским Швейцером или Ганди, поскольку направлял все свои знания и умения на решение проблем Латинской Америки и вел тот высоко сознательный образ жизни, о котором сам Эрнесто пока только мечтал. Взгляды и деятельность Пеше могли стать для него образцом для подражания.

Пеше, похоже, почувствовал искреннее стремление молодого человека найти себе место в жизни и не пожалел ни времени ни

сил на то, чтобы постараться направить его в правильное русло.

Далеко не все время, что Эрнесто и Альберто провели в Лиме, было потрачено на философские беседы. Они находили время и на игру в футбол с местными ребятами, развлекали больных проказой, познакомились со студентами — друзьями юных членов семьи Болуарте. Как-то в воскресенье они отправились на бой быков. Эрнесто впервые собственными глазами увидел, что такое «коррида де торос», и свои впечатления описал довольно лаконично: «Третий бык заставил несколько поволноваться, когда театрально подцепил тореро рогом и подбросил его в воздух, но и только. Праздник закончился безболезненной и бесславной смертью шестого животного. Искусства я в этом не вижу; до определенной степени — мужество; ловкости — немного; эмоции — так себе. В конечном счете все зависит от того, как человек настроился провести воскресенье».

Так как Эрнесто оправился от астмы и у них появились деньги, друзья решили продолжить путешествие. Они отказались от первоначальных планов попасть в Соединенные Штаты, но планировали еще посетить Венесуэлу. Однако сначала они решили отправиться в крупнейший из трех основанных Пеше лепрозориев, что находился в Сан-Пабло, в перуанской Амазонии.

Перед отъездом молодые люди получили от Пеше кое-какую одежду взамен своей старой — грязной и залатанной. Эрнесто достался белый костюм для тропиков, который был ему маловат, но он все равно надел его с гордостью. Сораида Болуарте дала им банку повидла, а пациенты и служащие больницы, скинувшись, подарили гостям сто перуанских солей (так называется национальная валюта) и переносной примус.

Неделю спустя, после очередного переезда через Анды на автобусе, путешественники оказались на реке Укаяли, где купили билеты в первый класс на речной баркас «Кенепа». Тот направлялся в Икитос, город в перуанской Амазонии. Среди их попутчиков на «Кенепе» были резчики каучука, торговцы лесом, пара туристов, несколько монахинь и молодая проститутка. Пассажиры третьего класса плыли на барже, прицепленной сзади и груженной свиньями и древесиной.

Плавание длилось семь дней, которые друзья провели в беседах с пассажирами и командой, игре в карты, борьбе с москитами и разглядывании мутных вод реки. Они заигрывали с проституткой, которая своим откровенным поведением шокировала монашек и внесла смятение в сердца мужчин, плывших на баркасе.

«Взрыватель и я не были исключением из правил, — признается Альберто. — Особенно я, столь чувствительный

сердцем к тропическим красоткам». Несмотря на рецидивы астмы, Эрнесто также привлекала перспектива любовного увеселения на корабле. Рассказывая о втором дне речного путешествия, он пишет: «Сегодня не случилось ничего нового, если не считать того, что мы подружились с девчонкой, которая, как выяснилось, была отнюдь не строгих правил и притом была твердо уверена, что у нас есть несколько песо».

Молодые аргентинцы, которых было не пронять разговорами о деньгах, нашли способ добиться желаемого. Вот что пишет Альберто об их совместных усилиях: «Красотка увлеклась нашими рассказами о том, что мы видели, и о чудесах, которые еще предстояло увидеть: она твердо решила стать путешественницей. В результате Взрыватель и я становимся ее наставниками. Разумеется, вознаграждение выплачивается вперед и натурой». Два дня спустя Альберто добавляет: «Дни текут так же, как прежде. Девчонка разделяет свои прелести между занятными болтунами, вроде нас, и людьми с деньгами, вроде того человека, который тут заведует карточными играми».

Это сексуальное приключение погрузило Эрнесто в ностальгическое настроение. «Небрежная ласка со стороны молоденькой проститутки, сочувствующей моему физическому нездоровью, клином пронзила мои спящие воспоминания о жизни до странствий. Ночью, не в силах уснуть из-за москитов, я думал о Чичине, превратившейся ныне в далекий сон… память умчала меня в Малагеньо, где в сумерках холла она, должно быть, шептала в эти минуты своему новому любовнику одну из своих странных и путаных фраз».

Прибыв 1 июня в Икитос, Эрнесто и Альберто направились в местную службу здравоохранения с рекомендациями от доктора Пеше. В ожидании посадки на судно, идущее по Амазонке в лепрозорий Сан-Пабло, они получили ночлег в помещении регионального центра борьбы с желтой лихорадкой.

Но астма вновь сразила Эрнесто, и все шесть дней в Икитосе он провел почти без движения, делая себе инъекции адреналина и сочиняя письма родным.

6 июня Эрнесто и Альберто отправились в двухдневное плавание До Сан-Пабло на речном баркасе «Сисне». В лепрозории, расположенном на берегу Амазонки неподалеку от границы Перу с Колумбией и Бразилией, содержалось шестьсот пациентов, которые жили в собственном поселении, изолированном от домов администрации и медперсонала. Там Эрнесто и Альберто провели две недели.

Они на всех произвели впечатление тем, что с энтузиазмом сопровождали врачей на приемах больных, играли в футбол, по-

дружески общались с прокаженными. В остальное время Альберто часами сидел в лаборатории, работая с микроскопом, а Эрнесто читал поэзию, играл в шахматы или ходил с врачами на рыбалку. Сорвиголова в нем вылез и тут: ни с того ни с сего он решил вдруг переплыть Амазонку. За те два часа, что заняло у него это приключение, врачи, стоявшие на берегу, успели переволноваться.

14 июня Эрнесто исполнилось двадцать четыре года, и по этому поводу персонал больницы устроил праздник, на котором рекой тек национальный перуанский ликер писко, а сам именинник произнес благодарственный тост. Описание этого празднования он озаглавил в дневнике «День святого Гевары». После высокопарных изъявлений глубокой благодарности хозяевам Эрнесто произнес прочувствованный монолог «латиноамериканского патриота».

«…Мы верим — и после этого путешествия еще тверже, чем раньше, — что разделение Америки на иллюзорные и расплывчатые национальности абсолютно ложно. Мы представляем из себя единую расу метисов, которая от Мексики до Магелланова пролива проявляет заметные признаки этнографического сходства. Поэтому, стараясь сбросить с себя весь груз жалкого провинциализма, я поднимаю тост за Перу и Объединенную Америку».

Когда друзья решили, что пора продолжить путь, больные и врачи построили для них плот, назвав его «Мамбо-танго», и дали им в подарок одежду, кокосы, удильные крюки и пару живых цыплят. Вечером накануне отплытия оркестр, составленный из прокаженных, подплыл на каноэ к пристани и исполнил в их честь серенаду. В письме матери Эрнесто так описывает эту сцену: «Это было одно из самых интересных зрелищ виденных нами: певец был слеп, у аккордеониста отсутствовали пальцы на правой руке, и он заменял их палочками, прикрепленными к поясу».

За серенадой последовали прощальные речи, закончившиеся криками «троекратного «ура» докторам». В ответ Альберто простер руки и поблагодарил всех такой витиеватой речью, что, по словам Эрнесто, мог сойти за достойного преемника Перона.

На следующий день Эрнесто и Альберто пустились на плоту вниз по течению Амазонки. Чувствуя себя матерыми путешественниками, они уверенно направляли «Мамбо-танго» по реке. Однако три дня спустя близ скромного колумбийского порта Летисия друзья не справились с течением и вдобавок еще и потеряли удильные крюки и цыплят, которых им дали в лепрозории. В результате они решили отказаться от своего

замысла. Уговорив какого-то местного колоно (поселенца) отвезти их на лодке в обратном направлении в обмен на плот и провизию, путешественники оказались в Летисии, откуда дважды в месяц летал самолет до колумбийской столицы Боготы.

Вновь вынужденные попрошайничать, молодые люди нашли себе пристанище и пропитание у полицейских. Кроме того, им удалось договориться о пятидесятипроцентной скидке на билеты на следующий самолет. А еще они сумели устроиться в качестве тренеров в местную футбольную команду «Индепендьенте спортинг». Репутация аргентинцев как лучших футболистов Латинской Америки сыграла авантюристам на руку. Местной команде предстояла серия матчей на вылет, и футболисты были заинтересованы в «квалифицированном руководстве». Научив подопечных кое-каким приемам, популярным в то время у игроков в Буэнос-Айресе, Эрнесто и Альберто действительно сумели улучшить игру команды. Пусть она и не выиграла турнир, но заняла почетное второе место, так что все были довольны.

2 июля, с удобством расположившись на тюках с необработанным каучуком, военной формой и почтой, друзья вылетели из Летисии на допотопном двухдвигательном гидроплане «Каталина». Нахождение в воздухе привело в эйфорию Альберто, который никогда раньше не летал, и от возбуждения он стал соловьем петь попутчикам о своем богатом опыте полетов.

VII

Богота, расположенная на высоком зеленом плато, была словно остров законности и порядка (пусть и наведенных твердой рукой) посреди кипящей вокруг жестокой гражданской войны. Однако Эрнесто и Альберто ощутили атмосферу недружелюбия и тревоги. Им удалось остановиться в местной больнице благодаря еще одному письму доктора Пеше, а питались они в университете, где подружились с несколькими студентами, но своей матери Эрнесто писал:

«Из всех стран, где мы побывали, в этой — свобода личности стеснена более всего; полицейские с винтовками за плечами патрулируют улицы и постоянно требуют показать документы. <…> За показным спокойствием скрывается напряженность, которая обещает скорое восстание. Равнинная часть страны охвачена открытым мятежом, и армия не в силах его подавить; консерваторы дерутся между собой и не могут ни о чем договориться. <…> В общем, климат тут удушающий… и мы

уберемся отсюда как можно скорее».

9 апреля 1948 г. в Колумбии произошло убийство популярного лидера Либеральной партии Хорхе Эльесера Гайтана, приведшее к крушению всей политической системы страны. Подозревая консервативное правительство в организации этого убийства, сторонники Гайтана вышли на улицы столицы и устроили кровавое восстание, ставшее известным как «Боготасо» и длившееся три дня.

Бунт вспыхнул одновременно с саммитом министров иностранных дел американских стран, которые собрались под эгидой ООН для подписания хартии Организации американских государств. Параллельно была устроена конференция латиноамериканских студентов под антиимпериалистическими лозунгами и с целью опротестовать решения саммита. На конференцию съехались студенческие лидеры из всех частей этого обширного региона.

Среди них был и двадцатиоднолетний студент-правовед с Кубы по имени Фидель Кастро Рус. Он с оружием в руках участвовал в восстании, последовавшем за убийством Гайтана, но избежал ареста, укрывшись в кубинском посольстве. Он вернулся на Кубу, где все больше увлекался политической деятельностью и теперь тайно готовил вооруженное восстание против недавно установленного режима Фульхенсио Батисты.

Прежде чем им удалось «убраться», Эрнесто и Альберто угодили в передрягу с полицией. Когда друзья шли в аргентинское консульство забрать письма от родных, их остановил очень подозрительный офицер полиции и подверг расспросу и обыску. У Эрнесто он забрал нож — серебряную копию кинжала гаучо, которую ему подарил в дорогу младший брат, Роберто. Затем, когда полицейский увидел лекарство против астмы, Эрнесто неблагоразумно пошутил: «Осторожно, это очень опасный яд». Молодых людей тут же арестовали, протащили по нескольким полицейским участкам, и судья обвинил их в «издевательстве» над представителями власти. Инцидент был исчерпан, после того как аргентинцы предъявили удостоверения личности.

Без сожалений они покинули Боготу на автобусе, направившись к венесуэльской границе. Астма, не беспокоившая Эрнесто с Икитоса, опять дала о себе знать, стоило им вновь спуститься в тропические низины. Альберто пришлось сделать Эрнесто столько инъекций адреналина, что он стал опасаться, как бы это не сказалось на сердце друга.

На одной из остановок, в дне пути до Каракаса, они обсудили свои планы. Оба горели желанием продолжать путь в

направлении Центральной Америки и Мексики. С другой стороны, у них не было денег на продолжение путешествия. И друзья пришли к такому решению. Если живущий в Каракасе деловой партнер дяди Эрнесто по имени Марсело, который занимался разведением лошадей, позволит Геваре сесть на самолет для перевозки лошадей, тот вернется в Буэнос-Айрес и окончит учебу. Альберто же попробует задержаться в Венесуэле, где устроится на работу либо в лепрозорий, либо в один из тамошних университетов, благо у него есть несколько рекомендательных писем. Если же эти планы осуществить не удастся, они вдвоем попытаются продолжить путь до Мехико.

На следующий день, 17 июля, друзья прибыли в Каракас, оказавшийся городом суматошным и наводненным эмигрантами. Новые небоскребы вздымались ввысь, затмевая здания колониального периода с красными черепичными крышами. Убогие рабочие кварталы словно сыпью усеивали холмы по окраинам города.

За исключением коротких периодов пребывания в таких странах, как Бразилия и Тринидад, Эрнесто почти не оказывался в окружении чернокожих. Они были редкостью в его родной Аргентине, но обычным явлением на Карибском побережье Южной Америки, и теперь, пройдясь по черным кварталам Каракаса, Гевара был готов поделиться наблюдениями, которые едва ли достойны борца за дело «простого народа», поскольку исполнены высокомерия и утрированно отражают стереотипы, которые были присущи белым, особенно аргентинцам.

«Черные, представляющие собой великолепные образцы африканской расы и сохранившие свою расовую чистоту благодаря недостаточной тяге к умыванию, оказались потеснены на этой земле другой разновидностью рабов — португальцами. Две расы связаны теперь общими условиями существования, что чревато дрязгами и трениями. Дискриминация и бедность объединяют их в ежедневной борьбе за выживание, но отношение к жизни у них совершенно различно: черные праздны и капризны, они тратят деньги на причуды и выпивку; европейцы же сохраняют привычку к работе и накоплению… и это выводит их наверх».

В Каракасе друзья навестили Маргариту Кальвенто, тетю одного из друзей Эрнесто. Она накормила их и нашла им пристанище в общежитии, откуда молодые люди и отправились исполнять задуманное: Эрнесто — на встречу с деловым партнером дяди, Альберто — на поиски работы.

Благодаря рекомендательному письму от Пеше Альберто получил хорошо оплачиваемую работу в лепрозории близ

Каракаса, а Эрнесто договорился о том, что его пустят на следующий самолет, перевозящий дядиных скаковых лошадей из Буэнос-Айреса в Майами. Самолет этот должен был приземлиться в Каракасе для перезаправки, и Эрнесто мог взойти на борт, чтобы, долетев сначала до Майами, после разгрузки отправиться домой.

Последние дни, проведенные друзьями вместе в Каракасе, были окрашены печалью предстоящего расставания. Оба старались скрыть тягостные чувства и вновь и вновь начинали обсуждать свои ближайшие перспективы. Эрнесто должен был получить диплом и через год приехать к Альберто. Если все пойдет нормально, ему тоже удастся получить работу в лепрозории, так что, накопив денег, они смогут продолжить совместные странствия.

26 июля Эрнесто вылетел в Майами. По приземлении, однако, пилот обнаружил неисправность двигателя. Предстояло несколько дней ожидания, и Гевара остановился у двоюродного брата Чичины — Хайме «Джимми» Роки, который как раз заканчивал в Майами архитектурное училище.

Ремонт самолета затянулся на недели, и двое молодых людей, не имея денег, развлекались тем, что болтались по городу и каждый день ходили на пляж. Рока нашел для Эрнесто возможность немного подзаработать, устроив его убирать квартиру своей знакомой стюардессы-кубинки. Но Эрнесто ждало фиаско: он не имел представления о том, как нужно выполнять эту работу, и после первой же попытки стюардесса попросила Року больше его не присылать.

Тем не менее она с симпатией отнеслась к Эрнесто и помогла ему найти временную работу мойщика посуды в ресторане.

Итак, Эрнесто оказался в Соединенных Штатах. То, что он теперь увидел, похоже, только усугубило негативное отношение молодого Гевары к США, поскольку позже он рассказывал своим друзьям в Буэнос-Айресе, что лично видел проявления расизма в отношении чернокожих и сам подвергся допросу со стороны американских полицейских относительно своих политических взглядов. Правда, Рока смог припомнить только то, что однажды Эрнесто заговорил с ним о необходимости обеспечения бедных выходцев из Латинской Америки дешевым жильем. По его словам, они в Майами не обсуждали политику, а только развлекались.

Глава 6
«Я не тот, что был прежде»

Вернувшись в Аргентину, Эрнесто нашел ее сильно изменившейся за время своего отсутствия. За пять дней до его прибытия в Буэнос-Айрес Эвита Перон умерла от рака в возрасте тридцати трех лет.

Скорбящий супруг Хуан Доминго Перон продолжал исполнять свои обязанности президента, однако окружение Перона после смерти его молодой жены чувствовало себя растерянным и разобщенным.

Тем временем Эрнесто больше занимали собственные проблемы. В те годы, чтобы получить диплом врача, нужно было сдать экзамены по тридцати предметам. А до того, как Гевара отправился в путь вместе с Гранадо, он сдал всего лишь только шестнадцать, так что, если молодой человек хотел получить диплом в следующем учебном году, к маю ему необходимо было осилить еще четырнадцать дисциплин.

Эрнесто не мог позволить себе впустую тратить время, так как первый раунд экзаменов был назначен уже на ноябрь. Он сидел за учебниками в квартире тети Беатрис и иногда — в студии отца на улице Парагвай. Домой он приходил только время от времени, чтобы перекусить. Однако даже в этот напряженный период своей жизни Эрнесто находил время на работу в клинике доктора Пизани.

А еще он занялся переработкой своего путевого дневника в произведение, которое получило название «Путевые заметки». Как Гевара сам заключил, путешествие изменило его: «Человек, написавший эти заметки, умер, снова ступив на аргентинскую землю; тот, кто редактирует и отшлифовывает их, этот «я» — на самом деле не я; по крайней мере, я не тот, что был прежде. Скитания по нашей «Америке» изменили меня сильнее, чем я думал».

В ноябре 1952 г. Эрнесто приступил к сдаче первой серии экзаменов. И в разгар сессии серьезно заболел, но на сей раз это была не астма, а лихорадка, которую он заработал в клинике при контакте с зараженными человеческими органами. Пизани обзавелся специальным агрегатом для перемалывания человеческих внутренностей в исследовательских целях, и Эрнесто, которому не терпелось его опробовать, принес с медицинского факультета образцы зараженных органов и стал их перемалывать, не надев защитной маски. В результате он заболел

и слег в постель с очень высокой температурой.

Несмотря на болезнь, в ноябре Эрнесто сдал три экзамена и еще десять — в следующем месяце. Это означало, что ему останется сдать последний экзамен в апреле, а затем он получит диплом и сможет вернуться в Венесуэлу. Пока же он проводил львиную долю времени в Клинике Пизани.

Пизани всячески поощрял Эрнесто и даже стал включать его в число соавторов своих публикаций. Так, в ежеквартальном научном журнале «Аллергия» за ноябрь 1951 — февраль 1952 г. Эрнесто Гевара значится наряду с доктором Пизани и несколькими другими учеными как автор исследовательской статьи «Сенсибилизация морских свинок к цветочной пыльце посредством инъекций апельсинового экстракта».

11 апреля 1953 г. Эрнесто сдал последний экзамен. Его отец так вспоминает этот день: «Я был у себя в студии, когда зазвонил телефон. Я взял трубку и тут же узнал его голос. Он произнес: "Говорит доктор Эрнесто де ла Серна". Ударение сын сделал на слове "доктор"».

«Я был очень счастлив, — пишет его отец. — Но длилось это недолго. Почти одновременно с получением диплома врача Эрнесто объявил нам, что отправляется в очередное путешествие: на сей раз его спутником стал Карлос «Калика» Феррер».

С тех самых пор, как Эрнесто пообещал Калике взять его с собой в следующее путешествие, тот с нетерпением ждал возвращения друга. Теперь путешествие стало реальностью, и оба начали к нему готовиться. «Мы решили, что поедем через Боливию, поскольку Эрнесто хотел посетить развалины древних инков, о которых он много знал, — вспоминает Калика. — А следующей нашей целью был Мачу-Пикчу».

Что касается дальнейший планов, то Эрнесто поговаривал об Индии, тогда как Калика, более стремившийся к «сладкой жизни», видел себя в Париже — элегантно одетым, на вечеринке, потягивающим коктейли в окружении прекрасных женщин.

Когда Эрнесто сообщил доктору Пизани об отъезде, тот попытался его остановить. Он предложил молодому врачу оплачиваемую работу, квартиру при клинике, пообещал стать его научным руководителем. Эрнесто отказался от всего. Решение было принято. Он не хотел «застаиваться».

В июне Эрнесто Геваре вручили диплом, а несколькими днями позже он отметил двадцатый пятый день рождения. Теперь он был самым настоящим врачом со всеми удостоверяющими его новый статус документами. Но им с Каликой нужно было еще получить визы и собрать средства, необходимые для путешествия, и это снова вылилось в попрошайничество. Калика вспоминает:

«Пришлось нам обратиться к тетушкам, к бабушкам… словом, ко всем тем, у кого мы могли попросить денег в долг».

Вскоре у каждого из них собралась сумма, равнозначная тремстам американским долларам; кроме того, у обоих были все визы, кроме венесуэльской. Венесуэла, переживавшая нефтяной бум, как магнит притягивала к себе ищущих работу иностранцев, поэтому власти страны ввели строгие правила по выдаче виз.

Хотя молодые люди ушли из консульства с пустыми руками, Эрнесто сказал Калике, чтобы тот не волновался, так как они смогут получить венесуэльскую визу в какой-нибудь другой стране, через которую будут проезжать.

Наступил июль 1953 г. Решено было, что в путешествии Калика будет выполнять роль «интенданта» — то есть везти все деньги. Его мать сшила сыну специальный пояс для ношения денег в нижнем белье, и стоило Эрнесто увидеть этот предмет, как он тут же обозвал его поясом верности. Друзья купили билеты второго класса на поезд, отходивший 7 июля от вокзала Бельграно в Боливию. Все было готово к началу путешествия.

На вокзале их провожала целая толпа родственников и друзей. Стоя на платформе, Селия Гевара де ла Серна неожиданно схватила за руку невесту Роберто, Матильду, и жалобно проговорила: «Мой сын уезжает, и я его никогда больше не увижу». В это время раздался свисток, и поезд тронулся. Он медленно покатил вдоль перрона, и тут от толпы отделилась одинокая фигура. Это была мать Гевары, она бросилась бежать вровень с вагоном, где сидели Эрнесто с Каликой, и все махала и махала им платком. Она ничего не пыталась сказать, но по ее лицу текли слезы. Женщина бежала за поездом, пока не кончилась платформа и бежать дальше стало уже некуда.

Глава 7
«Не зная, в каком направлении север»

I

Эрнесто Гевара, новоиспеченный врач и опытный автостопщик, опять был в пути. «На этот раз, — писал он в своем новом путевом журнале, озаглавленном "Otra Vez" ("Снова"),[7] — моего товарища по дороге зовут иначе — не Альберто, а Калика; но характер путешествия ничуть не поменялся: две воли, устремленные неизвестно к чему, возносятся над Америкой, не зная точно, чего они ищут и в каком направлении север».

Друзья прибыли в Ла-Пас. Эрнесто был очарован столицей Боливии. «Ла-Пас — это настоящий американский Шанхай, — восторженно писал он в своем путевом журнале. — В этом многоцветном, населенном метисами городе богатой палитрой представлены искатели приключений всех национальностей и мастей».

Едва разместившись в плохоньком отеле под названием «Сити», друзья тут же отправились бродить по крутым, выложенным булыжником улицам. Повсюду им встречались индейцы в цветастых одеждах и группы вооруженных дружинников. Да, они оказались в революционной Боливии, стране с наибольшим во всей Латинской Америке процентом индейского населения и одним из самых низких уровней жизни. Подавляющая масса аборигенов в течение нескольких веков пребывала в унизительном, полукрепостном состоянии, в то время как немногочисленная правящая элита скапливала баснословные богатства, так как в ее руках были и шахты по добыче олова (главного источника прибыли в Боливии), и все сельскохозяйственные угодья.

Но теперь, казалось, положение полностью изменилось. После того как в результате народного восстания, вспыхнувшего за год до того, власть перешла к Националистическому революционному движению (НРД), армия была расформирована, а шахты национализированы. Но положение в Боливии оставалось неопределенным: политические силы были расколоты, и это угрожало стабильности нового режима.

Бродя по городу, друзья наткнулись на молодого аргентинца, который ехал с ними в одном поезде. Он здесь навещал отца — Исаиаса Ногеса, известного политика и владельца сахарного

завода в аргентинской провинции Тукуман, ныне вынужденного жить в эмиграции из-за разногласий с Пероном. Когда ему представили молодых людей, выяснилось, что их семьи ему хорошо знакомы, и он не замедлил пригласить Калику и Эрнесто к себе на обед.

В доме Ногеса они отведали изысканного *асадо*[8] и встретились с другими членами ла-пасской общины аргентинских эмигрантов. Они познакомились с братом Ногеса по прозвищу Гобо — прожигателем жизни, только что вернувшимся из Европы. Гобо с симпатией отнесся к молодым путешественникам и стал водить их по городским барам и ресторанам. Благодаря ему гости побывали в «Гальо де оро» («Золотом петушке») — аргентинском кабаре, где кутили политики, политические эмигранты и искатели приключений. Вскоре Эрнесто и Калика стали его завсегдатаями. Другим излюбленным их местом была терраса отеля «Ла-Пас», где аргентинские эмигранты собирались за кофе или чем-нибудь покрепче и обсуждали политические дела своей родины и боливийскую революцию.

Для Эрнесто и Калики это место оказалось полезным и по другой причине. Однажды, глядя на собравшиеся на улице толпы, Калика заприметил пару симпатичных девушек и отправился к ним в надежде познакомиться. Девушек сопровождал пожилой человек, оказавшийся венесуэльским генералом по фамилии Рамирес. Генерал проявил любезность и пригласил Калику в бар, где тот очень скоро выудил у Рамиреса обещание сделать ему и Эрнесто венесуэльскую визу, в которой им ранее было отказано.

«Недельная остановка» в Ла-Пасе незаметно растягивалась. «Я вижу, что ошибался, думая, что не смогу здесь задержаться, — писал Эрнесто отцу 22 июля. — Это очень интересная страна, которая переживает сейчас неспокойный период. 2 августа будет проведена аграрная реформа, и уже сейчас ожидаются конфликты и столкновения по всей стране. <…> Здесь каждый день слышны выстрелы, и есть раненые и погибшие в результате этой стрельбы».

Эрнесто планировал дождаться 2 августа. Он хотел быть свидетелем грядущих событий. А пока они с Каликой пользовались каждым приглашением Ногеса на обед, чтобы как следует набить животы. Калика писал матери: «Эрнесто ест так, словно не питался целую неделю, и этим стал уже здесь знаменит». Гобо делал ставки на то, сколько Эрнесто сможет съесть за один присест, и пообещал даже, что, если они встретятся с ним в Лиме, куда собирались ехать дальше, он сводит Эрнесто с Каликой в ресторан с бесплатной едой для особенно прожорливых клиентов. Ему доставит огромное

удовольствие, сказал Гобо, «представить столь выдающийся образчик аргентинской породы».

В один из вечеров у Ногеса они познакомились с аргентинским адвокатом Рикардо Рохо. Высокий и тучный, с лысеющей макушкой и красивыми усами, Рохо в свои двадцать девять лет был уже закаленным ветераном политических баталий. Член антиперонистской оппозиционной партии «Радикальный гражданский союз», Рохо недавно бежал из-под ареста: в Буэнос-Айресе его задержала полиция по подозрению в терроризме.

Получив прибежище в гватемальском посольстве, он был переправлен в Чили по дорожным документам, выданным ему гватемальским правительством президента Хакобо Арбенса. Затем он прибыл в Ла-Пас и, как и другие заезжие аргентинцы, проторил путь к дому Исаиаса Ногеса. Гордый своим геройством, Рохо носил с собой вырезку из журнала «Лайф», где повествовалось о его побеге на волю. Из Боливии он планировал уехать в Перу, затем в Гватемалу и в конце концов — в США.

Бывая у Ногеса, Рохо тоже обратил внимание на «необузданный» аппетит Гевары. Он был удивлен, узнав, что Эрнесто врач, — судя по разговорам, тот больше интересовался археологией. «Сначала, когда я его только увидел, Гевара не произвел на меня особого впечатления. Он мало говорил, предпочитая слушать рассуждения других. Но иногда он внезапно обрывал чужую речь острым, как бритва, замечанием, произнесенным с обезоруживающей улыбкой».

Это была их общая черта. Рохо также обладал язвительным остроумием и обожал спорить ничуть не менее Гевары. Рохо так вспоминает о том времени: «Мы подружились, хотя единственное, что нас тогда объединяло, — это то, что мы оба были выпускниками университета, не имеющими достатка. Я не интересовался археологией, а Эрнесто — политикой, по крайней мере в том смысле, в каком она имела значение для меня и какой приобрела впоследствии для него».

Прощаясь, они договорились о новой встрече; с этого момента Рохо стал постоянно появляться в жизни Гевары.[9]

Эрнесто не мог удержаться от соблазна посмотреть собственными глазами на условия работы в знаменитых боливийских шахтах, поэтому они с Каликой отправились на вольфрамовую шахту в Больса-Негра, что неподалеку от Ла-Паса. Над шахтой, расположенной на высоте семнадцать тысяч футов над землей, возвышались каменные стены и ледники Иллимани. Инженеры шахты показали посетителям место, где во время предреволюционной забастовки стоял пулемет, из которого охрана обстреляла шахтеров и их семьи; теперь шахтеры

праздновали победу, а шахта принадлежала государству. Здесь, как и перед этим в Чикикамате, Эрнесто был глубоко взволнован увиденным: «Тишина шахты берет за живое даже таких, как мы, кому неведом ее язык».

Для Эрнесто поездка на шахту не прошла даром. Он получил новые яркие свидетельства зависимости Латинской Америки от Соединенных Штатов. Вот что он говорит о сырье, добываемом в Больса-Негра: «На сегодняшний день это единственное, что держит Боливию на плаву; его покупают американцы, вот почему правительство приказало увеличить его добычу». Таким образом, Гевара нашел здесь подтверждение своим выводам, сделанным в Чили, где также стоял вопрос о национализации шахт. До тех пор пока американцы контролируют экспортный рынок минералов, подлинная независимость невозможна.

Боливийское революционное правительство прекрасно это понимало, тем более что оно уже испытывало на себе серьезное давление со стороны новой администрации Эйзенхауэра, требовавшей более осторожного проведения реформ. И совет этот был услышан: триумфаторы, одержавшие победу в революции — НРД, — ограничились экспроприацией только трех крупнейших шахт по добыче олова. Боливия зависела от Соединенных Штатов, поскольку они оставались главным покупателем сырья и во многом определяли уровень цен на него.

В то время мир стоял на пороге новых испытаний. В марте 1953 г. в Советском Союзе умер Сталин. На Западе, однако, никто не рассчитывал на прекращение «холодной войны». С целью обеспечить паритет с США в оснащенности стратегическим оружием СССР заканчивал работу по созданию первой в мире водородной бомбы, и 12 августа состоялись ее испытания.

В Корее китайские войска и силы ООН сошлись в последнем раунде трехлетнего кровопролитного конфликта унесшего жизни трех миллионов корейцев. Он кончился перемирием, которое было подписано 27 июля и оставило полуостров разделенным надвое и в руинах.

На Кубе, которую Вашингтон считал «безопасной» страной, происходили события, которым предстояло сыграть важнейшую роль в жизни Гевары. 26 июля группа молодых вооруженных повстанцев, желавших разжечь пламя национальной освободительной войны против военного диктатора Фульхенсио Батисты, напала и временно захватила казармы Монкада в городе Сантьяго на востоке Кубы. В сражении нападавшие потеряли всего восемь человек, однако последовавшие события иначе как кровавой баней не назовешь. Батиста попытался связать восстание с «коммунистами», но Коммунистическая партия Кубы

отвергла все его обвинения, заклеймив восстание как «буржуазный путч». После того как молодым повстанцам пришлось капитулировать, шестьдесят девять из них погибли: некоторые были казнены, другие замучены до смерти. После вмешательства церкви те, кому удалось выжить, включая двадцатишестилетнего лидера восстания по имени Фидель Кастро и его младшего брата Рауля, были заключены в тюрьму.

II

Эрнесто и Калика провели в Ла-Пасе около месяца. Они потратили половину суммы, бывшей у них в распоряжении, но зато решили проблему с венесуэльской визой. Пора было снова трогаться в путь.

На таможенном пункте в пограничном городке Пуно у Эрнесто, по его словам, «конфисковали две книги: "Человек в Советском Союзе" и издание перуанского Министерства по делам крестьян, которое было охарактеризовано эпитетами "красное, красное и еще раз красное" — тоном истерически-обвинительным». Однако после беседы с начальником полиции их отпустили, а Эрнесто пообещали отправить его книги в Лиму, как он просил.

Из Пуно друзья доехали до Куско. Эрнесто был счастлив снова там оказаться, но Калика на редкость равнодушно отнесся к этому историческому месту. Он написал матери, что это интересный город но «не представляешь, до чего же Куско грязен и так вонюч, что там все время хочется помыться». В то же время Калика шутливо добавляет, что за восемь проведенных там дней «Чанчо помылся только раз».

Спустя несколько дней жалобы Калики на грязь и неудобство стали раздражать Эрнесто. В письме Селии от 22 августа он изливает свое недовольство: «Калика ругается на грязь и каждый раз, когда ступает в одну из бесчисленных куч дерьма, которыми усеяны здешние улицы, вместо того чтобы посмотреть на небо или на собор… смотрит на свои грязные туфли. Он чувствует не пленительную таинственность Куско, а только запах тушенки и навоза… Мы решили уехать отсюда раньше времени».

Заехав в Мачу-Пикчу, который, хотя и кишел по-прежнему американскими туристами, вновь произвел на Эрнесто сильнейшее впечатление, приятели на автобусе отправились в Лиму.

В Лиме Калика наконец почувствовал себя в своей тарелку. «Мне очень нравится тут, это большой, современный, чистый

город», — писал он матери 8 сентября. О путешественниках было кому позаботиться: они встретились с доктором Пеше, который помог им найти чистую комнату с горячей водой и устроил им питание в университетской столовой, а также с Гобо Ногесом. «Гобо ввел нас в местное общество, мы уже дважды были в "Кантри клаб", отличном заведении, и ужасно дорогом, причем нам, естественно, не надо было лезть к себе в карман за деньгами; кроме того, мы много времени проводим в гранд-отеле "Боливар"», — хвастался Калика.

Эрнесто, напротив, смотрел на Лиму критическим взглядом. «Здешние церкви, величественные внутри, не достигают снаружи — как мне кажется — величественной сдержанности храмов Куско».

Эрнесто пару раз виделся с доктором Пеше и вновь получил огромное удовольствие от «долгой и обстоятельной беседы». Но затем их с Каликой задержали для допроса, а всю их комнату перевернули вверх дном. По-видимому, молодых аргентинцев приняли за похитителей людей, которых разыскивала полиция. Инцидент был исчерпан, однако Эрнесто решил впоследствии избегать контактов с Пеше — на случай, если полиция все еще следит за ними.

Гевара отнюдь не был уверен в том, что их столкновение с полицией стало лишь следствием недоразумения. На границе с Боливией у него отобрали «красную» литературу, так что, вполне возможно, они с Каликой попали полиции на карандаш как лица неблагонадежные. У власти в Перу по-прежнему стоял диктатор Мануэль Одрия, который, несомненно, опасался, как бы «левая» революция в Боливии «не внесла смятение в его собственный курятник», как высказался Эрнесто в разговоре с Каликой.

17 сентября Эрнесто получил письмо от матери, в котором та сообщала, что договорилась о том, чтобы, когда они прибудут в Эквадор, о них «позаботился» президент этой страны.

Молодые люди снова столкнулись с Рикардо Рохо. Он отправлялся в Гуаякиль, где рассчитывал сесть на корабль до Панамы. Поскольку друзья и сами собирались ехать в Гуаякиль, он сообщил им название пансиона, в котором планировал остановиться.

III

Ступив на землю Эквадора 28 сентября, путешественники вынуждены были ждать попутного транспорта в пограничном городке Уакильяс. В результате Эрнесто оставалось только

сетовать на «потерю целого дня пути, которая дала возможность Калике напиться пива». На следующий день приятели сели на судно, которое, миновав болотистую дельту реки, вышло к заливу Гуаякиль, доставив их в одноименный тропический порт. На пирсе их встретили Рикардо Рохо и три его друга, с которыми он изучал право в аргентинском Университете Ла-Платы, и отвели в облюбованный ими пансион. Товарищей Рохо звали Эдуардо «Гуало» Гарсиа, Оскар «Вальдо» Вальдовинос и Андро «Петисо» Эрреро.

Пансион располагался в ветшающем квартале под названием Кинта-Пареха, в старом, осыпающемся особняке колониального периода с причалом для каноэ на илистом берегу реки Гуаяс. В доме шла перепланировка: большие комнаты разбивали перегородками на маленькие отсеки, похожие на деревянные контейнеры для перевозки автомобилей.

Путешественникам не пришлось ехать в Кито, чтобы искать там встречи с президентом Веласко Ибаррой. Узнав, что глава государства находится с визитом в Гуаякиле, Эрнесто с Каликой приоделись и положились на милость личного секретаря президента. В письме матери от 21 октября Эрнесто не без иронии описывает разговор с чиновником: «Секретарь сказал мне, что я не могу увидеть Веласко Ибарру и что катастрофическое финансовое положение, которое я ему столь красочно обрисовал, — лишь одна из черных полос в моей жизни». Так что Эрнесто с Каликой остались, как были, практически без гроша, и в том же положении находились их компаньоны. Тем временем их долг за постой все возрастал. Хотя Калика и начинал путешествие ответственным за «пояс верности», со временем стало совершенно ясно, кто из них лучше умеет тратить деньги. Эрнесто ввел режим «тотальной экономии», который сам он нарушал только для того, чтобы время от времени купить себе банан, и это было практически единственной его пищей в то время.

В середине октября Рикардо Рохо и Оскар Вальдовинос отплыли в Панаму на корабле, принадлежавшем «Юнайтед фрут компани»; их друзья собирались последовать за ними при следующем удобном случае. А пока Эрнесто с Каликой продолжали снимать жилье вместе с Гуало Гарсиа и Андро Эрреро. В пансионе они играли в шахматы и общались. Все четверо испытывали ностальгию по Аргентине и потому часто говорили о своих семьях, о том, что было, и о том, что будет.

Глава 8
На севере

I

В Гуаякиле не было ничего особенно интересного, более того, Эрнесто отзывался о нем весьма нелицеприятно: «Это не город, а одно название; здесь нет собственной жизни, все вертится вокруг ежедневно приходящих и уходящих кораблей».

И тем не менее он не уезжал. Он слонялся по городу и считал гроши, разделяя нищету со своими новыми друзьями. В разговоре с Андро Эрреро он признался, что никогда прежде не испытывал подлинного чувства товарищества, когда без колебаний делишься с другими всем, что у тебя есть. Самым близким другом Гевары, по его словам, был Альберто. Что же до Калики, то хотя тот и был «хорошим парнем», знакомым ему с детства, но, по правде говоря, между ними мало было общего.

Гевара признался Андро, что не избалован подлинной дружбой. Он всегда искал ее и не находил в собственной семье, которая была разрозненна и слишком много внимания уделяла посторонним. Он много рассказывал о своей матери, и Андро понял, что для Эрнесто это особая тема. Новый товарищ Гевары был на несколько лет старше и понимал, что перед ним одинокий молодой человек, страстно жаждущий привязанности и любви.

Жестокие приступы астмы, случавшиеся у Эрнесто, вызывали острую жалость у его новых компаньонов, и те как могли старались ему помогать. «Помню, я проснулся ночью от шума: Гевара пытался дотянуться до своего лекарства, — вспоминает Андро, — но у него не хватало сил, и одному из нас пришлось ему помочь».

Эрнесто очень нравилась эта атмосфера братства, но одновременно он был мучим сомнениями о том, что делать дальше. С самого начала у Гевары имелась прекрасная возможность отправиться в Боливию, так как еще перед отъездом из Буэнос-Айреса Альберто Гранадо сообщил другу, что нашел для него работу в лепрозории. О деньгах на дорогу он мог не беспокоиться: Альберто готов был ему одолжить в случае необходимости. У Эрнесто имелся и другой, очень важный, мотив принять это предложение. Он признался Андро, что хочет заработать денег, чтобы отправить мать в Париж в онкологическую клинику. Он опасался что у нее рак, и хотел,

чтобы ее обследовали лучшие врачи.

Разрешились его сомнения весьма неожиданно: Гуало Гарсиа предложил ему поехать вместе с ними в Гватемалу. И Эрнесто принял это приглашение, отказавшись от прежних планов и плюнув на все свои обещания.

Но одно дело было решиться ехать в Гватемалу и совсем другое — действительно там оказаться. Для начала Эрнесто и его друзьям нужно было покинуть Гуаякиль. Им также требовалась панамская виза.

Поскольку друзья были без гроша, им оставалось лишь одно: надеяться уговорить какого-нибудь доброго капитана не только взять их бесплатно на борт, но и ходатайствовать о них перед панамскими властями. Молодые люди прекрасно понимали, что это задачка не из легких, и все же начали обходить пристани. Поначалу их усилия результата не приносили, и дни тянулись в томительной скуке.

Вскоре Эрнесто свел дружбу с командой зашедшего в порт аргентинского судна. Это навело его на приятные воспоминания об «Анне Г.» — одном из кораблей, на которых он работал в 1951 г. Его не только несколько раз угостили на борту едой и красным вином, но еще и дали американских сигарет и аргентинского мате. На корабле находился аргентинский дипломат, который знал семью Эрнесто и сообщил ему неожиданные новости из дома, «почти мимоходом» упомянув о недавней кончине его тети Эдельмиры Мур де ла Серны. Эрнесто отправил письмо с соболезнованиями семье почившей, написанное с почти жестокой прямотой (эта черта все более начинала отличать его послания родственникам): «Очень сложно писать обнадеживающие слова в обстоятельствах, подобных этим, и тем более мне, ибо в силу моего отношения к жизни я не могу даже прибегнуть к утешению религией, которое так помогало тете Эдельмире».

Шли дни. Калика надумал тем временем один ехать в столицу Эквадора Кито. Эрнесто решил подождать еще несколько дней и, если ситуация не изменится к лучшему, телеграфировать Калике, чтобы тот подождал его в Кито, а затем двинуться вместе с ним в Каракас. Однако через несколько дней после отъезда Калики капитан судна «Гуайос» дал молодым людям письмо, в котором ручался, что они смогут продолжить путь из Панамы, и они действительно получили необходимые визы. Но не успел Эрнесто послать телеграмму Калике, чтобы тот не ждал его, как выяснилось, что дата отплытия «Гуайоса» переносится на неопределенное время.

Тем временем у друзей накопился огромный долг за

пребывание в пансионе, и с каждым днем он все возрастал. Они стали продавать свои вещи. В письме от 22 октября Эрнесто сообщал матери, что теперь он «стопроцентный авантюрист». Открыв ей свой план поехать в Гватемалу, сын писал, что продал новый костюм, который она дала ему в дорогу. «Жемчужина твоих грез приняла героическую смерть в ломбарде, и та же судьба постигла все самые нужные вещи из моего багажа». Гевара даже решился было продать свой драгоценный фотоаппарат, но, когда нашелся покупатель, «буржуазные остатки собственнического инстинкта» не дали совершить задуманное.

Выход из ситуации нашел Андро. Он сказал, что останется в качестве гаранта выплаты долга, а двое его товарищей постараются выслать ему необходимую сумму, чтобы он мог присоединиться к ним. Эрнесто не одобрил этого плана, сказав, что если кто и должен остаться, то это новый человек в их компании, то есть он сам. Но Андро настоял на своем.

(В конечном счете Андро так и не смог воссоединиться со своими товарищами, он промаялся в Эквадоре много месяцев, занимаясь случайными подработками, в числе которых была роль «человека-ядра» в цирке. Калика добрался до Каракаса, где связался с Альберто и получил работу. Он прожил в Венесуэле почти десять лет. Ни он, ни Андро никогда более не виделись с Эрнесто.)

После долгих задержек судно «Гуайос» было наконец готово к отплытию. 31 октября Андро проводил Эрнесто с Гуало на пристань.

II

Направляясь в Центральную Америку, Эрнесто знал, что попадает в регион, «где страны не являются странами в полном смысле слова, будучи частными эстансиями» своих диктаторов. Несколькими годами ранее его любимый поэт Пабло Неруда написал стихотворение под названием «Юнайтед фрут компани», в котором заклеймил эту компанию как эксплуататорскую, выстроившую цепь покорных себе «банановых республик», управляемых преданными ей местными деспотами.

Действительно, к 1953 г. отсталые аграрные страны Центральной Америки, за исключением Гватемалы, превратились в подчиненные США «банановые республики». На тонкой линии земли, соединяющей континенты Северной и Южной Америки, господствующим государством была Панама, созданная пятьюдесятью годами ранее по инициативе Теодора Рузвельта для

утверждения американского контроля над Панамским каналом. Несмотря на рост патриотических настроений в стране, США удавалось удерживать под своей юрисдикцией Зону Панамского канала, разделяющую страну надвое, за счет сохранения на этой территории своих военных баз и всеохватного влияния на экономическую и политическую жизнь Панамы.

Никарагуа с 1930-х годов находилось под властью коррумпированного режима генерала Анастасио Гарсии Сомосы. Сомоса достиг своего положения путем предательства: во время переговоров о прекращении многолетней гражданской войны по его приказу был убит лидер народного партизанского движения Аугусто Сесар Сандино. Ярый антикоммунист, Сомоса имел множество друзей в Вашингтоне, и именно по его настоянию ЦРУ начало кампанию против Революционных реформ в Гватемале.

Крохотный Сальвадор прочно находился под пятой олигархических структур, связанных с производством кофе. Соседний Гондурас отличался бездорожьем, слабым уровнем развития и низким уровнем жизни, а все его правители пресмыкались перед «Юнайтед фрут компани», имевшей там обширные плантации и владевшей портами и железными дорогами страны.

Коста-Рика была исключением. «Юнайтед фрут» присутствовала и здесь, но после революционных реформ 1953 г., проведенных Хосе «Пепе» Фигересом, Коста-Рике удалось добиться более выгодных торговых условий, оставшись в хороших отношениях с Вашингтоном благодаря отказу от экспроприации иностранной собственности.

Карибские острова со своими многочисленными плантациями и нищим населением, происходившим от африканских рабов, представляли собой россыпь колоний, управляемых белыми наместниками, назначаемыми из Лондона, Парижа и Гааги. Те же европейские державы сохраняли колонии и на материке: это и крошечный Британский Гондурас на полуострове Юкатан, и отдаленная Гвиана на самом севере Южной Америки, по-прежнему поделенная между голландцами, французами и британцами. США присоединились к этому империалистическому ансамблю путем фактической аннексии Пуэрто-Рико. Только Гаити, Доминиканская Республика и Куба оставались независимыми государствами, но при этом изнывали под властью нестабильного или коррумпированного правительства. Доминиканская Республика с 1930 г. находилась в руках алчного генерала Рафаэля Трухильо. В Гаити после переворота 1950 г. царила политическая неопределенность, которой вскоре предстояло смениться ужасающим правлением Франсуа Дювалье.

А Куба уже год находилась под властью генерала Фульхенсио Батисты, ставшего правителем страны в результате военного переворота.

III

Когда «Гуайос» пришвартовался в Панаме, Эрнесто и Гуало нашли пристанище в дешевом общежитии, где им позволили спать в коридоре за доллар в сутки. В консульстве Аргентины они узнали, что Рохо и Вальдовинос уже отправились в Гватемалу. Впрочем, они оставили друзьям письмо, в котором сообщали координаты некоторых своих знакомых из студенческого союза Панамского университета, а также неожиданную новость о том, что Вальдовинос женился на дочери панамского конгрессмена.

Эрнесто и Гуало энергично взялись за налаживание контактов. Весьма небесполезными для них оказались и аргентинский консул, и знакомые из университета. Они быстро нашли себе друзей среди студентов и оказались в кругу интересных людей: поэтов, художников, активистов политических движений, облюбовавших два городских кафе: «Иберия» и «Кока-кола». Новые друзья помогли Эрнесто связаться с редакторами местных журналов, которым он предложил свои материалы о путешествиях, а также устроили ему лекцию на медицинском факультете университета на тему об аллергических заболеваниях.

Геваре заплатили двадцать долларов за статью о путешествии на плоту с Альберто Гранадо (опубликована в журнале «Панама Америка»); однако, как он отмечает в своем дневнике, статья о путешествии в Мачу-Пикчу была «принята в штыки» редакторами журнала «Сьете» из-за ее откровенно антиамериканской направленности.

Эрнесто, по-видимому, считал Панаму весьма подходящим местом для изъявления неприязни к стране, которую он уже воспринимал как идеологического врага.

В дневнике Гевара перечисляет и описывает своих знакомых, оценивая их с точки зрения человеческих качеств, а также политической «зрелости». Он упоминает о встрече в Панамском университете с доктором Карлосом Морено. «Он очень симпатичный и сердечный и с уважением отнесся к нам. Кажется, этот человек знает, что делает и куда идет, но революция для него лишь крайняя мера, необходимая, чтобы удержать массы под контролем».

Познания доктора Морено в области марксистской идеологии и его потенциал революционера — вот что прежде всего имело

значение для Эрнесто. Трудно отделаться от ощущения, что, рисуя в своем дневнике портреты людей, он уже распределяет между ними будущие роли в той революции, которая перейдет через национальные границы.

В конце ноября экономическое положение Эрнесто и Гуало вновь стало отчаянным. Рейс, которым они рассчитывали отплыть в Гватемалу, был отложен. Друзья решили продолжить путь по суше.

Где-то на севере Панамы грузовик, на котором они ехали, сломался и был эвакуирован. Через два дня они наконец пересекли границу с Коста-Рикой и добрались до тихоокеанского порта Гольфито, построенного «Юнайтед фрут компани».

Эрнесто посетил больницу компании, которую описывает критически: «Условия в больнице комфортные, и здесь можно получить хорошее медицинское обслуживание, но его качество зависит от того, к какой категории работников компании принадлежит пациент. Как и во всем, здесь присутствует классовый дух гринго».

На следующий день друзья сели на корабль, принадлежащий «Юнайтед фрут компани». Путешествие началось хорошо, но через несколько часов море взволновалось и корабль «начал летать». Эрнесто пишет: «Почти всех пассажиров, включая Гуало, укачало. Я же коротал время с негритяночкой Сокорро, которую успел подцепить. Эта шестнадцатилетняя девица оказалась похотливее курицы». Закаленный плаваниями, Эрнесто не был подвержен морской болезни и следующие два дня провел в развлечениях с Сокорро. Когда корабль причалил в порту Пунтаренаса, Эрнесто попрощался с девушкой и вместе с Гуало продолжил путь к столице Коста-Рики — городу Сан-Хосе.

Этот крохотный городок с крышами из красной черепицы и жести, примостившийся под ясным синим небом на зеленых холмах, служил новым местом дислокации «Карибского легиона». Деятели этого регионального политического альянса, созданного для защиты идей демократии, поначалу нашли прибежище в Гаване, где их принял предыдущий президент Кубы, Карлос Прио Сокаррас, однако после переворота Батисты они вынуждены были переместиться в Сан-Хосе. Политические лидеры, бежавшие от диктатур, установившихся в Венесуэле, Доминиканской Республике и Никарагуа, собрались здесь под предводительством президента Фигереса, чтобы выработать стратегию дальнейший действий.

Пепе Фигерес был одним из тех редких политических деятелей Латинской Америки, чье мнение уважали в Вашингтоне как консерваторы, так и либералы. «Маленький» костариканец

добился такого отношения к себе благодаря реформам, в которых сумел найти золотую середину: он распустил коста-риканскую армию, национализировал банки, расширил государственный контроль над экономикой, но при этом никак не задел иностранные интересы. Он внушил еще большие симпатии к себе, запретив Коммунистическую партию Коста-Рики; при этом он продвигал в Вашингтоне мысль отказаться от традиционной опоры на диктаторские режимы в регионе и поддержать демократические преобразования.

В то время наряду с Фигересом ведущими фигурами «демократической альтернативы» в Латинской Америке были перуанец Виктор Рауль Айа де ла Торре, возглавлявший «Американский народно-революционный альянс» (АНРА), и венесуэлец Ромуло Бетанкур, руководитель «Демократического действия», стоявший во главе либерального коалиционного правительства, пока оно не было распущено военными, выдвинувшими Маркоса Переса Хименеса. Политическую платформу названных деятелей можно охарактеризовать как умеренно социал-демократическую, притом твердо антикоммунистическую. Среди всех партий, оказавшихся вне закона у себя на родине, наиболее «левой» была доминиканская партия Демократической революции, возглавляемая мулатом Хуаном Бошем, писателем и политическим деятелем.

Айа де ла Торре уже пять лет скрывался от политического преследования, живя на правах гостя в колумбийском посольстве в Лиме, однако Бош и Бетанкур находились в Коста-Рике, и Эрнесто хотелось в личной беседе узнать их соображения по поводу того, как следует проводить социальные и политические реформы. Особенно его интересовало их отношение к Соединенным Штатам — этот вопрос стал для него ключевым при определении «законности» притязаний того или иного политика. Кроме того, им с Гуало нужно было как-то выживать, и пришлось волей-неволей начинать новый раунд попрошайничества.

Целый день друзья провели в общении с Хуаном Бошем и лидером коста-риканских коммунистов Мануэлем Мора Вальверде. Еще через несколько дней Эрнесто встретился и с Ромуло Бетанкуром. Из всех троих наибольшее впечатление на Эрнесто произвел коммунист Мора Вальверде. Мора изложил Геваре свои взгляды на новейшую историю Коста-Рики, включая проамериканскую политику Фигереса. Эрнесто пишет: «Когда Фигерес освободится от иллюзий и потеряет веру в то, что Госдепартамент ему сочувствует, мы вступим в сферу неизвестного: будет ли он сражаться или уступит чужой воле? Посмотрим, как он ответит на этот вопрос, который несомненно

существует».

Вскоре Эрнесто вместе с Гуало автостопом отправился в Никарагуа. По пересечении границы их настиг тропический ливень, и тут они неожиданно столкнулись с Рикардо Рохо. Вместе с ним были братья-аргентинцы по фамилии Бевербраги, которые ехали на своей машине в Южную Америку. Обнаружив, что им не удастся проехать в Коста-Рику по дороге, Рохо с компаньонами решили добраться до побережья, чтобы там попытаться сесть на паром. А Эрнесто и Гуало отправились на автобусе в никарагуанскую столицу Манагуа.

Опаляемый жарким солнцем город на берегу озера не показался Эрнесто особенно интересным, и время он проводил, совершая «паломничества в консульства». Целью, как обычно, было получение виз. В гондурасском консульстве ему вновь встретились Рохо и его спутники, которым так и не удалось попасть на паром. Теперь группа решила разделиться: Рохо и Вальтер Бевербраги собрались лететь в Сан-Хосе, а Эрнесто и Гуало — ехать вместе с Доминго в Гватемалу, где Доминго намеревался продать машину.

Весь вечер они обсуждали политическую ситуацию в Аргентине. Вальтер Бевербраги в свое время сидел в тюрьме и подвергался пыткам за участие в заговоре 1948 г. против Перона. Бевербраги удалось бежать, но он был лишен гражданства и вынужден жить в изгнании в Соединенных Штатах. Его судьба показывала, как далеко может зайти Перон в подавлении своих оппонентов, и Рохо имел все основания опасаться за себя, после того как они с Вальдовиносом дали пресс-конференцию в Гватемале, где озвучили свои претензии к режиму Перона.

Эрнесто, Гуало и Доминго отправились в Гондурас. На троих у них было всего двадцать долларов. Останавливаясь лишь за тем, чтобы время от времени заменить проколотую шину, они проехали через засушливую зону сельского Гондураса, день спустя оказались среди вулканических пейзажей крохотного Сальвадора и оттуда двинулись к зеленым возвышенностям Гватемалы. Пограничные сборы они оплатили натурой: покидая Сальвадор, расстались с запасом кофе, а при вступлении на территорию Гватемалы — с фонарем. Утром 24 декабря друзья прибыли в город Гватемалу, имея при себе в общей сложности три доллара.

IV

В 1950-х гг. столица Гватемалы была маленьким городком,

затерянным среди индейских селений в окружении удивительных природных пейзажей. Поросшее лесом вулканическое высокогорье с озерами и кофейными плантациями, отмеченное пунктиром деревень коренного населения, сменялось низинами тропического тихоокеанского побережья с сахарными плантациями и фермами.

Предлагаемый местными властями иностранцам открыточный образ Гватемалы, где коренные жители в своих ярких национальных костюмах счастливо трудятся на земле в полной гармонии с окружающим миром, был обманчив. В Гватемале следы испанского завоевания были особенно ощутимы: креольское меньшинство веками помыкало здесь индейским населением, которому приходилось добывать пропитание каторжной работой на плантациях, принадлежавших либо гватемальской олигархии, либо «Юнайтед фрут компани».

Такое положение вещей сохранялось без изменений вплоть до реформаторской «революции» Хуана Хосе Аревало, который в 1940-х гг. сместил безжалостного диктатора Убико и начал демократические преобразования. Аревало не успел претворить в жизнь все задуманное, однако ему на смену пришел полковник Хакобо Арбенс, который, будучи приверженцем левых взглядов, продолжил дело предшественника. Наибольшими потрясениями грозила земельная реформа, закон о которой был подписан Арбенсом в 1952 г. Она положила конец олигархической системе латифундий и национализировала собственность «Юнайтед фрут компани».

Этими действиями Арбенс нажил себе смертельных врагов среди консервативной элиты Гватемалы и в высшем руководстве могущественной «Юнайтед фрут компани», которая имела тесные контакты с администрацией Эйзенхауэра. Среди ее покровителей были братья Даллесы — занимавшие посты госсекретаря США и руководителя ЦРУ.

Свои люди были у нее и в правительстве. Поэтому «Юнайтед фрут компани» могла не стесняться в выборе средств для достижения своих целей. Она наняла в качестве консультанта С. Брейдена, бывшего эмиссара Трумэна в странах Латинской Америки, известного своей «бульдожьей хваткой». В марте 1953 г. Брейден выступил в Дартмутском колледже с пламенной речью, в которой призвал администрацию Эйзенхауэра начать военное вторжение в «коммунистическую» Гватемалу. Сразу после этого, недвусмысленно давая понять, насколько далеко она готова зайти, «Юнайтед фрут компани» организовала вооруженный мятеж в Саламе — столице одной из гватемальских провинций. На допросе захваченные участники мятежа признали, что их

действия были инспирированы «Юнайтед фрут компани», однако никто пока не догадывался о том, что ЦРУ также замешано в деле и что оно уже обсуждает с «Юнайтед фрут компани» дальнейшие планы по свержению правительства Гватемалы.

К концу 1953 г. прямая конфронтация между Гватемалой и Вашингтоном стала очевидной. Тем временем политэмигранты и просто люди левых взглядов, которые, наподобие Эрнесто, хотели посмотреть своими глазами на гватемальский «социалистический» эксперимент, сотнями стекались в Гватемалу, и их присутствие добавляло жара в раскаленную атмосферу набиравшей обороты, но пока еще только словесной войны между правительством Арбенса и администрацией Эйзенхауэра.

V

Повидавшись с Вальдо и его женой, Эрнесто и его спутники отправились на поиски дешевого пристанища и нашли место, где, по выражению Гевары, «могли угнездиться и начать жить в долг».

Вернувшийся в Гватемалу Рохо познакомил Эрнесто с женщиной, которой предстояло сыграть немаловажную роль в его жизни. Ее звали Ильда Гадеа, это была невысокая полноватая девушка, черты лица которой свидетельствовали о смешении китайской и индейской кровей. Она бежала из Перу, где руководила молодежным крылом АНРА, а теперь работала в правительстве Арбенса.

Позже Ильда Гадеа так описывала их знакомство: «При первой нашей встрече Гевара мне не понравился. Он показался мне слишком поверхностным, эгоистичным и самодовольным».

Несмотря на первоначальное негативное впечатление, которое, по собственному признанию Ильды, смешивалось с ее природным «недоверием» к аргентинцам, которые славятся у соседей снобизмом и высокомерием, девушка вскоре потеряла из-за Эрнесто голову. Однако сам Гевара думал о чем угодно, только не о ней: он был поглощен встречами с разными людьми в поисках работы и мало обращал внимания на Ильду, единственный раз упомянув ее в своем дневнике в связи с тем, что она познакомила его с американским марксистом, профессором Гарольдом Уайтом.

«Революционная» Гватемала, возможно, не оправдала всех надежд Эрнесто, однако ему еще предстояло совершить путешествие в глубь страны, где проводилась земельная реформа. Столица оставалась в основном без изменений: в центре города

кипела уличная торговля и сияли неоновые вывески, а в жилых районах богатые горожане продолжали вести размеренное существование.

Однако при внешней заурядности в начале 1954 г. в городе царила удивительная атмосфера. Каждый день Эрнесто знакомился с новыми людьми. В их числе были деятели перуанского АНРА никарагуанские коммунисты, аргентинские антиперонисты, венесуэльские социал-демократы и кубинские противники Батисты.

После встречи с эмигранткой из Гондураса Эленой Леива де Хольст Гевара писал с симпатией: «По некоторым вопросам ее взгляды весьма близки к коммунистическим, и на меня она произвела впечатление очень хорошего человека. Вечером у меня был разговор с Никанором Мухикой, членом АНРА, и Ильдой, и также у меня случилось небольшое приключение с одной развязной училкой. Отныне я постараюсь вести свой дневник каждый день и попытаюсь глубже проникнуть в политические реалии Гватемалы».

Стремясь подыскать себе доходное место в Министерстве здравоохранения Гватемалы, Гевара руководствовался отнюдь не только желанием найти работу. Еще 10 декабря, будучи в Сан-Хосе, Эрнесто отправил тете Беатрис очередной отчет о путешествии. Именно здесь впервые в личной переписке четко прозвучали его идеологические убеждения: «Моя жизнь предоставляла мне море готовых ответов, пока я смело не оставил все, что мне было дано, и не отправился с рюкзаком на плечах и в компании с Гарсиа тем извилистым путем, который привел нас сюда. Мне предоставилась возможность проехать через владения "Юнайтед фрут", и я укрепился в мысли о том, насколько ужасны эти капиталистические осьминоги… В Гватемале я отточу до совершенства все те качества, которые необходимы подлинному революционеру».

В Манагуа Эрнесто посетил аргентинское консульство, чтобы проверить, нет ли для него корреспонденции из дома, и обнаружил «глупую» телеграмму от отца, который тревожился из-за отсутствия новостей и предлагал, если нужно, выслать сыну денег. Эрнесто это взбесило, и в первом же письме из Гватемалы, датированном 28 декабря, он излил свое раздражение: «Я полагаю, ты теперь понимаешь, что даже если я буду умирать, то не стану просить у тебя денег, и, если мое письмо не приходит в ожидаемый срок, тебе просто следует немного потерпеть, ведь у меня, к примеру, может не быть лишних денег на марки, хотя в целом у меня все прекрасно и голод мне не грозит. Впредь, если ты будешь чувствовать волнение, то вместо того чтобы

отправлять мне деньги, возьми их и сходи в бар или еще куда, но я не собираюсь отвечать более на такого рода телеграммы».

Суровый тон письма, похоже, свидетельствовал о том, что Эрнесто решительно отделяет себя от родных. С безопасного расстояния, оттуда, где никто не мог ни остановить, ни повлиять на него, он смело заявлял: «Это я, подлинный я, нравится вам это или нет; с этим ничего нельзя поделать, так что лучше смиритесь».

Глава 9
«Ни позора, ни славы»

I

Впервые в жизни Эрнесто открыто присоединился к политическому движению. Отринув сомнения, он выбрал гватемальскую «левую» революцию. Гевара писал родным, что, несмотря на все пороки и изъяны этой страны, здесь он дышал «самым демократичным воздухом» во всей Латинской Америке.

Первым испытанием для Эрнесто стал поиск полезного дела, которое он мог бы на себя взять. Удивительно, но он его так и не нашел. Следующие полгода не принесли ему «ни позора, ни славы».

Однако Гевара встречался со множеством интересных людей. Пытаясь помочь ему получить должность в сфере медицины, Ильда Гадеа, имевшая знакомых повсюду, представила молодого врача некоторым высокопоставленным чиновникам. Среди них были министр экономики Альфонсо Бауэр Паис и секретарь президента Арбенса Хайме Диас Роццото. Гевара дотошно расспрашивал их о гватемальской революции и говорил о своем желании поработать где-нибудь по медицинской части. Он тешил себя надеждой устроиться в больницу для прокаженных в отдаленных петенских джунглях на севере Гватемалы, рядом с храмовым комплексом майя Тикаль, главным археологическим памятником страны.

Ильда также познакомила Эрнесто с профессором Эдельберто Торресом, никарагуанским политэмигрантом и исследователем творчества поэта Рубена Дарио. Его красивая юная дочь Мирна только что вернулась к отцу, проведя год в Калифорнии, где она изучала английский, и теперь работала с Гадеа в Обществе поддержки сельского хозяйства, организованном правительством Арбенса для кредитования крестьян. Брат Мирны Эдельберто-младший, который являлся генеральным секретарем коммунистической молодежной организации Гватемалы «Демократическая молодежь», недавно вернулся из поездки в Китай. Гостеприимный дом Торресов был местом встречи политэмигрантов, таких как Ильда, и Эрнесто с Гуало также были приняты в их круг. Когда Эрнесто впервые появился в доме Торресов, он познакомился с четырьмя кубинскими эмигрантами, за несколько месяцев ставшими известными в городе. Их звали

Антонио «Ньико» Лопес, Армандо Аренсибиа, Антонио «Биготес» Дарио Лопес и Марио Далмау.

Кубинцы выделялись на фоне других эмигрантов. Они были единственными, кто участвовал в вооруженном восстании против диктатуры, и, хотя их попытка не увенчалась успехом, решимость и отвага, с которыми они попытались свергнуть режим Батисты, снискали кубинцам всеобщую славу, и многие искренне восхищались ими. Ньико и его товарищи были среди тех, кто шестью месяцами ранее под руководством молодого юриста Фиделя Кастро Руса напал на армейские казармы Монкада и на гарнизон в Баямо. Заговорщики избежали расправы, спрятавшись в посольстве Гватемалы в Гаване. Теперь они томились в Гватемале, с нетерпением ожидая, когда руководители их организации поставят перед ними новые задачи. Пока же они были местными знаменитостями, без них не проходил ни один званый обед или пикник, устроенный членами эмигрантской общины.

Лидер повстанцев Фидель Кастро, недавно представший перед кубинским судом и приговоренный к пятнадцати годам заключения, томился в одиночной камере в тюрьме на острове Пинос. Однако, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, кубинцы в Гватемале, и особенно Ньико, со страстной убежденностью говорили о продолжении своей борьбы.

«Ньико был уверен, что не задержится в Гватемале надолго, — писала Ильда, — и что вскоре переедет в другую страну, где присоединится к Фиделю и продолжит работу по подготовке революции».

Ньико произвел впечатление на Эрнесто, и тот вскоре стал испытывать большую симпатию к этому сердечному и общительному кубинцу. С целью заработать немного денег Ньико со своими товарищами и Эрнесто занялись совместной торговлей комиссионными товарами. Ньико первым дал Геваре прозвище «Че Аргентино» за его типично аргентинское пристрастие к словечку индейцев-гуарани «че», что означает «эй, друг». От него же Эрнесто получил первые сведения о начальных стадиях развития кубинского повстанческого движения и о его лидере Фиделе Кастро.

Однако в то время не Куба, а Гватемала находилась в центре внимания Эрнесто.

Встреча с министром здравоохранения не принесла желаемого результата: Геваре сообщили, что он должен еще год отучиться на курсах, чтобы его аргентинский диплом стал действителен в Гватемале.

В письме от 15 января Эрнесто, в весьма ироничной манере

сообщил родным о своих финансовых неурядицах: «Я продаю драгоценный образ Господа Эскипуласского, Черного Христа, творящего удивительные чудеса. <…> У меня припасен богатый набор историй об этих чудесах, и я постоянно придумываю новые и опробываю их действенность при продаже».

И он отнюдь не шутил. Вместе с Ньико Лопесом Эрнесто придумал, как нажиться на широко распространенном почитании гватемальского Черного Христа. Ньико додумался вставлять маленький образок в стеклянную рамку с подставкой, снабженной электрической лампочкой, которая его подсвечивала. Ньико занимался изготовлением таких икон, а Эрнесто — их сбытом.

Письмо Эрнесто всерьез обеспокоило его родных, особенно тетю Беатрис. Она выслала племяннику немного денег, которые, впрочем, до него не дошли, а затем отправила еще письмо. Его ответ был полон сарказма. Эрнесто сообщал Беатрис, что, по его предположению, «демократически настроенный сотрудник почты просто совершил справедливое перераспределение средств». «Не посылай мне больше денег, поскольку ты не можешь себе этого позволить, а у меня тут доллары валяются под ногами. Я постоянно нагибаюсь, чтобы их подобрать, аж прострел в спине заработал».

II

Пока Эрнесто и Гуало продолжали борьбу за выживание, у Мирны Торрес и некоторых ее подружек появились виды на двух молодых аргентинцев.

Вскоре, однако, Мирна поняла, что Эрнесто более всего интересуется Ильдой, хотя та была и старше, и не так привлекательна. «Мало-помалу и мои подруги осознали, что наши аргентинцы, особенно Гевара, предпочитают беседовать с Ильдой, поскольку с ней они могут обсуждать политику. Выяснилось, что на некоторые встречи Ильда нас даже не приглашает. Сначала меня это расстраивало, но затем я поняла, что молодые люди действительно интересуются гватемальской революцией и тянутся к Ильде, поскольку она может познакомить их с вождями революции».

Ильда была начитанна, политически подкованна и не жалела времени, связей и денег на Эрнесто. Впоследствии Ильда говорила, что познакомила Гевару с творчеством Мао и Уолта Уитмена, а он расширил ее познания о Сартре, Фрейде, Адлере и Юнге.

Воззрения самой Ильды, хотя и находились под некоторым

влиянием марксизма, оставались в русле социал-демократической философии. Это было одной из главных причин их разногласий. Эрнесто указывал на противоречие между тем, что, «размышляя» как марксистка, Ильда тем не менее состоит в партии АНРА, опирающейся в основном на городской средний класс. Он с презрением относился к партии и ее вождю Виктору Раулю Айа де ла Торре, обвиняя его в том, что он отошел от своих изначально антиимпериалистических позиций. Ильда отвечала, что ведущая философия партии по-прежнему антиимпериалистическая и антиолигархическая, что любой отказ от изначальных принципов АНРА — это чистая тактика и что после завоевания власти начнутся «подлинные общественные преобразования».

Эрнесто возражал, что в сложившихся в Латинской Америке обстоятельствах ни одна партия, участвующая в выборах, не сможет оставаться революционной. Все они с неизбежностью будут вынуждены как-то договариваться с Соединенными Штатами. Для успеха революции требовалась прямая конфронтация с «империализмом янки». В то же время он критически отзывался о коммунистических партиях, которые, по его ощущению, отошли от «рабочих масс», увлекшись тактическими альянсами с правыми, чтобы получить свою долю власти.

В этих дебатах участвовали и другие. Особенно часто — Рикардо Рохо и политэмигрант из Гондураса Элена Леива де Хольст, с которой Эрнесто очень быстро нашел взаимопонимание. Она была политически активна, сведуща в марксизме, бывала в СССР и Китае. Политические разногласия Эрнесто и Рохо, напротив, стали острее и их дискуссиям не было конца.

Пока Эрнесто с друзьями спорили по вопросам политической теории, ЦРУ уже вовсю думало над тем, как похоронить революционный эксперимент в Гватемале. В январе 1954 г. этот тайный проект получил кодовое название — «Операция "Успех"». ЦРУ привлекло к операции сочувствующих этим замыслам диктаторов Трухильо, Сомосу, Переса Хименеса и президентов соседних Гондураса и Сальвадора. В Гватемале был выбран человек, которому предстояло возглавить так называемую Освободительную армию, чтобы сбросить режим Арбенса. Этим человеком оказался отставной полковник, а ныне торговец мебелью по имени Кастильо Армас. Его полувоенные формирования теперь проходили подготовку и получали вооружение в Никарагуа.

Для лучшей координации действий американских послов в Коста-Рике, Никарагуа и Гондурасе заменили преданными ЦРУ

людьми. Послом в Гватемале двумя месяцами ранее был назначен Джон Перифуа, человек довольно бесцеремонный.

В конце января тайные замыслы были раскрыты, поскольку стало известно о переписке между Кастильо Армасом, Трухильо и Сомосой и всплыли подробности их махинаций. Правительство Арбенса немедленно обнародовало эти известия и потребовало объяснений от «правительства на Севере» (имелись в виду США).

Госдепартамент выступил с заявлением, что ни о каких заговорах ему неизвестно. Тем временем ЦРУ спокойно продолжало свои приготовления. Его агенты совершенно открыто перемещались по Гватемале и соседним странам, преследуя свою цель: план ЦРУ состоял в том, чтобы создать атмосферу напряженности и неопределенности, чтобы способствовать разладу в вооруженных силах, ослабить решимость Арбенса и, в идеале, спровоцировать государственный переворот.

В этой обстановке всегдашняя подозрительность Эрнесто к американцам еще более обострилась. Когда Рохо представил его Роберту Александру, профессору университета имени Ратджерса, собиравшему материал для книги о гватемальской революции, Гевара открыто поинтересовался, не является ли Александр агентом ЦРУ.

Правительство Арбенса казалось Эрнесто настроенным слишком благодушно перед лицом нарастающей угрозы. Эдельберто Торрес, исследователь творчества поэта Дарио, вспоминает, что Гевара выражал тревогу по поводу отсутствия подлинного единства между партнерами по правительственной коалиции перед лицом грозящей опасности. Тем же самым молодой аргентинец запомнился и Альфонсо Бауэру Паису, министру экономики: «Он полагал, что необходимо организовать народное ополчение и готовиться к худшему».

Интересно, что в качестве одной из основных мишеней для своего сарказма Эрнесто выбирает неограниченную свободу гватемальской прессы. В письме тете Беатрис от 5 января он пишет: «Это страна, где каждый может набрать полную грудь воздуха демократии. Здесь есть ежедневные издания, публикуемые "Юнайтед фрут", и, если бы я был Арбенсом, я закрыл бы их в пять минут, поскольку они… говорят все что хотят, помогая создать ту атмосферу, которая выгодна Северной Америке, изображая страну пристанищем воров, коммунистов, предателей и т. д.».

Тучи на горизонте сгущались, и многие политэмигранты стали оставлять город. Среди них — большая часть венесуэльцев и товарищи Ильды по АНРА. Эрнесто же заявил, что остается — и будь что будет. Получив письмо от Беатрис, в котором та

передавала приглашение его тети Эрсилии приехать к ней в гости в Нью-Йорк, он написал, что его «принципиальным» ответом будет «нет».

«Я бы глянул на США одним глазом — чтобы дополнить список американских стран, которые я посетил, — но не более того. Так или иначе, я остаюсь здесь по меньшей мере еще на полгода, поскольку у меня имеется работа, дающая мне пропитание, а также возможность устроиться врачом: тут есть два хороших варианта. Да и вообще <…> Гватемала сейчас — самая интересная страна в Америке, и ее нужно защищать во что бы то ни стало».

III

Продолжая искать постоянную работу, Эрнесто читал лекции на интересовавшие его медицинские темы, изредка консультировал больных и ассистировал в лаборатории доктора Пеньяльвера, венесуэльского специалиста по малярии.

Вдобавок он придумал себе работу, которая смогла объединить два его главных увлечения — медицину и политику. Он уведомил об этом Беатрис в письме от 15 февраля: «Опираясь на мой небольшой личный опыт, я работаю сейчас над очень серьезной книгой из области социальной медицины; писать ее, думаю, буду года два. Она будет называться "Роль врача в Латинской Америке". Пока у меня есть только общий план и две написанные главы».

По словам кубинского историка Марии дель Кармен Арье — единственного постороннего человека, получившего от вдовы Гевары разрешение изучить документы, сохранившиеся в семейном архиве, — эта работа представляла собой своего рода наставление о роли врача в революционном обществе, и в ней Гевара очертил круг социальных функций не только для всех врачей Латинской Америки, но и для самого себя. В то время он уже стоял на пороге активной революционной деятельности, но пока еще рассматривал свое будущее исключительно через призму «социально ориентированной медицины», как он это определял.

По плану, книга должна была включать очерк истории медицины в Латинской Америке от колониального периода до современности, а также описание различных проблем здравоохранения со всеми привходящими географическими и экономическими факторами. По убеждению автора, только программа превентивных мер в рамках социально

ориентированной медицины могла стать адекватным средством борьбы с болезнями, связанными с низким уровнем развития общества, и, следовательно, социалистическая форма управления была той целью, к которой следовало стремиться в политической сфере.

В наброске к главе «Врач и социум» Эрнесто выдвигает тезис о том, что в будущем врачи будут принимать непосредственное участие в революционном преобразовании общества в сторону социализма. Он определял современную ему политическую систему в Латинской Америке как колониализм, которому были свойственны следующие черты: доминирующее положение крупных земельных собственников, а также непопулярных и действующих методами устрашения правителей, влиятельность клира, отсутствие действенных законов и экономическое господство иностранных корпораций-монополий.

«Революционный врач» должен открыто бросить вызов установленным порядкам, добиваться того, чтобы медицинская помощь предоставлялась всем слоям общества и чтобы вымогательство и гонка за прибылью навсегда ушли из врачебной практики. Эту стадию перехода от «вооруженного нейтралитета» к «открытой войне» Гевара рассматривал как подготовительный период, в ходе которого врачу предстоит ближе познакомиться с людьми, требующими его заботы, а также помочь взрастить в них классовое сознание и понимание важности хорошего здоровья для повседневной жизни. Наконец, обязанностью «революционного врача» было бороться с паразитами (во всех смыслах слова), вредящими народу — «единственному господину», которому он должен служить.

Работа над книгой заставила Эрнесто глубже изучать марксизм, и он углубился в чтение Маркса, Ленина, Энгельса и перуанца Хосе Карлоса Мариатеги. Ильда составила ему компанию, и оба проводили многие часы в обсуждении трудов этих мыслителей и проблем, которые те поднимали. У Ильды был экземпляр работы Мао Цзэдуна «Новый Китай», и она одолжила его Эрнесто.

«Это была первая работа, которую Гевара прочел о той великой революции. Когда он прочитал книгу и мы заговорили о ней, он выразил глубокое восхищение той долгой борьбой за власть над страной, которую вел китайский народ при поддержке Советского Союза. Эрнесто также понял, что китайский путь к социализму несколько отличался от того, каким шли Советы, и что китайская действительность ближе нам, с нашими индейцами и крестьянами. Так как я тоже восхищалась китайской революцией мы часто говорили о ней и обо всем, что происходит

в Китае».

IV

В конце февраля уехали Гуало Гарсиа и Рикардо Рохо. Эрнесто остался один, из близких друзей только Ильда по-прежнему была рядом. К тому времени их общие знакомые уже подшучивали, что между ними завязался роман, хотя на самом деле никакого романа еще не было.

По всей видимости, страсть Ильды к Эрнесто, помимо духовного родства и физического влечения, была вызвана отчасти и материнским инстинктом. По воспоминаниям Ильды, вскоре после их знакомства Эрнесто рассказал ей о своей болезни. «С тех пор я всегда испытывала особую тревогу за него и за состояние его здоровья». Что же касается Эрнесто, то он, отдавая себе отчет в том, как к нему относится Ильда, как будто не стремился к серьезным отношениям, хотя и пользовался ее чувствами.

Через несколько дней после отъезда Гуало и Рохо Ильда навестила Эрнесто в его пансионе. Она обнаружила Гевару в фойе, где он ждал ее, терзаясь новым приступом астмы. «Я была поражена тем, как тяжело дается ему каждый вдох и какой жуткий сип исходит у него из груди. Я стала настаивать, чтобы Эрнесто лег… но он не мог подняться по лестнице, а мою помощь отверг. Он сказал мне, где находится его комната, и попросил сходить за шприцем. <…> Я исполнила его просьбу, и он при мне вколол себе дозу адреналина.

Эрнесто еще немного постоял, после чего дышать ему стало легче. Мы медленно поднялись по лестнице; затем вошли в его комнату, и он лег. Он сказал, что с десятилетнего возраста делает себе инъекции самостоятельно. Именно тогда я поняла по-настоящему, что представляет собой его болезнь. Я не могла не восхититься силой характера Эрнесто и его самообладанием. <… > Пытаясь не показать, до какой степени я взволнована, я говорила о том о сем, а сама все думала, как ужасно, что человек таких качеств, способный так много сделать для общества, на редкость умный и великодушный, вынужден страдать от такой болезни; будь я на его месте, я бы, наверное, застрелилась. Я решила тогда, что буду держаться рядом…»

Уже через несколько недель Ильде стало трудно скрывать свои чувства. Хотя в своих мемуарах она утверждает, будто это Эрнесто добивался ее любви, дневник Гевары ясно свидетельствует: из них двоих «охотником» была она.

Однако основным предметом интереса Эрнесто в феврале и

марте 1954 г. была медсестра по имени Хулия Мехиа. Благодаря ей у Гевары появилась возможность проводить выходные в домике на озере Аматитлан; медсестра также помогала ему с поиском работы. Вскоре их отношения переросли в легкий роман.

Финансовое положение Гевары оставалось критическим. Рикардо Рохо перед отъездом заплатил за пребывание в пансионе Гуало, но Эрнесто по-прежнему имел большую задолженность и случайных заработков ему не хватало, чтобы сводить концы с концами.

В письме родителям от 28 февраля он просил сообщить ему адрес друга отца — Улисеса Пти де Мюра, актера, снимавшего сейчас кино в Мексике: «На всякий случай — вдруг я туда смотаюсь». Также Эрнесто сообщал, что получил предложение устроиться на фабрику по производству вывесок, но принимать его не настроен, так как у него не будет времени на поиск работы в медицинской сфере. Он пытался предложить свои врачебные услуги крестьянскому кооперативу и затем руководителям одной банановой плантации, но оба варианта уплыли от него, поскольку Гевара не был членом «чертова» союза гватемальских врачей.

В марте положение Эрнесто немного изменилось. Ильда оплатила часть его долга за жилье, а Хулия Мехиа устроила ему собеседование с работодателями в Петене, и это его немного приободрило. «Я настроен оптимистично», — записал Гевара в дневнике. Петен был именно тем местом, куда он хотел бы поехать.

Когда Ильда услышала о Петене, то забеспокоилась не на шутку — она явно рассчитывала, что Эрнесто даст ей какие-нибудь гарантии по поводу их отношений. Несколькими днями позже Эрнесто писал: «Ильда рассказала мне о своем сне, в котором я выступаю главным героем и который совершенно явно выдает ее сексуальные желания. Мне ничего не снилось, зато у меня был приступ астмы. Хотел бы я знать, до каких пор астма может служить спасительной отговоркой. Забавно, но, покопавшись в себе, я прихожу к выводу — благородному, насколько это возможно, — что мне, собственно, не от чего бежать. И все же… Ильда и я — рабы одного господина, и оба мы опровергаем это своими поступками. Может быть, я более последователен, однако по сути между нами нет различий».

По-видимому, Эрнесто пытался сказать, что и он, и Ильда в душе являются революционерами, но они не отдаются делу целиком. Простого принятия гватемальской революции было недостаточно, и Эрнесто осознавал это.

Несколько дней спустя Эрнесто записал, что в последнее время «произошло не так много событий — и в то же время масса

всего». Президент Союза врачей сообщил, что у него неплохие шансы получить работу. «Ильда призналась в любви: сначала в письме, а затем и лично. Если бы не астма, я мог бы ее трахнуть. Я предупредил Ильду, что могу предложить лишь временные отношения, ничего определенного. Кажется, она пришла в замешательство. Письмецо, которое она оставила уходя, очень милое, как жаль, что она так некрасива. Ей двадцать семь лет».

Теперь Эрнесто всем говорил, что едет в Петен, хотя у него еще не было ровным счетом никаких гарантий. «Я уже обдумываю список вещей, которые возьму с собой, — писал он в марте. — Мне надо ехать как можно скорее».

Тем временем политическое давление на Гватемалу все возрастало. В марте на X Межамериканском конгрессе Организации американских государств, проходившем в Каракасе, Джон Фостер Даллес протащил резолюцию, оправдывающую вооруженную интервенцию в любую из стран-участниц, если та окажется «под властью коммунистов» и, таким образом, будет представлять «угрозу всему полушарию». Воздержались только Мексика и Аргентина, а Гватемала, служившая мишенью резолюции, осталась единственной страной, голосовавшей против.

Игра выходила на финальную стадию. Одержав дипломатическую победу, администрация Эйзенхауэра теперь собиралась извлечь из нее практическую выгоду. В Никарагуа, на одном из личных ранчо Сомосы и под эгидой ЦРУ, вовсю шла подготовка эмигрантов из Гватемалы к военным действиям. Для готовящейся кампании ЦРУ также собрало эскадрилью из наемных летчиков и тайно доставило двадцать четыре самолета в Никарагуа, Гондурас и Зону Панамского канала. Параллельно специалисты по информационной войне активно готовили записи для пропагандистских и дезинформационных радиотрансляций, печатали листовки, чтобы сбрасывать их с самолетов над территорией Гватемалы, и закупали советское вооружение, чтобы в нужный момент «обнаружить» его в Гватемале и предъявить в качестве свидетельства связи Арбенса с Советским Союзом.

Мирна Торрес покинула Гватемалу, улетев в Канаду, где ее ждал жених. Эрнесто писал: «Что самое худшее, я не знаю, уезжаю ли я. Все та же неопределенность…» Спустя несколько дней, когда он встречался с президентом Союза врачей по поводу работы в Петене, тон его показался Эрнесто прохладным. Гевара утешал себя в дневнике: «Только Хулия проявляет отзывчивость ко мне. Она хорошая…»

Однако в целом настроение у Эрнесто было скверным. Президента Союза врачей он называл теперь не иначе как

сукиным сыном. «Работа в Петене удаляется от меня все дальше с каждым днем… Все идет к чертям собачьим… Ильда висит на шее. Я чувствую, что мне надо валить отсюда к черту. Может быть, в Венесуэлу».

Но денег у Гевары не было, и уехать он не мог. Чтобы не тратить время впустую, он со рвением возобновил изучение паразитарных болезней в лаборатории Пеньяльвера; кроме того, выяснилось, что вариант с работой на банановой плантации (в местечке под названием Текисате) остается в силе. Чтобы оплатить его долг за жилье, Ильда отдала Эрнесто свои украшения, так что он смог погасить часть задолженности, но несколько месяцев так и оставались неоплаченными. Хозяйка вытребовала у него обещание оплатить всё в короткий срок. И теперь условленная дата маячила на горизонте.

Наступил апрель, и теперь единственной преградой, отделявшей Гевару от работы в Текисате, было получение гватемальского вида на жительство.

9 апреля католическая церковь Гватемалы обнародовала обращение к пастве, в котором заявила о проникновении в страну коммунизма и призвала граждан к борьбе с ним. Сказано это было непрямо, но иносказательные обороты никого не ввели в заблуждение. Однако общественность не знала, что это обращение появилось не без помощи ЦРУ, надавившего на архиепископа Гватемальского Мариано Росселла Арельяно.

В самом конце апреля Эрнесто принял «героическое и бесповоротное» решение. Он уедет из Гватемалы, если в течение пятнадцати дней не получит вида на жительство. Новость о его надвигающемся отъезде взволновала Ильду. «Ильда упорствует и предлагает мне все блага мира, лишь бы я остался. Я получил из Венесуэлы килограмм адреналина от Альберто, а также письмо, в котором он просит, точнее приглашает, меня приехать к нему. Только я не хочу».

Пока Эрнесто готовился к отъезду, Вашингтон совершил следующий шаг по дестабилизации ситуации в стране. Посол Перифуа был вызван в Вашингтон для консультаций, и событие это вызвало много шума. Тщательно организованные утечки информации свидетельствовали о том, что цель его визита — обсуждение мер США против Арбенса в свете недавней резолюции против коммунистического присутствия в Западном полушарии. 26 апреля Эйзенхауэр выступил перед Конгрессом с жесткими заявлениями о том, что «красные» уже установили контроль над Гватемалой и теперь ищут возможности протянуть свои «щупальца» к Сальвадору и его соседям.

Между тем Эрнесто пригласили в полицию, и это означало,

что следующим этапом станет получение вида на жительство. 15 мая Геваре сообщили, что для возобновления визы он должен покинуть страну, и теперь ему нужно было решить, куда ехать.

В тот же самый день случилось событие, определившее судьбу режима Арбенса. В главном атлантическом порту Гватемалы, Пуэрто-Барриос, пристало шведское грузовое судно «Альфхем», которое месяцем ранее вышло из польского порта, груженное оружием. Получив сведения от своих агентов в Польше относительно этого таинственного судна с подозрительным грузом и неясным местом назначения, ЦРУ следило за ним в течение всего плавания через Атлантику, в ходе которого корабль не раз менял курс. Когда он прибыл в Пуэрто-Барриос, Вашингтон быстро выяснил, что именно было на борту «Альфхема» (а это были две тонны чехословацкого оружия и боеприпасов), и незамедлительно перешел к действиям.

«Альфхем» дал в руки США то, что те так жаждали получить, — доказательство причастности к гватемальской политике советского блока. Глава ЦРУ Аллен Даллес тут же собрал Совет консультантов по вопросам действий разведки и Совет государственной безопасности. Они поддержали вторжение в Гватемалу и утвердили дату начала боевых действий. 17 мая Госдепартамент выпустил заявление, в котором констатировал факт доставки вооружения Советами в Гватемалу, и вслед за этим Эйзенхауэр публично объявил, что это оружие может способствовать упрочению «коммунистической диктатуры» в Центральной Америке.

Гватемала оказалась в незавидном положении. Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес заявили прессе, что доставленное на корабле вооружение превосходит военные нужды Гватемалы, и намекнули на то, что истинным намерением этой страны является нападение на своих соседей. Пропагандистская машина Вашингтона была запущена на полную мощность, и только отдельные журналисты вспоминали о том, что Соединенные Штаты сами препятствовали попыткам Арбенса модернизировать свою армию, раз за разом отвергая его просьбы к Америке о военной помощи и блокируя все попытки других западных стран продать Гватемале необходимое ей оружие.

Не прошло и недели после прибытия «Альфхема» в порт назначения, как госсекретарь Даллес подписал «пакт об обеспечении взаимной безопасности» с Гондурасом. Теперь в случае «гватемальского вторжения» Гондурас оказался бы под защитой США. Несколькими неделями ранее аналогичная договоренность была заключена с никарагуанским диктатором Сомосой. Как следствие, военные грузовые самолеты США не

скрываясь стали летать в обе страны-союзницы, ввозя туда вооружение, требовавшееся для их «обороны». В действительности же оно передавалось Освободительной армии Кастильо Армаса, ожидавшей только сигнала к тому, чтобы двинуться к гватемальской границе.

20 мая по приказу Аллена Даллеса была совершена диверсия, направленная на то, чтобы помешать доставить вооружение с борта «Альфхема» в столицу Гватемалы. Группа агентов ЦРУ заминировала железнодорожные пути неподалеку от Пуэрто-Барриос. Диверсантам не удалось причинить значительного вреда, и тогда по поезду с оружием был открыт огонь. Один солдат гватемальской армии был убит и несколько ранены, но поезд со своим грузом прибыл на место назначения.

Тем временем Эрнесто покинул пансион. У него по-прежнему оставались неоплаченными три месяца, но хозяева позволили ему уехать, оставив долговую расписку. Он провел ночь с Ильдой в деревне Сан-Хуан-Сакатепекес. Несколько дней спустя Эрнесто выехал в Сальвадор, имея в кармане двадцать долларов, взятых в долг.

V

Для человека, который прославился потом партизанской деятельностью, он вел себя на редкость неосторожно. Учитывая шум, поднятый вокруг «Альфхема», Эрнесто едва ли мог выбрать более неподходящее время для посещения соседей Гватемалы. На границе с Сальвадором выяснилось, что у Гевары при себе имеется «подозрительная литература», однако за взятку его пустили на территорию страны.

Обновив гватемальскую визу в провинциальном городке Санта-Ана, Эрнесто продолжил путешествие к столице страны — Сан-Сальвадору. Там он подал заявление на получение гондурасской визы, думая посетить руины майя в Копане. Через неделю он отправился на тихоокеанское побережье и разбил палатку прямо на пляже.

Там Гевара подружился с группой молодых сальвадорцев. Позже в письме матери Эрнесто рассказал, что, когда они были навеселе, он позволил себе небольшую «прогватемальскую пропаганду и прочитал кое-какие стихи ярко-красного цвета». «Дело кончилось тем, что все мы оказались в полицейском участке, но нас отпустили…»

Вернувшись в Сан-Сальвадор, Гевара узнал, что ему отказано в гондурасской визе, и решил, что причина в том, что он прибыл

из Гватемалы, — это выглядело в той политической обстановке почти как преступление. Забыв о Гондурасе, он отправился на запад Сальвадора, в Чальчуапа, где находятся пирамиды Тасумаль колумбийских индейцев пипиль.

Эрнесто тщательно осмотрел развалины и подробно описал в дневнике все увиденное. Ночь он провел у дороги за Санта-Аной, а утром поехал автостопом назад к гватемальской границе. На следующий день он добрался до Халапы, где сел на поезд и доехал до города Прогресо, в котором какая-то женщина из жалости дала ему двадцать пять центов. Потом Гевара прибыл в Киригуа, к руинам индейской цивилизации на юге Гватемалы. Тамошние сооружения показались ему похожими на каменные строения перуанских инков. Но особенно он был поражен азиатскими чертами некоторых фигур, вырезанных на камне. Одна из них показалась ему «напоминающей Будду», а другая — вылитым Хо Ши Мином.

На следующий день Гевара опять пустился в путь, решив махнуть на поезде в Пуэрто-Барриос. На билет он потратил свои последние деньги. Он рисковал, но риск оказался оправдан. Эрнесто подвернулась работа — разгружать бочки со смолой для дорожных рабочих. «Смена длилась ровно двенадцать часов: с шести вечера до шести утра — работа убийственная даже для более подготовленных ребят, чем я». Следующим вечером он опять вышел на работу, пусть и «с меньшей охотой, чем в первый раз», но успешно завершил свою смену.

На следующее утро Эрнесто договорился с одним из прорабов, Что тот достанет ему билет на поезд из Пуэрто-Барриос в столицу, и затем нашел себе место для отдыха в какой-то заброшенной хибарке на берегу моря. Гевара был страшно доволен собой. Впервые ему довелось испытать на деле, что такое физический труд. «Я превратился в настоящего «чанчо», с ног до головы покрывшись пылью и асфальтовой крошкой, но это очень приятно. У меня есть билет на поезд, кроме того, старуха, у которой я питался в долг, сказала, что я просто могу заплатить доллар ее сыну в Гватемале. Наконец, я доказал, что могу выдержать любые испытания».

VI

«Доллар я отдал», — с гордостью пишет Эрнесто по возвращении в Гватемалу. Ильда была удивлена и обрадована увидеть его снова, поскольку опасалась, что он не вернется.

Все больше людей оставляли страну: напряжение, связанное с

ожиданием военного вторжения, нарастало. Один знакомый Ильде чиновник из правительства настойчиво советовал ей искать где-нибудь политическое убежище.

В атмосфере страха и беспокойства, в которую погрузилась столица Гватемалы, множились разные слухи, и один из первых, который дошел до Эрнесто, касался его самого. От знакомого парагвайца он услышал, что многие считают его агентом Перона. Эрнесто не стал возвращаться в свой пансион — по-видимому, чтобы не платить долг, — получив возможность столоваться у Элены де Хольст, а жить у Ньико Лопеса, который снимал комнату вместе с другим кубинцем. Входить и выходить Эрнесто каждый раз приходилось тайком, к тому же в комнате было только две кровати, но они сдвинули их и спали поперек.

Жизнь Гевары вернулась к прежней рутине. Работу врача найти не удавалось. Он снова впал в депрессию. Из дома писем почти не было. Ньико уехал, и Эрнесто перебазировался в другую комнату, к гватемальцу по имени Кока. Элена Леива де Хольст также готовилась к отъезду, но она обещала устроить Геваре питание в доме другой женщины, а также в последний раз поговорить о нем с министром здравоохранения. В довершение всего опять обострилась астма.

Однако этому тоскливому периоду в жизни Эрнесто вскоре суждено было окончиться, так как противостояние между США и Гватемалой выходило на активную стадию. Американцы стали проверять любые подозрительные суда, появлявшиеся в Карибском море, а госсекретарь Даллес во всеуслышание заявил, что готовит документ о введении санкций против Гватемалы и документ этот будет ратифицирован на следующем конгрессе Организации американских государств, намеченном на июль.

По всей Латинской Америке ЦРУ печатало в газетах статьи, показывало пропагандистские фильмы и распространяло буклеты, предупреждающие о коммунистической угрозе, исходящей из Гватемалы. Арбенс поручил своему министру иностранных дел поговорить с послом США Перифуа и согласиться на ряд мер, которые могли бы позволить вступить в диалог с Вашингтоном и избежать вторжения. Эта попытка не увенчалась успехом.

Развязанная ЦРУ психологическая война начинала приносить свои плоды. 2 июня был раскрыт заговор против Арбенса и несколько человек были арестованы. На следующий день группа офицеров обратилась к Арбенсу с просьбой уволить с государственных постов всех коммунистов. Он постарался развеять их страхи, сказав, что деятельность коммунистов находится под контролем. Но многих офицеров это не убедило. 5 июня в отставку подал руководитель военно-воздушных сил, и

очень скоро его голос зазвучал в радиопередачах ЦРУ.

6 июня Арбенс, мотивируя свое решение угрозой вторжения, на тридцать дней приостановил действие всех конституционных свобод.

14 июня Эрнесто отметил свой двадцать шестой день рождения. На следующий день президент Эйзенхауэр созвал совещание высших чиновников, на котором обсуждалась финальная стадия «Операции "Успех"». Два дня спустя американцы начали бомбить территорию Гватемалы. 18 июня Кастильо Армас, глава ничтожно малой Освободительной армии, состоявшей из четырех сотен бойцов, перешел со своим войском границу между Гондурасом и Гватемалой. Началось вторжение, а вместе с ним новый этап в жизни Эрнесто Гевары.[10]

Глава 10
«Ледяной душ»

I

Когда город Гватемала в первый раз подвергся воздушному налету, Эрнесто, также впервые попавший под огонь, испытал сильное нервное возбуждение. В письме Селии он признался, что «почувствовал даже некоторое смущение от своего обезьяньего восторга».

Гевара был заворожен сценами войны. Некоторое время спустя, придя в более трезвое состояние духа, Эрнесто записал в дневнике: «Последние события войдут в историю… Несколько дней назад самолеты из Гондураса пересекли границу с Гватемалой и, достигнув ее столицы, стали обстреливать людей и военные объекты… Я записался добровольцем в санитарные бригады… а также в молодежные бригады, которые патрулируют город ночью».

Был введен комендантский час, и одной из обязанностей патрулей, в которых принимал участие Гевара, было следить за тем, чтобы никто не включал свет, так как он мог указать врагу цели для бомбежки.

20 июня Эрнесто послал матери письмо с поздравлениями по случаю ее дня рождения. «Я подозреваю, ты немного волновалась из-за меня в последнее время, — писал он. — Я отвечу тебе на это, что, хотя сейчас опасаться нечего, про будущее нельзя сказать того же».

Он рассказывал матери, что правительство Арбенса действует осторожно, позволяя врагам проникнуть в глубь территории Гватемалы, чтобы избежать столкновений на границе, которые позволили бы США и Гондурасу заявить о гватемальской агрессии и воспользоваться пактом об обеспечении взаимной безопасности. Пока же Гватемала ограничивалась дипломатическими протестами против действий Гондураса и просьбой рассмотреть этот вопрос на заседании Совета Безопасности ООН.

Поначалу новости с полей сражений приходили обнадеживающие. Правительственные силы оказывали довольно успешное сопротивление. Кастильо Армас сумел войти в город Эскипулас, но его атаки на города Сакапа и Пуэрто-Барриос были отбиты. В Пуэрто-Барриос было захвачено гондурасское судно «Сиеста де Трухильо»: оно перевозило оружие и снаряжение для

нападавших. Наконец у Гватемалы, ставшей жертвой внешней агрессии, появился хороший повод потребовать вмешательства со стороны ООН.

США предпринимали все меры, чтобы требование Гватемалы о рассмотрении кризисной ситуации на специальной сессии Совета Безопасности ООН не было удовлетворено. Действующий глава Совета — представитель США Генри Кейбот Лодж — вступил в открытую полемику с Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом. В конечном счете Лодж согласился на проведение сессии 25 июня — к этому моменту штурмовики США нанесли серьезный урон гватемальской стороне, позволив силам Кастильо Армаса перегруппироваться и перейти в новую атаку. 24 июня нападавшие захватили маленький город Чикимула, и Кастильо Армас провозгласил его штабом «временного правительства».

Арбенсу и некоторым из его военачальников стало изменять хладнокровие. Тем временем Лодж подговаривал членов Совета Безопасности голосовать против удовлетворения требования Гватемалы к ООН выслать группу экспертов для проведения расследования. Особое давление он оказывал на Великобританию и Францию, тем более что Эйзенхауэр и Джон Фостер Даллес в эти дни встречались с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем, приехавшим в Вашингтон с визитом. На совещании Совета Безопасности ООН, состоявшемся 25 июня, США с минимальным перевесом одержали победу (пять членов совещания проголосовали против вмешательства ООН, четыре — за него, Великобритания и Франция воздержались). Гватемала оказалась брошена на произвол судьбы.

II

3 июля «Операция "Успех"» оправдала свое название. В этот день «Освободитель» Кастильо Армас в компании с американским послом Джоном Перифуа прилетел в столицу Гватемалы. Приход Армаса к руководству страной, состоявшийся под эгидой американцев, положил конец борьбе за власть между военными, продолжавшейся в течение недели — начиная с 27 июня, когда под давлением США Арбенс ушел в отставку.

«Ледяной душ окатил народ Гватемалы», — заметил несколько дней спустя в своем дневнике Эрнесто. Он пишет Селии новое письмо, в котором сожалеет о героической риторике предыдущего послания и объясняет ее тем, что был «полон мечтаний о славе, так как готовился идти на фронт (куда так и не

попал), чтобы умереть, если будет нужно…» В письме Эрнесто подверг жесткой критике Арбенса — который сразу после ухода с поста президента скрылся в мексиканском посольстве, — за то, что тот поставил себя в зависимость от военных, которые, находясь под влиянием Перифуа, добились его смещения, и особенно за его нежелание «вооружить народ» для защиты страны.

Эрнесто, что неудивительно, пребывал в мрачном расположении духа. В последние дни июня, надеясь попасть на фронт, он вступил в вооруженные дружины, организованные «Коммунистической молодежью». Командиром «Бригады имени Аугусто Сесара Сандино», названной в честь никарагуанского революционера, возглавившего восстание против военного присутствия США был доброволец из Никарагуа по имени Родольфо Ромеро. Гевара был принят в эту бригаду и провел там несколько дней с волнением ожидая, когда ему представится возможность отправиться на фронт и принять участие в военных действиях, но его планы разрушил министр здравоохранения, направивший молодого врача в одну из больниц с указанием ждать дальнейших распоряжений. На этом этапе Ромеро и Эрнесто потеряли друг друга из виду. (Однако они вновь встретятся через четыре с половиной года, когда Ромеро, ища поддержки своей партизанской борьбе с Сомосой, прибудет в недавно освобожденную кубинскую столицу Гавану по приглашению команданте Эрнесто Че Гевары.)

В больнице Эрнесто опять подал прошение отправить его на фронт, но на него «не обратили никакого внимания». Он ждал нового посещения министра, однако в субботу, 26 июня, за день до отставки Арбенса, последний шанс был упущен: министр приехал как раз в то время, когда Эрнесто был у Ильды.

В те несколько дней, когда решалась судьба Арбенса, Эрнесто, по воспоминаниям Ильды, отчаянно пытался предотвратить катастрофу, уговаривая всех, кого только мог, передать Арбенсу призыв отвернуться от военных советников и вооружить народ, чтобы затем отступить в горы и начать партизанскую войну. (На самом деле, за два дня до ухода в отставку Арбенс попытался передать оружие народным дружинам, в одной из которых состоял Эрнесто, но военные не дали ему этого сделать.)

В день прибытия Кастильо Армаса в город Эрнесто увидел, что его встречают овациями. Самодовольные молодчики в соломенных шляпах и с оружием в руках, составлявшие его армию, разбрелись по городу и вели себя очень нагло. Был арестован Эдельберто Торрес-младший, которого обвинили в том,

что он коммунист, и Эрнесто всерьез опасался, что та же участь постигнет его отца — исследователя творчества поэта Рубена Дарио. Гевару «выперли» из больницы, и он нашел приют в доме у двух женщин-сальвадорок.

На фоне политических катаклизмов продолжался роман Эрнесто с Ильдой, больше напоминавший игру в кошки-мышки. Она послала любимому стихи, в которых, по его словам, были всякие «глупости». «Я отправил ей следующий стишок в анималистическом духе:

Подчинись мне, подобно птице,
Я медведем тобой овладею,
Или вдруг поцелую нежно
Я — мужчиной представший голубь.

…Я поставил Ильде новый ультиматум, но их было уже так много, что это не играет роли. А вот по-настоящему ее задело мое признание в том, что я трахался с медсестрой. Она все еще надеется женить меня на себе».

В середине июля новый режим повел полномасштабную «охоту на ведьм». Всякий, кто хоть как-то был связан с режимом Арбенса или подозревался в коммунистических взглядах, мог быть подвергнут аресту, и эта участь угрожала теперь Эрнесто. Те, кто еще не покинул Гватемалу, старались сделать это сейчас. Гевара лишился возможности жить у сальвадорок, так как к ним приехала родственница, чтобы помочь им бежать из страны.

Его приняла к себе тетя Элены Леивы де Хольст. Эрнесто несколько раз наведывался в аргентинское консульство, но не потому, что искал пути к отступлению. По словам Ильды, Гевара пользовался личным знакомством с послом, чтобы «выполнять поручения от людей, укрывшихся в посольстве, в частности он собирал кое-какое оружие, а также помогал найти убежище тем, кто попал в тяжелое положение или просто желал покинуть страну».

Эрнесто беспрепятственно занимался этим в течение нескольких дней, пока не была арестована Ильда, которую прямиком из дома доставили в тюрьму. От женщин, находившихся с ней в момент ареста, Эрнесто узнал, что полиция спрашивала Ильду и о нем. Гевара серьезно отнесся к этому предупреждению и не замедлил обратиться в аргентинское посольство с просьбой о политическом убежище. Перед тем как скрыться, он сделал в дневнике запись о своих планах на будущее:

«Мои намерения неопределенны, хотя почти наверняка я

поеду в Мексику… У меня сейчас настал такой момент в жизни, когда малейшее воздействие со стороны может целиком переменить мою судьбу».

III

Эрнесто попал в большую компанию «самого разного народа», собравшуюся в стенах аргентинского посольства, но, едва оказавшись там, он стал испытывать беспокойство и раздражение.

У него ухудшилось самочувствие. Как он узнал из газет, Ильду после нескольких дней заточения выпустили из тюрьмы, так как она, требуя освобождения, объявила голодовку.

Между тем у Эрнесто впервые появилась четкая цель. Мехико — город, в который бежали от ареста Арбенс и большинство его соратников, равно как и многие латиноамериканские политэмигранты, находившиеся до того в Гватемале, — манил его к себе. Пережившая лет сорок назад собственную «антиимпериалистическую» революцию, политически толерантная, отличавшаяся богатой культурной жизнью, столица Мексики превратилась в надежную пристань для «левых» со всего мира. Гевара решил, что это самое подходящее место и для него.

Но пока Эрнесто заняться было нечем. Он страдал от астмы и «страшной скуки». Однажды, когда у него кончились лекарства, он выскользнул в город, чтобы забрать запасы, оставленные в доме Элены Хольст. А так все дни проходили «в бессмысленных спорах и поисках иных способов убить время».

Укрывшиеся в посольствах ожидали, даст ли им Кастильо Армас гарантию свободного выезда за рубеж. От его решения зависела безопасность сотен людей. У Эрнесто не было оснований беспокоиться за себя, поскольку он был аргентинцем и его имя отсутствовало в списках лиц, искавших политического убежища; он просто выжидал время, рассчитывая отправиться в Мексику, как только почувствует, что ситуация стабилизировалась.

На самом деле положение тех, кто укрылся в посольствах, было куда более шатким, чем они подозревали. Желая сполна использовать свою победу над «коммунизмом» в этой первой стычке эпохи «холодной войны», произошедшей непосредственно под боком у Вашингтона и на фоне мощной пропагандистской кампании, ЦРУ направило своих агентов в Гватемалу для поиска и, если потребуется, фабрикования доказательств «истинно просоветской» природы прежнего, арбенсовского режима. Братья Даллесы также потребовали от Кастильо Армаса арестовать всех коммунистов и вообще всех подозреваемых в симпатии

коммунистическим идеям.

Кастильо Армас охотно присоединился к этой кампании. Он и сам уже провел первую серию репрессивных мер, направленных на укрепление его власти — на фоне сворачивания всех реформ. 19 июля «Освободитель» создал Национальный комитет по борьбе с коммунизмом, после чего был принят «Закон о превентивно-карательных мерах против коммунизма», который предполагал смертную казнь за обширный спектр преступлений, включая так называемый «политический саботаж». Аграрная реформа была отменена, а все политические партии, трудовые союзы и крестьянские организации объявлены вне закона. «Вредными» были объявлены романы Виктора Гюго и Достоевского, а также книги известного гватемальского писателя (и будущего обладателя Нобелевской премии) Мигеля Анхеля Астуриаса, который даже был лишен гражданства.

И все равно госсекретарь Даллес не был удовлетворен. Он настаивал на том, чтобы Кастильо Армас начал преследование тех семисот человек, которые укрылись в иностранных посольствах в столице Гватемалы. Он дошел до того, что предложил Армасу гарантировать коммунистам выезд из страны, но только в одном направлении — прямиком в Москву, однако новый гватемальский диктатор отказался пойти на это, видимо чувствуя, что столь откровенное нарушение международных норм права будет чрезмерным даже для него, и в начале августа он разрешил выдачу виз большинству тех, кто скрывался в посольствах. Когда новость об этом достигла аргентинского посольства, ликованию не было предела.

В середине августа поступила первая партия виз, но жизнь Эрнесто ничуть не изменилась. Он все так же играл в шахматы, посылал весточки Ильде и наблюдал за своими товарищами по заточению, составляя их психологические портреты.

Ильда дважды приходила к посольству, находившемуся теперь под усиленной охраной, но внутрь ее так и не пустили. Астма продолжала мучить Эрнесто. Он решил один день не есть, чтобы проверить, не поможет ли это «очистить» его организм. Ильда послала ему баночку меда и письмо.

Дневниковые записи Эрнесто, в основном посвященные характеристикам окружающих людей, отражают монотонность его жизни в посольстве. Он пробовал помогать на кухне, но потом жаловался, что его это изматывает. Слабость в мышцах свидетельствовала о том, что он в неважной форме. Психологические зарисовки Гевары становятся более ехидными, и особенно критично он отзывается о представителях гватемальской левой молодежи, которые к тому же все как один

были поэты. Стихи восемнадцатилетнего студента Марко Антонио Сандоваля, например, были «отравлены размышлениями о смерти», при том что сам Сандоваль отличался «безудержным самолюбованием». Когда другой поэт, Уго Бланко, сбежал из посольства, перепрыгнув через ограждение, Эрнесто написал: «Он не только плохой поэт, но я даже думаю, что он не очень умный человек».

Пропуска, дававшие право выезда за рубеж, продолжали потихоньку поступать в посольство, а затем пришла новость, что Перон решил предоставить политическое убежище в Аргентине всем укрывшимся в аргентинском посольстве, а также членам их семей. Тем людям, к которым Эрнесто испытывал расположение, он дал своего рода верительные грамоты — письма своим родным и друзьям.

Однажды ночью в посольство проник скрывающийся от властей лидер коммунистов Виктор Мануэль Гутьеррес — ему удалось перелезть через стену. Поскольку Гутьеррес находился в списке людей, которых разыскивал режим Кастильо Армаса, между аргентинским послом и властями Гватемалы разгорелся скандал, однако Гутьерресу предоставили убежище.

Вскоре после этого события Гевара вместе с двенадцатью другими смутьянами-«коммунистами» оказался заперт в гараже посольства. Согласно записям Эрнесто, более чем лаконичным, эта крайняя мера была принята после того, как Умберто Пинеда, молодой человек Мирны Торрес, устроил что-то вроде мятежа. Им пригрозили, что, в случае если они будут оказывать неповиновение, к ним применят силу. Кроме того, им запретили общение с другими жителями посольства.

Впрочем, уже в первую ночь Умберто Пинеда и его брат бежали из посольства. Они собирались принять участие в движении сопротивления новому режиму. В своей книге Ильда утверждает, что эти двое действовали под влиянием Эрнесто. Но в его дневнике мы находим лишь краткую похвалу им за то, что у них «кишка не тонка».

Август подходил к концу. Геваре предложили вернуться на родину, но он, неколебимый в своем решении ехать в Мексику, отказался. Посол не мог принудить его к репатриации, и ему пришлось позволить Эрнесто покинуть территорию посольства.

У Гевары появились деньги — их доставил ему из дома один из друзей Гуало Гарсиа, прибывший на эвакуационном самолете. Кроме того, он привез «два костюма, четыре килограмма мате и гору дурацких мелочей». Эрнесто написал родным, что планирует поехать в Мексику. Он поблагодарил их за подарки, но заметил, что вряд ли возьмет с собой присланную ими одежду: «Мой девиз

— минимум багажа, сильные ноги и желудок факира».

IV

В конце августа Эрнесто покинул территорию посольства и первым делом пошел искать Ильду.

После того как 26 июля ее выпустили из тюрьмы, Ильда существовала в неопределенности, терзаемая одиночеством и страхом, поскольку в перуанском посольстве ей отказали в выдаче паспорта и теперь ей оставалось надеяться только на то, что с ее проблемой разберутся в Лиме. Придя на прием к Кастильо Армасу, пригласившему ее по собственной инициативе, Ильда получила заверения в том, что ее не подвергнут повторному аресту, пока она ждет ответа на прошение о выдаче паспорта. После этого она тихо жила на съемной квартире в центре города и с волнением ждала, когда Гевара покинет стены посольства.

Он нашел ее в ресторанчике, где она обычно питалась. Ильда пишет: «Эрнесто появился передо мной когда я обедала. Все, кто был в ресторане, старательно сделали вид, что его не замечают, за исключением моей подруги, владелицы ресторана, которая не только приветливо его встретила, но и предложила бесплатно накормить. А когда после обеда мы пошли по центральным улицам, все знакомые смотрели на нас с удивлением и боялись заговорить с нами; никто даже не помахал в знак приветствия. Не сомневаюсь: они думали, что за нами следит полиция».

Решив, что против него не может быть выдвинуто никаких конкретных обвинений, Эрнесто подал свой паспорт в миграционное бюро, дабы получить разрешение на выезд, — это был первый шаг к получению мексиканской визы. Пока решалось его дело, он успел съездить на озеро Атитлан и в горы. Через несколько дней Гевара вернулся в Гватемалу, забрал паспорт и успешно получил визу.

Их с Ильдой ожидало расставание. Эрнесто был готов снова пуститься в путь в одиночку, на сей раз в Мексику, а Ильде предстояло вернуться домой, в Перу. По словам Ильды, Гевара не казался особенно расстроенным из-за грядущего расставания и довольно легкомысленно заверял ее, что они в конце концов обязательно встретятся в Мексике и поженятся. Она же с болью в сердце думала о том, что теряет его навсегда.

Эрнесто и вправду был очень далек от мыслей о женитьбе на Ильде. В день их последнего свидания он писал: «Думаю, я воспользуюсь тем обстоятельством, что Ильда пока не может

никуда ехать, для того чтобы окончательно порвать с нею».

В середине сентября Эрнесто пересек гватемальскую границу и направился в Мехико. Хотя он слегка опасался за свою безопасность, путешествие прошло без приключений.

Глава 11
«Моя пролетарская жизнь»

I

В начале пятидесятых в Мехико еще ощущалась атмосфера тридцатых и сороковых годов с их бурной политической и культурной жизнью. Тогда из Европы прибыли тысячи иммигрантов, бежавших от фашистской угрозы. Европейские интеллектуалы создали удивительно космополитичную атмосферу, дав толчок мексиканскому культурному возрождению. Это было время расцвета таких художников, как Диего Ривера, Ороско, Сикейрос, Фрида Кало и Тина Модотти. Писатели, художники и политические деятели собирались по вечерам в ярких кабаре, на сцене которых блистали лучшие представители мексиканского болеро; в сфере кино творили такие легендарные личности, как режиссер Эмилио «Индио» Фернандес, комический актер Кантинфлас и актрисы-небожительницы Долорес дель Рио и Мария Феликс. Многочисленные иностранцы, от французских писателей Антонена Арто и Андре Бретона до битников Джека Керуака и Уильяма С. Берроуза, приезжали в Мехико в поисках вдохновения.

После того как в постреволюционный период власть оказалась в руках Институционно-революционной партии (ИРП), Мексика стала чрезвычайно популярна среди латиноамериканских националистов и антиимпериалистов и в то же время заставила Вашингтон пусть с неохотой, но уважать себя. В 1930-е гг. президент Ласаро Карденас национализировал мексиканские запасы нефти и провел широкомасштабные аграрные реформы. Ведя подчеркнуто независимую от Вашингтона внешнюю политику, Мексика тем не менее была объектом постоянных политических интриг, так как США и СССР имели здесь множество тайных агентов и активно проводили различные секретные операции. Мехико стал местом нескольких знаменитых убийств, прежде всего лидера кубинских коммунистов Хулио Антонио Мельи в 1929 г. и Льва Троцкого в 1940 г.

Эти два мира — культуры и политики — были уже неотделимы друг от друга. Модотти была любовницей убитого Мельи; у Кало был роман с Троцким.

В 1950-е гг. Мехико не был тем затянутым смогом мегаполисом, каким он стал ныне: вдали, на линии горизонта, можно было увидеть покрытые снегом вулканы Попокатепль и Истаксиуатль. За исключением исторического центра, напоминающего лабиринт, — испанского колониального города, построенного на руинах столицы ацтеков, — Мехико состоял из тихих, почти деревенских кварталов с бульварами, окаймленными деревьями. Даже в пятидесятые годы не так редко можно было увидеть людей в одежде «чаррос» (мексиканских ковбоев-денди), неспешно разъезжающих на лошадях по проспекту Реформы воскресным вечером.

Закат так называемой романтической эпохи в Мексике не был обозначен каким-либо определенным событием, но мало что может сравниться по своей символичности с выступлением больной Фриды Кало 2 июля 1954 г. Тем холодным, сырым днем разбитая пневмонией художница встала с постели, чтобы присоединиться к толпе, протестующей против действий ЦРУ по свержению режима Арбенса. В течение целых четырех часов Кало вместе с толпой выкрикивала: «Убирайтесь вон, американские убийцы!» В левой руке женщина держала знамя, на котором был изображен голубь мира, а правая была сжата в кулак — символ сопротивления. После этого состояние сорокасемилетней художницы резко ухудшилось, и одиннадцать дней спустя, 13 июля, она умерла.

II

Первым делом Эрнесто нужно было найти работу, чтобы не испытывать нужды, затем проехать по всей Мексике и, наконец, «подать заявление на визу Северного Титана», то есть США. Получив визу, он собирался посетить тетю Эрсилию в Нью-Йорке, «а если нет — поехать в Париж». По его расчетам, имеющихся у него денег должно было хватить самое большее на два месяца, поэтому Гевара незамедлительно приступил к поиску знакомых. Среди них был Улисес Пти де Мюра, друг его отца, который теперь работал киносценаристом в Мексике. Перед отъездом из Гватемалы Эрнесто рассказал Ильде о Пти, упомянув, что у него, возможно, будет шанс поработать в Мексике статистом и реализовать тем самым свое «давнее намерение стать актером». Ильда назвала это пустыми мечтами и призвала его не разбрасываться своими талантами, а серьезно заняться медицинской карьерой. По словам Ильды, сначала Эрнесто стал спорить, доказывая, что он рассматривает это просто как способ

свести концы с концами, но потом признал ее правоту и пообещал не отвлекаться на разную ерунду.

Однако теперь ему была нужна работа, а Пти де Мюра был одним из немногих знакомых Гевары в Мексике. Пти пригласил Эрнесто остановиться у него в доме, обещая также помочь ему раздобыть какую-нибудь стипендию на учебу, однако он отклонил это предложение. Конечно, они с Пти не совпали в политических взглядах. В письме отцу Эрнесто писал: «Я скрестил с ним копья по тем же вопросам, что и с тобой то есть по поводу свободы и т. д., и он столь же слеп, как ты, и печальнее всего то, что в глубине души этот человек рад тому, что произошло в Гватемале».

В течение нескольких следующих «пустых дней» Эрнесто изучал город, ходил по музеям, искал друзей. Он нашел Элену Леива де Хольст, которая также переехала из Гватемалы в Мексику. Впоследствии он записал в дневнике, что между ней и Ильдой, похоже, «что-то произошло», поскольку она отзывалась об Ильде в «очень пренебрежительной манере». То, что Элена рассказала Геваре, должно быть, звучало убедительно, поскольку он добавил в дневнике: «Думаю, пора закончить эту историю с Ильдой».

Эрнесто узнал, что «гватемальские левые», эвакуированные в Аргентину, попали в тюрьму. В письме матери, отправленном в октябре, он не жалеет упреков для своих родных за то, что они не позаботились о его товарищах должным образом.

Эрнесто продолжал осмыслять свой гватемальский опыт, и каждое его письмо было своего рода некрологом революции. Он хотел донести до каждого «истину» о случившемся. Своей подруге Тите Инфанте, чье последнее письмо, полученное им в Гватемале, передавало тревогу, которая, как Геваре показалось, выходила за рамки дружеской, он писал: «Сейчас, на расстоянии — физическом и духовном, — которое отделяет меня от Гватемалы, я перечитал твое последнее письмо, и оно показалось мне странным. Я обнаружил в нем особую теплоту; твое отчаяние из-за того, что ты не можешь ничего сделать для меня, трогает мое сердце». Подобно Испанской республике, писал он, Гватемала оказалась предана «извне и изнутри», но пала не без благородства. Больше всего Гевару раздражала пропагандистская ложь о режиме Арбенса, которую печатали газеты по всей Америке.

Эрнесто был убежден, что американская интервенция в Гватемале была лишь первым столкновением в глобальной конфронтации между США и коммунизмом. Своей сестре Селии, которая собиралась выйти замуж за молодого архитектора и

друга их семьи — Луиса Родригес Арганьяраса — и, по-видимому, интересовалась возможностями трудоустройства в Мексике, Эрнесто писал: «Оставайся на месте и думать забудь о глупостях вроде переезда в другую страну, поскольку грядет буря и Аргентина окажется поражена меньше всего, ведь она не так зависит от северного друга» (имеются в виду США).

Зловещими предсказаниями поделился Эрнесто и с отцом. Мировая война неизбежна, объявлял он в письме, отправленном несколькими месяцами позже. Риски выросли «гигантским образом» на фоне потрясений в Кремле после смерти Сталина. «Аргентина — оазис на территории Америки, и мы должны оказать Перону максимум поддержки, чтобы избежать вступления в войну, которая обещает быть ужасной, — нравится тебе это или нет, но такова реальность».

В поисках работы Эрнесто ходил по больницам, пытаясь договориться хотя бы о собеседовании, но продвинулся пока не слишком далеко. Чтобы заработать немного денег, он стал фотографировать людей в городских парках и на площадях. В течение следующих нескольких месяцев ему довелось сменить несколько занятий: он был ночным сторожем, фотокорреспондентом в аргентинском новостном агентстве «Ахенсия латина», врачом-аллергологом и исследователем во взрослой и детской больницах.

В это время в его жизнь вновь вошла Ильда Гадеа. Сразу после отъезда Эрнесто из Гватемалы Ильда опять была арестована и, проведя в тюрьме ночь, под конвоем выслана к мексиканской границе. Через несколько дней ее собственные конвоиры за деньги переправили узницу через реку на территорию Мексики. Промаявшись восемь дней в пограничном городке Тапачула в ожидании решения властей о предоставлении ей политического убежища, Ильда направила свои стопы в Мехико и к Эрнесто. Но его помыслы и поступки с момента их расставания не соответствовали образу преданного любовника. Узнав, что его бывшая подруга оказалась брошена на границе, он даже не подумал ей помогать, ограничившись вялой записью в дневнике: «Ильда в Мексике, в Тапачуле, и что с ней и как — неясно».

Как обычно, рассказы Эрнесто и Ильды по поводу их отношений в Мехико не вполне соответствуют друг другу. После первой встречи Гевара записал: «Похоже, у нас с Ильдой сохраняется статус-кво, посмотрим». Однако Ильда передает это событие иначе: «Эрнесто вновь заговорил о том, что мы можем пожениться. Я сказала, что нам лучше подождать… У меня появилось ощущение, что мой неясный ответ создал некоторую напряженность, поскольку затем он заявил, что нам лучше быть

просто друзьями. Я несколько удивилась: я же предлагала только подождать. Но я не стала спорить. Не успела я приехать, а мы уже ссоримся».

Они продолжали встречаться, устраивали совместные трапезы, ходили в кино. Ильда вскоре поселилась в меблированных комнатах в районе Кондеса, вместе с эмигранткой из Венесуэлы поэтессой Лусилой Веласкес, и тоже начала искать нужные знакомства, чтобы устроиться на работу.

Более радостным для Эрнесто оказалось неожиданное воссоединение с кубинцами, которых он встретил в Гватемале, и прежде всего с Ньико Лопесом. Ньико пришел в больницу, где как раз находился на дежурстве Эрнесто: он хотел помочь своему товарищу, страдавшему от аллергии. По словам Ильды, Эрнесто и Ньико тотчас возобновили свою дружбу. Ньико был полон оптимизма, по секрету он рассказал Эрнесто, что лидер «монкадистов» Фидель Кастро, его брат Рауль и другие их товарищи, томящиеся в тюрьме, могут быть в скором времени выпущены на свободу.

Бежавшие с Кубы последователи Фиделя Кастро стали просачиваться в Мехико изо всех уголков континента начиная с 1954 г., когда им поступило распоряжение собраться там. Они организовали неофициальную штаб-квартиру в доме Марии Антонии Гонсалес, кубинки, вышедшей замуж за профессионального мексиканского борца по имени «Дик» Медрано.

Тем временем на Кубе, где Кастро приобрел всенародную известность, Батиста решил провести выборы, чтобы узаконить свою власть, которой он владел де-факто, и общественное мнение стало все громче требовать от него амнистии Кастро и других осужденных монкадистов. Ньико Лопес сказал Эрнесто, что, как только Фидель Кастро выйдет на свободу, Мексика превратится в базовый лагерь для претворения в жизнь его замыслов по организации вооруженного повстанческого движения, которое начнет партизанскую войну на острове в целях свержения Батисты. Однако Геваре столь грандиозный план, должно быть, показался делом отдаленного будущего.

Эрнесто снова написал матери. Это был ответ на ее письмо, в котором она критически отзывалась о поведении гватемальских коммунистов, которых сын к ней направил. «Коммунистам не свойственно то отношение к дружбе, которое характерно для тебя, но между собой они дружат ничуть не хуже, а то и лучше, чем способна дружить ты. Я стал тому свидетелем… в Гватемале: там все думали только о собственном спасении, а коммунисты сохраняли свою веру и чувство товарищества, оставаясь

единственными, кто продолжал что-то делать… Я уверен, что они достойны уважения, и рано или поздно я сам вступлю в партию; основное, что меня удерживает от этого сейчас, — это сильнейшее желание посмотреть Европу, а в условиях железной дисциплины сделать этого я не смогу».

Месяц спустя, в декабре, Эрнесто еще раз написал матери, по-видимому в ответ на письмо, в котором она выражала беспокойство по поводу его решения в будущем вступить в компартию. Он сообщал ей: «Того, чего ты так опасаешься, достигают двумя путями: позитивным — когда убеждаешься сам напрямую, — и негативным — когда разочаровываешься во всем остальном. Я достиг цели вторым путем — чтобы убедиться в том, что надо было следовать первым. То, как гринго… обращаются с Америкой, вызывало во мне все нарастающее негодование, но в то же время я изучал теорию, объясняющую причины их поведения, и я увидел научность этой теории. А затем последовала Гватемала».

То, что он увидел в Гватемале, только прибавило веса его прежним выводам, писал Гевара, и в какой-то момент он «оставил путь рацио и обрел нечто родственное религиозной вере». Итак, это свершилось. Теперь Эрнесто заявлял о своем идеологическом кредо открыто. Он стал убежденным коммунистом.

III

1955 год не принес больших изменений в жизнь Эрнесто. Он был все тем же молодым аргентинским бродягой — правда, имевшим медицинский диплом, — пытавшимся обеспечить себя работой в чужой стране. Их отношения с Ильдой стали более прочными. Скорее всего, это было связано не столько со сглаживанием расхождений между ними, сколько с тем, что Эрнесто вновь нуждался в Ильде как в человеке, у которого можно время от времени занять денег, а также, как он записал у себя в дневнике, для удовлетворения своей «настоятельной потребности в женщине, которая не прочь потрахаться». Он достаточно хорошо знал Ильду теперь, чтобы быть уверенным: она не откажет ни в деньгах, ни в ласке.

Чтобы как-то загладить то, что они не вместе встречали Новый год, Гевара принес Ильде запоздалый подарок: миниатюрное издание романа аргентинского классика Хосе Эрнандеса «Мартин Фьерро» в зеленом кожаном переплете. Это было одно из самых любимых произведений Эрнесто. Дарственная надпись, казалось бы, должна была прозвучать для

Ильды убийственно, но она тем не менее восприняла ее как доказательство чувств Эрнесто: «Ильде с надеждой, что в день нашего расставания ты будешь способна понять мое стремление к расширению горизонтов и мой воинствующий фатализм. Эрнесто, 20.01.55».

Ильда оставалась без работы, но держалась на плаву благодаря помощи семьи, к тому же она нашла чем себя занять. В январе Ильда записалась на двухмесячный курс, посвященный Мексиканской революции, в Автономном университете Мехико. Полученными знаниями она делилась с Эрнесто, оба читали книги по этой теме, включая «Восставшую Мексику» Джона Рида и мемуары Панчо Вильи.

На тот момент в Мехико находилось около дюжины кубинских монкадистов. Некоторые из них разместились в меблированных комнатах на улице Гутенберга. Ньико Лопес и Калисто Гарсиа поселились отдельно — в отеле «Гальвестон» в старом городе. Они поддерживали тесную связь с неофициальным координатором движения — Марией Антонией Гонсалес, проживавшей в доме 49 на улице Эмпаран в центре Мехико. Случайно встретившись с Ньико Лопесом в больнице, Эрнесто стал время от времени видеться с ним и его товарищами, знакомясь таким образом с новыми кубинцами, которые постепенно прибывали в город. Двоих из них — Северино «Гуахиро» Россела и Фернандо Маргольеса — он привлек к обработке фотографий, которые сделал для «Ахенсия латина» на II Панамериканских играх, прошедших в марте. Другой кубинец — монкадист Хосе Анхель Санчес Перес, только что прибывший из Коста-Рики, — поселился в том же пансионе, что и Эрнесто, на улице Тигрес. За пару месяцев до того Санчес Перес принимал участие в боевых действиях в Коста-Рике, где защищал режим президента Фигереса.

Незадолго до начала Панамериканских игр Санчес Перес познакомил Эрнесто с Марией Антонией. Как утверждает кубинский историк Эберто Норман Акоста, Эрнесто был принят Марией Антонией в ее круг благодаря тесным связям с Ньико Лопесом, Калисто Гарсиа и другими кубинцами. Он также сумел понравиться мужу Марии, борцу «Дику» Медрано, и потому стал регулярно появляться у них в доме.

Тем временем Ильда хотела наладить отношения, прерванные недавней ссорой. «Я скучала по Эрнесто и хотела помириться с ним, поэтому решила, — писала она, — взять инициативу в свои руки». Благоприятная возможность подвернулась, когда из Канады прибыла Мирна Торрес, которая решила выйти замуж за своего молодого человека, Умберто

Пинеду, прибывшего в Мехико после нескольких месяцев, проведенных в Гватемале в подполье. «Пользуясь нашей дружбой, я попросила Мирну пойти со мной в дом кубинцев; я знала, что Эрнесто часто бывает там, так как они вместе занимаются обработкой его фотографий». Это посещение принесло Ильде желаемые плоды. Гевара согласился прийти к ней в гости, и она надеялась, что их отношения возобновятся.

Под занавес Панамериканских игр пришли неутешительные новости о скором закрытии «Ахенсия латина». План Перона создать аргентинское международное новостное агентство не оправдал себя, и с ним уходил главный источник доходов Эрнесто. Он подсчитал, что агентство задолжало ему пять тысяч песо. «Эта сумма совсем бы мне не помешала, — писал Гевара. — С ее помощью я мог бы оплатить долги, проехать по всей Мексике и вообще поразвлечься». Эрнесто с тревогой ждал, когда ему выплатят деньги, и на всякий случай решил пока не возвращать один из выданных ему агентством фотоаппаратов.

Он мог бы попытаться продвинуться по научной линии, но отклонил заманчивое предложение устроиться на работу в Нуэво-Ларедо, что на границе Мексики и США, не желая связывать себя двухлетним контрактом. В письме от 9 апреля Эрнесто отказался от предложения тети Беатрис воспользоваться ее связями для устройства на работу в фармакологическую лабораторию:

«Несмотря на мою неустроенность, неоднократные отступления от общих правил и прочие недостатки, у меня есть глубокие и четко оформившиеся убеждения. Эти убеждения не могут позволить мне получить работу описанным тобой способом, поскольку эти места являют собой притоны мошенников худшего сорта: они торгуют человеческим здоровьем, которое я в меру своей квалификации должен защищать… Я беден, но честен».

В апреле Эрнесто съездил в город Леон в штате Гуанахуато на конференцию по аллергическим заболеваниям. Там он представил доклад на тему «Кожное тестирование посредством полупереваренных пищевых антигенов». По его словам, доклад был «встречен сдержанно», но получил одобрение со стороны доктора Марио Саласара Мальена, его начальника по Городской больнице Мехико, и теперь должен быть опубликован в следующем номере журнала «Аллергология». Затем Саласар Мальен предложил Геваре интернатуру в руководимой им больнице, а также скромное жалованье, которое позволило бы ему заняться новыми исследованиями по аллергологии.

В мае Саласар Мальен исполнил свое обещание, и Эрнесто поступил в интернатуру. Ему полагались крошечный оклад, в сто

пятьдесят песо в месяц, бесплатное жилье, питание и услуги прачечной. Наконец у Гевары появилась работа, которая позволяла ему не думать по крайней мере о самом насущном. В письме матери он писал: «Если бы не щедрость моих друзей, я давно бы угодил в полицейские сводки как умерший от голодного истощения». О размере жалованья он с равнодушием отзывался: «Деньги — приятная роскошь, и ничего более».

Ильда настаивала, что им стоит пожениться: она была даже готова содержать его. «Я сказал нет, — записал Эрнесто в дневнике. — …Нам лучше оставаться просто любовниками, пока я не раскочегарюсь, вот только когда это произойдет — не знаю». Впрочем, когда Ильда чуть позже предложила Эрнесто переехать к ней в квартиру, которую она делила с Лусилой Веласкес, он согласился. Незадолго перед этим две подруги сняли новое жилье на улице Рин, а Ильда к тому же нашла себе временную работу в Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК).

Поселившись у Ильды, Эрнесто не только решил вопрос питания и обеспечил себе более комфортные условия проживания, чем ему предлагали в больнице, но и значительно расширил круг знакомств. Ильда знала многих политэмигрантов в Мексике. Среди них были видный кубинский эмигрант Рауль Роа, редактор журнала «Гуманизм», и его соредактор — пуэрториканец Хуан Хуарбе-и-Хуарбе. Также достойны упоминания молодой перуанский юрист Луис де ла Пуэнте Уседа, лидер левацкого молодежного крыла АНРА, и перуанка Лаура Менесес, жена Педро Альбису Кампоса, пуэрториканского борца за независимость, заключенного в тюрьму в США после того как в 1950 г. он возглавил нападение на губернаторский дворец в курортном городе Сан-Хуане.

Эрнесто особенно сдружился с пуэрториканцами и стал частенько заходить к ним с Ильдой, чтобы обсудить проблемы латиноамериканской политики и особенно вопрос независимости Пуэрто-Рико, страны, к которой он проникся горячей симпатией.

Отношения с Ильдой в этот период превратились в не слишком яркую, но отнюдь не несчастливую повседневную жизнь, наполненную работой, штудиями и домашними заботами. Они встречались с друзьями, иногда ходили в кино, вместе готовили еду. Частенько поздно вечером Лусила заставала обоих погруженными в чтение книг, прежде всего по экономике. В этих случаях она не заговаривала с ними а тихонько проходила к себе в комнату и ложилась спать.

Тем временем на Кубе события развивались стремительно. Не имея конкурентов, Батиста победил на президентских выборах,

состоявшихся в ноябре, а в январе он получил «благословение» от администрации Эйзенхауэра в лице вице-президента Ричарда Никсона, специально с целью поздравить совершившего визит на Кубу. Затем, в апреле, во время пасхальных каникул, в Гавану пожаловал глава ЦРУ Аллен Даллес, который встретился с Фульхенсио Батистой. Озабоченный проблемой экспансии коммунизма в регионе, Даллес настоял на том, чтобы Батиста создал особое следственное управление по борьбе с этой угрозой. В результате на свет появилось Бюро по подавлению коммунистической деятельности, которое стало получать значительную финансовую и консультационную помощь от ЦРУ. Довольно скоро деятельность этого бюро принесла ему весьма дурную славу.

Любопытно, что ни Даллес, ни глава местного отделения ЦРУ в Гаване, предлагая организовать особое следственное управление, даже не принимали в расчет Фиделя Кастро, и в мае он, его брат Рауль и еще восемнадцать монкадистов, отбывавшие наказание в тюрьме на острове Пинос, получили свободу, попав под амнистию. Батиста назвал это оказавшееся опрометчивым решение жестом доброй воли в честь праздника — Дня матери.

IV

Батиста был не самым худшим из диктаторов, правивших в Латинской Америке в то время. В соседней Доминиканской Республике Рафаэль Леонидас Трухильо установил в своей бедной стране абсолютную тиранию, не имевшую аналогов в Западном полушарии. Столица страны Санто-Доминго была переименована в Сьюдад-Трухильо. Повсеместно висели лозунги в оруэлловском духе, например «Бог на небесах, Трухильо на земле» и «Мы живем счастливо благодаря Трухильо».

В сравнении со своим доминиканским коллегой, чей деспотизм стал притчей во языцех, Батиста был просто ангелом. Армейский офицер, мулат по происхождению, он некогда оставил казармы ради того, чтобы стать президентом Кубы. Это было в сороковые годы, и тогда, как считается, Батиста победил в честных выборах, после чего некоторое время руководил коалиционным правительством, в которое входили кубинские коммунисты из Социалистической народной партии. Под властью президента Грау Сан-Мартина, а затем Карлоса Прио Сокарраса на Кубе расцвела коррупция. В 1952 г. в результате военного переворота Батиста положил конец правлению Карлоса Прио Сокарраса, и пусть в глазах Вашингтона он был легитимным

правителем, проведшим выборы и начавшим кампанию против своих бывших союзников-коммунистов, с точки зрения многих кубинцев — политиков, чьи партии были объявлены вне закона, студентов, образованных горожан-представителей среднего класса — это был настоящий диктатор, узурпировавший власть и растоптавший их надежды на конституционные реформы, которые могли бы изменить ситуацию в обществе и обеспечить переход к подлинной демократии.

Уже отдав приказ об аресте мятежников, штурмовавших казармы Монкада, Батиста четко дал понять, что не чурается политики полицейского террора для подавления любых выступлений против своей власти, а коррупция при нем достигла совершенно невиданного размаха. К середине пятидесятых Куба обрела репутацию «борделя Карибского бассейна», куда на выходные толпами съезжались американцы, которых здесь ждали казино, бары и многочисленные гаванские проститутки.

Воспринимая Батисту как бандита-полукровку, кубинская аристократия от всей души его презирала. Когда же Батиста попытался получить членство в одном из самых престижных закрытых клубов только для белых, то ему без особых церемоний отказали. Новое поколение кубинских романтиков-патриотов, олицетворением которых стал Фидель Кастро, воспринимало Батисту не иначе как сутенера, продающего свою страну похотливым чужестранцам. Их также раздражало военное присутствие США в заливе Гуантанамо, оставшееся в наследство от позорного периода начала XX века, когда Вашингтон (после победы в Испано-американской войне и изгнания испанцев с Кубы) правил островом будто своим вассальным княжеством.

Фидель Кастро хотел изменить положение дел в стране, а в тюрьме его решимость лишь укрепилась. Когда 15 мая Кастро выпустили из тюрьмы «Модело», никакой благодарности режиму он не ощущал.

В тот момент возглавляемое им движение в основном опиралось на выходцев из среднего класса: образованных кубинцев, жаждавших реформ и объединенных ненавистью к Батисте. Большинство монкадистов были не коммунистами, а активистами молодежного крыла Ортодоксальной партии. Сам Фидель Кастро выдвинулся на роль идейного лидера в 1951 г. в условиях политического вакуума, образовавшегося после самоубийства главы партии — Эдуардо Чибаса.

Кастро сумел объединить вокруг себя людей и повел их на казармы Монкада, доказав, что способен не только высокопарно говорить, но и действовать. Последователи Кастро были прежде всего патриотами, вдохновляемыми романтическими идеями Хосе

Марти, «апостола» кубинской независимости, убитого в 1895 г.

Среди приверженцев Кастро была горстка марксистов, которые благоразумно скрывали свои истинные взгляды, среди них — Ньико Лопес, Калисто Гарсиа и младший брат Фиделя — Рауль Кастро. На публике Кастро выступал с антикоммунистической платформы, но в его поведении уже появлялись признаки того хитроумного политического оппортунизма, которым он так знаменит. Для достижения своих целей Фидель умел использовать нужных людей каких угодно политических взглядов.

Возглавляемая Кастро организация получила название «Движение 26 июля», но все пока держалось в секрете, об организации было известно только ближайшим сподвижникам. Публично Кастро всегда отрицал намерение сформировать собственную политическую партию и с жаром утверждал, что по-прежнему предан Ортодоксальной партии. На самом деле Кастро хотел создать на Кубе базу для поддержки своих последующих действий, после чего отправиться в Мексику и начать подготовку к следующей фазе борьбы, а именно к партизанской войне, которая должна была привести к свержению Батисты и захвату власти.

Ньико Лопес и Калисто Гарсиа отправились в Гавану, чтобы встретиться со своим вождем и принять участие в разработке стратегии дальнейших действий. За два дня до их отъезда из Мехико, 27 мая, Эрнесто написал отцу загадочное письмо. Начав с описания своих аллергологических исследований, он перешел к довольно путаному изложению планов будущих путешествий, обронив таинственное замечание о том, что его, «быть может, ждет Куба».

У него сейчас две сферы деятельности, писал Эрнесто. Одна связана с медициной, другая — с вопросом, о котором он имеет «самое смутное представление», но из которого «может возникнуть нечто очень важное».

С другой стороны, стоило Геваре услыхать, что в начале июля отбывает корабль в Испанию, как он уже был готов отказаться от всех своих прежних планов ради возможности увидеть Европу. Еще он узнал, что может принять участие в грядущем Конгрессе коммунистической молодежи в Китае, при условии что оплатит часть дорожных расходов, однако, при всей соблазнительности перспективы увидеть «землю Мао», тяга к Европе была сильнее: как Гевара выразился в письме матери, отправленном несколькими днями позже, она ощущалась им «почти как физическая потребность». В конце концов Эрнесто остался там, где и был, зажатый «между больницей, лабораторией и

библиотекой».

V

В поисках новых ощущений Эрнесто принял участие в восхождении на снежную вершину горы Попокатепетль (высота 5400 метров) — одного из двух величественных вулканов, возвышающихся над Мехико. Хотя он и его спутники добрались только до нижнего края кратера, ему удалось «заглянуть в недра матери-земли».

Тем временем из Аргентины приходили волнующие новости. 16 июня, воспользовавшись конфликтом между Пероном и католической церковью, аргентинские военные моряки устроили кровавый мятеж с целью свергнуть Перона, и сотни гражданских лиц погибли в результате воздушной бомбардировки президентского дворца. Попытка переворота провалилась, но власть Перона пошатнулась.

Эрнесто обратился к матери с просьбой сообщить ему все последние новости, так как он не доверял репортажам, которые публиковались в мексиканских газетах: «Я надеюсь, что все не так плохо, как они тут изображают, и что никто из наших не втянут в этот конфликт, из которого ничего путного выйти не может». Зная о том, что в его семье сильны антиперонистские настроения, Эрнесто беспокоился, как бы кто-нибудь из родных, в первую очередь его брат Роберто, служивший на флоте, не оказался в опасности.

В Гаване тоже резко ухудшился политический климат. После освобождения Кастро активно занимался привлечением в свои ряды новых сторонников. Ночью 12 июня на секретном совещании в Старой Гаване было официально создано «Движение 26 июля», с высшим органом в виде Национального директората, в который вошли одиннадцать человек во главе с Фиделем Кастро. Вновь начались ожесточенные столкновения между полицией, студентами и активистами партии Кастро. Был убит вернувшийся в Гавану политэмигрант, по городу прогремели взрывы бомб. Кастро обвинил правительство в эскалации насилия, а власти обвинили Рауля Кастро в организации одного из взрывов и выдали ордер на его арест. Фидель открыто заявил, что правительство хочет убить их обоих. 16 июня полиция, уже запретившая Кастро к тому времени выступать по радио, закрыла ежедневную газету «Ла Калье», окончательно лишив его доступа к прессе.

Понимая, что в его распоряжении остается очень мало

времени, Фидель приказал Раулю бежать в Мексику и готовить там пути отступления для него самого. 24 июня Рауль уехал в Мехико, до того он неделю скрывался от полиции в посольстве Мексики, попросив политического убежища. В Мехико Рауль прямиком направился в дом Марии Антонии. Среди ожидавших его был и Эрнесто Гевара.

По единодушному свидетельству всех источников, Кастро и Гевара быстро сошлись. Прежде всего, они разделяли одну идеологию. Рауль, на пять лет младше своего брата Фиделя, был коммунистом; он вступил в молодежное крыло кубинской Коммунистической партии, когда учился в Гаванском университете, тогда же стал сотрудничать с партийной газетой «Саэта», а в мае 1953 г. принял участие во Всемирном фестивале молодежи и студентов в Восточной Европе. Без сомнения, Рауль уже слыхал об Эрнесто от Ньико Лопеса, который жил у него с Фиделем после возвращения в Гавану.

Вскоре Эрнесто пригласил Рауля прийти к ним с Ильдой в гости на обед. Эрнесто не упоминает этого события в дневнике, а вот Ильда в своих мемуарах пишет, что Рауль ей сразу очень понравился: «Несмотря на молодость (ему было то ли двадцать три, то ли двадцать четыре года)… он обладал очень ясными представлениями о том, как нужно делать революцию и, что еще важнее, с какой целью и ради кого».

Рауль говорил о своей вере в старшего брата и о своем личном убеждении, перекликавшемся с мнением Эрнесто, что на Кубе и во всем остальном регионе власть можно получить не через участие в выборах, а только военным путем. Ильда пишет: «Он обещал привести Фиделя в наш дом, как только брат прибудет в Мехико. С тех пор Рауль приходил к нам по меньшей мере раз в неделю, а Эрнесто виделся с ним почти каждый день».

Долгие годы остается загадкой вопрос о том, когда именно в дела кубинской революции оказались вовлечены Советы. Впервые сподвижники Фиделя Кастро вступили в контакт с советскими официальными лицами в Мехико летом 1955 г.

По занятному совпадению, в Мехико в то время находился чиновник советского МИД, с которым Рауль уже встречался два года назад. Его звали Николай Леонов. Они подружились с Раулем, когда тот совершал длинный, растянувшийся на месяц вояж, возвращаясь домой с Международного фестиваля молодежи и студентов 1953 г. Попрощались они в Гаване — конечной точке пути Рауля. Затем, спустя несколько недель, произошло нападение на казармы Монкада, вследствие чего Рауль очутился в тюрьме, а Леонов тем временем добрался до Мексики, где занял один из незначительных постов в советском посольстве и стал

посещать курсы испанского при Автономном университете. Теперь случай вновь свел Леонова и Рауля Кастро.

По словам Леонова, как-то раз, идя домой из магазина, он натолкнулся на Рауля. Обрадованный встречей, кубинец дал Леонову адрес Марии Антонии и пригласил его как-нибудь зайти. Хотя Леонов не имел права завязывать какие-либо контакты, не уведомив вышестоящих чиновников посольства, он нарушил этот запрет и наведался в дом 49 по улице Эмпаран. Там он познакомился с Эрнесто Геварой.

Их представили друг другу, и Эрнесто с Леоновым немного поговорили. По словам Леонова, Гевара буквально набросился на него с расспросами о Советском Союзе: его интересовало все — начиная с литературы и кончая «понятием советского человека». Но Леонов не стал отвечать на все эти вопросы, а предложил дать ему почитать советские книги, обещая поговорить с ним еще, если Гевара захочет. Эрнесто согласился и попросил три книги: повесть «Чапаев» о Гражданской войне в России, роман «Как закалялась сталь» писателя-коммуниста Островского и «Повесть о настоящем человеке», где рассказывалось о советском герое-летчике времен Второй мировой войны. Через несколько дней Гевара появился в посольстве, чтобы взять обещанные книги, и они, как говорит Леонов, пообщались еще раз, «уже как друзья». Они договорились поддерживать отношения, и Леонов дал аргентинцу свою дипломатическую карточку. По словам Леонова, в Мексике они больше не встречались.

Глава 12
«Бог и его новая правая рука»

I

Тем летом Эрнесто записал в своем дневнике: «Политически важное событие — встреча с Фиделем Кастро, кубинским революционером, молодым, умным, очень уверенным в себе человеком, отличающимся редкой отвагой; я думаю, между нами возникла взаимная симпатия».

Их встреча состоялась несколькими неделями ранее — вскоре после прибытия Кастро в Мексику 7 июля. Познакомились они, разумеется, в доме 49 по улице Эмпаран. Поговорив немного, Эрнесто, Фидель и Рауль вышли из дома Марии Антонии и отправились ужинать в ресторанчик в соседнем квартале. Через несколько часов Фидель Кастро предложил Геваре присоединиться к их партизанскому движению. Эрнесто принял предложение не раздумывая.

Геваре — или Че, как стали его называть кубинцы, — отводилась роль полевого врача. Конечно, они стояли еще только в начале пути — Фиделю предстояло пройти через многие испытания, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы, — но Эрнесто, по крайней мере, нашел наконец то, что искал.

II

Эрнесто Гевара и Фидель Кастро были прямыми противоположностями друг другу. В свои двадцать восемь лет Кастро был уже искусным политиком и буквально источал уверенность в себе. Он был одним из девяти детей зажиточного землевладельца из кубинской провинции Маяри на востоке страны. Его отец, Анхель Кастро, был неграмотным галисийским эмигрантом, который прибыл на Кубу без гроша в кармане, но добился определенного достатка: он работал на земле, разводил скот и заготавливал сахар и древесину. Заправляя обширным хозяйством, в котором нашлось место собственной лавке, скотобойне и пекарне, Кастро стал настоящим сельским патриархом.

Анхель Кастро обеспечил своему третьему сыну самое лучшее образование, которое только можно было получить за деньги:

сначала в школе в Сантьяго, затем в престижной иезуитской школе «Вифлеем» в Гаване и наконец на юридическом факультете Гаванского университета. Фидель заработал в студенческой среде репутацию смутьяна и подстрекателя.

Годы его взросления пришлись на время правления Грау Сан-Мартина и Прио Сокарраса, отмеченное высоким уровнем коррупции, бандитизма и жестокости со стороны полиции. Кастро активно участвовал в студенческой политической жизни, выступал с требованиями защиты прав студентов, социального равенства, с антикоррупционными прокламациями, прибегая при этом к риторике кубинского национального героя Хосе Марти. Когда сенатор «Эдди» Чибас сформировал Ортодоксальную партию, чтобы бросить вызов Грау Сан-Мартину на президентских выборах 1947 г., Кастро вступил в молодежное ее крыло, и вскоре его стали называть не иначе как преемником Чибаса. Хотя у него были друзья в компартии и по некоторым вопросам он принимал их сторону, это не мешало ему на студенческих выборах выступать против них, объединяясь с католическими фракциями.

Фидель также был ярым антиимпериалистом и принимал участие в работе некоторых студенческих кружков, исповедовавших эти взгляды; один из них, в частности, требовал предоставления Пуэрто-Рико независимости от США. Кастро не надо было напоминать, что еще совсем недавно, после Испано-американской войны и в результате последующей оккупации войсками США, Куба сама находилась в положении колонии.

Мнимая «независимость» Кубы была завоевана ценой принятия в 1901 г. позорной «поправки Платта», по которой Вашингтон получал право по собственному почину совершать интервенцию под предлогом «обороны» Кубы, а также бессрочно использовать залив Гуантанамо в качестве места дислокации своего военного флота. Ко времени, когда Фидель перешел в среднюю школу, «поправка Платта» была отменена, однако американцы по-прежнему контролировали залив Гуантанамо, имели серьезные интересы в кубинской экономике, почти целиком основанной на производстве сахара, и, по сути, контролировали политическую жизнь в стране. В 1949 г. Фидель принял участие в организации демонстрации протеста у американского посольства и был избит кубинскими полицейскими. В 1951 г. они с Раулем (так же как и Эрнесто, находившийся тогда в далекой Аргентине) выступили с осуждением планов правительства Прио Сокарраса отправить кубинские войска для участия в «американской войне» в Корее.

Фидель Кастро испытывал глубокую неприязнь к янки, которые превратили независимую Кубу в «псевдореспублику» и

позволили укорениться в ней насквозь продажным диктаторским режимам. Его родная провинция Маяри находилась под пятой империи «Юнайтед фрут компани», владевшей там гигантскими земельными территориями и большей частью сахарных заводов. За примерами далеко ходить не надо: отец Фиделя был обязан продавать сахарный тростник заводам, принадлежавшим «Юнайтед фрут». Так же как в центральноамериканских владениях компании, американцы и некоторые привилегированные кубинцы жили здесь отдельно, в особых районах, со своими магазинами, больницами, спортивными клубами и частными школами.

Неудивительно, что Фидель считал США ответственными за застой в кубинской экономике, которая полностью зависела от экспорта и порождала зажиточный класс — земельных баронов, тогда как рабочие были обречены на нищету. Когда Вашингтон официально признал режим Батисты, это только усугубило решимость Кастро положить конец американскому влиянию на Кубе.

Похоже, Фидель Кастро всегда видел в себе будущего руководителя Кубы. Еще школьником он стремился к непререкаемому лидерству среди сверстников: будь то победа в конкурсе стихов в начальной школе, выборы капитана баскетбольной команды в школе «Вифлеем» или завоевание признания в студенческих кругах Гаванского университета.

В возрасте двенадцати лет он отправил не по годам зрелое письмо президенту США Франклину Делано Рузвельту, в котором поздравлял его с переизбранием на третий срок и просил у него «доллар». Из исторических личностей, помимо Хосе Марти — неизменного источника вдохновения, — особенное восхищение у Фиделя вызывали такие значительные фигуры, как Юлий Цезарь, Робеспьер и Наполеон. В нем обнаружился врожденный талант к умелому маневрированию и хитроумным комбинациям (что необходимо успешному политику), а также к искусному лицемерию.

Эти черты резко отличали Фиделя Кастро от человека, которому суждено было впоследствии стать его правой рукой, — Эрнесто Гевары. Для Гевары политика была механизмом социальных изменений, и именно они, а не стремление к обретению власти побуждали его к действию.

Хотя Эрнесто Гевара не отличался особой скромностью, на фоне Фиделя Кастро даже он несколько терялся. В больших компаниях, где Гевара предпочитал уходить в тень, наблюдая и слушая других, Фидель Кастро стремился взять разговор в свои руки, выступая в роли знатока по всем вопросам, начиная с

истории и политики и кончая разведением животных.

Выше среднего роста, с набриолиненными волосами и с усиками, которые ему совершенно не шли, Фидель имел вид откормленного горожанина, привыкшего побаловать себя вкусной едой. Да таким он, в сущности, и был. Он любил поесть и сам хорошо готовил. Находясь в тюрьме, Кастро посылал друзьям письма, в которых в мельчайших подробностях и с упоением гедониста живописал те блюда, которые когда-то приготовил. Эрнесто был моложе его на два года, в сравнении с Фиделем он был ниже и худощавее, а бледностью лица и черными выразительными глазами напоминал актера или поэта. Внешние различия между ними во многом соответствовали внутренним: Фидель, подсознательно готовый потакать себе во всем, ничуть не был похож на Эрнесто, в котором болезнь развила железную самодисциплину.

Впрочем, помимо серьезных различий у Эрнесто и Фиделя имелись и общие черты. Оба были любимчиками в своих больших семьях и потому чрезвычайно избалованы; оба мало заботились о своем внешнем виде, отличались сексуальной ненасытностью, но при этом любовные отношения отступали у них на второй план, когда речь шла о деле. Они оба были пропитаны «духом мачо», что подразумевает в себе уверенность в природной слабости женщин, презрение к гомосексуалистам и восхищение мужской смелостью, проявленной в действии. Оба обладали железной волей и уверенностью в своем высоком предназначении. Наконец, они оба мечтали о революции. Ко времени их знакомства у каждого за плечами была попытка повлиять на ход исторических событий своего времени — впрочем, неудачная, — и в обоих случаях объектом возмездия должен был стать один и тот же враг — Соединенные Штаты Америки.

В 1947 г., еще учась в университете, Фидель присоединился к группе кубинцев и доминиканцев, которые проходили курс военной подготовки на удаленном кубинском островке, намереваясь затем напасть на территорию Доминиканской Республики, чтобы свергнуть режим генерала Трухильо. Однако операцию в последний момент сорвали кубинские военные, после того как Вашингтон предупредил об опасности президента Грау Сан-Мартина. Затем Фидель, будучи делегатом антиимпериалистического конгресса молодежи, организованного в 1948 г. в Боготе по инициативе Перона, принял участие в восстании «Боготасо», начавшемся после убийства лидера оппозиционной Либеральной партии Эльесера Гайтана, и даже попытался организовать народное сопротивление правительству. Затем последовали переворот Батисты, Монкада и тюрьма.

Из заключения Фидель с интересом следил за событиями в Гватемале, сочувствуя осажденному со всех сторон правительству Арбенса. Падение Арбенса показало Фиделю, что если он хочет добиться успеха в осуществлении революции на Кубе, то ему следует действовать осторожно и сначала обеспечить себе твердую почву под ногами, а потом уже бросать открытый вызов американским интересам на Кубе. В то же время, чтобы управлять страной независимо, требовалось национализировать имущество иностранных компаний, таких как «Юнайтед фрут компани». Фидель понимал: тут не обойтись без хитрости и вероломства.

Эрнесто, так же как большинство тех, кто был знаком с Фиделем Кастро, считал, что он обладает редкими личными качествами и неколебимой уверенностью в том, что в конечном счете добьется желаемого.

Вскоре после знакомства с Фиделем Эрнесто сообщил Ильде: «Ньико был прав, когда в Гватемале сказал мне, что если Куба породила кого-то стоящего со времен Марти, то это Фидель Кастро… Только с таким, как он, я готов идти до конца». Гевара понимал, что план Фиделя по высадке корабля с повстанцами на хорошо защищенный кубинский берег — «безумная идея», но тем не менее считал своим долгом поддержать Кастро.

В письме тете Беатрис от 20 июля Эрнесто изъясняется загадками: «Время заставило меня критически пересмотреть все те многочисленные замыслы, которым я отдавался прежде, и теперь… я с уверенностью могу говорить о завершении только одного из них, который… уведет меня в другую страну, а название ее не известно никому, кроме Бога и его новой правой руки».

Эрнесто попросил Ильду организовать торжественный обед в честь своего нового друга и товарища. Кроме самого Фиделя, он пригласил также Лауру Альбису Кампос и Хуана Хуарбе. В тот вечер Кастро в полной мере проявил знаменитые черты своей натуры: невероятное личное обаяние и талант говорить часами. Ильда вспоминала:

«Фидель был молод, белокож и высок… и обладал крепким телосложением… Он запросто мог бы сойти за… туриста из богатой страны. Однако, когда Кастро говорил, глаза его сияли страстью и революционным пылом, так что становилось понятно, как ему удается завоевывать внимание слушателей. Он обладал притягательностью и темпераментом настоящего лидера и в то же время был удивительно прост и естествен».

Прошло несколько дней, и Эрнесто сказал Ильде, что собирается присоединиться к повстанческому движению на Кубе. А вскоре Ильда сообщила ему, что беременна.

III

26 июля, во вторую годовщину нападения на казармы Монкада, Фидель организовал торжественное мероприятие, посвященное этому событию. Оно прошло в парке Чапультепек, и на нем с речами выступили сам Фидель и некоторые другие латиноамериканские политэмигранты. Затем все они собрались у него дома, где Фидель собственноручно приготовил одно из самых любимых своих блюд — «спагетти алле вонголе».

За обедом Эрнесто сидел молча, не говоря ни слова. Заметив его замкнутость, Фидель громко обратился к нему: «Эй, Че! Ты что-то сегодня очень тихий. Не потому ли, что тут рядом находится твой контролер?» Он намекал на Ильду. Она писала потом: «Очевидно, Фидель знал, что мы собираемся пожениться, отсюда эта шутка. Тогда я поняла, что они много о чем говорили друг с другом. Я-то хорошо знала, что, когда Эрнесто чувствовал себя свободно, он был очень разговорчив — ему нравилось спорить. Но, когда вокруг было много народу, он замыкался в себе».

Можно предположить, что Гевара раздумывал над вставшей перед ним дилеммой. Он принял решение жениться на Ильде — в том числе из соображений чести, — но в дневнике записал следующее: «Для кого-нибудь другого это стало бы необычайно важным событием; для меня же это лишь отвлекающий от дела эпизод. У меня будет ребенок и я через несколько дней женюсь на Ильде… В конце концов она получила то, чего хотела, — правда, как мне кажется, ненадолго, хотя сама Ильда надеется, что до конца жизни».

Конечно, для человека, всегда сторонившегося размеренной семейной жизни, а теперь к тому же нашедшего серьезное дело и лидера, за которым он готов был следовать, время для женитьбы было далеко не лучшее. Тем не менее Эрнесто пошел на это, и 18 августа они с Ильдой зарегистрировали брак в маленьком городке Тепосотлан неподалеку от столицы. Фидель, подозревая, что за его действиями следят агенты тайной полиции Батисты, равно как и американское ФБР, не поехал на регистрацию из соображений безопасности, но появился на вечеринке, которую Эрнесто с Ильдой устроили после церемонии и на которой Эрнесто приготовил асадо по-аргентински.

Поженившись, Эрнесто с Ильдой сняли новое жилье — в пятиэтажном доме в стиле ар-деко на улице Наполес. И только тогда они сообщили своим родителям о свершившемся событии. Ильда рассказывает: «Мои родители прислали ответное письмо, в котором бранили нас за то, что мы ничего им не сказали заранее

и они не смогли приехать на свадьбу. Они также прислали в подарок чек на пятьсот долларов и попросили выслать фотографии».

Своей семье Эрнесто сообщил новости о женитьбе и скором рождении ребенка очень коротко, поместив их в конце письма к матери, отправленного 24 сентября. В основном письмо было посвящено изложению его мнения о военном перевороте, который произошел четырьмя днями ранее и в результате которого режим Перона все-таки был свергнут. «Я признаюсь со всей искренностью, что падение Перона наполнило горечью мое сердце — не из-за самого Перона, а из-за того, что это событие означает для всей Америки». Эрнесто предрекал раскол общества и политические гонения у себя на родине. Затем он писал о себе: «Кто знает сейчас, что станется с твоим сыном-бродягой. Может быть, он решит вернуться и бросить якорь в родных местах… или в его жизни начнется период настоящей борьбы… Быть может, пуля (на которые столь богаты Карибы) положит конец моему существованию (это не бахвальство и не реальная опасность, просто пули в этих широтах водятся в большом количестве) или я просто продолжу болтаться по жизни… и затем посвящу себя всецело достижению своего идеала. События следуют с чудовищной скоростью, и никто не знает и не может предугадать, где и по какой причине он окажется через год».

Почти как постскриптум Эрнесто добавил: «Я не знаю, дошла ли до тебя уже… новость о моей женитьбе и скором появлении наследника… Если нет, то я сообщаю тебе это официально, так что ты можешь поделиться со всеми: я женился на Ильде Гадеа, и у нас через некоторое время родится ребенок».

Примерно в это же время резко ухудшилось состояние здоровья Марии — пожилой пациентки, которую Эрнесто лечил в течение последнего года. Несмотря на все его усилия, женщина умерла. Когда она сделала последний вдох, Гевара находился у ее постели. Случившееся нашло отражение в стихотворении «Старуха Мария, ты скоро умрешь», где умирающая женщина предстает как воплощение всех отверженных и несчастных людей Латинской Америки. Для Эрнесто в ней соединились и та старуха из Вальпараисо, и беглая пара из Чукикаматы, и затравленные индейцы из Перу.

Бедная старуха Мария…
Не молись жестокому Богу, отвергшему надежды твои
И самую жизнь твою,
Не проси снисхожденья у смерти,
В голод одета была твоя жизнь,

Смерть ее в астму одела.
Но я хотел бы сказать тебе
Тихим голосом, крепким надеждой,
Что месть совершу, которой нет краснее и крепче,
И в этом клянусь со всей силой
Своих убеждений.
Руку возьми мужчины, что детской подобна
В руках твоих, отшлифованных желтым мылом,
Разотри мозолей комья, узлы
На глади обета возмездия рук моих докторских.
Покойся с миром, Мария,
Покойся с миром, воительница,
Внуки твои будут жить — жить, чтоб рассвет увидеть.

IV

Но пока что образы «красного возмездия» кипели только в воображении Эрнесто. Его негодование находило выход лишь на страницах дневника, в случайных спорах о политике и в растущих надеждах на революционные замыслы Фиделя.

А замыслы эти потихоньку воплощались в жизнь. Фидель, которому в августе исполнилось двадцать девять лет, постоянно поддерживал курьерскую связь с членами своего движения, остававшимися на Кубе, и был чрезвычайно занят: все время что-то планировал, читал, писал, постановлял и, самое главное, говорил — говорил просто без передышки.

Так же как на Кубе, в Мексике Фидель Кастро привлекал к себе сердца очень многих людей, которые поддавались его обаянию и силе убеждения. Арсасио Ванегас Арройо, друг Марии Антонии и ее мужа, был привлечен к печатанию двух тысяч экземпляров творения Фиделя под названием «Манифест № 1 к кубинскому народу». Другому человеку Фидель поручил тайно доставить тираж на Кубу, дабы он был роздан тем, кто соберется у могилы его наставника Чибаса 16 августа, в четвертую годовщину его смерти. В манифесте заявлялось о создании «Движения 26 июля» как революционной организации, стремящейся восстановить демократию и справедливость на Кубе. Далее следовали пункты разработанной Фиделем программы преобразований: уничтожение феодальной землевладельческой олигархии (латифундистов) и раздача земли крестьянам; национализация сферы коммунальных услуг; амбициозные планы строительства жилья, всеобщего образования, индустриализации

и электрификации сельской местности. Манифест охватывал практически все стороны кубинской жизни. В сущности, это был призыв к радикальным мерам по построению на Кубе современного, более гуманного общества.

В планы Фиделя входили не только печатание воззваний, но и переход к активным военным действиям. Он решил, что высадит свои отряды в труднодоступной части юго-восточного побережья Кубы — там, где с одной стороны земля мысом вгрызается в море, а с другой вырастает горная цепь Сьерра-Маэстра. Именно там, в горах Орьенте, Кастро намеревался вести партизанскую войну. Орьенте не просто была родным краем Фиделя, именно отсюда в XIX веке кубинские патриоты, в том числе Хосе Марти, устраивали свои вылазки против испанских войск.

В этом были и определенный символизм, и свои стратегические резоны: близость сьерры ко второму по величине кубинскому городу — Сантьяго. Там у Фиделя имелся толковый помощник — двадцатилетний студент по имени Франк Паис. Планировалось, что, когда люди Фиделя высадятся на берег Кубы и уйдут в горы, Сантьяго станет источником средств, разведданных, оружия и рекрутов для ведения военных действий.

Селия Санчес, дочь работавшего на плантации врача, недавно присоединившаяся к движению, достала подробную карту побережья, в которой очень нуждался Кастро, и передала ее Педро Мирету. Мирет, старый университетский друг Фиделя, отвечал за подготовку к вторжению на месте и сам отправился на побережье с целью найти подходящие пункты для высадки; в сентябре он прибыл в Мехико, чтобы передать Кастро карту местности и обсудить дальнейшие действия. Тем временем активисты движения занимались набором людей в повстанческие отряды, и еще одной задачей Мирета было доставлять их в Мексику для прохождения военной подготовки.

Для руководства этим обучением Фидель подыскал опытного человека — им стал одноглазый кубинец, ветеран гражданской войны в Испании и профессиональный военный, генерал Альберто Байо.

Затем Кастро начал готовиться к турне Флорида-Нью-Йорк — Филадельфия-Нью-Джерси, он намеревался провести кампанию по сбору средств на нужды своего движения среди кубинских эмигрантов. Для этого ему потребовалось прибегнуть к помощи своего друга Хуана Мануэля Маркеса, лидера Ортодоксальной партии, имевшего связи в США. Одновременно Фидель продолжал заваливать указаниями членов Национального директората, остававшихся на Кубе, требуя от них прилагать все

силы к изысканию необходимых средств, а также вводил новые правила, касающиеся задач и обязанностей участников движения.

К этому времени кубинские товарищи уже достаточно хорошо знали Гевару, чтобы иметь представление об особенностях его характера. Надо сказать, что некоторые из них у многих вызывали раздражение. Когда в Мехико из Гаваны приехала молодая жена Хесуса Монтане — Мельба Эрнандес, также принимавшая участие в захвате казарм Монкада, — тот повел ее в больницу, чтобы познакомить с Че. Бросив взгляд на юную красавицу, только что вышедшую из самолета, в элегантной одежде и с украшениями, Гевара недолго думая заявил, что она едва ли может быть революционеркой, если на ней столько драгоценностей. «Настоящие революционеры украшают себя изнутри, а не снаружи», — сказал он. Ничего удивительного, что у оторопевшей от такого приема Эрнандес первое впечатление от Че было негативным. Но, узнав его ближе, она изменила свое мнение. Так же как все остальные, она увидела, что, хотя Эрнесто пристрастен и даже груб по отношению к другим, к себе он строг в еще большей мере. В конце концов, рассказывает Эрнандес, обдумав замечание Че, она пришла к выводу, что он прав, и стала носить меньше украшений.

Тем временем Эрнесто продолжал закалять здоровье и в середине октября вновь попытался взойти на Попокатепетль. На сей раз, с третьей попытки, ему удалось дойти до самой вершины, и он водрузил там аргентинский флаг (по случаю Дня государственного флага Аргентины). На покорение горы у него ушло шесть с половиной часов.

В последнее время, занимаясь своими научными исследованиями, Гевара стал экспериментировать на кошках, и Рауль Кастро иногда ассистировал ему в лаборатории. Под впечатлением от этих сеансов Рауль шутил, что, увидев, как Эрнесто делает несчастным животным инъекции, потерял всякую веру в медицинские способности своего аргентинского друга и теперь никогда не позволит ему сделать себе укол. Также Эрнесто продолжал ходить в библиотеку Института советско-мексиканских культурных связей, и частенько ему составляли компанию Рауль, Хесус Монтане и его жена Мельба.

В середине ноября Эрнесто и уже заметно раздавшаяся Ильда поехали в штат Чьяпас и на полуостров Юкатан, чтобы посмотреть на развалины индейцев майя. Одним из главных событий пятидневного пребывания в Веракрусе стало то, что в порту они увидели аргентинское судно и Геваре удалось выпросить у моряков несколько килограммов мате. «Можете представить радость Эрнесто, — писала Ильда. — Ведь его

привычка к мате была поистине неистребима; он и шагу не мог ступить, не имея при себе бомбильи, бокильи и двухлитрового термоса с горячей водой».

По пути на юг, к храмам майя в Паленке, расположенном в тропически знойной части Чьяпаса, у Эрнесто неожиданно вновь разыгралась астма, которая совсем не тревожила его в Мехико, находящемся высоко над уровнем моря. Когда Ильда предложила сделать мужу укол, то получила в ответ «первый пинок» за все путешествие. «Эрнесто в бешенстве отказался. Я поняла, что ему нестерпима мысль о том, что в минуту болезни он может нуждаться в чьей-то заботе или помощи. Я сохранила спокойствие и не ответила на грубость, хотя и была уязвлена».

Гевара был пленен пирамидами Паленке. Он заполнял одну страницу дневника за другой, осматривая Паленке и комплексы майя в Чичен-Ице и Ушмале. Эти записи сочетали подробные описания памятников с экскурсами в историю создавших их древних цивилизаций. Он в возбуждении лазил по развалинам, повсюду таская за собой уставшую Ильду. «Эрнесто с охотой карабкался на каждое сооружение, — писала она. — На последнем из них, самом высоком, я сдалась. Я остановилась где-то посередине, отчасти потому что устала, отчасти потому что опасалась за ребенка. Он же приказывал мне не дрейфить и лезть за ним».

После посещения Ушмаля они по воде вернулись в Веракрус на маленьком судне «Ана Грасиэла». Ильда не хотела плыть по морю, но Эрнесто переубедил жену, пошутив, что по крайней мере они «умрут вместе». Вояж начался вполне мирно, но на второй день пути поднялся сильный северный ветер и, как радостно писал в дневнике Эрнесто, устроил им «хорошую пляску». Ильда вспоминает об этом куда менее оптимистично: «Почти всех пассажиров укачало. Мне тоже пришлось несладко. А Эрнесто вел себя как мальчишка. Он расхаживал в плавках по палубе, прыгал из стороны в сторону, рассчитывая при этом силу качки судна, чтобы не потерять равновесия, щелкал затвором фотоаппарата и смеялся над другими».

Подтекст этих слов Ильды очевиден: Эрнесто был невнимателен к другим и безответственен, что ей было крайне неприятно.

Перед Рождеством Фидель вернулся в Мехико. Его турне по Соединенным Штатам имело огромный успех. Он ездил по восточному побережью в течение двух месяцев, много общался с людьми, убеждал их и давал смелые обещания. «В 1956 году мы или будем свободны, или примем муки», — провозглашал он, а в ответ получал аплодисменты и деньги, которых в итоге скопилось

достаточно, чтобы создать повстанческую армию. В нескольких городах из тех, что он посетил, открылись отделения «Движения 26 июля» и так называемые «Клубы патриотов». Вернувшись в Мексику, Фидель Кастро излучал энергию и был полон решимости начать боевые действия.

В сочельник он приготовил традиционный кубинский обед, состоявший из жареной свинины, бобов, риса и юкки. Че с женой были среди приглашенных, и Фидель, по словам Ильды, говорил о своих планах относительно будущего Кубы с «такой уверенностью, что на миг мне показалось, будто война уже выиграна».

V

Итак, революция Фиделя Кастро должна была начаться в 1956 г. Поддерживая форму, Эрнесто продолжал заниматься восхождениями, однако теперь он обратил свой взор на Истаксиуатль — вулкан чуть ниже Попокатепетля, взобраться на который, однако, было значительно труднее. Он сделал несколько попыток покорить вершину, но все они оказались неудачными.

В январе и феврале в Мехико из Гаваны начали прибывать ополченцы, для которых по всему городу было снято с полдюжины домов (получивших название каса-кампаменто). К середине февраля в распоряжении Фиделя имелось около двадцати человек. Они приступили к обучению. Сначала оно заключалось в ходьбе по городу на марафонские дистанции. Затем под руководством упоминавшегося выше Арсасио Ванегаса они стали укреплять выносливость, совершая походы по горам в окрестностях мексиканской столицы. Во время одной из тренировок Ванегас увидел, что Че задыхается от нехватки воздуха и судорожно пытается впрыснуть себе лекарство от астмы. Когда же Че оправился от приступа, он попросил Варгаса никому, даже Фиделю, не говорить об увиденном. Очевидно, Гевара опасался быть исключенным из отряда из-за болезни, пребывая во власти иллюзии, будто товарищи о его недуге не догадываются.

Также Ванегас давал уроки самообороны в спортивном зале на улице Букарелли, принадлежавшем одному из его друзей. «Я был очень требователен к ним, — говорит Ванегас. — Я показывал Че и остальным, как ударить человека, чтобы причинить ему максимальную боль, как пнуть по яйцам, как схватить за одежду и повалить на землю».

Альберто Байо взял на себя занятия по тактике ведения

партизанской войны, а в феврале группа избранных, включая Эрнесто Гевару, стала посещать стрелковый клуб «Гамитос», где их научили обращаться с оружием. По договоренности между Кастро и владельцем «Гамитоса», клуб закрывался по определенным дням, так что бойцы Фиделя могли заниматься без посторонних.

VI

Эрнесто с Ильдой отметили День святого Валентина, переехав в более просторную квартиру на другом этаже того же дома по улице Наполес. В ту же ночь у Ильды начались схватки, и на следующий день она родила девочку.

«Много времени миновало, много изменений произошло в моей жизни, — писал Эрнесто в дневнике вскоре после этого. — Отмечу только самое главное: 15 февраля 1956 г. я стал отцом; дочку мы назвали Ильда Беатрис. <…> Мои планы на будущее неясны, но я надеюсь закончить пару научных проектов. Этот год может оказаться важным для моего будущего. Я ушел из обеих больниц. Подробнее напишу потом».

Но своего намерения Гевара не осуществил. Это были последние строки, которые Эрнесто занес в свой дневник, начатый за три года до того — когда он сдал медицинские экзамены и отправился в путешествие вместе с Каликой Феррером. Тогда он намеревался приехать к своему другу Альберто Гранадо и начать работать в больнице для прокаженных в Венесуэле. А в итоге отклонился совсем в другую сторону, оказавшись на пути к революции.

Глава 13
«Священное пламя внутри меня»

I

Словно выброшенный на необитаемый остров моряк, увидевший вдруг на горизонте спасительный корабль, вдохновленный Эрнесто бросил все силы на дело кубинской революции. Чтобы скинуть вес, он отказался от всегдашнего бифштекса на завтрак и сел на диету, состоявшую из вареного мяса, салата и фруктов на ужин. Днем он стал ходить в спортзал.

Но физических нагрузок ему было недостаточно. К тому великому дню, когда революция победит, он хотел как следует изучить политическую и экономическую теорию. Гевара погрузился в изучение экономики и начал штудировать труды Адама Смита, Кейнса и других экономистов, изучать Мао Цзэдуна и советские книги, которые брал в Институте советско-мексиканских культурных связей. Кроме того, он скромно присутствовал на собраниях мексиканской компартии. Большинство вечеров Эрнесто проводил с кубинцами на конспиративных квартирах, где обсуждалась ситуация на Кубе и в других странах Латинской Америки.

Гевара все глубже постигал марксизм. Он взял свои старые дневники, где делал выписки и замечания по поводу философских трудов, и перепечатал их, убрав лишнее и сократив их до одной книжки. В ней триста машинописных страниц, и эта «философская тетрадь» демонстрирует сужение круга интересов Гевары и показывает, насколько серьезнее он стал изучать работы Маркса, Энгельса и Ленина. Последняя запись, посвященная понятию «я», взята из сборника Фрейда «Клинические случаи» и представляет собой цитату из Джалаладдина Руми, знаменитого персидского поэта: «Там, где просыпается любовь, умирает мрачный деспот "я"».

Гевара стал жить двойной жизнью, избегая общения со всяким, кому не мог полностью доверять. Он неоднократно просил Ильду быть осторожнее в разговорах с друзьями, чтобы не раскрыть его причастности к повстанческому движению Фиделя. В итоге он потребовал, чтобы жена разом прекратила общаться со всеми своими знакомыми перуанцами из АНРА — которым не доверял. Теперь он мало с кем виделся помимо кубинцев.

Все свободное время Эрнесто проводил с ребенком. Он был

очень счастлив и 25 февраля написал своей матери о рождении дочки. «Дитя просто ужасно, и, взглянув на нее, понимаешь, что малышка ничем не отличается от прочих младенцев, она плачет, когда хочет есть, часто писает… ее беспокоит свет, и она все время спит; но все же есть нечто резко отличающее девочку от других детей: ее папу зовут Эрнесто Гевара».

Тем временем в другой своей ипостаси — начинающего партизана, Че — он проявлял замечательные способности стрелка. 17 марта Мигель «Кореано» Санчес — ветеран корейской войны, нанятый Фиделем в Майами в качестве инструктора по стрельбе — дал такое заключение о его успехах: «Эрнесто Гевара посетил 20 занятий. Является отличным стрелком. Произвел около 650 выстрелов. Отличная дисциплина, отличные лидерские качества, выносливость отличная. Был наказан (отжимания) за неверное истолкование приказов и дерзкие ухмылки».

Уже тогда Че выделялся из толпы. Его сильная личность, близость к Фиделю и Раулю и быстрое выдвижение на ведущие позиции в группе, несомненно, подогревали то чувство обиды, которое некоторые кубинцы и раньше ощущали по отношению к этому «иностранцу», пробравшемуся в их среду. Большинство из них предпочитало безлично называть Гевару аргентинцем, и только те, кто знал его очень хорошо, использовали прозвище Че.

Позже Фидель вспоминал об одном «неприятном инциденте», который произошел после того, как он — «за серьезность, ум и характер» — назначил Че главой одной из явок в Мехико. «Там было двадцать-тридцать кубинцев, — рассказывал Кастро, — и некоторые из них… решили оспорить его лидерство, так как Гевара был аргентинцем, а не кубинцем. Мы были против такой позиции… против неблагодарности к тому, кто, не будучи рожден на нашей земле, готов был пролить за нее свою кровь. И, я помню, этот случай очень меня задел. Думаю, он задел и самого Че».

Вообще-то, Гевара был не единственным иностранцем в группе. Помимо него там имелся молодой мексиканец Гильен Селая, с которым он шапочно познакомился несколькими месяцами ранее: на встрече гондурасских изгнанников их свела Элена Леива де Хольст. Селае было лишь девятнадцать лет, он убежал из дома, чтобы присоединиться к силам Фиделя, и его приняли. Со временем появятся и другие иностранцы: доминиканец-эмигрант и итальянский моряк с торгового судна. Но с их появлением Фидель подведет черту, сказав, что «калейдоскоп национальностей» ему не нужен.

По письмам Эрнесто домой видно, что революция приобретала для него все более серьезное значение. Это отражают даже его шутки. В письме к Селии от 13 апреля,

рассказывая о маленькой дочери, он по-новому выразил свою отцовскую гордость: «Все мое коммунистическое существо торжествует. Она стала похожа на Мао Цзэдуна. Уже можно увидеть намечающуюся лысину на макушке, сострадательные глаза вождя, толстые щеки; пусть пока малышка весит меньше его, только пять килограммов, но со временем обязательно его догонит».

В то же время росло раздражение Эрнесто по отношению к Ильде, которое он сдерживал, пока она была беременна. В письмах к матери он вел бесконечные разговоры о том, что новое аргентинское правительство сдалось на милость американским корпорациям, и попутно старался съязвить по поводу жены.

«Меня утешает мысль, что помощь наших великих соседей распространяется не только на этот регион и моя страна тоже может ее получить… похоже, они протянули руку помощи и АНРА; вскоре все вернутся в Перу и Ильда сможет спокойно поехать туда же. Как жаль, что безрассудный брак с пылким приверженцем красной чумы лишит ее удовольствия жить на достойную зарплату депутата нового парламента…»

Эрнесто говорил жене, что оба они должны принести жертвы революции, первой из которых станет длительная разлука. Ильда утверждала, что чувствует и боль, и гордость от того, что он уходит на войну, но, скорее всего, она была крайне расстроена таким поворотом событий. Хотя она сама внесла некоторый вклад в революционное движение, повлиять на Эрнесто она не могла. Если бы Ильда сделала такую попытку, это только позволило бы мужу заявить, что она мелкобуржуазна и исповедует центристскую политическую философию АНРА.

Тем временем Фидель искал место за пределами Мехико, где его люди могли бы в полной секретности завершить военную подготовку. К нему понемногу стали поступать деньги от союзников в США и на Кубе. У него уже были пулеметы, и он ждал поступления новых от мексиканского торговца оружием Антонио дель Конде. Кастро отправил его на закупку оружия в США и попросил найти подходящий корабль, на котором его «армия» могла бы переправиться на Кубу, когда придет время.

Совершенно очевидно, что Фидель надеялся так рассчитать нападение, чтобы оно совпало с третьей годовщиной взятия казарм Монкада, то есть пришлось бы на 26 июля. Кастро не только дал публичное обещание начать революцию в 1956 г., но и убедился на примере последних событий, что, если он хочет сохранить за собой козыри, действовать нужно быстро. У него появлялись все более сильные конкуренты.

Среди потенциальных соперников Фиделя Кастро был

бывший президент Карлос Прио Сокаррас. Получив первый революционный опыт — он помогал недавно сформированной подпольной студенческой группировке «Революционная директория» осуществить план убийства Батисты, — Прио воспользовался всеобщей амнистией, благодаря которой освободился и Фидель, и вернулся на Кубу. Он публично отрекся от насилия как метода борьбы и теперь пытался увеличить количество своих сторонников, провозглашая, что намерен составить оппозицию Батисте на законной демократической основе.

Осень 1955 г. оказалась беспокойной для Кубы: уличные беспорядки и жестокие ответы полиции, вооруженные нападения на полицию со стороны «Директории». В конце года произошла забастовка трудящихся сахарных заводов, которую поддержали сразу несколько оппозиционных группировок, включая и «Движение 26 июля». За ней последовали новые беспорядки. Хотя дух протеста рос и креп, в оппозиционных кругах было еще мало организованности и единства, и пока что Батиста одерживал верх.

К моменту, когда равновесие сместится, Фидель хотел оказаться впереди всех. В марте 1956 г. он открыто разорвал отношения с Ортодоксальной партией, обвинив ее руководство в том, что оно не поддерживает «революционную волю» рядовых своих членов. Это был умный ход, он развязал Кастро руки: отныне он мог заниматься революцией и не демонстрировать притворной верности политической партии, которую хотел обойти. Теперь все антибатистовские силы на Кубе должны были решить, чью сторону принять, и Фидель мог яснее увидеть, кто ему друг, а кто враг.

Но он не забывал о возможности предательства и уже давно принял предупредительные меры, создав в Мексике определенную структуру организации своих людей: они были разделены на группы, встречались только для прохождения обучения и не имели права расспрашивать друг о друге. Только Фидель и Байо знали, где расположены все явки. И наконец, Фидель составил перечень наказаний за несоблюдение правил. Участники его движения жили теперь по законам военного времени, и наказанием за предательство была смерть.

Основания беспокоиться за свою безопасность у Фиделя были. Он знал, что, если Батиста захочет его убить, у него найдутся способы и средства сделать это, даже в Мексике. И Фидель очень скоро в этом убедился. В начале 1956 г. кубинская Служба военной разведки (СВР) раскрыла заговор Кастро и провела серию арестов среди его последователей на Кубе. Вскоре шеф СВР прибыл в Мексику, и Фидель узнал, что эта организация

планирует его убийство. Кастро дал понять, что знает о плане, и они отказались от своих намерений, но агенты кубинского правительства и оплачиваемые им мексиканские агенты продолжали слежку и докладывали о его действиях Батисте.

Политическая ситуация на Кубе продолжала накаляться. В апреле полиция разоблачила заговор военных, собиравшихся свергнуть Батисту. Группа активистов «Директории» совершила попытку захвата радиостанции в Гаване, в результате чего погиб один из ее членов. Несколькими днями позже, следуя примеру нападения Кастро на казармы Монкада, военизированная группировка Аутентичной партии, относившая себя к сторонникам Прио, напала на военные казармы в провинции. Так они пытались вынудить своего лидера отказаться от «мирной оппозиции». Эта попытка окончилась их полным поражением. Впоследствии власти устроили разгром партии Прио, и он вынужден был бежать в Майами.

Тем временем в Мексике число соратников Фиделя достигло примерно сорока человек. Теперь Фидель уже ясно видел, насколько Эрнесто выделяется среди своих товарищей, и однажды привел его в пример другим, упрекнув их в недостатке самоотдачи. В мае всех бойцов попросили оценить успехи друг друга, и Эрнесто был единодушно признан способным «на лидерство или руководящую роль». Для Эрнесто это было важной вехой. Он получил уважение, которого так жаждал.

II

В мае Эрнесто наконец выдалась возможность проявить свои актерские таланты, правда отнюдь не в кино. Байо и Сиро Редондо, один из главных помощников Фиделя, нашли выставленное на продажу ранчо, которое располагалось примерно в тридцати пяти милях от города Чалько. Называлось оно «Сан-Мигель» и по размерам было огромно. Там были и пастбища, и покрытые кустарниками холмы — идеальная местность для военных учений. Сам дом был не слишком велик, но его территорию окружала почти крепостная стена из камня, по углам которой имелись караульные башенки с бойницами. Однако имелась одна сложность: за ранчо просили почти четверть миллиона долларов. Владелец ранчо, Эрасмо Ривера, в юности сам сражался в войсках Панчо Вильи, однако революционное прошлое не мешало ему быть скрягой.

В разговоре с Риверой Байо назвался представителем «одного богатого полковника из Сальвадора», который хотел бы

приобрести большое ранчо за пределами своей страны. Предвкушая выгодную сделку, Ривера поверил Байо, после чего тот представил ему в качестве «полковника» Гевару. Речь Гевары выдавала в нем иностранца, но, сальвадорец он или аргентинец, Ривера не мог определить — либо же побоялся задавать вопросы, которые могли обидеть богатого покупателя. И обман сработал. Ривера согласился принять символическую арендную плату в восемь долларов в месяц за то, чтобы, прежде чем состоится покупка, в доме был сделан необходимый ремонт и он стал полностью удовлетворять пожеланиям «полковника». Ремонтные работы должны были осуществлять несколько десятков «сальвадорских рабочих», которых специально привезут для этой цели.

Как только эта договоренность была достигнута, Фидель приказал Байо отобрать первую группу бойцов для отправки на ранчо. Байо был высокого мнения об Эрнесто и, признавая таланты своего аргентинского ученика — позже он назовет Гевару «лучшим партизаном из всех», — назначил его «командующим личным составом». В конце мая первая группа прибыла на ранчо. Эрнесто попрощался с Ильдой, сказав, что, возможно, не вернется. (Фидель нашел в Делавэре выставленный на продажу американский торпедный катер, он рассчитывал купить его и переправить в Мексику, чтобы в июле тот отплыл на Кубу. Планировалось, что они завершат тренировки на ранчо и прямо оттуда отправятся к месту стоянки корабля, а затем на Кубу.)

Учения в Чалько были напряженными. Штаб-квартира располагалась в доме за каменной стеной на ранчо «Сан-Мигель», но большую часть времени бойцы проводили, тренируясь на прилегающих холмах, иссушенных солнцем и заросших кустарником. Так они готовились к трудным условиям, с которыми могли столкнуться на Кубе. Воды и пищи было немного, а Байо и Че устраивали им пешие марши на выносливость и ночные переходы, длившиеся от сумерек до рассвета.

Впервые Че постоянно жил среди кубинцев. Некоторые из них по-прежнему были против его присутствия, считая Гевару лезущим не в свое дело иностранцем, а теперь он еще и стал их непосредственным руководителем. Эрнесто был очень требователен, но сам участвовал в переходах и занятиях, исполняя к тому же обязанности врача.

Должно быть, кубинцы были ошарашены, узнав, что этот образованный и родовитый аргентинский врач является порядочным неряхой. Еще в городе он отличался этой чертой, потому что вечно ходил в старом, потрепанном коричневом

костюме, который явно не соответствовал представлениям кубинцев о том, как должен выглядеть «человек с высшим образованием». Хоть эти парни и были революционерами, внешний вид был для них очень важен: в социально расслоенной Латинской Америке 50-х ухоженность и хороший костюм считались обязательными для каждого уважающего себя горожанина. Теперь же, «в полевых условиях», они выяснили, что Че к тому же не любит мыться. Ильда вспоминала: «Эрнесто всегда забавляла страсть кубинцев к чистоте. После работы каждый из них обязательно принимал ванну и менял одежду. "Все это очень мило, — говорил Эрнесто, — но что они будут делать в походе? Вряд ли там будет возможность принять ванну и переодеться"».

Один из кубинцев, Хуан Альмейда, описывает в своих воспоминаниях случай, продемонстрировавший суровость Че. Во время перехода какой-то боец отказался идти дальше, «сев прямо на тропе и открыто демонстрируя, что он против руководства Испанца [Байо] и Аргентинца [Гевары]».

Увидев, что происходит, Че приказал всем двигаться обратно в лагерь. Неподчинение считалось серьезнейшим нарушением дисциплины и каралось смертью. Фидель и Рауль были незамедлительно оповещены об инциденте и быстро приехали из Мехико, чтобы провести заседание трибунала. Среди кубинских революционеров не принято распространяться о подобных нелицеприятных случаях, и Альмейда не упоминает имени смутьяна. Однако Альберто Байо в своих мемуарах рассказывает о взволновавшем всех суде над партизаном по имени Калисто Моралес. По словам Байо, братья Кастро требовали смертного приговора, называя Моралеса «заразной болезнью», которую нужно «искоренить», дабы ею не заболели его товарищи. Хотя на суде Байо выступил с просьбой сохранить Моралесу жизнь, того все-таки приговорили к смерти, но позже Фидель простил его и Моралес получил возможность искупить свою вину, участвуя в партизанской войне. По сведениям кубинского историка Марии дель Кармен Арье, несмотря на то что именно Че был инициатором трибунала над Моралесом, он выступал против казни.

Казнить Моралеса должен был Универсо Санчес, помощник Фиделя, отвечавший в то время за контрразведку. В беседе с Тедом Шульцем, автором наиболее полной биографии Фиделя Кастро, Санчес поведал о том, что имели место и другие трибуналы и по меньшей мере один из них — суд над обнаруженным в их рядах шпионом — действительно завершился казнью. Шульц пишет: «Этот человек, имя которого нам

неизвестно, был приговорен трибуналом и под руководством Универсо казнен одним из бойцов. Тот говорит, что его "застрелили и похоронили в поле"».

В наши дни местные жители, обитающие поблизости от ранчо «Сан-Мигель», рассказывают, что за крепкими стенами там покоятся три тела. Однако, как уверяет Универсо Санчес, эти слухи не более чем легенда. На Кубе любое упоминание об этих событиях запрещено.

К началу июня группа Альмейды вернулась назад в город, и для учений на ранчо прибыла следующая. Четырнадцатого числа Че отметил свой двадцать восьмой день рождения. Казалось, все идет хорошо. Но 20 июня агенты мексиканской полиции арестовали Фиделя с двумя товарищами на одной из улиц в центре Мехико. В течение нескольких дней были захвачены буквально все члены движения, находившиеся в городе. На явочных квартирах были проведены обыски, изъяты все документы и тайники с оружием. Байо и Рауль, узнав о событиях, скрылись в тайном убежище, а Че остался командовать на ранчо. Ильда также была арестована, но успела спрятать письма Фиделя (ее адресом он пользовался для секретной переписки) и самые опасные политические записки мужа. Ее несколько раз допросили о деятельности Эрнесто и Фиделя, и затем она с ребенком была освобождена, проведя в тюрьме одну ночь.

Фидель и его товарищи были обвинены в том, что совместно с кубинскими и мексиканскими коммунистами создали заговор в целях убийства Батисты. Гавана потребовала их экстрадиции. 22 июня Фиделю было позволено выступить с публичным заявлением, в котором он, аккуратно подобрав слова, отрекся от приписываемых ему связей с коммунистами. Он указал на то, что был в тесных отношениях с покойным лидером Ортодоксальной партии, антикоммунистом Эдуардо Чибасом. Тем временем Рауль с товарищами пытались найти адвокатов для защиты Фиделя.

Гевара в это время готовился к неминуемому налету полиции на ранчо. Опасаясь возможного столкновения, Кастро поспешил приказать Че и его людям сдаться. Че повиновался и вскоре присоединился к своим товарищам в тюрьме Министерства внутренних дел на улице Мигеля Шульца.

III

На снимках, сделанных мексиканской полицией, Эрнесто предстает молодым человеком с решительным выражением лица, чисто выбритым, но с нечесаными волосами. На снимке в фас он

глядит прямо в камеру. На снимке в профиль хорошо видны его выпуклый лоб, упрямо сжатый рот, задумчивое выражение лица.

Под фотографией указаны его имя, дата и место рождения, адрес в Мексике и физические характеристики, а также официальная причина ареста: превышение сроков визы. Ниже еще одна строчка: «Утверждает, что является туристом».

26 июня, через два дня после того, как был сделан этот снимок, Эрнесто впервые дал показания в полиции, но содержалось в них только то, что властям и так уже было известно. Рассказывая об обстоятельствах своего приезда из Гватемалы, он признал, что симпатизировал Арбенсу и работал на его администрацию. Как-то в Мексике один человек, имени которого Гевара не может вспомнить, познакомил его с Марией Антонией Гонсалес. Впоследствии он узнал, что ее дом является местом встреч кубинцев, недовольных политическим режимом в своей стране. В итоге сам Гевара познакомился с главным из них, Фиделем Кастро Русом. Приблизительно за полтора месяца до того, узнав, что кубинцы проходят обучение, чтобы возглавить революционное движение против Батисты, он предложил им свои услуги врача и был принят. По просьбе Кастро он также служил посредником при аренде ранчо в Чалько. Гевара скрыл истинное количество людей и единиц оружия, находившихся на ранчо, заявив, что у кубинцев было всего две винтовки, из которых они стреляли по мишеням и охотились для развлечения, а также револьвер тридцать восьмого калибра «для самообороны».

В тот же день мексиканская проправительственная газета «Эксельсиор» на первой полосе опубликовала статью об аресте Кастро и его сторонников. Огромный заголовок гласил: «В Мексике предотвращен мятеж против кубинского правительства и арестованы двадцать зачинщиков». Назавтра последовало продолжение статьи, называвшейся «Новые аресты кубинских заговорщиков, подозреваемых в связях с коммунистами». В качестве источников журналисты сослались на мексиканскую федеральную полицию.

Главным же преступником, по сообщению Федерального управления безопасности (ФУБ), был не кто иной, как «аргентинский врач Эрнесто Гевара Серна, основное связующее звено между кубинскими заговорщиками и международными коммунистическими организациями». В подписи к групповой фотографии арестованных, вслед за информацией о Фиделе, Геваре посвящена отдельная фраза, где сказано, что его «тесные связи с коммунистами дают основания подозревать, что движение против Фульхенсио Батисты было поддержано «красными» организациями».

Пока в средствах массовой информации обсуждались эти аресты, люди Фиделя делали все возможное, чтобы его освободить. Из Штатов прилетел его друг-юрист Хуан Мануэль Маркес. Он нанял для защиты двух адвокатов. Судья, отнесшийся к Фиделю благожелательно, 2 июля вынес решение о его освобождении, но Министерство внутренних дел Мексики не дало ему хода. Тем не менее судья сумел приостановить издание приказа о депортации. Арестованные начали голодовку, и 9 июля часть кубинцев, двадцать один человек, были освобождены, а еще одна группа получила свободу спустя несколько дней. Однако Фидель, Че и Калисто Гарсиа оставались за решеткой.

6 июля Че написал родителям письмо, где рассказал, в каком положении оказался, и наконец открыл всю правду о том, чем занимается. «Некоторое время назад, уже довольно давно, один молодой кубинец предложил мне присоединиться к движению, которым он руководит, — движению за освобождение его страны, и я, конечно, согласился».

По поводу своего будущего Гевара написал так: «Мое будущее неотделимо от будущего кубинской революции. Я либо одержу победу вместе с ней, либо погибну… Если по какой-то причине я не смогу больше вам писать и впоследствии мне предстоит проиграть, считайте это письмо прощальным; в нем мало пышных фраз, но оно искренне».

Каковы бы ни были газетные заголовки и информация, поступающая от полиции, официальной причиной ареста по-прежнему осталось нарушение миграционных законов Мексики. А за кулисами между мексиканскими и кубинскими властями шел ожесточенный спор о том, как поступить с арестованными.

Одновременно полицейские пытались узнать как можно больше об Эрнесто Геваре. В первую неделю июля его допросили еще по меньшей мере дважды. По необъяснимой причине, теперь он говорил много и откровенно. Протоколы допросов по сей день не преданы огласке, но историку Эберто Норману Акосте удалось получить доступ к засекреченным материалам. Эти тщательно охраняемые документы свидетельствуют: Эрнесто Гевара открыто признал, что является коммунистом, и объявил, что считает необходимой вооруженную революционную борьбу, причем не только на Кубе, но и во всей Латинской Америке.

По прошествии многих лет Фидель высказался по поводу этих протоколов, выразив восхищение Геварой. Он привел их в качестве примера «безмерной честности» своего покойного товарища. Однако в тот момент, когда Кастро узнал о признаниях Эрнесто, он впал в ярость, что вполне понятно. Пока Че распространялся о своих марксистских взглядах, Фидель из сил

выбивался, чтобы представить себя патриотом-преобразователем в лучших традициях национально-демократических движений Запада. Ничто не могло так усилить поддержку режима Батисты администрацией Эйзенхауэра, как коммунистическая угроза, и любое подтверждение того, что Фидель или его последователи желают сделать Кубу коммунистическим государством, заранее предопределило бы исход революции. Поэтому заявления Че были в высшей степени безрассудны, они давали врагам Кастро именно то, что им было нужно.

Во втором своем открытом заявлении, от 15 июля, Кастро обвинил американское посольство в том, что оно оказывает давление на мексиканские власти, чтобы воспрепятствовать его освобождению. Откуда он получил такую информацию, неизвестно, но Фидель оказался прав: американцы действительно просили мексиканцев отсрочить его выход на свободу. Однако этот шаг Вашингтона был вызван не столько обеспокоенностью действиями Фиделя Кастро, сколько желанием пойти навстречу Батисте. В случае освобождения Кастро кубинский лидер угрожал бойкотировать назначенный на 22 июля саммит президентов американских стран, проводимый в Панаме. Американцы же хотели, чтобы присутствовали все.

И все же Фидель не стал испытывать судьбу и на этот раз пошел еще дальше в своих попытках дистанцироваться от коммунистов. Назвав обвинения в связях с коммунистами «абсурдом», он указал на то, что Батиста в прошлом состоял в союзе с Народной социалистической партией Кубы. А в свидетели того, что сам он не запятнан связями с «коммунистическими организациями», Кастро призвал капитана Гутьерреса Барриоса из Федерального управления безопасности (ФУБ), третьего человека в мексиканской тайной полиции.

Кастро заключил нечто вроде сделки с этим представителем мексиканской полиции, которому на тот момент было двадцать семь лет — на два года меньше, чем самому Фиделю. Хотя ни Гутьеррес Барриос, ни Фидель никогда не разглашали подробностей своего соглашения, помощь мексиканца явно сыграла ключевую роль в освобождении Кастро.

Почему же Гутьеррес Барриос помог кубинцу? Ну, помимо всего прочего, он, как и многие другие, подпал под обаяние личности Кастро. Многие годы спустя, в одном интервью, бывший полицейский признался, что с самого начала симпатизировал Кастро. «Во-первых, потому, что мы были ровесниками, во-вторых, мне импонировали его идеалы и убежденность. Фидель умеет повести за собой. А в то время было очевидно, что путей у него только два: победить в революции или погибнуть… Эти причины

объясняют, почему с самого начала между нами возникли теплые отношения… Я никогда не считал Кастро преступником, для меня он был человеком с идеалами, желающим свергнуть диктатуру, и преступление его состояло лишь в том, что он нарушил миграционные законы моей страны».

Учитывая также и то, что мексиканские патриоты (а в их стране революция произошла всего за четыре десятилетия до того) не чувствовали большой симпатии к своим североамериканским соседям, вечно сующим нос в их дела, в поступке Гутьерреса Барриоса нет ничего удивительного: желание подложить свинью американцам вполне могло сыграть здесь свою роль. Впоследствии, на протяжении своей долгой карьеры начальника мексиканской тайной полиции, Гутьеррес Барриос оказывал помощь многим другим латиноамериканским революционерам, бежавшим из своих стран, причем среди них были и такие, кого разыскивал Вашингтон.

В тот же день, 15 июля, когда Фидель сделал свое второе публичное заявление, Эрнесто написал резкий ответ на письмо матери. Судя по всему, она спрашивала сына, зачем он связался с Фиделем Кастро, и задавала вопрос, почему другие арестованные после голодовки были отпущены, а он нет. Эрнесто ответил ей, что ему, как и Калисто, возможно, придется остаться в тюрьме и после освобождения Фиделя, потому что у них единственных не в порядке миграционные документы. А как только его освободят, он уедет из Мексики в одну из соседних стран и будет ждать приказов Фиделя, чтобы быть «наготове, как только мои услуги понадобятся».

«Я не Христос и не филантроп, мадам, я полная противоположность Христу… Я борюсь за то, во что верю, любым оружием, которое у меня есть… Меня ужасают твое непонимание и твои призывы к умеренности и заботе о себе… то есть к тому, что я считаю самыми отвратительными качествами, которые могут быть у человека. Я не просто не умерен, я постараюсь никогда не стать таковым, а когда пойму, что священное пламя внутри меня сменилось робким огоньком, я буду блевать на свое дерьмо. Ты призываешь меня к умеренному эгоизму, то есть к безудержному и жуткому индивидуализму… знай же, что я многое сделал, чтобы избавиться от этих качеств…

За эти дни в тюрьме и раньше, на учениях, я стал единым целым с моими товарищами… Понятие «я» исчезло, его сменило понятие «мы». Пусть это коммунистическое клише… но это было (и есть) так прекрасно — ощутить, как уходит "я"». Сменяя тон, Гевара шутит: «Пятна на почтовой бумаге не кровь, а томатный сок». Затем он продолжает: «Глубокая ошибка с твоей стороны

считать, что великие изобретения и шедевры искусства рождаются из «умеренности» или "умеренного эгоизма". Для всего великого нужна страсть, а в деле революции страсть и безрассудство требуются в огромном количестве».

Анализируя собственные чувства, Эрнесто завершает письмо словами, свидетельствующими об изменившихся отношениях с матерью: «Но прежде всего я думаю о том, что боль, боль матери, которая стареет и хочет видеть своего сына живым, заслуживает уважения, и я должен быть внимателен к ней, и я хочу быть внимательным к ней…» Он подписал письмо своим новым именем: «Твой сын Че».

Че не рассказал матери о том, что сам был виноват в том, что его заключение затянулось. В конце концов это было для Гевары не так важно, как будущее кубинской революции, а самым главным сейчас было освобождение Фиделя, чтобы борьба могла продолжаться.

Однако Фиделя не освободили 16 июля, а продержали в тюрьме, пока не окончился Панамский саммит. Успокоенный, Батиста приехал на встречу, и 22 июля собравшиеся президенты подписали совместную декларацию, согласно которой все полушарие должно было принять прозападный курс политического и экономического развития. Пока Эйзенхауэр проводил время в обществе военных диктаторов, адвокаты Фиделя отправились на встречу с Ласаро Карденасом, бывшим президентом Мексики и инициатором аграрной реформы. Карденас с пониманием отнесся к делу и пообещал воспользоваться своим влиянием и поговорить по поводу Фиделя с президентом Адольфо Руисом Кортинесом. Это принесло свои плоды, и 24 июля Фидель был наконец освобожден, с условием, что он должен покинуть страну в течение двух недель.

Как и ожидалось, теперь в тюрьме остались только Эрнесто и Калисто Гарсиа, официальной причиной чему было то, что ситуация с их иммиграционным статусом оказалась «более сложной». Но, несомненно, в случае с Че большую роль играли его связи с коммунистами. Гарсиа же, видимо, не выпускали потому, что он слишком долго прожил в Мексике на нелегальном положении — с марта 1954 г. Хотя над ними по-прежнему висела угроза экстрадиции, Че отказался от предложения своих гватемальских друзей, Альфонсо Бауэра Паиса и Улисеса Пти де Мюра, воспользоваться для его освобождения дипломатическими связями. Так случилось, что аргентинским послом в Гаване в то время был один из дядьев Че, и Ильда предлагала воспользоваться его услугами, чтобы обеспечить мужу выход на свободу. Ильда писала: «Фидель одобрил эту идею, но, когда мы

рассказали обо всем Эрнесто, он сказал: "Ни в коем случае! Я хочу быть в том же положении, что и кубинцы"».

Пока Че упирался, Фидель должен был как можно скорее покинуть страну. Мексика больше не была для него безопасна. В качестве меры предосторожности Кастро рассредоточил своих людей, отослав их в отдаленные от Мехико районы, где они должны были ждать развития событий. Понимая, что Фидель должен спешить, Че предложил ему уезжать без него, но Фидель поклялся, что не бросит друга. Это был великодушный шаг, о котором Че не забудет до конца своих дней. Потом он напишет: «Чтобы освободить нас из мексиканской тюрьмы, нужно было потратить ценное время и деньги, необходимые для других целей. Такое отношение Фиделя к тем, кого он уважает, объясняет ту фанатичную преданность, которую эти люди питают к нему».

Примерно в этот же период Гевара сочинил оду, которую назвал «Гимн Фиделю». Он показал стихотворение Ильде и сказал, что собирается подарить оду Кастро, когда они на корабле отправятся на Кубу. Хотя эти стихи поэтически незрелы, они отражают глубину чувств, которые в то время питал Эрнесто к Кастро.

Пойдем, восторженный пророк рассвета,
По непроторенным тропам,
Чтоб дать Зеленому Кайману[11] волю…
Когда раздастся первый выстрел
И девственный испуг от сна пробудит джунгли,
То нас, бойцов бесстрашных, ты увидишь
с собой бок о бок.
Когда ветров четверке ты объявишь:
Свобода, хлеб, земля и справедливость, —
То нас, чей говор тот же, ты увидишь
с собой бок о бок.
Когда ж последний бой наступит
За то, чтоб тиранию уничтожить,
То нас, на смерть идущих, ты увидишь
с собой бок о бок.
А если путь наш перережут сталью,
Мы саван из кубинских слез попросим,
чтоб кости партизанские накрыть им,
В историю Америки въезжая, —
И больше ничего.

IV

В середине августа, проведя в заключении пятьдесят семь дней, Че и Калисто Гарсиа были выпущены на свободу.

Однако Че и Калисто, так же как ранее их товарищи, были освобождены с одним условием: в течение нескольких дней они должны были покинуть Мексику. Однако, как и их товарищи, они ушли в подполье. Правда, поначалу Че приходил домой, чтобы сделать некоторые дела, а также полюбоваться на малышку. В те три дня Ильда не раз видела, как он сидит у колыбели и читает дочке вслух стихи или просто молча смотрит на нее.

По приказу Фиделя на выходных они с Калисто переехали за город, в местечко Истапан-де-ла-Саль, где поселились в гостинице под фальшивыми именами.

Нелегальное существование продлилось три месяца, и Эрнесто пару раз тайно возвращался в столицу, но в основном Ильда приезжала к нему по выходным. Все свое время Эрнесто посвящал теперь размышлениям над двумя родственными явлениями: марксизмом и революцией. Даже находясь с семьей, он неустанно говорил жене о «революционной дисциплине» или сидел зарывшись в толстые книги по политэкономии. Его идеологический пыл распространялся и на общение с дочерью: он частенько называл девочку «мой маленький Мао».

В начале сентября, после очередного приступа астмы, Эрнесто вместе с Калисто перебрались из Истапан-де-ла-Саль в Толуку, где климат был суше. Затем Фидель пригласил их на съезд будущих повстанцев в Веракрусе. Там Че встретился со многими своими товарищами, которых не видел несколько месяцев.

Из Веракруса Эрнесто с Калисто вернулись в столицу Мексики, где они поселились в одном из каса-кампаменто. Теперь они твердо знали, что близится день отправки на Кубу; Фидель вовсю занимался подготовкой предприятия, и каждый из его бойцов должен был предоставить информацию о своих «наследниках» — то есть о тех, с кем нужно было бы связаться в случае гибели. Че вспоминал позже, что для него и его товарищей это был очень значительный момент: они по-настоящему осознали, на что идут, поняли, что их, возможно, в скором времени ждет смерть.

С момента выхода из тюрьмы Фидель жил в сумасшедшем ритме. Ему приходилось одновременно заниматься политикой, обеспечением безопасности, поиском денег. Помимо того, что он должен был думать, как рассредоточить своих людей по Мексике так, чтобы избавить их от слежки, ему надо было еще налаживать политический контакт с «Революционной директорией», которая грозила стать конкурирующей партией. Ее лидер Хосе Антонио

Эчеверриа в конце августа прилетел в Мехико, чтобы встретиться с Фиделем. После двухдневных переговоров они подписали документ под названием «Мексиканская хартия», в котором заявлялось, что обе организации берут на себя обязательство вести борьбу против режима Батисты. Но о партнерстве в прямом смысле слова речи не шло: две партии договорились лишь о том, что будут советоваться друг с другом относительно всех планируемых действий, а также координировать усилия, когда Кастро со своими людьми высадится на Кубе.

Несколько недель спустя с Кубы и из США прибыли сорок новых добровольцев. Так как на ранчо «Сан-Мигель» вернуться было нельзя, им пришлось тренироваться на удаленных друг от друга базах: одна находилась в Тамаулипасе, неподалеку от мексикано-американской границы, другая — в Веракрусе. К этому моменту большинство членов революционного генштаба уже перебрались к Фиделю в Мехико, возложив на региональных командиров обязанности по координации действий на острове. Однако казна Фиделя была почти пуста, а у него по-прежнему не было в распоряжении транспортного средства, чтобы перебросить повстанцев на Кубу. План покупки торпедного катера, на который возлагал надежды Кастро, провалился.

В сентябре Фидель совершил тайную поездку в Техас, где встретился со своим прежним противником — экс-президентом Карлосом Прио Сокаррасом. Тот дал согласие спонсировать деятельность Фиделя. Возможно, он считал, что, поддержав Кастро, сможет переложить на плечи этого молодого выскочки бремя ведения военных действий, чтобы затем оттеснить его от власти, а может быть, просто рассматривал Фиделя как отвлекающее и потому полезное орудие в своей борьбе против Батисты. Каковы бы ни были мотивы Прио, Кастро вернулся со встречи, имея в своем распоряжении по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов.

По словам Юрия Папорова, офицера КГБ, курировавшего Институт советско-мексиканских культурных связей, деньги, полученные Фиделем, принадлежали отнюдь не Прио, а ЦРУ. Папоров не уточнил, на каких источниках базируется его утверждение, но если это правда, то у нас появляются веские аргументы в пользу той точки зрения, что американская разведка изначально пыталась расположить к себе Кастро — просто на случай, если он преуспеет в своей войне против все более шаткого режима Батисты. По мнению биографа Кастро Теда Шульца ЦРУ действительно давало деньги «Движению 26 июля», но только немного позднее, в период с 1957 по 1958 г., через своего агента, работавшего в американском консульстве в

кубинском городе Сантьяго.

Получив деньги, Фидель должен был теперь подыскать подходящее судно, и в конце сентября он его нашел. Им оказалась «Гранма» — потрепанная моторная яхта тридцати четырех футов в длину, принадлежавшая Роберту Эриксону. Этот американский эмигрант был готов продать яхту при условии, что Фидель купит у него также дом в прибрежном районе портового городка Туспан на Мексиканском заливе. В итоге они заключили сделку на сорок тысяч долларов. Хотя яхта не годилась для морского путешествия и была недостаточно вместительной, Фидель пошел на условия Эриксона, поскольку отчаялся найти другой вариант. Внеся часть платы, он приказал нескольким своим людям поселиться в купленном доме и произвести тщательный осмотр «Гранмы».

В конце октября Че и Калисто переехали в расположенный ближе к центру район Колония-Рома, где поселились на одной из явочных квартир. Че продолжил встречаться с Ильдой по выходным, но каждый раз, когда он уходил, она знала, что в следующий раз муж может не вернуться. Эта неопределенность и тревожное ожидание его скорого отбытия плохо сказывались на ее нервах. Желая приободрить супругу, Че сказал, что свозит ее в Акапулько и они немного развеются.

«Я с надеждой стала ждать этой поездки в Акапулько хотя бы на выходные, — писала Ильда. — А затем пришли новости, что полиция ворвалась в дом одной кубинки, жившей в Ломас-де-Чапультепеке и приютившей у себя Педро Мирета. Найденное в доме оружие было конфисковано, а его самого арестовали. В субботу, когда пришел Эрнесто, я рассказала ему об этом. Он отреагировал очень спокойно, сказав только, что следует удвоить меры предосторожности, так как полиция, возможно, следит за ним. Рано утром в воскресенье пришел Гуахиро. Я сразу поняла, что он встревожен, — по тому, как он спросил меня: "Где Че?" Я сказала ему, что Эрнесто в ванной, и тогда он зашел прямо туда. Затем Эрнесто, расчесывая волосы, вышел из ванной и сказал мне спокойно: "Похоже, полиция охотится за нами, так что надо быть осторожными. Мы сейчас уедем, и я, скорее всего, не появлюсь на следующих выходных. Прости, но поездку в Акапулько нам придется отложить"».

Ильда расстроилась и к тому же почувствовала: что-то будет. «Закончив сборы, Эрнесто, как всегда перед уходом, подошел к детской кроватке и приласкал Ильдиту, затем повернулся, обнял меня и поцеловал. Не знаю почему, я вся задрожала и прижалась к нему… Он ушел и больше не вернулся».

Кастро очень встревожило, что дом, где скрывался Мирет, оказался обнаружен, поскольку это означало, что в их рядах есть

предатель. Подозрения пали на Рафаэля дель Пино, одного из ближайших друзей и доверенных лиц Фиделя. Незадолго до того дель Пино было поручено помочь Антонио дель Конде добыть оружие и доставить его контрабандой в Мехико. Но тут он неожиданно исчез, а ведь ему было известно, где находится Мирет. (Последующее расследование кубинских властей показало, что дель Пино в течение нескольких лет был информатором ФБР.)

Не полагаясь на авось, Фидель распорядился, чтобы его люди в Мехико переехали на другие квартиры, и приказал ускорить приготовления «Гранмы» к отплытию. Че и Калисто спрятались в маленькой комнате для прислуги в квартире, которую занимал Альфонсо «Пончо» Бауэр Паис с семьей. Однако первая же ночь, проведенная там, чуть было не закончилась их повторным арестом, так как в соседней квартире произошел грабеж и в дом нагрянула полиция.

Фидель тем временем занимался решением проблем, навалившихся на него в преддверии начала операции. Так, например, и его соперники, и некоторые из друзей уговаривали Кастро отложить вторжение на Кубу. Франк Паис, его доверенное лицо в провинции Орьенте, доказывал Фиделю, что его бойцы еще не готовы к осуществлению столь грандиозного плана. Но Кастро настаивал на своем, и Паис согласился сделать все, что было в его силах. Фидель пообещал, что перед отъездом из Мехико пришлет ему шифровку, в которой будет названо время высадки повстанческого отряда на Кубе.

В октябре Коммунистическая партия Кубы (НСП) отправила своих эмиссаров на встречу с Фиделем. Они доставили ему срочное сообщение, что партия не готова к вооруженной борьбе на Кубе, и попытались добиться согласия Фиделя на присоединение к кампании по изъявлению гражданского неповиновения, которая должна была постепенно перерасти в вооруженное восстание. Однако он отказался от этого предложения, сказав, что будет осуществлять свой план, но что при этом надеется на военную помощь со стороны партии, которую она может оказать, устроив мятежи одновременно с высадкой его собственных сил на Кубе.

На тот момент отношения Кастро с кубинскими коммунистами были довольно теплыми, но скованными рядом ограничений. Несмотря на то что публично он отрицал всякую связь с ними, у него были близкие друзья в НСП, и он принял в свое ближайшее окружение таких марксистов, как Рауль и Че. Фидель предусмотрительно поддерживал прямой контакт с НСП и в то же время сохранял дистанцию — не только чтобы не

компрометировать себя отношениями с коммунистами, но и чтобы не быть вынужденным идти на компромиссы, которые могли бы помешать ему набрать силу.

23 ноября наконец наступил миг, к которому Че так долго готовился. Фидель решил, что пора выступать, и дал приказ своим людям, находившимся в Мехико, Веракрусе и Тамаулипасе, собраться на следующий день в Росо-Рико, городке нефтяников к югу от Туспана. В ночь на 24-е им предстояло сесть на яхту и выйти в море.

Однако на Кубе планы Фиделя Кастро уже ни для кого не были секретом. Все знали, что он готовит вторжение; единственным вопросом было, где и когда он собирается высадить свое повстанческое войско. Более того, несколькими днями ранее начальник генштаба Батисты собрал пресс-конференцию в Гаване, чтобы обсудить шансы повстанцев на успех — и высмеять революционеров; а на карибское побережье острова были брошены дополнительные силы для патрулирования границы.

Таким образом, успех Фиделю могли принести лишь деятельность активистов «Движения 26 июля» в Орьенте под началом Франка Паиса и сохранение в секрете до самой последней минуты точной даты и места высадки «Гранмы». По оценке Фиделя, путь по морю должен был занять пять дней, и вот, непосредственно перед отплытием, он отправил шифровку Паису о том, что «Гранма» прибудет 30 ноября на пустынный пляж Лас-Колорадас в Орьенте.

25 ноября, в предрассветной мгле, на борт «Гранмы» взошли восемьдесят два человека, среди которых был и Че. Последние часы, проведенные повстанческой армией Фиделя Кастро на мексиканской земле, прошли в нервной обстановке. Прибыли не все, а из тех, кто прибыл, некоторым пришлось остаться на берегу из-за нехватки места. Но вот яхта отчалила от берега. Перегруженная «Гранма» двинулась по реке в сторону Мексиканского залива.

Готовясь к отплытию, Эрнесто оставил письмо, которое Ильда должна была переслать его матери. Он писал, что оно будет отправлено только после того, как «огонь вспыхнет по-настоящему… и ты узнаешь, что твой сын в залитой солнцем американской стране, пытаясь помочь своему раненому товарищу, клянет себя за недостаточное усердие в изучении хирургии…

Теперь начинается самое трудное; ты знаешь, мама, я никогда не бежал от трудностей, напротив, они всегда были мне по душе. Небеса не почернели, звезды не сошли со своих орбит, не

наблюдается ни потопов, ни ураганов: нет никаких дурных знамений, только хорошие. Они предвещают победу. Но если они нас обманут, так что ж — ошибаются даже боги…»

Часть вторая
ПРЕВРАЩЕНИЕ В ЧЕ

Глава 14
Ужасное начало

I

При всей мелодраматичности последнего письма домой слова Эрнесто оказались столь же провидческими в отношении опасностей, которые ему предстояли, сколь и ошибочными в отношении того, какой будет его реакция на эти опасности. Как выяснилось, когда «огонь вспыхнул по-настоящему» — в результате неожиданной засады, устроенной на партизан военными через несколько дней после высадки «Гранмы», — последним, что могло прийти в голову Эрнесто, были сожаления о его неопытности в полевой хирургии.

В последовавшей суматохе, когда одни оказались убиты, а другие бросились врассыпную, Эрнесто пришлось делать выбор: схватить походную аптечку или ящик с патронами. Он выбрал второе. Пусть у него имелось медицинское образование — по призванию он был воином.

Несколько секунд спустя ему в шею угодила шальная пуля, и Гевара решил, что смертельно ранен. Разрядив ружье по кустам, он лег неподвижно на землю и погрузился в раздумья над тем, «как лучше всего умереть».

Раньше Эрнесто часто воображал себе, как отважно бросается в бой под возглас «Победа или смерть!», но, попав в засаду и получив ранение, он сразу утратил надежду. Эрнесто лег на спину и погрузился в спокойные размышления о неминуемой смерти.

Если в том, что при боевом крещении он предпочел патроны медицинской аптечке, проявилась истинная натура Эрнесто Гевары, то в том, как он повел себя после ранения, открылась важная его черта: фаталистическое отношение к смерти. В течение следующих двух лет войны эта черта проявилась в полной мере, в то время как сам Че превратился в закаленного боями партизана, знающего толк в сражениях и на редкость безразличного к собственной безопасности. На войне блудный сын Селии нашел наконец свое истинное призвание.

II

Переправка на Кубу на яхте «Гранма» превратилась в сущий кошмар. Мало того что вместо ожидаемых пяти дней дорога заняла семь, так еще и ослабевшие от морской болезни повстанцы высадились не в том месте. Предполагалось, что их высадка произойдет одновременно с возглавляемым Франком Паисом восстанием в Сантьяго, и у маяка в Кабо-Крус их ожидало подкрепление: сотня человек и грузовики. Объединенные силы должны были напасть на близлежащий городок Никеро, затем атаковать город Мансанильо и скрыться в горах Сьерра-Маэстра. Но восстание в Сантьяго прошло без них, и эффект неожиданности, на который рассчитывал Фидель, не удался. Военные, подавив восстание в Сантьяго, были теперь в состоянии боевой готовности, Батиста бросил в провинцию Орьенте дополнительные войска, а также организовал морские и воздушные патрули, чтобы перехватить прибывающий отряд Фиделя.

В ночь на 2 декабря, еще до рассвета, «Гранма» достигла юго-восточного побережья Кубы. Когда на борту все напряженно всматривались в темноту, надеясь увидеть свет маяка в Кабо-Крус, в море упал штурман. Кораблю пришлось сделать немало кругов, тратя драгоценные минуты темноты, прежде чем они услышали крики штурмана и спасли его. Затем Фидель приказал лоцману держать курс к ближайшему участку суши, и «Гранма» села на мель, что превратило их прибытие на Кубу скорее в кораблекрушение, чем в высадку на берег. Заговорщикам пришлось оставить большую часть боеприпасов и медикаментов, и они вброд дошли до берега — уже при полном утреннем свете.

Фидель не знал, что их заметил кубинский катер береговой охраны, оповестивший об их прибытии военных. Высадились они более чем в миле от предполагавшегося места встречи, а между ними и сушей лежало мангровое болото. Встречающий отряд ушел, прождав их два дня. Они были одни.

Достигнув наконец суши, измученные повстанцы разбились на две группы и стали продираться сквозь заросли, бросая по дороге снаряжение. Как описал это впоследствии Че, они «потеряли ориентацию и ходили кругами, будто скопище призраков… движимых какой-то неведомой силой». Пока они так блуждали, вверху кружили пытавшиеся обнаружить заговорщиков вертолеты, на всякий случай они строчили по зарослям из пулеметов. Только через два дня группы встретились друг с другом, и один местный крестьянин повел их на восток, в направлении горной цепи Сьерра-Маэстра.

В ночь на 5 декабря колонна сделала привал на плантации сахарного тростника. Они жадно поедали стебли тростника — не

задумываясь, что оставляют следы своего присутствия, — а затем без передышки шли всю ночь и полдня до местечка под названием Алегриа-де-Пио. Проводник оставил их и поспешил доложить о подозрительных людях в ближайшую воинскую часть. Повстанцы провели остаток дня на привале, на поляне на краю плантации, совершенно не подозревая, что ждет их впереди.

В шестнадцать тридцать их атаковали военные. В панике повстанцы словно приросли к земле, осыпаемые градом пуль. Однако Фидель с ближайшими товарищами убежал в лес, приказав остальным следовать за ним. Некоторые оставили свое снаряжение и в смятении бежали. Другие, парализованные ужасом, остались где были. В этот момент Че и попытался спасти ящик с патронами: когда он потянулся за ним, автоматная очередь поразила его соседа в грудь, а его самого в шею. «Пуля сначала ударила в ящик, а затем отбросила меня на землю, — записал Че в полевом дневнике. — На пару минут я потерял надежду».[12]

Думая, что умирает, Че впал в полубессознательное состояние. Но из апатии его вывел Хуан Альмейда, который приказал ему встать и бежать. Вместе с ним и еще тремя бойцами Че скрылся в джунглях, а за их спинами на плантации сахарного тростника грохотали выстрелы.

Че повезло: рана на шее оказалась поверхностной. Хотя часть его товарищей спаслись, в течение последующих дней войска Батисты без проволочек казнили многих взятых в плен, включая раненых и даже некоторых из тех, кто сдался сам. Первой задачей уцелевших было найти убежище в горах и каким-то образом отыскать друг друга. Из восьмидесяти двух человек, прибывших на берег на «Гранме», только двадцать два в конце концов снова соединились в горах.

Всю ночь Че и его товарищи брели через лес. На рассвете они нашли пещеру, в которой смогли укрыться. Они дали торжественный обет: если их окружат, драться до последней капли крови. У заговорщиков не было пути назад, и положение их было хуже некуда. В дневнике Че записал: «У нас имелись банка молока и примерно литр воды. Невдалеке мы слышали звуки сражения. Из самолетов строчили пулеметы. Вечером мы отправились в путь, ориентируясь по Луне и Полярной звезде, пока их видно было на небе, а потом немного поспали».

Повстанцы знали: чтобы добраться до горной цепи, нужно держать курс на восток. «Полярную звезду» обнаружил Че, но познания его в астрономии были не так хороши, как он думал. Только много позже Гевара понял, что они ориентировались не по той звезде и, как оказалось, лишь по чистой случайности

двигались в нужном направлении.

Невыносимо страдая от жажды, пятеро беглецов шли по лесу. Воды у них было очень мало, а молоко они нечаянно разлили. Весь день бедняги ничего не ели. На следующий день, 8 декабря, они увидели впереди берег и заметили внизу пруд, в котором могла оказаться чистая вода. Но от пруда их отделяли густой лес и пятидесятиметровые утесы. Тут в небе появились самолеты, и им снова пришлось укрыться и ждать, когда наступит темнота. Они шли всю ночь и наткнулись на хижину, где обнаружили трех своих товарищей с «Гранмы». Теперь их было восемь, но они не знали, кто еще выжил. Единственное, что было им ясно, — нужно идти на восток, к Сьерра-Маэстре.

В последовавшие дни заговорщики вели борьбу за выживание. Они с трудом добывали пищу и воду прятались от военных самолетов и вражеских пеших дозоров. Однажды, сидя в пещере, откуда была видна морская бухта, они смотрели, как на берег, дабы присоединиться к охоте на мятежников, высаживается отряд морских пехотинцев. «Положение было ужасное, — писал Че впоследствии. — Если бы нас обнаружили, у нас не было бы ни малейшего шанса спастись; нам пришлось бы драться до последнего». С наступлением темноты они снова двинулись вперед, решившись уйти с территории, где чувствовали себя как «крысы в ловушке».

12 декабря беглецы набрели на крестьянскую хижину. Они услышали звуки музыки и хотели было войти, но тут из-за двери раздался голос, провозгласивший: «За моих товарищей по оружию». Решив, что голос принадлежит военному, они убежали. Найдя речное русло, они шли вдоль него до полуночи, пока не стали валиться с ног от усталости.

Следующий день они опять провели в укрытии, без еды и питья, а потом возобновили поход, но душевные силы покидали измученных людей, и многие из них время от времени останавливались, говоря, что дальше идти не хотят. Впрочем, их настрой переменился, когда они обнаружили крестьянский дом и постучали в дверь, хотя Че не очень хотел этого делать. Их встретил теплый прием. Хозяин оказался священником Церкви Адвентистов Седьмого дня и членом недавно созданной в регионе сельской ячейки «Движения 26 июля».

«Нас хорошо приняли и накормили, — писал Че в полевом дневнике. — Мы так наелись, что нам стало плохо». Но, вспоминая об этом позже, в «Эпизодах революционной войны», Гевара рассказал об этом событии с мрачным юмором: «Приютивший нас домик превратился в сущий ад. Сначала понос случился у Альмейды, а потом, один за другим, и остальные семь

кишечников выказали черную неблагодарность».

Весь следующий день они приходили в себя и принимали бессчетное число любопытных посетителей — адвентистов из местной общины. Высадка повстанцев стала большим событием, и местные жители были прекрасно осведомлены обо всем, что произошло. Че и его товарищи узнали, что шестнадцать их спутников с «Гранмы» считаются погибшими. Еще о пятерых говорили, что их взяли в плен живыми, а неизвестное число повстанцев, как и они сами, сумели скрыться в горах. Жив ли Фидель, было пока неизвестно.

Ради собственной безопасности заговорщики решили рассредоточиться, разместившись в разных домах в округе. Приняли они и другие меры предосторожности: сняли форму и оделись как гуахиро, крестьяне провинции Орьенте, а оружие и боеприпасы спрятали в доме одного из крестьян. Только у Че и Альмейды, выступавших в роли неофициальных командующих, осталось по пистолету. Один из бойцов был болен и не мог идти. Поэтому его также оставили в доме. После этого остальные двинулись в путь. Но, не успели они выйти, как узнали, что об их присутствии стало известно военным. В тот же день, всего через несколько часов после их ухода, в дом вторглись солдаты, обнаружили тайник с оружием, а их больного товарища взяли в плен. Ясно, что кто-то донес на них — и теперь военные шли по следу.

К счастью, помощь пришла скоро. Гильермо Гарсиа, один из главных активистов сельской ячейки «Движения 26 июля», вызвался проводить солдат и повел их по неверному пути. От него Че с товарищами узнали, что Фидель, или Алехандро (этим именем он пользовался во время войны, поскольку полное имя Кастро — Фидель Алехандро Кастро Рус), жив. Вместе с двумя товарищами он установил контакт с теми, кто сотрудничал с повстанческим движением, и отправил Гарсиа на поиски выживших.

Но от Фиделя и его убежища в горах их отделяли несколько дней перехода. Однако благодаря Гарсиа в течение всего пути Че и его друзьям помогали сочувствующие им крестьяне. Наконец на рассвете 21 декабря они пришли на кофейную плантацию, где их ждал Фидель. Там же они обнаружили, что в живых остался и Рауль Кастро, который прибыл отдельно, с четырьмя товарищами.

Несмотря на то что планы Фиделя потерпели крах, он уже снова взялся за работу. Для поисков выживших Кастро набирал крестьян, а в Сантьяго и Мансаниль был направлен курьер с просьбой о помощи к Франко Паису и Селии Санчес — создателю сельской ячейки «Движения 26 июля» в этой местности. Однако

перспективы пока что были печальные. Из восьмидесяти двух человек, высадившихся на берег с «Гранмы», заново собрались лишь пятнадцать, и на всех было только девять единиц оружия. Прошло уже почти три недели, и шансов найти еще кого-то становилось все меньше. Одновременно с приходом Че поступили известия о том, что в плен попал Хесус Монтане, а друг Фиделя Хуан Мануэль Маркес и еще двое товарищей погибли. Че также узнал, что убит и его друг, Ньико Лопес. В течение последующих дней на плантацию пришли еще двое, в том числе товарищ Че по тюрьме Калисто Гарсиа. Но от повстанческой армии Фиделя остались лишь крохи. Теперь, чтобы восстановить ее силу, нужно было полагаться на местных крестьян.

К тому же воссоединение с Фиделем оказалось для Че и его товарищей не таким уж счастливым. Кастро впал в ярость, узнав, что они потеряли оружие. «Вам чудом удалось не заплатить за совершенную ошибку, — сказал он им. — Если бы вы нос к носу столкнулись с солдатами, единственной надеждой выжить для вас стали бы ваши ружья. Оставлять их было преступно и глупо». В тот вечер у Че случился приступ астмы, вполне возможно вызванный расстройством из-за выволочки, устроенной Фиделем.

В словах Кастро, конечно, была сермяжная правда, но, с другой стороны, для такой ярости не было особых оснований: к тому времени из Мансанильо вернулся курьер, сообщивший, что Селия Санчес обещает прислать оружие. Астма больше не беспокоила Че, но доставка оружия не сильно его подбодрила, потому что, распределяя оружие, Фидель показал, какова теперь иерархия в его войске. Он забрал у Че его пистолет — знак его высокого положения — и отдал главе крестьянской организации, гуахиро по имени Кресенсио Перес. А вместо пистолета Че получил, по собственному выражению, «дрянную винтовку».

Это наглядно демонстрирует, как Фидель умеет управлять чувствами окружающих, в мгновение ока даруя свою милость или лишая ее. Одобрение Фиделя очень много значило для Че, и он всеми силами стремился сохранить свою принадлежность к «ближнему кругу». Упасть в глазах своего кумира было для него по-настоящему тяжким ударом.

Однако на следующий день Кастро, вероятно осознавая, как задет Че, дал ему возможность реабилитироваться. Он принял внезапное решение без предупреждения провести проверку боевой готовности и для передачи своих приказов о подготовке к бою выбрал Че. Тот с рвением приступил к делу. В дневнике он записал: «Чтобы сообщить новость, я прибежал бегом. Бойцы отреагировали как должно, проявив хороший боевой настрой».

В тот день из Мансанильо прибыли новые курьеры Селии с

оружием. Че был в восторге, когда второй, и единственный помимо него самого, врач, Фаустино Перес, отправлявшийся в Гавану в качестве специального уполномоченного Фиделя, отдал ему свою новенькую винтовку с оптическим прицелом — «бриллиант», как с ликованием записал Че в дневнике.

Дела потихоньку выправлялись. Гнев Фиделя утих, так как он сосредоточился на подготовке к военным действиям, и Че, должно быть, почувствовал себя воскресшим. Хотя, конечно, выслушивать укоры со стороны Кастро было крайне обидно. Пусть Фидель не оставил своего оружия, но ведь именно по его вине произошли все эти катастрофические события. У них не было никакого плана на случай непредвиденных ситуаций, и, когда они попали в засаду в Алегриа-де-Пио, все получилось по принципу «спасайся кто может», а Че с товарищами сделали все от них зависящее, чтобы выжить.

Если Че и чувствовал обиду, то старался не распалять себя, хотя в последующие несколько дней некоторое раздражение манерой руководства Фиделя и проникло в его дневник. 22 декабря Че записал, что это был «день почти полного бездействия». На следующий день они были «все там же». И перед Рождеством они по-прежнему оставались на том же месте — «в бесполезном ожидании» дополнительного оружия и боеприпасов.

Рождественский день Гевара описал с иронией: «Наконец, попировав свининой, мы двинулись в направлении Лос-Негрос. Мы шли с небольшой скоростью, ломая изгороди и оставляя таким образом свои визитные карточки. Мы совершили тренировочное нападение на один дом, и, пока мы этим занимались, появился его хозяин, Эрмес. Затем мы потеряли два часа, просидев за кофе и разговорами. В итоге мы решились-таки двинуться дальше и прошли еще немного вперед, но при этом так шумели, что о нашем присутствии стало известно в каждом доме, встречавшемся на пути, а их было немало. На рассвете мы достигли места назначения».

Че хотел бы видеть больше организованности, дисциплины и активности. Он хотел, чтобы война наконец началась. В этот период его немного подбодрила статья в кубинской газете: там сообщалось о некой отвратительной личности в отряде Фиделя, «аргентинском коммунисте с ужасным прошлым, изгнанном из своей страны». Че записал: «Фамилия его, конечно, Гевара».

III

В Мексике, как и повсюду, новости о разгроме повстанцев в

Алегриа-де-Пио попали на первые полосы газет. Корреспондент американской «Юнайтед пресс интернешнл» в Гаване поверил заявлениям правительства Батисты о полной победе и отправил сообщение об этом как о сенсационной новости. Его повторили многие газеты. Эрнесто Гевара, так же как Фидель и Рауль Кастро, числился среди погибших.

Ильда узнала об этом на работе. «Я пришла в контору и заметила, что у всех очень серьезные лица. Царило неловкое молчание. Что такое, подумала я. А затем я поняла, что все смотрят на меня. Один коллега дал мне газету и сказал: "Мы очень сожалеем"».

Ильде разрешили уйти домой. В следующие дни вокруг нее постоянно находились друзья: Мирна Торрес, Лаура де Альбису Кампос и генерал Байо. Пытаясь ее утешить, Байо говорил, что эта информация еще не подтверждена, и уговаривал не верить ей. Ильда с трепетом ждала новых сообщений, но в прессе не появлялось почти ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть изначальные сведения.

Семья Гевара также была охвачена горем. Первым узнал новости Эрнесто-старший, он кинулся в отдел новостей «Ла-Пренсы», чтобы узнать, есть ли подтверждение, но ему сказали, что придется подождать. Селия позвонила в Ассошиэйтед Пресс и получила такой же ответ.

Приближалось Рождество, дом семейства Гевара был погружен в уныние. Прошло уже много времени, а новостей все не было. И вот однажды им доставили письмо с мексиканской маркой. Это было то самое письмо, которое Эрнесто оставил Ильде, чтобы она отправила его после отплытия «Гранмы», письмо к матери, в котором он рассуждал о смерти и победе. «Для нашей семьи это было просто ужасно, — вспоминал отец Че. — Жена прочла письмо нам всем вслух, не позволяя себе плакать. Я сидел сжав зубы и не мог понять, зачем Эрнесто ввязался в революцию, не имевшую никакого отношения к его родине».

Несколько дней спустя Эрнесто-старшего вызвали в Министерство иностранных дел Аргентины, куда только что поступила телеграмма от посла в Гаване, его двоюродного брата. Он навел справки, и, по его данным, Эрнесто не было в списках погибших и раненых, а также в списках арестованных. Отец Че поспешил домой, чтобы сообщить эти чудесные новости. «В тот день все переменилось, — писал он. — Всех нас осветил луч надежды, и в моем доме снова стало шумно и радостно».

Отец Эрнесто позвонил Ильде и передал ей это обнадеживающее сообщение. Потом до Ильды дошли слухи, еще более усилившие надежду, что ее муж не погиб. «Я жила этой

надеждой», — вспоминала она годы спустя. Тем временем Ильда готовилась к давно запланированной поездке в Перу, к своей семье, на Рождество. Но уезжала она по-прежнему в подавленном состоянии. «В последние несколько дней в Мексике я была так расстроена и взволнована отсутствием новостей об Эрнесто, что не могла толком заняться нашим имуществом. Я раздала большую часть вещей, а другие просто оставила». 17 декабря она вместе с десятимесячной Ильдой уехала в Лиму.

В семье Гевара тоже ждали подтверждений того, что Эрнесто жив. Миновало Рождество. И вот около десяти часов вечера 31 декабря, когда все готовились к встрече Нового года, под дверь дома просунули пришедшее авиапочтой письмо. Оно было адресовано «мадре» Селии и отправлено из Мансанильо, что на Кубе.

Внутри, написанное на листке из блокнота и, несомненно, рукой Эрнесто, находилось следующее послание: «Ребята, со мной все отлично. Потратил две и еще пять осталось. Занимаюсь той же работой. Новости будут от случая к случаю, но старайтесь верить, что Бог — аргентинец. Крепко обнимаю вас всех, Тэтэ».

Эти неясные строки они поняли сразу. Подписавшись своим детским прозвищем, Эрнесто сообщал родным, что с ним все хорошо и, как кошка, он потратил только две из семи жизней. Семейство Гевара было на вершине счастья, они открыли шампанское и стали праздновать. А как только пробило полночь, под дверью оказалось еще одно письмо. Оно тоже было адресовано Селии. В конверте оказалась открытка с изображением красной розы, там говорилось: «С Новым годом! У Т. Т. все прекрасно».

IV

Растянувшись на сотню миль почти по всей юго-восточной оконечности Кубы, горная цепь Сьерра-Маэстра образует естественный барьер между морем и плодородными землями, простирающимися от противоположных ее склонов. Главной вершиной ее является пик Туркино, высочайшая гора Кубы, достигающая 1975 метров. В конце 1950-х гг. в сьерре оставалась одна из немногих зон девственной природы, где еще существовал нетронутый человеком тропический лес, слишком труднодоступный, чтобы его вырубать.

В сьерре было всего несколько маленьких городков и деревень, населенных примерно шестьюдесятью тысячами с трудом добывающих себе хлеб крестьян, называемых гуахиро:

бедных, неграмотных, чернокожих, белых и мулатов, чьи поношенные соломенные шляпы, грубые босые ноги и невнятный, отрывистый, словно лишенный гласных, диалект сделали их излюбленным предметом шуток кубинских горожан из среднего класса. Назвать кого-то «гуахиро» означало обозвать его тупым, придурковатым деревенщиной. Некоторые гуахиро были фермерами-арендаторами, но кое-кто нелегально захватывал участки (таких называли «прекариста»), строил там хижины с земляными полами, расчищал клочок земли и кое-как перебивался натуральным хозяйством. Чтобы заработать наличные, эти люди, как и другие кубинские крестьяне, работали сборщиками сахарного тростника во время «сафры», сезона сбора урожая, или пастухами на ранчо. Отдельные предприимчивые личности выращивали марихуану и продавали ее в города. Несколько лесозаготавливающих компаний имели концессии на вырубку леса в регионе, также имелись кофейные плантации, но в целом сьерра предоставляла мало возможностей заработать.

Скудость жизни гуахиро Сьерра-Маэстры резко контрастировала с образом жизни местных землевладельцев, да и большинства обитателей городов провинции Орьенте: Сантьяго, Мансанильо, Баямо, Ольгина. Лучшие земли в сьерре принадлежали частным землевладельцам, многие из которых даже не появлялись здесь, а жили в крупных городах. Поэтому руководили на них вооруженные управляющие — майорали, — которые должны были прогонять все новых прекариста. Эти вольные, нередко грубые люди имели в регионе большой вес и фактически играли роль второй полиции, дополняющей плохо обученную «гуардию рураль», размещавшуюся на заставах и в гарнизонах по всему региону. Будучи отдаленной и труднодоступной территорией, Сьерра-Маэстра также традиционно служила убежищем для скрывающихся от закона преступников, поэтому кровная вражда и акты мести были в горах обычным делом. Пользуясь бедностью гуахиро и их страхом перед властями, «гуардия» привлекала себе на помощь «чивато», или информаторов, чтобы быть в курсе событий и расследовать преступления.

Между прекариста и майоралями, что неудивительно, часто бывали столкновения. «Майорали могли сжечь дом прекариста, а те могли ответить убийством, — писал историк Хью Томас. — У каждой стороны имелись свои лидеры и приближенные к ним». Одним из таких лидеров был Кресенсио Перес, который работал водителем грузовика у сахарного магната Хулио Лобо, но также был главой прекариста, по слухам, убившим не одного человека и наплодившим восемьдесят детей по всей сьерре. Как следствие, у

Переса была огромная семья, многочисленные знакомства и немало людей, готовых пойти за ним по первому зову. Именно к нему обратилась Селия Санчес, чтобы создать в сьерре организацию в поддержку повстанческого движения. Не питая к властям никакой любви, Перес отдал себя, своих родных и близких, включая Гильермо Гарсиа — своего племянника, — а также нескольких своих работников в распоряжение Фиделя.

Если у Кастро и возникли какие-то сомнения по поводу сотрудничества с таким человеком, он их не показывал. На следующий день после Рождества 1956 г. он затеял реорганизацию своего «генерального штаба» и сделал Кресенсио Переса, а также одного из его сыновей его членами. Туда вошли также его телохранитель Универсо Санчес и Че. Во главе же Фидель поставил самого себя, взяв звание «команданте». Его брат Рауль и Хуан Альмейда, показавшие свою храбрость, когда выводили людей из Алегриа-де-Пио, были назначены командующими взводами — по пять человек под началом у каждого. Передовыми разведчиками стали Рамиро Вальдес, ветеран взятия казарм Монкада и один из самых первых последователей Фиделя, недавно «воскресший» Калисто Моралес, а также Армандо Родригес.

Учитывая недавний разгром и размер нынешних сил Фиделя — не говоря уже о сомнительных шансах на успех, — эта торжественная раздача офицерских постов семи бойцам из пятнадцати может показаться почти комичной, но она также говорит о врожденной стойкости Фиделя и почти безграничной вере в себя. Такого человека не просто было лишить отваги. Потеряв более двух третей своих людей и практически все оружие и снаряжение, он дошел до сьерры, восстановил связи с подпольными ячейками «Движения 26 июля» в городах, а теперь еще и привлек на свою сторону Кресенсио Переса, чтобы ближе познакомиться с новой территорией и заново создать свою армию. В ответ Кастро предоставил своему союзнику-гуахиро особый статус. Он поставил нового офицера-гуахиро во главе всех крестьян-новобранцев, а заместителем сделал его племянника Гильермо Гарсиа.

Да, уже сейчас Фидель вел себя как главнокомандующий Кубы. Его автократичность, которой он станет впоследствии знаменит, просматривалась уже тогда: в том, как он отсылал приказы, требуя оружия и снаряжения от городского подполья, и без того находившегося в трудном положении, и одновременно занимался установлением своей власти в сьерре.

Как бы ни воспевали в послереволюционной Кубе «благородное крестьянство» Сьерра-Маэстры, совершенно

очевидно, что в тот период Фидель и его люди были на чужой для них земле. Они не знали и не понимали души и мыслей местных жителей, полагаясь на то, что переговоры за них будут вести Кресенсио и его люди — а это часто приводило к ужасным последствиям. Поначалу, общаясь с местными крестьянами, Фидель выдавал себя за офицера, осторожно разузнавая, кому эти люди на самом деле симпатизируют.

В следующие несколько дней Че, опасавшийся, как бы, если они слишком долго будут оставаться на одном месте, их не обнаружили военные, стал злиться на Фиделя, решившего задержаться. Пока они ожидали добровольцев, отправленных к ним Селией Санчес, он записал в дневнике: «Мне это не кажется разумным, но Фидель настаивает».

Обещанные добровольцы не появились, но в лагерь пришли полдюжины новобранцев-гуахиро. После почти полного уничтожения и всего через месяц после прибытия на Кубу повстанческая армия начала расти. Что самое главное, добровольцами становились местные жители, и это воистину можно было считать первой победой.

Конце концов 30 декабря Фидель решил, что нет смысла больше ждать и надо направиться глубже в горы, в новое убежище.

V

Новый год принес дожди и сообщения о том, какие планы вынашивает противник. В горы направляются четыре сотни солдат, а все местные гарнизоны усилены. Ведомые одним из здешних гуахиро, повстанцы продолжили свой изматывающий путь. Вечер 2 января стал для них тяжелым испытанием, о котором Че написал так: «Медленный изнурительный переход по слякотным тропам, многие страдают от диареи». На следующий день в дневнике появилась запись, исполненная мстительного удовлетворения: «Сегодня пришли хорошие новости о том, что Нене Херес тяжело ранен и умирает. Нене Херес — один из тех, кто привел солдат к тому месту в Алегриа, где на нас напали». 5 января они увидели перед собой трехсотметровый пик Каракас, первый в череде покрытых джунглями гор, венчающих центральный хребет Сьерра-Маэстры. Довольный, Че записал: «Перспективы хорошие, потому что отсюда и до Ла-Платы местность лесистая и склоны крутые, идеально для обороны».

Двумя днями позже, когда повстанцы расположились лагерем в долине Мулато у склона горы Каракас, к ним добавилось девять

добровольцев, прибывших из Мансанильо, но они не стали слепо идти вперед, а решили дождаться новых сведений о передвижении армии. От курьеров-гуахиро поступали противоречивые данные: один сообщил, что поблизости солдат нет, другой передал тревожную новость о том, что один чивато сообщил об их присутствии в ближайший береговой гарнизон.

9 января повстанцы решили снова двинуться в путь и на следующий день, сделав привал в удобном для обороны месте, обнаружили, что сведения о чиватасо были верны: по дороге, ведущей от гарнизона в Масиасе, шли восемнадцать морских пехотинцев, очевидно не ожидавших какой-либо опасности. Но повстанцы не стали на них нападать. Они ждали прихода Гильермо Гарсиа — возвращавшегося после последней, бесплодной, попытки найти кого-нибудь из выживших с «Гранмы» — и доставки запасов провианта; Фидель хотел, чтобы они были хорошо подготовлены, прежде чем вступать в бой. Че, однако, не преминул пожалеть об упущенной возможности, о чем записал в дневнике: «Это была бы легкая мишень».

Но час сражения приближался. Чтобы опровергнуть заявления правительства об их разгроме и показать стране, как они способны бороться, — а также чтобы поднять собственный моральный дух, — повстанцам нужно было доказать, что они представляют собой силу, с которой нужно считаться. А это означало пойти в бой желательно атаковав отдаленный и плохо обороняемый гарнизон, где их нападение стало бы неожиданностью.

Че с беспокойством думал о том, на кого из бойцов можно будет положиться в случае боя. «Помимо временно выбывшего из строя Рамиро, есть один-два выбывших и среди людей из Мансанильо». Одному уже разрешено было уйти, так как он сообщил, что у него туберкулез. («Подозрительно», — отметил в дневнике Че.) А еще двое, похоже, пребывали в нерешительности. Также его тревожила опасность, исходившая от чивато, и в дневнике он дал обещание разобраться с этой угрозой: «Нужно преподать хороший урок». Гевара еще не знал о том, что предатель уже проник в их ряды и что скоро у него появится возможность это обещание исполнить.

На следующий день, как и предвидел Че, пятеро человек из Мансанильо решили покинуть лагерь. Но Фидель решил поторопиться: об их присутствии в регионе стало уже слишком хорошо известно, чтобы оставаться на месте. Первой задачей было убить трех управляющих плантациями, которые, как записал Че, «терроризировали крестьян». Нанести удар по этим мелким тиранам означало завоевать популярность среди местных

жителей.

Оставив небоеспособного Рамиро в доме сочувствующего им крестьянина, они выступили в направлении Ла-Платы. Появился Гильермо Гарсиа, и с ним новые добровольцы-крестьяне — повстанческая «армия» выросла теперь до тридцати двух человек, — но им по-прежнему не хватало оружия, на всех приходилось лишь двадцать три единицы плюс несколько шашек динамита и ручных гранат. Они шли в вечерних сумерках, путь им показывал один из местных жителей; также их сопровождал Эутимио Герра, один из местных лидеров прекариста, вместе с соседом добровольно вызвавшийся быть их проводником.

15 января, ведя с собой заложника — подростка, на которого они наткнулись, когда он собирал мед, и которого решили взять с собой, чтобы парень не поднял тревогу, — повстанцы вышли к устью реки Ла-Плата, всего в километре от лагеря врага. С помощью оптических прицелов они смогли увидеть свою цель — недостроенные казармы в середине расчищенного участка земли между берегом реки и пляжем и полуодетых мужчин, занимающихся повседневной работой. Прямо за казармами находился дом одного из майоралей, которого они собирались казнить.

На рассвете люди Кастро выставили дозоры, чтобы наблюдать за казармами. Перейдя реку вброд они заняли позиции вдоль ведущей к казармам тропинки. Через несколько минут на тропинке появились двое мужчин и два мальчика, и повстанцы схватили их. В одном из них они заподозрили чивато. Чтобы получить информацию, пришлось «немного надавить на него», как мягко выразился Че в дневнике. Мужчина сообщил им, что в казармах десять солдат и что Чичо Осорио, самый «преступный» из майоралей в их списке, как раз движется сейчас в этом направлении и его можно ожидать в любую минуту.

Через некоторое время Осорио действительно появился, верхом на муле и в сопровождении пешего чернокожего мальчика. Повстанцы окружили Осорио, забрали револьвер и нож, найденный у мальчика, а затем отвели их туда, где ждал Фидель.

То, что произошло дальше, стало частью кубинских легенд о революции. В опубликованном рассказе Че об этих событиях говорится: «Фидель представился им полковником "гуардия рураль", расследующим какие-то нарушения. Осорио, бывший навеселе, рассказал ему обо всех врагах в этой местности, которым, по его словам, "нужно отрезать яйца". Так мы получили подтверждения, кто был нам другом, а кто нет».

Будь эта история не так серьезна, о ней можно было бы

вспоминать с юмором. Каждым произнесенным словом ничего не подозревающий Осорио все глубже рыл себе могилу. «Полковник» Фидель поинтересовался, что он знает об Эутимио Герре, их проводнике, и Осорио ответил: известно, что тот спрятал Фиделя Кастро. Он даже сказал, что ищет Герру и, если найдет, убьет. На это Кастро заявил подвыпившему майоралю, что, если Фиделя найдут, его тоже надо убить. Осорио с энтузиазмом согласился и добавил, что Кресенсио Перес также должен умереть. Разошедшись, Осорио стал похваляться, скольких заговорщиков убил он и со сколькими разделался, а в доказательство своей удали предъявил вещественное доказательство: «"Смотрите, — сказал он, указывая на свои сапоги, сделанные в Мексике (на нас были такие же). — Я снял их с одного из тех сукиных детей, которых мы убили". Так, сам того не зная, Чичо Осорио подписал себе смертный приговор».

Затем, то ли спьяну, то ли по наивности веря, что Фидель действительно офицер «гуардии» и желая завоевать его расположение, Осорио предложил проводить гостей к казармам, чтобы показать слабые места в их укреплениях, и даже позволил себя связать, чтобы сыграть роль пленника в спектакле «инспектора». Пока они шли к казармам, Осорио рассказал, где стоит караул и где спит стража. Одного из повстанцев отправили вперед для проверки слов Осорио, и он, вернувшись, подтвердил, что все точно. Теперь повстанцы были готовы к атаке и оставили Осорио под охраной двух человек. «Им был дан приказ убить его сразу, как начнется стрельба, — сухо записал Че, — и они точно его выполнили».

Было 2.40 ночи. Повстанцы разделились на три группы. Их целью были три казармы с оцинкованными крышами и деревенский дом рядом с ними, принадлежавший второму майоралю в их списке. Когда до казарм оставалось около сорока метров, Фидель сделал два выстрела из пулемета, а потом все открыли огонь. Они кричали солдатам «сдавайтесь», но те ответили огнем. Че и его товарищ по «Гранме», Луис Креспо, бросили гранаты, но те не взорвались. Рауль бросил горящую динамитную шашку, но снова ничего не вышло. Фидель приказал им поджечь дом майораля. Первые попытки были неудачны, так как их отгоняли выстрелами, но третья, в исполнении Че и Креспо, оказалась успешной, если не считать того, что подожгли повстанцы не дом управляющего, а кладовую рядом с ним, полную кокосов.

Этого хватило. Солдаты в казармах, очевидно испугавшись, что их сожгут заживо, стали убегать. Один бежал прямо на Креспо, и тот выстрелил ему в грудь; Че стрелял по другому

солдату и, хотя было темно, ему показалось, он попал. Еще несколько минут пули жужжали с обеих сторон, а потом пальба утихла. Солдаты в казармах сдались, а осмотр дома управляющего показал, что там полно раненых. Бой закончился, и Че подвел итог в своем дневнике: «Результатом боя стали 8 «спрингфилдов», один пулемет и около тысячи патронов. Мы потратили примерно 500 [патронов]. Также есть патронташи, шлемы, консервы, ножи, одежда и даже ром».

Два солдата были убиты на месте, а пять ранены — трое, как выяснилось, смертельно. Еще трое были взяты в плен. Среди нападавших никто не пострадал. Перед уходом они подожгли здания. Че лично запалил дом «проклятого» управляющего, который, вместе с командиром поста, сержантом, сумел скрыться.

Вернувшись в горы, повстанцы освободили пленников и своих заложников из числа гражданского населения. Не обращая внимания на возражения Че, Фидель отдал все их медикаменты освобожденным солдатам, чтобы помочь раненым. «Ложкой дегтя» стало то, что их первый заложник, мальчик-подросток, убежал во время боя вместе с разведчиком. Что самое худшее, беглецы прихватили с собой оружие: дробовик и отобранный у Осорио револьвер.

Повстанцы пошли дальше, ища место, откуда можно было бы напасть на солдат, которые, как они знали, будут их преследовать. Все были взвинчены и устали, и тут, во время небольшой остановки, Фидель приказал проверить боеприпасы. У каждого должно было быть по сорок патронов. Когда у Серхио Акуньи, одного из новоприбывших гуахиро, оказалось сто патронов, Фидель попросил его отдать излишек, но тот отказался. Фидель приказал арестовать его, но Акунья взвел курок винтовки. Инцидент был исчерпан, когда Рауль и Кресенсио убедили Акунью отдать оружие и боеприпасы, обещая, что о нарушении дисциплины забудут, если он «официально попросит» остаться в их рядах. Че не понравилось это решение, но он отметил в дневнике, что «Фидель согласился, создав очень плохой прецедент, который еще аукнется позже, потому как все видели, что Акунье сошло с рук неповиновение».

Небольшой мятеж окончился, повстанцы двинулись дальше и добрались до крестьянского дома, стоявшего на поляне, окруженной с трех сторон покрытыми лесом холмами. В этом месте были и вода, и путь для отступления, поэтому оно идеально подходило для подготовки засады. Когда они пришли, владелец дома, так же как и другие крестьяне готовившийся бежать из зоны боевых действий, оставил дом повстанцам. В следующие дни они готовили в лесу засаду, в месте, откуда хорошо были видны дом и

дорога, ведущая к поляне.

Однако бойцы нервничали, и как-то утром, когда Че с Фиделем проверяли позиции, один из них чуть не застрелил Гевару. Он увидел его издалека и сделал выстрел. Отчасти это была вина самого Че: тот надел фуражку капрала кубинской армии, взятую им в качестве трофея. Но еще более настораживающим было поведение других бойцов, которые, вместо того чтобы при звуке выстрела занять оборонительные позиции, немедленно побежали в кусты. В опубликованном позже рассказе Че об этих событиях он говорит, что в него стреляли, но не упоминает о том, что бойцы бежали. Вместо этого Гевара живописует, как чувствуют себя люди на войне. «Этот случай показывает, в каком напряженном состоянии мы находились, как ждали облегчения, которое принесет сражение. В таких ситуациях даже люди со стальными нервами чувствуют дрожь в коленях и каждый страстно желает наступления долгожданного мига битвы».

Еще несколько дней все было спокойно. Фидель заказал провизию у крестьян, что еще остались в той местности, и заплатил фермеру, который пришел к ним в поисках потерявшейся свиньи: как оказалось, Фидель застрелил ее, чтобы пустить на мясо, в самый первый день. До них стали доходить слухи, что за нападение на Ла-Плату военные предпринимают карательные меры против местных крестьян. Их новый проводник Эутимио Герра отправился домой, взяв для Фиделя несколько писем и получив приказ узнать о передвижениях армии. Повстанцы с волнением слушали радио, но никаких новостей о действиях военных не передавали.

22 января перед рассветом далекие выстрелы известили их о приближении армии. Повстанцы приготовились к бою, но солдат все не было. Затем, в полдень, на поляне появилась одинокая фигура. Первым заметил ее Калисто Гарсиа, находившийся рядом с Че. Они посмотрели через оптические прицелы и увидели, что это солдат. Пока повстанцы его рассматривали, показались еще восемь фигур, все они собрались вокруг хижин на поляне. А потом началась стрельба. Как зафиксировал Че в дневнике, «Фидель открыл огонь и солдат сразу упал с криком "ой, мама"; следом за ним упали еще двое. Внезапно я понял, что во втором доме, всего в двадцати метрах от меня, прячется солдат; я видел только его стопы, поэтому выстрелил в том направлении. После второго выстрела он упал. Луис принес мне гранату от Фиделя, которому сказали, что в доме есть еще солдаты. Луис прикрывал меня, а я вошел в дом, но, к счастью, там никого больше не было».

Че забрал винтовку и патронташ солдата, в которого стрелял,

а потом осмотрел тело. «Пуля прошла у него под сердцем и вышла с правой стороны, он был мертв». Это был первый человек, которого убил Че.

VI

В то самое время, когда Че показывал себя в сражениях, Ильда с ребенком гостила в семье мужа в Аргентине. В Новый год Эрнесто-старший позвонил ей, сообщил новости о письмах от «Тэтэ» и прислал билет до Буэнос-Айреса. Так Ильда получила первое настоящее подтверждение того, что в Алегриа-де-Пио Эрнесто выжил, и она была на вершине счастья. 6 января, проведя три недели со своей семьей в Лиме, она с младенцем полетела в Буэнос-Айрес, чтобы впервые встретиться с родней своего мужа.

Семейство Гевара пришло в восторг от малышки и тепло приняло Ильду, но затем ее стали засыпать вопросами. Почему их Эрнесто пошел на риск ради чужой страны? Кто, собственно, такой Фидель Кастро? Ильде вскоре стало ясно, что Эрнесто, или Эрнестито, как по-прежнему звали его тетушки, был любимцем семьи. Ильда как могла постаралась объяснить, каким образом Эрнесто пришел к политике, но лишь повторяла то, что он писал родным в письмах и что им явно было трудно принять.

Более всех нуждалась в утешении Селия. «Я рассказала донье Селии, своей свекрови, о том, какую глубокую нежность питает к ней Эрнесто. Я отнюдь не преувеличивала из желания ее поддержать: я знала, как много она для него значит. Селия страдала каждую минуту…»

Ильда с ребенком провели у Гевар месяц. Был самый разгар знойного лета, поэтому они все вместе поехали в родовую эстансию в Иринео-Портела. Затем от родственников Гевара в Соединенных Штатах пришло письмо, из которого они впервые узнали, что Че в Алегриа-де-Пио был ранен. Переполненный эмоциями, Эрнесто-старший «провозгласил, что, если Эрнесто захватят на Кубе, он отправится туда на корабле и спасет его!» Как это было для него типично!

Вернувшись в Лиму, Ильда обнаружила, что ее ждет письмо от Эрнесто. Оно датировалось 28 января 1957 года. «Дорогая старушка! Отсюда, из кубинских джунглей, живой и жаждущий крови, пишу я тебе эти взволнованные, вдохновленные Марти строки. Как настоящий солдат (по крайней мере, я грязен и оборван), я пишу на оловянной тарелке, рядом лежит ружье, и — нечто новое — во рту у меня сигара».

В том же хвастливом и дружеском тоне он вкратце описывает

все, что произошло после «знаменитой теперь» высадки с «Гранмы», делая акцент на опасностях, с которыми они встретились, и трудностях, которые пережили: «Несчастья наши продолжались… Нас застали врасплох… Меня ранили в шею, и я по-прежнему жив только благодаря тому, что жизней у меня как у кошки… Несколько дней я шел по горам в уверенности, что серьезно ранен… Мы заново создали отряд, перевооружились и напали на армейские казармы, убив пятерых солдат… За нами послали войска. Мы отбились, на этот раз это стоило им трех убитых и двух раненых…

Добавь ко всему этому тот факт, что у нас нет потерь, а горы наши, и ты поймешь, как деморализован враг. Мы выскользнули у них из рук, как мыло, в тот самый миг, когда враги думали, что поймали нас. Конечно, борьба еще не выиграна, предстоят еще сражения. Но пока что все идет как надо, и дальше будет только лучше».

Подписав письмо «Чанчо», он послал жене «gran abrazo»,[13] просил поцеловать от него дочку и сказал, что в суете отъезда забыл захватить их снимки, которые сделал в Мехико. Не может ли Ильда их прислать? Эрнесто дал адрес в Мексике, откуда письма потом будут доставлены ему.

Вряд ли Ильде было радостно читать это письмо, которое она приводит в своих мемуарах без пояснений. Она, любящая жена и мать, просто не находила себе места от волнения за Эрнесто, а он явно давал понять, что переживает потрясающее приключение, наслаждается жизнью немытого, курящего сигары и «кровожадного» партизана. Но мужа, похоже, ее переживания нисколько не заботили.

VII

В следующие три недели повстанцы бродили по Сьерра-Маэстре, набирая новых добровольцев и то и дело сталкиваясь со случаями предательства и дезертирства.

30 января место, которое они выбрали для лагеря, на склонах горы Каракас, было подвергнуто воздушной бомбардировке; повстанцы в панике бежали оттуда через лес, однако никто из них не пострадал. Тем временем преследовавшие их военные, возглавляемые известным своей жестокостью майором Хоакином Касильясом — по слухам, у него имелась коллекция ушей отрезанных у жертв, — отправили за ними шпионов, одетых в гражданское. Солдаты Касильяса оставляли за собой сожженные дома и убитых крестьян, обвиненных в пособничестве

повстанцам.

Че все больше превращался в отчаянного и дерзкого бойца-герилью. Явно желая показать себя и реабилитироваться за ошибку с потерей винтовки в Алегриа-де-Пио, он постоянно вызывался выполнять самые опасные задания. Во время воздушной бомбардировки горы Каракас, когда все — включая Фиделя — бежали, Эрнесто задержался, чтобы помочь отставшим и забрать брошенные вещи, в том числе оружие и фуражку Фиделя.

В нем обнаруживались и другие черты: Гевара стал все чаще демонстрировать подозрительность и суровость по отношению к новобранцам, особенно к тем, кто пришел из города. Он подвергал сомнению их отвагу, силу духа и преданность борьбе. Не менее подозрителен был Че и к крестьянам, которые им встречались, в дневнике он часто называл их «мошенниками, говорунами» и «нервными типами». Также в нем все больше проявлялась глубокая ненависть к трусам — особенность, которой он вскоре станет знаменит. Особенно Геваре не нравился один из членов их отряда, «Гальего» Хосе Моран, ветеран «Гранмы», которого он подозревал в трусости и считал потенциальным дезертиром.

Теперь Че очень хорошо знал, какую опасность представляют шпионы и чивато, и искал возможности покарать предателя или вражеского лазутчика в назидание другим. Когда повстанцы задержали трех военных-шпионов и они признались, кем являются на самом деле, Че был среди тех, кто выступал за их казнь. Однако Фидель решил проявить милость и отправил задержанных обратно в казармы с предупреждением и личным письмом к командиру. Че хотел, чтобы партизаны стали единой и прочной боевой силой и был обеспокоен терпимостью Фиделя к симулянтам и нарушителям дисциплины. Поэтому он был очень доволен, когда в конце января Фидель ввел-таки закон о наказаниях. С этого времени, объявил он бойцам, смерть полагается за три вида преступлений: «дезертирство, неподчинение и пораженчество». Когда один из дезертиров, Серхио Акунья, погиб страшной смертью от рук поймавших его военных — его пытали, нанесли четыре огнестрельных ранения и потом повесили, — Че охарактеризовал это происшествие как «печальное, но поучительное».

К концу января стало заметно, что небольшой отряд Кастро имеет некоторый вес на Кубе. От Фаустино Переса, человека Фиделя в Гаване, пришло сообщение, что он собрал для повстанцев тридцать тысяч долларов, что городские ячейки «Движения 26 июля» проводят диверсии в городах и что среди

солдат растет обеспокоенность нападениями повстанцев. Ходили слухи, что Батиста собирается уволить начальника штаба армии, но тем временем глава страны и его генералы продолжали утверждать, будто повстанцы практически уничтожены, поспешно отступают и не представляют угрозы для армии. Эта пропаганда очень раздражала Фиделя, и он приказал Фаустино Пересу устроить ему интервью с надежным журналистом, который мог бы приехать в сьерру, чтобы подтвердить его существование и подробно рассказать о нем миру. Также он хотел провести встречу с Национальным директоратом и отправил сообщение Франку Паису и Селии Санчес, с тем чтобы они организовали совещание.

В начале февраля повстанцы провели несколько дней на привале, под проливным дождем и ежедневными бесцельными бомбардировками. В период относительного затишья Че даже начал давать Раулю уроки французского. Но они прервались, так как отряд снова выступил в поход и у Че началась диарея и случился тяжелый, но кратковременный приступ малярии. На холме Лос-Альтос-де-Эспиноса военные устроили на них засаду, в результате которой погиб Хулио Сенон Акоста — неграмотный чернокожий гуахиро, которого Че незадолго до этого стал обучать алфавиту. Со времени высадки с «Гранмы» это была первая смерть в бою. Впоследствии Че воспоет Сенона Акосту, которого он называл «своим первым учеником», как одного из «благородных крестьян», ставших сердцем и душой революции.

С течением времени Че и Фидель стали подозревать, что их проводник Эутимио Герра — который то появлялся, то исчезал и чье отсутствие всегда совпадало с нападениями военных — затесавшейся в их ряды предатель. После засады на Лос-Альтос-де-Эспиноса они узнали от осведомленных крестьян, что подозрения их верны: во время одной из отлучек Герру захватили военные пообещали награду за предательство; воздушные бомбардировки и засада были осуществлены по его наводке. Но, даже зная о предательстве, повстанцы ничего не могли поделать, потому что Герра исчез — а сразу вслед за ним испарился и «Гальего» Моран.

В середине февраля часть бойцов чувствовали себя плохо и были деморализованы, поэтому Фидель решил дать им «отпуск на восстановление сил» на ферме гуахиро, оставив на попечение Кресенсио Переса. В то же время курьеры доставили сообщение, что члены Национального директората «Движения 26 июля» уже в пути и что Герберт Меттьюз, известный журналист из «Нью-Йорк таймс», приедет взять интервью у Фиделя. Встретиться они должны были 17 февраля в крестьянском доме.

Не зная, где находится Эутимио Герра, и опасаясь еще одной засады, уменьшившийся отряд Фиделя осторожно двигался по горам к месту встречи. Встрече этой предстояло стать судьбоносной: в следующие три дня произойдут события, которые изменят ход войны, и одно из них выявит новую сторону личности Эрнесто Че Гевары.

Глава 15
Дожди и бомбы

I

Итак, Эрнесто Гевара оказался на войне, куда его привело желание творить революцию. Он пересек невидимую границу и вступил в ту область, где жизнь может быть отнята во имя идеала и где цель оправдывает средства.

Для Эрнесто люди больше не были просто людьми: каждый человек оказывался помещен в общую схему мироустройства, сложившуюся в его уме, после того как он нашел свою духовную пристань в марксизме.

Убежденность Гевары в том, что его поступки продиктованы велением времени, давала ему право судить других, и в его восприятии все люди поделились на друзей и врагов. Любой, кто не попадал в одну из этих категорий, заслуживал недоверия: Гевара вел войну с целью захватить власть и готов был разить врагов до последнего, не боясь погибнуть во имя великого дела.

II

Вот уже второй день повстанцы шли к ранчо, где должно было состояться заседание Национального директората. Во время привала к ним неожиданно вновь заявился Гальего Моран, он объяснил свое исчезновение тем, что, отправившись на поиски пропитания, заметил Эутимио Герру, бежал от него и заблудился. Че записал в своем дневнике: «Трудно сказать наверняка, что на самом деле произошло с Гальего, но мне кажется, он просто струсил и решил дезертировать… Я сказал, что его лучше убить на месте, но Фидель спустил дело на тормозах».

По пути они разграбили лавку друга Эутимио Герры, оказавшуюся «настоящим консервным раем», и затем шли всю ночь, пока на рассвете 16 февраля не добрались до ранчо крестьянина Эпифанио Диаса, предоставившего им место для собрания.

Туда уже прибыли Франк Паис и Селия Санчес; затем к ним присоединились Фаустино Перес и Вильма Эспин, новая активистка движения из Сантьяго; чуть позже — Хайди Сантамария и ее жених Армандо Харт. Эти люди составляли ядро

«Движения 26 июля», именно их собрал Фидель летом 1955 г. после своего освобождения из тюрьмы на острове Пинос.

В свои двадцать три года Франк Паис был самым младшим из членов Национального директората, но уже успел стать важной фигурой на политической сцене в Орьенте и немало сделал для организации там подпольной работы. Тридцатисемилетняя Селия Санчес принимала активное участие в кампании по освобождению участников нападения на казармы Монкада и затем сотрудничала с Фиделем, когда тот основал «Движение 26 июля». Именно она привлекла к делу Кресенсио Переса и организовала отряд, который должен был встретить «Гранму». Доктор Фаустино Перес (также тридцати семи лет) был выпускником из Гаванского университета. В 1952 г. он возглавил студенческие волнения в связи с переворотом Батисты. Присоединившись к Фиделю, он приехал к нему в Мексику и затем оказался на борту «Гранмы». Студент-правовед Армандо Харт, двадцатисемилетний сын известного судьи, был активистом Молодежного движения Ортодоксальной партии. Он помогал Фаустино Пересу в организации студенческой оппозиции Батисте и затем участвовал в организации движения Фиделя. Его двадцатипятилетняя невеста Хайди Сантамария была среди напавших на казармы Монкада и провела в заключении семь месяцев; в ноябре 1956 г. она также участвовала в восстании, возглавляемом Франком Паисом. Новым лицом была здесь двадцатисемилетняя Вильма Эспин, активистка студенческой группы Франка Паиса, влившейся в «Движение 26 июля».

Она также принимала участие в ноябрьских волнениях 1956 г. Эти молодые люди, по большей части выходцы из городского среднего класса, взяли на себя обязанности по созданию единой системы подпольного движения в масштабах всей страны, включая вербовку новых членов, приобретение оружия и переправку добровольцев в сьерру, сбор денежных средств и провианта, ведение пропаганды, связь с внешним миром, акции неповиновения в городах и выработку политической платформы.

Для всех собравшихся это был исторический день. Здесь Фидель впервые встретился с Селией Санчес, которой вскоре предстояло стать его ближайшим доверенным лицом и любовницей. А Рауль познакомился с женщиной, которая затем станет его женой, — Вильмой Эспин.

Что касается Че, то он не сомневался в политической узколобости товарищей Фиделя, принадлежавших к среднему классу и учившихся в элитных учебных заведениях. И действительно, их позиции существенно отличались от его

взглядов. Не разделяя марксистской установки Гевары на радикальную трансформацию общества, большинство из них полагали, что сражаются ради свержения коррумпированного диктаторского режима и замены его, условно выражаясь, демократией западного типа. «В беседах один на один, — писал Че в дневнике, — я обнаружил у большинства из них, и особенно у Харта, явную неприязнь к коммунизму». Впрочем, на следующий день его мнение немного изменилось. «Из женщин Хайди, кажется, лучше всех ориентируется в политических вопросах; Вильма — самая интересная; Селия Санчес — очень активная, но политически ограниченная. Армандо Харт открыт новым идеям».[14]

Тем временем из бесед с Фиделем активисты движения поняли, что он хочет, чтобы абсолютный приоритет был отдан его повстанческой армии. На их собственные высказывания относительно стратегии дальнейших действий Кастро отвечал, что все усилия должны быть направлены на поддержку и усиление партизанских отрядов как на дело первоочередной важности. Он отклонил предложение Фаустино открыть «второй фронт» ближе к Гаване в горах Эскамбрай в провинции Вилья-Клара, равно как и не согласился с мнением Франка Паиса о том, что ему лучше будет выехать из сьерры и провести пропагандистскую кампанию за рубежом. В конце концов Фиделю удалось переубедить их всех, и они согласились начать организацию общенациональной подпольной сети «гражданского сопротивления»; Франк Паис пообещал в течение двух недель прислать Кастро из Сантьяго дополнительный контингент бойцов. Местом их встречи должно было стать ранчо Эпифанио Диаса, которому суждено было впредь служить секретной базой для переправки партизанов в сьерру.

Че не участвовал в заседаниях, однако был в курсе всего, что на них происходит, и, как свидетельствует его дневник, признаки будущей трещины в отношениях между «сьеррой» (вооруженными повстанцами) и «льяно» (их соратниками в городах) были уже заметны. Да, вначале Фидель смог настоять на приоритете партизанского движения. Но в последующие месяцы, по мере расширения военных действий, эта трещина становилась все более явной на фоне идеологических споров между левыми и правыми и борьбы за власть между лидерами «льяно» и Фиделем, споривших за первенство в повстанческом движении. В конечном счете Фидель, при неоценимой поддержке Че, сумел выйти триумфатором из этого спора.

Рано утром 17 февраля в лагерь партизан прибыл ведущий корреспондент «Нью-Йорк таймс» Герберт Меттьюз, успевший

поучаствовать в гражданской войне в Испании, африканской кампании Муссолини и Второй мировой войне. Интервью длилось три часа, и его содержание Фидель вкратце пересказал Че, который в своем дневнике отметил наиболее существенные моменты. Так, Фидель посетовал на то, что США оказывают военную помощь Батисте, а в ответ на вопрос Меттьюза, является ли он антиимпериалистом, Кастро осторожно ответил, что если под этим имеется в виду его желание освободить свою страну от экономических цепей, то да, он таковым является. Это не означает, поспешил добавить Фидель, что он испытывает ненависть к Соединенным Штатам или американскому народу. Как Фидель сказал Че, «гринго был доброжелателен и коварных вопросов не задавал».

«Гринго быстро уехал, — писал Че в дневнике. — Когда я был в дозоре, мне сообщили, что следует удвоить бдительность, поскольку Эутимио замечен в доме Эпифанио». Хуан Альмейда возглавил патруль, направившийся схватить предателя, не подозревавшего о том, что о его измене стало известно. Вскоре чивато предстал перед Фиделем. Тот показал Эутимио попавшую в руки повстанцев охранную грамоту, выданную ему военными и свидетельствовавшую о его связи с врагом.

«Эутимио опустился на колени и стал просить, чтобы его просто расстреляли, и дело с концом, — писал Че. — Фидель попытался обхитрить предателя, заверив, что может даровать ему жизнь, однако Эутимио помнил сцену с Чичо Осорио и не дал себя обмануть. Тогда Фидель заявил, что ему предстоит казнь, а Сиро Фриас прочитал ему прочувствованную проповедь… Эутимио ждал смерти в молчании и даже с некоторым достоинством. Начался чудовищный ливень, и тьма заволокла все вокруг».

Подлинная картина того, что произошло затем, на целых сорок лет превратилась в тщательно оберегаемую государственную тайну Кубы. Ни один из прямых свидетелей казни Эутимио Герры — первого предателя, расстрелянного кубинскими повстанцами, — не назвал публично имя человека, который совершил смертельный выстрел. Причина понятна. Однако ответ содержится в личном дневнике Че.

«Ситуация была неприятной для всех, так что я решил проблему, выстрелив предателю в голову сзади из пистолета 32-го калибра, пуля вышла через правый висок. Некоторое время Эутимио тяжело дышал, а потом умер. Когда я освобождал его от личных вещей, у меня не получалось снять часы, прикрепленные к поясу цепочкой, и тогда он сказал мне твердым голосом, напрочь лишенным страха: "Оторви ее, парень, чего уж теперь…"

Я так и сделал, и теперь его имущество перешло ко мне. Мы плохо спали, было сыро, у меня опять разыгралась астма».

Рассказ Че столь же страшен, сколь и важен для понимания его личности. Сухая точность при описании казни свидетельствует о его удивительной отстраненности от совершенного им акта убийства. Для Че решение выстрелить в Эутимио было продиктовано желанием, как он выразился, покончить с «неприятной ситуацией». Что же касается его упоминания о посмертных «последних словах» Эутимио, то они просто необъяснимы и добавляют сюрреализма всей этой жуткой сцене.

Запись в дневнике резко контрастирует с тем, что было опубликовано Че впоследствии. В статье, названной «Смерть предателя», он превращает картину казни в мрачную революционную притчу об искуплении через жертвоприношение. Описывая эпизод, когда Эутимио упал на колени перед Фиделем, Гевара пишет: «В этот момент он показался мне сильно постаревшим; на его висках стала отчетливо видна седина, которой мы не замечали раньше».

По поводу «проповеди» Сиро Че пишет: «Это была долгая и трогающая сердце речь, которой Эутимио внимал молча, со склоненной головой. Мы спросили его, есть ли у него какие-нибудь желания, и он ответил, что да — он хочет, чтобы Революция, или, вернее, мы, позаботились о его детях». Революция выполнила свое обещание Эутимио, пишет далее Че, но имя его «уже забыто — и, возможно, даже его собственными детьми», которые носят другую фамилию, ходят в кубинские государственные школы, где с ними обращаются так же, как со всеми остальными, и готовят себя к лучшей жизни.

«Впрочем, однажды, — добавляет Гевара, — им придется узнать, что их отец был казнен именем революции за предательство. Также они должны узнать, что их отец — крестьянин, который позволил себе поддаться искушению мамоной и собирался совершить тяжкое преступление, движимый желанием славы и богатства, — тем не менее признал свою ошибку и ни единым словом не обмолвился о прощении, которого, как он прекрасно понимал, он не заслужил. Наконец, им следует узнать, что в последние мгновения жизни Эутимио вспомнил о своих детях и попросил, чтобы с ними обошлись достойно».

Че завершает свою притчу пассажем, полным почти религиозного символизма: «Сразу затем началась страшная гроза и небо потемнело; под шум ливня, когда небо, испещренное молниями, объятое страшным грохотом, разразилось очередной

молнией, за которой последовал очередной громовой раскат, жизни Эутимио Герры был положен конец, и даже те товарищи, что стояли рядом с ним, не слышали звука выстрела».

Как утверждают мои кубинские источники, которые предпочли остаться неизвестными, Че взял на себя убийство Эутимио, только когда стало понятно, что никто другой не хочет проявить инициативу. По всей вероятности, это относится и к Фиделю, который, распорядившись казнить Эутимио, не назначил исполнителя и просто ушел, чтобы спрятаться от дождя.

Один из гуахиро хотел водрузить деревянный крест на могиле Эутимио, но Че не дал своего разрешения на том основании, что это могло бы скомпрометировать семью, на чьей земле они находились. Поэтому крест был вырезан на дереве рядом с могилой.

Если Че и был сколько-нибудь взволнован убийством Эутимио, то уже на следующий день от переживаний не осталось и следа. Вот как он описывает в дневнике прибытие в лагерь хорошенькой активистки «Движения 26 июля»: «Большая поклонница Движения, но, мне кажется больше всего ей хочется трахаться».

III

18 февраля съезд деятелей «Движения 26 июля» был окончен. Фидель все утро провел за написанием манифеста, предназначенного товарищам в городах и призывавшего их рассеяться по всему острову. Это «Воззвание к кубинскому народу» содержало воинственные лозунги, столь близкие сердцу Че, и он восхваляет их в своем дневнике как «истинно революционные».

В манифесте провозглашалось, что повстанцы не только не уничтожены, но и «смело противостоят» новейшему вооружению и многократно превосходящим их силам врага, а ряды их «постоянно пополняются крестьянами из Сьерра-Маэстры».

Фидель завершил манифест «директивами стране», состоявшими из шести пунктов, в которых он призывал к тотальному саботажу во всех основных отраслях экономики. Кроме того, Кастро призвал народ к организованному «гражданскому сопротивлению» по всей Кубе, к сбору средств для «покрытия возрастающих нужд Движения» и к «всеобщей революционной забастовке», которая должна предельно обострить борьбу с Батистой.

Доказывая необходимость поджогов плантаций сахарного

тростника, Фидель писал: «У тех, кто призывает рабочих подумать о своем благополучии, пытаясь отвратить их от этих мер, я хочу спросить: "Почему вы не думаете о рабочих, когда <…> платите им нищенские зарплаты, когда обманываете их с пенсиями, когда вместо жалованья даете им облигации и морите голодом в течение восьми месяцев?"[15] За кого мы проливаем нашу кровь, если не за бедняков? Что стоит немного поголодать сейчас, если завтра в наших руках могут оказаться хлеб и свобода?»

Воззвание Фиделя, однако, содержало довольно серьезный обман. Он заявлял, что ряды его армии «постоянно пополняются» благодаря «поддержке крестьян», однако в тот момент эта поддержка была не совсем добровольной: Фидель, так сказать, «купил» ее, заручившись преданностью Кресенсио. Следует также напомнить, что весь отряд мятежников чуть было не оказался уничтожен вследствие предательства крестьянина Эутимио Герры, а многие другие крестьяне, смертельно боявшиеся военных, бежали из сьерры. Поэтому, при всех замечательных исключениях, те крестьяне, на которых повстанцы полагались, как правило преследовали какой-то личный интерес, в частности денежный. И конечно, тот факт, что при разговоре с незнакомыми крестьянами Фидель выдавал себя за военного, показывает, что он прекрасно знал, насколько ненадежна преданность селян.

Так, уходя в горы с фермы Диаса, Фидель остановил одного крестьянина и сказал ему, что он и его люди представляют «гуардию рураль» и что им нужна информация о «революционерах». Крестьянин, перепугавшись, стал говорить, что ничего о них не знает, но Кастро не стоило большого труда выбить из крестьянина обещание, что если в будущем он увидит что-либо подозрительное, то незамедлительно отправится в ближайший гарнизон и доложит об этом. В конечном счете Фидель сказал ему, что они революционеры и защищают бедных, но, поскольку он проявил готовность помогать «гуардии», его следует повесить. Че пишет: «Реакция крестьянина, его звали Педро Понсе, была поразительна, он весь вспотел и затрясся: "Нет, как это, пойдемте ко мне, я угощу вас курицей с рисом". Фидель разразился тирадой по поводу того, что крестьяне не оказывают нам должной поддержки, после чего мы приняли приглашение к столу».

Этот эпизод не попал в опубликованные очерки Че о войне — без сомнений, по той причине, что он свидетельствует, как далеко мог заходить Фидель в своей склонности хитрить и обманывать.

Но Кастро, похоже, знал, что делает. Хотя некоторые гуахиро были готовы оказать поддержку и без принуждения, для

большинства крестьян повстанцы были как кость в горле, поскольку они несли в Сьерра-Маэстру смерть и нестабильность, не предлагая ничего взамен. Преимущество по-прежнему было на стороне военных. Они контролировали города и окрестные дороги, и у них были все возможности, чтобы, кнутом и пряником, переманивать на свою сторону таких людей, как Эутимио Герра. Если Фидель хотел, чтобы крестьяне сьерры пошли за ним, ему нужно было обеспечить себе военное превосходство.

Когда в конце февраля повстанцы отошли в горы, они обнаружили, что жесткие превентивные меры со стороны военных, направленные против местного населения, возымели эффект. Все до одного гуахиро четко осознали, что любой, кто будет помогать повстанцам, понесет наказание. В частности, партизаны узнали, что их главный поставщик провианта убит солдатами майора Касильяса. Когда через несколько дней после этого они направились к дому родителей убитого, те заперлись изнутри и, наотрез отказавшись выходить, стали кричать им, чтобы они убирались прочь.

Гражданское население оказалось между молотом и наковальней: с одной стороны, неистовая жестокость военных, с другой — угроза возмездия тем, кто пособничает военным, со стороны повстанцев. Но от гражданской войны сложно было ожидать чего-то другого, и, совершив казнь Эутимио Герры, Че выдвинулся на первые роли во внедрении новой политики «быстрого революционного правосудия».

18 февраля, когда члены Директората готовились покинуть ферму Диаса, где-то неподалеку раздался пистолетный выстрел, заставивший всех присутствующих схватиться за оружие. Но тревога оказалась ложной: «Мы тотчас услышали возгласы "Все нормально, все нормально", и перед нами появился Гальего Моран, раненный в ногу пулей из пистолета 45-го калибра… Я оказал ему первую помощь, введя дозу пенициллина и наложив на ногу шину… Фидель и Рауль обвинили Морана в том, что он намеренно сделал это. Я не знаю, что думать».

Моран, вероятно, испытывал глубокий страх перед Че Геварой. Он знал, что «дезертирство, неповиновение и пораженчество» караются смертной казнью, а самого его в открытую подозревали в желании дезертировать. Казнив Эутимио Герру, Че показал, что лично готов приводить приговор в исполнение.

Позже, подводя итог жизни Гальего, перешедшего на сторону Батисты, Че писал: «Последующая судьба Морана, его предательство и смерть от рук революционеров в Гуантанамо,

судя по всему, подтверждают, что он выстрелил в себя намеренно». Это короткое заключение к рассказу Гевары о Моране сходно с другими его портретными зарисовками людей, принимавших участие в войне. Осознавая свою роль архитектора новой официальной истории Кубы, Че стремился каждого из них наделить какой-нибудь архетипической чертой из тех, что следует культивировать или искоренять на «новой» Кубе. Эутимио Герра, в его представлении, — крестьянин, чья душа оказалась гнилой, чье имя стало синонимом предательства и чьи ошибки никогда и никто не должен повторить. Хулио Сенон Акоста, напротив, изображен Геварой как мученик революции, образец для подражания. Гальего Моран был дезертиром и к тому же предателем. Его бесславный конец, как подчеркивает Че, был общей участью всех врагов революции. Внутренние враги ничуть не менее опасны, чем внешние.

Лишь некоторые из участников повстанческого движения были, в глазах Че, свободны от подозрений. С кальвинистским жаром преследовал он всех тех, кто сбивался с «правильного пути». Убежденный в своей правоте, Гевара, словно инквизитор, всматривался в окружающих его людей, стремясь выявить тех, кто может представлять угрозу революции.

IV

Повстанцы ушли в горы, но недалеко, так как ожидали назначенного на 5 марта прибытия добровольцев Франка Паиса. Тем временем у Че с новой силой разыгралась астма. Впоследствии он писал: «Лично для меня это были самые мучительные дни войны».

Но и в дальнейшем Че также периодически приходилось вести изнурительную борьбу со своей хронической болезнью, что вызывало восхищение его товарищей, видевших, какая ему требовалась сила воли, чтобы выдерживать затяжные переходы повстанческой армии. Впрочем, многим из них приходилось помогать Геваре и даже нести того на спине, когда он совсем не мог передвигаться. Так удивительно распорядилась судьба, что Че нашел себе вторую родину во влажной субтропической стране с самым высоким в Западном полушарии процентом больных астмой.

Сложно избавиться от ощущения, что желание Че устраниться от своего «я» и искать братского единения с людьми, которое он в конечном счете нашел на Кубе, было обусловлено его астмой, с детства обрекавшей Эрнесто на изоляцию. И, хотя он так и не

смог одолеть свою болезнь, ему по крайней мере не приходилось бороться с ней в одиночестве. В Сьерра-Маэстре у Гевары случались периоды полной беспомощности, когда он целиком зависел от товарищей. Впрочем, все они зависели друг от друга, поскольку могли выжить только вместе. Сегодня в помощи нуждается Че, завтра на его месте окажется кто-нибудь другой. Вполне возможно, что именно эта потребность во взаимопомощи, более чем все остальные факторы, и породила в нем глубокую привязанность к партизанскому образу жизни.

25 февраля — в «день дождей и бомб», как его назвал Че, — партизаны проснулись от звуков стрельбы, в том числе из минометов и пулеметов. Подозревая, что военные начали зачистку местности, они в сумерках снялись с лагеря, но положение их было плачевным: провизия практически закончилась, оставались только шоколад и сухое молоко. Более того, Че был разбит астмой, приближение приступа которой чувствовал накануне, и теперь он даже не мог спать. К этому добавилось еще и отравление свининой которой накормил повстанцев крестьянин, вызвавшийся им помогать. В результате Че два дня тошнило, и он ослаб еще больше. А после того как они под дождем совершили очередной марш-бросок, одышка у Гевары стала постоянной. Они оказались на территории, где ни один крестьянин не хотел иметь с ними дела, у них не было еды, а их последний проводник неожиданно исчез. Фидель приказал своим людям уходить в горы, но Че ослабел настолько, что уже не мог идти. Двух ампул адреналина хватило ему только на то, чтобы суметь встать на ноги.

Поднявшись на гору, повстанцы увидели колонну вражеских войск, угрожавшую перерезать им путь, и бросились на опережение. Че был на волоске от гибели: «Я не мог поддерживать нужную скорость и все время полз сзади…» К счастью, рядом был его преданный друг Луис Креспо, который попеременно нес то его самого, то его рюкзак, при этом подгоняя Че шутливыми угрозами ударить его прикладом ружья и называя его не иначе как «аргентинским ублюдком».

Им удалось уйти от погони, но, взбираясь наверх, Че промок до нитки от нового ливня, так что едва мог дышать, и на последнем этапе пути товарищи несли его на себе. Они нашли укрытие в местечке Пургаторио. Поскольку Че никак не мог продолжать путь без лекарств, Фидель заплатил одному крестьянину, чтобы тот спешно съездил в Мансанильо за лекарством от астмы и, оставив Гевару под охраной одного из гуахиро, вместе с остальными отправился дальше. Предполагалось, что, как только Че станет лучше, он вернется на

ферму Диаса, чтобы встретить новых добровольцев и привести их к Фиделю.

Гуахиро, которому было поручено остаться с Че, носил прозвище Маэстро (Учитель); он прибыл недавно и представился участником нападения на казармы Монкада, что было неправдой, но все-таки повстанцы приняли его в свои ряды. Как Че описывал его позже, это был «человек сомнительной репутации, но огромной силы». После отбытия Фиделя они с Маэстро укрылись в лесу, ожидая крестьянина, посланного за лекарствами.

По истечении двух дней «надежды и страха» прибыл посланец и принес лекарство против астмы. «Всего один бутылек, — отмечает Че, — но парень принес его, а вместе с ним немного молока, шоколада и печенья». Однако лекарство только отчасти облегчило его страдания; в ту ночь Че по-прежнему не мог никуда идти. 3 марта он совершил над собой нечеловеческое усилие и двинулся в путь, желая во что бы то ни стало прибыть на ферму Диаса в условленный срок. Результат был плачевным: чтобы взобраться на гору, у него ушло пять часов, притом что в нормальном состоянии это заняло бы не более часа.

Несмотря на все усилия, Геваре удалось прибыть на ферму Диаса только через неделю — с пятидневным опозданием. Маэстро лишь изредка помогал Че, и в какой-то момент тот заподозрил своего спутника в желании дезертировать. Че сказал крестьянину, что тот может уйти, если хочет, но Маэстро отказался, и Гевара отметил в дневнике: «Его поведение не вполне ясно, но я его припугнул». Помощь со стороны местных также была невелика. Один из них, обычно весьма приветливый, на сей раз при виде Че откровенно занервничал: «Он так дрейфил, что, наверно, дерьмометр зашкаливал».

10 марта Че, постепенно оправившись от астмы, добрался наконец до места назначения, но лишь для того, чтобы обнаружить, что подкрепление еще не прибыло. У Эпифанио Диаса были не самые ободряющие новости. Несколькими днями ранее отряд Фиделя угодил в ловушку в местечке под названием Лос-Альтос-де-Мерино и оказался разбит на две группы. О судьбе самого Фиделя ничего известно не было.

Однако наиболее тяжелые для повстанцев дни совпали с жесточайшими ударами, которые постигли режим Батисты.

В конце февраля Кубу поразили новости об интервью, данном Фиделем Герберту Меттьюзу. Кубинский министр обороны поспешил заявить, что интервью есть не более чем мистификация. А 25 февраля, через день после выхода первой из трех частей статьи, опубликованной Меттьюзом в «Нью-Йорк таймс», кубинские власти ввели цензуру в прессе.

Интервью, взятое Меттьюзом, не только доказывало, что Фидель жив и находится в добром здравии, несмотря на все официальные заверения в обратном. Оно также стало дебютом Кастро на международной сцене, так как было опубликовано на страницах самого влиятельного печатного органа Америки. Немаловажным оказалось и то обстоятельство, что тон публикации был доброжелательным: пятидесятисемилетний корреспондент был явно покорен Фиделем и проникся симпатией к его делу.

«Фидель Кастро, мятежный лидер кубинской молодежи, — писал Меттьюз, — жив и ведет трудные бои, добиваясь при этом успеха, на скалистых, труднопроходимых пространствах Сьерра-Маэстры, что находится на южном острие острова… Тысячи людей душой и сердцем поддерживают Фиделя Кастро и тот новый курс, который, как они убеждены, он намерен проводить в жизнь… Сотни уважаемых граждан Кубы помогают сеньору Кастро… а политика ответного террора со стороны правительства еще больше настраивает народ против генерала Батисты».

Образ Фиделя, нарисованный Меттьюзом, получился весьма притягательным и мужественным: «Передо мной предстал настоящий мужчина: дюжий, шести футов ростом, с кожей оливкового цвета, полнолицый, с клочковатой бородой… У этого человека потрясающая энергетика. Невооруженным глазом видно, как обожают его соратники, и нет ничего удивительного в том, что Фидель Кастро сумел стать героем кубинской молодежи. Это образованный, фанатично преданный своему делу человек, исполненный возвышенных идеалов, мужества и обладающий выдающимися организаторскими способностями».

Характеризуя идеологическую платформу повстанцев, Меттьюз писал: «Программа движения туманна и пестрит "общими местами", но она предлагает Кубе новый курс, радикальный, демократический и потому антикоммунистический. Движение сильно прежде всего тем, что сражается с военным режимом президента Батисты… Кастро проповедует идеи свободы, демократии, социальной справедливости, необходимости восстановления конституции и проведения выборов».

Война в прессе продолжилась с новой силой в следующие два дня. Важным рубежом стало 28 февраля, когда «Нью-Йорк таймс» опубликовала фотографию Меттьюза с Фиделем, тем самым полностью опровергнув неосторожные официальные заявления кубинских властей о том, что журналисту вся его встреча с Кастро приснилась.

Не успел Фидель нанести Батисте удар через прессу, как

пришла дурная новость о том, что арестованы Франк Паис и Армандо Харт. Затем, 13 марта, в то время как Че ждал на ферме Диаса новых повстанцев, по радио передали первые сообщения о покушении на жизнь Батисты, совершенном в Гаване. Вооруженные группы людей из «Революционной директории» во главе с Хосе Антонио Эчеверриа при участии некоторых последователей Карлоса Прио совершили дерзкое нападение на президентский дворец и на время захватили круглосуточную радиостанцию «Релох» в Гаване. Но атака захлебнулась, а в последовавшей перестрелке погибло около сорока человек. Среди убитых был сам Эчеверриа и более тридцати его сподвижников, а также пятеро охранников дворца и один американский турист, случайно оказавшийся в эпицентре событий. Батиста же, который как раз в это время читал книгу об убийстве Линкольна, не получил ни единой царапины.

В своих заметках Че называет «Директорию» «террористической группировкой». Хотя Фидель и Эчеверриа заключили пакт о сотрудничестве в Мехико, в действительности они были прямыми конкурентами друг другу. Неудавшаяся попытка покушения, без сомнений, говорила о том, что Эчеверриа рассчитывал поставить Фиделя перед свершившимся фактом и оттеснить его в сторону в борьбе за власть. Впрочем, сейчас активисты «Движения 26 июля» в Гаване пришли на помощь «Директории», обеспечив уход за ранеными и позволив нападавшим укрыться на своих явочных квартирах. Воспользовавшись обстоятельствами, они также забрали себе склад неиспользованного оружия «Директории».

Батисте это покушение принесло краткосрочные дивиденды, так как консервативная деловая общественность сплотилась вокруг него в знак осуждения «террористического акта». Столь же важно и то, что из этой переделки он вышел, не потеряв лица: диктатор выглядел сильным, уверенным в себе человеком, настоящим каудильо, способным удержать традиционное кубинское общество от скатывания в анархию. В последующие дни полиция произвела массовые аресты и уничтожила нескольких бежавших участников неудавшегося нападения на президентский дворец.

17 марта на ферму Диаса из Сантьяго прибыли пятьдесят добровольцев с новым арсеналом оружия. Ведя новоприбывших через горы к Лос-Альтос-де-Эспиноса, где в это время находился Фидель, Че отметил, что новобранцам из Сантьяго свойственны те же недостатки, какие отличали поначалу бойцов «Гранмы»: слабая дисциплина и плохая выносливость.

Че дал им отдохнуть в течение целого дня, чтобы они

восстановили силы, после чего начал неторопливо продвигаться в глубь сьерры, и через восемь дней медленного и мучительного пути они встретились с Фиделем и его бойцами. Теперь они были в безопасности; Че выполнил свою задачу, а Повстанческая армия состояла уже не из восемнадцати человек а из семидесяти.

Глава 16
Тощие коровы и конина

I

Че нашел Фиделя в удаленном местечке Ла-Дереча, и тот снова отчитал Гевару — на сей раз за то, что он не смог достаточно твердо навязать свой авторитет Хорхе Сотусу, руководителю новоприбывших. Высокомерие этого человека раздражало Гевару и вызывало гневные протесты со стороны многих его людей в течение всего пути, но Че ограничился лишь тем, что прочитал Сотусу наставление о необходимости «соблюдать дисциплину».

По мнению Фиделя, Че не взял на себя командование, и его неудовольствие этим обстоятельством выразилось в коренной реорганизации штаба, произошедшей сразу после прибытия Гевары. Фидель разделил войска на три отряда во главе с Раулем, Хуаном Альмейдой и Хорхе Сотусом, а Че остался на своем скромном посту врача при штабе. В дневнике Че записал: «Рауль попытался настоять на том, чтобы меня также назначили политкомиссаром, однако Фидель воспротивился этому».

Эта подробность весьма примечательна, поскольку свидетельствует не только о теплом отношении Рауля к Че, но и о политической дальновидности Фиделя. Назначение политкомиссаром Че, не скрывавшего своих марксистских взглядов, только сыграло бы на руку Батисте, а также смутило бы многих рядовых членов «Движения 26 июля», которые по большей части были антикоммунистами.

Затем Фидель собрал тайное совещание, в котором приняли участие восемь наиболее важных деятелей его армии, включая Че. «Решено, — писал тот в дневнике, — что мы направимся к Туркино, стараясь избежать сражения».

Затем, 25 марта, прибыл курьер с посланием от Франка Паиса, заключенного в тюрьме в Сантьяго. Он сообщал тревожные сведения о Кресенсио Пересе. По его данным, Кресенсио заключил сделку с майором Хоакином Касильясом, пообещав выдать военным место пребывания повстанцев, когда они все соберутся вместе и их можно будет разом уничтожить. В своем дневнике Че пишет, что склонен поверить донесению Паиса, так как у него уже имеются основания сомневаться в преданности Кресенсио. Лидер гуахиро отбыл некоторое время назад с

заданием рекрутировать бойцов из числа крестьян и прислал сообщение, что у него имеется сто сорок вооруженных людей. Однако когда Че по пути с фермы Диаса зашел к нему, то не обнаружил ни одного новобранца. Кроме того, Кресенсио был не в восторге от распоряжения Фиделя о поджогах плантаций сахарного тростника. Это показывало, насколько велико непонимание между лидером повстанцев и его главным союзником среди крестьян. Привело ли это обстоятельство к измене — они не знали, но рисковать было нельзя. Фидель собрал своих приближенных и сказал им, что этим же вечером надо сниматься с места.

Однако первый марш-бросок их реорганизованной Повстанческой армии оказался больше похож на пародию. После подъема на первую более или менее приличную гору один новобранец от изнеможения упал в обморок (это был один из трех молодых американцев, дезертировавших с военно-морской базы США в Гуантанамо и присоединившихся к повстанцам). При спуске с горы куда-то делись два человека из шедшей впереди группы, а вслед за ними заблудился и весь второй отряд. Потом с пути сбился отряд Сотуса вместе с арьергардом. «Фидель пришел в страшное бешенство, — пишет Че. — Но в конце концов все собрались в условленном месте».

Через день повстанцы с большим трудом поднялись на вершину Лос-Альтос-де-Эспиносы — той самой горы, где на них ранее устроили засаду. Около могилы Акосты они совершили краткую церемонию в память о погибшем товарище. Увлекшись собиранием ежевики неподалеку, Че обнаружил одеяло, которое потерял тогда, — напоминание о его «поспешном стратегическом отступлении» — и поклялся себе, что никогда больше не бросит на поле боя ничего из своего снаряжения. Че дали в помощники одного из новобранцев — «мулата по имени Паулино»: он должен был нести часть его тяжелого багажа с медицинскими принадлежностями, поскольку от физического напряжения у Гевары вновь началась одышка.

Так прошли следующие несколько недель жизни повстанцев. Фидель намеревался использовать паузу в военных действиях для того, чтобы создать запас провианта, вооружения и боеприпасов. Перемещаясь по сьерре, повстанцы договаривались с крестьянами о том, чтобы те зарезервировали часть будущего урожая для них; пока же ситуация была чрезвычайно тяжелая, тем более что, после того как число повстанцев достигло восьмидесяти человек, они не могли более приходить всей оравой в крестьянский дом с расчетом поесть. Мясо в их рационе стало редкостью, и они в основном питались бананами, юккой и малангой —

крахмалистым корнеплодом бордового цвета. Для Фиделя, придававшего большое значение хорошему питанию, это время, которое он образно назвал «период тощих коров», было особенно мучительным, и он постоянно пребывал в хмуром настроении.

Нехватка еды вскоре вынудила их к довольно отчаянным действиям, граничащим с обычным бандитизмом. Однажды ночью несколько повстанцев были отправлены грабить деревенскую лавку, а другая группа отправилась к известному чивато по имени Попа, чтобы нагнать на него страху и заодно забрать у него корову. По возвращении второй группы Че записал в дневнике: «Ребята потрудились на славу и увели у Попы лошадь, правда у них сложилось впечатление, что он все-таки не чивато. За лошадь бедняге не заплатили, но пообещали, что заплатят, если он будет хорошо себя вести». Лошадь пошла в котел, но гуахиро поначалу отказывались есть ее в гневе от того, что такое полезное животное было убито ради еды. Остатки туши засолили, чтобы сделать из них тасахо — разновидность вяленого мяса. Поскольку дело это было не быстрое, Фидель решил отложить запланированный перенос лагеря. Как сухо заметил Че, «перспектива полакомиться тасахо заставила Фиделя переменить решение».

За пределами Сьерра-Маэстры политическая обстановка была весьма нестабильной. Политические партии требовали проведения новых выборов. Некоторые политики призывали к «диалогу с группировками мятежников», полагая, что к повстанцам следует отнестись более серьезно, однако Батиста заявил, что переговоры не имеют смысла по причине «отсутствия каких бы то ни было мятежников». Очень скоро стало очевидно, что он пытается ввести общественность в заблуждение: пришла новость о том, что майор Баррера Перес, «усмиритель» ноябрьского восстания в Сантьяго, возведен в чин полковника и, получив в свое распоряжение полторы тысячи солдат, направляется в Сьерра-Маэстру для зачистки этой территории.

Кресенсио Перес наконец прислал Фиделю письмо, в котором признавался, что не набрал обещанного числа людей, не говоря уж о вооружении, но что некоторое количество новобранцев у него все же есть и он предлагает Кастро прийти за ними; сам он не может их привести, писал Перес, потому что у него болит нога. «Фидель ответил ему, что принимает любые предложения, если они серьезны, и что придет позже с вооруженными людьми». Очевидно, Кастро решил действовать осмотрительно во избежание опасности попасть в ловушку, если вдруг глава гуахиро ведет двойную игру.

По воле необходимости повстанцы стали больше усилий

прилагать к тому, чтобы наладить связь с местным населением. Че даже стал лечить крестьян. «Это было довольно однообразное занятие, — вспоминал он потом. — Выбор лекарств у меня был небольшой, а медицинские проблемы в сьерре везде примерно одни и те же: преждевременно одряхлевшие и беззубые женщины, дети со вздувшимися животами, паразиты, рахит, авитаминоз…» Видя причину их бед в переутомлении и недоедании, Че писал: «Мы всем своим существом ощутили, насколько нужны решительные перемены в жизни простого народа. Необходимость аграрной реформы выступила отчетливо…» Возможно, неосознанно Че превратился в того самого «революционного врача», стать которым он когда-то мечтал.

II

Тем временем лидеры движения в льяно усиленно работали над созданием подпольной сети помощи повстанцам, которая была названа «Гражданское сопротивление». Франк Паис привлек к работе Рауля Чибаса, лидера Ортодоксальной партии, возглавившего гаванское отделение. В ряды подпольщиков вошел и экономист Фелипе Пасос, бывший президент Национального банка Кубы. В Сантьяго сетью руководил известный врач Анхель Сантос Бух.

Серьезный удар по организации нанес арест видных членов Национального директората. По подозрению в соучастии в покушении на президента были взяты под стражу такие активные подпольные пропагандисты «Движения 26 июля», как Фаустино Перес и журналист Карлос Франки. Они попали в ту же гаванскую тюрьму «Принсипе», что и Армандо Харт, а Франк Паис тем временем оставался в заключении в Сантьяго. Однако даже в тюрьме они не прекращали своей деятельности, ведя тайную переписку с Фиделем и друг с другом. С внешним миром Кастро теперь связывала только Селия Санчес, единственная из руководителей движения в льяно, кто остался на свободе. Он беспрерывно посылал ей письма, то просительные, то раздраженные, в которых требовал все больше денег и припасов для своего растущего войска.

15 апреля повстанцы вернулись в Арройо-дель-Инфьерно — то самое место, где Че впервые убил человека. От одного из местных жителей разведчики узнали, что в этих краях есть чивато по имени Филиберто Мора. Гильермо Гарсиа, недавно назначенный командиром одного из отрядов, отправился на его задержание, а у Фиделя тем временем появился новый повод для

тревоги: над их головами пролетел военный самолет, и это, вкупе с новостью о чивато, заставило его задуматься о том, чтобы вновь перенести лагерь. Когда они уже приготовились продолжить путь, появился Гильермо Гарсиа с предполагаемым доносчиком. Следуя методу Фиделя, Гарсиа изобразил из себя армейского офицера, чтобы заманить Мору в лагерь, и, когда тот очутился среди повстанцев, его тотчас обуяла паника. «Этот человек, Филиберто, купился на обман, — писал Че в дневнике, — но, увидев Фиделя, он тут же понял, что происходит, и начал извиняться». Объятый ужасом, Филиберто сознался во всех своих прошлых преступлениях, включая участие в подготовке засады около Арройо-дель-Инфьерно. Хуже всего было то, что один из подручных Моры уже отправился известить военных о нынешнем местонахождении повстанцев. В заключение Че писал: «Чивато был казнен; я выстрелил ему в голову и через десять минут констатировал смерть».

Как только повстанцы снялись с лагеря, к ним прибыл посыльный с письмом от Селии и пятью сотнями долларов. Также пришло письмо от Армандо Харта, тайно переданное им из камеры. Че с неудовольствием и подозрением отнесся ко всему, что содержалось в послании Харта: «Из него ясно, что он выступает против коммунизма, и более того — он пытается внушить нам мысль о возможности заключить какую-то сделку с посольством янки».

К концу апреля к повстанцам присоединилась новая группа крестьян и система снабжения стала работать более эффективно. Также Селия Санчес сообщила, что доставит в лагерь журналиста Си-би-эс Роберта Тейбера в сопровождении оператора Уэндела Хофмана. Тейбер собирался сделать репортаж для радио Си-би-эс, а также документальный фильм о повстанцах для телевидения. Перед их прибытием Фидель перенес свою ставку на вершину холма, возвышавшегося над лагерем. Это было сделано как из соображений безопасности, так и, по замечанию Че, «для того чтобы произвести на журналистов впечатление».

Журналисты немедленно принялись за работу и в первый же день взяли интервью у трех американских дезертиров, вокруг которых в США развернулись жаркие споры, поскольку те присоединились к повстанцам. В отношении собственного интервью у Фиделя были особые планы: он хотел взобраться на самую высокую гору Кубы — Туркино — и устроить пресс-конференцию на ее вершине. 28 апреля повстанцы почти в полном составе взошли на гору, преодолев 1850 метров. Там, на самой высокой точке Кубы, Фидель дал интервью Тейберу и Хофману, которое было записано на видеопленку, а затем все

партизаны сделали эффектный залп из ружей. Че, вновь страдая одышкой, поднялся наверх последним, но все равно был неимоверно горд собой.

Подъем на Туркино совпал с прибытием в лагерь добровольцев, с которыми повстанцы раньше не имели дела, а именно юнцов, привлеченных романтическим образом партизан. Один из новоприбывших сказал, что искал их в течение двух месяцев. Двух других (приехавших из центральной провинции Кубы Камагуэй) Че поначалу принял за «пару искателей приключений», но один из юношей, Роберто Родригес, по прозвищу Вакерито (Пастушок), со временем вошел в число тех партизан, чьи бесстрашные подвиги заработали им место в пантеоне героев кубинской революции.

Помимо исполнения врачебных обязанностей, Гевара взял на себя еще одну функцию. Несмотря на недавний отказ Фиделя назначить его на пост политкомиссара, неофициально Че стал отвечать за проведение собеседований со всеми новобранцами и их первичный политический инструктаж. Вот как он вспоминает о своей первой беседе с Вакерито: «У этого парня в голове не было ни единой политической идеи… Он пришел босой, и Селия отдала ему запасную пару своих кожаных туфель, какие носят в Мексике; это была единственная обувь, подходившая ему, — настолько маленькие оказались у него ступни. В новых туфлях и прекрасной шляпе из пальмовых листьев Вакерито выглядел как мексиканский пастушок, или вакеро, — вот откуда взялось его прозвище».

Еще одним добровольцем был гуахиро из Эль-Мулато по имени Хулио Герреро, сосед покойного Эутимио Герры. Военные заподозрили его в пособничестве повстанцам и сожгли его дом, а сам он теперь вынужден был скрываться. Герреро рассказал, что ему сулили щедрое вознаграждение в обмен на убийство Фиделя правда, оно было куда скромнее, чем те десять тысяч долларов, которые, по слухам, предлагались Эутимио: всего лишь триста долларов да корова, ожидающая приплода.

Повстанцы не могли быть чрезмерно придирчивыми и в выборе союзников среди городского населения. Узнав о том, что оружие, полученное после неудачного нападения на президентский дворец, переправлено в Сантьяго, Фидель захотел получить часть этого вооружения и отправил туда верного человека в сопровождении местного проводника, который, по замечанию Че, знал сьерру вдоль и поперек, «потому что промышлял продажей марихуаны».

Неожиданно в лагере появился их старый знакомец — Гальего Моран. Еще хромавший на раненую ногу, Моран

представил Фиделю «суперсекретный план», который, как с досадой узнал Че, тот принял. Гевара писал: «Фидель отправит Гальего в Мексику, чтобы тот собрал оставшихся там людей и затем совершил поездку в США с целью сбора средств и ведения пропаганды. Как я ни пытался втолковать ему, насколько опасно поручать это дело такому человеку, как Гальего, — откровенному дезертиру, беспринципному шарлатану интригану и лжецу, каких мало, — все было без толку. Фидель считает, что лучше хоть как-то использовать Гальего, чем позволять ему ехать в США затаив обиду на нас.

В это время пришло известие, что в лагерь на встречу с Фиделем едет очередной американский репортер. Хотя оператор Тейбера уже отбыл (снятая им пленка была переправлена отдельно), сам Тейбер все еще оставался у них, готовя материал для журнала «Лайф». Услышав о новом журналисте, Тейбер попросил Кастро не принимать конкурента, пока он сам не закончит работу.

Вскоре, отправившись с посланием от Фиделя в основной лагерь повстанцев, Че заблудился в темноте и скитался по сьерре три дня, пока не сумел выбраться к своим товарищам. Так он попал в арьергардный лагерь, где допуска к Фиделю ждал новый журналист, оказавшийся американским независимым корреспондентом венгерского происхождения по имени Эндрю Сейнт-Джордж. Че был встречен всеобщими приветствиями. Тронутый таким отношением, он записал: «Прием мне оказали очень теплый». Однако его несколько обеспокоило то, что бойцы склонны вершить «народный суд»: «Они рассказали мне, что ликвидировали чивато по имени Наполес и освободили двух других людей, которые оказались ни в чем не виновны. Ребята творят что хотят».

В отсутствие Че из лагеря отбыл Боб Тейбер, взяв с собой двоих из трех американских юношей, которые решили вернуться на родину. Затем повстанцы направились к Пино-дель-Агуа, куда им должны были доставить оружие. Однако на встречу с ними никто не пришел, и они отступили назад в горы, где столкнулись с Кресенсио Пересом. Гуахиро прибыл наконец с обещанной группой крестьян-добровольцев, состоявшей из двадцати четырех плохо вооруженных мужчин. Напоровшись на армейский патруль, они бросились в атаку и прорвались через заслон, однако один молодой повстанец был ранен и взят в плен. Солдаты закололи его штыками и выбросили истерзанное тело на дорогу. Желая возмездия, большинство повстанцев, включая Че, потребовали казнить взятого в плен капрала вооруженных сил Кубы, но Фидель, который не оставлял надежды склонить к себе сердца

простых военных, настоял на том, чтобы того отпустили. (Все опасения насчет Кресенсио были теперь забыты или тщательно скрывались: Че ни разу более не обмолвился о них в своем дневнике, а сам факт подозрений в адрес лидера гуахиро не упоминается ни в одном из официально опубликованных воспоминаний о войне.)

В Сантьяго тем временем завершился суд над активистами «Движения 26 июля», включая некоторых бойцов «Гранмы». Как и ожидалось, их приговорили к тюремному заключению, но при этом мнения прокурора и главного судьи, Мануэля Уррутия, разошлись. Последний осмелился заявить, что ввиду «ненормальной ситуации» в стране подсудимые имели конституционное право взяться за оружие. Кроме того, на свободу вышел Франк Паис, что указывало на неведение официальных властей в отношении его истинной роли в повстанческой деятельности.

Однако этих положительных новостей было недостаточно, чтобы вывести Фиделя из дурного настроения, в которое его повергла история с недоставленным оружием. Он подчеркнуто игнорировал нового журналиста, Эндрю Сейнт-Джорджа, который провел в лагере повстанцев уже две недели. Журналист рассчитывал сделать радиоинтервью и заготовил даже список вопросов, которые Че перевел на испанский. Поскольку никто в лагере не говорил по-английски, а они с Сейнт-Джорджем знали французский Че пришлось стать его сопровождающим и переводчиком. «В оправдание Фиделя я чего только ни придумывал, — пишет он в дневнике, — но <…> он действительно ведет себя очень грубо; во время фотосъемки Фидель даже не вылез из гамака, в котором лежал и читал «Боэмию», напустив на себя вид оскорбленного величия, а кончилось дело тем, что он прогнал подальше всех членов генерального штаба».

На следующий день поступили сведения о том, что враг мобилизует силы, поэтому повстанцам пришлось срочно сниматься с лагеря и совершать марш-бросок под проливным дождем. Как пишет Че, Сейнт-Джордж был в бешенстве: «Парень разозлился не на шутку и довольно жестко стал пенять мне на то, что мы, дескать, постоянно придумываем какие-нибудь увертки, лишь бы интервью не состоялось; я не знал, как оправдаться». Подойдя к небольшой речке, где повстанцам предстояло провести ночь, Фидель вновь отложил интервью, мотивировав это тем, что вода издает «слишком громкий шум».

Наконец Кастро соблаговолил дать Сейнт-Джорджу долгожданное интервью. Однако 18 мая по радио сообщили, что

на следующий день по американскому телевидению намечен показ фильма Тейбера «История о кубинских бойцах в джунглях», а также радиотрансляция его интервью с Фиделем. Разочарованный таким поворотом дел, Сейнт-Джордж оставил лагерь не попрощавшись.

На другой день пришла новость, что оружие прибыло в условленное место, и забрать его были отправлены двадцать пять человек. Они вернулись следующим утром на рассвете с «драгоценным грузом»: тремя складными пулеметами, тремя пулеметами «мадсен», девятью карабинами «М-1», десятью винтовками Джонсона и шестью тысячами патронов.

Че пришел в восторг, узнав, что один из «мадсенов» предназначен «эстадо-майору» — то есть ему самому. «Вот так, — писал он впоследствии, — состоялся мой дебют в роли полноценного солдата, поскольку до того я был им лишь отчасти, являясь прежде всего полевым врачом. Теперь я поднялся на новую ступень».

III

Обзаведясь новым оружием, повстанцы почувствовали себя в силах перейти в нападение. Че рвался устроить засаду на грузовики с военными, но Фидель предложил план получше: напасть на прибрежный армейский гарнизон в Эль-Уверо, располагавший шестьюдесятью солдатами. Он обещал стать самым серьезным объектом из всех, на которые они покушались; успех операции сулил обеспечить повстанцам огромное моральное преимущество и принести политические дивиденды.

Фидель прибег к помощи Энрике Лопеса, своего друга детства, который работал около Эль-Уверо управляющим на лесопилке.

Перед отправкой Фидель произвел кадровые перестановки в своей армии. Че был назначен главой небольшого отряда из четырех молодых людей. Среди них были два брата, Пепе и Пестан Беатоны, третьего бойца звали Оньяте — правда, вскоре ему дали прозвище Кантинфлас в честь мексиканского актера, — а четвертым был пятнадцатилетний мальчик по имени Хоэль Иглесиас, который недавно присоединился к повстанцам. Как и Вакерито, Хоэль стал затем одним из преданных последователей Че.

Наконец, накануне боя, Фидель решил «прочистить ряды», предложив всем, кто хочет уйти, последнюю возможность это сделать. Руки подняли несколько человек. «После того как

Фидель сурово их отчитал, некоторые попытались переменить решение, но им не пошли навстречу, — пишет Че. — В конечном счете нас покинули девять человек, а осталось в общей сложности сто двадцать семь; почти все были теперь вооружены».

Партизаны отступили глубже в горы и разбили лагерь. Тут по радио они узнали, что некий вооруженный отряд повстанцев высадился на северном побережье Орьенте в Маяри, но наткнулся на армейский патруль. Они ничего не знали об этом отряде, который прибыл на корабле «Коринтия» из Майами и который был вооружен и отправлен на Кубу на деньги Карлоса Прио, вечно что-то замышлявшего экс-президента острова. Двадцать три человека с «Коринтии» были схвачены и спустя несколько дней расстреляны.

Энрике Лопес тем временем дал знать, что о местонахождении партизан пытаются разузнать трое военных в штатской одежде, и Фидель отправил нескольких бойцов схватить их. Те вернулись только с двумя шпионами, третий успел бежать до того, как они прибыли на место. Че заметил в дневнике, что эти двое — негр и белый (который «весь изрыдался») — признались, что собирали разведданные для майора Хоакина Касильяса.

На следующее утро Фидель собрал своих офицеров и приказал им готовить людей к бою, а «для двух чивато вырыли яму, и ребята из арьергарда расстреляли их».

Они шли всю ночь, пока не достигли Эль-Уверо. Операция должна была начаться на рассвете. Однако утром 28 мая выяснилось, что с занятых ими ночью позиций гарнизон плохо видно. Впрочем, менять что-либо было поздно, и штурм начался.

«Фидель сделал первый выстрел, и тотчас заработали пулеметы. Гарнизонные открыли ответный огонь, как я потом узнал, весьма эффективный… Я двинулся по левому флангу с двумя помощниками, несшими обойму, и с Беатоном, в руках у которого был пулемет».

К группе Че присоединились еще несколько человек. Достигнув открытого места, они продолжили путь ползком, и в одного из них, Марио Леаля, ползшего рядом с Че, угодила вражеская пуля. Сделав Леалю искусственное дыхание, Гевара перевязал рану куском бумаги — это было единственное, что он смог у себя найти, — и оставил его на попечение юного Хоэля, а сам вновь взялся за пулемет, продолжив стрельбу по гарнизону. Буквально через несколько мгновений еще один боец, Мануэль Акунья, упал, раненный в правую руку. И тут, когда повстанцы собирались с духом, чтобы броситься в лобовую атаку, гарнизон сдался.

Люди Фиделя праздновали победу, но досталась она им дорогой ценой. Всего они потеряли шестерых бойцов убитыми, среди которых был один из самых первых их проводников-гуахиро Элихио Мендоса. Погиб также и Хулито Диас, один из бойцов «Гранмы». Марио Леаль, раненный в голову, и еще один боец, которому прострелили легкое, находились в критическом состоянии. Ранены были еще семеро, включая Хуана Альмейду, которому пули угодили в правое плечо и в ногу. Со своей стороны, повстанцы убили четырнадцать солдат, ранили девятнадцать и взяли в плен четырнадцать.

Прежде чем отступить обратно в горы, нужно было оказать помощь раненым. Че «еще раз пришлось переквалифицироваться из солдата в доктора, что на самом деле означало не многим больше, чем просто необходимость помыть руки».

«Мое возвращение в медицину ознаменовалось несколькими довольно тяжелыми эпизодами, — писал он в своих мемуарах. — Моим первым пациентом был товарищ Сильерос… Состояние его было критическое, а я мог только лишь дать бедняге успокоительное и плотно перевязать грудь, чтобы облегчить ему немного дыхание… Забрав с собой четырнадцать военнопленных, мы оставили двоих наших товарищей с наиболее серьезными ранениями — Леаля и Сильероса — у врага, взяв слово чести с гарнизонного врача, что он позаботится о них. Когда я сообщил об этом Сильеросу, добавив обычные слова ободрения, он ответил мне грустной улыбкой, которая говорила больше, чем любые слова: в ней читалась уверенность в том, что с ним все кончено».

(Хотя кубинские военные проявили благородство в отношении раненых, Сильерос умер по дороге в больницу. Марио Леаль чудом выжил после ранения в голову и остаток войны провел в тюрьме на острове Пинос.)

На грузовиках компании Бабунов, где работал управляющим Лопес, повстанцы ретировались из Эль-Уверо. Че постарался захватить побольше лекарств. Тем вечером он занимался лечением раненых, а также принял участие в похоронах шести погибших товарищей на одной из дорожных развилок. Понимая, что военные очень скоро бросятся за ними по пятам, партизаны решили, что им следует скрыться в горах, оставив семерых раненых на попечение Че.

В распоряжении Гевары были проводник и двое преданных Че помощников: Хоэль и Кантинфлас. Также со своим раненым дядей Мануэлем Акуньей решил остаться Хуан Виталио «Вило» Акунья, еще один участник партизанского движения, чья судьба навсегда оказалась связана с судьбой Че. (Незадолго до окончания войны Вило Акунья получит звание команданте, а в

1967 г. под прозвищем Хоакин будет сопровождать Че в Боливии.)

Уже после войны Че охарактеризовал кровопролитную акцию в Эль-Уверо как поворотный пункт в становлении повстанческой армии. «Если принять во внимание тот факт, что у нас было около 80 человек, у них — 53, итого 133 человека, и из них 38 — то есть более четверти — были выведены из строя меньше чем за два с половиной часа сражения, то можно понять, что это была за битва… Для нас эта победа стала свидетельством зрелости. После той битвы моральный дух нашей армии начал стремительно возрастать; наша решимость и надежды на победу также выросли».

События в Эль-Уверо захватили врасплох Батисту и его генералов, так как они, убаюканные отсутствием активных действий со стороны Фиделя, вновь начали трубить о своей победе над повстанцами. Полковник Баррера Перес, который в марте возглавил операцию против партизан в сьерре, пробыл там весьма недолго. Он попытался подкупить местных крестьян бесплатной раздачей еды и медикаментов, после чего вернулся в Гавану. Позорное поражение, нанесенное армии в Эль-Уверо, показало, что его миссия кончилась провалом, и в результате он был вновь отправлен в сьерру для наведения порядка.

Его непосредственный начальник, военком Орьенте по имени Диас Тамайо, был заменен на другого офицера, Педро Родригес Авилу, которому от начальника генштаба генерала Франсиско Табернильи был дан приказ любыми средствами сокрушить повстанцев. Новый план включал насильственную эвакуацию гражданского населения из районов, в которых могли находиться повстанцы, с целью создать открытые зоны для обстрела и подвергнуть их массированным воздушным бомбардировкам. События в Эль-Уверо также показали, что маленькие удаленные гарнизоны невозможно защитить как следует, и войска вскоре стали их покидать, освобождая тем самым территорию для партизан.

После того как Фидель отбыл с основными силами, перед Че, ввиду неизбежного скорого появления военных, встала трудноразрешимая задача по переброске раненых в безопасное место. К счастью, большинство раненых передвигались самостоятельно, но четверо идти не могли: у одного было легочное ранение, а у трех других раны от пуль загноились; их пришлось нести на импровизированных носилках, сделанных из гамаков.

В последующие дни, ведя свой отряд от одной фермы к другой в поисках еды, отдыха и укрытия, Че должен был принимать все основные решения. Строго говоря, капитан Хуан

Альмейда был старше Че по званию, но в тех обстоятельствах он был не в состоянии взять на себя полномочия командира.

По пути Гевара познакомился с человеком, который впоследствии принес им немало пользы. Звали его Давид Гомес, он служил управляющим в имении Пеладеро, принадлежавшем одному адвокату из Гаваны. Первое впечатление Че было не очень благоприятным, но в их отчаянном положении привередничать не приходилось. Че писал, что Гомес «католик и расист, отличающийся рабской преданностью патрону, верящий исключительно в выборное право и в необходимость сохранения для своего господина всех неправедно нажитых земель в этих краях. Я также подозреваю, что Гомес участвовал в незаконном выселении крестьян. Но, если забыть об этом, он хорош как информатор и готов помогать».

С его молчаливого согласия они закололи нескольких хозяйских коров и приготовили себе еду. Чтобы проверить Гомеса на надежность, Че составил перечень предметов, которые нужно было купить в Сантьяго, в частности последние выпуски «Боэмии». Че явно перенял тактику Фиделя: тот всегда считал, что одним из ключей к успеху в борьбе за власть является заключение краткосрочных союзов, пусть даже с идеологическими врагами. И вот, обнаружив, что у него имеются нужды, удовлетворить которые может только Гомес, Гевара сумел проглотить свою неприязнь к этому человеку и повести себя прагматично.

Пребывание на Кубе уже успело показать Че, что чистое братство идеалистов-романтиков не может провести в жизнь революцию. В рядах повстанцев хватало негодяев разных мастей: бывших конокрадов, беглых убийц, малолетних преступников, торговцев марихуаной. Стоит вспомнить, что даже «Гранма» была куплена на деньги погрязшего в коррупции Карлоса Прио.

Когда Давид Гомес выполнил поручения и вернулся из Сантьяго, Че, теперь уже более склонный ему доверять, решил использовать его для связи с Национальным директоратом. К этому моменту прошло уже три недели после боя в Эль-Уверо, основная часть бойцов оправилась от ран: идти, по крайней мере, могли уже все. В их распоряжении оказалось тринадцать новобранцев, правда только один имел при себе оружие — пистолет 22-го калибра.

Постепенно число бойцов Че возрастало. А к концу июня его маленькая армия уже обладала собственной системой курьеров, информаторов, поставщиков продуктов и разведчиков.

1 июля Че проснулся от приступа астмы и провел весь день в гамаке. По радио сообщили, что по всей Кубе мятежники

одновременно устроили несколько акций. «В Камагуэе они уже патрулируют улицы, — писал Че в своем дневнике. — В Гуантанамо сожгли несколько складов табака, и еще была попытка поджечь склады с сахаром одной серьезной американской компании. В самом Сантьяго убили двух солдат и ранили капрала. Наши потери составляют 4 человека, среди них Хосе, брат Франка Паиса».

2 июля исполнилось ровно семь месяцев с момента прибытия «Гранмы» на Кубу, но Че, не тратя время на празднования, весь день вел своих измотанных людей на вершину горы Ла-Ботелья высотой 1550 метров. Впоследствии Гевара рассказывал забавную историю, связанную с этим событием: «Был среди нас некий Чичо, выступавший от лица нескольких человек, которые, по его словам, готовы были до последнего издыхания идти с повстанцами, причем говорил он это с такой убежденностью и решимостью, что дальше некуда. Представьте же наше удивление, когда, разбив на следующий вечер лагерь в небольшой долине, мы услышали от этих людей, что они хотят уйти из партизан. Мы не стали противиться, но в шутку окрестили это место "Долиной смерти" — непреклонной решимости Чичо хватило лишь досюда».

Во избежание новых случаев дезертирства Че еще раз предложил всем желающим покинуть лагерь, сказав, что «это их последний шанс». Возможностью воспользовались два бойца. В полдень, однако, прибыло трое новобранцев, каждый при оружии. Двое из них оказались бывшими сержантами правительственных войск из Гаваны, и Че отнесся к ним с недоверием. «По их словам, эти ребята инструкторы, — писал Гевара в дневнике в тот вечер, — но по мне они просто парочка засранцев, которые хотят найти местечко потеплее». И все же он разрешил им остаться.

Еще одним новичком в войске Че стал не кто иной, как друг Фиделя Энрике Лопес, тоже решивший участвовать в вооруженной борьбе. Затем явился человек, который попросил выделить ему двух бойцов, чтобы «снять кожу с одного чивато». Че дал ему от ворот поворот: «Я сказал ему — нечего трахать мне мозги всякой ерундой, если надо убить чивато, пусть он сам найдет себе людей, а потом приведет их ко мне».

Узнав, что Фидель вернулся к своим излюбленным местам в районе Пальма-Мочи и Эль-Инфьерно, Че двинул свое войско через сьерру к горе Туркино.

Во время этого марш-броска Геваре пришлось дебютировать в роли дантиста. Не имея обезболивающих, он прибег к «психологической анестезии», состоявшей из ругани в адрес пациентов, если те стонали слишком громко. Хотя Че и сам страдал от зубной боли, свои зубы он благоразумно решил не

трогать.

16 июля повстанцы оказались в хорошо знакомом районе западных склонов горы Туркино, а на следующий день прибыли в лагерь Фиделя. Че сразу заметил, насколько заматерела за последние полтора месяца повстанческая армия, насчитывавшая теперь около двухсот человек. Партизаны казались образцом дисциплины и уверенности. Также у них имелось новое оружие. Но самое главное — им удалось обосноваться на своей территории, отбив наступление войск под командованием капитана Анхеля Санчеса Москеры.

Впрочем, воссоединение с Фиделем оказалось несколько омрачено для Че, поскольку он узнал, что Кастро только что подписал пакт с двумя представителями буржуазной политической оппозиции — Раулем Чибасом и Фелипе Пасосом. Фидель даже поселил их у себя в палатке. Этот пакт, озаглавленный «Манифест Сьерра-Маэстры» и датированный 12 июля, был отправлен для публикации в «Боэмии». Манифест появился в благоприятный момент, так как месяцы политической борьбы между Батистой и оппозицией увенчались прохождением через конгресс законопроекта о президентских выборах, назначенных на 1 июня 1958 г. Инициатива проведения выборов принадлежала Аутентичной партии Карлоса Прио и Ортодоксальной партии Чибаса, но от обеих партий откололись отдельные фракции, которые, объединившись в коалицию с рядом более мелких партий, также объявили о своем намерении участвовать в выборной гонке.

«Манифест Сьерра-Маэстры» свидетельствовал о том, что Фидель не намерен идти на поводу у Батисты. Вступив в союз с Чибасом и Пасосом, двумя респектабельными ортодоксами, Кастро надеялся обеспечить себе более солидное реноме и более широкую базу поддержки в среде кубинских умеренных. Что касается Гевары, то он полагал, что манифест нес на себе неизгладимый отпечаток идей политиков-центристов, то есть политиков именно того типа, который Че не любил больше всего. «Фидель не говорит этого, но как мне кажется, Пасос и Чибас сильно причесали текст его декларации».

На самом же деле Фидель, конечно, сам искал поддержки у Чибаса и Пасоса, и если он подписал манифест менее радикальный, чем ему бы хотелось, то только потому, что этого требовала ситуация. Как Че признавал позднее, «нас не удовлетворяло это соглашение, но оно было необходимо, на тот момент это был шаг вперед. Впрочем, стоило ему превратиться в препятствие для развития революции, как его действию наступил конец».

Однако главной заботой Че было исполнение новых командирских обязанностей, возложенных на него Фиделем 17 июля, в тот же день, когда он прибыл в лагерь. Его произвели «в капитаны и поставили во главе колонны, которой предстоит отправиться на поиск Санчес Москеры в Пальма-Мочу».

В распоряжении Че оказались семьдесят пять человек. Вдобавок к тем людям, которые пришли вместе с ним, ему достались взводы под командованием старых товарищей с «Гранмы» Рамиро Вальдеса и Сиро Редондо, а также взвод Лало Сардиньяса, который стал заместителем Че.

Новое назначение Че несло на себе печать высшего доверия со стороны Фиделя. Геваре пришлось очень постараться, чтобы заслужить признание своих способностей, но этот процесс только закалил его. Ему была поручена трудная задача — привести раненых в безопасное место, — и он успешно с ней справился. Че исполнял обязанности врача, и в то же время искусно избегал сражений и риска новых потерь, в результате чего поспособствовал укреплению мощи повстанческой армии, добавив к ней новый отряд. Кроме того, Гевара обзавелся бесценными связями с местным населением. Он проявил себя строгим начальником, жестким по отношению к лодырям и обманщикам, лично при этом оставаясь безупречно честным. Но самое главное, Че показал себя настоящим вожаком и этим заслужил свое первое назначение на руководящий пост.

Че не стал медлить с исполнением возложенной на него новой миссии и следующим утром повел своих людей к месту засады, которую они устроили на «вершине Филиберто» — там, где был похоронен расстрелянный чивато Филиберто Мора. Утром 22 июля один из повстанцев случайно выстрелил из своего оружия и был за это доставлен к Фиделю, который пребывал в суровом расположении духа и без долгих рассуждений приказал его расстрелять. «Лало, Кресенсио и мне пришлось вступиться за парня, чтобы смягчить наказание», — писал Че.

Тем же утром все офицеры повстанческой армии подписали письмо Франку Паису, которое Фидель отправил ему от имени всех партизан. В письме содержались соболезнования в связи с недавней смертью его брата. Как потом рассказывал Че, когда настала его очередь ставить подпись, Фидель приказал ему назваться «команданте». «Так, почти мимоходом, меня назначили командиром второй колонны партизанской армии, которая позже стала известна как Колонна № 4».

Кубинские историки часто указывают на это назначение Че как на свидетельство того, что Фидель был о нем очень высокого мнения, подчеркивая, что этим шагом он выразил Геваре большее

благорасположение, чем даже своему брату Раулю, но не объясняют при этом, почему Рауль не заслужил такой чести. Однако дневник Че содержит лаконичное замечание касательно этого судьбоносного дня, которое отчасти дает ответ на вопрос: «Рауль Кастро, разжалованный за то, что целый взвод отказался ему подчиняться, переведен в лейтенанты». О том, что именно произошло между Раулем и его подчиненными, на Кубе предпочитают умалчивать.

На новой должности Че полагались особые атрибуты. «Селия выдала мне знак отличия — звездочку. Помимо этого символа мне также вручили и подарок: одни из тех наручных часов, которые были заказаны из Мансанильо». Это была большая честь. Ранг команданте, эквивалентный майору, был высшим званием в повстанческой армии, до этого его удостоился один лишь Фидель, и вот следующим, кто получил его, оказался не кубинец, а Че — «Архентино».

«В каждом из нас есть доля тщеславия, — писал потом Че. — И я в тот день почувствовал себя счастливейшим человеком на земле». Он самом деле очень гордился своим званием, и отныне для всех, кроме самых близких друзей он превратился в команданте Че Гевару.

Глава 17
Враги всех мастей

I

Новая должность принесла новые обязанности, и Че не терпелось доказать, что он достоин занимать свое место. Его первоочередной задачей было найти Санчеса Москеру, но, не успела его колонна отбыть из лагеря Фиделя, как выяснилось, что объект преследования уже сбежал из гор.

Че начал более жестко подчинять себе непослушное и разнородное воинство, значительную часть которого составляли новички. Ему вновь пришлось столкнуться с дезертирством, но его ответная реакция стала куда суровее. Отправив людей на поиск одного из беглецов, Гевара распорядился «убить его, если удастся найти».

В качестве своего дебюта как военачальника Че решил организовать нападение на военных с другой стороны горы Туркино с целью отвлечь их внимание от колонны Фиделя, и именно туда он направился со своими бойцами. 28 июля вернулся Бальдо, один из двух членов карательной команды, посланной Че за дезертиром, и поведал историю, которую Гевара охарактеризовал как «простую и поучительную».

По словам Бальдо, его спутник Ибраим попытался дезертировать, и Бальдо «убил его с трех выстрелов». Тело осталось лежать непогребенным. Че использовал этот случай в назидательных целях:

«Я собрал бойцов на горе недалеко от того места, где разыгралась трагедия. Я объяснил партизанам, что им предстоит увидеть и что это означает. Я объяснил еще раз, почему дезертирство наказуемо смертью и почему любой, кто предаст революцию, должен быть осужден. Мы двинулись вперед молча, колонной по одному, и потом наткнулись на тело предателя. Многие из тех, кто там был, раньше не видели смерть своими глазами».

Впрочем, дневник Че показывает, что ко всей этой истории он отнесся с подозрением: «Я не до конца убежден в том, что эта смерть оправданна… Убитый лежал на животе, и с первого взгляда было видно, что пуля прошла через левое легкое, при этом руки были сложены, а пальцы соединены — так, будто их связали».

Они двинулись дальше. Че решил напасть на гарнизон в Буэйсито, находившийся в одном дне пути оттуда. Атака состоялась ночью 31 июля, но Гевара позже признавал, что все пошло не так, как предполагалось. Когда некоторые из его бойцов не показались из укрытия, как было условлено, Че начал атаку сам, ринувшись прямо к казармам, и оказался лицом к лицу с часовым. Че поднял оружие и крикнул «стой!», но часовой двинулся с места; Гевара решил не ждать и нажал на курок, целясь солдату в грудь. Однако ничего не произошло. Когда молодой повстанец, находившийся рядом со своим командиром, попытался выстрелить в часового, его винтовка тоже дала осечку. В этот момент в Че возобладал инстинкт самосохранения, и он помчался назад под градом пуль.

Выстрелы вызвали ответную пальбу, а дальнейшего Гевара практически не видел: к тому моменту, когда ему удалось починить свое оружие, гарнизон уже сдался. Бойцы Рамиро прорвались с тыла и взяли в плен двенадцать солдат. Шесть человек были ранены, двое смертельно, повстанцы потеряли одного человека. Разграбив гарнизон, они подожгли его и уехали из Буэйсито на грузовиках, взяв с собой сержанта — начальника блокпоста и чивато по имени Оран.

Партизаны въехали в деревню Лас-Минас под приветственные крики ее жителей, и здесь Че разыграл небольшую сценку со знакомым торговцем-арабом: «Наш мавр… попросил, чтобы мы отпустили двух пленников. Я объяснил ему, что мы взяли их, дабы не позволить военным провести карательную акцию против народа, но сказал, что если такова воля местных жителей, то я не буду спорить». Освободив пленников, повстанцы двинулись дальше, остановившись только за тем, чтобы похоронить своего павшего товарища на деревенском кладбище.

II

Вернувшись в ставку в Ла-Маэстре, они узнали, что Франк Паис, координатор движения в Орьенте, убит полицией в Сантьяго. Активисты организовали антиправительственные выступления в Сантьяго в память о 26 июля, и это вызвало жесткие действия со стороны полиции. При шефе полиции полковнике Хосе Саласе Каньисаресе, окружившем себя головорезами, аресты и убийства тех, кто подозревался в связях с повстанцами, стали обычным делом; трупы со следами пыток обнаруживали висящими на деревьях и лежащими на обочине.

Убийство Франка Паиса вызвало взрыв возмущения, его

похороны переросли в шумные антиправительственные демонстрации, и по всему острову начались забастовки. В ответ на это Батиста вновь объявил чрезвычайное положение и опять ввел цензуру в прессе. К несчастью для диктатора, события в Сантьяго совпали с визитом нового американского посла Эрла Смита, только что прибывшего во второй по величине город Кубы для ознакомления.

В середине 1957 г. лишь немногие чиновники в Госдепартаменте сохраняли иллюзии относительно Фульхенсио Батисты. Его жестокий и коррумпированный режим становился помехой для США. Но пока официальная линия не менялась и посол Смит просто получил инструкцию не идти на поводу у Батисты, чтобы смягчить недовольство кубинцев, считающих, что Вашингтон стремится удержать его у власти.

В целом политика США в отношении Кубы была направлена на защиту своих, весьма серьезных, интересов в сфере экономики. Беспорядки шли во вред бизнесу, и в Вашингтоне превалировала та точка зрения, что лучшим способом притушить народное волнение будет нажать на Батисту, с тем чтобы тот «демократизировал» Кубу путем проведения «безопасных» выборов с предсказуемой победой одной из умеренных партий. Но упорство Фиделя нарушало статус-кво, и Госдепартамент, ЦРУ и Министерство обороны не имели единого мнения относительно того, что с ним делать, поэтому их действия часто противоречили друг другу.

Прежде чем занять свой пост, Смит послушал, что говорят в Вашингтоне, и вынес четкое представление: Госдепартамент хочет устранения Батисты от власти и активно, хотя и тайно, поддерживает Кастро. Прибыв на Кубу, Смит обнаружил, что и находящиеся там сотрудники ЦРУ высказываются не в пользу Батисты. Офицеры из американской военной миссии, напротив, продолжали тесное сотрудничество со своими кубинскими коллегами. Бюро по подавлению коммунистической деятельности функционировало при американской поддержке, и, более того, армия Батисты использовала против партизан американское оружие, поставленное на Кубу в целях «обороны Западного полушария».

Мнения разделились и по поводу политической ориентации Кастро, но лишь отдельные чиновники склонны были верить Батисте, твердившему, что Фидель коммунист. На своей первой пресс-конференции Смит воздал должное Кубе за ее усилия в борьбе с коммунизмом, но отметил, что не думает, будто Кастро настроен прокоммунистически. Однако затем, увидев, как в Сантьяго полиция применяет дубинки и шланги с водой против

толпы женщин-демонстранток, Смит публично осудил столь жестокие меры и перед отъездом возложил венок к могиле Паиса. Этот жест пробудил в кубинцах надежду на то, что политика Вашингтона претерпела изменения, поскольку непопулярный предшественник Смита Артур Гарднер всячески покрывал Батисту. Более того, в частной беседе с диктатором он даже предложил отправить к Фиделю в сьерру наемного убийцу.

После весьма откровенных замечаний Смита по поводу действий полиции в Сантьяго споры вокруг Кастро вспыхнули с новой силой: чиновники Батисты и американские ультраконсерваторы обвинили Вашингтон в потворстве коммунизму.

ЦРУ тем временем пыталось завязать контакты с повстанческим движением Фиделя через посредство официальных лиц, находившихся в Сантьяго и Гаване. Первое упоминание о таких контактах обнаруживается в упомянутой записи в дневнике Че касательно письма Армандо Харта (апрель 1957 г.). Следующее упоминание можно отыскать в датированном 5 июля письме Франка Паиса Фиделю. Он информирует его о том, что сумел добыть американскую визу для Лестера «Гордито» Родригеса, важного члена «Движения 26 июля», и далее сообщает: «Американское посольство обратилось к нам с самым что ни есть похвальным и полезным предложением помощи любого рода в обмен на прекращение воровства вооружения с их базы в Гуантанамо.[16] Мы обещали им это в обмен на двухлетнюю визу для Гордито и обеспечение его выезда за пределы страны. Сегодня они выполнили свое обещание: консул пригласил его к себе лично, а нужные ему бумаги, письма и карты были отправлены с дипломатической почтой. Хорошая сделка…»

11 июля Паис снова написал Фиделю: «Мария А. сообщила мне сегодня в полдень о том, что американский вице-консул хочет поговорить с тобой в присутствии еще кого-то, но она не знает, кого именно».

Тед Шульц, автор биографии Фиделя Кастро, пишет, что в период между августом 1957 и серединой 1958 г. ЦРУ заплатило по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов различным агентам «Движения 26 июля».

Фидель дал согласие встретиться. В своем ответном письме Франку Паису он сообщал: «Я не понимаю, какие у нас могут быть возражения против посещения американских дипломатов. Мы вполне можем принять тут американского дипломата, точно так же как мы бы приняли дипломата из Мексики или любой другой страны». Далее он продолжал в весьма напыщенном духе, очевидно предполагая, что его послание будет передано

американцам. «Они хотят иметь более тесные дружеские связи с триумфаторами кубинской демократии? Великолепно! Это свидетельство того, что они осознают, каким будет исход этого противостояния. Они предлагают дружеское посредничество? Мы скажем им, что никакое лестное нам посредничество, никакое патриотическое посредничество — никакое вообще посредничество не возможно в этой битве…»

Несмотря на согласие Фиделя, встреча между ним и агентами ЦРУ, по-видимому, так и не состоялась. Возможно, сначала ей помещала смерть Паиса, а затем она была снята с повестки дня в связи с изменениями в планах ЦРУ. Стоит заметить, что Паис также встречался с представителями группы недовольных офицеров военно-морской базы Кубы в Сьенфуэгосе, которые вынашивали заговор против Батисты и план которых получил также тайную поддержку американцев.

Уильям Уильямсон, второй человек ЦРУ в Гаване, сказал заговорщикам, что в случае успеха они могут рассчитывать на признание США. В июле группа вступила в контакт с Фаустино Пересом в Гаване и Франком Паисом в Сантьяго с предложением альянса. Выслушав их план, Паис очень вдохновился и передал информацию Фиделю.

Предложение было заманчивым: морские офицеры планировали устроить не просто мятеж в казармах, а полномасштабное восстание с целью сбросить Батисту. Несмотря на то что публично Кастро высказывался против военной хунты, Фидель был не прочь использовать этот шанс, к тому же он почти ничего не терял, поддерживая заговорщиков из Сьенфэугоса. Во-первых, участие требовалось не от его людей в сьерре, а от активистов движения в льяно, и это давало Фиделю возможность откреститься от своего участия в заговоре, если тот провалится. Во-вторых, если бы Кастро отверг этот план, а заговорщикам удалось бы достичь своей цели, ему пришлось бы выступать уже против них и оставаться по-прежнему запертым в горах. Конечно, имелся риск, что его помощью воспользуются для того, чтобы обойти его, но Фидель в любом случае мог продолжать борьбу с высокогорья.

Вместе с тем Паис и Фаустино Перес пытались добиться от Фиделя разрешения открыть «второй фронт». Цели у них были двоякими. С одной стороны, «второй фронт» отвлек бы часть внимания от повстанческих отрядов Кастро, с другой — лишил бы Фиделя полного контроля над военными действиями.

Но Фидель был неколебим и продолжал настаивать на том, что движение должно всецело поддерживать его собственную армию: пока она не обрела твердую почву под ногами.

Но это было только началом расхождений между сьеррой и льяно. Находясь в заключении, Карлос Франки, Фаустино Перес и Армандо Харт постоянно вели переговоры с членами других оппозиционных партий Кубы. Они пришли к выводу, что непреодолимые идеологические разногласия мешают «Движению 26 июля» войти в альянс с Народной Социалистической партией, но отмечали вполне реальную возможность заключения пакта с «Директорией». Этому альянсу мешало то, что членам «Директории» решительно не нравилась склонность Кастро к авторитаризму. Фиделя давно критиковали за эту черту, ее признавали и его сподвижники по движению; активисты в льяно уже почти в открытую выражали недовольство автократическими замашками Фиделя и бесконечными требованиями работать исключительно на него.

Подпольщики в льяно занимались организацией взрывов и диверсий, ликвидацией врагов, контрразведкой с внедрением шпионов в ряды правительственных вооруженных сил, содержанием тайных квартир и лазаретов, контрабандой оружия. Теперь они должны были также устраивать диверсии на плантациях и заводах в соответствии с указаниями Фиделя, изложенными в его февральском воззвании: необходимо было сформировать национальный рабочий фронт для противодействия контролируемому Батистой профсоюзу; организовать общую забастовку и, наконец, что немаловажно, вести постоянную работу по обеспечению Фиделя деньгами и оружием.

Перспектива открытия новых фронтов партизанской войны стала реальной только после того, как движение получило в свои руки оружие, переданное ему после неудавшегося нападения «Директории» на президентский дворец. Часть его была отправлена Фиделю, но оставшимся Франк Паис вооружил новую группу повстанцев, возглавленную бывшим студентом-юристом Рене Рамос Лятуром, он же Даниэль. Базой для группы Даниэля стала небольшая, но стратегически важная горная цепь Сьерра-Кристаль, находящаяся к востоку от Сьерра-Маэстры. Однако первое предпринятое Даниэлем нападение на армейский гарнизон провалилось, закончившись потерей значительной части вооружения и нескольких человек. Франк Паис эвакуировал часть оружия и спрятал Даниэля с двадцатью его соратниками на явочных квартирах в Сантьяго.

После этих событий Паис начал склонять Фиделя к тому, чтобы расширить спектр его политического влияния за счет налаживания связей с центристскими политическими фигурами. В частности, он немало сделал для организации визита в сьерру

Рауля Чибаса и Фелипе Пасоса. Они с Армандо Хартом придумали также план реорганизации всей структуры движения: право принятия ключевых решений должно было перейти к новому исполнительному органу, а Национальный директорат должен был быть сформирован из лидеров движения в шести провинциях. План этот, совершенно очевидно, был направлен на существенное сокращение полномочий Фиделя, который в качестве представителя повстанцев в сьерре оказался бы низведен лишь до руководителя одного из шести отделений. Ответом Фиделя стал его «Манифест Сьерра-Маэстры», который свел на нет все усилия Паиса.

Теперь Франк Паис был убит, и Фидель поспешил заполнить образовавшуюся брешь. На следующий день после его смерти, 31 июля, Фидель отправил Селии Санчес письмо, в котором выражал свое горе и возмущение в связи с этой утратой и просил ее взять на себя «изрядную долю того, что делал Франк». Заменить Паиса в Национальном директорате он предлагал Фаустино Пересом, но это был тот редкий случай, когда деятели из льяно одержали верх над Фиделем и в качестве замены Паису избрали не Переса, а Даниэля — Рене Рамоса Лятура.

После этого Фидель со всеми своими просьбами и жалобами обращался исключительно к Селии, которая стала главным доверенным лицом Фиделя в льяно. Другие активисты «Движения 26 июля» очень скоро заметили это, и Селия превратилась в основного посредника между ними и Фиделем.

Даниэль попытался продолжить усилия Паиса по установлению большего контроля над действиями Фиделя и его повстанцев. Фидель же просто не обращал на Даниэля внимания и посылал Селии письма, в которых все время сетовал на то, что льяно «забыло» про сьерру. Война тем временем шла своим чередом.

III

Готовясь к новой атаке на войска майора Хоакина Касильяса, Че пришлось столкнуться со старыми проблемами: зелеными новобранцами, дезертирами и чивато. К нему примкнула группа новых добровольцев из Лас-Минаса и в их числе — впервые в его практике — девушка (Онирия Гутьеррес, семнадцати лет). Как обычно, через несколько дней некоторым пришлось уйти, поскольку они проявили трусость.

До Че дошли слухи о расправе над его помощником Давидом Гомесом: его арестовали, подвергли пыткам и, по всей

вероятности, убили. Когда военные заняли имение Пеладеро, которым он управлял, они допросили одного из работников имения и вынудили его рассказать все, что ему было известно о связях повстанцев с местными жителями. В ярости Че записал в дневнике: «В результате они убили десятерых человек, включая двух погонщиков мулов, работавших на Давида, забрали все припасы, сожгли все дома в округе и жестоко избили нескольких соседей, так что некоторые потом умерли от побоев, а у других, как, например, у нашего Исраэля, переломаны кости. По донесениям, там были трое чивато, и я предложил убить их. На это дело вызвались сразу несколько человек, но я выбрал Исраэля, его брата Самуэля, Манолито и Родольфо. Они ушли рано утром, взяв небольшие таблички с надписью: "Казнен за предательство"».

Карательный отряд вернулся через неделю, выследив и убив одного из чивато. (Сведения о смерти Давида оказались не соответствующими действительности; чуть позже он лично пришел к Че и рассказал, что, несмотря на арест и жестокие пытки, ничего никому не рассказал.) Вскоре после этого Гевара получил письмо от дезертира Рене Куэрво, в котором тот просил прощения и признавался, что убил чивато. В Ла-Месе один из помогавших партизанам крестьян сообщил Че, что Куэрво околачивается в его деревне. Реакция Че была резкой: «Я сказал, что он может убить его, если тот будет слишком досаждать».[17]

В конце августа колонна Че расположилась лагерем в долине Эль-Омбрито. Несмотря на все усилия выследить врага, его людям не доводилось нюхать пороху с момента боя в Буэйсито (то есть уже почти месяц). 29 августа некий крестьянин предупредил Че о приближении крупного отряда правительственных войск, а затем повел его к лагерю врага. Че решил перейти в атаку на этом самом месте, не давая врагу продвинуться дальше. Ночью он расположил своих бойцов по обеим сторонам той тропы, по которой на следующий день должны были двинуться солдаты, снявшись со своего бивуака. Че планировал дать пройти десяти-двенадцати солдатам, а затем напасть из засады на среднюю часть колонны и разбить ее на две группы, которые легко можно было окружить и уничтожить.

При первых лучах солнца они увидели, что солдаты встают, надевают каски и готовятся продолжать путь. Когда солдаты стали подниматься по холму в их направлении, Че охватило легкое волнение: это было и напряжение перед предстоящем боем, и нетерпеливое желание испробовать новый браунинг. Но вот солдаты приблизились, и Че начал обратный отсчет. Неожиданно один из солдат закричал, и Гевара открыл огонь,

застрелив шестого человека в шеренге. Первые пять солдат немедленно ретировались, и Че приказал своим бойцам идти в атаку; но враг уже оправился от неожиданности и открыл ответный огонь. Повстанцам пришлось отойти; был убит Эрмес Лейва, двоюродный брат Хоэля Иглесиаса. Сверху, а партизаны находились примерно в километре от врага, им хорошо было видно, как солдаты подошли к телу Лейвы и просто спалили его. «Пребывая в бессильной ярости, — вспоминал Че, — мы ничего не могли сделать, кроме как обстрелять их издалека, на что они ответили огнем из базук».

Целый день между ними шла перестрелка, а с наступлением ночи вражеская колонна ушла. С точки зрения Че, этот бой стал «великим триумфом», несмотря на то что он потерял ценного человека и отбил только одну единицу оружия у врага: его слабо вооруженный отряд остановил и прогнал 140 человек. Но через несколько дней Гевара узнал, что солдаты убили нескольких крестьян и сожгли их дома. Такова была страшная цена, которую платило мирное население за каждую атаку повстанцев. Че принял решение впредь эвакуировать местных жителей перед своими акциями, чтобы избавить их от зверств военных.

После боя Че направился на встречу с Фиделем, который сам только что напал на лагерь врага рядом с Лас-Куэвас; Фидель потерял четырех человек, но жертвы были и у противника, которого он к тому же заставил отступить. Решив ковать железо пока оно горячо, Фидель с Че запланировали совместное нападение на Пино-дель-Агуа, где располагался небольшой армейский гарнизон.

Правда, в колонне Че не все было гладко. Несколько человек дезертировали, а один юный повстанец, лишенный оружия за неповиновение своему начальнику-лейтенанту, позаимствовал у кого-то револьвер и пустил себе пулю в лоб. На похоронах несчастного между Че и некоторыми из его бойцов возникли разногласия насчет того, заслуживает или нет погибший военных почестей. Че был уверен, «что в таких условиях самоубийство равноценно отречению, какими бы хорошими качествами ни обладал его совершивший», и настоял на своем.

Неповиновение, проявленное его людьми, вынудило Че ужесточить меры и создать новую дисциплинарную комиссию. По воспоминаниям Энрике Асеведо, в то время пятнадцатилетнего подростка, который пришел к повстанцам вместе со своим старшим братом Рохелио, нововведение попортило бойцам немало крови. «Это было что-то вроде военной полиции, — рассказывает Асеведо. — Среди всего прочего, в обязанности комиссии входило следить, чтобы никто громко не разговаривал,

не пользовался зажигалками после наступления темноты, нужно было проверять, стоят ли у костров бочонки с водой — на случай появления авиации, проверять, как несут службу часовые, не позволять никому вести дневников».

В итоге Че прославился среди повстанцев склонностью к суровой дисциплине, и некоторые даже просили перевести их из его колонны в другую. Юный Асеведо, которому было позволено остаться, несмотря на первоначальный запрет Че («ты что думаешь — у нас тут сиротский приют или ясли?»), всегда опасался команданте. В своем «противозаконном» дневнике он писал: «Все относятся к Че с великим почтением. Он жесткий, сухой и временами язвительный… Когда Че отдает приказ, то сразу видно, какое уважение он внушает людям. Все подчиняются ему мгновенно».

Через несколько дней братья стали свидетелями того, каким скорым бывает суд Че. Энрике Асеведо весьма живо передает этот эпизод в своем дневнике: «На рассвете привели какого-то огромного дядьку в зеленой одежде, с бритой, как у военного, головой и с усами: это оказался Рене Куэрво, мутивший воду в районе Сан-Пабло-де-Яо и Вега-ла-Юа… Че принимает его лежа в своем гамаке. Пленник подает руку, но Че не реагирует. То, что они говорят, до наших ушей не долетает, хотя ясно, что слова там звучат серьезные. Это похоже на суд. Наконец Че отсылает его прочь презрительным движением руки. Куэрво ведут в овраг и расстреливают из винтовки… им приходится сделать в него три выстрела. Че выпрыгивает из гамака и кричит: "Хватит!"»

Че никогда не жалел о своем решении казнить Куэрво. «Под предлогом борьбы за дело революции… он терроризировал жителей сьерры… Суд над дезертиром был скорым, и физическое его устранение последовало незамедлительно. Расправа с антиобщественными элементами, пользовавшимися тогдашней обстановкой в округе для совершения преступлений, к сожалению, не была редкостью в Сьерра-Маэстре».

Впрочем, несколько недель спустя в ходе очередного непродолжительного боя проявилась и другая сторона личности Че, показавшая, что хотя он и безжалостен к предателям, шпионам и трусам, но уважает врагов, которые достаточно отважны, чтобы лицом к лицу встретить смерть в бою. Близ Пино-дель-Агуа партизаны захватили грузовик, в котором «нашли двух убитых и одного раненого солдата, который, даже умирая, делал такие движения, будто продолжал сражаться. Один из наших бойцов покончил с ним, не дав даже возможности сдаться, чего он, собственно, и не мог сделать, будучи в полубессознательном состоянии. У того бойца, который совершил этот варварский акт,

люди Батисты прямо на глазах убили всю семью. Я жестко отчитал его, не зная, что мои слова слышит другой раненый солдат, который прятался под брезентом на лежанке. Приободренный моими речами и изъявлением сожаления со стороны нашего товарища, вражеский солдат обнаружил свое присутствие и попросил нас не убивать его. У него был перелом ноги, он сел на обочину и оставался там, пока продолжалось сражение. Каждый раз, когда мимо пробегал кто-то из наших, солдат кричал: "Не убивай меня! Не убивай меня! Че говорит, что нельзя убивать пленных!" Когда бой был окончен, мы отвезли его на лесопилку и оказали первую помощь».

IV

В первую неделю сентября началось общенациональное восстание. 5 сентября мятежники захватили военно-морскую базу и здание полиции в городе Сьенфуэгос. Наряду с заговорщиками из среды военных и несколькими представителями других политических групп в этих событиях приняло участие большое количество членов «Движения 26 июля». Однако в самую последнюю минуту от участия в восстании уклонились заговорщики в Гаване и Сантьяго, и мятежникам в Сьенфуэгосе пришлось действовать в одиночку.

После полудня правительство направило на их подавление танки из крупного гарнизона в Санта-Кларе, а также, для воздушной атаки, — американские бомбардировщики «Би-26». Фатальной ошибкой мятежников стало то, что они остались в городе, а не отступили в близлежащие горы Эскамбрай, и в итоге их ждала кровавая расправа. Трем крупным деятелям «Движения 26 июля», участвовавшим в мятеже, — Хавьеру Пасосу, главе гаванского подполья, Хулио Камачо, курировавшему провинцию Лас-Вильяс, и Эмилио Арагоньесу, отвечавшему за работу движения в Сьенфуэгосе, — удалось бежать, но по меньшей мере триста из четырехсот человек, принимавших участие в мятеже, были убиты, многие из них — расстреляны сразу после того, как сдались в плен.

С обвинениями в предательстве на Фиделя обрушился Хусто Каррильо, бывший министр времен Прио и лидер оппозиционной группировки «Монтекристи», связанный с одной из военных клик, замешанных в мятеже. В свое время Каррильо снабжал «Движение 26 июля» деньгами. Он обвинил Фиделя в вероломстве: тот, дескать, прекрасно знал, что мятеж обречен на провал, но ему это было выгодно, поскольку в результате погибли военные

фрондеры, которых он рассматривал как своих конкурентов в борьбе за власть. Косвенно отвечая на это обвинение, Че писал: «"Движение 26 июля" <…> едва ли могло повлиять на ход событий… Урок на будущее таков: стратегию диктует тот, в чьих руках сила».

Но события в Сьенфуэгосе ударили и по Батисте. С точки зрения Госдепартамента, тот факт, что он применил поставленное США вооружение для подавления мятежа, был вопиющим нарушением договора с Кубой: танки и бомбардировщики «Би-26» были предоставлены Кубе отнюдь не для подавления внутренних волнений. Американцы потребовали объяснений от военного командования страны и, не получив их, стали рассматривать вопрос о приостановке поставок вооружения кубинскому режиму.

Тем временем в Сьерра-Маэстре Че с Фиделем приближались к своей цели, и 10 сентября обе колонны достигли Пино-дель-Агуа. Фидель позаботился о том, чтобы местные жители узнали, куда он направляется, и донесли об этом правительственным войскам, а потом увел свою колонну в другую сторону. Под покровом ночи Че устроил засады вдоль дорог и троп, по которым, как ожидалось, будут двигаться солдаты противника. При удачном стечении обстоятельств повстанцы рассчитывали захватить несколько грузовиков. Проведя неделю в ожидании, Че и его люди наконец услышали звук приближающихся машин. Враг заглотил наживку.

Когда обнаружилась засада, двум грузовикам с солдатами удалось скрыться, но три оставшихся были захвачены повстанцами. Они подожгли их и добыли ценное оружие и боеприпасы. Также мятежники убили трех солдат и одного взяли в плен — это был капрал, который затем вступил в ряды партизан и стал их поваром. Но, к их огромному сожалению, они потеряли «Крусито», поэта-гуахиро, «соловья Маэстры», который развлекал бойцов своеобразными поэтическими дуэлями с другим доморощенным поэтом, Калисто Моралесом.

V

Че направил своих людей к Пеладеро, куда уже держала курс колонна Фиделя. По пути он отобрал у одного торговца мула. Этот человек, Хуан Баланса, не проявлял враждебности к повстанцам, однако считался приверженцем режима Батисты. Мула, конечно, можно было пустить на мясо, но он показал себя настолько крепким и проворным, что Че отказался от этих мыслей, ибо тот «доказал свое право на жизнь». В итоге мул стал

личным верховым животным Че.

Между тем вождям повстанцев впору было задуматься над тем, как утвердить свою власть над жителями сьерры и установить хотя бы подобие порядка в регионе. Сьерра-Маэстра кишела вооруженными людьми: дезертиры, шайки разбойников и кое-кто из самих повстанцев то и дело совершали преступления, пользуясь отсутствием законной власти. Действия «дисциплинарной комиссии», организованной Че, вызывали недовольство у повстанцев: уж очень рьяно она приступила к выполнению своих задач.

Через пару дней после прибытия в Пеладеро Че отправился на встречу с Фиделем, вставшим лагерем неподалеку. Вскоре после начала их разговора к ним вошел Рамиро Вальдес. Дело было срочное: произошел очень неприятный инцидент. «Лало Сардиньяс, желая наказать товарища за недисциплинированность, приставил к его голове пистолет, будто намереваясь выстрелить, — писал Че впоследствии. — А пистолет взял да и выстрелил на самом деле, так что бедняга был убит на месте».

Прибыв назад в лагерь, Че обнаружил волнения в рядах своих бойцов: они требовали заседания трибунала и расстрела. Че стал допрашивать очевидцев, и некоторые из них заявили, что Лало совершил умышленное убийство, тогда как другие утверждали, что все произошло случайно. Дело должен был решить суд. Лало был не просто офицером повстанцев, но и хорошим, отважным воином, так что и Че, и Фидель хотели сохранить ему жизнь. Однако они не могли игнорировать мнение рядовых партизан, а их высказывания звучали вполне определенно: требуется высшая мера наказания. Позже Че писал: «Я пытался объяснить им, что смерть товарища следует списать на условия военного времени… Однако мои слова не переубедили враждебно настроенных партизан».

Решено было провести голосование: приговорить Лало к расстрелу или только разжаловать его. Приговор предстояло вынести большинством голосов. Из 146 бойцов 70 проголосовали за расстрел, 76 — за разжалование.

Жизнь Лало была спасена. Его лишили звания и приказали искупить свою вину в бою в качестве простого солдата. Но на этом дело не кончилось. Многие бойцы остались недовольны таким решением и на следующий день, бросив оружие, потребовали, чтобы им дали уйти. Впоследствии Че, по своему обыкновению, не преминул найти среди этих партизан будущих предателей революции. «Эти люди, презревшие мнение большинства и отказавшиеся от борьбы, вскоре перешли на

службу к врагу и продолжили сражаться на нашей территории, но только теперь — как предатели».

Несмотря на все усилия Че представить поведение недовольных как измену, его трактовка случившегося не столь убедительна в своей претензии на назидательность. Путь Че через Сьерра-Маэстру был усеян телами чивато, дезертиров и преступников. Лидер подает пример, и подчиненные Гевары лишь подражали его поведению на свой грубый манер.

После этого бунта Фидель передал Че несколько новых бойцов, а на пост, занимаемый ранее Лало, назначил Камило Сьенфуэгоса. Этот красивый общительный человек стал командиром передового взвода Че. Выбор оказался удачным, поскольку бесшабашность Камило несколько уравновешивала суровость Че. Они оба испытывали друг к другу большое уважение, и вскоре Че сошелся с Камило так близко, как ни с кем другим.

Тем временем Фидель поставил перед Че новые задачи: «Нам предстояло нейтрализовать бандитскую шайку, которая под знаменем нашей революции творила преступления в районе, где мы начинали свою борьбу, а также в районах близ Каракаса и Эль-Ломона».

Камило отправился на поиск бандитов, а Че вернулся в место, которое постепенно превращалось в его ставку, а именно в долину Эль-Омбрито. После августовской засады военные не показывали сюда носа, и Че, воспользовавшись этим, заложил здесь основы своей будущей постоянной базы: он оставил гуахиро по имени Аристидио сторожить дом, служивший перевалочным пунктом для добровольцев, и приказал даже соорудить в нем печь для выпекания хлеба. Но местные крестьяне по-прежнему страшно боялись военных. Санчес Москера обосновался в Минас-де-Буэйсито и, по слухам, собирался вскоре устроить рейд по горам. Аристидио, похоже, не был чужд этих страхов, поскольку в отсутствие Че продал свой револьвер и довольно неосмотрительно стал говорить, что собирается заранее войти в контакт с военными. Че донесли об этом, и он принял незамедлительные меры: «Я провел быстрое расследование, и Аристидио был казнен».

Впрочем, позже Че почти сожалел о судьбе убитого: «Аристидио являл собой типичный пример крестьянина, который вступил в революционные ряды, не имея четкого понимания значения революции… Сегодня мы можем спросить себя, был ли он действительно виновен настолько, чтобы заслуживать смерти, и нельзя ли было даровать ему жизнь, которую можно было использовать конструктивно во благо революции. Война —

жестокая штука, и, когда враг усиливает свой напор, нельзя терпеть даже подозрения на предательство».

Казнив Аристидио, Че направился к горе Каракас, где его ждала очередная карательная миссия, на этот раз он должен был помочь Камило выследить вооруженную банду «Чино» Чана — наполовину китайца, наполовину кубинца, занимавшегося грабежами и убийствами крестьян в округе. При этом впервые в стане партизан появился человек, который мог профессионально следить за соблюдением принципов правосудия. Это был Умберто Сори-Марин, известный гаванский юрист, вступивший в ряды «Движения 26 июля».

Когда Чан был пойман, начался суд. Большая часть банды была помилована, но Чан и один крестьянин, виновный в изнасиловании, были приговорены к смерти. Как обычно, Че внимательно следил за последними моментами их жизни, его интересовало, как они встретят смерть: с достоинством или трусливо. «Сначала мы казнили Чино Чана и крестьянина-насильника. Их отвели в лес и привязали к дереву, оба хранили спокойствие. Крестьянин умер с открытыми глазами, прямо глядя на ружья и воскликнув: "Да здравствует революция!" Чан принял смерть с абсолютной безмятежностью, он лишь попросил, чтобы ему позволили исповедаться отцу Сардиньясу, который в тот момент был далеко от лагеря. Поскольку мы не могли исполнить его просьбу, Чан сказал, что хочет, чтобы его последняя просьба не была забыта — словно бы это публичное признание могло потом послужить ему оправданием».

Трех юношей, состоявших в банде Чана, повстанцы решили подвергнуть символической казни. Им объявили, что они приговорены к смерти, и теперь, после расстрела Чана и крестьянина, они ожидали своей очереди. По словам Че, «эти ребята принимали самое деятельное участие в преступлениях Чана, но Фидель решил, что им следует дать шанс». «Когда карательная команда разрядила ружья в воздух, парни осознали, что по-прежнему живы. Один из них бросился ко мне с инстинктивными изъявлениями радости и благодарности и одарил меня восторженным поцелуем, словно я был его отец». Как впоследствии признавал Че, решение даровать им жизнь себя оправдало: все трое остались в повстанческой армии и сполна оплатили свое прощение тем, что стали «хорошими борцами за дело революции».

Журналист Эндрю Сейнт-Джордж, вновь появившийся у партизан, заснял сцену казни. Его фотографии вместе с сопроводительной статьей были опубликованы в журнале «Лук», а кроме того, его сообщения оказались в распоряжении

американской разведки (Сейнт-Джордж использовал свои визиты, чтобы собирать информацию о Фиделе и его повстанческой армии для правительства США).

Через несколько дней были пойманы еще несколько преступников. Среди них — не кто иной, как Маэстро, сопровождавший Че, когда он, мучимый астмой, шел на встречу с новыми добровольцами из Сантьяго. Его преступление состояло в том, что, уйдя из партизан, он стал выдавать себя за доктора Че и попытался изнасиловать девушку-крестьянку, пришедшую к нему «на прием».

После победы революции Фидель коснулся темы этих расстрелов в беседе с журналистом Карлосом Франки, участником «Движения 26 июля». В интервью он преуменьшил число казней, которые лично санкционировал в ходе войны, однако по поводу Маэстро высказался прямо и довольно многословно. «Мы очень немногих поставили к стенке, действительно очень немногих. За двадцать пять месяцев войны мы расстреляли не более десяти человек», — сказал Фидель. И добавил далее, по поводу Маэстро: «Этот был вылитый орангутан — отрастил огромную бороду. Он также был прирожденный клоун и мог таскать тяжести, как Геркулес, вот только солдат из него получился плохой… Что за глупость была прикидываться Че в районе, где мы проводили львиную долю времени и где каждый знал о нас все… И вот… Маэстро стал выдавать себя за Че: "Ведите ко мне женщин. Я их всех осмотрю!" Вы когда-нибудь слышали о подобной наглости? Мы расстреляли его».

VI

Стоял конец октября 1957 г., и Че, отойдя в Эль-Омбрито, решил начать создание «производственной» инфраструктуры для обеспечения потребностей партизан. Прибывшие к нему в лагерь двое студентов Гаванского университета приступили к строительству дамбы на реке Омбрито для выработки гидроэлектроэнергии.

Кроме того, было решено выпускать партизанскую газету «Кубано либре» («Свободный кубинец»). В начале ноября вышел первый ее номер: тираж был отпечатан на стареньком мимеографе, 1903 г. выпуска, специально ради этого доставленном в горы.

Че снова взялся за перо и написал серию заметок под своим старым прозвищем «Франкотирадор» («Снайпер»). Первую из них, озаглавленную «Начало конца», Гевара посвятил теме

американской военной помощи режиму Батисты, поиронизировав заодно над протестами, которые устроили защитники животных у стен здания ООН в Нью-Йорке в связи с решением СССР отправить в космос собаку Лайку.

«Сострадание наполняет наши души при мысли о бедном животном, которое доблестно погибнет во имя дела, о котором оно не имеет ни малейшего представления. Но что-то мы не слышали ни об одном американском филантропическом обществе, которое встало бы перед дверями благородного собрания и взмолилось бы о снисходительности к нашим гуахиро, а ведь они гибнут во множестве, срезаемые очередями из самолетов «Пи-47» и «Би-26»… и превращенные в решето выстрелами из пушек «М-1». А может быть, кому-то просто удобнее думать, что одна сибирская собака важнее тысячи кубинских гуахиро?»

Че планировал создание целой сети социальной инфраструктуры в Эль-Омбрито, и он даже организовал примитивный госпиталь, который должен был затем смениться новым, более совершенным. Вскоре, в дополнение к уже функционирующей пекарне, он обзавелся маленькой фермой по выращиванию свиней и птицы и устроил также сапожную и шорную мастерские; кроме того, вовсю шло возведение арсенала. Также началась работа по изготовлению простейших сухопутных мин и винтовочных гранат, получивших название «спутник» в честь советских космических аппаратов. Дабы подвести символический итог этим достижениям, Че распорядился сшить огромный флаг «Движения 26 июля» с вышитой на нем надписью «С Новым 1958 годом!» и поместить его на вершину горы Омбрито. Глядя на плоды своих трудов, Че чувствовал гордость от того, что ему удалось утвердить «реальную власть» в регионе. «Мы намерены закрепиться на этом месте, — писал он Фиделю 24 ноября, — и ни за что и никому не уступать его».

Однако как раз в это время поступили сведения, что войска Санчес Москеры движутся в направлении соседней долины Мар-Верде, сжигая по пути крестьянские дома. Че отправил Камило Сьенфуэгоса устроить на них засаду, а сам хотел ударить по врагу с тыла.

Найдя неприятеля, Че со своими людьми стал двигаться параллельным курсом. Неожиданно они обнаружили, что за ними из лагеря увязался щенок, их новый любимец. Ни с того ни с сего он вдруг начал лаять и никак не хотел успокаиваться. Тогда Гевара приказал бойцу по имени Феликс, присматривавшему за щенком, убить его. «Феликс бросил на меня взгляд, который ничего не выражал, — писал впоследствии Че. — Очень медленно

он вытащил веревку, обмотал ее вокруг шеи животного и стал ее затягивать. Мелкие подрагивания щенячьего хвостика неожиданно стали конвульсивными, а потом постепенно затихли, сопровождаемые ровным скулением, вырывавшимся у него из пасти, несмотря на то что она была крепко сжата. Я не знаю, как долго это тянулось, но нам показалось — целую вечность. Резко дернувшись в последний раз, щенок замер».

Отряд двинулся дальше. Издалека донеслись выстрелы — они решили, что это сработала засада Камило, но когда Че отправил вперед разведчиков, то те не обнаружили ничего, кроме свежевырытой могилы. Че приказал раскопать ее, и внутри обнаружилось тело вражеского солдата; что бы здесь ни произошло, все было кончено, и ни врага, ни бойцов Камило поблизости не было. Разочарованные от того, что пропустили бой, они двинулись обратно в долину, с наступлением ночи достигнув деревушки Мар-Верде. Она была пуста: все жители бежали, оставив имущество. Повстанцы закололи свинью и приготовили ее с юккой, после чего один из них взял в руки гитару и начал петь.

«Не знаю, в чем было дело: то ли в сентиментальной музыке, то ли в ночной тьме, то ли просто в усталости, — пишет Че. — Но случилось так, что Феликс, который ел сидя на полу, уронил кость, и в этот момент к нему кротко подошла домашняя собака и взяла ее. Феликс потрепал собаку по голове, и она взглянула на него. Феликс встретил этот взгляд, после чего мы с ним виновато посмотрели друг на друга… Ее глазами на нас смотрел убитый нами щенок».

На следующий день разведчики донесли, что войска Санчеса Москеры расположились лагерем менее чем в двух километрах от них.

Отряд Камило занял позицию неподалеку от противника в ожидании прихода Че. Тот незамедлительно повел бойцов к названному месту. На рассвете следующего утра, 29 ноября, повстанцы устроили несколько засад вдоль реки Туркино, перекрыв все возможные пути отступления. Для себя Че избрал особенно опасное место: если бы солдаты попытались пройти здесь, столкновение грозило бы стать лобовым.

Че с двумя-тремя товарищами прятался за деревьями, когда прямо перед ними прошли несколько солдат. Вооруженный лишь револьвером, Че от нервного напряжения поспешил с выстрелом и промахнулся. Началась перестрелка, и солдаты в смятении спрятались в кусты. Одновременно партизаны открыли огонь по крестьянскому дому, где находилась большая часть солдат. Затем, в момент временного затишья, Хоэль Иглесиас пошел посмотреть,

куда бежали солдаты, и получил шесть пуль. Че нашел его залитым кровью, но еще живым. Отправив юношу в свой полевой госпиталь в Эль-Омбрито, Че снова присоединился к сражающимся, однако люди Санчеса Москеры хорошо окопались и поддерживали мощный ответный огонь, так что любая попытка прямой атаки была бы смертельно опасна. Друг Че Сиро Редондо попытался подойти ближе к врагу и погиб, получив пулю в голову.

Во второй половине дня вражеским подкреплениям удалось пробить все заслоны, и Че был вынужден дать приказ своим бойцам отступать. День выдался кровопролитным. Вдобавок к Сиро они потеряли еще одного человека: тот попал в плен и был убит; пять человек, включая Хоэля, получили ранения. Колонна Че быстро отступила в Эль-Омбрито.

Несколько дней они спешно укрепляли свои позиции, и тут последовал сигнал тревоги: войска Санчеса Москеры двинулись на них. Че эвакуировал раненых бойцов и часть запасов в свой новый лагерь в Ла-Месе. Рассчитывая остановить продвижение сил врага, Че возлагал большие надежды на сухопутные мины. Однако, когда появились солдаты, мины не сработали, и передовые отряды Че поспешили ретироваться; путь в Эль-Обмрито был открыт. Не теряя времени, Че со своими людьми отступил из долины по дороге, ведущей к горе, получившей у них название Альтос-де-Конрадо в честь помогавшего им крестьянина-коммуниста, который жил там. Им пришлось преодолеть крутой подъем, чтобы попасть в покинутый этим крестьянином дом. Для засады партизаны избрали укрытие за валуном прямо напротив дороги. Тут им предстояло провести следующие три дня.

На сей раз план Че был довольно нехитрым. Спрятавшись за большим придорожным деревом, Камило Сьенфуэгос должен был уложить первого показавшегося солдата, затем в дело вступали снайперы, расположившиеся по бокам дороги, и одновременно с этим остальные открывали лобовой огонь по колонне врага. Че с парой бойцов занял позицию в резерве в двадцати метрах от основных сил, при этом сам он был лишь частично прикрыт деревом, и бывшие рядом с ним товарищи также находились в уязвимом положении. Он приказал, чтобы никто не высовывался, — о появлении солдат им следовало узнать по первому выстрелу. Впрочем, Че сам же нарушил собственный приказ, осторожно выглянув из-за дерева.

«В тот момент я ощутил напряжение, какое бывает перед боем, — писал он впоследствии. — Я увидел, что показался первый солдат. Он подозрительно огляделся и медленно пошел

вперед… Я спрятал голову, ожидая начала боя. Раздался выстрел…» Лес наполнился грохотом, военные даже пустили в дело минометы, но их снаряды опускались далеко за спинами повстанцев. И тут Че «получил пулю в левую стопу, которая не была защищена стволом дерева».

Че услышал, что в его сторону кто-то движется, и понял, что беззащитен: ружье у него было разряжено, а зарядить его вновь времени уже не было, пистолет же упал на землю и лежал теперь под ним, но он не мог привстать и взять его, так как боялся стать легкой мишенью для врага. На его счастье, это оказался Кантинфлас. Он заявил, что у него заело ружье и он вынужден отступать. Подняв пистолет, Че с проклятием отослал юношу продолжать бой. Кантинфлас отважно выглянул из-за дерева, чтобы открыть огонь по врагу, но вместо этого сам был ранен пулей, прошившей ему левую руку и вышедшей через лопатку.

Укрываясь от огня, они поползли прочь, пока их не подхватили отступавшие товарищи. Кантинфласа положили на носилки, а Че, в котором еще бурлил адреналин, шел сам, пока боль от раны не одолела его. Только тогда Гевару посадили на лошадь.

Чтобы не дать военным продвинуться дальше, Че организовал новую засаду в Ла-Месе и послал срочное письмо Фиделю, в котором доложил о последних событиях и попросил помощи. Однако вскоре выяснилось, что дела обстоят не так плохо, как он опасался. Враг не стал развивать наступление и полностью ушел из тех мест. Была и еще одна хорошая новость. Хоэля Иглесиаса прооперировали, и тот находился на пути к выздоровлению. У Че из ноги извлекли пулю, и он снова мог передвигаться самостоятельно.

В Эль-Омбрито ему открылась страшная картина опустошения: «Среди дымящихся руин мы не нашли ничего, кроме нескольких кошек и одной свиньи: они избежали ярости наступающей армии лишь для того, чтобы попасть на стол к нам». Так закончился первый год войны и начался новый, 1958-й. Че занялся созданием новой базы в Ла-Месе.

VII

В своем письме Фиделю от 9 декабря Че также коснулся темы нарастающей конфронтации с Национальным директоратом «Движения 26 июля». Че никогда не любил людей из льяно — и они, похоже, платили ему взаимностью, — но теперь их отношения переросли в открытую неприязнь.

Формально проблема заключалась в разногласиях по поводу организации поставок продовольствия и других припасов. Став команданте, Че отказался признавать сменщика Франка Паиса — Даниэля — как координатора повстанческой армии в Орьенте, предпочитая независимо от него находить для себя поставщиков, минуя одобрение Директората. Но куда важнее было другое: для Национального директората Че был «радикальным» марксистом. Армандо Харт и Даниэль, оба убежденные антикоммунисты, со все возрастающей тревогой следили за тем, как аргентинский военачальник не только руководит собственной колонной на правах почти полной автономии, но и, очевидно, оказывает влияние на Фиделя, взаимодействовать с которым у них самих получалось все хуже. Желая положить конец противоречиям, Даниэль и Селия Санчес направились в конце октября в Сьерра-Маэстру, чтобы встретиться с Фиделем. Их визит совпал с серьезными изменениями в политической ситуации.

После провала восстания в Сьенфуэгосе, которое было тайно поддержано ЦРУ, американцы, похоже, продолжали искать, на кого сделать ставку, желая смещения Батисты с его поста. Идеальным вариантом стало бы создание широкой коалиции «приемлемых» политических сил Кубы, включая мятежное «Движение 26 июля». Кубинский конфликт грозил выйти из-под контроля, армия демонстрировала совершеннейшую неспособность нанести по повстанцам решающий удар, и единственным выходом для Батисты оставалось полностью развязать руки своим прихвостням. Полковник Альберто дель Рио Чавиано, печально прославившийся еще во времена Монкады участием в пытках и казнях повстанцев, был назначен руководителем кампании по искоренению партизан в Сьерра-Маэстре, а за голову Кастро была положена награда в сто тысяч долларов.

Враги Батисты принимали ответные меры. В октябре-ноябре «Движение 26 июля» активно занималось выслеживанием шпионов и предателей в городах, в результате чего смерть настигла предателя Гальего Морана, ставшего агентом тайной разведки Батисты. Свирепый командир гарнизона в Ольгине, полковник Фермин Коули, ответственный за уничтожение экипажа «Коринтии» и многие другие убийства, был ликвидирован боевой группой «Движения 26 июля». Чтобы вывести военную кампанию за пределы Сьерра-Маэстры и превратить ее в общенациональную, Фидель задумал нанести решительный удар по экономике страны; в подтверждение твердости намерений он пообещал поджечь обширные тростниковые плантации своей собственной семьи в Биране.

Парадоксальным образом, несмотря на конфликт, кубинская экономика была на подъеме благодаря росту цен на сахар и иностранным инвестициям, в основном из США. Никелевые концерны в Орьенте, принадлежавшие американцам, только что объявили о планах по расширению производства, а в Гаване была увеличена рабочая территория порта, который перестал справляться с объемами морских грузовых перевозок. Туристы продолжали стекаться в Гавану, и, для того чтобы справиться с их потоком, были построены новые комфортабельные отели. Последний урожай тростника был одним из богатейших в истории Кубы, и он принес казне несколько сотен миллионов долларов дохода.

Несмотря на растущее недовольство Батистой в Госдепартаменте и ЦРУ, американское военное ведомство твердо выступало в поддержку диктатора. В ноябре была устроена церемония, на которой глава кубинских ВВС полковник Карлос Табернилья был награжден американским орденом, а сам Батиста был провозглашен «великим генералом и великим президентом» в заздравном тосте, произнесенном генералом американского военно-морского корпуса Лемюэлем Шепердом. Проведя несколько месяцев на своем посту, посол Эрл Смит узнал уже довольно много о «коммунистическом влиянии» в среде повстанцев и начинал все более скептически относиться к Фиделю Кастро.

Фидель тем временем всеми силами пытался утвердить себя в роли фактического лидера кубинской политической оппозиции. Чтобы преуспеть в этом деле, ему было необходимо показать, что его программа отличается умеренностью и не несет в себе угроз.

Получив письмо от Армандо Харта, который сообщал ему о перспективах создания широкого альянса оппозиции, Фидель тут же отправил послание своему доверенному лицу в США, требуя, чтобы тот возглавил делегацию на запланированной на 1 ноябре встрече. Он также перечислил людей, которых необходимо было провести на ключевые посты в альянсе. После этого Фидель, уверенный в том, что его требования будут удовлетворены, вновь обратился к ведению партизанской войны. Даниэль, явно получивший от Кастро нагоняй, вернулся в Сантьяго и рьяно начал собирать необходимые Фиделю боеприпасы, продовольствие и т. д. Селия же никуда не уехала. Фидель заявил, что ему требуется ее «женское присутствие». В итоге она осталась с ним до конца войны.

1 ноября в Майами был сформирован «Союз по освобождению Кубы», на встрече присутствовали представители большинства основных сил кубинской оппозиции. Впрочем, коммунистам там

места не нашлось, зато «Движение 26 июля» получило главенствующие позиции во вновь образованном национальном комитете союза. К неудовольствию Фиделя, в качестве официального представителя движения выступил Фелипе Пасос. Это было воспринято Кастро как попытка отодвинуть его на вторые роли. Более того, подписанный пакт, хотя и содержал стандартные призывы к свержению Батисты, проведению честных выборов и возврату к конституции, был откровенно проамериканским. В нем ни слова не было сказано против иностранной интервенции и установления власти военной хунты после свержения Батисты — а этого Фидель боялся больше всего, — к тому же в нем содержалось положение о том, что после победы должно произойти слияние партизанских формирований Фиделя с кубинскими вооруженными силами. Экономические вопросы также оказались затушеваны, прозвучало лишь весьма неопределенное обещание создать новые рабочие места и поднять уровень жизни.

Новости стали просачиваться в сьерру благодаря сообщениям Даниэля и Армандо Харта, которые писали, что разочарованы положениями пакта, но добавляли, что они все же «терпимы». Рауль пришел в бешенство и, обвинив Фелипе Пасоса в откровенном предательстве, предложил его расстрелять. Фидель дал понять, что недоволен, но публично высказываться пока что не стал. Поглощенный военными делами, Че с некоторой опаской ждал реакции Фиделя. В письме от 9 декабря из Ла-Месы он открыто сказал все что думает. Обвинив Национальный директорат едва ли не в измене, он потребовал, чтобы ему было дано право на некие «жесткие меры» для выправления ситуации, в противном случае Гевара грозился уйти со своего поста. Как бы дипломатично он ни старался выражаться, это был ультиматум собственному шефу. Не только будущие отношения Че и Фиделя зависели теперь от ответа последнего, но и весь ход революционной борьбы на Кубе.

Через четыре дня Че получил ответ. Содержание этого письма никогда никем не разглашалось, но, каковым бы оно ни было, Гевара избавился от сомнений. 15 декабря он написал Фиделю: «Вот только что прибыл человек с твоей запиской от 13-го. Я должен признаться, что она… наполнила меня покоем и радостью. Не по личным причинам, но потому, что этот шаг означает для Революции. Ты прекрасно знаешь, что я никогда не доверял людям из Национального директората ни как лидерам, ни как революционерам. Но я не думал, что они зайдут так далеко, чтобы открыто предать тебя».

Одновременно с письмом Че Геваре Фидель написал статью, в

которой разнес «Майамский пакт» в пух и прах. Он отправил ее Че, членам Национального директората и каждому из тех, кто подписал пакт, причем последних он обвинил в «недоношенном патриотизме и трусости». «Руководство борьбой против тирании на Кубе находится и будет находиться впредь в руках сражающихся за дело революции». По поводу будущего своей партизанской армии он высказался жестко: "Движение 26 июля" само претендует на то, чтобы поддерживать общественный порядок и осуществлять реорганизацию вооруженных сил республики». Наконец, подозревая, что Фелипе Пасос пытается утвердить за собой будущий пост главы временного правительства, Фидель выдвинул ему в противовес собственного кандидата — пожилого адвоката из Сантьяго Мануэля Урритиа. Свое послание Фидель заключил словами: «Таковы наши условия… Если они не будут приняты, мы продолжим борьбу в одиночку… Чтобы погибнуть с достоинством, компания не требуется».

Этот документ возымел нужный эффект, в одночасье разрушив новообразованный союз. Ортодоксальная партия вышла из договора; Пасос покинул ряды «Движения 26 июля», а Фауре Чомон, новый глава «Директории», жестко раскритиковал позицию Фиделя и начал планировать проведение собственной военной кампании на Кубе. Фиделю предстоял еще серьезный разговор с Национальным директоратом, а Че тем временем сошелся в словесной дуэли с Даниэлем. Они обменялись несколькими яростными посланиями. Откровенно заявив о своих марксистских воззрениях и о том, что снова верит в Фиделя «как в подлинного лидера левой буржуазии», Че заклеймил Даниэля и других «правых» из Директората, сказав, что они бесстыдно позволили собравшимся в Майами «поиметь в задницу» повстанческое движение. Даниэль в ответ обвинил его в желании отдать Кубу под «советское господство». Он и его товарищи в льяно тоже не в восторге от «Майамского пакта», заявлял Даниэль, но они полагают, что, прежде чем отказываться от него, «Движение 26 июля» должно решить раз и навсегда, за что оно борется и в каком направлении идет.[18]

Более чем любые другие документы, эта эпистолярная война между Даниэлем и Че раскрывает глубину идеологических расхождений в кубинском повстанческом движении того времени. Даниэль писал свой ответ Че, еще не зная об отказе Фиделя признавать «Майамский пакт», но жребий был уже брошен: всем другим оппозиционным группировкам на Кубе было указано, что они могут претендовать на какую-либо роль в кубинской революции только после признания Фиделя ее верховным

лидером и на его условиях. Очень скоро новость о демарше Кастро облетела всю Кубу. 6 января Че написал Фиделю: «Как в свое время сказал Ленин, принципиальная политика — самая лучшая политика… Ты стоишь сейчас на великом пути, будучи одним из двух или трех лидеров Америки, приход к власти которых лежит через вооруженную борьбу масс».

Однако очень немногие тогда осознавали всю значительность шага, сделанного Фиделем — шага, которому в конечном счете суждено было повлиять на жизни миллионов людей на Кубе и за ее пределами. Его публичное непризнание «Майамского пакта» было лишь видимым проявлением куда более серьезного политического решения, остававшегося пока тщательно оберегаемым секретом.

VIII

Фидель всегда знал, что однажды ему придется пойти против американцев, но он надеялся оттянуть этот момент до тех пор, пока не получит власть в свои руки. Их щупальца слишком крепко опутали его родину, чтобы можно было ограничиться полумерами, и, если он собирался править страной так, как считал нужным, и рассчитывал добиться для Кубы подлинного национального освобождения, ему нужно было обрубить их целиком. В понимании Че это означало проведение социалистической революции, но сам Фидель таких терминов тщательно избегал.

До сих пор Кастро держался на безопасном расстоянии от кубинских коммунистов в лице НСП. Чтобы крепко встать на ноги, он прибегал к мягкой риторике для привлечения широких слоев общества на свою сторону и во избежание конфронтации с американцами. Однако «Майамский пакт» показал Фиделю, что настало время решительных действий.

Накануне отплытия «Гранмы» НСП дала понять Кастро, что поддерживает его цель — свержение Батисты, — но не одобряет его методов. С течением времени НСП была вынуждена рассмотреть вопрос о наращивании своего участия в вооруженной борьбе. Несмотря на сохранявшуюся настороженность в отношении военной стратегии Фиделя, компартии пришлось искать с ним компромисс, иначе она рисковала остаться вне будущей политической жизни страны. К тому же под давлением США Батиста начал беспощадное преследование членов партии, а многие рядовые коммунисты и так уже оказались в эпицентре военных действий. Еще летом 1957 г. партия направила к Че,

который был самым горячим союзником коммунистов среди партизан, молодого коммуниста из Гаваны — чернокожего кубинца Пабло Рибальту. Рибальта подтверждает, что был избран своей партией в середине 1957 г. для выполнения особой задачи — политического просвещения бойцов повстанческой армии. «Че просил, чтобы ему прислали кого-нибудь вроде меня: это должен был быть преподаватель с хорошим уровнем политического образования и опытом политической работы».

Рибальта прибыл в сьерру из Баямо и не застал Че в Ла-Месе. В его отсутствие Рибальта организовал местных коммунистов в повстанческий отряд и устроил школу политпросвещения. Когда Че наконец вернулся, он посадил Рибальту перед собой и устроил ему экзамен. По-видимому удовлетворившись услышанным, Гевара приказал Рибальте пройти курс военной подготовки в рядах партизан. Через несколько месяцев Че отправил его в Минас-дель-Фрио, где у него имелись школа для рекрутов, тюрьма и некоторые другие учреждения. Рибальта должен был стать инструктором, от которого требовалось готовить «всесторонне образованных» бойцов. «Мне было приказано никому не говорить, что я являюсь членом НСП, — вспоминает Рибальта, — хотя руководители партизан, включая Фиделя, знали об этом; но в тот момент это могло вызвать раздоры, и я повиновался приказу…»

Компартия поддерживала осторожные контакты и с Фиделем, и с другими представителями Директората, кульминацией чего в октябре 1957 г. стала встреча между Фиделем и Урсино Рохасом, официальным лицом НСП и бывшим лидером Союза трудящихся сахарной отрасли. По словам Рохаса, они обсуждали возможность создания коалиции между их организациями. Для Фиделя союз с НСП имел важный практический смысл. Каковы бы ни были его разногласия с этой партией, НСП была самой организованной политической группировкой в стране с давними и тесными связями с профсоюзами, что делало ее участие в грядущей всеобщей забастовке жизненно необходимым.

Чувствуя большую уверенность относительно политического направления, которое приобретала революция, Че стал более открыто выражать свои марксистские убеждения. Он даже начал осторожно просвещать своих бойцов, большинство которых было не только политически безграмотно, но и чувствовало иррациональную ненависть к коммунизму. Он представлялся им «красной угрозой», заморской заразой, с которой надо всеми силами бороться.

Постепенно бойцы из колонны Че поняли, что их команданте предан идеям социализма. Первыми об этом узнали те повстанцы,

которые были вхожи в его штаб. Одним из них был Рамон «Гиле» Пардо, который в августе 1957 г. подростком примкнул к колонне Че вслед за своим старшим братом Исраэлем. Через несколько месяцев младший из двух Пардо стал одним из доверенных лиц Че.

«Бывая в Эль-Омбрито, — вспоминал Пардо, — я слышал, что там есть несколько крестьян, членов НСП… Че наведывался к ним, и я заметил, что они симпатизируют друг другу. Он также немало спорил о политике с отцом Гильермо Сардиньясом. Еще у Че имелась синенькая книжка, которая оказалась сборником трудов Ленина, и он частенько ее изучал. Мне было любопытно узнать, кто такой Ленин, и я спросил его об этом. Он мне объяснил: "Ты знаешь о Хосе Марти, Антонио Масео и Максимо Гомесе. Ленин был сродни им. Он сражался за простой народ"».

В своих поздних опубликованных работах Че пытался показать, что переход революции к социализму был естественным, органичным результатом общения повстанческой армии с крестьянами Сьерра-Маэстры.

«Партизаны и крестьяне стали сливаться в единую массу, причем невозможно сказать, ни в какой именно момент на долгом пути революции это произошло, ни когда слова переросли в реальность и мы воистину стали частью крестьянства».

Описывая постепенное принятие крестьянством революции, Че прибегает к религиозному символизму и пишет, что крестьяне достигнут окончательного просветления, приучившись к жизни во имя Общего Блага. «Новое чудо революции состоит в том, что в условиях военного времени самый закоренелый индивидуалист, склонный рьяно отстаивать пределы своих владений и свои права, оказался готов присоединиться к всеобщей великой борьбе.

Но есть и большее чудо — к кубинскому крестьянину на освобожденной территории вновь вернулось ощущение счастья. Все, кто помнит, как прежде при виде наших войск в каждом деревенском доме поднималось глухое ворчание, отмечают с гордостью беззаботный гам, счастливый и сердечный смех жителей обновленной сьерры».

Это отрывок из статьи «Война и крестьянство», написанной Че через семь месяцев после окончания войны. Пусть он намеренно идеализировал жизнь в сьерре для пущего эффекта, но этот образ действительно стал для него той целью, которую он попытался впоследствии достичь в мировом масштабе. Более того, у Гевары сложилась концепция революции как идеальной среды для воспитания социалистического сознания.

Глава 18
Расширение фронта

I

В декабре 1957 г. Фидель решил отодвинуть линию фронта от Сьерра-Маэстры. Повстанческие отряды начали просачиваться в льяно, подвергать обстрелам военные гарнизоны вплоть до Мансанильо и поджигать грузовики с сахарным тростником и пассажирские автобусы на магистралях. С одной стороны, эта стратегия служила очевидной цели расширения фронта военных действий, с другой — отвлекала внимание от Сьерра-Маэстры, над территорией которой повстанцы быстро установили почти полный контроль. Стороны вступили в новый год в состоянии шаткого паритета: армия не осмеливалась на новые вторжения, но и повстанцы удерживались от масштабных акций.

В этом относительном затишье наиболее активно проявил себя Че Гевара. В своей новой ставке в Ла-Месе он не только восстановил всю инфраструктуру, уничтоженную врагами в Эль-Омбрито, но и значительно расширил ее, обзаведясь мясной лавкой, дубильной мастерской и даже маленькой фабрикой по изготовлению сигар. Че пристрастился к кубинскому табаку и теперь, подобно Фиделю, при возможности всегда курил сигары.

Мастерская обеспечивала бойцов обувью, ранцами и патронташами. А первую произведенную там кепку Че с гордостью преподнес Фиделю. Но вместо комплиментов он услышал хохот: кепка эта была как две капли воды похожа на те, что носили кубинские водители автобусов.

Стремясь противодействовать государственной цензуре и распространяемой военными дезинформации, Че особое внимание уделял организации повстанческих СМИ. «Кубано либре» печаталась теперь на новеньком мимеографе, но особенно амбициозным проектом стало создание небольшой радиостанции. Уже в феврале «Радио Ребельде» начало транслировать свои первые передачи.

Че также стремился улучшать качество производимых у него на арсенале боеприпасов, особенно новых бомб «М-26» и «спутников». Самые первые «спутники» представляли собой маленькие бомбочки, приводимые в движение с помощью резиновых ремней от гарпунного ружья. Впоследствии их приспособили таким образом, чтобы стрелять непосредственно из

винтовок, но первые модели являлись не чем иным, как взрывчатым аналогом камешков для рогаток. Сам снаряд представлял собой консервную банку из-под сгущенного молока, в которую клали небольшую порцию пороха. Эти бомбы издавали в полете страшный шум, но урон приносили небольшой, и вскоре противник стал использовать «антиспутниковую» металлическую сетку, ограждая ею свои лагеря. Но в начале 1958 г. бомбы еще не прошли испытания боем, и Че возлагал на них большие надежды.

Тем временем Фидель сделал очередной тактический маневр. Он заявил через посредника, что в случае вывода армии из Орьенте согласится на проведение выборов под контролем международных организаций. Это заявление было сделано как раз в тот момент, когда в обществе начинало нарастать недовольство как диверсиями повстанцев, так и жестокостью полицейских мер в городах. Очевидно, Кастро хотел создать впечатление, что и сам ищет мира. Однако реакция Батисты оказалась столь яростной, что посредник Фиделя был вынужден бежать из страны.

Между тем к Фиделю продолжали стекаться журналисты. Ситуация на Кубе стала одной из центральных тем международной журналистики, ей регулярно посвящались передовицы в «Нью-Йорк таймс», а в «Чикаго трибьюн» выходили статьи Жюля Дюбуа, работавшего корреспондентом в Латинской Америке. В январе и феврале в сьерру хлынул целый поток репортеров, в том числе из «Нью-Йорк таймс», «Пари матч» и различных латиноамериканских изданий. Вновь появился Эндрю Сейнт-Джордж, и Фидель через него передал в «Коронет» — одну из газет, с которой сотрудничал Сейнт-Джордж, — статью, где утверждал, что выступает за свободу предпринимательства и иностранные инвестиции и против национализации. Во временное правительство, которому, по его замыслу, предстояло сменить Батисту, он намеревался включить людей из деловых кругов и других образованных представителей среднего класса.

В январе «Движение 26 июля» постигли очень серьезные неприятности: были арестованы Армандо Харт и еще два активиста. По всем донесениям, их ожидала казнь, но в дело вмешался американский вице-консул в Сантьяго, который попросил посла Смита принять участие в судьбе задержанных.

В момент ареста при Харте было послание в адрес Че, которое он написал в ответ на злобную отповедь Че Даниэлю и в котором обсуждались марксистские взгляды Че и Рауля, а также противоречия между льяно и сьеррой. Через несколько дней после ареста Харта Рафаэль Диас-Баларт, бывший шурин Фиделя, от души его презиравший, выступил по радио и зачитал это

письмо, представив его как свидетельство коммунистического влияния на повстанческую организацию Кастро.

Впрочем, пропагандистская кампания очень быстро сошла на нет. В скором времени после ареста Харта военные забрали из тюрьмы в Сантьяго группу подозреваемых в связях с повстанцами, отвезли их в предгорья сьерры и казнили, после чего распространили информацию, будто двадцать три повстанца были убиты в результате военного столкновения, в котором правительственные войска потерь не понесли. В заметке «Стрельба без правил», опубликованной в «Кубано либре», Че, под псевдонимом Снайпер, выступил с обличительной критикой контрреволюционеров всего мира:

> «Все революционные войны имеют схожие черты: A) правительственные войска "нанесли значительный урон повстанцам"; B) пленных нет; C) армейское командование не может доложить правительству "ничего нового"; D) все революционеры, в какой бы стране или регионе они ни были, получают "тайную помощь от коммунистов".
>
> До чего же по-кубински выглядит мир! Повсюду одно и то же. Патриотов отечества уничтожают… и не важно, есть у них оружие или нет, являются они повстанцами или нет, причем убивают их всегда в ходе "жестокого сражения"… убивают заодно и всех свидетелей, отсюда отсутствие пленных. Правительственные силы никогда не несут потерь, что порой соответствует действительности, так как убивать безоружных людей не очень опасно, но иногда это совершеннейшая ложь: Сьерра-Маэстра являет тому неоспоримые свидетельства… Но везде, в том числе и на Кубе, у народа будет право на последнее слово — слово победы над насилием и несправедливостью».

Расправа над заключенными в Сантьяго отвлекла внимание кубинской общественности от пропагандистской кампании Батисты, однако внимание американцев, прежде всего посла США Эрла Смита, от темы «красного» присутствия в рядах «Движения 26 июля» отвлечь было невозможно. Откровения, содержавшиеся в захваченном письме Харта, еще более укрепили зарождавшуюся в Смите симпатию к режиму Батисты. В январе он совершил поездку в Вашингтон с целью пролоббировать интересы диктатора в Госдепартаменте: Батиста обещал восстановить конституционные гарантии и провести в июне выборы, в том случае если Соединенные Штаты не прекратят поставки оружия.

Выступая перед журналистами во поводу Кастро, Смит сказал, что не доверяет ему и не думает, что правительство США может иметь с ним дело.

В начале февраля Че со своими бойцами спешно заканчивал испытания «спутников», готовясь к первой в новом году серьезной операции повстанческой армии. Фидель решил снова атаковать Пино-дель-Агуа. Батиста только что снял цензуру во всех провинциях Кубы, кроме Орьенте, и Фидель хотел «нанести оглушительный удар», чтобы его имя вновь попало во все передовицы.

II

Атака началась на рассвете 16 февраля. Передовые отряды налетели на посты охраны, убили с полдюжины часовых и еще троих взяли в плен, однако основные силы врага быстро сомкнули ряды и довольно умело остановили продвижение повстанцев. В течение нескольких минут четверо партизан были убиты, еще двое ранены; Камило Сьенфуэгос был ранен дважды, когда попытался спасти оставленный на поле боя пулемет.

Че уговорил Фиделя еще раз пойти в нападение на окопавшегося противника, но посланные Кастро два отряда были отбиты мощным огнем. Тогда Гевара попросил у Фиделя право лично возглавить новую атаку: он собирался обратить солдат в бегство, запалив их лагерь. Сначала Фидель дал согласие, однако в самый разгар приготовлений Че получил от него записку: «Прошу тебя быть осторожным. Сам ты не должен принимать участия в бою. Это приказ. Постарайся распорядиться людьми наилучшим образом — это сейчас самое важное». Фидель рассудил, что Че вряд ли станет осуществлять свой план, если ему самому не удастся принять участия в деле, — и был совершенно прав.

На следующее утро в небе закружила авиация противника, и повстанцы отступили в горы, уведя с собой пятерых пленных и захватив сорок новых единиц оружия. После их отхода военные открыто казнили тринадцать крестьян, которые прятались поблизости от того места, где ранее располагались партизаны. Разоблачив это зверство в «Кубано либре», Че также оценил потери врага: по его мнению, он потерял от восемнадцати до двадцати двух человек убитыми. Сами военные, однако, распространили другие сведения: в официозном печатном органе сообщалось, что в бою погибли «шестнадцать повстанцев и пять солдат».

Следующие недели были отмечены ростом числа партизанских диверсий по всей стране. Затем, 23 февраля, в результате одной из наиболее нашумевших акций, устроенных движением, боевая группа «26 июля» захватила Хуана Мануэля Фанхио, знаменитого на весь мир аргентинского автогонщика, который приехал в Гавану для участия в международном турнире. Выпущенный впоследствии на свободу целым и невредимым, Фанхио заявил, что его похитители «вели себя дружелюбно и обращались с ним тепло и сердечно».

«Директория», парализованная было катастрофой, постигшей ее при попытке нападения на президентский дворец в марте 1957 г., вновь заметно активизировалась. Ее небольшая военизированная группировка уже несколько месяцев действовала в горах Эскамбрай близ Сьенфуэгоса. Руководил ею Элой Гутьерес Менойо, брат которого погиб во время нападения на дворец. Помогал ему американский ветеран Уильям Морган. В феврале к ним из Майами прибыло еще пятнадцать человек во главе с Фауре Чомоном. Они совершили несколько вылазок, а затем выпустили крикливую прокламацию, в которой пообещали обеспечить на Кубе богатые возможности в сфере труда и образования, и призвали к созданию «конфедерации американских республик». Услышав эти новости, Фидель выступил в роли великодушного старшего товарища, отправив записку, в которой приветствовал присоединение партизан «Директории» к «общей борьбе» и предлагал свое содействие.

Фидель предпринял новые шаги по расширению театра военных действий. 27 февраля он назначил трех лучших своих лейтенантов — Рауля Кастро, Хуана Альмейду и Камило Сьенфуэгоса — на должности команданте, дав в распоряжение каждому по колонне. Раулю предстояло открыть «Второй восточный фронт» в Сьерра-Кристаль на северо-востоке Орьенте, в непосредственной близости от американской военно-морской базы в заливе Гуантанамо, а Альмейде — «Третий восточный фронт» на востоке Сьерра-Маэстры до города Сантьяго. (Область военных действий для Камило было решено определить после того, как он оправится от ран, полученных при Пино-дель-Агуа.)

Фидель также занялся укреплением своей власти на «освобожденной территории». Бывший адвокат Умберто Сори-Марин, участвовавший в октябрьских «судах над бандитами», теперь работал над созданием юридической базы для управления захваченной повстанцами территорией. Затем Сори-Марин разработал закон об аграрной реформе, который должен был дать «юридическое» обоснование массовому угону скота из крупных хозяйств и перераспределению его между партизанами и

местными крестьянами. В марте было положено начало созданию тренировочной военной школы для новобранцев и офицеров в Минас-дель-Фрио. Общее руководство ею было поручено Че, а повседневное управление доверено Эвелио Лафферте, недавно вступившему в ряды партизан.

Любопытно, что еще месяцем ранее двадцатишестилетний лейтенант Лафферте воевал на стороне правительственных войск против партизан в бою при Пино-дель-Агуа и из всех лидеров повстанцев более всего боялся именно Че Гевару. «Армейская пропаганда против Че была очень мощной. Говорили, что любого солдата, попавшего к нему в плен, он привязывает к дереву и вспарывает ему штыком живот, выпуская кишки».

Попав в плен, Лафферте предстал перед внушавшим ужас аргентинцем. «Че сказал мне: "Так ты один из тех офицериков, которые хотят покончить с Повстанческой армией?" Он еще раз повторил слово «офицерик», и это меня разозлило». Уверенный в том, что повстанцы намереваются убить его, Лафферте отправился в импровизированную тюрьму в лагере Че в Ла-Месе, но, поскольку обращались с ним весьма уважительно, постепенно стал понимать, что ничего страшного не произошло.

В руках повстанцев оказался человек, потенциально весьма им полезный: Лафферте был подающим большие надежды молодым офицером. Фидель лично предложил ему встать на их сторону. Проведя в заключении месяц, Лафферте принял предложение, после чего незамедлительно получил от Фиделя звание капитана, а также приказ заведовать военной школой под общим руководством Че в Минас-дель-Фрио.

Че провел немало времени в разговорах с молодым офицером, расспрашивая его о семье, беседуя о литературе и поэзии. Он выслушал предложения Лафферте по поводу руководства военной школой и принял некоторые из них. Однако Гевара не согласился с тем, что новобранцы должны «клясться именем Бога», принося присягу повстанцам.

«Когда наши товарищи приходят в сьерру, — сказал ему Че, — нам не важно, верят они в Бога или нет, поэтому мы не можем обязать их клясться именем Бога. Я, например, атеист, но я — боец Повстанческой армии… Вы считаете правильным заставлять меня клясться тем, во что я не верю?»

Лафферте пришлось принять аргумент Че: «Мне, католику, не очень это понравилось, но я признал справедливость его возражений и потому исключил пункт о Боге из текста присяги».

Когда школа была уже организована и функционировала, Че назначил Пабло Рибальту ответственным за идеологическое воспитание новобранцев. Пользуясь псевдонимом Мойсес Перес,

Рибальта успешно скрывал свое истинное имя от товарищей по оружию. Также, чтобы не пугать учеников марксистскими текстами, для продвижения своих идей он использовал примеры из войны в сьерре, кубинской истории, работ и речей Фиделя «и других лидеров партизан». Между прочим, в числе «других лидеров партизан» был не кто иной, как Мао Цзэдун.

Вот как вспоминает о времени, проведенном в Минас-дель-Фрио, Гарри Вильегас Тамайо, тогда шестнадцатилетний юноша из городка Яра в Орьенте: «Че считал, что на войне боец не только сражается, но и формирует свое сознание. Он был озабочен воспитанием будущих кадров для Революции».

Усилия Гевары были не напрасны. Подобно некоторым другим молодым людям, отмеченным особым вниманием со стороны Че, Вильегас стал пламенным революционером, вначале войдя в состав его личных телохранителей, затем сражаясь бок о бок с ним в Конго и Боливии, а потом став одним из наиболее влиятельных генералов вооруженных сил Кубы.

III

От внимания репортеров, которые встречались с Че Геварой в Сьерра-Маэстре, не укрылось то, с какой преданностью относятся к команданте его бойцы. Некоторые из них и сами стали его пылкими почитателями и учениками. Достаточно упомянуть молодого аргентинского журналиста Хорхе Рикардо Мазетти. Он прибыл в сьерру, имея при себе верительное письмо от старого знакомого Эрнесто Гевары — Рикардо Рохо, вернувшегося в Аргентину в 1955 г. после того, как военные совершили переворот и устранили Перона от власти. В конце 1957 г. Мазетти разыскал Рохо в Буэнос-Айресе и попросил помочь ему встретиться с повстанцами в Сьерра-Маэстре. Рохо черкнул короткую записку для Гевары:

«Дорогой Чанчо! Предъявитель сего — журналист и друг, который хочет делать новостную программу на радиостанции «Мундо» в Буэнос-Айресе. Пожалуйста, позаботься о нем, он хороший малый».

В марте Мазетти прибыл в Сьерра-Маэстру. Однако он не стремился заранее восторгаться Че, и это видно из его описания Гевары: «У него с подбородка свисало несколько волосков, желавших походить на бороду… Знаменитый Че Гевара показался мне обычным аргентинцем, представителем среднего класса».

После совместного завтрака Мазетти задал Че провокационный вопрос, почему тот сражается не на родной

земле. Отвечая, Че то и дело пыхал трубкой, а Мазетти следил за его речью, которая, ему показалось, звучала уже не по-аргентински, а как какая-то кубино-мексиканская смесь. «Прежде всего, — сказал Че, — я считаю своей отчизной не одну только Аргентину, а всю Америку. Среди моих предшественников такие героические люди, как Марти, на земле которого я продолжаю его дело. Более того, я не думаю, что можно считать вмешательством в чужие дела то, что я отдаю себя лично, отдаю себя целиком, жертвую своей кровью во имя дела, которое считаю справедливым и истинно народным, то, что я помогаю народу освободиться от тирании… Ни одна страна до сих пор не осудила вмешательство Америки во внутренние дела Кубы, ни одна газета не обвинила янки в том, что они помогают Батисте вершить кровавую расправу над собственным народом. Но зато многие обеспокоены моей персоной».

Затем Мазетти спросил, является ли коммунистом Фидель Кастро. На это Че широко улыбнулся и ответил совершенно бесстрастно: «Фидель не коммунист. В противном случае у нас было бы куда больше оружия. Нет, это исключительно кубинское революционное движение. Или, точнее сказать, латиноамериканское. С политической точки зрения Фиделя и его движение можно охарактеризовать как патриотов-революционеров».

На вопрос о том, что побудило его войти в отряд Фиделя Кастро, Че ответил: «После моих скитаний по Латинской Америке, достигших высшей точки в Гватемале, я готов был присоединиться к любому революционному движению против тирании, просто Фидель произвел на меня впечатление незаурядного человека. Он принимал на себя и преодолевал самые невероятные трудности. В нем была поразительная уверенность в том, что он сможет добраться до Кубы. А добравшись, будет сражаться. И сражаясь — победит. Я принял его оптимизм».

Мазетти вернулся в Аргентину довольный: он взял интервью у Фиделя и Че — который впервые выступил перед международной радиоаудиторией. Также он записал приветствие Че своей семье. Визит Мазетти в дом семейства Гевара был для них очень волнующим, поскольку в последние годы письма от Эрнесто стали приходить крайне редко. Все чаще они узнавали новости о нем из журналов и газет. Особенно семейство гордилось фотографией из знаменитой статьи Герберта Меттьюза в «Нью-Йорк таймс». «Теперь мы узнали, — писал его отец — что Эрнесто сражается за правое дело».

Весной 1958 г. Гевара-старший увидел статью Боба Тейбера,

которая носила заголовок «Сможет ли Че изменить судьбу Америки?». Для отца она стала свидетельством значимости сына.

Долорес Мояно прислала родителям Че подборку материалов из испаноязычной газеты «Диарио де лас Америкас», выходившей в Майами. А комитет «Движения 26 июля» в Нью-Йорке отправил им копии официальных сообщений повстанческой армии. Наконец, Гевара Линч стал регулярно встречаться с латиноамериканским корреспондентом «Чикаго трибьюн» Жюлем Дюбуа, который специально разыскал отца Че во время своего визита в Буэнос-Айрес. Дюбуа часто бывал на Кубе и потому имел сведения о всех последних подвигах Че; в обмен на них он получал воспоминания старшего Гевары о молодых годах его сына. Однако, когда Дюбуа попросил своего собеседника записать вкратце все, что он знает о Фиделе Кастро, Гевара Линч заподозрил неладное. В своих мемуарах он отмечает, что один «очень надежный источник» подтвердил впоследствии причастность Дюбуа к агентам ЦРУ.

Семейство Че в Буэнос-Айресе посетил также уругвайский журналист Карлос Мария Гутьеррес, который до Мазетти побывал у повстанцев и преисполнился восхищения перед революцией и лично перед Че. По словам Гутьерреса, Че «заложил основы аграрной реформы в сьерре; построил фабрику по производству оружия; сконструировал ружье-базуку; ввел в действие первую хлебопекарню в горах; построил больницу; <…> создал первую школу и <…> запустил в действие "Радио Ребельде" <…> и при том у него хватило времени основать небольшую газету для распространения информации среди повстанческой армии».

Визит Мазетти окончательно убедил родителей, что из их семьи вышел великий человек. Они прослушали запись, которую принес им очередной почитатель их сына, а также записи его собственного интервью на радиостанции «Мундо». Гевара Линч, зараженный энтузиазмом Гутьерреса и Мазетти, которые стали частыми гостями и друзьями семьи, вскоре превратился в жаркого сторонника кубинской революции. «Все мы оказались охвачены идеей защиты Революции, — писал он. — Мой дом на улице Араос превратился в революционный центр». Он организовал отделение местного комитета по поддержке «Движения 26 июля», а также «Комитет помощи Кубе», который устраивал танцы и продавал облигации, добывая тем самым средства. Дело сына стало теперь и его делом.

Ильда, находившаяся в Лиме, стала официальным представителем «Движения 26 июля» в Перу. Жена Че занималась пропагандой и сбором денег, а также совместно с несколькими членами левого крыла АНРА, в ряды которого она вновь вступила,

организовала группу поддержки кубинских беженцев, искавших политического убежища в Перу.

Воспоминания Ильды об этом периоде выдают определенное недовольство: «От Эрнесто время от времени приходили письма. Однако к нему смогли попасть только некоторые из моих писем, хотя я следовала всем его инструкциям… Когда Ильдите исполнилось два года, 15 февраля 1958 г., я написала Эрнесто с просьбой позволить мне выехать к нему в горы на Кубу, чтобы быть рядом и помогать; ребенок уже достаточно вырос, и его можно было оставить на попечение моей или его семьи. Но Эрнесто ответил, что мне нельзя пока приезжать, военные действия в полном разгаре, и скоро начнется наступление».

Но имелась и другая причина, по которой присутствие Ильды в Сьерра-Маэстре было нежелательным. Весной 1958 г. у Че появилась любовница, молодая гуахира по имени Сойла Родригес.

Восемнадцатилетняя Сойла была матерью-одиночкой и жила в доме своего отца-крестьянина. «Как-то днем, точную дату я не помню, — вспоминала она годы спустя, — я загоняла коров в стойло, и тут появился Че верхом на муле… Он был одет в зеленую форму и черный берет». Че приехал к ее отцу, чтобы попросить его подковать мула; но отца дома не было, поэтому Сойла предложила сделать эту работу сама.

Закончив, Сойла угостила Че кофе. Гость стал задавать ей вопросы. Где она научилась подковывать мулов? Замужем она или нет? «Че произвел на меня огромное впечатление, не буду этого отрицать, он очень понравился мне как женщине, и прежде всего его взгляд, у него были такие красивые глаза, а улыбка такая спокойная, что она тронула бы любое сердце, ни одна женщина не устояла бы перед ней».

Вскоре Сойла стала выполнять небольшие поручения партизан, время от времени встречаясь с Че, пока однажды он наконец не предложил ей остаться в Минас-дель-Прио насовсем.

Любопытно, что Че, похоже, не пытался внушить Сойле никаких политических взглядов. Она вспоминает, как однажды увидела одну из его книг с золотым тиснением. «"Неужели это золото?" — спросила я Че. Мой вопрос его позабавил. Засмеявшись, он сказал: "Это книга о коммунизме". Я была слишком робкой и не спросила его, что такое коммунизм, хотя не слышала этого слова прежде».

IV

В марте 1958 г. в события вмешалась Католическая Церковь. Призывая повстанцев покончить с насилием и образовать правительство национального примирения, она организовала «согласительную комиссию», в которую вошли консервативные политики, представители деловых кругов и один священник. Если реакция Батисты на это начинание католиков была сдержанно положительной, то Фидель счел мирную инициативу Церкви откровенно прорежимной. Впрочем, он рисковал, отказываясь вести диалог, поскольку общество начинало склоняться к поиску компромисса. В самый сложный момент Фиделю неожиданно помог Батиста.

Когда в Гаване было заведено уголовное дело на двух его наиболее отъявленных головорезов, диктатор вновь отменил все конституционные гарантии и закрыл дело, вынудив судью, который вел процесс, бежать с Кубы. В ответ Соединенные Штаты приостановили все поставки вооружения на Кубу. Перед лицом недовольства Вашингтона, усиления активности повстанцев и нарастающих призывов уйти в отставку со стороны различных гражданских сил Кубы Батиста не нашел ничего лучшего, как перенести запланированные выборы с июня на ноябрь. Вскоре после этого Фидель встретился с Национальным директоратом, и 12 марта они подписали совместный манифест, в котором призвали начать подготовку ко всеобщей забастовке и «тотальной войне» против режима.

Они хотели полностью парализовать жизнь в стране: 1 апреля предлагалось прекратить налоговые выплаты, с 5 апреля все, кто не оставит работу в любом исполнительном органе власти, объявлялись предателями, все вступающие в правительственные войска — преступниками, а судьи должны были уйти в отставку. После объявления по радио призыва к забастовке повстанцы планировали совершить вооруженные акции в Гаване и по всей стране. Фаустино Перес, недавно вышедший из тюрьмы, должен был организовать стачки в Гаване, а Фидель готовил свою армию к полномасштабному восстанию.

Не желая остаться в стороне, коммунистическая партия Кубы, НСП, приказала членам своей боевой группировки последовать призыву и начать готовиться к выступлению, однако Национальный директорат блокировал эту инициативу. Даже после того, как НСП отправила своих эмиссаров к Фиделю, а тот распорядился позволить «всем кубинским рабочим вне зависимости от их политических и революционных предпочтений» принять участие в работе забастовочных комитетов, активисты льяно проявили настойчивость и не допустили коммунистов к организаторской работе.

Призыв к забастовке прозвучал 9 апреля, но кончилось все полным провалом. Подконтрольная Батисте Конфедерация трудящихся Кубы (КТК) и недопущенная до работы НСП остались в стороне. Большинство магазинов и фабрик в Гаване продолжали работать, забастовка практически не коснулась и таких ключевых секторов, как энергетический и транспортный. В Сантьяго забастовка тоже быстро выдохлась. Однако Фидель попытался сделать хорошую мину при плохой игре, выступив 10 апреля по радио с грозной речью: «Вся Куба пылает, распаляемая гневом на убийц, бандитов и разбойников, доносчиков и штрейкбрехеров, головорезов и военных, до сих пор еще преданных Батисте».

Но скрыть фиаско было невозможно. Оно нанесло серьезный удар по повстанческому движению, и если Фидель не мог признать этого публично, то в письме Селии от 16 апреля он говорит об этом прямо: «Забастовка породила большое брожение в умах, но я надеюсь, что мы сумеем вновь вдохнуть в людей веру в нас. Революция опять в опасности, но судьба ее находится в наших руках».

Для Батисты поражение повстанцев стало, конечно же, настоящим подарком. Получив к тому же пять самолетов с боеприпасами от доминиканского диктатора Рафаэля Трухильо, он стал вынашивать планы по проведению полномасштабной летней кампании с целью раз и навсегда ликвидировать партизанскую угрозу.

Последние события всколыхнули также подозрения американцев, поскольку практически неприкрытый призыв Фиделя к «объединению рабочих» служил очередным доказательством близости Кастро к коммунистам. Тем более что НСП, забыв о секретности, которой окружала ранее свои переговоры с Фиделем, неожиданно открыто выступила в поддержку повстанческого движения. В феврале Национальный комитет НСП выпустил документ, в котором говорилось, что «несмотря на кардинальные расхождения в отношении тактики "Движения 26 июля" на всей прочей территории Кубы, партия одобряет и принимает действия партизан в Сьерра-Маэстре». Это заявление ясно показывало, что партия поддерживает лидеров повстанцев в сьерре, сохраняя свое неприятие руководителей движения в льяно, представляющих его правое крыло. Наконец, 12 марта в партийном еженедельном бюллетене «Карта семаналь» была опубликована статья под заголовком «Почему наша партия поддерживает Сьерра-Маэстру».

По сей день большинство бывших советских чиновников того времени придерживаются официальной точки зрения, что советские лидеры мало что знали о событиях на Кубе и победа

повстанцев в январе 1959 г. застала их врасплох, но такие заявления выглядят малоубедительными. Начать с того, что Советский Союз уже имел прямые контакты с Че и Раулем Кастро в их бытность в Мексике. Советские представители поддерживали контакты с лидерами региональных коммунистических партий, включая кубинскую НСП. Вообще в те времена большинство компартий в регионе зависело от денег из Москвы и подчинялось ее политическим директивам. Было бы крайне странно, если не сказать абсурдно, предполагать, будто Советский Союз оставался в неведении относительно начавшегося весной 1958 г. движения кубинских коммунистов, намеревавшихся присоединиться к революционному движению Фиделя Кастро. И действительно, в начале 1958 г. все больше коммунистов начинают вступать в ряды повстанческой армии, особенно в колонны, возглавляемые Че и Раулем.

Тем временем Фидель готовился нанести удар по руководству движения в льяно. Провал всеобщей забастовки наглядно продемонстрировал слабость этого руководства и дал Кастро основания взять под свой прямой контроль все движение.

16 апреля Фидель назначил Камило Сьенфуэгоса командующим в «треугольнике» между Баямо, Мансанильо и Лас-Тунас, дав ему задание координировать все партизанские действия на этой территории. Таким образом Кастро распространил свою власть за пределы сьерры в льяно и мог теперь запросто устроить забастовку в любом месте Орьенте. Но для начала Фиделю необходимо было укрепить линию обороны в Сьерра-Маэстре, так как было ясно, что Батиста намеревается совершить крупномасштабную военную операцию.

В середине апреля Фидель и Че отошли со своих баз в Ла-Плате и в Ла-Месе к северо-восточным предгорьям: Фидель разместил свою ставку в Эль-Хибаро, а Че со своими людьми расположился в одном дне пути от него, близ деревушки Минас-де-Буэйсито, где были расквартированы войска Санчеса Москеры. Перед Че стояла задача удерживать переднюю линию обороны, не допуская проникновения через нее солдат противника. Поэтому он обосновался в доме, отобранном у одного землевладельца в местечке под названием Ла-Отилия, находившемся всего в двух километрах от базы врага. Ни та, ни другая сторона, похоже, не хотела рисковать, удерживаясь от решающего сражения. По ночам повстанцы обстреливали позиции соперника и регулярно устраивали мелкие стычки с военными, в то время как Санчес Москера отвечал в основном карательными акциями против местного населения, сжигая и разграбляя дома и убивая тех, кого можно было заподозрить в содействии партизанам. Ла-Отилию

военные почему-то не трогали.

«Я до сих пор не могу понять, почему Санчес Москера позволил нам спокойно поселиться в доме, — писал впоследствии Че, — расположенном на довольно ровной территории с чахлой растительностью, и не прибег к помощи военно-воздушных сил. Видимо, ему не хотелось, чтобы летчики увидели, как близко находятся его войска, поскольку тогда ему пришлось бы объяснять, почему он не напал на нас».

Через несколько недель после того как Че обосновался в Ла-Отилии, он получил новые указания. Че должен был взять под свой личный контроль деятельность школы для новобранцев в Минас-Дель-Фрио; там собралось значительное количество добровольцев, которым в будущем предстояло предпринять рискованный марш-бросок через весь остров. Вместо Че руководить колонной, выдвинутой против Санчеса Москеры, остался его заместитель Рамиро Вальдес.

«Радио Ребельде» и «Кубано либре» были переведены из Ла-Месы в ставку Фиделя в Ла-Плате, которая, располагая госпиталями, электрогенераторами и складами снаряжения, стала настоящим центром повстанческого движения, терять который было никак нельзя. Именно здесь проходила последняя линия обороны и сюда были доставлены большие запасы продовольствия и лекарств, которые могли потребоваться в случае затяжной осады.

Че без особого восторга подчинился приказанию Фиделя. Дневник Гевары отражает разочарование, которое он испытывал: «Мы выехали на рассвете, я — в довольно подавленном состоянии, поскольку мне пришлось покинуть территорию, которая была под моим контролем почти год, и к тому же в критический момент».

V

Остаток апреля Че провел в постоянном движении. Вместе с несколькими летчиками, которые перешли на сторону повстанцев, он попытался найти подходящее место, чтобы построить взлетно-посадочную полосу, и обнаружил его близ Ла-Платы, после чего отправил бойцов расчищать заросли и рыть тоннель, в котором предполагалось скрывать грузовые самолеты. Одновременно он наблюдал за ходом работ в еще не до конца готовой школе для новобранцев в Минас-дель-Фрио и регулярно встречался с Фиделем.

На Кубе и за границей тем временем вовсю продолжались

маневры оппозиционных режиму Батисты сил. Явное ослабление хватки диктатора, впрочем, не способствовало объединению оппозиции, а, напротив, усиливало внутренние интриги. Принимая во внимание известность и моральный авторитет Фиделя Кастро и его повстанческой армии, прочие группы пытались вести сложную игру, одновременно и заискивая перед ним, и стараясь подорвать его позиции, уведя от него часть сторонников. Хусто Каррильо, руководитель провалившегося военного заговора 1956 г., бежавший из страны, но по-прежнему имевший тесные связи с кубинской армией, предложил Фиделю военную поддержку в обмен на подписание декларации, прославляющей Вооруженные силы Кубы. Хотя Фидель был заинтересован в том, чтобы переманить на свою сторону военных, он также понимал, что его пытаются перехитрить. Военный переворот, о котором говорил Каррильо, скорее всего, оказался бы на руку кубинскому деловому сообществу, умеренным политическим партиям и Вашингтону. А Фиделем Каррильо пожертвовал бы не задумываясь.

Но, пожалуй, самая серьезная угроза таилась внутри «Движения 26 июля». 1 мая Фидель созвал лидеров Национального директората в Альтос-де-Момпье. После провала с организацией всеобщей забастовки Фидель имел достаточно веских аргументов, чтобы начать атаку на своих политических противников, и он не замедлил осуществить задуманное. Че сыграл ключевую роль в этом действе, разыгранном 3 мая.

«Я проанализировал ситуацию, — писал Че в дневнике, — и выделил две противоборствующие силы, представленные лидерами сьерры и льяно, а также пришел к выводу об обоснованности позиций сьерры». Он обвинил лидеров льяно в «сектантстве», поскольку те не дали НСП поучаствовать в забастовке, заранее приговорив ее к поражению. «Я высказал мнение, что основная ответственность лежит на руководителе рабочих, на лидере бригад льяно и на руководителе забастовки в Гаване, то есть на Марио Давиде Сальвадоре, Даниэле и Фаустино. Поэтому они должны уйти в отставку».

После жарких дебатов, продлившихся до глубокого вечера, Фидель выставил предложение Че на голосование, и оно было принято. Результатом стала полная смена руководства движения в льяно: Фаустино, Даниэль и Давид Сальвадор были смещены со своих постов, а их полномочия отошли Сьерра-Маэстре. Более того, сам Национальный директорат должен был переместиться в Сьерра-Маэстру. Фидель был назначен генеральным секретарем, имеющим полномочия контролировать все внешние связи и поставки оружия, а также главнокомандующим всех

повстанческих сил. Ему в помощь был передан секретариат из пяти человек, который заведовал всеми финансовыми и политическими вопросами, тогда как отделение «26 июля» в Сантьяго, ранее отвечавшее за всю провинцию Орьенте, стало теперь простым представительством, подотчетным генеральному секретарю.

В заметке «Решающее заседание», написанной Че для журнала вооруженных сил Кубы «Верде оливо» в конце 1964 г., он так подвел итоги того судьбоносного дня: «На этом заседании были приняты решения, которые подтвердили моральный авторитет Фиделя неоспоримость его лидерских качеств и признание большинством революционеров того факта, что ранее был допущен целый ряд ошибок… Но, что самое важное, собрание выработало единую позицию по поводу двух концепций, сталкивавшихся друг с другом на протяжении всего первого этапа войны. Линия партизан одержала верх… Теперь у нас был только один руководящий центр — сьерра — и один-единственный лидер, один главнокомандующий — Фидель Кастро».[19]

Если кто-то ранее испытывал тревогу по поводу склонности Фиделя к каудильизму, то теперь этот вопрос был уже не актуален. Впрочем, для Че он никогда и не стоял на повестке дня. Гевара всегда смотрел вперед — в тот день, когда будет осуществлена «подлинная» революция, — и верил, что только сильному человеку эта задача по плечу. Отныне дорога вперед была свободна.

У Че не было времени на то, чтобы сполна насладиться победой. Правительственные войска уже начали подготовительные действия: вдоль гор были размещены войска, на побережье усилены гарнизоны. Партизанам необходимо было теперь подыскивать места для засад, рыть окопы, вырабатывать маршруты для поставок припасов и отступления. На западе, в районе горы Каракас, Кресенсио Перес должен был удерживать линию фронта силами своих партизанских групп, а задачей Рамиро Вальдеса было защищать зону вокруг Ла-Ботельи и Ла-Месы на востоке. Огромная ответственность лежала на плечах Че, и он развил поистине бурную деятельность. «Когда через несколько дней армия Батисты начала кампанию по нашему "окружению и уничтожению", мы выступили на защиту своей небольшой территории, имея в распоряжении лишь не многим более двух сотен исправных стволов».

VI

В самый разгар сезона дождей сьерра ощутила приближение кризиса: с каждым днем приходили все новые сведения и слухи о том, что кольцо вокруг партизан смыкается. 6 мая правительственная армия заняла две рисовые фермы на самом краю сьерры и взяла в плен одного повстанца. 8 мая в двух местах на побережье высадились дополнительные войска. 10 мая Ла-Плата подверглась бомбардировке с воздуха и с моря. Че молнией летал из одного места в другое, следя за тем, чтобы силы партизан были распределены правильно.

Вместе с тем Че не забывал об аграрных преобразованиях и сборе налогов с землевладельцев и плантаторов Орьенте. Фидель хотел получить достаточно денег для того, чтобы удержать свою армию на плаву в течение всей кампании, но Че столкнулся с противодействием со стороны владельцев плантаций. «Вот обретем силу и поквитаемся», — писал он в дневнике.

Набрав людей из школы в Минас-дель-Фрио, которая уже работала под бдительным оком политического комиссара — коммуниста Пабло Рибальты, — Че сформировал новую, Восьмую, колонну, назвав ее в честь своего погибшего товарища Сиро Редондо.

Фидель, который явно не был уверен в способности своей армии противостоять вторжению, внутренне готовил себя к худшему. 26 апреля он сказал Селии: «Мне нужен цианид. Ты не знаешь, как его можно раздобыть? Также нам нужен стрихнин — чем больше тем лучше. Но мы должны действовать осторожно, чтобы никто не узнал. Я заготовил пару сюрпризов на случай, если нас разобьют». Получил ли Фидель яд и что он собирался с ним делать — остается неизвестным. Предположительно, Кастро планировал отравить воду в лагере, если бы им пришлось бежать. Слегка поддавшись пораженческому настроению, он отправил срочную записку Че, чтобы тот прибыл в ставку.

Подчиняясь приказу, Че взял с собой одного новоприбывшего, Оскара «Оскарито» Фернандеса Мелла, двадцатипятилетнего врача, только что приехавшего из Гаваны. Сидя за рулем джипа, Че повел машину на сумасшедшей скорости по узкой грунтовой дороге, проложенной вдоль крутых горных склонов. Заметив, что Оскарито заволновался, Че сказал, чтобы он не беспокоился, и добавил: «Когда мы прибудем на место, я вам кое-что скажу». По приезде Че сообщил Оскарито, что вел машину первый раз в жизни — и это была чистая правда. Во время путешествий с Альберто Гранадо Че научился водить мотоцикл, но никогда не сидел за рулем автомобиля.

Пока Че ждал возвращения Фиделя, который совершал проверку одной из линий фронта, он встретился с Лидией,

курьером повстанцев, получившей задание посетить Гавану, Камагуэй и Мансанильо и связаться с подпольщиками. Лидии было уже за сорок, она оставила свою пекарню в Сан-Педро-де-Яо и присоединилась к повстанцам, после того как в их войска вступил ее единственный сын. Последний год Лидия служила курьером по особым поручениям Че и доставляла «наиболее компрометирующие» бумаги и документы повстанцев из Сьерра-Маэстры в Гавану и Сантьяго и обратно. Это были смертельно опасные задания, так как женщине приходилось неоднократно пересекать границу вражеской территории и в случае ареста ее ждали пытки и, вероятнее всего, гибель.

Лидия была из тех участников революции, которые вызывали у Че наибольшее уважение, он восхищался ее преданностью, честностью и отвагой. «Когда я думаю о Лидии, — писал он впоследствии, — то испытываю нечто большее, чем просто искреннее восхищение этой безупречной революционеркой, ибо она выражала особую привязанность ко мне и предпочитала работать под моим началом вне зависимости от того, какие задания я ей поручал».

Че не только доверял Лидии самые конфиденциальные поручения — в благодарность за ее преданность он поручил этой женщине руководить вспомогательным прифронтовым лагерем, находившимся в непосредственной близости к врагу.

Не без удовольствия Че пишет, что Лидия руководила лагерем «с некоторым своеволием, вызывая возмущение у подчиненных ей кубинских мужчин, не привыкших исполнять приказы женщины». Кроме того, он превозносит «безграничную храбрость» Лидии и ее «презрение к смерти» — такими же точно словами боевые товарищи Че описывали и его самого. Она отказывалась покинуть лагерь, становившийся все более опасным местом, и лишь перевод Че в другое место заставил Лидию последовать за ним.

С 15 по 18 мая, в отсутствие Фиделя, Че принял нескольких представителей различных политических сил. Наиболее важными из них были некий «Рафаэль, старый знакомый» и представитель НСП Лино. Они прибыли с предложением организовать единый фронт, хотя и отметили, что у партии сохраняются сомнения относительно Национального директората и его «негативного отношения» к ней. 19 мая, когда другие визитеры уже отбыли из лагеря, они все еще ждали Фиделя, желая поговорить с ним лично. Неожиданно в лагере вновь появился журналист Хосе Рикардо Мазетти, вернувшийся в сьерру, чтобы взять у Кастро очередное интервью. Его прибытие означало, что встреча Фиделя с коммунистами будет отложена на еще более поздний срок,

поскольку, как отметил Че в своем дневнике, «будет неправильно, если Мазетти что-нибудь услышит».

22 мая, когда Мазетти отбыл из лагеря, переговоры НСП с Фиделем смогли наконец состояться. «Мы поговорили с Рафаэлем и Лино, — писал Че, — которые отметили необходимость объединения всех революционных сил. Фидель в принципе принял их предложение, но оставил вопрос о формах его воплощения открытым».

Однако на тот момент первоочередной задачей для Фиделя было отбить наступление противника, так что объединение сил в льяно при всей его желательности сейчас отступало на второй план. Он надеялся избежать длительного и кровавого противостояния с правительственными войсками, для чего необходимо было подорвать их уверенность в своих силах; только после этого он мог бы выехать из сьерры в льяно и начать переговоры. К тому же, как всегда, страх Кастро перед американским вторжением удерживал его от полноценных контактов с компартией.

Следует признать, что основания для подобных страхов имелись. Несмотря на то что Госдепартамент приостановил поставки вооружения Батисте, Министерство обороны США передало кубинским ВВС триста ракет из Гуантанамо. К тому же в начале марта из Никарагуа от Сомосы прибыл корабль с тридцатью танками.

Озабоченность США политическими взглядами Фиделя заметно выросла за последние месяцы. В мае Жюль Дюбуа, корреспондент «Чикаго трибьюн», связался по радио из Каракаса с Фиделем и попытался выяснить характер отношений между лидером повстанцев и коммунистами. Вновь отрицая свою связь с последними, Фидель обвинил Батисту в распространении этих слухов ради получения американского оружия. Кроме того, он сказал, что не собирается национализировать промышленность и коммерческий сектор.

По его словам, у него не было никаких президентских амбиций, но «Движению 26 июля» предстояло после революции стать партией, чтобы «ее оружием стали конституция и закон».

Однако зазор между публичными заявлениями Фиделя и его подлинными намерениями становился все больше, свидетельством чему служит записка от 5 июня, направленная Селии вскоре после того, как первые поставленные американцами ракеты были использованы военно-воздушными силами Батисты в Сьерра-Маэстре, жертвой чего стал дом одного местного жителя. «Когда я увидел, как ракеты уничтожили дом Марио, я поклялся, что американцы дорого заплатят за свои деяния. По окончании

этой войны я начну куда более долгую и масштабную войну — войну против них. В этом, я чувствую, заключается мое подлинное предназначение».

Пока же Фидель занялся переманиванием на свою сторону ключевых офицеров армии — в частности, он отправил льстивое письмо генералу Эулохио Кантильо, командующему войсками в Гаване, — и вместе с тем через прессу начал психологическую войну против войск, собранных в сьерре.

«Кубинская армия в последнее время начала понимать, что участвует в настоящей войне, абсурдной и бессмысленной, которая может стоить тысячи жизней, в войне, к которой она не имеет отношения, поскольку в конечном счете мы воюем не с армией, а с диктатурой», — так передавала его слова венесуэльская печать.

Административная деятельность стала главной составляющей жизни Фиделя на этом этапе. Роль главнокомандующего повстанческих войск требовала от него все время находиться в ставке. Кастро целиком погрузился в дела: через поверенных за рубежом договаривался о поставках оружия; следил за распределением боеприпасов среди своих полевых командиров, постоянно напоминая о необходимости экономного их расходования; посылал богатым кубинцам письма с просьбами о пожертвованиях (те отвечали, что будут готовы помочь, если он только сумеет отразить наступление правительственных войск) — и при этом горько жаловался Селии на то, что ему все приходится держать под контролем.

«Я устал от роли надзирателя, от мотания туда-сюда без минуты покоя, от необходимости вникать в каждую мелочь просто потому, что кто-то забыл о ней или просмотрел. Испытываю ностальгию по тем дням, когда я был солдатом и чувствовал себя куда более счастливым, чем сейчас. Война для меня превращается в жалкую бумажную волокиту».

Однако же стремление контролировать все до самых мелочей было характерной чертой Фиделя. Разрабатывая общую стратегию военных действий, он вникал одновременно в самые мелкие и незначительные детали. При этом он донимал Селию просьбами добыть для него разные вещи, без которых не мог обойтись. «Мне нужна авторучка, — гласило одно из его посланий. — Ненавижу, когда у меня под рукой нет ни одной». В записке от 8 мая Кастро восклицал: «Я отвратительно питаюсь! Никому нет дела до моего питания… Я в ужасном настроении». 17 мая список жалоб расширился: «У меня нет табака, у меня нет вина, у меня нет ничего. Бутылка розового испанского вина осталась в доме Бисмарка, в холодильнике. Где она?»

Хотя Фидель не очень доверял организационным способностям практически всех своих подчиненных, на Че это не распространялось, и тот стал не только главным его поверенным во всех делах, но и фактически главой штаба. Если Че не было рядом, Фидель заваливал его записками, в которых сообщал о военных и политических планах, финансовых делах и даже об экспериментах с новым оружием, поступившим в их арсенал.

«Прошло много времени с момента нашего последнего разговора, — писал он Че 19 мая. — Мне недостает здесь старых товарищей. Вчера я провел эксперимент с гранатой из жестянки, результат потрясающий. Я подвесил ее на ветку дерева в 6 футах над землей и взорвал. Град смертоносных осколков разлетелся во все стороны, как из пульверизатора… Думаю, на открытом пространстве она может поражать на расстоянии в 45 метров».

В течение третьей недели мая правительственные войска начали пробные продвижения на повстанческую территорию. Генерал Кантильо имел в своем распоряжении в общей сложности четырнадцать батальонов для вторжения в сьерру — и это не считая авиации, артиллерии и танков. План Кантильо состоял в том, чтобы войти в сьерру с разных направлений, постепенно окружить повстанцев и максимально сократить подконтрольную им территорию, после чего перейти в атаку и уничтожить Фиделя в его «командансии» в Ла-Плате.

На юге были усилены прибрежные гарнизоны, а в море уже стояли военные корабли, готовые поддержать пехоту своей артиллерией и перекрыть повстанцам этот путь к отступлению. Повсюду были размещены войска под командованием Рауля Корсо Исагирре и Санчеса Москеры, готовые вторгнуться в горы Сьерра-Маэстры. Однако из десяти тысяч солдат Кантильо только треть была хорошо обучена, остальные новобранцы были спешно призваны в армию специально для этой кампании. Правда, если бы все пошло по плану, повстанцы оказались бы просто-напросто раздавлены наступающими со всех сторон войсками.

Вся «освобожденная территория» с опорными точками в Ла-Плате, Лас-Вегас-де-Хибакоа, Момпье и Минас-дель-Фрио представляла собой лишь клочок земли в несколько квадратных километров. Расстояние между командансией Фиделя и северной прифронтовой деревушкой Лас-Мерседес не превышало двенадцати километров. На юге всего лишь в восьми километрах от ставки повстанческой армии начиналось побережье. Наконец, в распоряжении Фиделя имелось лишь около 280 вооруженных людей, на каждого из которых приходилось примерно по 50 патронов.

19 мая, после воздушной атаки на укрепления повстанцев,

войска Корсо Исагирре попытались войти в Лас-Мерседес, но люди Кресенсио остановили их при входе в деревню. Позиции сторон разделяло всего четыреста метров. Фидель протрубил о том, что его бойцы проявили несгибаемость перед лицом превосходящего их силы противника, однако он сомневался в способностях Кресенсио как военачальника и несколько дней спустя попросил Че направиться туда и принять руководство в свои руки.

Прежде чем поехать в Лас-Мерседес, Че принял участие в мероприятии, крайне дисгармонировавшим с происходившими вокруг событиями, — организованном Умберто Сори-Марином съезде местных крестьян, на который, как это ни удивительно, явились 350 человек, чтобы обсудить вопросы, связанные со сбором урожая кофе. Этот съезд, хотя и остался незамеченным внешним миром, в действительности был важным событием, так как знаменовал собой первый шаг в реализации аграрной реформы. Че следил за прениями с живым интересом.

«Оргкомитет, в состав которого входил и Фидель, предложил принять следующие меры: ввести в сьерре особую валюту для оплаты труда, доставить солому и мешковину для упаковки, организовать рабочий и потребительский кооперативы, создать комиссию для контроля над работой и направить войска на помощь в сборе кофе. Все это было одобрено, но, когда Фидель собирался закрыть церемонию своей речью, самолеты начали обстрел территории в районе Лас-Мерседес». Именно так 25 мая началось массированное наступление неприятеля.

Че помчался в Лас-Мерседес. С этого момента и в следующие три месяца, занятый организацией обороны, он редко сидел на месте. В один из дней его нашла Лидия, которая доставила новость о том, что Фаустино Перес не подчинился воле большинства и остался на своем посту в Гаване. «Положение становится все хуже и хуже», — заметил в своем дневнике Че, но пока ему пришлось ограничиться простой констатацией случившегося и вернуться к заботам, связанным с военными действиями.

Он набрал добровольцев из учащихся школы в Минас-дель-Фрио, готовых идти на фронт, а наименее годных направил рыть окопы у Лас-Мерседеса. Как всегда, часть из них попыталась дезертировать, чтобы бежать из сужающегося кольца окружения.

Как-то раз в присутствии Фиделя был пойман один из беглецов. «Фидель хотел расстрелять его немедленно, — писал Че в дневнике, — но я воспротивился этому, и в конце концов решено было посадить его на неопределенный срок в тюрьму в Пуэрто-Маланге. Другой студент, приговоренный мной к десяти

дням без еды, попросил у Фиделя о снисхождении, и тот предложил ему выбор: отправиться в Пуэрто-Малангу или же продолжать голодать. Поскольку студент не знал, что выбрать, мы сослали его на месяц в Пуэрто-Малангу». А через несколько дней Кастро, зачастую произвольно обращавшийся с правилами революционного правосудия, взял и простил очередного пойманного дезертира.

Ввиду того, что войска неприятеля высадились на побережье, Фидель возглавил оборону Лас-Вегас-де-Хибакоа, отправив Че навести порядок в войсках Кресенсио Переса, где, по сообщениям, один из офицеров превышал свои полномочия. Перед отправкой туда Че судил другого офицера, обвиненного в убийстве, и приговорил его к смертной казни. Свой тридцатый день рождения Че провел у Кресенсио и, закончив расследование, решил отстранить виновного офицера от командования.

Вернувшись на фронт, он обнаружил там смятение, поскольку правительственные войска наступали по всем направлениям. Фидель переместился в Момпье. Лас-Вегас-де-Хибакоа был взят. Минас-дель-Фрио оказался теперь под угрозой, и Че пришлось закрыть линию фронта, за которую отвечал Фидель: за это время были построены новые оборонительные сооружения, еще один офицер был отстранен от командования, а несоблюдавшие субординацию лишены оружия.

26 июня он вновь встретился с Фиделем в Момпье, и Фидель на некоторое время задержал его у себя. Положение было суровым: повстанцы повсеместно уступали территорию. Фидель велел Камило и Альмейде привести свои колонны обратно в сьерру, но в рядах партизан уже начали распространяться пораженческие настроения.

«Ночью произошло три побега, — писал Че на следующий день, — один из которых был двойным: бежали Росабаль — приговоренный к смерти чивато, — Педро Герра из отряда Сори и потом двое военнопленных. Педро Герра был схвачен, с собой у него был украденный пистолет. Его казнили на месте».

В конце июня повстанцы одержали первую бесспорную победу, разбив войска Санчес Москеры, причем партизаны взяли в плен два десятка солдат и захватили пятьдесят-шестьдесят единиц оружия, но по всем другим направлениям правительственная армия продолжала наступать и, по донесениям, заняла Ла-Маэстру и другие горы по соседству. Услышав о том, что солдаты продвигаются в направлении Альтос-де-Мерино, Че утром 3 июля бросился на его защиту.

«У нас была неудачная позиция, и они постепенно окружали нас, а мы могли оказывать лишь слабое сопротивление. Я

почувствовал кое-что, чего не ведал раньше: стремление выжить. В следующий раз надо это подправить».

Мало кто в подобной ситуации отнесся бы к себе столь же критично, но Эрнесто Гевара, преобразившись в Че, бросал вызов инстинкту самосохранения. Это была одна из тех граней его характера, которая выделяла Че из подавляющего большинства его товарищей-партизан, дезертирство, нервозность, слабый боевой дух — все это было следствием «стремления выжить».

VII

В разгар операции Че получил письмо от матери из Буэнос-Айреса. Накануне одного из сражений он по радио связался с Селией, и теперь она написала сыну, чтобы поздравить с тридцатилетием.

Дорогой Тэтэ!

Я была так переполнена чувствами, когда спустя столько времени услышала твой голос. Я не узнала его — это был словно кто-то другой. Быть может, связь была плохая, а может, ты изменился. Только когда ты сказал «матушка», я услышала твой прежний голос. Какие чудесные новости ты сообщил. Вот жалость, что связь прервалась и я не успела рассказать тебе о своих. А поведать можно много о чем. Ана Мария 2 апреля вышла замуж за Петита, и они отправились в Вену… Все мои дети уезжают!.. У Роберто две чудесные белокурые дочки, а в августе ожидается появление наследника…

Недавно Селия вместе с ее женихом Луисом и Петитом получили престижную архитектурную награду. На троих им дали два с половиной миллиона песо. Я не влезаю в одежду — так меня распирает гордость от того, что у меня настолько способные дети.

Я стала очень одинока… Работа по дому страшно меня утомляет. Уже долгое время я готовлю себе сама, а ты знаешь, как я ненавижу домашние хлопоты. Кухня — моя обитель, и я провожу в ней большую часть времени. У нас случился скандал с твоим батюшкой, так что он теперь ко мне носа не кажет. Компанию мне составляют Селия, Луис и Хуан Мартин. Я так много хочу сказать тебе, мой дорогой. Боюсь не удержаться. Оставляю тебе додумывать самому.

Обнимаю и целую тебя бесконечно, со всей моей

любовью,

Селия

Можно задаться вопросом, как Че воспринял столь прочувствованное послание: прочитал ли он его бесстрастно или испытал приступ тоски по нормальной жизни, шедшей своим чередом в его отсутствие: братья и сестры вырастали обзаводились семьями, покидали родной дом и сами становились родителями а их родители между тем старели. И вспоминал ли он о собственных жене и дочери?

Надо признать, изменения коснулись не только голоса Тэтэ. Наряду с решимостью отдать всего себя делу революции в нем крепло стремление отречься от всей своей «внешней» жизни. Гевара редко писал Ильде и родителям, хотя возможность такая у него была. В конце апреля Фидель сообщил Че, что кто-то, предположительно Ильда, пытался дозвониться ему из Перу. Че, по-видимому, не перезвонил, поскольку Ильда ничего не пишет об этом в своих мемуарах. Поразительно, но и в своем дневнике он почти не касается личных вопросов — и это на фоне его предыдущих дневников, свидетельствующих о том, насколько Гевара был поглощен собой всего за несколько лет до того, в годы его блужданий по Латинской Америке.

VIII

Как выяснилось, план кубинских военных окружить повстанцев и постепенно сжать вокруг них кольцо было не так-то просто осуществить. Они не учли в полной мере топографические особенности зоны боевых действий. В густых лесах и глубоких ущельях Сьерра-Маэстры атаки быстро захлебывались, а боевые единицы легко теряли контакт между собой. Повстанцам это давало возможность при необходимости окружать отпавшие от основных сил отряды врага. Довольно скоро они сами перешли в наступление.

Развивая преимущество, Че и Фидель решили вновь разделиться: Фидель собирался напасть на неприятеля в Хигуэ, а Че остался защищать Момпье и руководить сопротивлением в Минас-дель-Фрио. Когда 11 июля Че прибыл в Момпье, кубинские ВВС провели массированную бомбардировку этого места, причем на сей раз использовали не бомбы, а напалм. Затем пришли тревожные известия. Брат Фиделя Рауль, возглавлявший повстанческие войска в Сьерра-Кристаль, взял в заложники сорок девять американцев.

За четыре месяца, проведенных в Сьерра-Кристаль, Рауль быстро усилил боевую мощь своих войск. К июлю под его началом находилось более двухсот вооруженных людей, кроме того, он организовал всю необходимую партизанам инфраструктуру, включая арсенал, больницы и школы, военную разведку и революционный трибунал. Но теперь все это находилось под угрозой. Хотя Раулю не пришлось столкнуться с таким полномасштабным наступлением, как его брату в Сьерра-Маэстре, военные бомбардировщики Батисты серьезно прижали повстанцев. В конце июня Рауль принял отчаянное решение взять в плен как можно больше американцев, находившихся на его территории.

26 июня его бойцы напали на принадлежавшую американцам «Моа-Бей майнинг компани» и захватили двенадцать американских и канадских служащих, еще дюжина была взята в плен на никелевом заводе в Никаро и на сахарном заводе «Юнайтед фрут компани» в Гуаро. Затем двадцать четыре американских моряка и морских пехотинца были высажены из автобуса на подъезде к военно-морской базе в Гуантанамо. В заявлении, разосланном для прессы, Рауль провозгласил, что совершает эти действия в знак протеста против американских поставок ракет и напалма Батисте, а также того, что кубинские военные самолеты тайно заправляются на базе в Гуантанамо. Эти шаги Рауля вызвали ярость в Вашингтоне, и некоторые сенаторы потребовали начать интервенцию. Парк Уоллем, американский консул в Сантьяго, отправился на встречу с Раулем, и начались переговоры.

Фидель, узнавший о разразившемся кризисе из прессы, немедленно передал Раулю по «Радио Ребельде» приказ освободить заложников. При этом он отметил, что, хотя взятие заложников не является политикой движения, подобные действия простительны в свете того, что американцы снабжают ракетами режим Батисты. Затем он отправил Раулю личное послание, в котором предостерег брата от радикальных действий в отношении заложников, так как это могло сказаться на репутации повстанцев в Соединенных Штатах.[20]

Впрочем, Рауль получил некоторые дивиденды от своей акции. Воздушные атаки на партизан в Сьерра-Кристаль неожиданно прекратились. Естественно, Рауль не стал отпускать всех заложников сразу, а растянул этот процесс, воспользовавшись затишьем для пополнения своего запаса оружия и снаряжения. Последние заложники были освобождены 18 июля, после чего атаки возобновились, но к этому моменту его войска были готовы продолжать боевые действия.

В ситуации с заложниками ярко проявилась та грань характера Рауля, которая пугала некоторых его товарищей и которую Че определил как экстремизм. Рауль, если его никто не контролировал, мог совершить все что угодно, и некоторые его последующие поступки заслужили ему репутацию отчаянного человека, который ни перед чем не остановится во имя победы революции.

Бившиеся в Сьерра-Маэстре повстанцы ежедневно несли потери. Минометным снарядом убило Хеонеля Родригеса, помогавшего Че основать газету «Кубано либре» в дни, когда Эль-Омбрито был первой «свободной территорией» в Сьерра-Маэстре. В своем дневнике Че высоко отозвался о нем. «Родригес был одним из лучших наших товарищей, подлинным революционером». В ту же ночь стало известно о смерти Карлитоса Маса, «погибшего от ожогов и ран, столь же мучительных, как и у Хеонеля». Быть может, самое печальное заключалось в том, что повстанцы не добились успехов, которые бы стоили этих жертв. Че продолжал удерживать линию в Минас-дель-Фрио. Ситуация там стала патовой, солдаты врага предпочли вырыть окопы, не желая ни развивать наступление, ни отступать. Продолжались воздушные бомбардировки. 17 июля самолеты разрушили госпиталь в Момпье, и Че руководил эвакуацией его пациентов в новое место. На следующий день он записал: «Ничего нового в зоне действий. Солдаты развлекаются только тем, что убивают оставленных нами свиней».

Пока Че пытался удерживать линию обороны по всему периметру вокруг Минас-дель-Фрио, Фидель старался измотать войска противника, осажденные им в Хигуэ. В самом начале июля он всего за два дня захватил девятнадцать военнопленных и восемнадцать единиц оружия и полагал, что враг, оставшись без поставок продовольствия, сдастся в течение сорока восьми часов.

Выяснив, что неприятелем командует майор Хосе Кеведо, с которым он учился в школе, Фидель написал ему 10 июля весьма любопытное послание: «Я часто вспоминал ту группу молодых офицеров, что были столь симпатичны мне своей тягой к культуре и прилежанием, с которым они относились к учебе… До чего же удивительно мне было узнать, что ты здесь! И как бы ни были тяжелы обстоятельства, я всегда рад услышать о ком-нибудь из вас, и я пишу эти строки просто под влиянием момента, ничего не предлагая и ни о чем не спрашивая, только чтобы поприветствовать тебя и пожелать тебе, совершенно искренне, удачи».

Однако на Кеведо этот маневр Фиделя не подействовал. Тогда Кастро попытался воздействовать на солдат пропагандой.

Наконец, 15 июля Фидель вновь написал Кеведо, на сей раз с прямым предложением сдаться. «Это будет капитуляция не перед врагом отечества, но перед искренним революционером, борцом, сражающимся во имя всех кубинцев».

Но Кеведо продолжал держать оборону. Тогда Фидель заставил одного из военнопленных, представившись связистом, передать авиации по радио, что повстанцы захватили лагерь. Хитрость принесла желаемые плоды: самолеты нанесли удар по войскам Кеведо, посеяв в них панику. Уже 18 июля в руках у Фиделя было 42 военнопленных, 66 новых единиц оружия и 18 000 единиц боеприпасов.

Окончательно Хигуэ пал вечером 20 июля. Капитулируя, Кеведо вышел из лагеря, за ним следовало 146 солдат. Для мятежников эта победа была переломной: продвижение правительственных войск кончилось, теперь пришла очередь повстанцев брать инициативу в свои руки.

В день капитуляции Кеведо по «Радио Ребельде» объявили о заключении «Каракасского пакта». Подписанный ранее Фиделем от имени «Движения 26 июля», этот пакт закрепил альянс восьми оппозиционных группировок, включая «Аутентичную партию» Карлоса Прио, «Революционную директорию», группу военных под названием «Баркиниста» и движение «Монтекристи» Хусто Каррильо, которые согласились действовать единым фронтом, чтобы свергнуть Батисту путем вооруженного восстания и затем сформировать на короткий срок временное правительство. «Манифест Сьерра-Маэстры о единстве» признавал авторитет Фиделя Кастро как «главнокомандующего революционными силами». Как и во всех предыдущих случаях, самой заметной оппозиционной группой, не приглашенной к участию в подписании пакта, стала НСП, и Че, который, очевидно, полагал ее участие необходимым, отметил в своем дневнике: «Внешне кажется, что процесс объединения идет хорошо, но Социалистическая партия исключена из него, что мне кажется странным».

При посредничестве Красного Креста наконец была достигнута договоренность о двухдневном перемирии, и 23–24 июля военным были переданы 253 изможденных голодом и усталостью военнопленных, включая 57 раненых. В руках повстанцев они оставили 161 единицу оружия, в том числе 2 миномета, 1 базуку и 2 тяжелых пулемета. За два часа до истечения срока, на который было решено прекратить огонь, Че отправил часть своих людей в Лас-Вегас-де-Хибакоа, где собирался окружить лагерь военных.

В течение дня они окружили его, и Че, следуя примеру

Фиделя в Хигуэ, призвал солдат к сдаче оружия. Утром часовой доложил, что солдаты врага пытаются вырваться на машинах, над которыми они водрузили белый флаг и флаг Красного Креста. Че приказал своим людям открыть огонь и бросился в погоню.

Взяв нескольких пленных и продолжая преследование, Че угодил под «дружеский огонь» со стороны партизан, скрывавшихся поблизости в горах; один из пленных Че был убит, офицер повстанческих войск — тяжело ранен. «Я оказался в неприятной ситуации: мы были окружены нашими собственными войсками, которые открывали огонь, стоило им завидеть каску».

Когда ситуация наконец нормализовалась и пленных доставили назад в Лас-Вегас-де-Хибакоа, поступило срочное сообщение от Фиделя. В районе Санто-Доминго военные сделали вид, что отступают, однако, пока повстанцы преследовали отходящие войска, Санчес Москера занял вершину Арройонес подле Лас-Мерседес и зашел к противнику с фланга. Один их двух капитанов повстанцев, командовавших войсками в том секторе, был убит, а другой — Рене Рамос Лятур (Даниэль) — уцелел и повел ответный огонь. Впрочем, на следующий день около полудня Даниэль был тоже убит: минометный снаряд попал ему прямо в живот. «Глубокие идеологические расхождения разделяли нас с Рене Рамосом, — писал Че в дневнике в тот вечер, — и мы были политическими врагами, но он умер как подобает — на передовой, исполнив свой долг».

Среди прочего Че удалось отбить в Лас-Мерседес танк, который превратился в объект яростного противоборства сторон, из чего видно, насколько скромен был в действительности масштаб кубинской революции, ибо один-единственный танк стал тем величайшим трофеем, который Фидель любой ценой хотел сохранить, а враг столь же отчаянно желал уничтожить. Неприятельские самолеты раз за разом совершали вылеты, стараясь угодить в него бомбой, а Фидель и его бойцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы вытащить его из густой грязи на обочине дороге.

5 августа посланный Фиделем крестьянин попытался с помощью волов вытянуть танк на сухое место, но случайно повредил в нем штурвал и починить его было практически невозможно. «Надежды рухнули, — писал Фидель в своей записке Че. — Давно я не тратил время на столь пустые мечты».

Через два дня военные начали широкомасштабное отступление. В плен к Фиделю попали еще 160 солдат, включая раненых, и он был не прочь избавиться от них. После долгих переговоров на утро 11 августа была назначена встреча с участием его самого, Че, армейского руководства и

представителей Красного Креста. Итогом встречи стало то, что на следующие два дня в Сьерра-Маэстре было объявлено перемирие, и солдаты — как раненые, так и здоровые — были выпущены из плена. Че с Фиделем даже совершили короткий полет на вертолете вместе со своими коллегами по переговорам с неприятельской стороны. Перемирие также позволило повстанцам провести суды, в частности, как свидетельствует Че, «был казнен дезертир со стороны военных, пытавшийся изнасиловать девушку».

Тем временем — незаметно для врага и временных союзников Фиделя по «Каракасскому пакту» — из Сьерра-Маэстры выехал важный посетитель. Официальное лицо Центрального комитета Коммунистической партии Рафаэль Родригес провел секретные переговоры с Фиделем, посетив прежде Рауля и его «второй фронт» в Сьерра-Кристаль. Че из предосторожности не описывает в своем дневнике подробности посещения Родригеса, упоминая только о его отбытии: «Карлос Рафаэль выехал в безопасную зону. Его впечатления остались положительными, несмотря на все интриги».

Фидель позволил партии прислать в сьерру своего постоянного представителя. Всего через три недели после отбытия Родригеса к партизанам приехал Луис Мас Мартин, заслуженный деятель НСП и старинный друг Фиделя, а в сентябре вновь появился сам Родригес, который находился рядом с Кастро вплоть до окончания войны.

В Сьерра-Кристаль тем временем Рауль Кастро вовсю налаживал связи с НСП. Еще в марте, когда Рауль оставил Сьерра-Маэстру, чтобы открыть новый фронт, Хосе «Пепе» Рамирес, глава подчиненной НСП Национальной ассоциации мелких землевладельцев (НАМЗ), получил приказ от партии поехать в Сьерра-Кристаль к Раулю. Рауль поручил ему работу по организации крестьян, живущих в этом районе, с целью провести осенью Крестьянский съезд. И работа шла уже полным ходом.

К слову, именно у Рауля начинали свой путь многие будущие лидеры Коммунистической партии Кубы. Хотя сам Рауль формально не был членом партии после своего исключения из «Социалистической молодежи» вследствие участия в «путчистской» авантюре Фиделя с попыткой захвата казарм Монкада, он тем не менее никогда не порывал старых связей и теперь, с молчаливого одобрения старшего брата, занялся их укреплением.

Итак, повстанческая армия набирала все большую мощь. Теперь ее целью стало максимальное расширение фронта военных действий, для чего Че и Камило Сьенфуэгос должны

были перебраться из Сьерра-Маэстры в центральную и западную части Кубы. Возглавляемой Че колонне имени Сиро Редондо предстояло утвердить революционную власть в горах Эскамбрай в центральной провинции Лас-Вильяс, «безжалостно разбить врага» и рассечь остров надвое. Перед колонной Камило была поставлена задача совершить марш-бросок в самую западную провинцию страны, Пинар-дель-Рио.

Гевара хотел поскорее выступить, но ему не хватало бойцов. Вероятно, партизан отпугивали слова Че о том, что им следует быть готовыми к продолжительным боям и полуголодному существованию. Ясно было, что эта кампания — не для каждого. Фидель вызвал Че в Момпье. Он собрал для него отряд под началом Вакерито и сказал, что Че может набрать еще людей. Политический комиссар в Минас-дель-Фрио Пабло Рибальта начал отбор кандидатур.

Через две недели Че собрал наконец колонну из 148 человек и полудюжины джипов и пикапов. Несколько меньшее войско Камило, состоявшее из 82 человек, также было готово к походу. Ночью 29 августа, накануне утреннего выступления, когда Че загружал джипы боеприпасами, только что поступившими из Майами, военные захватили два его пикапа, а также весь запас бензина. Поскольку оставшиеся в его распоряжении машины были теперь бесполезны, Гевара решил идти пешком.

31 августа, когда он уже был готов выступить в путь, Сойла попросила взять ее с собой. Че отказался. Они попрощались в деревне Эль-Хибаро, и на этом их роман был окончен. «Че оставил на моем попечении своего мула Армандо, — вспоминала Сойла. — Я ухаживала за ним, как за человеком».

Глава 19
Последний рывок

I

В течение следующих полутора месяцев шли беспрерывные ливни: на Кубе наступил сезон дождей. Колонны Че и Камило шли через рисовые поля и болота льяно, переходили взбухшие реки, уклонялись от лобовых столкновений с военными и время от времени подвергались атакам вражеской авиации. Как писал Че, «выматывающие переходы через вонючие болота и по дьявольским тропам были поистине чудовищны». Их присутствие было довольно быстро замечено неприятелем, и после затяжных перестрелок 9 и 14 сентября военные сели им на хвост.

«Голод, жажда, усталость, чувство бессилия против вражеских войск, которые подходили все ближе, и, самое главное, ужасное заболевание ног, которое крестьяне зовут «масаморра» и которое превращало каждый шаг наших солдат в невыносимую муку, — все это превратило нас в армию призраков. Было трудно идти вперед, очень трудно. Наше физическое состояние ухудшалось день ото дня, и положение с едой (сегодня она есть, завтра нет, а послезавтра — неизвестно) никак не помогало облегчить те бедствия, которые мы претерпевали».

Несколько человек погибли в ходе перестрелок, кое-кто дезертировал, а еще нескольким деморализованным бойцам Че сам позволил уйти. Как обычно, много проблем доставляли чивато. Че докладывал Фиделю, что им «пришлось столкнуться с последствиями массового доносительства».

Между тем правительственная пропаганда по поводу коммунистических воззрений Че усилилась. 20 сентября, после стычки его с войсками в льяно, глава генштаба Батисты генерал Франсиско Табернилья доложил, что военные якобы уничтожили колонну из ста человек, возглавляемую Че Геварой, и к ним в руки попали свидетельства того, что его бойцы «подверглись коммунистической обработке».

«Произошло вот что, — объяснял Че Фиделю позже. — В одном из рюкзаков они обнаружили дневник, в котором значились имена, адреса, личное оружие каждого члена колонны. Вдобавок один из бойцов колонны, также являющийся членом НСП, забыл свой рюкзак, в котором находились документы этой организации».

Пропагандистская кампания армейского руководства была направлена не только на гражданских лиц. В телеграмме от 21 сентября, разосланной по воинским частям, расположенным вдоль маршрута следования Че, офицеров призывали использовать все имеющиеся ресурсы, «собраться с духом и остановить вражеские силы партизан», которые «убивают людей вне зависимости от их убеждений… Вперед, кубинские воины: не дадим снова уйти этим крысам, тайно проникнувшим на территорию нашей провинции».

Мало того что Че преследовали войска, приближаясь к Эскамбраю, он сознавал, что попадет в осиный улей, где орудуют различные вооруженные группировки, претендующие на влияние и контроль над территорией, причем часть из них — обычные мародеры и грабители. 7 октября, еще находясь в пути, Че принял делегацию повстанцев из Эскамбрая, завалivших его жалобами на Элоя Гутьеррес Менойо, отколовшегося от «Директории» Чомона и создавшего свой «Второй национальный фронт Эскамбрая». Незадолго до того Гутьеррес Менойо на короткое время захватил Виктора Бордона Мачадо, лидера партизанских сил «26 июля», действовавших в Лас-Вильяс, так что теперь эти две группировки находились на грани вооруженного противостояния.

Одной из задач, поставленных перед Че Фиделем, было объединить различные военизированные группы и поставить их под свой контроль, но Че не рассчитывал на большое содействие со стороны Движения 26 июля». Его опыт общения с людьми из льяно показывал, что куда более надежным союзником для него является другая сила, а именно НСП.

Прибытие Че дало НСП великолепную возможность занять центральное место в вооруженной борьбе — то, в чем другие местные организации последовательно ей отказывали. В сельском районе Ягуахай на севере Лас-Вильяс у НСП имелась своя повстанческая зона, в которой действовал отряд из шестидесяти пяти вооруженных бойцов во главе с официальным представителем партии Феликсом Торресом, но Торрес отказывался объединяться как с местными деятелями «Движения 26 июля», так и со «Вторым фронтом» Гутьеррес Менойо.

Стоило Че появиться в регионе, как партия тут же направила к нему послов с приветствиями. Они предложили ему проводников и деньги, а также пообещали дать радиопередатчик и мимеограф — для развертывания в Эскамбрае собственной пропаганды.

Спустя еще неделю изнуренная голодом, болезнями и усталостью колонна Че, миновав почти пол-Кубы, то есть преодолев свыше шестисот километров, причем в основном

пешком, достигла цели — небольшой фермы в предгорье Эскамбрая. Сюда на встречу с Че прибыл официальный представитель Коммунистической партии.

В свои двадцать шесть лет Овидио Диас Родригес был секретарем отделения «Социалистической молодежи» в провинции Лас-Вильяс. Нескончаемая правительственная пропаганда, направленная против «аргентинского коммуниста», породила в нем благоговейное отношение к Геваре, и, по мере того как приближался момент их знакомства, Диас приходил все в большее возбуждение. «Я хотел обнять его при встрече», — вспоминал он. Но, когда Че протянул в знак приветствия руку, Диас оробел и отказался от своего намерения. «Я увидел, что Че очень худ, и представил себе, через какие тяготы этому человеку пришлось пройти после того, как он оставил Сьерра-Маэстру… Он попросил меня вкратце обрисовать все, что я знаю о ситуации в Эскамбрае и о вооруженных группировках, имеющихся там, рассказать о положении партии в провинции и в горах, о поддержке, которой она пользуется, о том, сильны или нет позиции социалистов в этом регионе. Он говорил со мной с уважением и весьма приветливо».

15 октября Че записал у себя в дневнике, что встретился с представителем НСП, который сказал, что партия будет в его распоряжении, если он сумеет подвести дело к объединению различных военных групп. Начало было неплохое.

Тем временем Камило также вступил в контакт с НСП. Его колонна вышла к Ягуахаю, где располагались войска Феликса Торреса, и 8 октября состоялась встреча двух командиров. Торрес был рад перейти в подчинение к Камило, а Камило был столь же рад принять его под свое начало. И, хотя их лагеря стояли отдельно друг от друга, все их действия отныне были скоординированы. Фидель был настолько доволен этим обстоятельством, что приказал Камило остаться в Лас-Вильяс и помогать Че в его операциях, вместо того чтобы двигаться дальше в Пинар-дель-Рио.

Как обычно, под началом Че оказалась весьма разнородная публика. Помимо неискушенных в бою выпускников Минас-дель-Фрио Гевара взял с собой некоторых своих любимчиков, прежде всего коммунистов Рибальту и Акосту, а также Рамиро Вальдеса, щеголявшего бородкой, которая, по словам Че, делала его похожим на Феликса Дзержинского. Был с ними и молодой врач Оскарито Фернандес Мелл.

Среди молодежи выделялись Хоэль Иглесиас, Гиле Пардо, Вакерито и братья Асеведо. Были там и странные персонажи, вроде «Негро» Ласаро, огромного чернокожего парня,

отличавшегося отвагой и чувством юмора. В течение всего похода он таскал за собой седло, говоря, что оно пригодится, как только он отыщет верховую лошадь, чего, разумеется, не произошло.

Наконец, стоит вспомнить о нескольких совсем юных ребятах, чьи судьбы оказались навсегда связаны с Че: многие из них остались с ним после войны в качестве личной охраны и приняли участие в последующих партизанских кампаниях Гевары. Большинство этих юношей мало интересовались политическими тонкостями, но жаждали приключений и благодаря Че «попутно становились героями освободительной борьбы».[21]

Что же их так завораживало в Че? Сложно представить себе человека, более непохожего на этих молодых парней. Он был иностранцем, интеллектуалом, получившим высшее образование, он читал книги, которые они не понимали. Как командир Че был требователен и строг и сурово наказывал провинившихся, особенно если это были те, в ком он видел задатки «истинного революционера». Когда юный Гарри Вильегас и несколько его сверстников устроили голодовку в Минас-дель-Фрио из-за того, что им давали плохую еду, Че поначалу пригрозил им расстрелом. В конце концов, посовещавшись с Фиделем, он смягчил наказание, оставив бунтовщиков без пищи на пять дней, «чтобы они поняли, что такое настоящий голод».

Че был не такой как все, и они знали это. Он требовательнее относился к себе и потому требовал большего и от других. Любое наказание он сопровождал поучением о важности самопожертвования, личного примера и социальной сознательности. Гевара хотел, чтобы молодые люди знали, почему их наказывают и как они могут искупить свою вину. Многие не выдерживали и уходили, не в силах вынести жесткость и бескомпромиссность его требований, но для тех, кто оставался, сам факт нахождения рядом с Че превращался в предмет особой гордости. А поскольку Гевара жил наравне со всеми, отказываясь от положенных ему по статусу особых удобств и сражаясь так же, как все, с одинаковой степенью риска, то заслужил огромное уважение и преданность. Для этих юнцов, примерно половина из которых были чернокожими и многие — выходцами из бедных семей, Че был проводником и учителем, образцом того, каким следует постараться стать, и со временем они хотели научиться верить в то, во что верит он.

Между тем, хотя Че и старался скрыть это, ему приходилось платить за тот аскетический образ революционера, который он создал для себя. Его отношения с Сойлой, привязанность к мулам, привычка держать домашних животных — все это говорило о том, что он ищет тепла и покоя, чтобы смягчить

тяготы партизанской жизни.

По прибытии в Эскамбрай Че ожидал, что к нему прибудет его курьер Лидия. Он рассчитывал, что она будет его связным с Фиделем и Гаваной, и к тому же она обещала привезти ему щенка взамен Омбрито, песика, оставленного Геварой в Сьерра-Маэстре. Но Лидия стала жертвой предательства, ее схватили и убили агенты Батисты.

Че глубоко переживал эту потерю. Через несколько месяцев после ее убийства он писал: «Лично для меня Лидия была особым человеком. Вот почему я предлагаю сегодня несколько воспоминаний в ее честь — скромный цветок, положенный на общую могилу, в которую превратился этот некогда счастливый остров».

В Камагуэе Че потерял военную фуражку, которая раньше принадлежала Сиро Редондо и которую он постоянно носил с момента смерти Сиро. Теперь Гевара заменил ее на черный берет, который со временем стал неотъемлемой частью его образа. Но тогда потеря фуражки была для него невосполнимой утратой. Оскарито Фернандес Мелл редко видел Че таким удрученным. «Эта фуражка была совершенно ужасна, — вспоминал Оскарито. — Козырек отвалился, она была грязной и вообще нелепой, но, поскольку она принадлежала Сиро, он хотел ее носить… Че был человеком одновременно суровым и невероятно сентиментальным».

II

Оценив всю серьезность противоречий между повстанческими группировками в Эскамбрае, Че понял, что ему следует действовать быстро, чтобы навязать им свой авторитет и создать из них эффективную боевую силу. Его первой задачей было напасть на местные воинские части и блокировать движение транспорта по всей провинции Лас-Вильяс. Это должно было стать частью общего плана по срыву «фарсовых» президентских выборов, назначенных на 3 ноября, так что до них оставалось всего две недели.

Ограниченный набор кандидатов действительно свидетельствовал о том, что выборы предстоят не вполне свободные. Выдвиженцу Батисты премьер-министру Андресу Риверо Агуэро противостояли Карлос Маркес Стерлинг, отколовшийся от Ортодоксальной партии и Рамон Грау Сан-Мартин, бывший президент Кубы, дискредитировавший себя на этом посту. Неудивительно, что граждане не испытывали

большого энтузиазма в связи с предстоящими выборами и явка избирателей ожидалась минимальная.

В восприятии значительной части общества ключевыми фигурами на политической сцене Кубы становились именно «барбудос» — как теперь называли в народе бородатых и длинноволосых партизан, — а отнюдь не болтуны из Гаваны. Чтобы извлечь пользу из своей растущей популярности, Фидель решил воспользоваться выборами и повести наступление по всему острову, рассчитывая на сей раз на поддержку населения. На случай если кто-то питал сомнения по поводу его отношения к выборам, Кастро пригрозил всем кандидатам тюрьмой или смертью.

Чтобы придать вес своим заявлениям, Фидель выслал новую колонну в льяно Орьенте и Камагуэя, а также дал сигнал Хуану Альмейде к постепенному окружению города Сантьяго. Кроме того, он развязал руки боевым группам, базировавшимся в городах, и уже в сентябре они провели несколько заметных акций в Гаване, выведя из строя передающее оборудование двух государственных радиостанций и устроив пожар в главном аэропорту страны — Ранчо Бойерос.

Вместе с тем не ослабевали политические репрессии со стороны правящего режима. Полиция совершила еще несколько жестоких убийств гражданских лиц, вызвав взрыв возмущения в обществе. Бюро по подавлению коммунистической деятельности широко применяло пытки в отношении политических, так что даже вызвало неодобрение со стороны поддерживавшего его работу ЦРУ. В сентябре одна из колонн Че в Камагуэе попала в засаду. Восемнадцать повстанцев были убиты, еще одиннадцать (включая раненых) были взяты в плен и без долгих рассуждений расстреляны.

Тем временем, после провала широкомасштабной военной операции, стали появляться новости о том, что в армии нарастает недовольство. Фидель пользовался любой возможностью, чтобы во всеуслышанье выразить похвалу солдатам кубинской армии и призвать их пересмотреть свою позицию, заключавшуюся в «служении тирании, а не отечеству». Любой офицер или солдат, который выберет последнее, мог присоединиться к повстанцам, имея при себе оружие; ему гарантировали сохранение жалованья, бесплатное жилье и питание вплоть до конца войны. Фидель вновь написал генералу Кантильо, призывая его совершить военный переворот против Батисты, но верховный армейский командир продолжал занимать уклончивую позицию. В то же время один из агентов Фиделя пытался убедить недовольных офицеров совершить измену и сформировать собственную

колонну в армии повстанцев. Подобный шаг имел бы огромное пропагандистское значение для Фиделя и ускорил распад правительственных вооруженных сил.

Тем временем поток визитеров и эмиссаров в Сьерра-Маэстру не ослабевал, а условия жизни в лагере определенно изменились к лучшему. Благодаря новому повару, приглашенному специально из одного городского ресторана в льяно, Фидель теперь снова хорошо питался и даже набрал вес. У него был личный джип, в лагере благодаря генератору постоянно имелось электричество. Кастро находил время читать книги и слушать записи классической музыки. Он мог общаться с внешним миром по телефону. Верная Селия делила с ним двуспальную кровать. Жизнь налаживалась.

В Орьенте повстанческая армия насчитывала теперь более восьмисот человек. У нее отныне не было недостатка в оружии и боеприпасах. Фидель также успешно пополнял свою военную казну. Он установил налог в 15 центов на каждый проданный мешок с сахаром весом в 250 фунтов, и его выплачивали все сахарные заводы в Орьенте, включая и те, что принадлежали американцам. В распоряжении Кастро имелся даже небольшой военно-воздушный флот, который возглавлял Педро Луис Диас Ланц.

Вместе с тем Фидель объявил о введении в действие закона об аграрной реформе, который получил название «Закон № 1 Сьерра-Маэстры». В своем декрете он обещал распределить государственные земли и все земли, принадлежащие Батисте, среди безземельных крестьян, гарантировал оставить во владении участки, площадь которых не превышала 150 акров, и сулил компенсацию тем, чьи «излишки» земли подлежали конфискации. В конце октября было объявлено о предстоящем образовании Рабочего фронта национального единства, в ряды которого должна была войти и НСП.

Как обычно, Фидель действовал на разных уровнях. С одной стороны, он усыплял бдительность своих союзников из числа антикоммунистов проектом умеренной аграрной реформы, с другой же — налаживал рабочее взаимодействие с коммунистами, которое выходило далеко за рамки простого сотрудничества.

Во временный лагерь Че в Лос-Гавиланес прибыл офицер Гутьерреса Менойо, руководителя «Второго фронта». Хотя Менойо и его люди были противниками коммунизма и к тому же заработали себе репутацию бандитов, Че хотел проверить, нельзя ли каким-то образом подключить их к кампании против Батисты. В середине октября он со своими людьми отправился в лагерь

одного из наиболее отъявленных боевиков «Второго фронта» — команданте Хесуса Каррераса. Вместо него самого они нашли записку, в которой говорилось, что «никакие войска не могут перемещаться по этой территории, что на первый раз их только предупреждают, но в следующий раз они будут изгнаны или уничтожены».

Дождавшись возвращения Каррераса, Че увидел, что «он уже выпил полбутылки какого-то пойла, что составляло примерно половину его дневной нормы». Когда Че твердо заявил, что не позволит Каррерасу использовать слово «предупреждение», полевой командир быстро пошел на попятную, объяснив, что эта угроза предназначена исключительно для мародеров из «Директории». Тем не менее Че ушел от него с четким пониманием, что Каррерас — враг.

Затем Че направился в ставку «Директории» в Лос-Арройос, где встретился с ее лидерами Фауре Чомоном и Роландо Кубелой. Они были готовы сотрудничать с «Движением 26 июля», но отвергли возможность переговоров со «Вторым фронтом» и с коммунистами. Кроме того, они ни в коем случае не хотели терять свой независимый статус. В качестве альтернативы Че предложил им выработать «меры по разделу территории на зоны влияния, где могли бы свободно действовать другие организации». Кроме того, они хотя и без энтузиазма, но согласились совершить совместно с Че нападение на военный гарнизон в Гуиниа-де-Миранда.

В Эскамбрае Че снова вступил в конфронтацию с «Движением 26 июля», чей новый координатор по Лас-Вильяс Энрике Ольтуски, он же «Сьерра», прибыл к нему на встречу. Рожденный в Гаване сын польских эмигрантов, Ольтуски получил образование инженера, но оставил карьеру ради революции. Он помогал организовать сеть гражданского сопротивления и был членом Национального директората. Ольтуски являлся противником коммунизма.

Они с Геварой не замедлили скрестить шпаги, первым поводом к чему послужило предложение Че совершить ограбление банков в Лас-Вильяс, чтобы добыть денег. Ольтуски и его товарищи в льяно считали подобное недопустимым. Затем у них вышел спор о земельной реформе. Вот как передает его в своих мемуарах Ольтуски.

Гевара. Когда мы расширим свою территорию и утвердим на ней свою власть, то проведем аграрную реформу. Мы разделим землю между теми, кто работает на ней. Что ты думаешь об аграрной реформе?

Ольтуски. Она необходима. *(Глаза Че загораются.)* Без

аграрной реформы невозможен экономический прогресс.

Гевара. И социальный прогресс.

Ольтуски. Да, конечно, и социальный прогресс тоже. Я составил тезисы по аграрному вопросу для Движения.

Гевара. Правда? И что в них говорится?

Ольтуски. Что вся свободная земля должна перейти к крестьянам и что крупных землевладельцев необходимо принудить позволить им выкупить у них землю за свои деньги. Затем земля должна быть продана крестьянам по себестоимости. Следует также выработать правила оплаты и систему кредитов.

Гевара. Это реакционные тезисы! *(Че закипает от негодования.)* Почему это мы должны накладывать обязанности на тех, кто работает на земле? Ты такой же, как и все в льяно.

Ольтуски*(краснея)*. И что же, черт побери, ты думаешь делать?! Просто отдать ее им? Чтобы они испортили ее, как в Мексике? Человек должен чувствовать, что то, чем он владеет, стоило ему усилий.

Гевара. Мать твою, послушай, что ты говоришь! *(Че кричит, и у него на шее вздуваются вены.)*

Ольтуски. Кроме того, следует скрывать свои действия. Ты же не думаешь, что американцы будут спокойно сидеть и смотреть, если мы поведем себя так открыто? Необходимо соблюдать осторожность.

Гевара. Так ты из тех, кто думает, что мы можем сделать революцию за спиной у американцев? *(Грязно ругается.)* Революцию можно совершить, лишь сражаясь не на жизнь, а на смерть с империализмом, и делать это нужно с первой же минуты. Настоящую революцию нельзя скрыть.

22 октября лагерь Че посетил командир Пенья из «Второго фронта», прославившийся в округе угоном скота у крестьян. В дневнике Че пишет: «Сначала он повел себя очень дружелюбно, но затем показал свое истинное лицо. Наше расставание было искренним, в том смысле что мы оба признали друг друга врагами».

Пенья предостерег Че от нападения на Гуиниа-де-Миранду, так как она находилась на «его» территории. «Естественно, — отмечает Че, — мы не придали этому значения». Но, прежде чем начинать операцию, нужно было раздобыть новую обувь, так как после долгого перехода ботинки у его бойцов практически сгнили. «Движение 26 июля» отправило Че партию из сорока пар ботинок, но ее «экспроприировали» деятели «Второго фронта». Терпению Че еще был предел, но «буря назревала».

25 октября Виктор Бордон, глава местных партизан «26 июля», наконец прибыл на встречу с Че и сразу получил взбучку.

Обвинив Бордона в превышении полномочий и лжи, он понизил его до звания капитана и приказал прислать своих бойцов под его начало; несогласные должны были покинуть горы.

В тот же вечер к Че прибыли лидеры «Директории». Они сообщали, что «не в состоянии» участвовать в атаке на Гуиниа-де-Миранду, запланированной на следующий день. Че и так подозревал, что этим все закончится, и заявил им, что пойдет без них. В следующий вечер он со своими бойцами спустился к Гуиниа-де-Миранде и выстрелил по казармам из базуки. Однако выстрел в цель не попал, и солдаты открыли ответный огонь. Последовала жестокая перестрелка, повстанцы начали терять позиции. В отчаянии Че схватил базуку и поразил казармы с первого же выстрела. Четырнадцать солдат сдались немедленно.

Однако Че не был доволен результатами. «Мы захватили очень мало патронов и только восемь стволов, мы в проигрыше, учитывая, сколько сами израсходовали боеприпасов и гранат». Вдобавок двое повстанцев погибли и семеро были ранены.

Следующей ночью Че решил напасть на гарнизон в Хикиме, располагавший пятьюдесятью солдатами. На сей раз он действовал осторожнее и отложил начало операции до зари, однако потом ее пришлось вовсе отменить, так как Фонсо, боец, отвечавший за базуку, сказал командиру, что не смог найти подходящего места, откуда можно вести огонь. Вернувшись в сьерру, 30 октября Че принял у себя глав боевых групп «26 июля» из окрестных мест Санкти-Спиритуса, Кабайгуана, Фоменто и Пласетаса. Все они поддержали его план нападения на эти городки в ближайшее время. «Они также были согласны с идеей ограбления банков, — отмечал Че, — и обещали свое содействие».

Че начал готовить своих бойцов к серии атак, которые должны были произойти 3 ноября, в день выборов, одновременно с акциями боевых групп в городах. Однако накануне к нему прибыл до крайности обеспокоенный глава боевой группы из Санкти-Спиритуса. Как он рассказал, городской координатор движения узнал о планируемом ограблении банков и не только отказался от участия в нем, но и пригрозил принять меры, если они попытаются осуществить его. Короткое время спустя Че получил письмо от Ольтуски с жестким приказом отказаться от плана. Че незамедлительно отправил в ответ яростное послание:

> *Ты говоришь, что Фидель не делал ничего подобного, даже когда ему нечего было есть. Это так. Но, когда ему нечего было есть, у него попросту не имелось сил на подобные действия… По словам человека, доставившего мне это письмо, руководители городских ячеек грозят*

уйти со своих постов. Я согласен, так им и следует поступить. Более того, я требую этого теперь, так как не могу позволить кому-либо устраивать открытый бойкот операции, которая будет настолько полезна делу революции…

Я хотел бы спросить тебя: почему ни один крестьянин не спорит с нашим положением о том, что земля принадлежит тому, кто работает на ней, а вот крупные землевладельцы спорят?

Большинство наших соратников выступает за нападение на банки, так как сами они не имеют ни гроша. Тебе никогда не приходило в голову, что у такого отношения к самой несправедливой из финансовых институций есть экономические причины? Те, кто делает деньги на спекуляциях с чужими деньгами, не имеет права требовать особого к себе отношения…

Ты предупреждаешь меня о том, что я буду нести полную ответственность за разрушение организации. Я принимаю эту ответственность, и я готов представить отчет о своей деятельности любому революционному трибуналу и когда только ни заблагорассудится Национальному директорату. Я отчитаюсь за каждый добытый грош, каким бы путем он ни был получен. Но я также попрошу, чтобы мне дали отчет о каждом из тех пятидесяти тысяч песо, про которые ты упоминаешь.[22]

Ты просил меня о расписке с подписью — к такому я не привык в общении с товарищами… Мое слово стоит больше, чем все подписи на свете… В заключение шлю тебе революционное приветствие и ожидаю твоего прибытия вместе с Диего.

Полный решимости продолжать действовать, Че распорядился о проведении атаки на городок Кабайгуан. Однако примерно в четыре часа утра капитан Анхель Фриас, который должен был начать наступление, доложил, что не смог этого сделать, «поскольку там было слишком много военных». «Нерешительность капитана ударила по нашему престижу, — писал Че. — Все знали, что мы собираемся напасть на Кабайгуан, и тут мы вдруг отходим, не сделав ни единого выстрела».

На следующее утро Че отдал приказ совершить атаку на Хикиму, но и ее пришлось отменить, поскольку Анхель Фриас не смог найти «хорошую огневую позицию». Разочарование Че этими неудачами было несколько сглажено хорошими новостями из провинции.

Активность Че и Камило, действовавшего на севере, привели к почти полной остановке дорожного движения в Лас-Вильяс в день выборов, при том что явка избирателей была и так очень низкой. По всей стране наблюдалась схожая картина, а в Орьенте повстанцы, проведшие целую серию диверсий, полностью сорвали выборы. В масштабах страны действия партизан имели колоссальный успех, и в результате до избирательных участков добралось менее тридцати процентов избирателей. Как и ожидалось, благодаря многочисленным подтасовкам, совершенным при помощи военных, выиграл Риверо Агуэро, и менее чем через четыре месяца он должен был занять свой пост. Повстанцы собирались сделать все от них зависящее, чтобы инаугурация, назначенная на 24 февраля, не состоялась.

В течение нескольких дней Че оставался в горах, наблюдая за работой по устройству базы в Кабельете-де-Касас. Работа продвигалась успешно, и несколько глинобитных домов стояли уже готовые. Он также организовал школу для новобранцев по образцу той, что имелась в Минас-дель-Фрио, и назвал ее в честь своего покойного товарища Ньико Лопеса, а политическим комиссаром в ней вновь назначил члена НСП Пабло Рибальту. Через несколько дней к нему прибыли монтеры для установки полевой радиостанции — знак любезности со стороны НСП. Доставлен был также обещанный мимеограф, и уже в середине ноября Че основал новую газету под названием «Милисиано» («Дружинник»). Вскоре должны были появиться электростанция, госпиталь, табачная фабрика, мастерские по изготовлению кожаных и металлических изделий, арсенал.

К Че в Эскамбрай прислали серьезного и очень толкового молодого студента-бухгалтера из Ольгина по имени Орландо Боррего. Со временем они станут лучшими друзьями, но при первой встрече Че отнесся к нему высокомерно.

«Мне оказали не самый дружеский прием, — вспоминал Боррего. — Че был грубоват, холоден и презрительно относился к студентам». Боррего вырос в многодетной семье, деньги его родителям приходилось добывать с огромным трудом, и Орландо уже в четырнадцать лет начал работать. С тех пор он учился только по вечерам, а теперь бросил все, чтобы присоединиться к повстанцам, и вот какой прием получил. В конце концов Че согласился оставить Боррего в качестве казначея, но сначала приказал ему пройти военную подготовку в Кабальете-де-Касас.

В тренировочном лагере Боррего подружился с веселым двадцатидвухлетним партизаном по имени Хесус Суарес Гайоль, он же «Рубио». Бывший студенческий лидер из Камагуэя, он оставил свои архитектурные штудии и присоединился к

повстанцам в Пинар-дель-Рио. Яркий, любящий повеселиться, Суарес Гайоль оставался таким и на войне. В больнице он оказался из-за того, что среди бела дня подорвал динамитом радиостанцию в Пинар-дель-Рио и при этом сильно обжегся сам.

В начале ноября в партизанский лагерь в Эскамбрае прибыл молодой юрист по имени Мигель Анхель Дуке де Эстрада. Не будучи марксистом, он тем не менее восхищался Че, следил за сообщениями о его продвижении и попросил, чтобы его отправили к нему в Эскамбрай. Че нужен был профессиональный юрист, и он сделал Дуке де Эстраду революционным судьей — «он сообщил мне, что пленников следует оставлять в живых, что у них нет расстрельных команд. Потом ситуация изменилась, но на тот момент не хотел расстреливать тех, кто был готов сдаться его войскам».

Боррего, Суарес Гайоль и Дуке де Эстрада вошли после войны в число лучших кадров Че. Тот, уже собравший вокруг себя многих бойцов, которые поведут с ним революционную борьбу в дальнейшем, теперь занялся подбором помощников и советников к себе в «мозговой центр», который станет нужен ему в послевоенных баталиях: для строительства коммунизма на Кубе необходима была революция в политической и экономической сферах.

Идеология при подборе кадров не была ключевым фактором; Че полагал, что, если люди мыслят прогрессивно, он в конце концов заставит их поверить в социализм. Он оказался прав. Многие его соратники с образованием, такие как Боррего, Дуке де Эстрада и Суарес Гайоль, не были изначально марксистами, но впоследствии, по крайней мере формально, приняли идеологию Че.

Ко времени прибытия в Эскамбрай Че уже готовился к своему участию в послевоенном революционном преобразовании кубинской экономики. Че штудировал политэкономию еще со времен своего пребывания в Мексике, затем участвовал в проведении аграрной реформы в Сьерра-Маэстре, а теперь был наделен полномочиями по проведению земельных преобразований в Лас-Вильяс.

Однако он действовал отнюдь не в одиночку. И ныне, и впредь опорой ему готова была выступить НСП. Среди коммунистов, помогавших Геваре, был тридцатисемилетний Альфредо Менендес, специалист по сахарной промышленности, имевший доступ к стратегически важной экономической информации, которую он начал посылать и Че.

III

Однако для начала нужно было выиграть войну. В Лас-Вильяс — стратегически важной провинции, на которую повстанцы возлагали особые надежды, — Че наконец начал добиваться желаемого. Постоянно совершая вылазки, чего никто до него тут не делал, он де-факто стал главным человеком в Эскамбрае, и к нему начали стекаться люди, желавшие засвидетельствовать свое уважение.

Например, 8 ноября визит нанесли два представителя молочной компании с вопросом о том, могут ли они продолжать закупать молоко в этой местности; их молочный бизнес был практически парализован вследствие деятельности повстанцев. «Я ответил утвердительно, но сказал, что они должны будут уплатить дополнительный военный налог, с чем посетители согласились».

Узнав о том, что бойцы полевого командира «Второго фронта» Пеньи вымогают деньги у местных жителей, Че послал своих людей задержать преступников. Через несколько дней к нему привели сразу две колонны «Второго фронта» в полном составе. Че предупредил их, что они не могут более действовать в этой зоне, тем более вымогать деньги. Бойцы одной из колонн попросили принять их в состав войск Че, и он дал свое согласие. Прежде чем отпустить остальных, Гевара отобрал у них три тысячи песо, которые они вытребовали у населения под видом «военного налога». В своем «Военном приказе № 1», первом постановлении Че, изданном в ранге главнокомандующего «Движения 26 июля» в провинции Лас-Вильяс, он дал понять, что намерен изменить жизнь региона. Очертив основные положения аграрной реформы, Гевара высказался и по поводу «Второго фронта», не говоря о нем прямо.

«Члены любых революционных организаций… могут жить и вести боевую деятельность на этой территории. Единственное условие — они должны подчиняться законам, которые уже введены в действие или будут провозглашены в дальнейшем.

Те, кто не является членом революционных организаций, не имеют права доставлять оружие на эту территорию. Революционерам воспрещается распивать алкогольные напитки в общественных местах… Любое незаконное кровопролитие будет караться согласно уголовному кодексу революционной армии…»

«Директория» согласилась образовать альянс с Че и пошла на введение в провинции единого налога с равным разделением доходов между двумя организациями. Они запланировали проведение совместных военных акций. Единственным пунктом разногласий оставался отказ Чомона расширить альянс за счет включения в него НСП. Че не стал настаивать, поскольку это не

мешало ему сотрудничать с коммунистами. 3 декабря, менее чем через три недели после заключения соглашения между «Директорией» и «Движением 26 июля», он и лидер НСП Роландо Кубела подписали «Пакт Педреро», провозглашавший, что они вступают в военный союз «как братья».

При этом у Че продолжалась конфронтация с местными лидерами «Движения 26 июля». К нему прибыл Энрике Ольтуски вместе с Марсело Фернандесом, новым главой отделения «26 июля» в Гаване, но разговор их опять превратился в перепалку, так что в результате оба «оказались еще дальше друг от друга, чем были до того».

По воспоминаниям Ольтуски, когда они пришли, Че не было на месте, и их встретил один из его молодых охранников, Оло Пантоха. Тот предложил гостям немного козьего мяса, которое, как они заметили, было почти зеленым от плесени. Но, чтобы его не обижать, каждый из них съел по кусочку, о чем Ольтуски тут же пожалел: чувствуя, что его сейчас вырвет, он улучил момент и выплюнул все, что у него было во рту. Когда Че вернулся в полночь и сел ужинать, Ольтуски смотрел на него с ужасом и восхищением одновременно.

«Че брал куски мяса грязными пальцами, — вспоминает Ольтуски, — и ел с таким удовольствием, что мясо, по-видимому, казалось ему божественно вкусным. Он закончил трапезу, и мы вышли наружу… Че протянул нам сигары. Они были грубыми — вне всякого сомнения, их сделали какие-нибудь местные гуахиро. Я вдохнул горький и резкий дым и ощутил тепло, разливающееся по телу, и легкое головокружение…

Когда мы шли назад, Марсело спросил меня: "Что ты о нем думаешь?"

И я ответил: "Несмотря ни на что, Че не может не вызывать восхищения. Он знает, чего хочет, куда лучше нас. И всего себя подчиняет этому"».

IV

Нельзя сказать, что Алейда Марч влюбилась в Че с первого взгляда. Да, о Геваре много говорили, и он славился своей храбростью, но она не увидела его в романтическом ореоле. Алейде этот человек показался не только «старым», но еще и «тощим и вонючим». Она и представить себе не могла, что судьбам их суждено соединиться.

Алейда прибыла на базу Че из Санта-Клары в ноябре со спецзаданием от Диего, ее командира по повстанческому

подполью в Лас-Вильяс. До сих пор девушке удавалось обманывать тайную разведку Батисты, которой было известно, что она является правой рукой Диего и выполняет самые ответственные его поручения.

Младшая из шести детей, Алейда выросла на небольшой ферме в холмистой местности к югу от Санта-Клары. Ее родители происходили из некогда богатых, но затем обедневших семей эмигрантов — выходцев из Испании, однако Алейда любила говорить, что ее семья принадлежала к среднему классу, поскольку в их доме был бетонный пол; в домах их соседей и в состоявшей из одной комнаты средней школе, которую она посещала до шестого класса, полы были земляные.

Подобно многим обедневшим белым, мать Алейды отличалась расистскими взглядами. Она любила похваляться выдающимся прошлым семьи своего мужа, чьи кастильские предки, кажется, были аристократами. Был ли ее отец прямым потомком благородного семейства или всего лишь незаконным отпрыском, Алейда так и не узнала, но то, что семьи обоих ее родителей некогда обладали землей и деньгами, было фактом несомненным. Семья отца владела сахарной плантацией, но потеряла ее много лет назад, а земля, которую ныне арендовал отец Алейды, вплоть до тяжелых двадцатых годов принадлежала бабушке и дедушке Алейды по материнской линии. «Высокий» статус семьи подчеркивался еще и тем фактом, что все детство Алейды у них в доме жила учительница из местной школы, поскольку он единственный во всей округе был достаточно «приличным» для нее.

Когда Алейде пришла пора перейти в шестой класс, она поселилась у своей замужней сестры в Санта-Кларе и стала учиться в городской школе. Девочка решила стать учительницей и, окончив среднюю школу, поступила в университет Санта-Клары, чтобы получить педагогическое образование. Взятие казарм Монкада и жестокое подавление мятежа пробудили в ней, так же как и во многих других молодых кубинцах того поколения, интерес к политике. Ко времени появления у берегов Кубы «Гранмы» Алейда уже окончила университет и была активным членом местной подпольной ячейки «26 июля».

Имя «Че Гевара» она впервые услышала от одного итальянского моряка, Джино Донне.

Донне был на «Гранме», но затем оказался отрезан от своих товарищей в Алегриа-дель-Пио и наконец, после долгих мытарств, очутился в Санта-Кларе. Покрытый волдырями, измученный голодом и страшной зубной болью, Донне нашел прибежище в доме у Марии Долорес «Лолиты» Россел, красивой

черноволосой женщины, работавшей в детском саду и самой являвшейся матерью четырех детей. Брат Лолиты Алан Россел был координатором «26 июля» в Лас-Вильяс, и ее дом служил для повстанцев перевалочным пунктом.

Именно благодаря появлению Донне Лолита и Алейда познакомились друг с другом и вскоре стали близкими подругами. К этому моменту Алейда уже была основным курьером главы боевой группы «26 июля» в Лас-Вильяс, приобретя репутацию отчаянно дерзкой девушки: она развозила оружие и бомбы по всей провинции, пряча их под длинными, по моде 50-х годов, юбками. «Алейда ничего не боялась, — вспоминает Лолита. — Она была всецело предана делу, очень серьезна, романов не заводила, на вечеринки не ходила».

Алейда приняла участие в сентябрьском восстании 1957 г. в Сьенфуэгосе и в акциях повстанцев в Лас-Вильяс во время всеобщей забастовки в апреле 1958 г. После провала забастовки отделение «26 июля» в Лас-Вильяс было вынуждено отправить отряд партизан в глубь провинции для проведения операций в сельских районах. Алейда трудилась и здесь: она отводила к партизанам тех, кто скрывался от агентов Батисты, доставляла еду, оружие и боеприпасы, а также корреспонденцию. Уже при Че Алейда не раз совершала поездки в сьерру и обратно, а с ноября, когда между Геварой и людьми из льяно установились нормальные рабочие отношения, Алейда как главный курьер стала все чаще появляться в его лагере. Однажды Че сказал девушке, что решил обложить военным налогом владельцев сахарных заводов, и попросил ее участвовать в его сборе. Именно после этого задания Алейда узнала, что разоблачена и полиция устроила обыск в ее доме. О возвращении в Санта-Клару теперь не могло быть и речи, но, когда она попросила у Че разрешения остаться у партизан, он согласился нехотя, так как обычно женщинам не позволялось жить в партизанских лагерях.

Алейда была невысокого мнения о кубинских коммунистах и поначалу с подозрением отнеслась к «коммунисту Че», но потом переменила к нему свое отношение: более того, очень скоро она поняла, что влюблена в него.

В конце ноября правительственные ВВС начали ежедневные бомбардировки фронта Че, и вслед за тем в сторону Педреро выдвинулся «трезубец» сухопутных войск, усиленных танками. Че получил подкрепление от Камило и в течение шести дней вел бои. 4 декабря наступление вражеских войск было остановлено по всем направлениям, после чего партизаны устроили облаву на солдат врага. Они захватили также большой обоз с боеприпасами, в том числе танк. Затем бойцы Че разрушили два стратегически

важных моста, перекрыв все пути к гарнизонам в Кабайгуане, Санкти-Спиритусе и Тринидаде и открыв возможность повстанцам захватить новый большой кусок территории. Теперь была очередь Че переходить в наступление.

16 декабря партизаны взорвали мост на Центральном шоссе и железнодорожное полотно к востоку от Санта-Клары, одним махом отрезав Гавану и Санта-Клару от центральной и восточной Кубы. Страна оказалась рассечена на две половины. Эти действия вкупе с наступлением партизан в Орьенте, где военные гарнизоны один за другим стали слагать оружие перед повстанцами, свидетельствовали о том, что режим Батисты доживает свои последние дни.

Последние две недели декабря 1958 г. превратились для Че в одну нескончаемую битву. Во-первых, он осадил стратегически важный город Фоменто и, несмотря на воздушные налеты, взял его через два дня сражений. Тотчас после этого Че двинулся к городкам Гуайос и Кабайгуан. Гуайос сдался 21 декабря, Кабайгуан — двумя днями позже. Следующей целью стал Пласетас, где его войска впервые сражались бок о бок с бойцами «Директории». Через День, 23 декабря, Пласетас сдался. В тот же день Санкти-Спиритус сдался капитану Армандо Акосте. Наконец и «Второй фронт» перешел к боевым действиям, присоединившись к силам «Директории», осадившим Тринидад и другие гарнизоны на юге. На севере войска Камило сомкнулись вокруг города Ягуахай, где базировался крупный гарнизон.

И вот среди хаоса и эйфории, царивших в эти дни, Че и Алейда стали любовниками. Первым их роман заметил Оскарито Фернандес Мелл: «Алейда вдруг стала сопровождать Че повсюду… Они вместе ездили на джипе; она хранила его бумаги, стирала ему одежду…»

Сама Алейда так вспоминает о начале их отношений. Однажды ночью она не могла заснуть, вышла из комнаты и пошла посидеть у дороги. Было то ли три, то ли четыре часа, и бой был в полном разгаре. Неожиданно на темной дороге появился джип и остановился около нее. За рулем сидел Че. «Что ты тут делаешь?» — спросил он Алейду. «Не могу уснуть», — ответила она. «Хочешь, поедем со мной?» — «Конечно», — сказала она и села к нему на переднее сиденье. «С этого самого момента, — закончила она свой рассказ с игривой улыбкой на губах, — больше я с ним не расставалась — или по крайней мере не теряла его из виду».

V

Учитывая их расхождения во взглядах, сложно было представить, что Че с Алейдой могут составить пару. Алейда принадлежала к той части кубинских революционеров, которых Че презирал больше всего. Она была из льяно, выступала против коммунизма, и, что самое главное, ей было свойственно множество социальных предрассудков, обусловленных ее воспитанием. Для Алейды важна была хорошая одежда (хотя в ее возрасте это было вполне простительно), и от матери она переняла расовые предубеждения. Че, напротив, был коммунистом-радикалом, славился равнодушным отношением к своему внешнему виду и личной гигиене и окружал себя неграми и неграмотными гуахиро.

Однако, когда дело доходило до женщин, тем более красивых, Че предпочитал не выпячивать свои политические взгляды, а Алейда Марч была очень привлекательна. Кроме того, она заслуживала большого уважения, поскольку отличалась бесспорной отвагой и не раз доказывала свое умение прямо смотреть в глаза смерти. Также Че привлекала парадоксальность ее личности: с одной стороны, девушка была очень скромна, с другой — любила юмор и была остра на язык. Алейда также отличалась откровенностью, граничащей с бестактностью, напоминая этим самого Че.

Между тем войска Гевары развивали наступление. Взяв Пласетас, Че двинулся на север и в Рождество напал на Ремедиос и порт Кайбарьен: оба пали на следующий день. К 27 декабря только один гарнизон, в городке Камахуани, отделял войска Че от столицы Лас-Вильяс; когда войска бежали из него без боя, путь на Санта-Клару, четвертый по величине город Кубы, был открыт.

Повстанцы пребывали в эйфории. Они знали теперь, что еще чуть-чуть и они выиграют войну, однако Че призвал своих людей не праздновать победу раньше времени, считая поддержание дисциплины в войсках и установление хотя бы относительной законности и порядка в провинции приоритетными задачами. Чтобы не допустить анархии, Че назначил временных революционных правителей в каждый из освобожденных городов и установил для своих бойцов строгие правила поведения. Посещать бары и публичные дома было запрещено, но некоторые все же поддались искушению. В день взятия Ремедиоса командир отряда Энрике Асеведо едва не утратил контроль над бойцами, поскольку владелец одного из борделей доставил им грузовик с проститутками и ящик рома в знак «преклонения» перед партизанами.

«Я увидел, как парочки устремились в заросли, и, не тратя времени на размышления, заорал на этого парня: "Если ты хотел

навредить нам, ты заплатишь за это. Забирай своих шлюх — и немедленно!"»

Тем временем Че получил ликующее сообщение от Фиделя, который шестой день осаждал гарнизон в Маффо: «Война выиграна, армия противника разваливается на глазах, мы зажали в Орьенте десять тысяч солдат. У тех, что засели в Камагуэе, нет путей к отступлению…

Сейчас совершенно необходимо, чтобы наступление на Матансас и Гавану осуществлялось исключительно силами "Движения 26 июля". Колонна Камило должна идти впереди, в авангарде, и взять Гавану после падения диктатуры, если мы не хотим, чтобы оружие, находящееся в ставке Батисты, попало в чужие руки».

В преддверии окончательного разгрома кубинских вооруженных сил Фидель был озабочен тем, чтобы не дать своим соперникам выхватить у него из рук инициативу. Одновременно с действиями Че и Камило в Лас-Вильяс повстанцы развивали наступление в провинциях Орьенте и Камагуэй. Многочисленные гарнизоны сдались войскам Рауля, и уже сам Сантьяго находился под угрозой. В конце ноября после кровопролитной осады войска Фиделя взяли важнейший гарнизон в Гисе и спустились с гор в льяно.

Госдепартамент США и ЦРУ не имели теперь никаких иллюзий насчет Кастро. Также они понимали, что состоявшиеся выборы не привели к урегулированию кубинского кризиса. Посол Эрл Смит получил из Вашингтона указания передать Батисте, что правительство Риверо Агуэро не может ожидать поддержки от Вашингтона и что ему следует отречься от власти в пользу хунты, которая будет поддержана Соединенными Штатами. Батиста отказался, очевидно все еще веря в то, что сможет как-то удержать ситуацию под контролем.

Вскоре после этого в руки Рауля перешел порт Никаро, и затем — казармы «Ла-Майя» в Гуантанамо. Рауль захватил большое количество оружия и взял в плен более пятисот человек. В середине декабря, пока Фидель продолжал осаду Маффо, часть его войск установила контроль над Центральным шоссе, шедшим через Орьенте, и прижала к ногтю все армейские подразделения в округе.

По мере того как повстанцы развивали успех, ЦРУ стало рассматривать возможность совершения упреждающего военного переворота, и его агенты занялись подбором подходящих кандидатур для будущей хунты. Хусто Каррильо предложил на эту роль полковника Баркина, заточенного в тюрьме на острове Пинос. Баркин пользовался большой популярностью в армии, и

многие считали, что он в состоянии установить военную диктатуру в стране после ухода Батисты. ЦРУ обеспечило Каррильо деньгами, чтобы тот подкупил администрацию тюрьмы и Баркину позволили бежать.

Идея заговора посетила и некоторых членов высшего командования при Батисте. Генерал Франсиско Табернилья предложил генералу Кантильо, командующему войсками в провинции Орьенте, вступить в переговоры с Фиделем с целью заключить союз между повстанцами и военными и нанести окончательный удар по режиму Батисты. В правящую хунту должны были войти представители обеих сторон: сам Кантильо, еще один офицер, которого предстояло выбрать позже, временный президент Мануэль Уррутиа и двое гражданских лиц, выдвинутых Фиделем.

Фидель понимал, что военными движет одна цель — «остановить Кастро», — и отверг предложение путчистов. В то же время он дал знать Кантильо, что хочет встретиться с ним лично.

По всей стране большие и малые города переходили в руки повстанцев, которых с энтузиазмом встречали местные жители, причем многие из них надевали красно-черные повязки с символикой «26 июля». К Рождеству войска Че и Камило взяли большинство важнейших городов в Лас-Вильяс, за исключением Санта-Клары, Сьенфуэгоса, Тринидада и Ягуахая. После короткого рождественского визита к своей матери в Биран Фидель приготовился ко встрече с Кантильо. У него по-прежнему имелось достаточно поводов для тревоги, но и уверенность в своих силах была уже настолько велика, что ночью 26 декабря он отдал Че распоряжение, о котором повстанческое движение мечтало уже давно: начать подготовку к наступлению на Гавану.

Фидель был прав, полагая, что битва за Лас-Вильяс окажется ключевой на финальной стадии войны. Будучи важнейшим транспортным и коммуникационным узлом центральной Кубы, с населением в 150 тысяч человек, он являлся последним препятствием на пути к столице; в случае падения Санта-Клары между повстанцами и Гаваной оставался бы один только порт Матансас. Поэтому все свои надежды Батиста связывал теперь с обороной Санта-Клары, куда он бросил дополнительно две тысяч солдат, увеличив воинский контингент до трех с половиной тысяч человек. Руководить обороной города он отправил своего самого способного военачальника — теперь уже полковника Хоакина Касильяса. В сторону Санта-Клары отправился также бронепоезд с оружием, боеприпасами и коммуникационным оборудованием; он должен был служить резервным арсеналом и центром связи с военным командованием в Гаване.

Впрочем, Батиста понимал, что времени остается очень мало. Он узнал о заговорщицких планах Табернильи и решил сделать ставку на генерала Кантильо, сказав тому, что в конце января передаст власть его хунте. Одновременно Батиста готовил пути к отступлению: на Рождество он распорядился о том, чтобы несколько самолетов стояли наготове на случай, если ему, а также небольшому числу приближенных придется бежать из страны. Через несколько дней он отправил своих детей в Соединенные Штаты.

Между тем Че готов был атаковать Санта-Клару. 27 декабря в освобожденном Пласетасе его посетил Антонио Нуньес Хименес, молодой преподаватель географии из университета Санта-Клары который принес карты и планы города. Вместе с Рамиро Вальдесом они наметили маршрут через проселочные дороги к университету в северо-восточных предместьях города. Той же ночью они выступили вперед. В распоряжении Че были восемь собственных взводов и колонна «Директории» из ста человек под началом Роландо Кубелы — в общей сложности 340 человек, которым предстояло разбить армию неприятеля, в десять раз превосходившую их числом и подкрепленную танками и авиацией.

На заре следующего дня войска Че подошли к университету. Организовав временную комендансию в альма-матер Алейды — здании Педагогического факультета университета, — Че со своими бойцами двинулся в глубь города. Захватив местную радиостанцию, он вышел в эфир с обращением к горожанам и призвал их всемерно содействовать партизанам. Вскоре после этого бомбардировщики «Би-26» и новенькие «си фьюри» британского производства вылетели с целью найти партизан.

Из всех военных объектов города Че прежде всего интересовал бронепоезд, установленный в начале дороги на Камахуани, неподалеку от университета. На восточной окраине города военные заняли стратегически важную гору Капиро, откуда открывался обзор на дорогу, ведущую к университету, и на железнодорожную линию в направлении Пласетаса. Более тысячи солдат находились в казармах «Леонсио Видаль» на северо-востоке города, рядом со штабом полиции, в котором засело четыреста человек. В центре города оплотом сопротивления стали здания суда, правительства провинции и тюрьма. На юге дорогу к Маникарагуа охраняли жандармерия и гарнизон «Лос-Кабальитос». Поскольку основная часть провинции находилась теперь в руках повстанцев, главной заботой Че было предотвратить доступ к городу подкреплений со стороны западной дороги, ведущей в Гавану и Матансас, поэтому бойцы

Виктора Бордона перерезали это шоссе в нескольких точках и захватили населенный пункт Санто-Доминго.

В ночь на 29 декабря Че выдвинулся из университета в город и перенес свою командансию в муниципальное здание в километре от Санта-Клары. Его бойцы повели наступление на гору Капиро и атаковали бронепоезд. Одновременно колонна «Директории» под командованием Кубелы, вошедшая в город с юга днем ранее, осадила там жандармерию и казармы. Битва началась.

В следующие три дня Санта-Клара стала ареной кровопролитных сражений. Многие жители последовали призыву Че: они снабжали повстанцев «коктейлем Молотова», давали им укрытие и еду, баррикадировали улицы. Тем временем военные подключили к делу танки, а авиация продолжала совершать налеты и бомбардировки, в результате чего количество жертв не только среди партизан, но и среди гражданских лиц быстро росло.

29 декабря события стали развиваться стремительно. После того как Вакерито с группой своих сорвиголов под названием «Эскадрон смертников» захватил железнодорожную станцию, а другие партизаны взяли приступом гору Капиро, солдаты Батисты спрятались в бронепоезде. Затем оборонявшиеся попытались на полной скорости вывести поезд из оцепления. Но локомотив с первыми тремя вагонами сошел с рельсов, превратившись в груду покореженного металла.

«Потом началось самое интересное, — пишет Че. — Мы выкурили всех солдат из поезда… Бойцы оцепили поезд и с близкого расстояния либо просто с соседних вагонов забросали его бутылками с горючей смесью…»

Тем временем по международным агентствам прошла новость о гибели Че, которую на следующий день утром опровергло «Радио Ребельде»: «Мы хотим успокоить родственников Эрнесто Че Гевары в Южной Америке и всех жителей Кубы и заверить их в том, что он жив и находится на линии фронта… в самое ближайшее время он возьмет город Санта-Клару».

Однако очень скоро Че был вынужден сам выйти в эфир, чтобы сообщить о смерти одного из самых любимых своих бойцов — Роберто Родригеса, или Вакерито. Потеря Вакерито была особенно печальной для Че, поскольку этот юноша воплощал в себе те качества, которые он хотел видеть в своих бойцах. Название «Эскадрон смертников» выбрал сам Вакерито, но это был элитный отряд, в котором состояли только те, кем искренне восхищался Гевара.

«"Эскадрон смертников" являл собой образец революционного

духа, — писал Че, — и только избранные добровольцы могли войти в него. Но стоило кому-нибудь из них погибнуть — а это случалось в каждом бою, — как выдвигался новый кандидат на замену, и те, кого не выбрали, глубоко страдали и даже плакали. Было удивительно видеть, как закаленные и благородные воины вдруг снова превращаются в юношей и не скрывают слез отчаяния из-за того, что им не была оказана честь попасть на переднюю линию боя и смерти».

Видя вокруг себя смерть, человек инстинктивно тянется к жизни, и даже Че не было чуждо это стремление: в самый разгар боя за Санта-Клару он осознал, что любит Алейду. Это произошло в момент, когда она стрелой бросилась через улицу под неприятельским огнем. На те несколько мгновений, что Алейду не было видно, Че был охвачен страшной мукой, не зная, цела ли она.

30 декабря «Директории» сдался гарнизон «Лос-Кабальитос». Соседний город Санто-Доминго, перешедший было к военным, попытавшимся начать контрнаступление, был вновь отвоеван силами Бордона, который таким образом, закрыл пути в Санта-Клару с запада. На юге город Тринидад оказался в руках Фауре Чомона. Че также отправил Рамиро Вальдеса взять городок Хатибонико на Центральном шоссе, откуда в Санта-Клару с востока пыталась прорваться вооруженная колонна армейского подкрепления.

Высшее командование в Гаване приказало усилить воздушные налеты на город; в гарнизонах и на полицейских участках продолжалось яростное сопротивление; группа снайперов засела на десятом этаже «Гранд-отеля» и вела прицельный огонь по повстанцам.

Однако в распоряжении у Че теперь имелось достаточно огневой мощи и свежих войск. Накануне Нового года в руки повстанцев одно за другим перешли сразу несколько вражеских объектов: сначала полицейский участок, затем здание правительства провинции, за ним последовали здание суда и тюрьма, из которой вышли на свободу все заключенные. К концу дня оборону продолжали держать только 31-й эскадрон жандармерии, «Гранд-отель» и главные казармы «Леонсио Видаль».

Тем временем в Орьенте партизаны Фиделя после десятидневной осады взяли наконец Маффо, и Кастро немедленно обратил свой взор на Сантьяго, второй по величине город Кубы. 28 декабря он встретился с генералом Кантильо на сахарном заводе близ Пальма-Сорьяно и пришел с ним к соглашению: Фидель приостановит наступление на три дня, дав

Кантильо время, чтобы вернуться в Гавану и к 31 декабря организовать военный мятеж. В этот день Кантильо должен был арестовать Батисту и передать армию в руки Фиделя.

Но Кантильо вел двойную игру. Он вернулся в Гавану, рассказал Батисте о заговоре и дал тому срок до 6 января на то, чтобы уехать из страны. Затем он послал сообщение Фиделю, прося его об отсрочке начала мятежа до 6 января. Фидель отнесся к этому настороженно, но события стали развиваться столь стремительно, что ни он, ни Кантильо уже не могли прогнозировать их развитие.

VI

Взятие бронепоезда стало очень тревожным сигналом для Батисты. 31 декабря в девять вечера диктатору позвонил полковник Касильяс с сообщением, что не может продолжать обороняться без подкрепления. Часом позже Кантильо оповестил Батисту, что Сантьяго также готов сдаться, и тогда Батиста понял, что настало время покинуть Кубу.

Во время празднования Нового года в «Кемп-Колумбии», на котором присутствовали члены его генштаба с семьями, Батиста отвел своих генералов в комнату, смежную с той, где проходили торжества, и объявил, что намерен передать руководство армией Кантильо. Затем, вернувшись к остальным гостям, он сообщил, что уходит с поста президента. Своим преемником он назвал Карлоса Мануэля Пьедру, старейшего судью Верховного суда; присягнув Кантильо как новому главнокомандующему, Батиста с женой и несколькими приближенными отправились к находившемуся неподалеку военному аэродрому и сели на ожидавший их самолет. В три часа ночи 1 января 1959 г. Батиста был уже в самолете, держа курс на Доминиканскую Республику, с ним находились сорок ближайших к нему людей, в том числе «избранный президент» Андрес Риверо Агуэро. Еще до рассвета из Гаваны вылетел другой самолет, на борту которого были брат Батисты «Панчин», мэр Гаваны, и еще несколько десятков высших чиновников.

Этой же ночью полковник Касильяс и его заместитель полковник Фернандес Суэро переоделись в гражданскую одежду и бежали.

С рассветом в Санта-Кларе появились и первые слухи о бегстве Батисты. Последние оплоты врага — «Гранд-отель» и казармы «Леонсио Видаль» — были взяты в кольцо, так что вскоре оставшийся во главе обороняющихся полковник Эрнандес

попросил о перемирии. Че сказал ему, что примет от него только полную и безоговорочную капитуляцию.

«Батиста бежал, оставив руководство вооруженными силами в полном замешательстве, — писал впоследствии Че. — Двое наших делегатов установили радиосвязь с Кантильо и предложили ему сдаться. Но он отказался, заявив, что берет на себя командование армией в строгом следовании инструкциям, полученным им от нашего лидера Фиделя Кастро. Мы тотчас связались с Фиделем, передали ему новости, но также сообщили свое мнение по поводу предательского поведения Кантильо — и он полностью согласился с этим мнением».

В 11.30 по «Радио Ребельде» прозвучало обращение Фиделя. Он отрекся от участия в «военной хунте» Кантильо и вообще от каких-либо договоренностей с ним и призвал к незамедлительной всеобщей забастовке и мобилизации повстанческих войск для броска на Сантьяго и Гавану. Он дал защитникам Сантьяго время до шести часов вечера на то, чтобы сдаться, а закончил свою речь лозунгом: «Революции — да, военному перевороту — нет!»

Теперь картина была ясна, и Че дал Эрнандесу час на принятие решения: если тот не сдастся к 12.30, то повстанцы перейдут в наступление и он понесет всю ответственность за неизбежное кровопролитие. Пока Че вел переговоры с Эрнандесом, его бойцам наконец удалось выбить снайперов из «Гранд-отеля».

Касильяс, хотя и был в гражданской одежде, далеко уйти не сумел. Бойцы Бордона, действовавшие на западе города, получили распоряжение задерживать всех солдат, бегущих в Гавану, и Касильяс, на котором была соломенная шляпа и повязка с эмблемой «26 июля», вскоре попал им в руки. Он тотчас попытался задобрить Бордона, назвав его «великим стратегом», а затем сказал, что как ему ни жаль, но он должен «спешить в столицу, чтобы участвовать в работе хунты, которая намерена разрешить кризис на Кубе».

Бордон оборвал его. «Я сказал, чтобы Касильяс перестал ко мне подлизываться, что нам не нужна никакая хунта, так как налаживать жизнь на Кубе будет Фидель Кастро. И что я возьму его с собой в Санта-Клару к Че. Тут Касильяс изменился в лице и спросил, нельзя ли отправить его к какому-нибудь другому командиру. Помню, что, когда Че увидел его, он сказал: "А, так это ты убил Хесуса Менендеса!"»[23]

Касильяс не дожил до следующего дня. Согласно официальной версии, он был застрелен при попытке к бегству, когда его вели к Че, однако это не вяжется с воспоминаниями Бордона. Учитывая тянувшийся за Касильясом шлейф прошлых

преступлений и достижения Че в области применения революционного правосудия, вполне можно предположить, что неудавшаяся «попытка бегства» Касильяса произошла тогда, когда его поставили перед наскоро собранной расстрельной командой.

Эрнандес принял решение капитулировать за десять минут до истечения данного ему времени. Он приказал своим войскам сложить оружие и выйти из казарм на улицу — навстречу повстанцам. Город охватило ликование: Санта-Клара окончательно перешла в руки партизан. Но Че пока не праздновал победу. Необходимо было восстановить порядок в городе, выявить прихвостней режима и чивато, а также собрать войска.

Пребывание Кантильо на посту главнокомандующего оказалось недолгим. Полковник Баркин, бежавший с острова Пинос, был доставлен в Гавану вместе с Армандо Хартом, и ранним вечером Баркин появился в «Кемп-Колумбии», где Кантильо пришлось передать ему командование. Тем временем власти Сантьяго приняли решение о капитуляции, и поздним вечером Фидель собирался войти в город.

На следующее утро, 2 января, Че с Камило Сьенфуэгосом получили приказ идти на Гавану. Камило предстояло взять «Кемп-Колумбию», а Че должен был занять Ла-Кабанью — крепость, построенную в колониальные времена и возвышающуюся над Гаваной со стороны порта. Колонна Камило выступила первой, так как у Че еще оставалось несколько важных дел. Назначив Калисто Моралеса военным губернатором Лас-Вильяс, он обратился к населению Санта-Клары с благодарностью за помощь делу революции. По его словам, он и его бойцы уходили из города «с таким чувством, какое бывает при расставании с любимым местом». «Я прошу вас поддерживать в себе этот революционный дух, чтобы и потом, при решении гигантской задачи по восстановлению Кубы, провинция Лас-Вильяс оставалась в авангарде революции».

Примерно в три часа пополудни Че, сопровождаемый Алейдой, выехал во главе своего войска в сторону Гаваны. Большинство его товарищей ликовало при мысли о скором освобождении кубинской столицы, но Че думал уже о той борьбе, которая ему предстояла в дальнейшем.

Часть третья
НА ПУТИ К «НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ»

Глава 20
Верховный обвинитель

Кровь людей — это наше самое священное сокровище, но мы вынуждены расходовать его для того, чтобы спасти кровь большего количества людей в будущем.

Че Гевара. Тактика и стратегия революции в Латинской Америке (конец 1962 г.)

Однажды я взошел на вершину горы с ружьем в руке и почувствовал нечто, чего никогда не знал ранее — я почувствовал себя таким сильным! Я испытывал прекрасное чувство свободы, и я сказал себе: «У нас все получится!»

Эктор Жюв, один из партизан Че в Аргентине в 1963–1964 гг.

I

Семейство Гевара как раз праздновало в Буэнос-Айресе Новый год когда они услышали экстренное сообщение о бегстве Батисты. Ровно два года спустя после того, как таинственный почтальон доставил им письмо от Тэтэ, сообщающее, что их сын жив, у родителей снова появился повод возрадоваться: колонны повстанцев во главе с Че Геварой и Камило Сьенфуэгосом наступали на Гавану.

Но радость длилась недолго. Отец Че вспоминает: «Не успели мы осушить бокалы в честь свержения Батисты, как услышали ужасную новость. Эрнесто смертельно ранен при взятии кубинской столицы». И снова Гевара Линч в отчаянии пытался узнать, верно ли это сообщение. Семья пережила два страшных часа, пока наконец представитель «Движения 26 июля» в Буэнос-

Айресе не передал им, что информация ложная.

Че со свитой прибыл в огромную испанскую колониальную крепость в предрассветных сумерках 3 января. Тамошний полк из трех тысяч человек уже сдался ополченцам «26 июля» и выстроился на плацу к прибытию Че. Он обратился к ним покровительственно, назвав «неоколониальной армией», которая научит его повстанческое войско «маршировать» и которую партизаны научат «воевать».

Днем раньше в ставку генштаба «Кемп-Колумбию» прибыл Камило и принял командование от полковника Рамона Баркина. Генерал Кантильо был арестован. Фидель же с триумфом вошел в Сантьяго. Выступая перед приветствовавшей его толпой, он объявил город временной столицей Кубы, а прибывшего из Венесуэлы Мануэля Уррутиа новым президентом.

Карлос Франки, находившийся при Фиделе, не мог понять, почему Че отослали в Ла-Кабанью. «Помню, я много размышлял о причине этого приказа Фиделя: ведь центром тирании и военной власти был «Кемп-Колумбия»… Че был вторым человеком Революции. По каким же причинам Фидель отправил его в Ла-Кабанью, на второстепенную должность?»

Без сомнения, Фидель выбрал для Че менее заметную роль потому, что не хотел привлекать к нему слишком большого внимания. Ведь для поверженного режима, для его сторонников и для Вашингтона Эрнесто Че Гевара олицетворял собой ужасный образ «коммуниста-интернационалиста», и давать ему ведущую роль на столь раннем этапе означало лишь навлекать беду.

Че был нужен Фиделю для невероятно важной работы по «чистке» старой армии, чтобы закрепить победу, осуществить революционное правосудие над предателями, чивато и военными преступниками Батисты.

II

С зеленого холма, где находились Ла-Кабанья с крепостью Морро, охраняющей порт Гаваны, в январе 1959 г. перед Че, вероятно, открывался тот же вид, что описывал Грэм Грин в опубликованном лишь несколькими месяцами ранее романе «Наш человек в Гаване».

«Город вытянулся вдоль берега океана; волны разбивались у самой Авенида де Масео, и брызги застилали ветровые стекла автомобилей. Розовые, серые, желтые колонны некогда аристократического квартала выветрились, как прибрежные скалы; почерневший облезлый герб красовался над дверью убогой

гостиницы, а ставни ночного кабака были ярко выкрашены, чтобы уберечь их от океанской соли и сырости. На западе стальные небоскребы нового города вздымались в светлом февральском небе выше маяков».[24]

При ближайшем рассмотрении оказывалось, что Гавана — это город темных искушений полный казино, ночных клубов и борделей. Там были даже кинотеатры, где показывали порнофильмы, а в театре «Шанхай» в чайна-тауне шли эротические спектакли с горячим парнем по имени Супермен в главной роли. Марихуану и кокаин достать было нетрудно.

В такое место попали Че и его товарищи после двух лет почти полного воздержания, проведенных в горах. Последствия нетрудно предугадать. Своих телохранителей Че держал под строгим контролем, но для Альберто Кастельяноса соблазн оказался слишком велик. «Я был изумлен… Я раньше никогда не был в столице и оказался просто потрясен… Че до рассвета держал меня за работой и у меня не было времени что-нибудь посмотреть. Поэтому иногда по ночам я убегал в город в первую очередь в кабаре. Я никогда не видел столько красивых женщин».

Воздух Гаваны был пропитан сексом. Партизаны ускользали за стены Ла-Кабаньи на свидания с девушками и встречались с ними в кустах у огромной белой статуи Христа, вздымающейся над гаванью. Надо было наводить порядок. Че устроил сразу несколько свадеб для тех бойцов, чьи отношения с любовницами еще не стали «официальными». Церемонией в Ла-Кабанье руководил сам Че, и одним из тех, кому подрезали крылышки, был заблудший Кастельянос, которого в Орьенте ждала невеста.

В других странах Южной и Северной Америки многие разделяли радость победы кубинских революционеров. Война на острове уже давно привлекала общественное внимание, и теперь в Гавану съехались полчища журналистов.

Но даже на Кубе мало кто понимал, что же представляет собой новый режим. Находясь в Сантьяго, Фидель прилагал максимум усилий, чтобы новый режим выглядел умеренным, однако он уже установил модель будущих отношений с «президентом» Уррутиа, позволив ему произвести лишь одно назначение: министра юстиции, а остальных стал назначать сам. Поскольку Уррутиа был благодарен Фиделю за то, что стал президентом, он не стал протестовать. Но даже при этом лишь несколько членов «Движения 26 июля», в основном из льяно, вошли в первоначальный список кабинета министров.

Из Сантьяго Фидель начал поездку по стране в направлении Гаваны. Репортеры следовали за ним по пятам. На их расспросы Кастро не уставал отвечать, что политических амбиций у него

нет. Он подчиняется приказам «президента Уррутиа», говорил Фидель, а что до будущего, то революция повинуется «воле народа». Правда, он принял предложение Уррутии служить главнокомандующим вооруженными силами.

Где бы ни появлялись партизаны, оборванные и уставшие, их приветствовали толпы людей. Молодой повстанец из Ольгина, Рейнальдо Аренас, вспоминал, как это было. «Мы сошли с гор и были встречены как герои. В моем районе в Ольгине мне дали флаг "Движения 26 июля", и я шел по кварталу с этим флагом в руках. Мне было немного неловко, но радость вокруг царила просто невероятная, звучали гимны, весь город высыпал на улицы».[25]

В Гаване сотни вооруженных повстанцев заполонили вестибюли гостиниц и вели себя так, как будто они в поле на привале. Большая часть правительственных войск сдалась после бегства Батисты и находилась в своих казармах, но кое-где по-прежнему оставались снайперы, шел розыск бежавших полицейских агентов, коррупционеров и военных преступников. В ряде мест толпа совершила нападения на казино, парковки и другие «оплоты коррупции» времен Батисты, но это вскоре было пресечено ополченцами «26 июля». Даже бойскауты выполняли роль полиции. Тем временем в посольства иностранных государств прибывали офицеры, полицейские и чиновники, попавшие в тяжелое положение после бегства Батисты.

4 января Карлос Франки покинул Фиделя и полетел в Гавану. Он обнаружил, что столица изменилась. «Мрачный «Кемп-Колумбия», символ тирании и преступности, в котором мне довелось быть в заключении, превратился прямо в какой-то театр, невозможно бы даже представить себе такое. С одной стороны — бородатые повстанцы во главе с Камило, численностью не более пятисот человек с другой — двадцать тысяч военных: генералов, полковников, майоров, капитанов, капралов, сержантов и рядовых. Когда мы проходили мимо, они вставали по стойке «смирно». Нас просто смех разбирал. Помню, как Камило принимал посла Соединенных Штатов в доме командующего. Со своей бородой он выглядел как Христос на пьянке. Ботинки сброшены на пол, ноги на столе».

Через некоторое время приехал Че. Он рассказал, что президентский дворец заняла «Революционная директория» и, похоже, не собирается его покидать. Че пытался поговорить с их руководителем, но ему было отказано во встрече. Франки писал: «Камило, полушутя-полусерьезно, сказал, что в качестве предупреждения не мешало бы выпустить по ним пару пушечных ядер… Не будучи поклонником дворца, я сказал, что идея

недурна, но Че — он всегда обладал чувством ответственности — заявил, что сейчас не время тратить пушечные ядра. Он спокойно вернулся во дворец, встретился с Фауре Чомоном, и все было улажено. Камило всегда слушался Че».

Когда 8 января в Гавану прибыл Фидель, Уррутиа уже обосновался во дворце, и было установлено некое подобие государственной власти. Повстанцы заняли общественные здания, полицейские участки, офисы газет и профсоюзов. Находившиеся в изгнании коммунистические лидеры стали возвращаться в страну, и запрещенная прежде коммунистическая газета «Сегодня» возобновила свою работу. Даже бывший президент Карлос Прио вернулся из Майами. За границей основные кубинские посольства были заняты представителями «Движения 26 июля». Новое правительство признали Венесуэла и Соединенные Штаты. Советский Союз последовал их примеру 10 января.

Средства массовой информации только и говорили, что о Фиделе и его героях-«барбудос». Еженедельник «Боэмия» превратился в «фанатский журнал» революции, печатающий подобострастные материалы о Фиделе: один из художников дошел до того, что изобразил его лицо похожим на лицо Христа, дополнив портрет нимбом. Страницы журнала пестрели рекламными объявлениями, эксплуатирующими тему победившей революции. Пивоваренная компания «Полар» украсила страницу изображением крепкого крестьянского парня, собирающего сахарный тростник, и надписью: «ПОРА ПРИНИМАТЬСЯ ЗА РАБОТУ! Теперь, когда мы счастливы, что снова свободны, и как никогда горды тем, что мы кубинцы, мы должны идти путем труда: созидательного и напряженного труда на благо Родины… А после работы ПОРА ПРИНИМАТЬСЯ ЗА "ПОЛАР"!»

В одном из театров состоялась премьера пьесы про «генерала Фиделя». Группа благодарных граждан спешно заказала бронзовый бюст Кастро, на мраморном постаменте была выгравирована надпись, восхваляющая человека, который «испепелил путы диктатуры пламенем свободы».

Че тоже получил свою долю пламенных благодарностей. Выдающийся кубинский поэт-коммунист Николас Гильен написал стихи в честь Гевары.

ЧЕ ГЕВАРА

То, верно, Сан-Мартин рукою чистой
Хосе Марти приветствовал, как брата,
А может, море миновав, Ла-Плата

Слилась с Кауто[26] в ток воды игристый?

Нет — то Гевара, гаучо речистый,
Поднес Фиделю кровь свою солдата
И руку дал товарища тогда нам,
Когда сгустился сумрак ночи мглистый.

Смерть отступила. Тени ненавистной,
Ни лезвий, ни отрав, ни тварей низких
Нет и следа — одно воспоминанье.

Светла душа, что две души вобрала:
То, верно, Сан-Мартин рукою чистой
Хосе Марти приветствовал, как брата.

Если Че и так уже был известной в латиноамериканских странах фигурой, то литературное посвящение Гильена — поэта, стоящего наравне с Федерико Гарсиа Лоркой, Пабло Нерудой и Рафаэлем Альберти, — ввело его в пантеон самых почитаемых в Латинской Америке исторических личностей. В тридцать лет Че Гевару уже сравнивали с самим Хосе Сан-Мартином.

Однако в американском посольстве в Гаване Че считали ужасным «Распутиным» нового режима. Его влияние на Фиделя и не вполне ясная роль, которую этот человек играл за стенами Ла-Кабанью стали почвой для весьма беспокойных размышлений.

III

Свое прибытие в Гавану Фидель обставил как талантливый режиссер. Он въехал в город во главе шумной процессии, стоя на захваченном у врага танке. Нанеся визит во дворец президенту Уррутиа, Кастро вспрыгнул на борт «Гранмы», которая была перевезена в Гавану и установлена в порту. Затем, в сопровождении Камило и Рауля — Че в это время пребывал в Ла-Кабанье в стороне от всеобщего внимания, — он проследовал к «Кемп-Колумбии»: по улицам, вдоль которых стояли тысячи ликующих гаванцев, в восторге размахивающих флагами.

В тот вечер Фидель произнес продолжительную речь на телевидении в прямом эфире. Он подчеркнул необходимость установления законности и революционного единства. На «новой Кубе» место есть только для одной революционной силы и не может быть никаких «отдельных армий». Эти слова были

предупреждением «Директории», бойцы которой ушли из дворца, но по-прежнему занимали территорию университета. Еще одним знаком того, что назревает противоборство, стало публичное заявление лидера «Директории» Чомона о том, что его группу не пускают во власть. Но речь Кастро и содержавшаяся в ней угроза сделали свое дело: Фидель еще не закончил выступления, а из «Директории» уже сообщили, что они сдают оружие.

В своем выступлении Фидель подчеркнул также патриотическую направленность нового режима. Один журналист задал ему вопрос, справедливы ли слухи о том, что правительство США собирается закрыть свою военную миссию на Кубе, и Фидель тут же ответил: «Оно должно ее убрать. Правительство Соединенных Штатов не имеет права держать здесь постоянную миссию. Иными словами, право решать этот вопрос принадлежит не Государственному департаменту, а Революционному правительству Кубы». Тем самым Фидель дал понять, что если Вашингтону нужны хорошие отношения с Кубой, то американцам следует кое-что в них изменить и в первую очередь обращаться с кубинским государством как с равным.

Кастро сообщил, что планируется реорганизация армии: она будет состоять из тех, кто «предан революции», кто станет защищать ее, если возникнет необходимость.

Своей речью Фидель искусно готовил кубинцев к будущим изменениям, но наиболее запомнился всем зрителям момент, когда со стороны публики к оратору вдруг вылетели несколько белых голубей и опустились ему на плечи. Для многих это был мистический, божественный знак. Для других — отличный пример того, как Фидель умеет создать себе нужный образ в нужное время.

Администрации Эйзенхауэра грех было жаловаться на новый кубинский режим. Кабинет министров сплошь состоял из политически «безопасных» кубинских политиков, все они были из среднего класса, придерживались антикоммунистических взглядов, ориентированы на интересы бизнеса. В их числе было много и бывших соперников Фиделя. Раздав им посты в новом правительстве, Кастро быстро успокоил консервативные политические и деловые круги и нейтрализовал потенциальные источники оппозиции.

Самым большим сюрпризом оказалось назначение премьер-министром Хосе Миро Кардоны, известного юриста и секретаря «Гражданского оппозиционного фронта». «Назначение Миро Кардоны стало просто сенсацией, — вспоминал впоследствии Франки. — Он возглавлял Ассоциацию гаванских баров, представлявшую крупные капиталистические предприятия, и был

одним из самых проамерикански настроенных кубинских политиков… Мы не могли понять этого выбора Фиделя, но… на самом деле это был умный ход. Он запутал американцев, буржуазные круги и политиков».

Фелипе Пасос был назначен президентом Национального банка; Хусто Каррильо стал президентом Банка Развития; а выпускник Гарварда экономист Рехино Боти вернулся из США и был назначен на пост министра экономики. Руфо Лопес Фреске, экономист и аналитик влиятельной консервативной газеты «Диарио де ла марина», был назначен министром финансов; иностранными делами стал заниматься политик из Ортодоксальной партии Роберто Аграмонте.

Другие, как, например, Фаустино Перес, глава только что созданного Министерства по эксплуатации незаконно приобретенной собственности, происходили из правого крыла «Движения 26 июля». Министерство образования перешло в руки Армандо Харта, а Энрике Ольтуски («Сьерра») — заклятый враг Че во время войны — стал министром связи. Старого друга Фиделя, издателя Луиса Орландо Родригеса, помогавшего в создании радио «Ребельде» и «Кубано либре», назначили министром иностранных дел. Другой новый пост, министра революционных законов, был поручен Освальдо Дортикосу Торрадо, юристу из Сьенфуэгоса, до некоторой степени связанному с НСП. Его назначение казалось в тот момент довольно безобидным, но в будущих планах Фиделя Торрадо предстояло играть ключевую роль.

Кабинет приступил к работе, начались долгие сессии по реформированию конституции страны, восстановлению поврежденной инфраструктуры и приведению в порядок тонущего в распутстве кубинского общества; первым пунктом повестки дня стал проект закона о запрещении азартных игр и проституции. В то же время начались увольнения сотрудников, получивших синекуры от режима Батисты. Первые указы тоже носили характер «чистки»: были временно запрещены все политические партии, а собственность Батисты, его министров и всех политических деятелей, участвовавших в последних двух выборах периода его правления, была конфискована.

В то же время Фидель начал выступать перед большими скоплениями людей, что он оригинально окрестил «прямой демократией». Эти выступления превращались в стихийные референдумы по революционной политике, что в конечном счете оказывало влияние на действия правительства. Кастро снова и снова повторял, что обязанность нового правительства — подчиняться «воле народа», потому что революция сделана

«руками народа».

Фидель также приступил к реформированию армии, своей главной опоры. Ряды «старой» армии были «прополоты»: часть офицеров понизили в звании, часть уволили. Полковник Рамон Баркин был назначен главой военных училищ, а майор Кеведо, один из нескольких офицеров регулярной армии, переметнувшихся в лагерь мятежников после неудачного летнего наступления, стал заведовать материально-техническим обеспечением. Новая военная элита создавалась из преданных революционеров. Камило, уже являвшийся военным губернатором провинции Гавана, стал начальником штаба армии. Эфихенио Альмейхераса, возглавлявшего элитную ударную силу партизан «Мау-мау», сделали шефом полиции. Летчик Педро Диас Ланц, бывший во время войны командующим «военно-воздушными силами» Фиделя, теперь получил этот титул официально. Наиболее показательным является то, что во всех кубинских провинциях военными губернаторами были назначены члены «Движения 26 июля».

Вскоре стало очевидно, что средоточие революционной власти находится вовсе не в роскошном президентском дворце в Старой Гаване, а в любом месте, где в данный момент находится Фидель — а он, казалось, был везде одновременно. «Базовым лагерем» ему служил пентхаус на двадцать третьем этаже нового отеля «Хилтон» в гаванском районе Ведадо, но также он работал и проводил ночи в находившейся неподалеку квартире Селии и на вилле в рыбацкой деревне Кохимар, в тридцати минутах езды к востоку от Гаваны. Именно на этой вилле, а вовсе не в президентском дворце решалось будущее Кубы. В последующие месяцы она стала местом ежевечерних встреч Фиделя и его товарищей с лидерами Коммунистической партии. Их целью было создать тайный союз, чтобы сплавить НСП и «Движение 26 июля» в единую революционную партию.

IV

Со стороны могло показаться, что при распределении самых лакомых должностей Че и Рауль оказались лишними. Рауль был назначен военным губернатором Орьенте, а Че достался второстепенный пост «начальника гарнизона Ла-Кабаньи». Но названия этих должностей лишь вводили в заблуждение. Фидель стремился придать революционному режиму видимость умеренности, надеясь избежать преждевременной конфронтации с США, — он громогласно отвергал обвинения в

«коммунистическом влиянии», — а тем временем Рауль и Че секретно работали над укреплением связей с НСП и усилением опоры Фиделя в вооруженных силах.

Че по-прежнему жил в очень напряженном режиме. 13 января он открыл в Ла-Кабанье «Военно-культурную академию». Помимо общеобразовательных дисциплин, в академии должны были заниматься «политическим информированием» военных. Там проводились курсы по основам гражданственности, истории, географии, кубинской экономике, «экономическим и социальным особенностям латиноамериканских республик» и текущим политическим событиям. Каждый вечер в нескольких кинотеатрах крепости показывали фильмы. Че основал полковую газету «Ла-Кабанья либре», а затем помог начать выпускать «Верде оливо», газету Революционных вооруженных сил.

В конце января у Че появилась дополнительная должность «главы Отдела по обучению Революционных вооруженных сил», — но и этим его деятельность не ограничивалась. По приказу Фиделя, он тайно встречался с Раулем, Камило, Рамиро Вальдесом и Виктором Пиной из НСП. Их целью было создание нового аппарата госбезопасности и разведки. Появившееся в итоге Агентство государственной безопасности было отдано в умелые руки Рамиро Вальдеса, в военное время бывшего помощником Че. Освальдо Санчес, член Политбюро НСП и глава его «военного комитета», стал заместителем командующего.

Тем временем со всего полушария на Кубу возвращались эмигранты. Чтобы привезти на родину живших в Буэнос-Айресе изгнанников, туда был отправлен самолет, и семью Гевара тоже пригласили прилететь на нем на Кубу. Родители Че, его сестра Селия с мужем Луисом Арганьярасом и Хуан Мартин, которому исполнилось уже четырнадцать, приняли предложение. (Роберто и Ана Мария вынуждены были остаться дома из-за семейных дел и работы, они встретятся со своим знаменитым братом только через два с половиной года.) Семья Гевара прилетела в Гавану 9 января, и, как всегда эмоциональный, Гевара Линч поцеловал землю в гаванском аэропорту Ранчо Бойерос. «Нас сразу окружили бородатые солдаты, — пишет он, — одетые в очень грязную форму и вооруженные винтовками и пулеметами. Последовали обязательные приветствия, и они спешно повели нас во внутренние помещения, где ждал Эрнесто. Как я понимаю, они хотели сделать ему сюрприз, и сын узнал о нашем приезде лишь за несколько минут до того. Моя жена бросилась к нему в объятия и не могла сдержать слез… Вскоре и я обнял сына. Прошло шесть лет с тех пор, как я последний раз видел Эрнесто».

Почетных гостей разместили в номере-люкс отеля «Хилтон»,

лишь несколькими этажами ниже комнат Фиделя. Поскольку отель был де-факто местом расположения правительства, в его роскошном холле стоял невероятный шум — галдели лохматые партизаны, кругом толкались журналисты, просители и растерянные американские туристы, чей отпуск нарушила революция. Оставшись наконец наедине с сыном, Гевара Линч достал несколько бутылок аргентинского вина, тех марок, что Эрнесто так любил в Аргентине.

«При виде этих бутылок его глаза засияли… Эрнесто, конечно, вспомнил счастливые времена, когда вся семья жила в Буэнос-Айресе». Пока они отмечали встречу, Гевара Линч наблюдал за сыном и решил, что «телосложением, речью и радостным настроением» он ничем не отличается от «того мальчика, который шесть лет назад холодным июльским днем уехал из Буэнос-Айреса».

Однако, похоже, Гевара Линч выдавал желаемое за действительное. Его сын Эрнесто стал теперь «Че», человеком, которым хотел быть. Наверное, Эрнесто был рад увидеть своих родных, но время для их приезда было выбрано самое неподходящее. Не успела семья расположиться в «Хилтоне», а Че уже должен был мчаться в Ла-Кабанью, на заседания трибуналов, которыми он руководил.

Весь январь в Ла-Кабанью ежедневно привозили арестованных, подозреваемых в военных преступлениях. В основном это были не главные приспешники павшего режима: большинство их сбежало еще до того, как повстанцы взяли город под контроль и перекрыли воздушное и морское сообщение, а многие скрывались в иностранных посольствах. Среди тех, кто остался, были, главным образом, депутаты, рядовые чивато и полицейские, проводившие пытки. И тем не менее, будучи верховным обвинителем, Че подходил к работе с необычайной ответственностью, стены крепости еженощно оглашались звуками пальбы расстрельных команд.

«Там было более тысячи военнопленных, — рассказывал Мигель Анхель Дуке де Эстрада, которого Че поставил во главе комиссии по чистке, — и все больше прибывало с каждым днем, у многих не было документов, личных дел. Мы даже имена знали не у всех… Че всегда ясно понимал, как важно провести чистку и осуществить правосудие над военными преступниками».

Суды начинались в восемь-девять часов вечера, и, как правило, вердикт был готов к двум-трем часам ночи. Дуке де Эстрада работал вместе с Че. Его обязанности заключались в том, чтобы собирать доказательства, допрашивать обвиняемых и подготавливать слушания.

«Че советовался со мной, — говорит Дуке, — но главным был он и последнее слово всегда оставалось за ним. Почти по всем решениям мы с ним были единодушны. Примерно за сто дней мы провели пятьдесят пять казней через расстрел, нас за это сильно критиковали, но мы подробно и честно рассматривали каждое дело и не принимали необдуманных решений».

Двадцатиоднолетний бухгалтер Орландо Боррего был назначен Че управляющим финансовыми делами Ла-Кабаньи, но сверх того получил еще должность председателя трибунала. «Это было очень сложно, ведь [большинство из нас] не имело судейской подготовки, — вспоминал Боррего. — Первостепенной нашей заботой было сделать все, чтобы возобладали революционная мораль и справедливость, не допускать неоправданных приговоров. В этом отношении Че был очень скрупулезен. Никого не расстреливали за то, что он ударил арестанта, но если имели место жестокие пытки и убийства, то тех, кто их совершал, приговаривали к смерти… Дело разбирали, приглашали свидетелей, приходили родственники убитого или замученного или же приходил сам подвергшийся пыткам и предъявлял суду их следы на теле, показывал все следы пыток, которым подвергся».

Каждый вечер Че разбирал дела вместе с судьями, но, разъясняя свою роль в судах одному враждебно настроенному журналисту кубинского телевидения, он сказал, что никогда не присутствует на судах и с подсудимыми не встречается: он изучает их дела на основе представленных материалов в одиночестве, чтобы беспристрастно вынести взвешенное решение.

В течение следующих нескольких месяцев на Кубе были привлечены к ответственности и казнены несколько сотен человек. Имели место и казни без суда и следствия. Наиболее известна массовая казнь, которую организовал Рауль вскоре после взятия Сантьяго: бульдозерами вырыли ров, и семьдесят приговоренных пленных выстроили перед ним, после чего скосили из пулеметов. Эта казнь послужила окончательному формированию репутации Рауля как безжалостного, склонного к насилию человека, и эта репутация его сохраняется по сей день.

Справедливости ради надо сказать, что в обществе в то время почти не было открытого неприятия этой волны процессов. Напротив, поскольку приспешники Батисты совершили ужасные преступления, в обществе царили линчевательские настроения, и средства массовой информации злорадно передавали детали судебных разбирательств и казней, сопровождая это самыми мрачными подробностями деяний приговоренных.

8 февраля «Боэмия» опубликовала материал о суде над двумя

членами банды Роландо Масферрера, братьями Николардес Рохас, на совести которых было несколько убийств в Мансанильо. Статья называлась «Братья под обвинением». Автор пересказал кульминационный момент судебного заседания:

«Обвинитель, доктор Фернандо Арагонесес Крус, вопрошает:

— Заслуживают ли братья Николардес свободы?

— Не-е-ет! — громогласно кричит огромное множество людей:

— Заслуживают ли они тюрьмы — и надежды, что когда-нибудь смогут быть полезны обществу?

— Не-е-ет!

— Следует ли расстрелять их в назидание всем будущим поколениям?

— Да-а-а!

Обвинитель… взглянул на неистовствующую толпу. И, зная ее единодушное мнение, сказал спокойно, направив взгляд, полный и гнева и жалости одновременно, на осужденных народом:

— Это, дамы и господа, требование народа, которого я представляю в этом заседании».

Братьев Николардес тотчас вывели из зала суда и расстреляли.

Этот рассказ в еженедельнике «Боэмия», видимо, достаточно точно передает атмосферу, царившую в залах суда революционной Кубы. По словам Орландо Боррего, ему часто приходилось оказываться под сильным давлением со стороны публики, желавшей, чтобы приговоры были суровыми. «Люди часто считали, что приговор слишком мягок… Иногда прокурор требовал заключения на десять лет, а люди требовали двадцати». Вдвойне тяжелой работу Боррего делало то, что их процессы все больше критиковали за рубежом. Американские конгрессмены назвали их «кровавой баней».

Че без тени страха продолжал свое дело. Он попросил судей как можно тщательнее взвешивать факты в каждом деле, чтобы не давать лишнего оружия врагам революции. Гевара сказал, что суды должны продолжаться, чтобы обезопасить кубинскую революцию. Он не уставал напоминать своим товарищам, что Арбенс потерпел поражение в Гватемале из-за того, что не провел чисток в армии, — именно эта ошибка позволила ЦРУ сбросить его режим. Куба не должна повторить этой ошибки.

Гевара Линч в своих мемуарах избегает говорить о ведущей роли, которую Че играл в трибуналах. Однако упоминает о том, насколько был поражен, увидев, в какого жесткого человека превратился его сын. По его словам, как-то вечером он решил

навестить Эрнесто в Ла-Кабанье. Че не было на месте, и отец решил подождать. Вскоре ко входу подъехал джип, и из него кто-то выпрыгнул. Это был Че.

«Он подошел к молодому солдату, стоявшему на посту, выхватил у него винтовку и твердым сухим тоном приказал арестовать его. Я видел отчаяние на лице паренька и спросил, за что он его арестовал. Бедняга ответил: "Нельзя спать, когда стоишь в карауле, это подвергает риску всех солдат"».

До этого момента, пишет Гевара Линч, он думал, что его сын «все тот же мальчик, который попрощался с нами в 1953 году в Буэнос-Айресе». Теперь он знал, что ошибался, и стал видеть Эрнесто в новом свете.

В другой раз Гевара Линч спросил сына, не планирует ли тот вновь заняться медициной. Улыбнувшись, Че ответил, что, поскольку у них одинаковое имя, отец вполне может заменить его в качестве врача: повесить вывеску врача и «начать убивать людей без всякого риска». Че посмеялся собственной шутке, но отец требовал от него ответа, и в итоге сын высказался более серьезно: «Что до медицинской карьеры, то, могу сказать, я давным-давно ее оставил. Теперь я воин, работающий над укреплением правительства. Что будет со мной дальше? Я даже не знаю, в какой стране сложу голову».

Гевара Линч был озадачен и лишь намного позже понял значение последней реплики Че. «Прибыв в Гавану, Эрнесто уже знал, какова его судьба».

В недоумении пребывал не только отец Че, но и некоторые старые друзья и знакомые. Поначалу они были в восторге от его партизанских подвигов, но восторг сменился ужасом, когда люди узнали о том, какую роль Эрнесто играет в казнях.

Татьяна Кирога жила теперь в Лос-Анджелесе: она вышла замуж за кузена Чичины Джимми Року, который некогда был соседом Че по комнате в Майами. В начале января они отправили Геваре телеграмму с поздравлениями по поводу победы революции. «Я послала телеграмму в Ла-Кабанью, она обошлась мне в пять долларов, — вспоминала Татьяна. — Я запомнила сумму потому, что тогда это были для меня большие деньги, я была студенткой. Но я потратила их, чтобы поздравить Эрнесто. А потом узнала об убийствах в Ла-Кабанье. Я никогда не чувствовала себя так ужасно. Мне хотелось умереть».

V

Как бы ни была велика «необходимость» революционных

трибуналов, они немало способствовали ухудшению отношений Гаваны и Вашингтона. Фидель разражался упреками: как может страна, бомбившая Хиросиму, называть то, что делает он, кровавой баней? Почему никто не выступал, когда убийцы, которых сейчас судят, творили свои жестокости? Комментируя слухи о том, что на него готовят покушение, Кастро заявил, что, если его убьют, революция выживет: за ним стоят товарищи, которые готовы его заменить, товарищи «еще более радикальные», чем он. Если кто-то и сомневался, на кого он намекает, то Фидель тут же развеял эти сомнения, объявив, что его «преемником» избран Рауль. Учитывая, что массовая казнь в Сантьяго произошла совсем недавно, в этом заявлении Фиделя содержался зловещий намек. Хотя официальное назначение Рауля министром революционных вооруженных сил произойдет только в октябре 1959 г., де-факто он уже был начальником штаба кубинских войск. А какое же место тогда отводилось Че? В посольстве США внимательно и с нарастающим чувством тревоги следили за его поступками и речами.

27 января на организованном НСП форуме в Гаване Че произнес речь под названием «Социальная программа повстанческой армии». После этой речи не осталось сомнений, на каких позициях он стоит. Для тех, кто осознал значение этой речи, она стала, возможно, самой важной из всех выступлений революционных лидеров с момента их прихода к власти, включая речи Фиделя.

Че заявил, один из «проектов» — «вооруженная демократия» — уже осуществлен, но еще очень многое предстоит сделать. Закона об аграрной реформе, изданного за два месяца до того в Сьерра-Маэстре, недостаточно, чтобы выправить положение. Революция должна отдать долг крестьянам, ведь за их счет шла война. Нужно провести настоящую аграрную реформу. Саму систему владения землей нужно изменить — как было предусмотрено кубинской конституцией 1940 г., — и, проводя реформу в жизнь, революция должна считаться с «народом».

«Закон, запрещающий латифундизм, станет делом организованных крестьянских масс».[27] Более того, нужно отказаться от конституционного требования компенсации владельцам экспроприированной земли. «Если аграрная реформа будет проводиться по этому принципу, то она, по-видимому, окажется несколько медленной и дорогостоящей». Также Кубе необходимо освободиться от зависимости от экспорта сахара, пройдя процесс быстрой индустриализации; только тогда страна сможет освободиться от капиталистического господства США. «Мы должны развивать индустриализацию страны, не игнорируя

при этом вызываемые ею многочисленные проблемы. Но политика поощрения промышленного развития требует определенных таможенных мер, которые защитили бы нарождающуюся промышленность, и внутреннего рынка, способного поглотить новые товары. Этот рынок мы можем увеличить не иначе как предоставлением доступа к нему основным массам крестьянства, крестьянам, не обладающим покупательной способностью, но имеющим потребности, которые должны быть удовлетворены и которые пока еще не могут быть покрыты покупками».

«Какими же средствами мы располагаем, чтобы осуществить заявленную программу? У нас есть Повстанческая армия, и она должна стать нашим первым, самым положительным и самым мощным орудием борьбы, и мы должны разрушить все, что еще остается от батистовской армии. И надо хорошо понимать, что делается это не из чувства мести и не только из чувства справедливости, но исходя из необходимости обеспечить достижение всех этих завоеваний народа в кратчайшие сроки».

И наконец самое главное: Че раскрыл свое представление о континентальной революции, чем не только бросил вызов общекоммунистической теории о борьбе масс под руководством партии, но и призвал к вооруженной борьбе по всему полушарию. «Есть нечто более интересное, о чем я хотел бы сказать в заключение, — о том примере, который означает наша Революция для Латинской Америки, и об уроках, которые вытекают из разрушения ею всех кабинетных теорий. Мы доказали, что небольшая группа решительных людей… способна одержать верх над регулярной армией и окончательно ее разгромить. Это главный урок. Есть и другой урок, который должны извлечь для себя наши братья в Америке, экономически принадлежащие к такой же категории аграрных стран, что и мы. И он заключается в том, что необходимо осуществлять аграрные революции, вести борьбу в деревне, в горах и уже оттуда нести революцию в города… Революция вынесла приговор латиноамериканским тиранам, потому что они — такие же враги народных режимов, как и иностранные монополистические предприятия».

Гевара закончил речь призывом к «духовному единству» всех стран Америки; «союзу, который выйдет за рамки обычной болтовни и воплотится в действенную помощь нашим братьям, предоставив в их распоряжение наш опыт».

Речь Че стала не чем иным, как громким призывом к будущим революционерам всего полушария и скрытым объявлением войны интересам Соединенных Штатов.

VI

2 февраля Дениэл Бреддок, действующий американский поверенный в делах в Гаване, отправил секретное донесение в Государственный департамент, ЦРУ, руководству армии, флота, военно-воздушных сил и в американские посольства в Сьюдад-Трухильо (Доминиканская Республика), Манагуа и Никарагуа. Оно было озаглавлено «Куба как база для революционных операций против других правительств Латинской Америки».

«Ряд лидеров победившего революционного движения на Кубе полагает, что теперь следует приложить усилия к тому, чтобы «освободить» народы некоторых других латиноамериканских стран от их «диктаторских» правительств. Главным выразителем таких идей, как правило, считается Эрнесто «Че» ГЕВАРА Серна. По имеющимся данным, Фидель КАСТРО также высказывал замечания такого рода, в частности во время своего недавнего визита в Венесуэлу».

Заключение американской разведки было абсолютно верным. С одобрения Фиделя Че собрал революционеров из разных стран Латинской Америки, хотевших получить помощь Кубы в организации в своих странах революционных переворотов наподобие кубинского. Одним из них был никарагуанец Родольфо Ромеро, который во время вторжения Кастильо Армаса в Гватемалу научил Че пользоваться автоматом. Теперь, четыре с половиной года спустя, они поменялись ролями. После поражения в Гватемале Ромеро вернулся в Никарагуа и стал советником марксиста Карлоса Фонсеки, лидера студенческого движения против Сомосы. Теперь же Че предложил никарагуанцам помощь в создании собственной партизанской армии и революционной партии, которая бы ею руководила. Но занимался он не только никарагуанцами, о чем и сообщалось в телеграммах Бреддока:

«Чаще всего речь идет о Доминиканской Республике, Никарагуа, Парагвае и Гаити. Парагвай находится слишком далеко для прямого вмешательства Кубы, но по поводу остальных стран ведется много разговоров и строятся предварительные планы. На Кубе находится ряд эмигрантов из Доминиканской Республики, в том числе «генерал» Мигель Анхель РАМИРЕС…

В настоящее время на Кубе находится также Луи ДЕЖУА, планирующий организовать революционное движение с целью сбросить в Гаити «мошенническое» правительство ДЮВАЛЬЕ. Его помощником является Пьер АРМАН, называющий себя "президентом Революционного фронта Гаити в Гаване". Судя по всему, кубинские революционеры заинтересованы в Гаити

главным образом как в возможной базе для нападения на ТРУХИЛЬО.

В городе находятся ряд эмигрантов из Никарагуа, в их числе Мануэль ГОМЕС Флорес. Сегодня посольство получило сообщение из весьма надежного источника о том, что никарагуанцы полагают, что первыми революционный поход начнут они… В этом сообщении особо отмечено, что Гевара принимает активное участие в планировании этого похода, а также в обучении его участников. Указывается, что они надеются начать вторжение в течение двух месяцев».

Донесение Бреддока заканчивалось просто провидческими словами: «Планирование всех этих предприятий, видимо, является на данный момент лишь предварительным и вряд ли реализуемо, а революционные группы не имеют единства. Однако… можно ожидать, что на какое-то время Куба станет центром планирования революционных действий, что повлечет за собой соответствующие трудности и заботы для правительств разных государств, включая и наше собственное».

Для подчиненных Че в Ла-Кабанье не было секретом, что он встречается с революционерами из других стран, и по всей Кубе ходили слухи о заговорах, подобных тому, что обнаружило американское посольство. Че получал письма от школьников, которые были слишком юны, чтобы участвовать в борьбе против Батисты, но теперь хотели драться против диктатора Рафаэля Трухильо.

Одновременно Че участвовал в создании тайного агентства внутри службы госбезопасности; эта подпольная организация должна была заниматься помощью зарубежным партизанским революционным движениям, подготовкой и обучением партизан. Мануэль Пиньейро Лосада, один из помощников Рауля на «втором фронте» и впоследствии глава этого агентства, рассказывает, что в начале 1959 г. у кубинского правительства еще не существовало «четко определенной политики» в отношении этих операций. Однако ситуация вскоре изменится. Освальдо де Карденасу, студенту-мулату из Матансаса, в январе 1959 г. было только шестнадцать лет, но уже через год он станет агентом разведки, занимающимся помощью зарубежным партизанам. Вот как вспоминает Карденас о том, что думали и чувствовали он и его товарищи в первые месяцы после победы кубинской революции:

«Мы были убеждены, что предназначение Кубы состоит в том, чтобы вдохновлять революции в других странах… Мы считали, что кубинская революция — это только начало перемен в Латинской Америке и перемены эти произойдут очень быстро. А

значит, за работу! Все мы были заражены этим духом… все хотели вступить в какую-нибудь партизанскую армию».

Даже усердный молодой протеже Че Орландо Боррего заразился лихорадкой освободительной борьбы. В феврале-марте 1959 г. среди офицеров Ла-Кабаньи прошел слух, что организуется отряд кубинцев для поддержки «вставших на ноги» никарагуанских партизан.

«Некоторые из нас захотели завербоваться и поехать в Никарагуа. Вроде бы всем руководил какой-то офицер. Но на поверку оказалось, что это была, как говорится, самодеятельность… Я помню, Че собрал эту группу и сделал ребятам суровый выговор — ведь они собирали оружие и планировали поход без разрешения, — на этом все закончилось. Но с того момента стало понятно, что подобные планы… существовали».

И это была правда, хотя более серьезные партизанские заговоры держались в куда большем секрете, чем тот, к которому попытался примкнуть Боррего. В конце февраля, после не очень удачной встречи с группой «левых» из Никарагуанской Социалистической партии, Че передал своему старому знакомому Родольфо Ромеро просьбу приехать в Гавану. Встретившись с ним, Че попросил Ромеро дать оценку положения в Никарагуа и сказать, что, по его мнению, следует сделать, чтобы подорвать режим Сомосы. Ромеро ответил, что есть только один путь — «путь Кубы». Тогда Че открыл ему, что партизанская «колонна» из Никарагуа уже проходит обучение на острове. Ромеро может присоединиться к ней, если хочет.

Ромеро так и сделал и стал членом партизанского отряда, отправившегося в Центральную Америку в июне. Дело кончилось полной катастрофой, но еще через некоторое время, по-прежнему при поддержке Че, товарищи Ромеро сформируют «Сандинистский фронт национального освобождения» (СФНО), и через двадцать лет «сандинисты» в конце концов свергнут Анастасио Сомосу и захватят власть.

VII

7 февраля правительство Уррутиа одобрило новую кубинскую конституцию. В ней имелось положение, созданное специально для Че: согласно ему, любому иностранцу, воевавшему против Батисты в течение двух и более лет и имевшему ранг команданте в течение года, предоставлялось кубинское гражданство. Спустя несколько дней Че официально стал гражданином Кубы.

Принятие конституции совпало с первым кризисом внутри кубинского правительства. Фидель поссорился с кабинетом Уррутиа из-за указа о запрете национальной лотереи и нежелания правительства вновь открыть публичные дома и казино, которые были закрыты после захвата власти. Теперь безработные устраивали гневные демонстрации, а Фиделю меньше всего хотелось, чтобы от него отвернулись «трудящиеся», которых он называл своими избирателями. «Сферу развлечений», являвшуюся весьма значимой частью кубинской жизни, нужно было реформировать, но, по мнению Кастро, делать это следовало постепенно, предоставляя тем, кто лишился работы, возможность переквалифицироваться и получить новую работу. Фидель настаивал, что кабинет должен отменить свое решение, и гневно угрожал, что в противном случае найдет «собственный» выход из тупика. Осознав, что Фидель собирается вершить дела так, как ему угодно, независимо от мнения кабинета, премьер-министр Миро Кардона подал в отставку. А займет его кресло не кто иной, как Фидель Кастро.

Прежде чем «принять» эту должность, Фидель потребовал от Уррутиа особых полномочий «в управлении политикой правительства», и Уррутиа покорно согласился их предоставить. Затем был издан закон, понижающий минимальный возраст для занятия высокого государственного поста: с тридцати пяти до тридцати лет. Теперь и Че, и Фидель (одному было тридцать, другому тридцать два) могли занимать министерские посты. 16 февраля Фидель вступил в должность премьер-министра и в своей речи пообещал кубинцам «перемены». К концу февраля президент Уррутиа стал во всех отношениях чисто номинальной фигурой; истинным кубинским лидером теперь безусловно был Фидель.

Че был более конкретен, говоря о «переменах». В статье в «Революсьон», озаглавленной «Что такое партизан?», опубликованной через три дня после вступления Фиделя в должность, он утверждал, что у повстанческой армии есть право определять политическое будущее Кубы, и снова исподволь проводил мысль о необходимости радикальной аграрной реформы. Гевара воспевал образ партизана как «в первую очередь, борца за свободу». «Почему партизан дерется?… Партизан — реформатор общества. Партизан берет в руки оружие в яростном протесте против социальной системы». В статье Че впервые выступил с пропагандой партизанской войны в сельской местности, увязав ее с важнейшей миссией революции в будущем. Чтобы сражаться, писал он, партизану нужна определенная тактика, необходимы места, куда он может пробраться,

спрятаться, ускользнуть и также где может рассчитывать на поддержку населения. Все это подразумевало сельскую местность, где, по совпадению, главным социальным вопросом было владение землей. «Партизан — это в основе своей и прежде всего революционер-аграрий. Через его посредство реализуется желание крестьянских масс быть собственниками земли, собственниками средств производства, скота — всего, за что они боролись годами, потому что оно составляет их жизнь от рождения до смерти».

Именно по этой причине, продолжал Че, боевым знаменем новой кубинской армии, рожденной в кубинской глуши, стала аграрная реформа, которая «неуверенно началась в Сьерра-Маэстре», затем была перенесена в Эскамбрай и теперь, после того как «о ней забыли в министерских кабинетах», двинется вперед благодаря «твердому решению Фиделя Кастро, который даст "Движению 26 июля" его историческое определение». «Это движение не является родоначальником аграрной реформы, но оно осуществит ее. Оно проведет реформу во всей полноте, пока не останется ни одного безземельного крестьянина, ни одного клочка невспаханной земли. И тогда возможно, у движения не будет больше необходимости продолжать существовать, так как оно исполнит свою историческую миссию».

Завершающий пассаж являл собой первый предупредительный сигнал «Движению 26 июля» о том, что с ним, возможно, будет покончено ради «единения» с другими политическими силами, а именно — с Коммунистической партией.

Тем не менее вольнодумный Че Гевара, не являвшийся членом партии, вызывал некоторое беспокойство у ортодоксальных партийцев. Его тезис о «передовой роли» повстанческой армии и видимое пренебрежение ролью рабочего класса и традиционной коммунистической партийной организации были просто кощунством, а настойчивая пропаганда партизанских методов ведения войны и аграрной реформы выдавали маоистское влияние. И все же, несмотря на вызывающие беспокойство симптомы впадения в ересь, Че очевидно являлся другом и союзником, и именно ему НСП была обязана политической возможностью стать рука об руку с Фиделем — возможностью, которой иначе могло бы и не представиться.

В то же время партия сохраняла политические амбиции и хотела избежать полного подчинения Фиделю. Уже в конце января 1959 г. появились первые признаки скрытой борьбы за власть между коммунистами и «Движением 26 июля». В выпуске

от 8 февраля «Боэмия» опубликовала небольшую статью о «первом внутреннем кризисе со Дня Свободы»: неожиданном уходе в отставку Калисто Моралеса назначенного Че военным губернатором Лас-Вильяс.

Все дело было во вновь разгоревшейся вражде между ласвильясским отделением «Движения 26 июля» и местной коммунистической организацией. Но, как сообщалось, свою роль сыграли и расистские настроения. Революционер-радикал Моралес был оскорблен существовавшей в Санта-Кларе расистской кастовой системой. Он сел в бульдозер и лично пробил ограждение вокруг центральной площади — зоны «только для белых», — а вскоре вступил в открытый конфликт с руководством местного и регионального отделений «Движения 26 июля». Воспользовавшись ситуацией, к нему на помощь прибыл Феликс Торрес, глава НСП в Лас-Вильяс, и, по словам Лолиты Россел, подруги Алейды, Калисто скоро подпал под влияние Торреса. От греха подальше, Фидель поспешил снять Калисто с должности.

Этот случай высветил один из аспектов конкурентной борьбы между «Движением 26 июля» и НСП, начавшейся по всей стране, но с увольнением Моралеса сложившаяся в Лас-Вильяс ситуация не была разрешена. Торрес вел очень агрессивную кампанию в поддержку компартии, что в итоге дало свои плоды: НСП одержала победу в этой провинции, чем оттолкнула множество жителей Вилья-Клары и разожгла антиправительственные настроения. Уже вскоре разгневанные члены «Движения 26 июля» в Эскамбрае возьмут в руки оружие и начнут контрреволюционный мятеж, а затем волнения перекинутся в другие регионы, получат поддержку ЦРУ, правительство Кастро начнет кампанию по подавлению беспорядков, официально назвав ее «Борьба с бандитами». Она будет продолжаться до 1966 г., когда войска Фиделя наконец истребят последних мятежников.

Тем временем в личной жизни Че происходило много событий и положение было непростым. Неизбежна была встреча с Ильдой, приехавшей в конце января из Перу вместе с трехлетней Ильдитой. В вопросах брака Че был не столь бесстрашен, как на поле боя. Он не поехал в аэропорт встречать жену и дочь, а послал вместо себя своего друга Оскара Фернандеса Мелла. Ильду, надеявшуюся на воссоединение с мужем, ждало горькое разочарование. Вот как она описывает разговор с Че в своих мемуарах:

«Со свойственной ему прямотой Эрнесто заявил мне, что у него есть другая женщина, с которой он сошелся во время

событий в Санта-Кларе. Мне было очень больно, но, в соответствии с нашими принципами, мы решили развестись.

Я до сих пор не могу без волнения вспоминать, как, поняв, насколько сильно я страдаю, он сказал: "Уж лучше б я погиб в бою".

Мгновение я молча смотрела на мужа. И, хотя моя потеря была велика, я подумала о том, что есть очень много более важных дел, для которых Че крайне нужен сейчас: он просто должен был остаться жив. Он должен был строить новое общество, он должен был много работать, чтобы Куба избежала ошибок Гватемалы, он должен был все силы отдавать борьбе за освобождение Америки. Да, я была счастлива, что Эрнесто не погиб в бою, искренне счастлива, и так и попыталась ему это объяснить, закончив словами: "Поэтому я хочу, чтобы ты был жив всегда".

Растроганный, он сказал: "Если так, то все в порядке… мы друзья и товарищи?"

"Да", — ответила я».

Действительно ли Ильда так легко отпустила Че, можно только гадать, но, разойдясь, бывшие супруги и правда очень быстро стали общаться вполне по-дружески. Ильда осталась на Кубе и дальше, и впоследствии ей была доверена важная работа. Они оформят развод, а затем Че с Алейдой поженятся.

Теперь Че вовсю старался стать настоящим отцом маленькой дочке, которую знал лишь по фотографиям. Ради Алейды Че стремился избегать прямого общения с Ильдой — женщины прониклись друг к другу неприязнью с первого взгляда — и часто посылал за Ильдитой, чтобы ее привезли в Ла-Кабанью. Их нередко видели вместе, отец и дочь гуляли по крепости, держась за руки; подчиненные Че видели, как маленькая черноволосая девочка играет в его кабинете, пока Гевара работает с документами.

15 февраля Че пришел к Ильде отметить третий день рождения дочери. На фотографии, сделанной в тот день, во главе стола сидит улыбающаяся Ильда и рядом с ней Ильдита. На другом конце стола, отдельно от дочери, сгорбившись сидит Че, на нем берет и кожаная куртка. Вид у него суровый и замкнутый, как будто он хочет поскорее уйти.

В то же время Че нужно было общаться и с родителями. Поначалу все шло хорошо: они заходили к нему ненадолго, к тому же Че был очень загружен. Однако постепенно между Эрнесто и отцом стало возникать напряжение. Дело было даже не в политических расхождениях: Че так и не простил отцу его обращения с матерью. Как он говорил близким друзьям, отец

«потратил все деньги матери, а потом ее бросил».

В конце концов все-таки произошел конфликт. Гевара Линч побывал в гостях у одного радиолюбителя и поговорил по радиосвязи с друзьями в Буэнос-Айресе, за что вечером получил выговор от сына: «Отец, ты очень неосторожен. Ты говорил по радиосвязи с Буэнос-Айресом в доме человека, который является контрреволюционером».

Родные Гевары прожили некоторое время в «Хилтоне», а потом их перевезли в роскошный приморский отель «Комодоро» в Мирамаре, престижном пригороде к западу от Гаваны. Судя по всему, теперь расстояние не позволяло Геваре Линчу часто заглядывать к сыну в Ла-Кабанью в неурочное время, как он имел обыкновение делать раньше. Отныне Че прилетал повидать родных на вертолете, приземлявшемся на площадке отеля. «Он выходил, — писал Гевара Линч, — говорил некоторое время с матерью, сестрой и снова улетал». Селия же, по всеобщим воспоминаниям, была очарована Кубой, переполнена материнской гордостью и пребывала в эйфории от успеха сына.

Че изо всех сил старался не производить впечатления, будто злоупотребляет своей властью, и не допускал привилегий для своих родственников и друзей. Если бы Камило не организовал его родным бесплатный перелет на Кубу, устроив Че сюрприз, тот, вероятно, не позволил бы сделать этого. Для поездок по Гаване гостям была выделена машина с водителем, но Че приказал родителям самостоятельно платить за бензин. Когда отец сказал ему, что хотел бы осмотреть поля сражений в Сьерра-Маэстре, Че ответил, что даст ему джип и одного солдата-фронтовика в сопровождение, но за бензин и питание надо будет платить из своего кармана. У Гевары Линча не было с собой достаточно денег, и ему пришлось отказаться от своей затеи.

Отъезд семьи произошел неожиданно. Гевара Линч так рассказывает об этом: «Дела в Буэнос-Айресе требовали моего присутствия… Я сказал Эрнесто по телефону, что вечером уезжаю. Он приехал в аэропорт попрощаться со мной, с ним был также Рауль Кастро».

Когда они разговаривали, стоя у выхода на посадку, к ним подошел какой-то человек и с сильным буэнос-айресским акцентом обратился к Че. «Я ваш земляк, аргентинец, — сообщил он, — и хочу пожать вам руку». Че молча согласился, но, когда мужчина достал блокнот и ручку и попросил автограф, Че отвернулся. «Я не кинозвезда», — сказал он.

Гевара Линч уезжал из Гаваны, чувствуя себя чужим сыну, но в последнюю минуту отец и сын показали друг другу, что между ними нет вражды. Когда объявили его рейс, Гевара Линч снял с

руки золотые часы, фамильную ценность, раньше принадлежавшую любимой бабушке Эрнесто, Ане Исабель Линч, и отдал их Че. Тот в ответ снял свои и вручил их отцу. Это, сказал он, часы, которые подарил ему Фидель, когда назначил его команданте.

VIII

К тому времени, как из Никарагуа приехал его старый товарищ по оружию Родольфо Ромеро, Че уже не жил в крепости Ла-Кабанья. 4 марта у него обнаружили легочную инфекцию, и по настоянию врача они с Алейдой переехали на экспроприированную виллу в прибрежном районе Тарара.

Че уже давно чувствовал себя плохо и выглядел неважно. Ему прописали санаторный режим и также приказали отказаться от курения сигар, но Че, приобретший за время войны зависимость от табака, уговорил врачей позволить ему выкуривать одну сигару в день.

Пациент интерпретировал это правило весьма вольно. Антонио Нуньес Хименес, ставший личным помощником Фиделя, часто приезжал на виллу в Тарара и как-то утром «застал Че за курением сигары в полтора фута длиной. С озорной улыбкой он заявил: "Насчет врачей не беспокойся, я держу слово: одна сигара в день и не больше"».

Долгий период восстановления сил и пребывание в доме в Тарара также позволили Че с большей секретностью заниматься революционной работой. Теперь он плотно трудился над подготовкой аграрной реформы на Кубе и работал над созданием организации, которая станет претворять ее в жизнь. Ей будет дано безобидное название «Национальный институт аграрной реформы» (НИАР), но по сути с этого-то и начнется истинная кубинская революция.

Сразу же по прибытии в Ла-Кабанью Че собрал группу экспертов по сахарной промышленности, среди которых были Хуан Боррота и Альфредо Менендес. Уже началась «сафра», сезон сбора сахарного тростника, и Че предложил сократить рабочий день с восьми до шести часов, чтобы создать больше рабочих мест. Менендес высказался против, указав, что, хотя меньшее количество рабочих часов и позволит создать больше мест, оно вызовет волну требований сократить рабочий день и в других секторах кубинского рынка труда; помимо того, это увеличит стоимость производства сахара и повлияет на прибыли Кубы на мировом рынке. Тем не менее Че настоял, чтобы Менендес

подготовил для него проект по сокращению рабочего дня, но в конце концов Фидель отверг эту идею.

К февралю совещания стали более интенсивными, и Менендес начал посещать собрания группы высокопоставленных членов компартии, тайно встречавшихся в доме в Кохимаре, удобно расположенном недалеко от Ла-Кабаньи и арендованном на имя Франсиско Гарсиа Валя. Хотя последний не принимал участия в войне, Че тепло отнесся к способному молодому человеку, члену компартии, говорившему на английском и французском языках. Он дал ему звание лейтенанта и сделал своим помощником. Вероятно, со стороны получение незаслуженного звания и должности казалось необъяснимым, но для Че «Панчо» Гарсиа Валь выполнял важнейшую функцию: каждую ночь в его доме собиралась «комиссия по экономике» НСП, занимавшаяся составлением проекта закона об аграрной реформе.

Хотя Че лично не посещал эти ночные собрания, он имел обыкновение заглядывать в дом Гарсиа Валя днем. Пока Гарсиа Валь и Менендес у себя на рабочих местах занимались экономическими вопросами, Че диктовал на магнитофон свои мысли о ведении партизанской войны. Появившаяся в итоге книга «Партизанская война» представляла собой руководство по ведению партизанской войны, основанное на его собственном недавно приобретенном опыте. Будучи сам когда-то вдохновлен работами Мао, Гевара теперь хотел передать полученные Кубой уроки другим латиноамериканским странам. Книга была опубликована только в 1960 г., но до того Че пользовался ее материалами в своих публичных выступлениях.

Как только Че стал жить в Тарара, работа по созданию НИАР пошла полным ходом. Фидель, сам примерно в то же время переехавший на виллу в Кохимаре, назначил председателем комиссии по аграрной реформе Нуньеса Хименеса. В комиссию входили Че, старый друг Фиделя коммунист Альфредо Гевара, Педро Мирет, Вильма Эспин — ставшая в январе женой Рауля — и два консультанта из НСП. Комиссия каждый вечер собиралась в доме Че в Тарара, для того чтобы внести изменения и дополнить проект, составленный в доме Гарсиа Валя. Проект держали в полном секрете от министров правительства Уррутиа, и, уж конечно, номинальный министр сельского хозяйства Умберто Сори-Марин не был приглашен на эти заседания.

Необходимость соблюдения секретности объясняет, почему столь яростно отреагировал на статью в одном из журналов, в которой упоминалось, что он живет на роскошной вилле в Тарара. 10 марта его ответ был напечатан в «Революсьон».

«Внешне безобидная» статья под названием «Команданте Че поселился в Тарара», писал он, «пытается намекнуть на что-то нелицеприятное» в его «поведении как революционера».

> *Не стану пытаться разобраться в личности господина журналиста, равно как и разглашать, что узнал про него из документов, находящихся в моем распоряжении… но ради общественного мнения и тех, кто оказал мне свое доверие как революционеру… я должен сказать читателям «Революсьон», что я серьезно болен и болезнь свою заработал не потому, что сидел ночи напролет в игорных притонах и кабаре, а потому, что трудился больше, чем способен выдержать мой организм, на благо революции…*
>
> *Тот факт, что ранее этот дом принадлежал одному из батистовцев, означает, что он роскошный; я постарался выбрать самый простой, но в любом случае жить в нем — оскорбление чувств народа. Я даю обещание господину Льяно Монтесу и в первую очередь народу Кубы, что покину этот дом немедленно по выздоровлении…*
>
> *Че*

IX

Развитие событий в Гаване не прошло незамеченным и для Москвы. Для Советов Че тоже стал фигурой, привлекающей особое внимание.

Еще в январе 1959 г. ЦК КПСС решил отправить в Гавану секретного агента, чтобы разведать обстановку и оценить возможность установления отношений с новым режимом. Было решено, что первым, с кем свяжется агент, должен быть Че Гевара.

Агента КГБ звали Александр Алексеев. До вызова в Москву в августе 1958 г. он работал под дипломатическим прикрытием в советском посольстве в Буэнос-Айресе. В начале своей карьеры разведчика он побывал в Испании во время гражданской войны.

Впервые Алексеев услышал о Че Геваре в 1957 г., когда еще жил в Аргентине: от друзей в Университете Буэнос-Айреса. «Эти ребята были революционерами, — вспоминает он, — и всегда с гордостью говорили о Че, потому что их соотечественник сражался вместе с Фиделем». Но, признается Алексеев, тогда он не уделял Кубе большого внимания. «Я не особенно думал о кубинской революции. Я считал, что она будет такой же, как

любая другая латиноамериканская революция, и я не был уверен, что все это серьезно».

Вернувшись в Москву, Алексеев был назначен главой Отдела стран Латинской Америки в Комитете по культурным связям с зарубежными странами, непосредственно связанном с советским руководством. Он занял новую должность в декабре 1958 г., а через несколько недель пришли новости о победе кубинской революции, и Москва быстро признала новый режим. Вскоре после этого начальник Алексеева Юрий Жуков, находившийся в прямом контакте с Никитой Хрущевым, сказал Алексееву: «Александр, я думаю, вам следует поехать и посмотреть, что это за революция. Похоже, она антиамериканская и будет неплохо, если вы туда съездите. Вы лучшая кандидатура, потому что знаете испанский, бывали в Аргентине, а Че — аргентинец, и есть возможность установить контакт».

Однако не все было так просто. Хотя Москва признала правительство Кастро, дипломатические связи между двумя государствами еще не были установлены. Было решено, что Алексеев поедет в качестве журналиста, и запрос на получение визы был отправлен через кубинское посольство в Мексике. Началось ожидание.

Георгий Корниенко, высокопоставленный советский чиновник, работавший в то время в Отделе международной информации ЦК, согласен с мнением Алексеева, что СССР стал разыгрывать свою карту уже после того, как восстание Кастро победило. «Я помню, как в январе 1959 г., когда Кастро провозгласил новый режим, Хрущев спросил у нашего отдела: "А что они за ребята? Кто они такие?" Но никто не смог ответить на его вопрос… Мы послали запрос в наше зарубежное отделение, а потом в разведку и в другие места. Через несколько дней пришла телеграмма из одной из латиноамериканских столиц — кажется, из Мехико — с информацией о Кастро и его людях. И суть ее была такова, что если не сам Фидель, то возможно Рауль <…> и очень вероятно Че <…> и другие близкие к Фиделю люди стоят на марксистских позициях. Я присутствовал, когда эту информацию передали Хрущеву. "Если дело и правда обстоит так, — сказал он, — если эти кубинцы марксисты и создали какую-то форму социалистического движения на Кубе, то это просто потрясающе! Это будет первая страна с социалистическим или просоциалистическим правительством в Западном полушарии. Это будет очень хорошо, очень хорошо для дела социализма!"»

Однако более тщательное изучение фактов показывает, что в Кремле вовсе не случайно «открыли» Кубу, глянув на глобус

после получения новостей о революции. В январе в Гавану приезжали один советский журналист и профсоюзная делегация. Связи между находившимися в эмиграции лидерами НСП и Кремлем существовали в течение всей гражданской войны. Быстрое решение Москвы признать новый режим, контакты представителей кубинской компартии с Фиделем, Раулем и Че в сьерре — не говоря уж о предшествовавшем общении последних с такими советскими чиновниками, как Юрий Папоров и Николай Леонов (оба они вскоре появятся на Кубе в качестве советских эмиссаров), — все это показывает, что у Советов был интерес к Кубе еще до победы повстанцев в январе 1959 г. Судя по всему, шестеренки политической машины Кремля закрутились где-то в середине 1958 г., после того как провалилось наступление армии в Сьерра-Маэстре и шансы повстанцев на победу сильно выросли.

Безусловно, в отношении Кремля к Кубинской революции присутствовала и некоторая доля скептицизма: ведь революция эта не была результатом действий НСП, произошла не под руководством партии. Кастро по-прежнему оставался темной лошадкой. Хотя некоторые позитивные факты были налицо — Фидель позволил партии выдвинуться, а ближайшие его соратники (Че и Рауль) являлись марксистами, — судить было еще рано.

Тем временем Гавана имела все основания умышленно затягивать выдачу визы Алексееву. Выдавать «журналистскую» визу известному советскому разведчику было на тот момент неразумно. Более того, соответствующее ведомство пока что находилось в руках Роберто Аграмонте, антикоммунистически настроенного представителя Ортодоксальной партии, который вряд ли мог беспристрастно отреагировать на такой запрос о выдаче визы. Потеря доверия со стороны союзников Фиделя, многие из которых по-прежнему считали, что он просто тянет время, прежде чем двинуться против беспринципных «красных», вызвала бы страшный раскол, который он не сумел бы предотвратить.

И, что еще более важно, ему нельзя было раздражать США. Первой целью внешней политики Фиделя было достичь некоего «модус вивенди» с Вашингтоном, нужно было добиться хотя бы того, чтобы он не покончил с революционным режимом, пока тот еще не встал на ноги. Заигрывания с СССР тут явно были не к месту. Че, напротив, не хотел иметь никаких дел с США и стал уже готовиться к тому, чтобы открыть перед ними карты, что, по его мнению, было неизбежно.

15 апреля Фидель вылетел в Вашингтон в сопровождении многочисленной делегации, куда входили самые консервативные,

самые проамерикански настроенные министры и финансовые советники. Радикалы, Че и Рауль, остались дома. Спутники Фиделя считали, что он, по старой доброй латиноамериканской традиции, собирается просить помощи у Вашингтона. Однако он не раз повторял, что это не так. «Пусть они сами поднимут этот вопрос, — говорил он своим советникам, — тогда и посмотрим».

Фидель произнес в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне речь, которую хорошо приняли, а затем в дружеской атмосфере пообедал с исполняющим обязанности госсекретаря Кристианом Хертером. Он выступил в Комитете по международным отношениям Сената, пришел на телепередачу «Встреча с прессой» («Meet the Press») и воздал дань почтения мемориалам Линкольна и Джефферсона.

Фидель старался показать себя с лучшей стороны и из кожи вон лез, чтобы развеять страх американцев перед его режимом, снова и снова призывая делать инвестиции в кубинскую экономику и подчеркивая, что аграрная реформа коснется только заброшенных и неиспользуемых земель. Он призывал к увеличению потока американских туристов, посещающих Кубу, и выражал надежду, что США, главный покупатель кубинского сахара, увеличит объемы закупок. Куба, конечно, сочтет для себя за честь подписать с Соединенными Штатами договор о взаимной обороне и по-прежнему будет предоставлять военно-морским силам США базу в Гуантанамо. Кастро заверял Вашингтон, что он выступает против коммунизма и за свободную прессу.

Куда бы Фидель ни отправлялся, его везде сопровождали журналисты. С бородой и в военной форме, он являл собой яркую противоположность политикам тех дней, одевавшимся в протокольные костюмы с галстуками, а привычка нового кубинского лидера неожиданно устраивать «неофициальные прогулки», чтобы пообщаться с простыми людьми, только добавляла ему шарма.

Фиделю нравилось общественное внимание, но в личных встречах его самолюбие часто бывало задето. Власть предержащие, с которыми он встречался, вели себя покровительственно, давали слишком много советов, которых Кастро не спрашивал, и суровых предупреждений, как будто он был неоперившимся юнцом, ни с того ни с сего получившим высокую должность, больше подходящую кому-то постарше и помудрее.

На время визита Кастро Эйзенхауэр постарался уехать из города, он отправился в отпуск в Джорджию поиграть в гольф и вместо себя оставил вице-президента Ричарда Никсона. Никсон и Кастро беседовали в Капитолии с глазу на глаз два с половиной

часа и затем, на публике, любезно держались друг с другом. Но беседа их прошла неудачно: оба друг другу не понравились. Как сказал потом Никсон Эйзенхауэру, Кастро либо коммунист, либо простофиля, не понимающий, каково влияние коммунистов на его правительство. Это мнение будет иметь серьезные последствия для американо-кубинских отношений.

Если Фидель надеялся получить какой-то знак, что политика США в отношении Кубы станет более позитивной, то он был разочарован. Если он и правда питал надежды, что ему предложат экономическую помощь, то Никсон их уничтожил, заявив, что никакой помощи не предвидится. Он бесцеремонно посоветовал Фиделю следовать примеру губернатора Пуэрто-Рико, который, чтобы улучшить экономическую ситуацию, создал условия для частных инвестиций. Должно быть, после встречи у Кастро сложилось мнение, что американцы будут довольны только тогда, когда он станет играть исключительно по их правилам, расплатившись независимостью Кубы.

Из Вашингтона Фидель отправился в Нью-Йорк. 21 апреля после выступления в Принстонском университете он согласился встретиться с представителем ЦРУ. Посредником тот попросил служить министра финансов Кубы Лопеса Фреске. Они проговорили без свидетелей более трех часов. Американца звали Гарри Дрехер, но он пользовался вымышленным именем «Франк Бендер». Впоследствии этот человек сказал Лопесу Фреске, будто убежден, что Кастро «антикоммунист», и они договорились обмениваться информацией о действиях коммунистов на Кубе. Лопес Фреске должен был стать их связующим звеном.

Хотя многие историки, основываясь на этих данных, предполагают, что администрация Эйзенхауэра «потеряла» Кубу из-за того, что «неотзывчиво» отнеслась к Кастро, последующие события свидетельствуют о другом. Через месяц после поездки в США с Лопесом Фреске связался американский чиновник, передавший сообщение от «мистера Бендера» для Фиделя. «Я все передал Кастро, — вспоминает Лопес Фреске. — Но он не ответил мне и так и не предоставил никакой информации для Бендера…»

Судя по всему, эта встреча была со стороны Фиделя уловкой, чтобы создать у ЦРУ и у своей собственной делегации впечатление, что он на их стороне и просто тянет время, выжидая, когда коммунисты достаточно далеко высунут головы, чтобы можно было их отрубить. К примеру, одному из сопровождавших его советников Кастро говорил, что необходимо прекратить казни и проникновение коммунистов в правительство, другому — что планирует отправить Че в долгую командировку за границу, фактически в ссылку.

Через несколько дней после встречи с «мистером Бендером» Фидель был уже в Бостоне, и в присутствии Лопеса Фреске ему позвонил Рауль. Он сказал брату, что на родине идут разговоры, будто он «продается» американцам. Фидель отреагировал гневно, слова Рауля наверняка очень сильно его ранили — если принять во внимание тот факт, что он постоянно подвергался граду нападок со стороны критически настроенной американской аудитории.

Несколькими днями позже последовала странная встреча двух братьев в Хьюстоне. Фидель решил принять приглашение президента Бразилии Жуселину Кубичека посетить его страну, а затем принять участие в проводимой Организацией американских государств экономической конференции в Буэнос-Айресе. 27 апреля на пути в Бразилию самолет Фиделя сел в Хьюстоне для дозаправки, и тогда Рауль с несколькими помощниками прилетели туда, чтобы встретиться с Фиделем. После краткого конфиденциального совещания в аэропорту Рауль уехал назад в Гавану, а Фидель отправился дальше на юг.

Относительно причин этой встречи существуют разные мнения. Историк Хью Томас пишет: «Говорят, что Рауль пытался призвать старшего брата не поступаться революционными идеалами. Столь же вероятным кажется предположение, что основной разговор шел о темах выступлений Рауля и Гевары, которые должны были состояться на Кубе 1 мая». Биограф Кастро Тед Шульц, напротив, связывает их встречу с произошедшими незадолго до того событиями, подтвердившими давние сообщения американской разведки о том, что кубинское руководство участвует в вооруженных заговорах против правительств некоторых соседних государств.

18 апреля командующий войсками провинции Пинар-дель-Рио, где проходили обучение революционеры из других стран, устроил облаву на сотню обучавшихся там партизан-никарагуанцев и захватил их оружие. Затем он сделал публичное заявление о том, что Фидель запретил устраивать такие походы с кубинской территории.

В тот же самый день панамец Рубен Миро открыто заявил в Гаване, что его группа в течение месяца собирается вторгнуться в Панаму. Через несколько дней (Фидель тогда был в Бостоне) панамские власти захватили на побережье трех вооруженных повстанцев, двое из которых были кубинцами. По словам Мануэля Пиньейро, эта высадка была «самодеятельной», одобрения со стороны правительства она не получила.

Независимо от того, поддерживало ли кубинское правительство подобные выступления, события эти серьезно

вредили усилиям Фиделя создать новый образ Кубы в глазах США. За границей Фидель признавал, что его правительство предоставляет политическим иммигрантам убежище и возможность работать, но утверждал, что экспорт революции оно не поддерживает. Вероятнее всего, облава на никарагуанцев была устроена намеренно, чтобы создать впечатление, будто Куба не только не поддерживает революционные выступления, но и принимает меры по их предотвращению.

Всего месяц спустя группа никарагуанских партизан тайно отплыла с берегов Кубы, чтобы начать военные действия против Сомосы. В группу входил старый товарищ Че по гватемальской «Бригаде имени Аугусто Сесара Сандино», Родольфо Ромеро. В то же время военное обучение проходили доминиканская повстанческая группировка, партизаны с Гаити и представители других стран.

Даже Че попытался снизить накал страстей и выступил по телевидению. «Революция во что бы то ни стало должна быть честной, — сказал он вечером 28 апреля, — и я с сожалением вынужден признать, что кубинцы принимают участие в недозволенных действиях. Мы хотим заявить, что действуют они без нашего позволения, без наших санкций, без нашего содействия… Мы экспортируем Революционную идею, но не пытаемся экспортировать революцию. Там, где руководит преступное правительство, революцию совершит сам народ, страдающий от этого правительства. Мы — это только пример, остальное — дело народа».

Как и всегда, слова Че были подвергнуты тщательному изучению в американском посольстве. И, как обычно, хотя Гевара старался обходить острые углы, его честность проявляла себя в том, как именно он уходил от трудных вопросов журналистов, большинство которых касалось интересующей всех темы его политических взглядов. На первый вопрос — коммунист ли он — Че ответил так: «Наш образ мыслей ясен, наши поступки прозрачны. А коммунист ли я, связанный с компартией, или нет, не имеет значения. Нас обвиняют в том, что мы коммунисты, из-за того, что мы делаем, а не из-за того, кем мы являемся или что говорим… Если вам кажется, будто то, что мы делаем, это коммунизм, тогда пусть мы коммунисты. Если вы спросите меня, являюсь ли я членом компартии, или Народной социалистической партии, как она называется здесь, то я скажу, что нет».

Ничего удивительного, что заключение посольства, отправленное секретной депешей в Вашингтон 5 мая, имело следующее резюме: «Высказывания Эрнесто «Че» ГЕВАРЫ в

телевизионном выступлении демонстрируют коммунистическую направленность и антиамериканские настроения».

Сразу же после телевизионного интервью Че поспешил на встречу с Раулем, только что вернувшимся из Хьюстона. Судя по всему, одной из основных тем разговора было решение Фиделя приостановить расстрелы.

С января на Кубе прошли 550 казней, и этот вопрос, постепенно становившийся проблемным и на самой Кубе, был главным пунктом претензий к Фиделю во время его визита в США. Фидель считал, что должен сделать что-то, чтобы умиротворить американцев и заслужить у них доверие. Че был резко против этого решения, но подчинился приказу Кастро.

Прекращение казней принесло Фиделю некоторые дивиденды. Теперь Америку беспокоили «проникновение коммунистов» в его правительство, масштабы еще не начавшейся аграрной реформы и все большее количество свидетельств того, что кубинцы пытаются «сбить с пути истинного» своих соседей.

30 апреля Уайтинг Уилауэр, посол США в Коста-Рике, отправил написанное на семи страницах письмо с пометкой «Секретно» Рою Работтому, ведущему сотруднику Государственного департамента по латиноамериканским делам. Это было далеко не первое послание в их переписке по поводу Кубы, и Уилауэр не особенно старался скрывать презрение к миролюбивой позиции Работтома, выступая за упредительный удар по Кубе. «Посещение Кастро Соединенных Штатов стало одним из самых ярких спектаклей в коммунистической истории последнего времени, — писал Уилауэр. — …Я никак не могу согласиться с вашими словами, что "на данном этапе имеется значительный прогресс в деле снятия напряжения в Карибском регионе". Мне кажется, что положение там сегодня хуже чем когда-либо и очень скоро станет еще хуже, если плацдарм коммунистов на Кубе не будет уничтожен». Уилауэр заявил, что он будет готов поверить, что у Кастро нет связей с коммунистами, «тогда и только тогда, когда «Че» Гевару и других главных коммунистов отправят прочь из страны». «Коммунисты имеют на Кубе огромную власть и вес в армии, — добавлял он. — В Гватемале им не удалось достичь ничего подобного».

Уилауэр был прав. «Гватемала-1954» дала важнейший урок и победителям, и проигравшим. Эрнесто Гевара учился на ошибках не удавшейся в Гватемале социалистической революции. Постоянные напоминания Че Фиделю о причинах поражения Арбенса сделали свое дело: в армии были произведены тщательные чистки, и «новая армия» состояла сплошь из достойных доверия людей, чья преданность и политические

взгляды не вызывали сомнений. Что касается рядовых, то они проходили политическое «переобучение». «Народу» тоже дадут оружие и научат им пользоваться, и в поддержку регулярной армии будет создано общенациональное гражданское ополчение. К тому времени как США соберутся нанести удар — а Че знал, что это неизбежно, — Куба будет начеку.

X

Че постепенно становился главным врагом Вашингтона в Латинской Америке — затмевая собой даже Фиделя. 4 мая Дж. Л. Топинг, начальник политической службы в американском посольстве в Гаване, отправил в Вашингтон очередную секретную телеграмму, которой дополнял свой отчет от 29 апреля о встрече с Наполеоном Падильей, специалистом по кубинской табачной промышленности.

Незадолго до того Падилья присутствовал на встрече с Че в качестве члена «Табаководческого форума» — комиссии, созданной для исследований возможностей увеличения производства табака и занятости в табачной промышленности. Топинг характеризует Падилью как «либерала, патриота, католика» и сообщает, что в прошлом тот поддерживал революцию против Батисты. Также Топинг замечает: «Я чувствовал, что он глубоко обеспокоен и в разговоре искренен».

«Падилья называет Гевару "тупым коммунистом" — он даже не считает его выдающимся. (Дословно по-испански он назвал его vulgar — "заурядный".) <…> По его словам, Гевара неблагоразумно жестко настроен в отношении Америки и резко выступает против продажи американских товаров, даже если они произведены на Кубе. Ему кажется, что Гевара и Рауль Кастро стремятся установить на Кубе «советскую» систему. Гевара часто говорит о том, какое влияние он имеет на Фиделя Кастро…

Падилья также заявил, что Гевара часто упоминает о "событиях в Гватемале". Он говорит, что свобода прессы опасна. При Арбенсе она даже стала в Гватемале одной из причин падения его режима. Гевара убежден, что на Кубе свобода прессы должна быть ограничена».

Обычно Че никто не называл «заурядным», но большинство остальных оценок Падильи выглядят правдоподобно, если предположить, что Гевара нарочно его провоцировал, он ведь так и не утратил склонности шокировать других, особенно если чувствовал, что они поддадутся. Похвальбы Че его «влиянием на Фиделя», напротив, выглядят как попытка Падильи выдать

желаемое за действительное, потому что в разговорах со всяким, кто не был Че близким другом, тот всегда отзывался о Кастро исключительно уважительно.

Но, очевидно, за время отсутствия Фиделя все-таки произошло нечто, что заставило Че, недовольного нерешительной политикой Кубы, потерять терпение. Есть сведения, что как-то Че собрал свою охрану и сказал: «Я уезжаю». Из-за ходивших тогда слухов они предположили, что команданте собирается возглавить партизанскую войну против Трухильо в Доминиканской Республике. Если Гевара и рассматривал такую возможность, то потом передумал. Судя по последующим событиям, решение остаться он принял, получив ясный сигнал от Фиделя, что тот готов ускорить шаги по построению на Кубе социалистического общества.

Время выжидания подходило к концу. На экономическом форуме в Буэнос-Айресе Фидель вызвал сенсацию и привел в замешательство своих латиноамериканских коллег, обратившись к Вашингтону с предложением финансировать «план в духе Макартура», американского военачальника, известного в числе прочего тем, что он принял капитуляцию Японии и много способствовал ее послевоенному развитию, чтобы вылечить экономические и социальные недуги Латинской Америки. Сумма, которую Кастро запросил у Вашингтона для экономической помощи Латинской Америке на ближайшее десятилетие, составляла тридцать миллиардов долларов.

Американцы ясно дали понять, что не имеют намерения поддерживать такой проект, и латиноамериканские министры быстро с ними согласились. Однако забавно, что двумя годами позже новый американский президент Джон Кеннеди вернется к идее Фиделя, создав программу помощи в двадцать миллиардов долларов под названием «Союз ради прогресса». План Кеннеди, конечно, был принят не в угоду кубинскому лидеру, а чтобы предотвратить в Латинской Америке другие революции, подобные кубинской.

Через несколько дней, по возвращении в Гавану, Фидель подписал закон об аграрной реформе, и НИАР стал реальностью. Министр сельского хозяйства Умберто Сори-Марин, который был отстранен от обсуждения законопроекта, сразу ушел в отставку. Фидель снова официально подтвердил статус Че как команданте Революционных вооруженных сил, а затем отправил его в продолжительную «добровольную» поездку за границу.

Официально задача Че состояла в том, чтобы укрепить дипломатические и торговые связи Кубы с развивающимися промышленными государствами, такими как Япония, и с

неприсоединившимися странами Африки, Азии и Европы, в первую очередь Индией, Египтом и Югославией. Но неофициально временное устранение Че, конечно, помогало Фиделю создать впечатление, что он, как и намекал в США «отстраняет от себя» аргентинского коммуниста.

На деле поездка Че уже некоторое время стояла на повестке дня. Альфредо Менендес впервые узнал об интересе Гевары к странам так называемого третьего мира во время их совместной работы над проектом аграрной реформы в Кохимаре, когда Че попросил дать ему информацию об экономике Египта, Индии, Индонезии и Японии. «Он хотел узнать, какие существуют торговые отношения между Кубой и этими странами, что мы импортируем, что экспортируем, какие у нас есть возможности увеличить торговлю с ними».

Перед отъездом Че привел в порядок личные дела. 22 мая он получил развод от Ильды. А 2 июня они с Алейдой поженились. Была проведена небольшая гражданская церемония, после чего новобрачные устроили празднование в Ла-Кабанье. На празднике присутствовали Эфихенио Амейхейрас, новый шеф полиции Гаваны, Гарри Вильегас, Селия Санчес и Рауль со своей женой Вильмой Эспин. Вечеринку «оживил» Камило, вторгшийся в дом без приглашения, исторгая крики во славу новобрачных и размахивая бутылками рома. Алейда прекрасно выглядела в новом белом платье, а Че был одет как всегда, в оливково-зеленую форму и черный берет.

Двумя неделями раньше он написал письмо своему старому другу Хулио «Гаучо» Кастро из Буэнос-Айреса, приглашая того приехать на Кубу:

> *Гаучо!*
>
> *Ради того, что мы пережили, стоит получить пару пуль. Если приедешь сюда, не думай возвращаться назад, революция не станет ждать. Крепкое объятие от того, кого зовут и кого история назовет…*
>
> *Че*

Глава 21
«Мой исторический долг»

I

12 июня Че вылетел в Мадрид, который был его промежуточным пунктом на пути в Каир. Фидель настоятельно рекомендовал Че взять с собой молодую жену (прошло всего девять дней после их свадьбы) и «устроить медовый месяц», совместив приятное с полезным, но Че оставил Алейду дома. По ее словам, он считал необходимым продемонстрировать революционным лидерам, что личную жизнь следует подчинять высшим целям.

Подчиненных Че обескуражила новость о его отправке за границу. После приказа о расформировании расстрельных команд новое распоряжение выглядело совсем уже как понижение в статусе, и по Ла-Кабанье стали расползаться нехорошие слухи. «Мы были очень расстроены, узнав, что Че уезжает, — вспоминает Боррего. — Это выглядело так, будто его просто сняли с должности командира полка».

Настроение бойцов ухудшилось еще более, когда на место Че был поставлен новый командир — «грубый и некультурный» Филиберто Оливера. Боррего и несколько его товарищей были опечалены настолько, что отправились с жалобами к Камило Сьенфуэгосу. Однако Сьенфуэгос их не только не поддержал, но и отчитал, заявив, что они солдаты и должны подчиняться приказам и что Че бы не обрадовался, узнав об их поведении; получив отповедь, но отнюдь не успокоившись, офицеры вернулись в Ла-Кабанью. Затем, словно подтверждая самые худшие их опасения, поступила новость о переводе полка из Ла-Кабаньи в Лас-Вильяс. «У меня словно земля ушла из-под ног, — вспоминает Боррего. — Я успел уже устроиться в Ла-Кабанье, и тут мне говорят: пакуй вещи и отправляйся назад в Лас-Вильяс». Однако им пришлось подчиниться приказу.

II

Делегация, возглавляемая Че, была довольно пестрой. В нее вошли советник из НСП «Панчо» Гарсия Валь; экономист Альфредо Менендес, работавший в сахарной отрасли; капитан

повстанческой армии Омар Фернандес и юный охранник Че лейтенант Хосе Аргудин. Старейшим членом делегации был пятидесятипятилетний доктор Сальвадор Виласека, профессор математики из Гаванского университета, который теперь входил в управляющий совет Национального банка сельхозразвития, возглавляемого Хавьером Каррильо. Несколько недель спустя по личному настоянию Фиделя к делегации присоединился также Хосе Пардо Льяда, известный политолог и радиоведущий, имевший огромную аудиторию слушателей на Кубе.

Главными пунктами в их программе были Египет, Индия, Индонезия, Югославия и Цейлон: ключевые государства — участники конференции неприсоединившихся стран в Бандунге, с которыми Куба хотела установить дипломатические отношения и, что самое важное, экономические связи. Исключение, правда весьма немаловажное, составляла Япония, высокоразвитая в промышленном отношении страна. Фидель и Че понимали, какие последствия повлечет грядущая сельскохозяйственная реформа, и загодя стали искать альтернативные рынки сбыта кубинского сахара.

Решение Фиделя добавить Пардо Льяду к «каравану» Че представляется весьма любопытным: между Геварой и журналистом, сторонником правых взглядов, особой любви не наблюдалось. Они встречались прежде только однажды — в январе, когда Пардо Льяда ездил в Ла-Кабанью, чтобы узнать о судьбе Эрнесто Де ла Фе, его личного друга и бывшего министра информации при Батисте. Че решительно сказал Пардо Льяде, что ничего не может для него сделать: дело Де ла Фе находилось в руках революционного трибунала. В конце их встречи, как рассказывает Пардо Льяда, Че заявил ему: «Честно говоря, будь моя воля, я бы расстрелял его завтра же». Но, когда революционные трибуналы были расформированы, точки в деле Де ла Фе поставлено еще не было, и, по свидетельству Орландо Боррего, Че на это очень досадовал.

Теперь, получив предложение от Фиделя, Пардо Льяда заявил, что он журналист и совершенно не разбирается в торговле, однако Кастро сказал ему: «Че тоже ничего об этом не знает. Главное — обладать здравым смыслом. Как ты думаешь, что я знаю об управлении государством? Мы все здесь только учимся». Включение Пардо Льяды в состав делегации Че имело политический смысл: тот факт, что влиятельный противник коммуниста будет работать бок о бок с ним, мог несколько успокоить ту часть общества, которая придерживалась схожих с Пардо Льядой взглядов. Имелся у Фиделя и другой мотив. Пардо Льяда был человеком ярким, одинаково уважаемым и как

журналист, и как бывший политик-оппозиционер, и его выступления по радио привлекали к себе внимание большой части кубинцев; в условиях неминуемого раскола общества он мог составить угрозу Фиделю, и тот хотел заранее ее нейтрализовать.

Пардо присоединился к кубинской делегации в Дели. На второй день своего пребывания там он получил от Гевары предложение стать кубинским послом в Индии: по словам Че, оно исходило от Фиделя. Пардо категорически отказался даже обсуждать этот вопрос.

В течение нескольких недель Пардо без энтузиазма участвовал в работе делегации, побывавшей за это время в Индонезии и Японии. Как он видел, из этой поездки выходило мало толку: договориться о продаже кубинского сахара ни с кем не удалось. В начале августа делегация прибыла на Цейлон, а оттуда собиралась направиться в Югославию. Но Пардо Льяда решил, что с него хватит, и заявил Че, что возвращается домой.

Че спросил: «Видимо, вы не хотите компрометировать себя посещением коммунистического государства — Югославии?» Пардо ответил отрицательно и высказал подозрение, что Фидель просто отослал их обоих с глаз подальше. Че, будучи офицером армии, обязан подчиняться приказам, он же как лицо гражданское имеет свободу принимать решения, и сейчас он решил уехать. Свое намерение Пардо осуществил в Сингапуре, согласившись передать письма, которые Гевара написал Алейде и Фиделю. Кастро при нем прочитал двухстраничное послание, а затем без слов протянул письмо Пардо, указав пальцем на один из абзацев. Пардо Льяда прочитал его дважды, чтобы запомнить слова Че.

> *Фидель!*
>
> *…Я пользуюсь скорым и неожиданным возвращением твоего друга Пардито, чтобы передать тебе следующее… Пардо не захотел принять пост посла в Индии. И теперь очевидно, что он не был рад перспективе ехать с нами в Югославию. У него, должно быть, имеются свои мотивы. Я немало беседовал с ним во время нашей двухмесячной совместной работы и могу заверить тебя в том, что Пардито — не наш человек…*

III

Интересно, что единственным членом делегации Че, которого

Пардо Льяда ни разу не видел, был эксперт по сахарной промышленности от НСП Альфредо Менендес. По всей видимости, у миссии Че имелась тайная цель. Фидель хотел начать продажу сахара СССР, что должно было заложить основу для торговых отношений с Москвой и коммунистическим блоком, и Альфредо Менендес был включен в состав миссии именно с таким прицелом.

По большому счету, подобный торговый союз не выглядел бы удивительным. СССР и раньше закупал на Кубе сахар, пусть и не в больших объемах — примерно полмиллиона тонн в год, — пока в 1952 г. Батиста не разорвал с Москвой дипломатические отношения. Однако, по словам Менендеса, последняя поставка сахара СССР, имевшая место в 1956 г., была произведена только после того, как на это дал свое согласие Вашингтон. Если эти данные верны, они подтверждают то, что в течение многих лет Куба была экономическим вассалом США. Вся кубинская экономика зиждилась на сахарной промышленности. Поскольку Соединенные Штаты были крупнейшим потребителем сахара и закупщиком огромной части ежегодного урожая сахара на Кубе, неудивительно, что они имели большое влияние не только на экономику Кубы, но и на ее внутреннюю и даже внешнюю политику. Именно поэтому кубинским революционерам столь важно было вступить в тайные переговоры с Советами.

«В 1959 г., — рассказывает Менендес, — Куба была в состоянии произвести семь миллионов тонн сахара. Соединенные Штаты купили только около трех миллионов тонн, хотя могли купить больше… Поэтому мы захотели сменить рынок сбыта. И первой целью продажи сахара Советскому Союзу было именно желание расширить наши рынки сбыта… Не только за счет СССР, но и за счет остальных социалистических стран… Такова была наша стратегия».

Первые контакты Че с советскими представителями состоялись в Каире. Задачей Менендеса было обсуждение деталей, которые стали предметом долгих тайных согласований. Менендес дважды летал в Гавану на консультации с Фиделем. В конце июля СССР согласился купить полмиллиона тонн кубинского сахара, причем сделку планировалось осуществить в Лондоне, где у Советского Союза имелось крупное торговое представительство, и при участии международной брокерской фирмы.

По объяснению Менендеса, сделка, осуществленная в Лондоне, «могла пройти незамеченной и не иметь никаких политических последствий».

Хотя о продаже сахара стало впоследствии известно, о

переговорах кубинские власти умолчали и продолжают умалчивать сейчас. Причина этого вполне понятна: они стали первым этапом на пути к заключению Кубой альянса с Советским Союзом, что противоречит официальной версии событий, согласно которой режим Кастро был вынужден примкнуть к социалистическому лагерю перед лицом американской военной угрозы.

Тем временем агент КГБ Александр Алексеев, с января ожидавший разрешения выехать на Кубу, неожиданно получил визу. «У меня в паспорте сделали пометку — "Корреспондент ТАСС", — рассказывает Алексеев. — Кубинцы сказали мне, что поступают так потому, что боятся приглашать к себе официальных лиц из Советского Союза». 1 октября он прибыл на Кубу. Процесс советско-кубинского сближения переходил в активную фазу.

IV

Че вернулся на Кубу всего тремя неделями ранее. Его поездка длилась почти три месяца, в течение которых он посетил четырнадцать стран. Гевара встречался с главами нескольких государств, среди которых были Гамаль Абдель Насер (Египет), Сукарно (Индонезия), Иосип Броз Тито (Югославия) и Джавахарлал Неру (Индия). Толпы людей приветствовали его в секторе Газа и Пакистане; он посещал кооперативные хозяйства и фабрики, с интересом знакомясь с условиями жизни в той части мира, где уходили в небытие старые колониальные порядки. Как Че заявил прессе, миссия его была успешной, поскольку он на личном опыте убедился в том, что кубинская революция вызывает уважение и восхищение во всем мире; были установлены дипломатические и торговые отношения с рядом стран, и он был уверен, что кубинцы вскоре ощутят благотворные последствия этих шагов.

Свои выступления в прессе Че продолжил серией коротких заметок в «Верде оливо». Хотя в них порой мелькают ироничные и лирические пассажи, в целом отчеты Че написаны весьма сухо. Его спутники, впрочем, вернулись домой с массой историй о вольном поведении их руководителя, не склонного подчиняться официальному протоколу.

Так, встреча Че с его кумиром Неру произошла во время роскошного обеда в правительственном дворце в Дели. По словам Пардо, Че повел себя образцово: специально по этому случаю вместо обычной оливково-зеленой формы он надел парадный

габардиновый костюм, однако при входе во дворец отпустил язвительное и малоприличное замечание: «Думаю, я одет довольно элегантно — по крайней мере для того, чтобы отобедать с премьер-министром самой неразвитой страны на земле».

На встрече присутствовали сам Неру, его дочь Индира и ее юные сыновья Санджай и Раджив. Почтенный премьер-министр Индии демонстрировал изысканные манеры и рассказывал о каждом экзотическом блюде, появлявшемся на столе перед Геварой и его товарищами, а Че, вежливо улыбаясь, старался поддерживать беседу. Банкет продолжался более двух часов, и последняя реплика Неру вновь оказалась посвящена еде. Тогда Че не выдержал и спросил: «Господин премьер-министр, что вы думаете о коммунистической Кубе?» Неру выслушал вопрос с отсутствующим выражением лица и ответил: «Господин команданте, пробовали ли вы эти чудесные яблоки?» — «Господин премьер-министр, вы читали Мао Цзэдуна?» — «О господин команданте, как я рад, что вам понравились эти яблоки».

Че уехал из Индии с ощущением, что ему нечему особенно учиться у отцов-основателей современной Индии. Признавая наличие у этой страны многих проблем, связанных с культурными и историческими реалиями, он тем не менее был разочарован нежеланием правительства Неру начать проведение радикальной аграрной реформы, чтобы подорвать мощь религиозных и феодальных структур, которые, по мнению Че, не давали индийскому народу вырваться из трясины нищеты.

В Джакарте Че сошелся с послом Аргентины, и, пока Гевара ждал встречи с Сукарно, тот рассказал ему массу историй о гедонистическом образе жизни индонезийского правителя, имевшего целый гарем из женщин самых разных национальностей. Его нынешней фавориткой, по словам посла, была русская девушка — «подарок» от Никиты Хрущева.

Когда Че отправился во дворец Сукарно на официальный прием в свою честь, аргентинский посол сопровождал его в качестве переводчика. Сукарно настоял на том, чтобы показать посетителям свою личную коллекцию живописи. Осмотр продолжался очень долго, и Пардо почувствовал, что у Че кончается терпение. Наконец он нарушил тишину: «Что ж, господин Сукарно, в ходе этой экскурсии мы еще не видели ту молоденькую русскую, которая, как говорят, является главным шедевром вашей коллекции». К счастью, Сукарно не понимал испанского. А аргентинский посол едва не лишился чувств, но вовремя собрался и задал вопрос на тему индонезийской экономики.

Менендес вспоминает, как Че отреагировал на слова кубинского посла в Токио, сообщившего Геваре, что он должен на следующий день возложить цветы на могилу Неизвестного солдата, чтобы почтить память японцев, погибших в годы Второй мировой войны. Че ответил очень жестко: «Я ни за что туда не пойду! Это была империалистическая армия, убившая миллионы азиатов… А вот куда я отправлюсь — так это в Хиросиму, где американцы убили сто тысяч японцев». Дипломат залопотал, что это невозможно, что протокол уже обговорен с японскими властями. Но Че твердо ответил: «Это ваша забота, а не моя. Вы занимались обсуждением этих вопросов без согласования со мной, так что идите теперь и все отменяйте!»

Япония как растущая экономическая держава была одним из наиболее важных пунктов программы Че. Он был восхищен успехами Японии в области электроники и не преминул посетить заводы компаний «Мицубиси» и «Тошиба». В год японцы закупали миллионы тонн сахара на мировом рынке, расплачиваясь конвертируемыми валютами, к которым иена тогда не относилась, и треть этих закупок приходилась на Кубу, однако Че надеялся, что ему удастся добиться повышения этого показателя.

Он собирался предложить японцам платить за ту долю сахара, которая превышала бы обычную квоту, в иенах: эти деньги оставались бы в Японии, так как кубинцы тратили бы их на закупку японской продукции. Гевара попросил о встрече с министром внешней торговли.

«Че сообщил ему о своем предложении, — вспоминает Менендес, — но министр сказал, что не может его принять, что у них открытая экономика и они не могут пойти на соглашение такого рода; они продолжат покупать сахар, но без каких-либо обязательств. Че спросил у него: "На вас оказывает давление любезный друг с севера, да?" Японец ответил: "Да, это так". Тогда Че сказал, мол, "все в порядке": он понимает, под каким давлением они находятся».

Роль телохранителей Че в поездке выполняли Хосе Аргудин и Омар Фернандес. Че строго следил за поведением своих подчиненных. Как вспоминает Пардо, в Осаке кубинский консул пригласил их сходить вечером в знаменитое кабаре «Метрополь», имевшее в своем штате шестьсот женщин. Гевара сказал, что ему это неинтересно, и приказал военным остаться с ним. Только двум гражданским — Пардо и Виласеке — Че позволил пойти: раз уж им так хочется «попасть в кадр к какому-нибудь репортеру из «Тайм» и вляпаться в скандал, показав всему миру, как члены кубинской делегации тратят народные деньги на развлечения и выпивку в компании шлюх».

В другой раз Гевара обнаружил, что некоторые из членов его делегации куда-то исчезли. Че спросил Менендеса, куда они делись, и тот ответил, что не знает. «Зато я знаю, где они, — заявил Че. — Они пошли к шлюхам, ведь так?» Смягчившись, он добавил: «Ладно, я знаю, что такое ходить по шлюхам; в молодости я и сам у них бывал».

Однако необходимость держать себя в официальных рамках мало-помалу изматывала Че. В Индии он написал письмо матери, в котором жаловался на то, что ему постоянно приходится жестко себя контролировать: «Сбывается моя давняя мечта увидеть мир, да только мне от этого мало радости. Я должен все время разговаривать о политике и экономике, устраивать приемы, на которых мне только смокинга недостает, и при том лишать себя самых чистых удовольствий: пойти и помечтать в тени пирамиды или над саркофагом Тутанхамона… Я по-прежнему одиночка, ищущий свой путь без чужой помощи, но теперь у меня есть чувство исторического долга, у меня нет дома, нет женщины, нет детей, нет родителей, нет братьев и сестер, я верен дружбе, пока мои друзья придерживаются тех же политических убеждений, что и я, и все же я доволен, я чувствую, что во мне есть… не просто мощная внутренняя сила, которую я всегда чувствовал, но также и сила влиять на других и абсолютно фаталистичное ощущение избранности, что избавляет меня от всякого страха… Впрочем, не знаю, почему я пишу тебе это — может быть, просто потому, что скучаю по Алейде. Прими это письмо как есть, оно написано ненастной ночью под небом Индии вдали от моей родины и любимых людей».

Эти слова показывают, что Гевара скучал по Алейде, однако считал нужным не поддаваться желанию быть с ней. Он не позволил Фиделю, который был одновременно и озадачен, и заинтригован столь странным самоотвержением, присущим его аргентинскому товарищу, и не попросил прислать к нему Алейду.

Как-то вечером в Токио Че и его спутники собрались в гостиничном номере поговорить о том о сем. Как рассказывает Менендес, в этой беседе Че произнес слова, значение которых стало понятно намного позже: «В Южной Америке, конкретно в Боливии, в Парагвае, в пограничной области между Бразилией, Уругваем, Перу и Аргентиной, есть нагорье, там мы могли бы разместить партизанские войска и оттуда распространить революцию по всей Южной Америке».

V

Три месяца — долгий срок для революции, и, когда в сентябре 1959 г. Че вернулся на Кубу, он обнаружил, что за время его отсутствия произошло множество изменений. Фидель теперь имел больше власти, но атмосфера в обществе накалилась до предела.

Началась аграрная реформа. Правительство предложило компенсировать потери землевладельцев не «живыми» деньгами, а низкопроцентными облигациями. Вашингтон выдвинул требование — на которое Фидель пока никак не отреагировал, — чтобы американским владельцам экспроприированных земель компенсации были выплачены незамедлительно.

Зажиточные скотоводы Камагуэя повели кампанию против земельной реформы, и их поддержал офицер Убер Матос, публично осудивший распространение коммунистических идей в вооруженных силах и в НИАР. Матос стал выразителем идей антикоммунистического крыла «Движения 26 июля».

Фидель продолжал кадровые перестановки в правительстве. Место центристов занимали верные ему люди. Министром иностранных дел был назначен Рауль Роа, бывший декан социологического факультета Гаванского университета, представлявший Кубу в Организации американских государств. В то же время старый друг Фиделя Луис Орландо Родригес, стоявший у истоков «Радио Ребельде» в Сьерра-Маэстре, был снят с поста министра внутренних дел.

В середине июня в Доминиканской Республике высадилась кубинско-доминиканская партизанская группировка, состоявшая примерно из двухсот бойцов, во главе с Делио Гомесом Очоа, бывшим полевым командиром «26 июля». Однако она была разбита войсками Трухильо: часть партизан была убита, часть взята в плен, некоторые спаслись бегством. Одновременно на одной из доминиканских военно-воздушных баз начало подготовку антикастровское формирование под названием Антикоммунистический легион зоны Карибского бассейна. Оно состояло из трех с половиной сотен бойцов, среди которых сто пятьдесят были испанцами, сто — кубинцами, остальные — пестрой смесью ультраправых иностранных наемников. В числе кубинцев были старый знакомый Че — Анхель Санчес Москера, — бывшие политические деятели из Гаваны и даже личный пилот Батисты.

Тем временем с Кубы бежал глава ВВС Педро Луис Диас Ланц, который вскоре оказался в Вашингтоне и поведал американским сенаторам о том, что вооруженные силы Кубы подпадают под влияние коммунистов. Президент Мануэль Уррутиа выступил по телевидению с опровержением этих

обвинений; он также заявил о собственном неприятии коммунизма, очевидно пытаясь тем самым вынудить Фиделя обозначить свою позицию.

Однако Кастро неожиданно нанес встречный удар, осудив Уррутиа за попытку расколоть «революционное единство» и намекнув на то, что он в одном лагере с предателем Диасом Ланцем. Затем, когда тысячи сторонников Фиделя прибыли в Гавану на празднование 26 июля, он демонстративно ушел с поста премьер-министра. Народ, естественно, стал требовать его возвращения во власть. Уррутиа поспешил оставить свой пост и скрылся в одном из посольств. 26 июля Фидель «уступил требованию народа» возобновить деятельность на посту премьер-министра. Вместо непокорного Уррутиа на пост нового президента Кубы Фидель назначил Освальдо Дортикоса, послушного ему министра революционного правосудия.

VI

Всех, кто, подобно Уррутиа, пытался «подорвать революционное единство», вскоре стали называть «контрреволюционерами». Некоторые основания к этому были. Помимо Доминиканской Республики, где создали Антикоммунистический легион, полувоенные формирования кубинских эмигрантов возникли и в Майами. После нескольких взрывов бомб и раскрытия заговора в Гаване Фидель внес поправку в конституцию, разрешавшую применение смертной казни за новое преступление — «участие в контрреволюционной деятельности».

В августе Антикоммунистический легион был мобилизован для вторжения на Кубу, однако Фидель подготовил интервентам сюрприз. Бывшие полевые командиры «Второго фронта» Элой Гутьеррес Менойо и американец Уильям Морган связались с Трухильо и сообщили, что готовы возглавить антикастровское восстание (хотя довольно скоро они именно так и поступят, сейчас их целью была помощь Фиделю). В решающий момент они оповестили Доминиканскую Республику, что заняли кубинский город Тринидад. Это послужило сигналом Антикоммунистическому легиону высылать подкрепление. Когда их транспортный самолет приземлился около Тринидада с сотней кубинских бойцов на борту, Фидель со своими солдатами был уже наготове. Впрочем, в Доминиканской Республике осталось немало бойцов Легиона, включая восемнадцатилетнего курсанта Феликса Родригеса (племянника одного из батистовских министров),

которому предстояло сыграть весомую роль в последующих событиях в Латинской Америке. Через восемь лет после фиаско под Тринидадом он встретится с Че в последний день его жизни.

VII

В конце сентября 1959 г. Фидель столкнулся с более насущной проблемой: у него случился конфликт с Убером Матосом. Военный командир из Камагуэя не делал секрета из своего неприятия того, что революция приобретает радикально левое направление, и призвал Фиделя собрать Национальный директорат «26 июля» для обсуждения этой проблемы.

В такой обстановке в Гавану 1 октября прибыл советский агент Александр Алексеев. На следующий день он встретился с деятелями НСП Карлосом Родригесом и Раулем Вальдесом, которые вкратце описали ему сложившуюся политическую ситуацию. Они предложили ему познакомиться с Бласом Рокой и другие членами Политбюро, но Алексеев отказался и вместо этого позвонил Виолете Казальс.

Казальс была известной актрисой, коммунисткой и преданной фиделисткой, успевшей поработать диктором на «Радио Ребельде» в Сьерра-Маэстре. Алексеев встречался с ней в Москве летом и сейчас хотел с ее помощью установить контакт с Че.

С возвращения Че в Гавану прошло лишь три недели, но Фидель хотел, чтобы он не мешкая возглавил Департамент индустриализации НИАР. Новый кабинет Че находился в недостроенном четырнадцатиэтажном здании, воздвигнутом Батистой для городских властей Гаваны. Оно возвышалось над большой площадью, переименованной в площадь Революции, с огромным белым обелиском и статуей Хосе Марти.

Фидель был президентом НИАР, Нуньес Хименес — его исполнительным директором, и именно здесь вершилась подлинная кубинская революция. Официальное назначение Че на новый пост должно было состояться не ранее 8 октября, но слухи о нем уже начали распространяться. В депеше американского посольства, отправленной 16 сентября в Вашингтон, сообщалось:«…Он является кандидатом на одно из ключевых мест в правительстве. Чаще всего в связи с этим упоминаются руководство неким институтом промышленного развития и Министерство торговли».

В конце сентября Че поехал в Санта-Клару навестить свой старый полк в Ла-Кабанье. Он собрал офицеров в доме Виктора

Бордона и рассказал им о своих новых обязанностях; они были совсем не готовы к таким новостям. Орландо Боррего сидел в переднем ряду. «Че сказал нам, что Фидель и революционное правительство решило создать Департамент индустриализации, чтобы ускорить развитие Кубы. Он объяснил нам, что это важно для экономики и что он выбран руководить индустриальным развитием страны. Это удивило нас, поскольку мы думали, что Че снова возьмет на себя командование полком… Когда он сказал нам, что переходит в гражданский сектор, это стало для нас настоящим ударом».

Неожиданно Че обратился к Боррего лично: «Ты не хочешь помочь мне в этом деле?» Боррего ответил, что он солдат и сделает все, что прикажет команданте. С довольным видом Че произнес: «Хорошо, будь у меня в Гаване утром».

На следующее утро они с Че уже поднимались на восьмой этаж здания НИАР. Нуньес Хименес обосновался на четвертом этаже, а Фидель как президент НИАР — на самом верху, на четырнадцатом этаже. Департамент индустриализации пока состоял только из Че, его двадцатиоднолетнего помощника Орландо Боррего и голых стен. «Что ж, — сказал Че, оглядываясь, — первым делом надо закончить обустройство».

Назначение Че на работу в промышленном секторе не должно казаться удивительным. Еще во времена Сьерра-Маэстры аргентинский лейтенант Фиделя был главным защитником идеи создания автономной экономической системы, достаточно вспомнить его скромные хлебопекарни, обувные мастерские и кустарные фабрики по производству бомб в Эль-Омбрито и Ла-Месе. С самого момента победы повстанцев Че последовательно отстаивал необходимость индустриализации страны, которая должна положить конец зависимости Кубы от сельскохозяйственного экспорта, и одновременно ее милитаризации. Он ожидал вторжения американцев и планировал, что все кубинское население сможет уйти из городов, чтобы превратиться в огромную партизанскую армию.

Официально объявив о принятии Че в штат НИАР, Фидель сообщил, что он сохранит свое воинское звание и полномочия. Хотя Орландо Боррего говорит, что Че с энтузиазмом относился к новому назначению, есть данные, что Гевара втайне надеялся получить от Фиделя другой пост — тот, который с 16 октября перешел к Раулю, — а именно пост министра революционных вооруженных сил.

Тем временем пришли печальные новости о действиях никарагуанских повстанцев, находившихся под патронажем Че. Группировкой, насчитывавшей пятьдесят четыре человека, в

которой помимо никарагуанцев были и кубинцы, руководил назначенец Че — бывший офицер национальной гвардии Никарагуа по имени Рафаэль Сомарриба. В нее также входил друг Гевары Родольфо Ромеро. С начала июня члены группировки стали покидать Кубу и поодиночке перебираться в Гондурас, где их направляли на ферму неподалеку от границы с Никарагуа; в ночь с 12 на 13 июня личный пилот Че Элисео де ла Кампа привел к ним самолет, груженный оружием. Через три недели они пересекли границу, но, по-видимому, стали жертвой чиватасо, поскольку в одном из ущелий угодили в засаду, устроенную совместно гондурасскими и никарагуанскими военными. Девять человек, в том числе один кубинец, были убиты, а все выжившие попали в гондурасскую тюрьму. Через несколько недель, однако, их отпустили. По словам Ромеро, это произошло благодаря тому, что президент Гондураса Вильеда Моралес был «почитателем Че», а глава его службы безопасности, женатый на никарагуанке, — ярым противником Сомосы. Ромеро вернулся в Гавану. Вскоре после возвращения из своей заграничной командировки Че вызвал Ромеро для разговора.

«Он был очень зол, — вспоминал Ромеро. — Особенно когда я рассказал ему, как они нас отымели». Ромеро свалил вину за фиаско на «глупость» Сомаррибы, который повел их в ущелье, где на них легко было устроить засаду. «Реакцией Че было: "Да, все эти думающие о карьере военные — просто говно"». По настоянию Че Ромеро нарисовал ему схему засады, чтобы показать, как именно было дело, и Че прокомментировал это словами: «Чудо, что вы вообще выжили».

Впоследствии контакты Ромеро с Че стали куда более редкими. Было решено, что, прежде чем пускаться в новую партизанскую кампанию, никарагуанцам следует пройти более серьезную подготовку. Ромеро с несколькими товарищами перешел на работу в новую военную контрразведывательную организацию, руководимую Рамиро Вальдесом и его заместителем «Барба Рохой» — рыжебородым Мануэлем Пиньейро Лосадой. Некогда студент Колумбийского университета, он был сыном галисийских эмигрантов, владевших фирмой, которая занималась импортом вина и торговлей пивом в Матансасе. Первые неудачи показали, что работу по поддержке партизан за пределами Кубы нужно вести более организованно.

Итак, Че был занят работой в НИАР. Прежде всего он обустроил свой кабинет, обеспечив место для Алейды и для своего личного секретаря Хосе Манресы. Затем кабинет получил и Боррего, который все еще не имел ни малейшего понятия, чем будет заниматься. Их ряды пополнили Сесар Родригес, инженер, и

член НСП Панчо Гарсия Валь. Департамент индустриализации формально уже существовал, но даже Че не вполне представлял, какие практические шаги следует предпринимать.

Ему позвонила Виолета Казальс, и Че дал согласие принять советского «журналиста».

Алексееву назначили встречу в кабинете Че в два часа ночи в понедельник 13 октября. Прибыв в назначенный час, он обнаружил, что в кабинете горят только две лампы: одна на столе Че, другая — на соседнем столе, за которым сидела красивая блондинка.

«Мы начали беседу, — вспоминает Алексеев. — Гевара очень обрадовался, когда узнал, что я не так давно был в Аргентине… У меня был блок сигарет «Техас», который я привез из Аргентины, и я дал ему три-четыре пачки. Сначала я сказал: "Команданте, я хотел бы сделать вам подарок, который пробудит в вас приятные воспоминания". Это была ошибка! Он пришел в ярость: "Что вы мне даете? Техас — вы знаете, что это? Это половина Мексики, которую отхапали себе американские бандиты!"». Че был так зол, что Алексеев не знал, как быть. «Я сказал: "Команданте, простите, что я сделал вам такой неудачный подарок, но я рад, что знаю теперь, как вы относитесь к нашему общему врагу". И после этого мы вместе посмеялись».

Когда этот щекотливый вопрос был исчерпан, вспоминает Алексеев, их разговор продолжился на дружеской ноте, и очень скоро они перешли на «ты». Че стал обращаться к нему «Алехандро», а тот вместо «команданте» начал говорить просто «Че».

Наконец, заметив, что время позднее, а женщина, которую он принял за секретаря Че, все еще работает, Алексеев, указав на Алейду, пошутил: «Че, как же так: ты такой борец с эксплуатацией, а сам, я вижу, эксплуатируешь свою секретаршу». Он ответил: «О да! Это так, правда она мне не только секретарша, но и жена».

Они проговорили почти до рассвета, и ближе к концу встречи Че сказал Алексееву: «Наша революция по-настоящему прогрессивна… она создана руками народа… Но нам не под силу удержать ее без помощи глобального революционного движения и прежде всего социалистического блока и Советского Союза». Че подчеркнул, что это его личное мнение.

Алексеев понял, на что он намекает, и сказал, что хотел бы узнать также воззрения других вождей революции — не может ли Че устроить ему встречу с Фиделем? «Че ответил: "Сложность в том, что Фидель не любит беседовать с журналистами". Тогда я сказал ему: "Но ведь я не собираюсь брать у него интервью, это не

для прессы". Че понял».

Три дня спустя, в полдень 16 октября, Алексееву позвонили по телефону прямо в номер гостиницы «Севилья» и спросили: «Сеньор Алехандро Алексеев, что вы сейчас делаете?» «Ничего», — ответил он. «Хорошо. Вы просили об аудиенции у команданте Фиделя Кастро. Если хотите, вы можете встретиться с ним прямо сейчас, мы заедем за вами». Алексеев быстро приготовился к выходу. «Я надел темный костюм, белую рубашку, серый галстук, чтобы выглядеть как дипломат». Он взял советскую водку и икру, которые привез в подарок, и спустился в фойе.

Его привезли в здание НИАР — туда же, где он встречался с Че, — но на сей раз он поднялся на лифте на самый верхний этаж. Когда Алексеев вышел в коридор, его встретили двое бородатых мужчин в форме: Фидель Кастро и Нуньес Хименес. Они провели его в кабинет Фиделя и усадили за большой деревянный стол.

Они немного поговорили на общие темы, а потом Фидель спросил, что у Алексеева в пакете. Спустя несколько мгновений все трое уже пили водку, заедая ее икрой с печеньем. Внезапно Фидель повернулся к Нуньесу Хименесу и сказал: «Нуньес, не правда ли, советские продукты просто превосходны? Я никогда их не пробовал. Мне кажется, нам стоит восстановить торговые связи с Советским Союзом».

Алексеев немедленно произнес: «Очень хорошо, Фидель, можете считать, что дело сделано. Я также очень заинтересован в культурных связях и, что еще важнее, в дипломатических отношениях». Фидель быстро ответил: «Нет, думаю, пока не стоит торопиться. Формальности не столь важны; я против формализма. Вы прибыли к нам как эмиссар Кремля, и мы можем сказать друг другу, что у нас теперь есть отношения. Но мы не можем пока сказать об этом народу. Народ не готов, он отравлен буржуазной американской пропагандой против коммунизма».

Говоря с Алексеевым о кубинской революции, Фидель назвал ее «подлинной, сделанной людьми и для людей». «Мы хотим построить справедливое общество, где не будет эксплуатации человека человеком и где вооруженный народ будет защищать свои завоевания», Алексеев отметил, что, хотя Фидель, в отличие от Че, избегает слово «социализм», он все же дал понять, что разделяет одну с ним философию.

Для Алексеева встреча окончилась тем, что он получил от Фиделя задание. По словам Алексеева, после того как Фидель объяснил, что должен «двигаться неспешно», пытаясь переубедить кубинцев, настроенных резко против коммунизма, в разговор

вмешался Нуньес Хименес, сказав, что, может быть, стоит предложить Алексееву попросить свое правительство привезти в Гавану советскую выставку, находящуюся сейчас в Мехико. Нуньес Хименес, ездивший в июле в Нью-Йорк, по дороге посетил выставку, которую открывал заместитель председателя Совмина СССР Анастас Микоян, и остался под впечатлением от увиденного. «Это действительно стоит того! — сказал он Фиделю. — Она раскроет кубинцам глаза на Советский Союз и покажет, что американская пропаганда, которая кричит о его отсталости, лжет».

Фидель поинтересовался у Алексеева его мнением по этому вопросу. Действительно ли выставка так хороша? Алексеев ответил утвердительно, но сказал, что, как ему кажется, привезти ее на Кубу будет непросто. Программа утверждена, и Куба в ней не значится.

Но Фидель уже воспринял идею Нуньеса как свою собственную и наотрез отказался принимать отрицательный ответ. «Выставку необходимо сюда привезти! — заявил он Алексееву решительно.

И Микоян пусть приедет и откроет ее здесь. Конечно, все уже распланировано, но ее необходимо показать здесь! Мы же революционеры! Поезжайте в Мехико и расскажите Микояну о нашей революции и о том, что сюда стоит приехать». Алексеев согласился попробовать, но заметил, что с советским паспортом ему не так-то просто путешествовать по миру. «Не беспокойтесь, — сказал Фидель. — Наш посол в Мексике все устроит».

Через несколько дней Алексеев улетел в Мехико на встречу с Микояном. Его появление в Гаване начинало приносить плоды. При содействии Че и с одобрения Фиделя Куба медленно, но верно входила в орбиту советского влияния.

Глава 22
«За нами будущее, и мы знаем это»

I

4 февраля 1960 г. Анастас Микоян прибыл в Гавану в сопровождении своего тридцатилетнего сына Серго, советского посла в Мексике, личного помощника и охранника-переводчика — молодого офицера КГБ Николая Леонова. Микоян попросил Леонова передать подарки «вождям революции». Это дало Леонову возможность лично повидаться со своими старыми знакомыми по Мексике, и первым, к кому он отправился, был Че Гевара.

Незадолго до того Че с Алейдой переехали из пригородного дома в более безопасный район, Сьюдад-Либертад — бывший военный городок на западной оконечности Гаваны. Они поселились в одном из домов, где прежде жили офицеры батистовской армии, рядом со взлетно-посадочной полосой военного аэродрома.

С момента последней встречи Леонова и Че в Мексике прошло немногим более трех лет. Тогда Леонов дал молодому аргентинскому врачу, интересовавшемуся социализмом, советские книги. Те ранние контакты Леонова с членами повстанческой группы Кастро ныне полностью оправдали себя, дав ему возможность прибыть на Кубу. Гевара и братья Кастро из строящих смелые планы политэмигрантов превратились в неоспоримых лидеров новой революционной Кубы, подумывающих о «переходе к социализму» и вступлении в союз с его страной перед угрозой войны с Соединенными Штатами.

На сей раз Леонов «от лица советского народа» вез Геваре в подарок снайперский пистолет в прекрасной кобуре и с большим запасом патронов.

После того как в ноябре 1956 г. его отозвали из Мексики в Москву и отстранили от работы в МИД, Леонов решил серьезно заняться изучением истории Латинской Америки и устроился переводчиком в советское издательство «Прогресс», выпускавшее книги на испанском языке. В конце лета 1958 г. ему предложили работу в КГБ, и он согласился. 1 сентября Леонов начал двухлетний курс подготовки, который, по его словам, остался незавершенным «по причине кубинской революции».

В октябре 1959 г. Леонову приказали в КГБ оставить свои

научные занятия и поехать с Микояном в Мексику. Леонов находился с Микояном в Мехико, когда туда с Кубы прибыл со своим секретным заданием Александр Алексеев. Алексеев рассказывает, что он прямо направился к Микояну.

Он передал Микояну предложение Фиделя. «Им нужна не одна только выставка. Фидель хочет говорить с нами». Когда Алексеев закончил, Микоян заметил, что он тоже, как и Кастро, против «формальностей», но как зампредседателя Совмина он не может ехать в страну, с которой у Москвы нет дипломатических отношений. Он послал в Кремль телеграмму и также направил в Москву Алексеева для прояснения ситуации.

«Москва согласилась направить выставку из Мексики на Кубу, — рассказывает Алексеев, — поскольку Хрущев к тому времени тоже уже влюбился в кубинскую революцию. Я не знаю точно почему, наверное, он был рад получить еще одну пешку в игре против американцев».

Однако советская выставка открылась в Гаване только в феврале 1960 г.

Прибыв в Гавану вместе с Микояном, Леонов подъехал на машине к дому Че Гевары. Был почти полдень, но Че еще спал. «Он был совершенно без сил, — вспоминает Леонов, — но все же встал и выказал подлинную радость при виде меня. "Что за чудо, ты словно с небес сюда упал!"» За кофе Леонов передал ему пистолет — и этот подарок Че принял с огромным удовольствием.

Леонов поздравил друга с победой повстанцев, а затем, в напоминание об их давнем разговоре и о советских книгах, которые Че так хотел почитать в Мехико, спросил: «Так что, ты правда серьезно думаешь строить социализм?» — «Да, — ответил Че, — я собираюсь посвятить этому жизнь. Сначала я учился, теперь буду строить».

II

Вскоре Леонов узнал, почему Че спит в такое время. Гевара теперь не только работал в НИАР, но и стал еще президентом Национального банка Кубы.

Дел было чрезвычайно много, и рабочий график Че уже вошел в легенду. По Гаване ходили истории об иностранных чиновниках, которым назначали прийти к нему в три часа: явившись на встречу днем, они узнавали от Манресы, что речь шла о трех часах ночи. Если ночная встреча Алексеева с Че могла сойти за исключение, то теперь подобные ситуации стали правилом.

В письме, отправленном родителям на Рождество, Че попытался дать им представление о том, как он теперь живет:

> *…В 6.30 утра — не в начале, а в конце моего рабочего дня — я нашел несколько минут, чтобы пожелать вам всего, что можно пожелать… Мы не люди, а работающие машины, сражающиеся со временем…*
>
> *Департамент индустриализации — мое творение; но я, хотя и не без боли, как уставший от своего чада отец, наполовину оставил его, чтобы погрузиться в финансовое дело, талант к которому, видимо, дан мне от Бога. Я также занимаю пост начальника курсов военной подготовки и командующего полком в Орьенте. Мы творим историю высшей американской пробы; за нами будущее, и мы это знаем, мы работаем с радостью, хотя и позабыли все личные привязанности. Примите нежные объятия от сей машины… и по совместительству блудного сына, который порой напоминает о себе.*
>
> *Че*

III

Начало работы Че в НИАР было несколько скомканным, но постепенно все наладилось. В конце 1959 г. значительная часть кубинской промышленности, как мелкой, так и крупной, по-прежнему находилась в частной собственности, и в ведение его департамента перешло лишь несколько маленьких фабрик, либо оставленных их хозяевами, либо конфискованных у владельцев, запятнавших себя связью с Батистой и его окружением. Че принял эти фабрики под свой контроль и назначил управлять ими проверенных ветеранов повстанческой армии, в то время как некоторым другим ветеранам поручено было руководить недавно образованными сельскохозяйственными кооперативами на территориях экспроприированных латифундий.

«Затем довольно скоро государство начало вмешиваться в работу частных фабрик, — вспоминает Боррего. — Это были именно вмешательства, а не акты национализации. Речь шла о фабриках, где возникали конфликты с рабочими или где… владельцы… не занимались инвестициями… тогда мы вмешивались в их работу».

Этим вмешательствам был придан законный статус, поскольку Министерство труда — ныне находившееся в надежных руках Аугусто Мартинеса Санчеса, бывшего помощника Рауля, —

приняло резолюцию, позволявшую департаменту Че вмешиваться в управление фабриками на долговременной основе; но, как утверждает Боррего, он и не думал, что подобные вмешательства могут из временного явления превратиться в постоянное.

«Конечно, — добавляет он, — исходя из логики Че, эти захваты были окончательными, но законодательно это еще не было закреплено».

Ранее, в апреле, Че провел небольшое исследование и пришел к выводу, что восемьдесят процентов членов повстанческой армии Фиделя неграмотны. Для разрешения этой проблемы он начал кампанию по внедрению просвещения в Ла-Кабанье, но еще в конце 1959 г. армия в основном состояла из полуграмотных или наскоро обученных гуахиро, многие из которых едва вышли из подросткового возраста. Когда их назначали руководить фабриками, это приводило к неминуемым провалам и хаосу. Тем временем сам Че стремился заполнить пробелы в своих познаниях в области экономики. Он начал брать уроки у мексиканского экономиста Хуана Нойолы. Также по просьбе Че доктор Виласека стал преподавать ему математику. Они начали с алгебры и тригонометрии, а затем перешли к аналитической геометрии.

IV

Че любил в шутку рассказывать о том, как он получил пост директора банка. На собрании кабинета министров, созванном для обсуждения замены Пасоса, уволенного за открытое недовольство арестом Матоса, Фидель сказал, что ему нужен хороший экономист. К удивлению Фиделя, руку поднял Че. «Че, я не думал, что ты экономист!» — «А мне показалось, ты сказал, тебе нужен хороший коммунист». Впрочем, финансовому и деловому сообществу было не до шуток: новость о назначении Че повергла всех в ужас. Немногие поверили заверениям Фиделя в том, что Гевара будет «столь же консервативен», как и его предшественник.

Когда Че появился в банке — каменном здании с колоннами на Узкой улочке в Старой Гаване, — то обнаружил там множество пустых столов, поскольку большинство старых сотрудников ушло вместе с Пасосом. Че позвонил Виласеке и попросил его стать своим заместителем.

Виласека выслушал предложение без восторга. Он не только не имел никакого опыта работы в финансовой сфере, но к тому же был другом человека, которого ему предлагалось заменить. Он попытался отказаться, но Че твердо стоял на своем; более того, он

не столько просил Виласеку, сколько приказывал. «Я тоже ничего не знаю о банках, и тем не менее я — директор банка, — сказал ему Че. — Когда революция назначает тебя на тот или иной пост, ты не должен возражать». Виласека принял назначение.

Одним из первых, кого Че вызвал к себе в банк, стал Николас Кинтана. Это был тридцатипятилетний гаванский архитектор, чья фирма при Пасосе была выбрана для строительства нового тридцатидвухэтажного здания Национального банка в центре Гаваны с видом на набережную Малекон. Проект был очень значительным, речь шла о самом крупном сооружении на всей Кубе, и стоимость его оценивалась в шестнадцать миллионов долларов. К концу 1959 г. был заложен фундамент здания и началась первая фаза строительства.

Когда Пасос узнал о своем увольнении и скорой отправке за границу на дипломатическую работу, он незамедлительно вызвал Кинтану. Он признался ему, что намерен искать политического убежища, как только окажется в Европе, и объяснил Кинтане, почему собирается пойти на этот шаг: «То, что они делают со страной, — это варварство… Че Гевара не имеет нужной квалификации для этого поста, и это одна из причин, по которым я отправляюсь в изгнание. Тебе тоже оно предстоит, это неизбежно».

Кинтана думал иначе. Он был молод, работал над самым крупным архитектурным проектом в своей карьере и верил, что помощь, оказанная им повстанцам во время войны, сослужит ему добрую службу при общении с Че. В конце 1958 г. он передал «Движению 26 июля» топографические карты Эскамбрая, которые были нужны команданте.

Получив вызов от Че, Кинтана явился к нему в банк и был поражен тем, что увидел. Некогда блиставшее безупречным порядком главное финансовое здание страны стало грязным и запущенным, повсюду валялись бумаги. «Все изменилось за какие-то пятнадцать дней».

Первое, что спросил у него Че, было: «Вы из мелкой буржуазии?» Кинтана ответил: «Нет». — «Нет? Значит, вы революционер?» — «Нет, команданте, я не говорил, что я революционер. Я из крупной буржуазии». Глаза Че потеплели, и он с довольным видом сказал: «Вы единственный честный представитель своего класса из всех, кого я встречал с момента своего появления здесь». Кинтана подумал, что завоевал симпатию Гевары, и ответил в той же остроумной манере: «Да нет, таких, как я, много, просто вы не даете им возможности высказаться». Выражение лица Че стало ледяным, и он напомнил Кинтане, что тот говорит с «команданте Геварой». Кинтана понял,

что перешел границы дозволенного.

На второй встрече Кинтана предъявил Геваре список материалов, которые необходимо было выписать из-за границы, и объяснил, что, поскольку здание будет находиться в прибрежной зоне, ему потребуются окна, способные выдержать ураганный ветер и потому снабженные рамами из нержавеющей стали; архитектор также сказал, что лифты лучше всего приобрести у американской фирмы «Отис», имевшей представительство в Гаване.

Че спросил: «Зачем нужны лифты?» Кинтана объяснил, что здание будет состоять из тридцати двух этажей. На это Че заметил, что вполне можно ограничиться лестницами: если даже он со своей астмой способен по ним подниматься, то смогут и другие.

Они вернулись к теме окон. Че спросил у Кинтаны, почему они должны быть обязательно доставлены из Штатов или Германии, почему нельзя найти что-нибудь подешевле, например из пластика, и непосредственно тут, в Гаване. Затем они стали обсуждать предполагаемое количество туалетов в здании; Че посмотрел на план Кинтаны и отрезал: «Ну, мы можем ограничиться половиной от этого числа».

«Однако и при революции, — попытался оспорить это решение Кинтана, — люди ходят в туалет не реже, чем раньше». — «Новый человек не таков, — возразил Че. — Он умеет жертвовать».

Кинтана наконец все понял. Дело было не в окнах и не в туалетах. Че вообще не нуждался в новом здании банка.

И действительно, сначала стройка была заморожена, а затем, несколько лет спустя, на ее месте появилась больница. В скором времени были выпущены новые банкноты достоинством в десять и двадцать песо. Как президент Национального банка Че обязан был их подписать, что он и сделал, поставив на них простое и ясное — «Че». Кубинские деловые люди быстро оценили всю горькую для них символичность этого жеста Гевары. На новой Кубе деньги более не рассматривались как нечто священное, став досадным наследием эры капиталистического предпринимательства — эпохи, которой надлежало в скором времени исчезнуть без следа.

Глава 23
«Индивидуализму места нет»

I

Суд над участниками «мятежа» Матоса состоялся в декабре. В ход процесса лично вмешались Рауль с Фиделем, что придало делу весьма нехороший оттенок. Рауль, как всегда, потребовал для Матоса смертной казни; ему вторил и прокурор — майор Хорхе «Папито» Сергера. Однако судьи, набранные из бывших армейских офицеров и ветеранов революционного движения, приговорили обвиняемого к двадцати годам заключения, а остальным офицерам дали сроки поменьше.

После этого Фидель начал войну против «реакционной прессы». Консервативная газета «Авансе» была закрыта после бегства из страны ее главного редактора, который посмел напечатать обвинения Диаса Ланца в адрес нового режима и был заклеймен Фиделем как контрреволюционер. Второй по значимости кубинский телеканал, «Двенадцать», также был закрыт. Газета «Эль-мундо» была поставлена под контроль государства, ее главным редактором назначили фиделиста Луиса Вангуэмерта. Не за горами было также закрытие газеты «Диарио де ла Марина», главного рупора оппозиции, и всей остальной независимой кубинской прессы.

Наконец, Куба обзавелась собственным международным информационным агентством «Пренса латина», руководителем его был назначен Хорхе Рикардо Мазетти, а отделения были открыты во многих странах Западного полушария с целью противостоять американским агентствам «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс Интернешнл», особенно досаждавшим Че и Фиделю.

Заокеанская миссия Че начала приносить плоды. С осени на остров стали прибывать официальные дипломатические и торговые делегации из Японии, Индонезии и Египта. Было подписано несколько торговых договоров, не таких уж выгодных, однако был важен сам факт их заключения.

В статье «Взгляд на Америку с афро-азиатского балкона» Че писал, что с бывшими колониями, недавно обретшими независимость, Кубу роднит одна мечта — избавиться от гнета экономической эксплуатации. Он доказывал, что революционная Куба, персонифицированная в Фиделе Кастро, является моделью,

на которую должны ориентироваться страны Латинской Америки, Азии и Африки. Он призывал к созданию антиимпериалистического альянса. А Фидель, как он намекал, вполне мог бы стать его лидером.

«…Неужели наше братство не может преодолеть ширь океанов, языковые преграды и недостаток культурных связей, чтобы мы могли слиться в объятиях соратников по борьбе?…

…Куба была приглашена на новую Конференцию народов Африки и Азии. И ее представители отправятся туда сказать: Куба действительно существует, а Фидель Кастро — это человек, народный герой, а не мифологический персонаж; необходимо заявить также, что Куба — не отдельное явление, а лишь первый сигнал к пробуждению Америки…

Когда же нас спросят: "Являетесь ли вы членами Партизанской Армии, ведущей борьбу за освобождение Америки? Являетесь ли вы нашими союзниками по ту сторону океана?" — я скажу в ответ сотням миллионов африканцев и азиатов: "…Да, я брат ваш, один из множества братьев в этой части света, которая ожидает с бесконечным волнением того момента, когда мы сможем объединиться в блок, который уничтожит раз и навсегда постылое колониальное господство"».

Для Фиделя идея выхода на мировую сцену имела огромное значение. В Африке и Азии тогда вовсю шел парад суверенитетов. С 1957 г. несколько стран добились независимости от французского, британского, бельгийского колониального правления. Другие, такие как Алжир, пока еще вели войну за свободу, но тенденция была очевидной: дни колониализма сочтены, и будущее находится в руках тех, кто бросил вызов гибнущим империям, таких людей, как Насер, Сукарно — или, быть может, Фидель. В январе министр иностранных дел Рауль Роа вылетел в турне по Азии и Северной Африке, чтобы передать лидерам государств приглашение принять участие в международном конгрессе развивающихся наций, который должен был пройти в Гаване.

В печать также была сдана первая подборка воспоминаний Че о партизанской войне, соединенных в книгу под заголовком «Эпизоды революционной войны». В ноябре в «Уманизмо» вышла трагическая заметка «Убитый щенок». Эта публикация совпала с ростом земельных экспроприаций и возобновлением работы революционных расстрельных бригад. Поскольку в ней в аллегорической форме говорилось о необходимости принесения в жертву невинных во имя дела революции, она не могла не вызвать неприятных чувств у определенной части кубинского общества.

II

К январю архитектор Николас Кинтана пришел к окончательному выводу, что Кубу не ждет ничего хорошего. Революция приобрела радикально левые черты, угрожая ему и людям его класса. Его мечты построить новое здание Национального банка были разбиты, а близкий друг Николаса, член «Католической молодежи», был расстрелян за распространение антикоммунистических листовок. Архитектор отправился к Геваре с жалобами.

Кинтана так вспоминает об их встрече: «Че сказал мне: "Послушай, революции вообще ужасны, но необходимы, и частью революционного процесса является несправедливость во имя будущей справедливости". Я никогда не смогу забыть эту фразу. Я ответил, что это «Утопия» Томаса Мора. Я сказал, что эту сказку нам рассказывают уже давно, чтобы мы поверили, будто достигнем чего-то не сейчас, а когда-нибудь в будущем. Че долго смотрел на меня, а потом промолвил: "Так. Ты не веришь в будущее революции". Я возразил, что не верю только в то, что основано на несправедливости».

Затем Че спросил архитектора: «Даже если эта несправедливость носит санитарный характер?» На это Кинтана возразил: «Не думаю, что те, кто обречен на смерть, утешатся этими соображениями». Че ответил: «Тебе лучше уехать с Кубы. У тебя есть только три варианта: или ты покидаешь страну и я тебя не трогаю, или ты в скором времени получишь тридцать лет тюрьмы, или ты предстанешь перед расстрельной командой».

Кинтана замер на стуле в ужасе и оцепенении, а Че добавил: «Ты творишь очень странные вещи».

«Я ничего не сказал, — вспоминал Кинтана, — но знал, на что Гевара намекает. Меня удивило, что он уже знал обо всем».

Кинтана вступил в организацию «Добровольный труд», которая, делая вид, что занимается общественными работами, тайком готовила оппозицию режиму Кастро. Получив предостережение от Че, Кинтана предпочел не рисковать и через несколько недель покинул остров.

Примерно в то же время журналист Хосе Пардо Льяда позвонил Че, чтобы обсудить дело своего друга Наполеона Падильи.

Несмотря на неприязнь к Геваре, Падилья принял его предложение помочь правительству в организации кооперативов в табачной отрасли и продаже табака на экспорт. Но Падилье все более становилось не по себе от того, что он видел в НИАР, и он спорил с Нуньесом Хименесом и членом НСП Оскаром Пино

Сантосом, к тому времени уже одним из руководителей НИАР, о том, как следует проводить аграрную реформу.

Вечером 26 января в его квартире раздался анонимный звонок, и голос в трубке сказал: «Наполеон, тебе лучше бежать, тебя собираются арестовать». Падилья в ужасе помчался в гондурасское посольство просить о политическом убежище. Посол посоветовал ему, прежде чем решаться на такой крайний шаг, попытаться выяснить, каково его истинное положение, и Падилья позвонил Пардо Льяде с просьбой о помощи.

Через шесть месяцев — «с особого разрешения Че», как признавал Пардо, Падилья смог покинуть Кубу.

III

Фидель назвал 1960 год «Годом аграрной реформы», но, пожалуй, более подходящим названием было бы «Год конфронтации». Месяц, предшествовавший приезду Микояна, ознаменовался стремительным ухудшением американо-кубинских отношений. В январе госсекретарь США Гертер отправил ноту протеста по поводу «незаконных захватов» собственности американских граждан, которым к тому же не были выплачены никакие компенсации. Куба ответила на это экспроприацией всех крупных скотоводческих хозяйств и всех сахарных плантаций в стране, включая и те, что принадлежали американцам. Со стороны Соединенных Штатов на территорию Кубы стало прилетать все больше самолетов без опознавательных знаков, которые занимались бомбардировкой тростниковых полей. Эти диверсии были организованы ЦРУ.

События внутри США также влияли на поведение Вашингтона. Президент Эйзенхауэр вступил в последний год второго срока своего правления, и в стране набирала обороты новая президентская кампания. С самого ее начала вице-президент Ричард Никсон в своей предвыборной риторике использовал тему Кубы, прямо обратившись к Кастро с предупреждением, что тот пожалеет о своих действиях. Фидель, как обычно, ответил весьма вызывающе: 19 января НИАР объявил о незамедлительной конфискации «всех латифундий», принадлежащих как кубинцам, так и иностранцам. Реализация этого указа привела к тому, что все крупные сельскохозяйственные угодья оказались в руках революционного правительства.

Госсекретарь Гертер обратился к Сенату с требованием издать закон, дающий Эйзенхауэру право изменить квоты на

покупку сахара у Кубы, а затем «на неопределенный срок» отозвал посла Бонсела в Вашингтон.

21 января Эйзенхауэр выступил с призывом начать переговоры с целью остановить дальнейшее охлаждение отношений между двумя странами. В тот же день в Гаване Дениэл Бреддок, исполнявший обязанности посла США, попросил аргентинского посла Хулио Амоэду выступить посредником между американским правительством и Кастро.

Перемирие состоялось: в своей следующей речи 28 января Фидель вовсе не упомянул Соединенные Штаты. Временная передышка дала ему возможность набраться сил перед следующим периодом напряженности, который, как он знал, неминуемо наступит. 31 января правительство Кубы наконец признало справедливость давнишних слухов о приглашении Анастаса Микояна, заявив о его предстоящем прибытии на остров.

IV

Советская выставка имела огромный успех. За три недели работы ее посетило более тысячи кубинцев, пришедших посмотреть на копию «Спутника», на модели советских домов, фабрик и спортивных сооружений, на трактора и образцы сельскохозяйственного и промышленного оборудования. Это были технологические достижения народа, который, как Никита Хрущев пообещал американцам, «похоронит» их в ближайшем будущем, и для простого, не ездившего по миру кубинца подобные заявления звучали не так уж утопично. В конце концов, разве русские не запустили первыми спутник Земли на орбиту?

Однако не все кубинцы были рады выставке. Визит Микояна сопровождался демонстрациями протеста, а независимая кубинская пресса выступила с публикациями, в которых с жаром доказывала несправедливость и неэффективность советской системы.

В конце февраля один из осуществлявших диверсии самолетов рухнул на землю, и по имевшимся у погибшего пилота документам удалось установить его американское гражданство. Фидель предъявил это в качестве доказательства причастности США к ночным атакам. После того как новость стала достоянием общественности, директор ЦРУ Аллен Даллес сообщил ни о чем не ведавшему Эйзенхауэру, что погибший пилот, так же как и другие диверсанты, были действительно наняты ЦРУ. В середине февраля Эйзенхауэр публично дал пограничной службе

распоряжение задерживать любые самолеты, которые незаконным образом направляются на Кубу с территории Соединенных Штатов. В то же время он тайно отдал приказ Даллесу продумать более тонкий план по устранению Кастро от власти.

Всего пятью днями ранее, 13 февраля, СССР и Куба обнародовали условия своего нового торгового соглашения. Советы обязались закупить в 1960 г. почти полмиллиона тонн сахара и затем покупать по миллиону тонн каждый год в течение последующих четырех лет, но взамен Куба соглашалась получать не наличные деньги, а советские товары, в том числе нефть. Деньгами Москва должна была расплачиваться только в пятый, и последний, год соглашения.

Фидель и Че ликовали по поводу заключенной сделки, называя ее дальнейшим шагом к «экономической независимости» Кубы.

20 февраля, во исполнение другого публичного заявления Че было положено начало эре «центрального планирования» в советском духе, что выразилось в создании Центрального совета планирования. Фидель стал его председателем, а Че, главный апологет нового образования, вошел в состав управляющего комитета. Это событие четко давало понять: Куба движется от рыночной экономики к централизованной.

Важнейшим пунктом программы в поездке Микояна по кубинской провинции было посещение города Сантьяго и бывшей командансии Фиделя в Ла-Плате. Хотя в Орьенте приехали все сопровождающие лица, в Ла-Плату отправилась только группа избранных, куда вошли Анастас Микоян, его сын Серго, Леонов, Фидель, Че и их личные охранники. Представители прессы остались в Сантьяго.

В Ла-Плате Фидель и Че прямо заявили Микояну о своем желании придать революции социалистическое направление, рассказали о проблемах, которые они встречают на своем пути, и признались, что им нужна помощь со стороны Советского Союза.

«Это был очень странный разговор, — вспоминает Серго Микоян. — Они сказали отцу, что выживут только при условии советской помощи и что скроют ее факт от кубинских капиталистов».

Затем Фидель произнес длинный монолог на тему того, что победа повстанцев доказала неправоту Маркса. «Кастро заявил, что по Марксу революция не может произойти никак иначе, кроме как путем, указанным Коммунистической партией… с борьбой масс, забастовками и так далее. "Но мы сделали революцию — и без всего этого! То есть мы превзошли Маркса, доказали, что он был неправ". Мой отец возразил Фиделю: "Вы

считаете так потому, что ваши коммунисты — догматики; они полагают, будто марксизм — это А, Б, В и Г. Но марксизм — это путь, а не догма. Так что я не думаю, что вы превзошли Маркса, я думаю, вы доказали только то, что ваши коммунисты были неправы"».

После этого разговора всем было понятно, что торговое соглашение, о котором стало известно через несколько дней, — это просто первый шаг на пути к установлению полноценных отношений между Кубой и Советским Союзом.

4 марта в порту Гаваны взорвалось французское грузовое судно «Кубр». В момент, когда послышался взрыв, Фидель принимал у себя Хорхе Энрике Мендосу, главного представителя НИАР в Камагуэе, и других высокопоставленных чиновников из провинций. Примчавшись в порт, они направились туда, где было пришвартовано судно, и тут Мендоса увидел, как мимо него пронесся Че, спешивший к горящему кораблю.

Как раз когда Че приблизился к судну, оставив чуть позади, примерно в ста метрах от себя, Мендосу, Фиделя и всех остальных, прогремел второй взрыв. Мендоса и некоторые другие тут же бросились прикрывать собой Фиделя. По воспоминаниям Мендосы, «Кастро стал пинаться, бить кулаками и кричать: "Черт возьми, вы меня задушите!" Потом сверху посыпались обломки». Когда Фидель оказался-таки в безопасности, Мендоса переключил свое внимание на Че, который все еще не оставлял надежды взобраться на горящее судно. «Я быстро пошел к нему. Кто-то, не помню точно кто, пытался помешать ему влезть на корабль, и я услышал, как Че возмущается: "Мать вашу, да отвалите же от меня! Произошло уже два взрыва; все, что должно было взорваться, уже взорвалось. Дайте мне попасть на корабль". И он полез туда».

Последствия взрыва были ужасны. Погибли около ста человек, в основном портовые грузчики, моряки и солдаты, еще несколько сотен получили ранения. «Кубр» был нагружен бельгийским оружием, купленным эмиссарами Фиделя. Кастро не долго думая обвинил ЦРУ в диверсии и провозгласил новый военный девиз, знаменитое «Patria o muerte!» («Родина или смерть!»).

Позже, когда Фидель выступал перед народом с балкона, стоя в окружении других революционных лидеров, молодой кубинский фотограф по имени Альберто Корда нашел весьма удачный ракурс и заснял происходящее на пленку. Наведя на Че объектив, Корда поразился выражению, застывшему на его лице. Гевара воплощал собой абсолютную непримиримость. Корда нажал на спуск, и эта фотография облетела потом весь мир, став тем

знаменитым изображением Че, которое украшает ныне немало комнат в студенческих общежитиях. Кажется, что глаза Че устремлены в будущее, само лицо его словно воплощает священный гнев, направленный против царящей в мире несправедливости.

Вскоре после этого Кастро позвонил Алексееву и высказал желание встретиться с ним в доме Нуньеса Хименеса в Ла-Кабанье. «Это был первый раз, когда Фидель заговорил об оружии, — рассказывает Алексеев. — Он заявил, что после взрыва американская интервенция неизбежна и не заставит себя долго ждать. "Мы должны вооружить народ", — сказал Кастро и попросил, чтобы Советский Союз продал ему необходимое оружие».

После встречи с Фиделем Алексеев «отправил послание Фиделя Хрущеву, но думал, что из-за бюрократических проволочек ответ займет несколько недель. Однако ответ от Хрущева пришел уже на следующий день. Он гласил: "Фидель, мы разделяем ваше волнение по поводу обороны Кубы и опасности нападения, поэтому мы поставим вам требуемое оружие…" И вскоре оружие начало поступать на остров».

V

8 мая Фидель объявил о возобновлении дипломатических отношений с Москвой. Бывший лидер «Директории» Фауре Чомон, который после победы повстанцев примкнул к крайне левым, вылетел в Москву в качестве нового посла Кубы. Своим послом Москва избрала старого сотрудника КГБ, ныне работавшего под дипломатическим прикрытием, — Сергея Кудрявцева. Алексеев, которому более не было нужды выдавать себя за журналиста ТАСС, стал его первым секретарем и атташе по культуре, что служило обычным прикрытием его деятельности в КГБ.

Вслед за обменом посланиями между Фиделем и Хрущевым в Гавану негласно прибыла советская военная делегация. «Мы тотчас собрались, — рассказывает Алексеев. — Фидель, Рауль, Че — все принимали участие в разговоре. Они рассказали, что им требуется. Прежде всего они нуждались в противовоздушных орудиях и самолетах, артиллерии, танках «Т-34», старых, не используемых уже Советским Союзом».

В июне-июле на Кубу стали тайно прибывать советское вооружение и инструкторы, часть которых ехала по чехословацким паспортам.

Подписав секретное военное соглашение с Советами, Фидель почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы бросить вызов американцам. Уже в феврале министр иностранных дел Роа отправил в Вашингтон послание, в котором излагались кубинские «условия» для ведения переговоров. Пока Вашингтон угрожает изменить свои квоты на покупку сахара у Кубы, никакого диалога быть не может. В своем ответе от 29 февраля Госдепартамент отказался идти на попятную, провозгласив, что Соединенные Штаты имеют право делать все что считают нужным для защиты интересов Америки. После того как четырьмя днями позже произошел взрыв на «Кубре», обмен заявлениями вновь стал носить конфликтный характер. Госсекретарь Гертер гневно отреагировал на обвинения Фиделя в причастности ЦРУ к трагедии и поставил под сомнение «искренность намерений» Кубы относительно проведения дальнейших переговоров.

Тем временем Вашингтон сделал последнюю попытку достучаться до Фиделя. В начале марта к министру финансов Кубы Руфо Лопес Фреске обратился советник американского посла Марио Лазо, который сообщил ему, что Соединенные Штаты хотят предложить Кубе свои военные самолеты и техническую помощь. Фидель попросил два дня для размышлений. 17 марта президент Дортикос передал Лопесу Фреске от имени Фиделя, что тот решил не принимать этого предложения.

В тот же день Эйзенхауэр одобрил план ЦРУ по секретному набору и подготовке вооруженной группировки из нескольких сотен кубинских беженцев с целью начать партизанскую войну против Кастро. Глава ЦРУ Даллес предполагал использовать ту же схему, что и при подготовке операции «Успех», приведшей к крушению режима Арбенса в Гватемале в 1954 г. Ответственным за организацию операции на Кубе он назначил своего заместителя Ричарда Биссела. В штаб его рабочей группы вошли также Трейси Барнс, участвовавший во многих секретных операциях, в том числе и в операции «Успех», и Говард Хант, руководивший боевиками ЦРУ в Монтевидео. Кроме того, в группу включили главу отдела ЦРУ по работе в Западном полушарии Дж. С. Кинга, который, однако, был настроен скептически и выступал за ведение «грязной войны» в целях дестабилизации режима и устранения ключевых фигур, таких как Че, Рауль и Фидель.

В Майами был направлен Гарри Дрехер (он же Фрэнк Бендер), специалист ЦРУ по латиноамериканским коммунистам, ему предписывалось набирать добровольцев из числа кубинских эмигрантов. Дрехер довольно скоро сформировал группу бойцов,

которым предстояло пройти военную подготовку на секретной базе в Гватемале.

Между тем Фидель продолжал наступление на свободу СМИ. Владельцы телеканала «Сэ-Эме-Ку» бежали из страны, и их канал перешел в руки государства. В то же время Министерство труда взяло на себя большую часть функций ЦКТ: теперь министерство, а не профсоюзы устанавливало нормы и условия труда, а ЦКТ превратилось в не что иное, как наблюдательный орган.

VI

Облик Гаваны менялся на глазах. Дни, когда высшие и средние слои кубинского общества могли чувствовать себя в привилегированном положении, подходили к концу, и все большее число их представителей покидало родину на паромах и самолетах, увозивших их в Майами. К весне 1960 г. число эмигрантов достигло уже шестидесяти тысяч. Город, до той поры еще остававшийся большой развлекательной зоной для американцев, у которых были там свои элитарные яхт-клубы, частные пляжи, казино и публичные дома, стремительно терял эти атрибуты. В крупных отелях пока еще можно было поиграть в рулетку, но с улиц почти исчезли проститутки.

Вместо американцев сюда стали приезжать гости совсем иного рода. Гавану начали посещать торговые и культурные делегации из социалистического лагеря, а также все большее число лидеров стран третьего мира. Гостиницы заселили делегаты Международного конгресса коммунистической молодежи. Европейские и латиноамериканские интеллектуалы левых взглядов хлынули в Гавану на различные культурные конгрессы, устраиваемые революционным правительством. Среди посетителей были Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, прибывшие по приглашению Карлоса Франки.

Встреча с Че произвела на Сартра неизгладимое впечатление. После смерти Гевары французский писатель оценит его личность невероятно высоко: для него Че был «не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи».

23 марта Че выступил по телевизору с речью, озаглавленной «Политический суверенитет и экономическая независимость». В ней он заявил, что в результате революционного захвата власти Куба добилась политической независимости, но не завоевала еще независимости экономической. Именно это стало теперь «стратегической целью» революции.

Новый режим уже отобрал часть привилегий у иностранных,

главным образом американских, монополий, стеснявших свободу кубинской экономики. Были снижены тарифы на электричество и телефонную связь, крупные землевладения перешли в руки народа, но нефть и остальное сырье, имевшееся на острове, по-прежнему находились в руках американцев. Че заявил: «Наша дорога к освобождению будет открыта после того, как мы победим монополии, и скажу конкретнее, американские монополии».

Революции необходимо «уничтожить корни зла, угнетающего Кубу», чтобы «устранить несправедливость». Те, кто противится революционным мерам, кто отстаивает свои привилегии, — контрреволюционеры.

Че уже не раз говорил о том, что Куба ныне — не просто Куба, но сама революция, а революция — это народ. Отсюда остается только шаг до того, чтобы отождествить и народ, и Кубу, и революцию с Фиделем. И сейчас каждому нужно решать, садиться на корабль нового государственного строя или бежать прочь. Так же как члены экипажа «Гранмы» были готовы отдать жизнь ради победы над Батистой, все кубинцы должны теперь пожертвовать собой ради достижения общей цели — полной независимости. Враг может попытаться отомстить, говорил Че. И, когда на Кубу придут контрреволюционные войска — собранные, быть может, на деньги тех самых «монополий», чьи интересы были задеты революцией, — страна должна быть готова отразить их нападение силами не кучки людей, но миллионов ее жителей. Вся Куба должна превратиться в «Сьерра-Маэстру», и, как сказал Че, цитируя Фиделя, все вместе «мы будем спасены или пойдем ко дну».

Университетские студенты с их «индивидуализмом» и психологией «среднего класса», похоже, особенно беспокоили Че; возможно, именно в студентах он видел отражение собственного прежнего «я», полностью погруженного в себя, и это его терзало. И если Гевара отверг себя, свое «призвание» во имя революции, то почему же не могут этого сделать они? В начале марта Че выступил в Гаванском университете с лекцией, в которой напомнил студентам о том, что их обязанностью является внести свой вклад в экономическое развитие Кубы, и другого выбора не дано. Индивидуалистическое понятие «призвания» не является достаточным основанием для карьеры — его должно заменить чувство революционного долга: «Преступно мыслить в категориях индивидуализма, потому что нужды индивидов ничего не стоят в сравнении с нуждами всего человеческого сообщества».

В практическом плане это означало расширение одних факультетов и сокращение других. Например, гуманитарные

науки были той сферой, которую следовало сократить «до минимума, необходимого для культурного развития страны».

В апреле вышел в свет дневник Че военного времени, получивший название «Партизанская война». Он посвятил эту книгу памяти Камило Сьенфуэгоса, фотография которого украсила ее обложку. Отрывки из книги были перепечатаны во многих кубинских изданиях, и очень скоро не только кубинцы, но и американские и латиноамериканские специалисты по идеологической борьбе стали изучать этот справочник с острым интересом.

В прологе, озаглавленном «Сущность партизанской борьбы», Че определил те основные уроки, какие, по его мнению, должно вынести любое революционное движение, желающее повторить успех кубинских повстанцев.

1) Народные силы могут победить в войне против правительственной армии.

2) Необязательно ждать, пока созреют необходимые условия для революции: их вполне может создать группа повстанцев.

3) В слаборазвитых латиноамериканских странах вооруженную борьбу следует вести в основном в сельской местности.

Тем временем активизировалась кубинская оппозиция. Мануэль Рей, после своей отставки из правительства преподававший в Гаванском университете, начал формировать подпольное движение, а воинствующие «Молодые католики», и так открыто выступавшие против изменений, после визита Микояна стали вести себя еще настойчивее. В сельской местности, где атмосфера была наэлектризована до предела, то и дело происходили столкновения. На свет появлялись небольшие контрреволюционные группы, подчас состоявшие из членов бывшей повстанческой армии. В Орьенте один из старых товарищей Че, Мануэль Беатон, поднял оружие против государства, после того как убил другого бывшего подчиненного Гевары — видимо, по личным причинам — и бежал в Сьерра-Маэстру, возглавив отряд из двадцати человек. В Сьерра-Кристаль, где некогда заправлял Рауль, один из его бывших бойцов, Ихинио Диас, также вернулся к военным действиям, вступив в союз с ветераном «26 июля» Хорхе Сотусом. Они сформировали ДСР («Движение по спасению революции»), избрав идеологическим лидером Мануэля Артиме, бывшего профессора военно-морской академии, жившего теперь в изгнании в Майами. Это движение вскоре привлекло к себе благосклонное внимание со стороны ЦРУ.

Осведомителям Фиделя из числа разросшейся эмигрантской

общины кубинцев в Майами не потребовалось много времени, чтобы узнать о наборе людей в добровольческую армию, организованную ЦРУ. В конце апреля Фидель обвинил Соединенные Штаты в попытке создать антикубинский «международный фронт» и прямо предупредил Вашингтон, что Куба «не станет второй Гватемалой». Гватемальский президент Идигорас Фуэнтес в ответ выступил с обвинением Че в попытке организации партизанского вторжения в его страну. 25 апреля Гватемала и Куба разорвали дипломатические отношения.

В числе кубинцев, которые в то лето откликнулись на призыв ЦРУ вступить в добровольческую армию, был Феликс Родригес. Ему исполнилось девятнадцать лет, и он только что окончил учебу в военной академии в Пенсильвании. В сентябре Родригес оказался среди нескольких сот кубинцев, доставленных в Гватемалу и начавших курс подготовки к партизанским действиям. Набранное войско получило название «Бригада-2506».

1 мая Фидель выступил на площади Революции, заполненной вооруженными кубинцами, которые прошли маршем мимо его трибуны. Он заговорил о нависшей угрозе интервенции и выразил уверенность в том, что кубинцы, подобно древним спартанцам, будут стоять на смерть, сражаться и погибать без страха. Он также воспользовался поводом, чтобы сделать два важных заявления: если он погибнет, то место премьер-министра займет Рауль и, что еще важнее, не будет никаких выборов, так как Кубой уже управляет «народ» и ему не требуются никакие голосования. Толпа ликовала, повторяя за ним «Революции — да, выборам — нет!» и еще один новый лозунг «Кубе — да, янки — нет!».

К этому дню, по оценке американских экспертов, воинский контингент Кубы удвоился в сравнении с январем 1959 г. и достиг отметки в пятьдесят тысяч человек, а еще пятьдесят тысяч составили народное ополчение. Если бы дело и дальше пошло такими темпами, на Кубе очень скоро появилась бы самая многочисленная армия во всей Латинской Америке.

Военный парад, устроенный Фиделем Первого мая, и его решение возобновить дипломатические отношения с Советским Союзом, принятое неделей ранее, спровоцировали гневные выступления в уцелевших на Кубе независимых СМИ. В передовице «Диарио де ла Марина», отражавшей взгляды правых сил, Кастро был сравнен с Антихристом; не прошло и недели, как редакция газеты была захвачена «рабочими», а ее печатные станки навсегда остановились. Главный редактор бежал из страны. К концу месяца две последние независимые ежедневные газеты, «Пренса либре» и «Крисоль», также перестали выходить в свет, и вскоре их судьбу разделили англоязычная «Гавана пост» и

«Калье».

Активность оппозиции продолжала нарастать, вызывая усиление реакции со стороны государства. Были арестованы и расстреляны многие члены повстанческой группировки в Эскамбрае, состоявшей в основном из студентов Лас-Вильясского университета. Архиепископ Сантьягский Энрике Перес Серантес, бывший сторонник Фиделя, обратился с пасторским посланием, в котором осудил связи, установившиеся между Фиделем и коммунистами, и, по сути, благословил выступления против правительства: «Лучше кровопролитие, чем потеря свободы». По-прежнему желая избежать резкой конфронтации с церковью, Фидель промолчал. ЦРУ сумело добиться создания единого антикастровского фронта среди эмигрантов в Майами, в результате чего появился «Демократический революционный фронт».

Но пока оппозиционеры только сколачивали свои группировки, планируя выступить против Фиделя, возглавляемая им революция продолжала безостановочное шествие вперед. В июне Кастро приказал отобрать в пользу государства три гаванских отеля класса «люкс» под тем же предлогом, какой ранее использовал Че, беря под контроль частные фабрики: хозяева этих отелей намеренно недостаточно финансировали их, чтобы сделать неприбыльными, и потому государство обязано было вмешаться.

Затем Фидель предупредил Соединенные Штаты, что те рискуют потерять всю собственность на Кубе: он намеревался отнять по сахарному заводу за каждый фунт сахара, «отрезанный» от кубинской квоты, в случае если США пойдут на исполнение своей давней угрозы. 29 июня, в день, когда на Кубу прибыли советские танкеры с нефтью, Кастро приказал захватить все кубинские объекты, принадлежащие компании «Тексако»; прошел день, и то же самое было проделано в отношении «Эссо» и «Шелл».

3 июля Конгресс США наделил президента Эйзенхауэра полномочиями сократить кубинские сахарные квоты. Фидель ответил на это внесением в законодательство поправки, позволившей национализировать любые американские владения на Кубе. 6 июля Эйзенхауэр отменил закупки кубинского сахара до конца года. Назвав это актом «экономической агрессии», Фидель намекнул на соглашение с СССР по поводу закупок вооружения, заявив, что скоро сможет вооружить свое ополчение; не менее зловещим выглядело также его распоряжение о том, чтобы шестьсот американских компаний предоставили сведения обо всем своем имуществе на Кубе.

Тем временем в игру открыто включился Хрущев. 9 июля он предупредил США — подчеркнув, что выражается «фигурально», — о том, что «в случае необходимости советская артиллерия сможет помочь кубинскому народу ракетным огнем», и подчеркнул, что Соединенные Штаты находятся теперь в пределах досягаемости для нового поколения советских межконтинентальных баллистических ракет. Также Хрущев объявил, что Советский Союз закупит семьсот тысяч тонн сахара, от которых отказалась Америка.

Че был в восторге: Куба нашла защиту у «величайшей военной державы на земле; теперь на пути империализма стоит ядерное оружие». Хотя Никита Хрущев и утверждал, что выражается «фигурально», очень скоро мир увидел, что его угроза была вполне реальной.

VII

Хотя Че стремился избавиться от всего индивидуального, личная жизнь у него все-таки была. В июле 1960 г. Алейда находилась на пятом месяце беременности, и в их семейной жизни воцарился относительный покой. Этому способствовало назначение Че в Национальный банк, так что теперь они с Ильдой, работавшей в «Пренса латина», не были обречены видеть друг друга каждый день.

Че с Алейдой вновь переехали — в симпатичный двухэтажный домик в неоколониальном стиле и с палисадником, неподалеку от района Мирамар, на пересечении Восьмой улицы и Седьмой авеню. В полутора кварталах от них, в прекрасном особняке на Пятой авеню, расположилась штаб-квартира органов Кубинской государственной безопасности.

К вящей радости Че, в преддверии праздника 26 июля на Кубе объявился его старый друг и соратник по путешествиям, Альберто Гранадо. Прошло уже восемь лет с тех пор, как «Взрыватель» распрощался с «Миалем» в Каракасе, пообещав вернуться по завершении экзаменационной сессии. Однако Эрнесто тогда так и не вернулся, а Альберто продолжил работу в венесуэльском лепрозории и женился на местной девушке, Делии. Рождение их первого ребенка совпало с появлением известий о высадке «Гранмы» и ложными сведениями о гибели Эрнесто Гевары. С тех пор Гранадо пристально следил по газетным статьям за подвигами своего старого товарища.

Гранадо много времени проводил с Че и, в частности, сопровождал его на встрече с капитаном одного из первых

советских нефтяных танкеров. В присутствии Гранадо Че сказал капитану, что очень рад «иметь друзей, протягивающих руку помощи, когда это необходимо». Если слова Че были косвенно обращены и к Гранадо, то они возымели должный эффект: через несколько месяцев Альберто оставил свою исследовательскую работу в Венесуэле, забрал семью и переехал на Кубу.

По приглашению Че на празднование 26 июля прибыл и еще один его старинный приятель — доктор Давид Митрани, с которым он вместе работал в Мексике.

Митрани, родившийся в семье евреев-эмигрантов из Европы, был убежденным сионистом. За месяц до того, как Че взошел на борт «Гранмы», он отправился в Израиль, чтобы работать в кибуце. Хотя они и спорили из-за политики — Гевара называл сионизм «реакционным» движением, — они тем не менее оставались друзьями, поскольку оба считали себя преданными делу социализма. Митрани, вернувшийся в Мексику из Израиля накануне победы повстанцев на Кубе, отправил Геваре телеграмму с поздравлениями.

В Мехико Митрани открыл частный врачебный кабинет, который начинал пользоваться популярностью. Он следил за новостями с Кубы и был шокирован известиями о том, какую роль сыграл его друг в революционных трибуналах, однако получив от Че приглашение посетить Кубу в 1960 г., принял его. Перед отъездом у него состоялась встреча с мексиканским президентом Адольфо Лопес Матеосом, который попросил Митрани привезти ему экземпляр «Партизанской войны» с автографом Гевары. Другой заказ поступил к Митрани от израильского посла в Мексике, попросившего, чтобы он поинтересовался у Че перспективами налаживания отношений между Израилем и Кубой.

В Гаване Митрани поселили в изысканном отеле «Насьональ», и Че пригласил его к себе на обед в здании Национального банка. Гевара насмешливо сказал старому товарищу: «Я знаю, ты теперь буржуа, так что я заготовил для тебя особый стол, с вином и всем прочим».

Митрани показалось, что Гевара стал значительно более резким, чем в годы их юношеской дружбы. Его по-прежнему отличало чувство юмора, только теперь оно было куда более язвительным. Лишь во время третьей или четвертой встречи Митрани почувствовал, что может открыто поговорить с Че.

Он сказал Геваре о том, что Израиль хотел бы наладить отношения с Кубой, и Че одобрил эту идею. (День, когда Куба примет позицию СССР в поддержку Палестины, был еще далеко.) Затем Митрани затронул наиболее неприятную для себя тему:

участие Че в карательных действиях. Он сказал, что никогда этого не поймет, ведь сам Гевара не кубинец и не пострадал от рук батистовцев. Откуда же эта ненависть и жажда возмездия? «Знаешь, — ответил Че, — в таких делах ты должен убить первым, чтобы не быть убитым».

Перед отъездом Митрани Че вручил ему одну из новеньких кубинских банкнот со своим автографом и три подписанных экземпляра «Партизанской войны»: для самого Митрани, для старого наставника Че в Мехико Саласара Маллена и для президента Лопеса Матеоса. Посвящение на книге, предназначавшейся Митрани, гласило: «Давиду с пожеланием снова встать на правильную дорогу».

VIII

26 июля, выступая в Орьенте, Фидель озвучил давнюю идею Че. Обращаясь к своим латиноамериканским соседям, он заявил, что, если они не улучшат условия жизни своих народов, «пример Кубы обратит все Анды в одну большую Сьерра-Маэстру». И пусть Фидель предупредил, что его высказывание не стоит воспринимать буквально, — символическим оно точно не было.

Принятие Фиделем плана «общеконтинентальной партизанской войны» в сочетании со скрытой угрозой Хрущева в адрес Вашингтона несказанно обрадовали Че. Через два дня, выступая перед делегатами I Латиноамериканского молодежного конгресса, он был эмоционален как никогда:

«Народ Кубы, который вы видите ныне, говорит вам, что, даже если против него будет объявлена ядерная война и он исчезнет с лица земли… он будет поистине счастлив, если каждый из вас, вернувшись к себе домой, сможет сказать:

"Вот и мы. Слова наши дышат влагой кубинских джунглей. Мы карабкались по Сьерра-Маэстра и видели рассвет, и сердца наши, и руки полны семян рассвета, и мы готовы посеять их в этой земле и защищать, пока они не взойдут".

И из всех братских стран Америки, и из нашей земли, если она останется живым примером всем, голос народов будет вторить вам вечно: "Да будет так: пусть же каждый уголок Америки обретает свободу!"»

Че говорил как человек, не имеющий ни малейших сомнений в правоте своего дела. Его слова звучали как литургия, как обращение в свою веру. Эрнесто Че Гевара, тридцати двух лет, стал верховным жрецом всемирной революции.

А среди слушателей легендарного Че было немало жадно

внимавших его словам молодых людей левых взглядов со всех концов Западного полушария: от Чили до Пуэрто-Рико. Был там и Хакобо Арбенс, которому Че воздал должное, поблагодарив за «отважный пример», показанный им в Гватемале.

Выступая в конце августа перед студентами-медиками и работниками здравоохранения на тему «революционной медицины», Че дал им понять, что скоро Кубе предстоит вести «всенародную» партизанскую войну. Новое поколение кубинских врачей должно войти в состав революционного ополчения — «величайшего выражения народной солидарности» — и воплотить в жизнь «социальную медицину», чтобы защищать здоровье кубинцев, освобожденных революцией.

Че рассказал собравшимся о том, что когда он сам начинал изучать медицину, то хотел стать «знаменитым исследователем». Он «мечтал неустанно трудиться на благо человечества, но смотрел на это через призму личного успеха». И только после окончания университета и путешествий по Латинской Америке в нем, истерзанном «нищетой, голодом, болезнями», начала расти политическая сознательность. В Гватемале он начал думать над тем, как ему стать «революционным врачом», но гватемальский социалистический эксперимент потерпел крах. «Я осознал тогда один фундаментальный факт: чтобы быть революционным врачом или революционером вообще, для начала нужно, чтобы была сама революция. Отдельные усилия одного человека, вне зависимости от чистоты его идеалов, ничего не стоят. Чтобы быть полезным, нужно совершить революцию — такую, какую мы совершили на Кубе, где весь народ мобилизуется и учится пользоваться оружием и сражаться вместе. Кубинцы узнали цену оружию и народному единству».

Сущность революции состоит в устранении индивидуализма. «Индивидуализму… на Кубе места нет. Индивидуализм будущего должен выразиться во всецелом подчинении индивида абсолюту — общественной пользе».

В своей речи Че коснулся понятия «нового человека», над которым давно размышлял: «Как совместить индивидуальные усилия с нуждами общества? И вновь мы должны вспомнить, какова была жизнь каждого из нас, что каждый из нас делал и думал — будучи врачом или любым другим работником сферы здравоохранения — до революции. Мы должны сделать это со всей возможной критичностью. И мы заключим тогда, что почти всё, что мы думали и чувствовали в ту, прошедшую эпоху, следует "сдать в архив" и что необходимо создать человека нового типа. И если каждый из нас сам будет архитектором этого нового человеческого типа, то создание этого нового человека —

который станет представителем новой Кубы — окажется куда более легким делом».

Через несколько дней после этого выступления Че встретился с Рене Дюмоном, французским экономистом-марксистом, который стремился помочь Кубе в тяжелый период перехода к социализму. После продолжительных поездок по стране Дюмон заключил, что одна из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются недавно образованные сельхозкооперативы, состоит в том, что их работники не чувствуют себя собственниками. Он призвал Че подумать о том, чтобы оплачивать труд тех, кто работает дополнительно в несезонное время для поддержания жизнедеятельности кооперативов, так чтобы люди могли чувствовать себя их совладельцами.

Но Гевара, по словам Дюмона, «с гневом отверг» эту идею. Че доказывал, что не чувство собственника нужно прививать кубинцам, но чувство ответственности, и он обстоятельно объяснил французу, что имеет в виду.

Как пишет Дюмон, это было «представление о некоем идеальном социалисте, который не будет восприимчив к меркантильной стороне вещей, будет работать на общество, а не ради личной выгоды». «Че весьма критически относился к успехам Советского Союза в области индустриализации, где, как он выразился, каждый стремится перевыполнить план, но только для того, чтобы заработать больше денег. Гевара считал, что советский человек в действительности не является человеком нового типа, — он не находил в нем существенных отличий от янки. Он не хотел участвовать в сознательном создании на Кубе "второго американского общества"».

Как понял Дюмон, Че склонялся к идее «перешагивания через ступени» в социалистической трансформации Кубы и в прямом переходе от капитализма к коммунизму (примерно это пытался сделать в Китае Мао, когда в 1956 г. начал свой знаменитый «Большой скачок» с принудительной коллективизацией). «Короче говоря, Че шел впереди времени — мыслями он уже жил при коммунизме».

Тем временем в НСП также нарастало разочарование действиями Фиделя. При всех завоеваниях компартии начиная с января 1959 г. было ясно, что она все более становится подчиненной его единоличной воле. Теперь господство Кастро над партией было подтверждено Хрущевым, который в мае отправил ему еще одно личное послание, где говорилось, что Кремль «не рассматривает ни одну из партий как посредника» между собой и Фиделем. Таким образом, на Кубе установился вполне традиционный для Латинской Америки культ сильной

личности, пусть даже и с коммунистической окраской.

Владелец и редактор «Боэмии», Мигель Анхель Кеведо, пережил настоящее крушение идеалов, особенно болезненное, если вспомнить, что всего годом ранее он сравнил Че не с кем иным, как с Христом; теперь же Кеведо закрыл свою газету и бежал из страны. Перед этим он обвинил Фиделя в придании Кубе позорного статуса «русского вассала».

По мере того как президентская кампания в США вступала в финальную стадию, нарастали трения между Вашингтоном и Гаваной: Куба стала центральным пунктом в предвыборной программе каждого из двух кандидатов — вице-президента Никсона и сенатора от демократов Джона Ф. Кеннеди, — оба наперебой обещали принять против нее самые жесткие меры. Кеннеди высмеивал Эйзенхауэра с его политикой «ничегонеделания», приведшей к нынешнему кризису. Сам он обещал сделать все, чтобы восстановить «демократию» на Кубе.

Фидель совершил шумный вояж в Нью-Йорк для участия в открытии Генеральной ассамблеи ООН. На сей раз он постарался доставить Вашингтону как можно больше неприятностей. Кубинский лидер поселился в Гарлеме, в отеле «Тереза», представив это как акт изъявления солидарности с угнетаемым черным населением Америки. Он пригласил к себе в гости Хрущева и встретился с «антиимпериалистами» — Кваме Нкрумой, Насером и Неру. Руководители Польши и Болгарии, представлявшие социалистический блок, также нанесли Кастро визит. На заседании Генеральной ассамблеи Фидель с Хрущевым вторили друг другу, воспевая кубинскую революцию и клеймя США за их агрессивное поведение. В то же время они призвали к всемирному ядерному разоружению и реформированию ООН с целью сделать ее более независимой от различных блоков.

Фидель вернулся в Гавану — на борту позаимствованного у Советов самолета «Ил», так как его собственный самолет был задержан властями США. 28 сентября были созданы Комитеты по защите революции. Предполагалось, что это станет общенациональной сетью гражданских организаций и жители каждого квартала во всех крупных и малых городах Кубы сформируют свои комитеты для слежения за тем, как проводятся в жизнь революционные декреты, и для поддержки снизу деятельности государственных органов безопасности.

Посольство США в Гаване обратилось к американским гражданам с настоятельным призывом покинуть остров. Набор и обучение бойцов народного ополчения, которых по подсчетам Фиделя было уже более двух тысяч человек, стало одним из приоритетов внутренней политики Кубы.

В начале октября группа вооруженных кубинцев и один американец были арестованы в Орьенте после перестрелки с правительственными войсками, а несколько дней спустя кубинские солдаты захватили склад оружия и боеприпасов — все это было сброшено самолетом ЦРУ в горах Эскамбрай. Там находилось к тому времени не менее тысячи повстанцев, которым ЦРУ доставляло оружие и провиант; на местности им помогали также торговец Уильям Морган, американец по происхождению, и один из его старых товарищей, бывший полевой командир «Второго фронта» Хесус Каррерас. Фидель приказал армии и ополчению провести массовую эвакуацию местного населения, чтобы изолировать повстанцев от источников еды и информации. Довольно скоро большая часть повстанцев была либо уничтожена, либо захвачена в плен и расстреляна, среди них — Морган и Каррерас. Впрочем, Эскамбрай еще несколько лет оставался центром контрреволюционной деятельности.

В том же месяце на Кубу по приглашению Фиделя вновь приехали Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар. Однако на этот раз Куба уже не очаровала их так, как прежде. «Медовый месяц революции» был позади.

IX

11 октября Че вызвал к себе богатейшего человека на Кубе — сахарного магната Хулио Лобо. Человек культурный, известный богатой частной коллекцией предметов искусства и вещей, связанных с Наполеоном, Лобо являл собой загадку, поскольку наотрез отказался покидать Кубу и не участвовал в каких-либо антикастровских действиях. Но теперь Фидель намеревался взять в свои руки все сахарные заводы, и Че хотел убедить Лобо остаться, чтобы направить свой опыт на благо родины. Решено было предложить Лобо месячный оклад в две тысячи долларов и право оставить за собой любой из своих роскошных домов.

Само по себе предложение подобной зарплаты человеку, чье благосостояние оценивалось в сотни миллионов долларов, может показаться абсурдным, но, возможно, в нем ярче всего проявилась преданность Че своему идеалу и его вера в то, что другие, даже Хулио Лобо, могут его разделить. В условиях утечки из страны опытных специалистов и администраторов он старался удержать на Кубе полезных людей обещанием сохранить им зарплаты, как при капитализме. Для «новой Кубы» зарплата, предложенная Лобо, и впрямь была высока: у Че, жившего только на зарплату команданте, жалованье составляло 250 долларов.

Но Лобо уже принял решение. Он вернулся домой и через два дня улетел в Майами, а оттуда — в Испанию, где и провел остаток жизни. На следующий день правительство национализировало все кубинские банки и крупные торговые, промышленные и транспортные предприятия. Были захвачены все принадлежавшие Лобо сахарные заводы, дома и их содержимое, а его коллекция составила в конечном счете экспозицию государственного музея.

19 октября Вашингтон наложил эмбарго на торговлю с Кубой, запретив все виды экспорта на остров, включая поставки еды и медикаментов. 25 октября Фидель национализировал 166 компаний, принадлежавших американцам, тем самым вынеся смертный приговор американскому бизнесу на Кубе.

28 октября правительство США обратилось с протестом в Организацию американских государств, обвинив Кубу в том, что она получила «существенные» поставки вооружения от стран советского блока. На следующий день Филип Бонсел был отозван в Вашингтон для «расширенных консультаций» и так никогда больше и не вернулся на Кубу.

X

7 ноября Че довелось встать на почетное место подле Никиты Хрущева на Красной площади в Москве и наблюдать за военным парадом в честь сорок третьей годовщины Октябрьской революции.

По словам Николая Леонова, это был первый случай, когда человек, не являвшийся главой государства или «по крайней мере лидером партии», был приглашен в святая святых страны Советов — на трибуну над красным мраморным мавзолеем, где покоится забальзамированное тело Ленина.

Че совершал свою первую поездку по странам коммунистического блока: в течение двухмесячного путешествия он посетил Прагу, Москву, Ленинград, Сталинград, Иркутск, Пекин, Шанхай, Пхеньян и Берлин. Тем временем американская президентская гонка, протекавшая в крайне жесткой борьбе, завершилась: хотя и с минимальным перевесом Джон Ф. Кеннеди все-таки победил своего оппонента Никсона.

Главной целью поездки Че было договориться о продаже той части кубинского сахара нового урожая, которая еще не была сбыта Москве.

Че выехал из Гаваны 22 октября, через три дня после объявления американского экономического эмбарго. Его

сопровождали: Леонардо Тамайо, восемнадцатилетний телохранитель, находившийся при Геваре со времен Сьерра-Маэстры; Эктор Родригес Льомпарт, участвовавший в переговорах с Микояном; и несколько кубинских, чилийских и эквадорских экономистов, работавших в штате НИАР.

Во время первой остановки — в Праге — Че посетил тракторный завод, дал несколько интервью и получил кредит в двадцать миллионов долларов для строительства автосборочного завода на Кубе. В Москве он не только общался с чиновниками и посещал фабрики, но и осматривал достопримечательности. Гевара побывал в мавзолее, где возложил венок Ленину, в Кремле и вместе с Микояном сходил в Большой театр. Леонов сопровождал его повсюду.

«Гевара был очень организован, — вспоминает Леонов. — В этом смысле он не был типичным латиноамериканцем и скорее напоминал немца. Пунктуальный, точный — всем нам, кто знал Латинскую Америку, это казалось удивительным. Однако другие члены делегации были отнюдь не столь дисциплинированы. В один из дней на десять утра были назначены переговоры. Когда Че спустился к машине, то оказался в одиночестве: остальные члены делегации еще только протирали глаза. Я спросил его: "Подождем их, Че? Не беспокойся, я передам министру, чтобы он отложил встречу на пятнадцать-двадцать минут". Но Гевара ответил: "Нет, поедем без них", — и отправился на переговоры только со мной. Когда мы прибыли, советские представители были поражены: вся их делегация сидела в полном составе, а с другой стороны присутствовал только Че».

Встреча началась, и минут через двадцать стали подтягиваться другие члены кубинской делегации, тяжело дыша и без галстуков. «Че ничего не сказал, ни единого слова, и на лице его тоже ничего не отразилось. Но вечером он попросил меня: "Слушай, организуй нам завтра посещение Музея Ленина, и пусть наш экскурсовод уделит особое внимание тому, какой дисциплины требовал в свое время Ленин от членов Политбюро, пусть он подробно об этом расскажет"».

Леонов все организовал именно так, как и просил Че, и на следующий день вся их группа в полном составе отправилась в музей. «Наш экскурсовод, молодая женщина, начала рассказывать о дисциплине в ленинском правительстве. Она сообщила, что тех, кто опаздывал на заседание Совета народных комиссаров, на первый раз просто предупреждали. В случае повторного опоздания накладывался серьезный штраф, а о проступке сообщалось в партийной газете. На третий же раз виновного без объяснений выгоняли с работы». Товарищи Че тотчас поняли

намек и более дисциплины не нарушали.

Порой Че вел себя слишком откровенно, почти оскорбительно. Это проявилось, например, когда Леонов решил устроить для него небольшое угощение перед отлетом из Москвы. Собственное жилище Леонова было слишком мало для этого, и он договорился с семьей Алексеева, жившей в Москве, что они устроят обед в своей более просторной и удобной квартире. Алексеевы расстарались, приготовили осетра и другие русские рыбные деликатесы, подобающие для приема столь почетного гостя.

Однако, не успев появиться у них, Че воскликнул: «Ой, сегодня я останусь голодным!» — и только потом сообщил ошеломленным хозяевам, что не ест рыбы из-за аллергии. Им пришлось наскоро готовить ему яичницу. Позже, сидя за роскошно накрытым столом, Гевара стал постукивать по тарелкам, выразительно поглядывая на своих сотрапезников: Алексеевы, которые одно время жили в Париже, выставили на стол свою лучшую посуду. Подняв бровь, Че заметил: «Стало быть, пролетариат здесь ест с французского фарфора?»

Гевара никогда не говорил этого публично, но знавшие его люди утверждают, что он вернулся из СССР разочарованный тем, что увидел в кремлевской администрации склонность к роскоши, столь контрастирующую с более чем скромными условиями жизни рядовых советских граждан. За сорок с лишним лет в СССР так и не появился новый человек социалистического типа, по крайней мере в среде партийной верхушки, — от «родины» мирового социализма Че вправе был ждать большего.

Леонов присутствовал при беседе Гевары с Хрущевым. Среди прочего Че хотел, чтобы на Кубе появился собственный мощный сталелитейный завод — непременное условие индустриализации. Он просил, чтобы СССР не только выделил необходимые средства, но и сам же его построил.

«Хрущев сдержанно выслушал его, — вспоминает Леонов, — и сказал: "Что ж, мы подумаем". И, пока в течение нескольких дней в министерстве рассматривали это предложение, Че становился все более нетерпеливым. Каждый раз, только завидев Хрущева, он спрашивал: "Ну, Никита, что там насчет завода?" Наконец тот ему ответил: "Послушай, Че, если ты хочешь, мы можем построить завод, но ведь на Кубе нет ни угля, ни железа, ни достаточного количества умелых рук; к тому же миллион тонн — вам столько некуда будет сбывать… Не лучше ли будет построить небольшой завод для переработки металлического лома и не тратить таких больших средств?"

Однако Че был непреклонен. Он сказал: "Если мы построим

такой завод, как хотим, то мы подготовим нужные кадры. Железную руду мы получим в Мексике… а уголь… мы могли бы привозить отсюда на кораблях, которые увозят с Кубы сахар "».

Затем, оставшись с Геварой наедине, Леонов заметил, что, возможно, Хрущев прав и кубинцам стоит двигаться постепеннее, что, может быть, строительство такого большого завода — дело преждевременное. Но Че возразил: «Послушай, Николай, тут есть и другие факторы: социальный и политический. Революция должна быть чем-то большим и солидным. Мы обязаны уйти от экономики, построенной только на сахаре, должны заниматься индустриализацией; вы же здесь, в Советском Союзе, тоже начинали индустриализацию, не имея необходимой базы».

«В конечном счете ничего не вышло, да и, как мне кажется, вся эта затея Че была несколько искусственной, связанной больше с социально-политическими вопросами, нежели с экономикой», говорит Леонов. Проконсультировавшись с Гаваной, Че, по его словам, охладел к этому проекту.

Поездка Че в Китай оказалась исключительно удачной. Он договорился о продаже миллиона тонн кубинского сахара урожая 1961 г., а также получил кредит в шестьдесят миллионов долларов на покупку китайских товаров. Он встретился с Мао Цзэдуном и был с почетом принят его заместителем Чжоу Эньлаем. Чжоу вознес хвалу кубинской революции, а Че в ответ сказал, что китайская революция явила собой пример для обеих Америк. Без сомнения, это не могло не уязвить Советы, и их недовольство, вероятно, только усугубилось, когда Гевара, возвращаясь на Кубу, отметил, что между ним и Пекином «в принципе нет никаких расхождений».

Высказывания Че стали известны и в Вашингтоне. В секретном докладе разведки США, посвященном поездке Гевары, особое внимание было уделено его пребыванию в Китае. «Любопытной особенностью визита Гевары в Пекин стало то, что он, очевидно, сошелся с китайцами по ряду ключевых вопросов в китайско-советском споре.

Выступая на торжественном приеме 20 ноября, Гевара восхвалил движение коммун в Китае (подвергшееся критике со стороны Советов), а два дня спустя заявил, что китайская коммунистическая революция явила "пример, открывший новую дорогу для обеих Америк". Будучи в Москве, Гевара не говорил ничего подобного про СССР».

Им с Фиделем приходилось ломать головы над тем, как не выступить открыто на чьей-либо стороне в разгорающемся конфликте между двумя коммунистическими гигантами. Они отлично осознавали, что у них появилась возможность извлечь

для себя выгоду из противоречий между Пекином и Москвой. Действительно, по возвращении в Москву 19 декабря Че выяснил, что советские власти готовы купить 2,7 миллиона тонн кубинского сахара будущего урожая по цене выше общемировой.

В Берлине Че познакомился с двадцатидвухлетней женщиной по имени Хайди Тамара Бунке, работавшей переводчицей на его встречах с немецкими чиновниками. Ее родители, евреи-коммунисты, бежали в 1931 г. из гитлеровской Германии в Аргентину, где через два года у них и родилась дочь. Все детство Тамара провела в Латинской Америке, а затем, когда ей исполнилось четырнадцать лет, вернулась с родителями в ГДР. Родители воспитали дочь коммунисткой и в восемнадцать лет она вступила в молодежное крыло компартии. Обладая знанием испанского, Тамара вскоре стала переводчиком в государственных органах, но, как она указала в официальном заявлении, поданном на рассмотрение партии в 1958 г., истинной ее мечтой было вернуться в Латинскую Америку — лучше всего в родную для нее Аргентину, — чтобы «там помочь партии».

Через пять месяцев после знакомства с Геварой желание Тамары сбылось: в мае 1961 г. она прилетела на Кубу и включилась в работу по реализации программы Че по охвату революционными действиями стран Латинской Америки.

Возвращаясь домой, Че имел все основания быть довольным собой. Он встретился с лидерами всего социалистического мира и договорился о жизненно важных для Кубы экономических вопросах — продажах сахара и кредитах.

В первый день 1961 г. Фидель объявил о всеобщей мобилизации, а по улицам Гаваны прошли парадом недавно полученные советские танки и другое тяжелое вооружение. На следующий день Кастро потребовал от Вашингтона сократить число своих дипломатов на Кубе до одиннадцати человек — по числу членов сотрудников кубинского посольства в Вашингтоне. Для Эйзенхауэра, уже готовившегося к уходу с поста президента, это стало последней каплей. Ему не оставалось ничего другого, как подвести жирную черту под историей их бурных шестилетних отношений. На следующий день, 3 января 1961 г., Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения Соединенных Штатов с Кубой.

Глава 24
Взрывоопасные времена

I

Утром 24 февраля 1961 г. Че выехал из своего дома на Восемнадцатой улице в Мирамаре. Машина его повернула направо, к Седьмой авеню. Обычно маршрут Гевары был другим: он сворачивал налево, на Пятую авеню, а потом направо, ехал мимо штаба Агентства госбезопасности и через туннель под рекой Альмендарес, а затем по набережной Малекон в центр Гаваны, в Национальный банк.

Но сегодня Че поехал в направлении площади Революции. Фидель сделал НИАР полноценным министерством, и сегодня был первый рабочий день Че в качестве министра промышленности Кубы. Необъявленная перемена маршрута, быть может, спасла ему жизнь.

Через несколько мгновений после выезда Гевары у стен его дома раздались выстрелы. Телохранители Че вступили в перестрелку, открыв беспорядочный огонь. Алейда с ребенком на руках кинулась под лестницу на первом этаже, и там же спряталась няня трехмесячной Алейдиты — София Гато, двадцатипятилетняя девушка из Камагуэя.

Впоследствии София смогла собрать воедино детали произошедшего: четверо или пятеро вооруженных мужчин, «барбудос», прятались в засаде в кустах на углу Восемнадцатой улицы и Пятой авеню, и, когда их сосед офицер Салинас появился там на машине, они открыли огонь из автоматов. Решив, что происходит нападение на дом Че, охранники дали ответный огонь. Несколько минут спустя Салинас лежал мертвый в своей машине, а один из нападавших, раненый, корчился на земле.

Информацию о перестрелке постарались не предавать огласке, но все равно о ней узнали очень многие. Официальная версия Че и правительства сводилась к тому, что произошедшее не являлось покушением на убийство Гевары. По словам Оскарито Фернандеса Мелла, жившего там же, на Восемнадцатой улице, именно Салинас, ставший жертвой неудачно обернувшейся для него любовной истории, был целью нападавших.

И все же версия о том, что случившееся на Восемнадцатой улице было неудавшимся покушением на Че, вполне имеет под собой основание, если учесть, что именно происходило в то время

на Кубе. По всей стране бывшие «барбудос», такие же как напавшие на машину Салинаса в то утро, брали в руки оружие, чтобы сражаться против революционного режима, против коммунизма. Многие антикоммунисты считали Че главным сторонником «сдачи» Кубы Советскому Союзу, «красной блохой» в ухе Фиделя.

Каковы бы ни были истинные причины стрельбы на Восемнадцатой улице, известно, что с того момента Че стал принимать особые меры предосторожности. Посетителей Министерства промышленности теперь подвергали обыску, а сам Гевара стал возить на переднем сиденье машины ящик для сигар, полный ручных гранат; к тому же он каждый день ездил на работу разными маршрутами.

Американцы же фактически потеряли все свои разведывательные возможности на Кубе. Последние американские дипломаты покинули посольство 20 января, через несколько дней после введения запрета на посещение Кубы гражданами США. В том же месяце с Кубой разорвали отношения Перу и Парагвай и их дипломаты были отозваны; вскоре и другие настроенные против Кастро соседи Кубы последуют их примеру. Как минимум сто тысяч кубинцев уехали в эмиграцию, в основном в Майами, и правительство США создало специальную программу по обеспечению их жильем и работой. Среди бежавших с Кубы был Пардо Льяда, компаньон Че по его первой международной поездке. Он не раз делал неосторожные замечания по поводу проникновения в правительство коммунистов, и поэтому его тоже спровадили с острова. Среди тех, кому не столь повезло, был Умберто Сори-Марин, бывший министр сельского хозяйства. Он был схвачен кубинскими военными, обвинен в контрреволюционной деятельности под руководством ЦРУ и расстрелян. Продолжающиеся чистки и массовое бегство за границу служили цели Фиделя — «осушению болота», — так устранялись «пятая колонна» и сторонники контрреволюции.

На освободившееся место в страну потоком текли советские специалисты: преподаватели русского языка, экономисты и военные консультанты. Были открыты монгольское, албанское, венгерское, китайское и северовьетнамское посольства. Делегации из стран восточного блока приезжали одна за другой. 17 января Фидель объявил, что для изучения опыта создания колхозов в СССР будет отправлена тысяча молодых кубинцев. Изменения произошли столь внезапно и резко, что даже простые кубинцы были поражены разницей между американцами и пришедшими им на смену «русос».

У американцев всегда было много денег, они громко говорили и очень плохо знали испанский, а новоприбывшие выглядели и вели себя как крестьяне, неотесанные и бедно одетые. Женщины все сплошь были толстухи в длинных крестьянских платьях и платках на голове, мужчины носили дурно сидящие костюмы из плохой ткани. Они сильно потели на кубинской жаре, но не пользовались дезодорантами. По мнению чистоплотных кубинцев, русские дурно пахли. По-испански они не говорили и общались лишь между собой, их возили по городу на грузовиках, как скот. Русские с удивлением глазели на современный город, в витринах которого еще были выставлены сверкающие американские товары: телевизоры, холодильники, кондиционеры, — и на роскошные, построенные по индивидуальным проектам дома с бассейнами и садами.

Все американское теперь не поощрялось, к примеру: был запрещен Санта-Клаус. Английский перестал быть главным изучаемым иностранным языком. На «новой» Кубе следовало учить русский. Че стал заниматься им два раза в неделю под руководством Юрия Певцова, филолога и университетского преподавателя, присланного к нему в качестве переводчика и личного учителя.

Естественно, хотя поначалу кубинцы смеялись над bolos,[28] советский «стиль» стал постепенно проникать в кубинскую жизнь.

Был создан Центральный совет планирования по аналогии с советским Госпланом. Улицам, театрам и заводам стали давать новые названия в честь кубинских и зарубежных героев и мучеников революции, таких как Камило Сьенфуэгос и Патрис Лумумба. Вскоре появятся детские сады имени Героев Вьетнама и Розы Люксембург.

Влияние советского блока на экономику тоже стало более заметным. Правительство сместило основной акцент с кооперативных ферм, создание которых поощрялось в первые годы экспроприации земли, на государственные колхозы по советскому образцу, называвшиеся «народные фермы». Хотя масштабы экспроприации земли были велики, большая доля возделываемых земель на Кубе по-прежнему оставалась в руках мелких фермеров, продолжавших свою работу без помех со стороны государства. В 1963 г. был принят закон, урезавший размеры частных земельных угодий, но революционный режим так до конца и не уничтожил яростно отстаивавших свою независимость фермеров-гуахиро.

В министерстве Че вместе с новоиспеченной командой южноамериканских экономистов работали теперь специалисты из Чехословакии и СССР. Также Че организовал еженедельные

занятия по марксизму для себя и некоторых своих помощников, включая Боррего. Занятия вел политэкономист Анастасио Мансилья.

После победы революции множеству новорожденных давали имена Фидель и Эрнесто. Теперь все больше кубинцев стали называть своих детей Алексеями и Наташами. И даже собственную дочь Че в семье стали ласкательно называть на русский манер — Алюша.

По мнению специалистов американской разведки, пламенной дружбой со странами соцлагеря Куба в значительной степени была обязана усилиям Че Гевары. В секретном документе от 23 марта, анализирующем итоги пребывания Че в странах китайско-советского блока, Бюро разведки и исследований Государственного департамента привело список значительных достижений этой миссии:

«Итогами визита стали торговые и финансовые соглашения и установление культурных связей со всеми странами блока; дипломатические отношения установлены со всеми странами, помимо Восточной Германии; договоры о техническом и научном сотрудничестве заключены со всеми странами, кроме Албании».

Разведка не знала, вел ли Гевара переговоры о дополнительной военной поддержке для Кубы, но в отчете эта возможность оценивалась высоко: «Можно предположить, что эта тема обсуждалась и была достигнута договоренность о поставке нового вооружения. Есть данные, что еще в начале своей поездки Гевара просил Хрущева предоставить Кубе ракеты, но тот категорически отказал ему, пообещав взамен автоматическое оружие времен Второй мировой войны».

II

Уже некоторое время в ЦРУ подумывали об убийстве Че, Рауля и Фиделя, взвешивая все за и против. В январе 1960 г. Аллен Даллес отказался от планов убийства в пользу программы использования «армии эмигрантов». Но в конце концов возобладал его всегдашний подход — по причинам прагматическим, а не гуманным — добиться цели самым эффективным способом. Если убийство политических лидеров Кубы поможет успеху плана их вторжения, то нужно постараться его осуществить. Несколько способов уже было разработано, в том числе один весьма экстравагантный: отравить любимые сигары Фиделя. В последующие месяцы и годы будет придумано еще много проектов по устранению Фиделя и его ближайших

товарищей и будут предприняты попытки осуществить некоторые из них, в том числе даже в сотрудничестве с американской мафией.

Одновременно Аллен Даллес занимался набиравшим обороты кризисом в Конго. Эта бывшая бельгийская колония была для Запада важнейшим источником стратегических природных ископаемых, и Вашингтон не мог позволить Москве установить там сателлитное правительство, а именно этого, как опасались Даллес и его сотрудники, пытался добиться Хрущев. Премьер-министр Конго, Патрис Лумумба, вел себя странно: чтобы предотвратить поддерживаемое Бельгией отделение от его страны богатой медью провинции Катанга, он сначала призвал в Конго войска ООН, но затем попросил военной помощи у СССР.

В августе 1960 г., с одобрения Эйзенхауэра, Даллес направил в столицу Конго Леопольдвиль телеграмму шефу конголезского отделения ЦРУ, в которой давал ему полномочия устранить Лумумбу, назвав это «срочной и первостепенной целью… высочайшей важности». Президент Жозеф Касавубу и командующий армией Жозеф Мобуту сместили Лумумбу с должности, но его все равно считали опасным. В сентябре Даллес приказал, чтобы Лумумбе «отрезали любую возможность вновь получить правительственный пост».

Неделю спустя к шефу конголезского отделения ЦРУ прибыл гость из Вашингтона — Сидни Готлиб из «медицинского подразделения» ЦРУ. В дипломатической вализе он привез шприц, резиновые перчатки, маску и ампулу с не оставляющим следов биологическим ядом. Но конголезские соперники ЦРУ оказались быстрее: Лумумбу захватили войска, и, находясь под защитой сил ООН, он был передан силам М. Чомбе, лидера сепаратистского движения в Катанге. 17 января, будучи в плену, Лумумба был убит, но почти месяц факт его казни не предавали огласке.

Когда в середине февраля о смерти Лумумбы было наконец объявлено, последовала резкая реакция Хрущева, обвинившего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда в соучастии в убийстве. Министр иностранных дел Кубы Рауль Роа поддержал Хрущева, направив в ООН официальную ноту протеста. Че оплакивал смерть Лумумбы, он считал его своим собратом по духу. Кубинское правительство объявило трехдневный траур.

В марте подготовка сил ЦРУ для вторжения на Кубу шла полным ходом, равно как и подготовка политического прикрытия для этого вторжения. Наладив подпольную сеть на Кубе, Мануэль Рей вступил в поддерживаемое ЦРУ объединение кубинских эмигрантов, а бывший премьер-министр Миро Кардона был

назначен главой «Кубинского революционного совета» при объединении как будущий временный президент Кубы. Однако вся эта антикастровская деятельность стала причиной серьезных осложнений в других странах.

В ноябре предшествующего года в Гватемале завершили трехмесячный курс партизанской подготовки около шестисот кубинских бойцов-эмигрантов из «Бригады-2506», но к тому времени об их присутствии — и о поддержке их ЦРУ — растрезвонили в прессе. Последовавший скандал создал серьезные неприятности гватемальскому президенту Идигорасу Фуэнтесу. В ярости от того, что на их земле находятся иностранные силы, значительная группа гватемальских офицеров начала вооруженное восстание. 13 ноября они разоружили военный гарнизон в столице, захватили казармы в Сакапе, на востоке Гватемалы, и карибский порт Пуэрто-Барриос.

Хотя поначалу мятежники добились успеха, что делать дальше, они не знали и отказались принять в свои ряды сотни крестьян провинции Сакапа, хотевших сражаться вместе с ними и просивших дать им оружие. Американская же администрация действовала без промедления. К берегам Гватемалы были направлены военные суда, в подавлении восстания участвовали и созданные ЦРУ кубинские партизанские силы: предоставленными ЦРУ бомбардировщиками «Би-26» управляли кубинские эмигранты, — и мятежники вынуждены были уйти со своих позиций. Демонстрация силы дала хороший эффект, повстанческие войска быстро сдались.

Хотя произошедшее могло показаться в то время второстепенным событием, в будущем оно имело серьезные последствия. Два молодых гватемальских офицера, Марко Аурелио Йон Соса, двадцати двух лет, и девятнадцатилетний Луис Турсиос Лима, не вернулись в свои казармы. Они ушли в подполье, решив начать партизанскую войну против гватемальского режима. Через пятнадцать месяцев под их руководством начнутся партизанские волнения, про которые Идигорас Фуэнтес скажет, что их «направляет Куба», а через некоторое время Турсиос Лима станет пользоваться особым расположением Че.

В ноябре также произошли волнения в Венесуэле: там прокубински настроенное «Движение революционных левых» (ДРЛ) и венесуэльские коммунисты начали вооруженное восстание в Каракасе против режима Бетанкура. Левоцентристская партия бывшего президента Венесуэлы, адмирала Вольфганга Ларрасабаля, входившая в правительственную коалицию, откололась от Бетанкура и стала

союзницей ДРЛ и коммунистов, сформировав в целях свержения правительства «Совет национального освобождения». Последовали студенческие демонстрации и уличные бои с полицией, но в конце концов мятеж был подавлен. Однако Бетанкур на этом не остановился и продолжил «закручивать гайки»: к концу года конституционные гарантии будут на неопределенное время отменены, университеты закрыты, газеты «левой» направленности запрещены, а в районах нефтяных месторождений размещены войска. Венесуэла станет подходящим местом для вооруженной партизанской борьбы, и, при кубинской поддержке, борьба эта начнется там уже скоро.

Тем временем гватемальская бригада кубинских эмигрантов «сдала выпускные экзамены», что совпало с изменением планов ЦРУ по ее будущему использованию на Кубе. Изначально в Управлении полагали, что эти силы могут успешно сражаться как партизанские войска, но теперь, исходя из недавнего опыта, все больше сомневались в целесообразности такого подхода. Одновременно с подготовкой основных сил в Гватемале ЦРУ начало еще одну секретную программу: на Кубу были направлены небольшие группы повстанцев и диверсантов. Большая их часть была быстро обезврежена силами Кастро. Помимо того, ЦРУ не удалось с помощью самолетов доставлять повстанцам в горы все необходимое. Следовательно, требовался более масштабный план.

Переменив тактику, Ричард Биссел заменил работавших с гватемальской бригадой обычных инструкторов по военной подготовке на инструкторов по партизанской войне. По новому плану бригада должна была высадиться десантом на побережье Кубы. Поддерживаемые ударами с воздуха, эмигранты обеспечат себе опорную точку и объявят о создании временного правительства, которое немедленно будет признано Вашингтоном и дружественными латиноамериканскими правительствами. Затем, возможно, в страну войдут американские войска, «чтобы поддержать» новое кубинское «демократическое правительство». К этому времени Фидель, Че и Рауль уже должны быть уничтожены. На рассмотрении в ЦРУ находилось несколько планов убийства кубинских лидеров накануне высадки.

Из гватемальской бригады были отобраны семь групп по пять человек для проникновения на кубинскую территорию. Названы они были «Серыми командами». После высадки основных атакующих сил они должны были вступить в действие, ударив по определенным целям и возглавив вооруженные восстания по всей территории Кубы. Среди отобранных был и девятнадцатилетний Феликс Родригес. Вместе с другими членами «Серых команд» его

направили в тренировочный лагерь в джунглях Гватемалы, а затем его «Серая команда» продолжила подготовку в форте «Клейтон», одной из военных баз США в американской зоне Панамского канала.

В начале января у Родригеса появился план убийства Фиделя, и он изложил его американцам. Через несколько дней ему сообщили, что план получил одобрение Управления. Родригес с товарищем вылетел в Майами, где ему вручили снайперскую винтовку немецкого производства с оптическим прицелом. В ЦРУ уже выбрали место для убийства: дом в Гаване, где часто бывал Фидель. Родригеса трижды отвозили к кубинскому побережью, но встреча с агентами на берегу так и не состоялась. После третьей неудачи винтовку у Родригеса забрали, сказав ему, что операция отменена.

Тем временем остальные члены «Серых команд» были переведены в лагерь в окрестностях Майами. 14 февраля первая группа проникновения была переправлена на Кубу. А еще через неделю Родригес и его четверо товарищей с грузом оружия, взрывчатки и снаряжения были сброшены на северное побережье Кубы, между курортом Варадеро и Гаваной.

В течение следующего месяца Родригес и его собратья встречались с членами движения сопротивления в Гаване и Камагуэе. Они жили на конспиративных квартирах и вели подготовку к получению с воздуха большой партии оружия от ЦРУ. Получив и распределив оружие, они должны были во многом повторить то, что сделали Че и Камило на последнем этапе войны против Батисты: открыть фронт партизанской войны в северной провинции Лас-Вильяс и попытаться разделить остров пополам, вынудив правительство перебросить силы с южного побережья, куда должен был высадиться десант.

Конечно, вся эта деятельность вряд ли могла застать режим Кастро врасплох, потому что он быстро избавился от иллюзии, что новый американский президент примет социалистическую Кубу как fait accompli.[29] Во время избирательной кампании Кеннеди вовсю эксплуатировал тему излишней лояльности администрации Эйзенхауэра к режиму Кастро и теперь, похоже, был готов показать характер.

Сразу после победы на выборах, в ноябре, Кеннеди был проинформирован о плане нападения с участием кубинских эмигрантов и сообщил шефу ЦРУ Даллесу, что одобряет этот план. Однако, заняв президентское кресло, он изучил план ЦРУ более подробно и был теперь настроен не так решительно, выражая сомнения в его эффективности. Но ЦРУ в конце концов удалось отстоять свою точку зрения.

Гватемальская бригада уже обучена и рвется в бой, говорили Кеннеди сотрудники Даллеса, пора начинать операцию. ЦРУ выбрало место для высадки на южном побережье Кубы, недалеко от Тринидада, в провинции Лас-Вильяс, но, по мнению Кеннеди, это место было слишком «заметным». Он предпочел точку к западу оттуда, на удаленном пляже под названием Плайа-Хирон на заливе Свиней. Кеннеди заверили, что, если нападающим не удастся удержать свой плацдарм, они смогут скрыться в «расположенных поблизости» горах Эскамбрай и, встретившись там с другими повстанцами, начать партизанское движение сопротивления.

В плане было множество изъянов. «Расположенные поблизости» горы Эскамбрай на самом деле находились более чем в сотне миль оттуда, а обособленность Плайа-Хирон, делавшая это место идеальным для неожиданной высадки, также могла превратить его в смертельную ловушку — в случае, если бы силам Кастро удалось быстро туда добраться. Видимо, все это стратегам из ЦРУ в голову не приходило.

Несмотря на сомнения, Кеннеди дал добро на осуществление плана, но исключил прямое вмешательство американских войск и широкомасштабную поддержку с воздуха во время нападения. Видимо, в ЦРУ надеялись, что, как только военные действия начнутся, президент смягчится. В любом случае об этом важнейшем обстоятельстве бригаде кубинских эмигрантов не сообщили, они считали, что получат полновесную военную поддержку США.

Также в ЦРУ не имели ни малейшего представления о том, в какой мере об их «секретной» программе уже известно Кастро. По меньшей мере один из тридцати пяти членов «Серых команд», проникнувших на Кубу, был двойным агентом правительства Кастро, но, без сомнения, имелись и другие. Более того, Куба теперь располагала значительным количеством вооружения. «На Плайа-Хирон уже было советское оружие, — сообщает Алексеев. — Много советского оружия».

III

В обстановке повышенного напряжения (ибо ходили упорные слухи о возможном вторжении) Че продолжал свою работу. Он выступал с речами, писал статьи и принимал зарубежные делегации. В последнее время боевым знаменем Че в его стремлении к созданию на Кубе «нового социалистического человека» стал «добровольческий труд». Начало было положено

вскоре после смерти Камило — при строительстве школы в память покойного товарища. Но, увидев рабочие бригады добровольцев в маоистском Китае, Гевара загорелся желанием ввести эту практику на Кубе. По возвращении он стал добровольно трудиться по субботам: на фабричном конвейере, на сборе сахарного тростника, на стройплощадке. Он призывал коллег в Министерстве промышленности «подавать пример» и участвовать в сборе сахарного тростника. Вскоре все в министерстве, кто хотел сохранить благосклонность Че, стали проводить субботы не дома, а вместе с ним на добровольческих работах.

Программа Гевары, получившая в итоге название «коммунистическое соревнование», основывалась на идее, что, отдавая свой труд на благо общества, без мысли о вознаграждении, человек делает важный шаг на пути формирования истинного коммунистического «сознания». Че изо всех сил старался донести это до своих товарищей. Однажды, заметив, что у Гевары нет часов, его друг Оскарито Фернандес Мелл подарил ему свои — прекрасные часы с золотым браслетом, которые он купил по случаю окончания медицинского факультета. Через некоторое время Че подошел к Оскарито и протянул ему какую-то бумагу, и тот заметил, что часы на месте, но браслет у них теперь кожаный. Бумага оказалась чеком из Национального банка, в ней сообщалось, что Оскар Фернандес Мелл «пожертвовал» золотой браслет, сделав добровольный вклад в золотой запас Кубы.

Все знали, что Че отказался от зарплаты, полагавшейся ему как президенту Национального банка, и то же самое он сделал, начав работать в Министерстве промышленности. Получал он только крошечное жалованье команданте. Орландо Боррего, ставший теперь заместителем министра, счел, что должен получать не больше денег, и отдавал остальную часть зарплаты в фонд аграрной реформы: было бы недостойно зарабатывать больше, чем его начальник.

Однако не все товарищи Че, включая и коллег-министров, оценили такое революционное подвижничество, сообщает Боррего. Его самого Че заставил отказаться от машины своей мечты. Покидая страну, кубинские богачи оставили огромное количество автомобилей, которые были тут же национализированы, и многие министерства распределили машины среди чиновников. Но Боррего повезло больше других. Во время посещения табачной фабрики управляющий показал ему на новенький спортивный «ягуар» оставленный владельцем, и предложил взять его себе, потому что другие не знают, как им

управлять. Боррего сразу влюбился в автомобиль и примерно неделю с гордостью на нем носился, пока в один прекрасный день, ставя машину в гараж, не был замечен Геварой. Че указал на автомобиль и спросил, о чем он думает, разъезжая на такой машине. Это, мол, «сутенерская машина», показушная, не такая, в какой должны видеть «представителя народа». Сердце у Боррего упало, и он сказал Че, что вернет ее. «Хорошо, — сказал Гевара, — даю тебе два часа».

У Че появлялись новые враги и новые союзники, а тем временем в Гавану приехали некоторые из старых его друзей и знакомых. Вместе с семьей из Венесуэлы прибыл Гранадо, он стал преподавать биохимию в Гаванском университете. По совсем иным причинам появился Рикардо Рохо. Он стал дипломатом аргентинского правительства Артуро Фрондиси и работал в Бонне. Видимо, Рохо планировал воспользоваться знакомством с Че, чтобы прозондировать политическую ситуацию на Кубе.

Возможно, осознавая, что все сказанное и продемонстрированное Рохо может стать известно рулевым политики на Западе, Че устроил ему экскурсию по кубинской провинции: на фабрики, тростниковые поля, — организовал встречу с крестьянами, сражавшимися в Эскамбрае против контрреволюционеров. Он даже заставил Рохо поработать день добровольцем на сборе сахарного тростника. Уезжая, тот был уверен в следующем: Куба определенно стоит на пути коммунизма; революционный режим хорошо вооружен и пользуется большой поддержкой кубинцев; Че, судя по некоторым его замечаниям, заинтересован в распространении революции в Южной Америке.

В конце марта Че провожал Рохо в аэропорт. Проезжая мимо многочисленных зенитных орудий, Гевара повернулся к Рохо. «Они придут, — сказал он, имея в виду американцев. — Но мы устроим им прием. Жаль, что ты уезжаешь сейчас, когда веселье вот-вот начнется».

3 апреля Белый дом выпустил информационный документ по поводу Кубы. В нем говорилось, что Куба представляет для американцев «явную и актуальную опасность». Это был призыв к оружию со стороны администрации Кеннеди — призыв к военным действиям, которые вскоре станут известны как операция в заливе Свиней.

Через пять дней, пребывая в крайнем возбуждении в преддверии нападения, Че опубликовал статью в «Верде оливо». Она называлась «Куба: историческое исключение или авангард в борьбе против колониалистов?». Че давал такой ответ на собственный вопрос: Куба не исключение, а просто первая

латиноамериканская страна, вырвавшаяся из характерной для государств региона экономической зависимости от империалистов. Она являет собой пример, которому должны последовать ее соседи, чтобы прийти к вожделенной свободе через революцию.

«Что же мы сделали, чтобы освободиться от империалистической системы, от марионеточных правителей в наших странах и наемных армий, защищающих марионеток и всю социальную систему эксплуатации человека человеком? Мы применили конкретные формулы, открытые нашей эмпирической медициной для лечения серьезных недомоганий нашей любимой Латинской Америки, и эта эмпирическая медицина быстро стала частью научной истины».

Вот «научное» открытие, для которого был предназначен Эрнесто Гевара, кульминация изысканий, начатых им во время медицинской работы. Но лечение болезней никогда не было ему по-настоящему интересно, Геварой всегда двигало желание найти средство их предотвращения, и как было в медицине, так стало и в политике. Он шел и искал, по пути отметая возможные решения: «реформизм, демократию, выборы», — он нашел Маркса, потом Гватемалу, затем Кубу, и в крещении огнем его открытия в «эмпирической медицине» стали «научной истиной». Этой истиной, а также способом вылечить болезни человечества был марксизм-ленинизм, а партизанская война являлась средством ее достижения.

Че вывел «научную истину» из кубинского опыта, а научная истина описывает закон природы. По сути, Че доказывал, что его формула достижения социализма с помощью вооруженной борьбы равнозначна научному открытию и с помощью этого открытия будет положен конец несправедливости и создан новый человек.

IV

Четыре дня спустя в Гаване дотла сгорел самый крупный и роскошный универмаг, «Энканто»; это было делом рук подпольной группировки, поддерживаемой ЦРУ.

В предрассветной темноте следующего дня, 15 апреля, няня Алейдиты София проснулась от страшных звуков пикирующих самолетов и шума разрывающихся бомб. Она выбежала из спальни и закричала, зовя Че. Он тут же, еще без рубашки, появился из спальни. «Ублюдки наконец на нас напали», — сказал Гевара.

Они смотрели в окно на вспышки и взрывы. Снаружи забегала охрана Че, все кричали и размахивали пистолетами. Гевара выкрикнул из окна: «Пристрелю первого, кто откроет огонь!» Охранники успокоились, и через несколько минут Че с телохранителями уехал из дома на машине. Они направились в Пинар-дель-Рио, на его боевой пост, подготовленный на случай нападения. Фидель поручил Че командование Западной армией Кубы.

На следующий день на похоронах жертв бомбардировки, выведшей из строя большую часть весьма скромных кубинских военно-воздушных сил, Фидель произнес пламенную речь, в которой обвинил в нападении США. Вашингтон сделал это, по его словам, потому, что не мог простить Кубе «социалистической революции», которую она осуществила прямо у него под носом. Впервые со времени захвата власти Фидель произнес страшное слово. Впоследствии на этом месте установят памятную табличку, увековечивающую момент, когда Фидель «раскрыл социалистическую природу Кубинской революции».

В толпе, слушавшей речь Кастро в тот день, был молодой, преждевременно начавший лысеть художник из горного аргентинского города Мендосы. Звали его Сиро Роберто Бустос, и с ним была его жена. Оба только что приехали на Кубу, чтобы добровольно участвовать в кубинском революционном эксперименте. Они ходили по улицам Гаваны, вдыхая тропический воздух, и все казалось им новым, странным и волнующим. Вскоре жизнь Сиро Бустоса полностью изменится и окажется надолго связанной с Че и его идеей континентальной революции.

17 апреля, сразу после полуночи, Освободительная армия кубинских эмигрантов в полторы тысячи человек высадилась на Плайа-Хирон в заливе Свиней. Через несколько часов после их высадки, о которой громко трубила радиостанция ЦРУ «Лебедь», Фидель привел свои силы в боевую готовность для нападения на захватчиков. Те не пошли в глубь территории, вырыв окопы и оставшись на пляже в ожидании подкрепления. Оно не пришло. А утром началось сражение. На рассвете следующего дня Даллес сообщил Кеннеди, что атака захлебнулась и, если США не вмешаются, Освободительная армия будет уничтожена. Кеннеди отказался отдать приказ, разрешив только минимальную помощь с воздуха.

Феликс Родригес услышал о вторжении по радио. Заранее его никто не предупредил. ЦРУ не осмелилось связываться с кем-то из подпольного сопротивления на Кубе, опасаясь утечки информации. Отрезанный от других членов своей «Серой

команды», он попытался связаться с кем-нибудь по телефону. Но каждый раз на звонок либо не отвечали, либо Родригес слышал странные голоса, приказывавшие ему «поскорее приходить». Поняв, что многие из членов сопротивления, возможно, уже арестованы, а голоса принадлежат агентам госбезопасности, он не стал никуда уходить. В следующие три дня Родригес по телевизору следил за происходящим и плакал от отчаяния.

Силы Че в Пинар-дель-Рио не участвовали в боевых действиях, но сам Че чуть не погиб от случайного выстрела. Алейда узнала об этом от Селии Санчес: та позвонила и сказала, что Че легко ранен, ему оцарапало щеку и ухо, потому что его пистолет выпал из кобуры и произошел выстрел. Селия отправила за Алейдой машину, а еще одна выехала, чтобы забрать Алюшу с няней Софией в дом Селии на время, пока все не успокоится.

Строго говоря, Селия сказала Алейде правду. Че был вне опасности, но еще немного — и пуля попала бы ему в голову. Однако самая большая опасность пришла не от пули, а от военных врачей, настоявших на том, чтобы сделать раненому противостолбнячный укол, вызвавший у него сильнейшую токсическую реакцию. Впоследствии Че шутливо сказал Альберто Гранадо: «Друзья едва не добились того, что не удалось врагам: я чуть не умер!»

София провела следующие сорок восемь часов без сна. Квартира Селии Санчес превратилась в настоящий боевой штаб: Селия буквально не отнимала трубку от уха, выслушивая бесконечные отчеты с поля боя и передавая информацию дальше. Потом вдруг явился измотанный Фидель и сразу упал на кровать, где с дочкой Че лежала София. Он спал, а девочка играла с его бородой. В конце концов, измученная, София тоже уснула.

20 апреля все было кончено. Гватемальская бригада была подавлена, у нее кончились боеприпасы, и она сдалась. Сто четырнадцать ее членов погибли, а почти тысяча двести были взяты в плен. Услышав хорошие новости, Че вернулся в Гавану из Пинар-дель-Рио, заехал за Альберто Гранадо и отправился на Плайа-Хирон. Они приехали на командный пост Фиделя на сахарном заводе.

Че и Гранадо приблизились к нескольким пленникам. Узнав Че, один из них так испугался, что наделал в штаны. Гевара попытался задать ему пару вопросов, но от ужаса пленник не мог нормально говорить. В конце концов Че отвернулся и сказал одному из своих охранников: «Дай этому несчастному ублюдку ведро воды».

Фидель, разумеется, ликовал. Этот бой принес кубинскому революционному режиму ошеломительную победу. «Народ»

сражался с Вашингтоном и победил.

Когда все закончилось, Че отправился навестить Ильду и Ильдиту. Казалось, он горд своей раной, оставившей на его щеке шрам. Увидев, что Ильда смотрит на шрам, он сказал с напускным пренебрежением: «Это была просто случайность, но еще чуть-чуть — и я бы тут не стоял».

Утром 26 апреля Феликс Родригес вышел из конспиративной квартиры в Гаване и сел в зеленый «мерседес», принадлежащий испанскому послу. Его отвезли в посольство Венесуэлы. Через четыре месяца он по дипломатическому паспорту покинет страну, но вскоре снова туда вернется. Ни он, ни ЦРУ не думали заканчивать сражение против Кастро и его коммунистического правительства.

V

Четыре месяца спустя, находясь в Пунта-дель-Эсте в Уругвае, Че передал Кеннеди сообщение с благодарностью. Сделал он это через Ричарда Гудвина, молодого помощника президента в Белом доме. «Спасибо за Плайа-Хирон, — сказал он Гудвину. — До вторжения революционный режим был шаток. Теперь он крепок как никогда».

В последние месяцы противостояние между Востоком и Западом усилилось, превратившись в личное соревнование между Кеннеди и Хрущевым. В течение многих лет Москва и Вашингтон пытались установить свое влияние в «свободных зонах», оставленных уходящими европейскими колониальными правительствами в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Пока что как будто побеждала Москва.

Начиная с 1956 г. в ряде кризисных международных ситуаций выявилась слабость и ограниченность власти Запада за границей: Вашингтон и его союзники терпели поражение в Суэце, Ливане, Индонезии и Венгрии.

Советский Союз стремительно двигался вперед, создавая ядерное оружие, и достиг огромных успехов в деле освоения космоса. В 1957 г. СССР первым в мире запустил космический спутник, а в апреле 1961 г. в космос полетел Юрий Гагарин. Кеннеди пытался принять решение, начинать ли операцию в заливе Свиней, а ликующий Хрущев вовсю трубил о своей победе в космосе, предлагая Западу «догонять».

Тем временем в мире возникали новые «горячие точки». Начались волнения в Африке. Соперничающие группировки продолжали бороться за власть в Конго. Руанда, Танганьика и

Сьерра-Леоне получили независимость, а в португальской колонии Анголе вооруженное движение сопротивления начало борьбу против колониального правления Лиссабона. В Алжире война за независимость длилась уже семь лет и унесла сотни человеческих жизней, угрожая перерасти в гражданскую войну в самой Франции.

В Юго-Восточной Азии партизаны-вьетконговцы, при поддержке северовьетнамского правительства Хо Ши Мина в Ханое, угрожали правительству Южного Вьетнама, за которым стояли США. В соседнем Лаосе партизаны организации «Патет-Лао» начали мощную атаку на вьентьянский режим («Патет-Лао» опиралась на поддержку СССР и Китая, правительство — на американскую поддержку). Кеннеди вынужден был рассматривать возможность военного вмешательства. В итоге было достигнуто соглашение о прекращении огня, но положение в Лаосе оставалось напряженным и нестабильным.

Тем временем советско-кубинское сотрудничество набирало обороты. В мае 1961 г. Советский Союз наградил Фиделя международной Ленинской премией мира. Белый дом беспокоило, что СССР может начать укреплять свой плацдарм на Кубе, размещая на острове ракетные базы. Несмотря на заверения Хрущева в обратном, министр юстиции и генеральный прокурор Роберт Кеннеди в апреле предупреждал своего брата об этой возможности и призывал к скорейшим действиям. «Пришла пора показать силу, ведь через год-два положение будет куда хуже».

Летом Кеннеди по выходным читал работы Мао и Че Гевары о партизанской войне. Он был убежден, что теперь самое главное — это способность при помощи армии противостоять растущей угрозе мятежей, организуемых левыми силами. Он приказал армии повысить навыки борьбы с партизанами. К сентябрю эта инициатива воплотилась в создании нового элитного корпуса для борьбы с повстанческими движениями — «зеленых беретов».

«Переход» Кубы в руки Советов подвиг Кеннеди к тому, чтобы принять меры для укрепления американской гегемонии в других странах Латинской Америки. Для предотвращения других революций наподобие кубинской он разработал для региона обширную программу помощи в экономическом развитии.

Это и стало декорациями для экономической конференции Организации американских государств, проведенной в августе в Уругвае, в курортном городе Пунта-дель-Эсте. Для обнародования программы «Союз ради прогресса» — грандиозного, беспрецедентного проекта стоимостью двадцать миллиардов долларов, рассчитанного на десять лет, — Кеннеди отправил туда своего министра финансов Дугласа Диллона. А в качестве

представителя от Кубы Фидель прислал на конференцию Че.

Приезд Гевары накалил прежде спокойную атмосферу в Пунта-дель-Эсте. Че сразу перетянул все внимание на себя, фотографы и журналисты ловили каждый его взгляд и слово и ходили за ним повсюду. С приездом Че конференция стала настоящим театральным действом и историческим событием.

Гевара вел себя в соответствии со своей репутацией. За ним повсюду следовал юный телохранитель Леонардо Тамайо, что выглядело несколько экзотично. Все министры приходили на конференцию в костюмах, а Че был одет в военную форму. Все произносили свои речи сидя, а он, выступая 8 августа, стоял. Дуглас Диллон с нарочито скучающим видом смотрел в потолок и зевал, а Че разносил в пух и прах предложенную Америкой программу, говоря, что ее цель — еще больше изолировать Кубу, усилить контроль над остальными латиноамериканскими странами, подкупив их деньгами, и увеличить их зависимость от могущественного северного соседа.

С другой стороны, говорил Че, пример Кубы, отстоявшей свою политическую и экономическую независимость, может стать руководством к действию для остальных стран Латинской Америки. По оценкам США, благодаря «Союзу ради прогресса» страны Латинской Америки увеличат темпы экономического роста на два с половиной процента, а у Кубы, заявил он, через несколько лет этот показатель будет составлять десять процентов.

Чтобы со стороны Кубы звучала не только критика, Че предложил ряд условий, которые должны были выдвинуть страны, планирующие присоединиться к союзу. Среди них — свободный экспорт сырья в любые государства по их желанию и прекращение протекционистского субсидирования Америкой своих товаров, которое не дает возможностей для конкуренции.

Че подробно рассказал о многочисленных актах агрессии США в отношении Кубы, кульминацией которых стало вторжение в заливе Свиней, но затем перешел на более миролюбивый тон. Куба не желает зла своим соседям, сказал он, и хочет быть частью семьи американских народов. Ее лидеры всегда готовы сесть за стол переговоров и обсудить расхождения с США, но без всяких предварительных условий. Все, чего хочет Куба, — это гарантии, что на нее не будет совершено нападения и ей будет дано право быть «другой» в рамках своих границ. «Мы не можем не служить примером для остальных, как этого желали бы США, потому что пример — это понятие, не знающее границ. Но мы гарантируем, что не будем заниматься экспортом революции, что ни одна винтовка, ни одно боевое средство не покинет пределов Кубы, чтобы быть использованными в боевых действиях в других

странах Америки».

Речь Че продолжалась два часа пятнадцать минут, и, как только он закончил, в зале раздался крик: «Убийца!» Охранники сцепились с кричавшим и выволокли его наружу, а в это время на трибуну, где стоял Че, забрались двое других неизвестных и стали оскорблять его. Не обращая на них внимания, Гевара спокойно сошел с трибуны и покинул зал. Позже полиция сообщила прессе, что нарушителями порядка оказались кубинские эмигранты из «Демократического революционного фронта» — финансируемой ЦРУ антикастровской группировки.

В Уругвай приехали родные Че, и впервые со времени отъезда из Аргентины он увидел своего брата Роберто и сестру Ану Марию. Приехали также его отец, мать, брат Хуан Мартин, сестра Селия и тетя Беатрис. Помимо того, прибыло и довольно много старых друзей Эрнесто: Хулио «Гаучо» Кастро, которого Че пытался зазвать на Кубу, Бето Аумада, Пепе Агилар, его старый «деловой партнер» Карлос Фигероа и Рикардо Рохо, успевший со времени встречи с Геварой на Кубе оставить дипломатический пост в Бонне и вернуться домой.

Различия между Че и его братом Роберто были разительны. Роберто женился на представительнице аргентинской аристократии и, хотя заявлял о своей аполитичности, работал юристом в отделе социального обеспечения аргентинских военно-морских сил, являвшихся одним из самых консервативных политических институтов страны.

Роберто не рассказывает, был ли у него с Че разговор о разнице во взглядах. В одном интервью, беседуя с журналистом о встрече в Пунта-дель-Эсте, он упомянул только, что нашел своего брата «совсем другим», не таким, каким Эрнесто был за восемь лет до того: он стал суровым, целеустремленным, и ему явно не хватало чувства юмора. Когда Роберто отметил эту последнюю перемену в Че, тот коротко сказал: «Остроты меня больше не интересуют, у меня теперь другое представление о юморе».

Бето Аумада, товарищ Эрнесто по игре в регби во времена «Чанг-чо» и по-прежнему друг его семьи, тоже счел, что его старый приятель стал другим. «Он всегда был свободолюбив, — вспоминал Аумада, — а теперь у него было полно обязанностей… Эрнесто занимал положение, подразумевавшее постоянную опасность, и с ним всегда были охранники. Он изменился. Совершенно изменился. Стал более сдержанным и осторожным в высказываниях».

Первая встреча с друзьями произошла на публике и была очень краткой, а затем Че выделил время, чтобы немного посидеть с товарищами детства наедине. Тогда они отчасти

увидели прежнего Эрнесто. Он раздал гостям кубинские сигары, и они радостно задымили все вместе. По словам Аумады, каждый сказал что, если он может быть полезен на Кубе, то готов помочь.

«Гевара стал подшучивать над нами, — вспоминает Аумада. — Карлитосу, который занимался недвижимостью, он сказал, что ему не найдется на Кубе работы, потому что собственностью владеет государство и продавать там нечего. Меня он тоже поддразнил, сказав, что как адвокат я там тоже не потребуюсь, потому что судебных споров у них нет, так что чем мне там заниматься?»

Из всех них только Карлосу Фигероа показалось, что Че остался «все тем же старым добрым Эрнесто», любящим пошутить, поболтать и всякими небылицами произвести впечатление на других. С мальчишеским удовольствием Че рассказал Фигероа о самых ярких своих переживаниях. «Ты не поверишь, — похвастался он, — но я ездил на охоту на слоне с самим Неру». А когда на Кубу приехал русский космонавт Юрий Гагарин, Гевара был в таком восторге от встречи с первым человеком, побывавшим в космосе, что «не отставал от него» целый день.

Че со всей своей многочисленной свитой жил в гостинице, а его родные разместились неподалеку на вилле, арендованной журналисткой «левого» направления по имени Хулия Констенла де Джуссани. За миниатюрность друзья ее прозвали Чикита (Малышка). Для одного женского журнала Хулия взяла интервью у матери Че, Селии, и они подружились.

Вместе с мужем-журналистом Хулия издавала прокубинский политический журнал под названием «Че» и тесно сотрудничала с Альфредо Паласиосом, почтенным руководителем Социалистической партии Аргентины. Она приехала в Пунта-дель-Эсте, чтобы освещать конференцию и взять интервью у Че, но самой главной ее задачей было встретиться с ним наедине. От лица коалиции аргентинских социалистов и «перонистов» левого крыла, готовившейся к предстоящим выборам, Хулия должна была сделать Геваре предложение. Они хотели узнать, не захочет ли Че вернуться на родину, если они выставят его кандидатуру на парламентских выборах.

Когда Хулии удалось наконец встретиться с Че без посторонних и рассказать об этом предложении, Гевара его сразу же отверг. Он нужен на Кубе, объяснил Че, у него там важные задачи, и аргентинским политиком он себя не видит. А потом, посмотрев Хулии прямо в глаза и иронически улыбнувшись, произнес: «Мадам, я министр. Неужели вы думаете, я захочу стать депутатом парламента в Аргентине?»

Но в предложении Хулии были и другие пункты. Она сказала, что «левые» хотят видеть его своим «символом». Если народный фронт одержит на выборах победу, можно будет считать, что Че внес в это важную лепту, но если выборы будут отменены и мирное разрешение ситуации станет невозможным, он станет лидером партизанского движения, «руководителем революционных преобразований в Аргентине». Эта роль ему подобает, сказала журналистка: он может оставаться в изоляции на Кубе, а может запустить процесс перемен в Латинской Америке.

«Гевара попросил меня рассказать обо всем подробнее, охарактеризовать представителей различных политических группировок, дать оценку лидерам профсоюзов и аргентинским политикам», — вспоминает Хулия. Че рассмотрел ее предложение пункт за пунктом, порассуждав даже о преимуществах партизанской войны в сельской местности над войной в городских условиях, но ни на секунду у журналистки не возникло ощущения, что он колеблется в своем решении. У Хулии сложилось впечатление, что Гевара не верит в возможность перемен в Аргентине через парламентские выборы и в способность аргентинских левых сил осуществить настоящие социальные преобразования.

Хулии Че показался очень глубоким человеком, способным вызвать восхищение, но были в нем и нехорошие черточки. Как-то за ужином, на котором собралась семья Че, журналистка напомнила ему о том, какую дарственную надпись он сделал на своей книге «Партизанская война», отправленной в подарок основателю Социалистической партии Аргентины Адольфо Паласиосу. Хулия видела эту надпись, гласившую: «Доктору Паласиосу, который говорил о революции, еще когда я был ребенком».

Паласиос не уловил тут тонкого намека, он был очень польщен тем, что Че, как он посчитал, помнит и уважает его, но Хулия почувствовала подспудный смысл посвящения: Паласиос лишь говорит о революции, но ничего не делает. По ее мнению, это было жестоким поступком со стороны Гевары, и она сказала об этом за ужином. Че ответил кратко: «Но Паласиос действительно только говорит».

«На этом он обсуждение и закончил, — вспоминает Хулия. — Такова была особенность его характера, Гевара мог быть очень неуважителен к другим… Бывал очень резок…»

Хулия призналась, что, несмотря на эти его черты, она запросто могла бы влюбиться в Гевару, не люби она так крепко своего мужа. «В этом человеке было необъяснимое очарование…

Когда он входил в комнату, то сразу оказывался в центре внимания… Че от природы обладал поразительной притягательностью».

Еще одним участником конференции в Пунта-дель-Эсте был вездесущий Рикардо Рохо, с которым Гевара виделся лишь четырьмя месяцами ранее, накануне операции в заливе Свиней. Рохо ушел со своей должности в Бонне по причине несогласия с политикой президента Фрондиси. Но Рохо был не из тех, кто сжигает мосты дотла, и теперь у него было сообщение от Фиделя: аргентинский президент желает тайно встретиться с Че.

Че согласился на встречу. К тому времени он уже принял от президента Бразилии, Жаниу Куадроса, подобное приглашение, которое передали ему бразильские представители в Пунта-дель-Эсте. Две латиноамериканские державы были важными звеньями в предложенной Кеннеди программе, и обе они пытались служить посредниками между Кубой и их могущественным северным соседом. Было решено, что по окончании конференции Че отправится в Буэнос-Айрес, а оттуда в Бразилию.

16 августа в своем заключительном выступлении на конференции Че заявил, что Куба не ратифицирует постановление о поддержке «Союза ради прогресса». Большая часть кубинских предложений серьезно не обсуждалась, указал он, в проект внесено мало существенных изменений, а крупных изъянов в нем предостаточно. И поскольку проект этот в конечном счете направлен на изоляцию Кубы, ее правительство не сможет его одобрить. Однако Гевара вновь подчеркнул, что Куба готова обсуждать с США «любые вопросы и без предварительных условий».

Вечером следующего дня по своей инициативе и с помощью некоторых аргентинских и бразильских дипломатов Че был представлен двадцатидевятилетнему помощнику президента Кеннеди — Ричарду Гудвину, главному лицу в делегации США. Произошло это на праздновании дня рождения одного из бразильских делегатов. Как впоследствии Гудвин рассказал Кеннеди, прежде бразильцы и аргентинцы уже не раз пытались устроить им встречу, но он отказывался.

«На вечеринке было человек тридцать, — рассказывал Гудвин Кеннеди, — все пили и танцевали под американскую музыку. Я побеседовал с несколькими гостями, а примерно через час мне сказали, что скоро приедет Че. Он появился спустя несколько минут. Я с ним не разговаривал, но все женщины так и роились вокруг него. Потом один бразилец передал мне, что Че хотел бы побеседовать со мной о чем-то важном». Они перешли в соседнее помещение и проговорили там около получаса, отвлекаясь то на

официантов, то на просивших автографы, после чего американец по своей инициативе закончил беседу.

При личной встрече Гевара показался Гудвину не той устрашающей личностью, какой виделся с расстояния. Вот что Гудвин сообщил президенту Кеннеди в докладной записке от 22 августа: «Че был в зеленой форме, как всегда с неухоженной жидкой бородой. Если представить его лицо без бороды, черты его будут мягкими, почти женственными. Энергичен. У него хорошее чувство юмора, во время беседы мы оба много шутили. Поначалу Гевара, как мне показалось, был скован, но потом расслабился и заговорил свободнее. Он не скрывал, что глубоко предан коммунистическим идеям, но в разговоре со мной не произносил громких фраз и не занимался пропагандой. Говорил он спокойно и прямо, старался быть непредвзятым и объективным. Было очевидно, что он считает себя уполномоченным говорить от лица своего правительства и редко разделяет свое личное мнение и официальную позицию кубинского правительства. Не сомневаюсь, что Гевара тщательно продумал, что будет говорить: он формулировал мысли очень гладко».

По словам Гудвина, он предупредил Че, что не уполномочен вести переговоры, но передаст все, что тот скажет, «соответствующим чиновникам» правительства США.

«Че произнес «ладно» и начал говорить. Первым делом Гевара сказал, что я должен понять кубинскую революцию. Они хотят построить социалистическое государство, и начатая ими революция необратима. Теперь они находятся вне сферы американского влияния, и это тоже необратимо. Они создадут однопартийную систему, а Фидель станет Генеральным секретарем партии… Они считают, что массы поддерживают революцию и эта поддержка с течением времени будет расти».

Че сообщил Гудвину, что если в США полагают, будто режим Фиделя можно свергнуть «изнутри» или что на деле Кастро является умеренным политиком, окруженным фанатиками, и Запад может склонить его на свою сторону, то все эти предположения ложны. Революционный режим силен и сможет противостоять таким угрозам. «Гевара убежденно говорил о влиянии Кубы на американский континент и о растущем воздействии ее примера на другие страны».

Че откровенно говорил о трудностях Кубы: о вооруженных нападениях контрреволюционеров, о недовольстве мелкой буржуазии и католической церкви, об ущербе, нанесенном введенным США эмбарго, о недостатке валютных запасов. Он сказал Гудвину, что Куба «не хочет взаимопонимания с США» —

ясно, что оно невозможно, — ей нужен «модус вивенди». В обмен Куба могла бы согласиться «не вступать в политический союз с Востоком». Экспроприированные американские компании не могут быть возвращены, но возможно выплатить соответствующую компенсацию. Как только революционный режим будет наделен законным статусом, на Кубе проведут свободные выборы.

Также Че «намекнул», что они готовы «обсудить действия кубинского революционного режима в других странах».

«Потом он сказал, — писал Гудвин, — что хочет горячо поблагодарить Вашингтон за вторжение на их территорию: это стало для кубинцев великой политической победой, помогло сплотиться и превратило их из маленькой обиженной страны в равного участника диалога».

Че не мог упустить возможности уколоть американцев, но он не ставил себе целью раздражить Вашингтон и предлагал провести переговоры. В конце разговора Че сказал Гудвину, что о содержании их беседы сообщит только Фиделю. Гудвин ответил, что тоже не станет «предавать ее огласке».

Гудвин явно расценил шаг Че как проявление слабости, вот какой вывод он делал в докладной записке. «Я считаю, что этот разговор — в сочетании с другими поступающими к нам данными — свидетельствует о том, что экономическое состояние Кубы крайне тяжелое, что Советский Союз не способен предпринять те огромные усилия, которые нужны, чтобы поставить страну на ноги, и что Куба желает установления взаимопонимания с США».

Исходя из этой посылки Гудвин очертил схему действий, которые должен был предпринять Кеннеди. В нее входили усиление экономического давления на Кубу и репрессивные меры в отношении всех, кто станет вести дела с режимом Кастро, а также интенсификация антикубинской пропаганды при одновременном «продолжении тайного диалога, начатого Че». «Так мы сможем дать Кубе понять, что хотим ей помочь и поможем, если она разорвет связи с коммунизмом и начнет демократизацию».

Важно отметить, что Че не говорил, будто прекратит поддержку партизанских движений в Латинской Америке. Он публично пообещал, что «ни одна винтовка» не покинет пределы Кубы, но не упоминал об обучении партизан, о предоставлении им финансовой помощи. А оружие можно было добыть где угодно, хоть в самих Соединенных Штатах.

На следующий день, 19 августа, Че на небольшом самолете приземлился на аэродроме недалеко от Буэнос-Айреса. Он встретился с Фрондиси за обедом, и Фрондиси не скрывал своих

намерений узнать о планах Кубы на будущее. Он сказал, что надеется на мирное сосуществование с островом и на то, что Куба не станет вступать в «официальный союз» с Москвой. Че заверил Фрондиси, что Куба не намерена делать ничего подобного, если только США не совершат на нее нападения.

После обеда Че попросил Фрондиси об услуге. Он хотел бы посетить свою серьезно больную тетушку Марию Луису, живущую в Сан-Исидро. Фрондиси дал свое согласие, и Гевара уехал, чтобы в последний раз повидаться с тетей. Впервые за восемь лет Че снова видел улицы Буэнос-Айреса — тайный гость родной страны, он смотрел на них из окна президентской машины. Потом его увезли обратно на аэродром, и он отправился в Уругвай. Там, не выходя за пределы аэропорта, Гевара сразу сел на борт самолета авиакомпании «Кубана», в котором его ждала свита, и вылетел в Бразилию.

Тем не менее о тайном визите Че вскоре стало известно, и эта новость вызвала настоящий ужас в военных кругах Аргентины. В тот же вечер в доме на улице Ареналес в Буэнос-Айресе, где жил дядя Че, Фернандо Гевара Линч, прогремел взрыв, начисто снесший переднюю дверь квартиры. На расспросы журналистов дядя Че ответил, что не виделся с племянником и узнал о его мимолетном приезде лишь недавно. Прежде чем откланяться, он, в типичной «геваровской» манере, сообщил репортерам, что едет ужинать с друзьями и надеется благополучно добраться, «если под капотом машины не окажется бомбы».

Взрыв на улице Ареналес стал не единственным последствием визита Че. В последующие дни аргентинские газеты пестрели статьями о «беспокойстве» в вооруженных силах по поводу тайного приезда Гевары на родину. Министр иностранных дел Аргентины был вынужден уйти в отставку, а когда через семь месяцев сам Фрондиси лишился президентского кресла в результате военного переворота, большинство политических обозревателей сошлись во мнении, что встреча с Геварой ускорила его падение.

На встрече с Жанну Куадросом, президентом Бразилии, Че была вручена высокая награда — орден «Крузейру-ду-Сол». Через пять дней под натиском критики, обрушившейся на него за это неоднозначное награждение, Куадрос был вынужден подать в отставку. Видимо, он ожидал, что Конгресс ее не примет, но этого не произошло и его политическая карьера на этом внезапно закончилась.

VI

Через несколько недель после окончания конференции в Пунта-дель-Эсте Вашингтон ясно дал понять, что попытка Че примириться с США ничего для него не значит: Конгресс принял закон, отказывающий в помощи любой стране, ведущей дела с Кубой. В тот же месяц с Гаваной разорвала отношения Коста-Рика, а в ноябре за ней последовало правительство Ромуло Бетанкура в Венесуэле.

Теперь армии Латинской Америки находились в состоянии боевой готовности на случай «диверсионных действий» со стороны Кубы, а США предоставляли военную помощь и специальное обучение для борьбы с кубинской угрозой.

В Латинской Америке наступила эпоха борьбы с партизанскими движениями. Столкнувшись с угрозой, представляемой такими фигурами, как Че Гевара, и их способностью заражать других «бесовщиной партизанства», Вашингтон решил принять профилактические меры и сделать латиноамериканским странам «прививку». Вакцина была сильная: специализированная военная подготовка, координация действий вооруженных сил региона, полиции и службы разведки, усиление роли ЦРУ, программы экономического и социального развития в рамках «Союза ради прогресса» и «работа с местным населением» — завоевание умов и сердец потенциальных пособников партизан в отсталых районах.

Глава ЦРУ Аллен Даллес был уволен после неудачной операции в заливе Свиней, и с новым руководителем, Джоном Мак-Коуном, у Управления появилось больше возможностей решать проблему Кубы. В ноябре 1961 г. Кеннеди выделил ЦРУ годовой бюджет в пятьдесят миллионов долларов на новую секретную программу, направленную против Кубы, под кодовым названием «Операция "Мангуст"». Целью ее было дестабилизировать кубинский режим путем диверсий, шпионажа, военных атак и убийств отдельных лиц. Впоследствии эта программа станет крупнейшей тайной операцией ЦРУ в мире.

Одновременно с подготовкой «Операции "Мангуст"» ЦРУ активно пыталось восстановить подпольное движение сопротивления на Кубе, подорванное кубинскими службами безопасности, которые после «залива Свиней» провели массированные облавы на подозреваемых в диссидентстве. В октябре, лишь через несколько недель после того, как он покинул свое убежище в венесуэльском посольстве, Феликс Родригес вновь отправился на Кубу. Ему поручили создать условия для заброски агентов на остров.

К концу года «политика сдерживания» принесла Кеннеди некоторые плоды. К декабрю осуждение соседями Кубы ее связей

с советским блоком стало практически единодушным, против резолюции ОАГ вместе с Кубой выступала только Мексика. В том же месяце отношения с Кубой разорвали Колумбия, Панама, Никарагуа и Сальвадор. Фидель выступил с речью, которой окончательно закрепил разрыв Кубы с Западом. «Я марксист-ленинист, — объявил он, — и останусь им до самой смерти».

Руководитель «Операции "Мангуст"» Эдвард Ленсдейл предложил целый комплекс мер в отношении Кубы, включавший «нападения на главных руководителей». Кульминацией их должно было стать свержение Кастро.

В феврале у дома Селии в Буэнос-Айресе полиция нашла и обезвредила бомбу. Через неделю Аргентина разорвала дипломатические отношения с Кубой. В марте по причине резкого снижения производительности сельского хозяйства и нехватки товаров во всех магазинах на Кубе было введено строго нормированное распределение продуктов и товаров первой необходимости. Теперь кубинцам нужно было выстаивать очереди, чтобы по талонам купить причитающуюся им на неделю еду. Прошло всего семь месяцев с тех пор, как Че с уверенностью заявил, что Куба вскоре будет практически полностью обеспечивать себя продуктами.

Хотя ни Че, ни Фидель не признали бы этого, но введение карточной системы означало конец их мечте превратить Кубу в самостоятельно себя обеспечивающее социалистическое государство, свободное от внешней зависимости. А что касается мечты Че о том, что всеобщее братство социалистических государств приведет к смерти капитализма, то совсем скоро и она разобьется вдребезги.

VII

В конце апреля 1962 г. Никита Хрущев срочно вызвал в Москву Александра Алексеева. Никаких объяснений дано не было, и Алексеев очень встревожился. Человек сталинской эпохи, он сразу стал готовиться к худшему и ждать наказания, одновременно пытаясь понять, что же он сделал не так.

3 мая Алексеев вылетел в Мексику, где советский посол сообщил ему, что имеет приказ разместить его в посольстве, а не в гостинице. На следующей остановке, в Лондоне, повторилось то же самое. Было ясно, что Кремль хочет знать о каждом шаге Алексеева, и он прибыл в Москву в крайней степени беспокойства. В аэропорту его встречал руководитель одного из отделов Министерства иностранных дел, что обычно не входило в

обязанности такого высокопоставленного чиновника.

На следующее утро Алексеева проводили в Кремль, где он встретился с главой КГБ Александром Шелепиным. Шелепин отвел Алексеева в свой кабинет и рассказал, что его хотят назначить новым советским послом на Кубе и что решение это принял сам Хрущев. Пока они беседовали, позвонил Хрущев и попросил Алексеева поскорее зайти к нему.

Хрущев был один, и они проговорили около часа. Первый секретарь подтвердил назначение Алексеева послом, от которого тот из скромности попытался отказаться. Он сослался на то, что Кубе с ее нынешними трудностями нужен посол, хорошо разбирающийся в экономике, а он в этой сфере «безграмотен».

«Это не важно, — ответил Алексееву Хрущев. — Важно то, что вы в дружеских отношениях с Фиделем, с руководством». Что касается экономистов, то их СССР предоставит Фиделю сколько нужно. Не вставая с места, Хрущев взял телефонную трубку и приказал собрать группу из двадцати министерских работников высшего уровня, занимающихся разными сферами экономики, чтобы вместе с Алексеевым они поехали на Кубу.

В конце мая Хрущев снова вызвал к себе Алексеева. На этот раз в кабинете советского руководителя находились еще шесть человек: его помощник Фрол Козлов, заместитель председателя Совета Министров Микоян, министр иностранных дел Андрей Громыко, министр обороны Родион Малиновский и член Политбюро Шараф Рашидов. Сесть Алексееву не предложили.

«Разговор был очень странный, — вспоминает Алексеев. — Хрущев снова задавал мне вопросы про Кубу, про кубинских товарищей, я рассказал про каждого, о ком спрашивали, и вдруг, когда я совсем того не ожидал, Хрущев сказал мне: "Товарищ Алексеев, чтобы помочь Кубе, спасти кубинскую революцию, мы приняли решение разместить на острове ракеты. Что вы об этом думаете? Как отреагирует Фидель? Он даст согласие?"»

Алексеев был поражен. Он ответил, что, по его мнению, Фидель не примет этого предложения, потому что его официальная позиция всегда заключалась в том, что революция была совершена во имя независимости Кубы. Революционеры отправили прочь из страны американских военных советников, и, если они примут советские ракеты, это будет выглядеть как нарушение собственных принципов.

Реакция министра обороны была очень злобной. «Малиновский накинулся на меня, — вспоминал Алексеев. — "Что это за революция такая, если они, как вы говорите, не согласятся? Я сражался в Испании, там была буржуазная революция, и то они принимали нашу помощь… А уж у

социалистической Кубы на это куда больше причин!"» Алексеев был подавлен и замолчал. В это время кто-то из присутствующих выступил в его поддержку, но Хрущев никак не отреагировал на это, и спор погас. Разговоры перешли на другие темы, а затем все отправились в соседнюю комнату обедать.

За обедом Хрущев заявил, что, раз его предложение может не понравиться Фиделю, он хотя бы пошлет к нему пару высокопоставленных чиновников: члена Политбюро Шарафа Рашидова и маршала Сергея Бирюзова, командующего Ракетными войсками стратегического назначения, — пусть они поедут в Гавану вместе с Алексеевым и поговорят с Фиделем. «Иначе мы его защитить не сможем, — сказал Хрущев. — Американцы понимают только язык силы… И ракеты нужны как раз для того, чтобы избежать войны, ведь только дурак в таком случае станет ее начинать…»

Хрущев сообщил, что операция по установке ракет на Кубе должна будет проводиться в полнейшей секретности, чтобы американцы «ничего не заподозрили», пока у них не пройдут ноябрьские выборы в Конгресс. Нельзя, чтобы размещение ракет повлияло на избирательную кампанию. Если все будет сделано как надо, сказал он, американцы, погруженные в выборные дела, наверняка ничего не заметят, а тем временем установка ракет будет завершена.

За день-два до отъезда на Кубу Алексеева снова вызвали к Хрущеву. На этот раз встреча произошла на даче генсека в Переделкине, где собралось все Политбюро. Хрущев придумал, как лучше представить Фиделю свой план.

Он скажет Фиделю, что ракеты будут размещены на Кубе только на случай крайней необходимости, сначала Советский Союз всеми способами постарается убедить американцев не нападать на Кубу. Но, по его личному мнению, добиться своего помогут только ракеты. Он надеялся, что таким образом сможет убедить Фиделя, и велел Алексееву передать это предложение.

Через несколько дней, по-прежнему уверенный, что задуманное успехом не увенчается, Алексеев вернулся на Кубу в составе «сельскохозяйственной делегации», куда входили также и Рашидов с маршалом Бирюзовым, приехавшим под видом инженера по фамилии Петров. Сразу по прибытии Алексеев встретился с Раулем Кастро и сообщил ему, что он и его коллеги находятся здесь по заданию Хрущева и немедленно должны увидеться с Фиделем. «Инженер Петров вовсе не инженер Петров, — сказал он Раулю. — Это маршал, отвечающий за советские ракеты».

Рауль понял намек Алексеева и ушел в кабинет к Фиделю.

Вернулся он только через два-три часа, после чего все они вместе с Фиделем собрались в кабинете Дортикоса.

Реакция Фиделя на изложенную делегацией ракетную программу была уклончивой, но он дал понять, что относится к ней скорее положительно, и попросил дать ему время до следующего дня. По мнению Алексеева, Фидель хотел посоветоваться с Че.

На следующий день Алексеева вызвали к Фиделю. Встреча снова происходила в кабинете Дортикоса, но на этот раз на ней присутствовали также Че, Дортикос, Карлос Рафаэль Родригес и Блас Рока. Они рассмотрели предложение и, признавая, что ракеты могут предотвратить нападение Америки на Кубу, склонялись к тому, чтобы его принять. Разговор пошел о том, насколько вероятно вторжение американцев, и, по воспоминаниям Алексеева, Че был «самым активным» в этом обсуждении, четко выразив свое мнение по поводу ракет. «Все, что может остановить американцев, — сказал Че, — для нас хорошо».

Затем они сразу перешли к выбору зон для размещения ракет, и тогда Фидель заявил Алексееву, что хотел бы заключить «военный пакт», чтобы оформить их договоренность, и для этой цели пошлет в Москву Рауля. Как сообщает Виталий Корионов, сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, Фидель хотел включить в пакт ряд требований кубинцев, которые Советский Союз должен будет обсудить с американцами после обнародования информации о размещении ракет. Помимо договоренности о ненападении, он хотел потребовать ликвидации военно-морской базы США в Гуантанамо. Советская сторона приняла эти требования, и всю следующую неделю Алексеев и Рауль вместе работали над текстом соглашения на испанском языке.

2 июля 1962 г. Рауль прибыл в Москву с проектом договора. В течение следующей недели он, по словам Алексеева, дважды встречался с Хрущевым. Но Корионов располагает на этот счет другими сведениями. Как он сообщает, Косыгин позвал его встречать Рауля и его жену Вильму Эспин в аэропорту. Они отвезли гостей в специальную резиденцию. Корионов, Косыгин и Рауль прошли в столовую, где стоял рояль. Никого, кроме них троих, там не было. «Рауль положил бумаги, уже переведенные на русский, на рояль, и прямо там, не садясь, Косыгин и Рауль подписали документ». Потом Косыгин сказал, что должен идти, а Корионова попросил остаться и «успокоить» Рауля, который находился в крайнем волнении. Корионов просидел с Раулем всю ночь, они беседовали и пили армянский коньяк.

Фидель попросил Рауля также передать Хрущеву свой вопрос: что будет, если американцам станет известно об операции, когда она еще не будет завершена? По словам Алексеева, Хрущев ответил коротко и спокойно: «Не волнуйтесь, ничего страшного не случится. Если американцы занервничают, мы отправим к вам Балтийский флот в качестве демонстрации поддержки». Алексеев вспоминает, что Рауль сказал ему: «Это прекрасно, просто прекрасно! Фидель со всем согласится. Может, он что-то подправит, но и только. Принципиально он будет согласен».

А договор был действительно крупномасштабный: двадцать четыре пусковые установки для баллистических ракет средней дальности, шестнадцать установок для ракет промежуточной дальности, на каждую установку по две ракеты и ядерная боеголовка; двадцать четыре новейшие противовоздушные ракетные батареи; сорок два перехватчика «МиГ»; сорок два бомбардировщика «Ил-28»; двенадцать ракетных катеров типа «Комар»; крылатые ракеты для береговой обороны. Все это вооружение должны были сопровождать четыре элитных советских военных полка, в общей сложности численностью в сорок две тысячи человек. Соглашение подлежало продлению каждые пять лет, и в нем оговаривалось, что ракеты будут полностью находится под командованием советских вооруженных сил.

Приблизительно 15 июля, когда Рауль еще даже не уехал из Москвы, а Фидель не видел соглашения, первые ракеты были тайно отправлены из советских черноморских портов, спрятанные на грузовых кораблях. Началась и тайная переправка войск. 17 июля Рауль вылетел в Гавану, а через три недели за ним последовал Алексеев, теперь в качестве нового советского посла. С собой он вез подписанное Раулем соглашение.

Пока что Хрущев не подписал соглашения, ожидая окончательного одобрения Фиделя. Он планировал лично приехать на Кубу в январе, на празднование годовщины победы революции, и там, после того как они с Кастро подпишут документ, сенсационно объявить об этом всему миру. К тому времени операция будет завершена, и это даст Хрущеву гигантское стратегическое преимущество перед Вашингтоном.

Конечно, на деле все вышло не так, как планировалось. Во-первых, Фиделю проект соглашения не понравился, оно было слишком «техническим», недоставало «политического обрамления». Как объясняет Алексеев, изменения, внесенные Фиделем, делали СССР и Кубу в равной мере ответственными за решение установить ракеты, тогда как в изначальной формулировке эта ответственность была перемещена на Кубу. В

сущности, Фидель хотел официально зафиксировать то, что Хрущев уже пообещал на словах: нападение на Кубу будет считаться нападением на СССР.

Когда в конце августа пересмотренный проект был готов, Фидель не стал снова отправлять Рауля в СССР. Он послал туда Че, а вместе с ним Эмилио Арагонеса, старого товарища по «Движению 26 июля», а теперь одного из ближайших своих помощников. 30 августа произошла их встреча с Хрущевым, на его летней даче в Крыму. Хрущев согласился с изменениями, внесенными в текст договора, называвшегося «Договор между правительством Республики Куба и Союзом Советских Социалистических Республик о военном сотрудничестве для защиты национальной территории Кубы в случае агрессии». Однако он не стал сразу его подписывать, сказав, что сделает это, когда через несколько месяцев приедет на Кубу.

Видимо беспокоясь, не хитрит ли советское руководство, Че стал требовать, чтобы о соглашении было открыто объявлено, но Хрущев отказался, настаивая, что пока оно должно оставаться в секрете. Тогда Че и Арагонес снова задали мучивший Фиделя вопрос о том, что будет, если американцы узнают обо всем раньше времени. Как впоследствии рассказывал Арагонес, Хрущев постарался успокоить их примерно так же, как и Рауля: «Не надо волноваться, трудностей с США не возникнет. А если возникнут, мы отправим Балтийский флот».

Арагонес вспоминал, что, услышав это, они с Че «переглянулись, подняв брови». Конечно, Хрущев их не убедил, но у них не было иного выбора, как поверить ему на слово.

Тем временем американская разведка, научившаяся острым взглядом следить за перемещениями Че, пристально наблюдала за тем, как проходит его поездка в СССР. 31 августа агентами ЦРУ была отправлена телеграмма, в которой говорилось, что состав делегации, отправившейся в СССР, «указывает на то, что визит кубинцев, возможно, имеет более широкие задачи, чем официально объявленное обсуждение промышленных вопросов. Гевару сопровождает Эмилио Арагонес, совершенно точно не имеющий образования и опыта работы в сфере экономики и промышленности».

К 6 сентября, когда Че вернулся в Гавану, развертывание советских военных сил на Кубе было уже замечено. Американские самолеты-разведчики «Ю-2» обнаружили места размещения ракетных батарей и ракетные установки береговой обороны. Советники заверили Кеннеди, что оружие не представляет угрозы национальной безопасности США, однако присутствие ракет — тревожный знак, который нельзя оставлять без внимания.

Новые фотографии, предоставленные разведкой, позволяли предполагать, что идет строительство базы подводных лодок. Кеннеди выступил с открытым заявлением, в котором говорилось, что США обнаружили на Кубе не только ракеты, но и большое количество советских военных. Он признал, что у Соединенных Штатов нет сведений о присутствии на Кубе боевых подразделений и ракет класса «земля-земля», но предупредил, что, если они там есть, «серьезнейших проблем» не избежать.

На следующий день Кеннеди обратился с просьбой к Конгрессу дать согласие на призыв ста пятидесяти тысяч резервистов. Соединенные Штаты объявили о намерении провести военные учения в Карибском море в середине октября, и Куба заявила, что это свидетельствует о намерении напасть на ее территорию.

Напряжение росло с каждым днем, становились известны все новые подробности действий СССР по наращиванию на Кубе вооружений, поток обвинений со стороны США не прекращался. 9 сентября американская разведка зафиксировала слова, сказанные Че на приеме в бразильском посольстве в Гаване. В беседе с журналистом Гевара назвал оказание Советским Союзом военной помощи Кубе «историческим событием», возвещающим переворот в отношениях Востока и Запада. В одной из секретных телеграмм его слова были переданы так: «Соединенным Штатам остается только сдаться». А в завершение говорилось: «Судя по всему, Че считает предоставление Кубе советской военной помощи шагом величайшей важности».

Вскоре США и остальной мир узнают, что так оно и было. Через несколько недель договор, заключенный при участии Че, поставит мир на грань ядерной войны.

Глава 25
Водораздел

Кровь людей — это наше самое священное сокровище, но мы вынуждены расходовать его для того, чтобы спасти кровь большего количества людей в будущем.

Че Гевара. Тактика и стратегия революции в Латинской Америке (конец 1962 г.)

Однажды я взошел на вершину горы с ружьем в руке и почувствовал нечто, чего никогда не знал ранее — я почувствовал себя таким сильным! Я испытывал прекрасное чувство свободы, и я сказал себе: «У нас все получится!»

Эктор Жюв, один из партизан Че в Аргентине в 1963–1964 гг.

I

В декабре 1961 г. Хулио Роберто Касерес (Патохо), молодой гватемальский друг и протеже Че, тайно выехал с Кубы на родину с твердой целью организовать там партизанское движение под марксистскими знаменами. Че всегда по-братски относился к несколько углубленному в себя Патохо. Более того, последние три года тот жил в одном доме с Че и Алейдой.

Возвращение Патохо в Гватемалу произошло в тот момент, когда в стране сложились все условия для начала революции. Недавние выборы в парламент сопровождались массовыми фальсификациями. Затем, в конце января 1962 г., был убит глава тайной полиции при президенте Идигорасе Фуэнтесе, и двумя неделями позже произошли первые нападения на военные посты близ Пуэрто-Барриос, осуществленные партизанами под

командованием Йона Сосы и Турсиоса Лимы. Назвав свою группировку «Партизанским движением имени Алехандро де Леона и 13 ноября» — в память о дате их первого, неудавшегося восстания и о погибшем товарище, — повстанцы провозгласили свои цели в февральском воззвании к восстанию против «тирании» в Гватемале и восстановлению демократии в стране.

В марте 1962 г., всего через четыре месяца после отбытия Патохо, Че получил известие, что его друг погиб в бою. Гевара составил некролог, который был опубликован в «Верде оливо» в августе. Коротко описав жизнь Патохо и историю их отношений — как они жили и работали вместе, еще будучи фотокорреспондентами в Мехико, как Патохо хотел присоединиться к бойцам «Гранмы», но так и не попал на ее борт, как затем он приехал на Кубу, чтобы принести пользу революции, — Че писал:

«После того как он прибыл на Кубу, мы почти все время жили под одной крышей… но между нами не было былой близости, и я заподозрил, что Патохо вынашивает какие-то замыслы, только увидев, что он изучает один из языков индейцев его родины. Однажды Патохо сказал, что уезжает, что ему пришло время отдать свой долг…

Со временем пришла весть о его гибели… И не только его, но и целой группы товарищей, бывших с ним, но неизвестных мне лично. И снова — этот горький вкус поражения…

И снова молодая кровь увлажнила плодородные почвы Америки, чтобы сделать возможной свободу. Очередная битва проиграна; нам нужно время, чтобы оплакать наших павших товарищей, пока мы точим свои мачете…

Наши общие друзья в Мексике передали мне стихи, записанные Патохо в дневнике. Это последние стихи революционера; также это песнь любви к революции, к родине, к женщине. К женщине, которую Патохо знал и любил на Кубе, обращены эти последние призывные его строки:

Вот мое сердце — возьми его,
Спрячь в руке,
А когда к нам рассвет придет,
Руку раскрой,
Солнцем его согрей.

Сердце Патохо останется среди нас, в руках его возлюбленной и в благодарных руках целого народа, ждущего, когда его согреет солнце нового дня, который непременно займется над Гватемалой и всей Америкой».

Смерть Патохо дала сигнал к новой волне партизанских действий в Латинской Америке под патронажем кубинских властей: благодаря Че к 1962 г. Куба превратилась в подлинный центр партизанских операций. В условиях неослабевающей враждебности со стороны США и общеамериканской изоляции Кубы мечта Че о «континентальной революции» получала особый стратегический смысл: расширение партизанской угрозы помогало снизить давление США на Кубу и одновременно повышало цену, которую приходилось платить Вашингтону за продолжение своей региональной политики сдерживания.

Что еще важнее, Фидель внес эту цель в официальную программу правительства. Отвечая на исключение Кубы в январе 1962 г. из Организации американских государств, Кастро выступил 4 февраля с документом, получившим название «Вторая Гаванская декларация» и провозглашавшим неизбежность революции в Латинской Америке. В этом заявлении правительства соседних государств увидели скрытое объявление войны против их стран.

По словам Хуана Карретерро (он же «Ариэль»), высокопоставленного офицера кубинской разведки того времени, в 1962 г. он подключился к работе над проектом Че по созданию трансконтинентального антиимпериалистического «театра революционных действий в Латинской Америке». Ариэль работал под непосредственным началом Мануэля Пиньейро Лосады (он же «Барба Роха» — «Рыжебородый»), заместителя Рамиро Вальдеса в Агентстве госбезопасности, курировавшего партизанские программы.[30]

Весной 1962 г. Че занялся набором и военной подготовкой добровольцев из сотен латиноамериканских студентов, прибывших на Кубу по зову революционных властей. Тут были боливийцы и венесуэльцы, аргентинцы и уругвайцы, никарагуанцы, гватемальцы и колумбийцы. Около восьмидесяти человек прибыли из Перу, среди них был Рикардо, младший брат бывшей жены Че Ильды, который не замедлил сойтись со своими соотечественниками. Впрочем, довольно скоро произошел раскол между теми студентами, кто «просто хотел учиться», и теми, кто, по словам Рикардо, «хотел перенять кубинский революционный опыт, чтобы по возвращении домой совершить собственную революцию». Для Рикардо именно это было определяющим фактором, и он примкнул ко вторым.

Его решение совпало с перуанским военным переворотом в марте 1962 г., в результате которого были аннулированы результаты выборов, приостановлена работа парламента и под сомнение поставлено будущее всей политической системы Перу.

Для перуанцев, желавших применить к своей стране кубинскую модель, настало время действовать.

В середине 1962 г. Рикардо Гадеа и его перуанские товарищи ушли из университета, чтобы начать партизанскую подготовку в Сьерра-Маэстре. Их инструкторами были ветераны кубинской повстанческой армии; сам Фидель выступал перед ними с наставлениями; но именно Че, по словам Гадеа, был для них подлинным учителем.

Другой страной, тема «освобождения» которой волновала Че, была Никарагуа. После разгрома повстанческого отряда на гондурасско-никарагуанской границе летом 1959 г. никарагуанские повстанцы, боровшиеся с режимом Сомосы, вновь стали появляться на Кубе. Карлос Фонсека, идеолог их движения, оправился от ран, полученных во время первого предприятия, и вернулся в Центральную Америку, чтобы наладить политический союз между своей группировкой, другими политэмигрантами и противниками Сомосы внутри самой Никарагуа.

Пока Фонсека был в разъездах, в Гавану прибыл один из его ближайших учеников — Томас Борхе. Он хотел договориться о помощи недавно сформированной группе Никарагуанской революционной молодежи. Со своим товарищем Ноэлем Герреро и другом Че Родольфо Ромеро он пришел на встречу с Геварой в Национальный банк.

Как вспоминает Борхе, он начал было цветастую приветственную тираду «от имени никарагуанской молодежи», но Че оборвал его, коротко сказав: «Давайте оставим приветствия и перейдем прямо к делу». Однако Борхе заверил, что речь его «далека от демагогии», и Че согласился его выслушать. Когда Борхе закончил, Гевара обнял его и сказал, что «принимает» приветствие, после чего выдал ему и его товарищам двадцать тысяч долларов на организацию их дела.

Военным главой группировки был назначен Родольфо Ромеро, и Борхе с товарищами начал переброску никарагуанцев на Кубу. В общей сложности их набралось около тридцати человек, все они были приняты в революционное ополчение Кубы и для получения опыта боевых действий отправлены в Эскамбрай, где продолжалась борьба с контрреволюционерами.

В июле 1961 г. Карлос Фонсека вернулся в Никарагуа, и в течение всего лета его организация стремительно набирала силу. Фонсека направлял действия подпольщиков в крупных городах Никарагуа, где они в числе прочего занимались ограблениями банков и диверсиями, а Томас Борхе и около шестидесяти партизан под командованием Ноэля Герреро проникли с территории Гондураса в северные джунгли Никарагуа. Их отряд,

который впоследствии получит название «Сандинистского фронта национального освобождения» (СФНО), был готов к боевым действиям.

Щедрый по отношению к активистам будущей латиноамериканской революции, Че был куда скупее к собственной семье: он отказался помочь своим родителям, которые хотели приехать к нему в гости. После их первого визита в 1959 г. «мадре» Селия приезжала на Кубу еще раз, в 1960 г., и на следующий год Гевара Линч написал Ильде, что пытается накопить денег, чтобы вместе с Селией еще раз навестить сына на Кубе. Они хотели посмотреть на свою младшую внучку Алейдиту и еще раз повидаться с Ильдитой. Они знали, что очень скоро у них появится еще один отпрыск, поскольку Алейда была беременна во второй раз и должна была родить ребенка в мае 1962 г.

Ильда взяла на себя задачу поговорить с Че, чтобы тот выделил родителям немного денег, но наткнулась на резкий отказ. Че заявил: «Так ты, значит, из тех, кто не верит, что я живу на зарплату, и думает, что я использую народные средства, как мне вздумается». Пораженная, Ильда возразила, что совершенно не имела в виду ничего подобного: «Я только подумала, что ты частично оплатишь дорогу своему отцу. Ты же можешь передавать ему деньги порциями». Тогда Гевара слегка успокоился и сказал: «Ну ладно. Только давай оставим пока эту тему. Сейчас не время».

Между тем гражданской войной запахло в Венесуэле. Тут и там стали появляться партизанские отряды, а в мае 1962 г. на военно-морской базе близ Каракаса вспыхнул антиправительственный мятеж. Компартия открыто поддержала восстание, и президент Венесуэлы Бетанкур в наказание запретил и ее, и «Движение революционных левых».

В декабре компартия, объявленная вне закона, официально признала необходимость ведения «вооруженной борьбы», и уже через два месяца было объявлено о создании коалиции под названием «Вооруженные силы национального освобождения» (ВСНО).

Че не замедлил поддержать вновь образованную революционную организацию Венесуэлы, еще на один шаг приближавшую осуществление его мечты об общеконтинентальной партизанской борьбе против американского империализма.

II

Вскоре Че начал планировать восстание и в своей родной Аргентине. Он вынашивал эту идею в течение долгого времени, и очередной военный переворот, в результате которого был сброшен президент Фрондиси, только усилил его пыл. В качестве театра военных действий Гевара избрал джунгли на самом севере Аргентины — близ Сальты. Любопытно, что это была та самая территория, где он путешествовал в 1950 г. на мотоцикле и где во время остановки размышлял о смысле жизни, о смерти и собственной судьбе.

По плану Че, организовать партизанскую базу должен был аргентинский журналист Хорхе Рикардо Мазетти. От него требовалось наладить контакт с местным крестьянством и создать сеть поддержки в городах, не вступая пока в прямое столкновение с врагом. Затем, когда все условия будут созданы, Че собирался приехать в Аргентину и лично возглавить повстанческую армию.

Че попросил Альберто Гранадо помочь ему с набором бойцов в аргентинские партизанские войска. В октябре 1961 г. Альберто с семьей перебрался из Гаваны в Сантьяго под предлогом проведения биомедицинских исследований в местном университете и в течение всего 1962 г. вербовал среди аргентинских эмигрантов тех, кто был готов поучаствовать в реализации революционных замыслов Че. В Сантьяго он подружился с аргентинским художником Сиро Роберто Бустосом, который прибыл на Кубу примерно в то же время, что и он сам. Их беседы вскоре коснулись темы «вооруженной борьбы», и, когда Гранадо узнал, что Бустос поддерживает идею осуществления революции кубинскими методами на их родине, он не замедлил рассказать тому о Че, всячески его восхваляя. Вскоре Гранадо устроил им встречу.

В тот же год Альберто отправился в Аргентину. Он поездил по стране, занимаясь подбором «специалистов» для работы на Кубе, но истинной его целью был поиск добровольцев для партизанской борьбы. Впрочем, как Гранадо узнал несколько лет спустя, аргентинские службы безопасности догадывались о его настоящих мотивах и следили за всеми его передвижениями по стране.

Мазетти оставил работу в «Пренса латина». После операции в заливе Свиней он подготовил для телевидения несколько сюжетов с участием военнопленных, а затем пропал из виду. Официально причиной его ухода из агентства были трения с работавшими там коммунистами (сам Мазетти коммунистом не был). Говорили, что он затем перешел в отдел пропаганды кубинских вооруженных сил, однако на самом деле этот человек работал на Че.

Уйдя из «Пренса латина», Мазетти прошел курсы подготовки офицеров и получил звание капитана, после чего отправился с секретным заданием от Че в Прагу — ставшую новой базой кубинской разведки по ту сторону океана — и в Алжир, где он через Тунис передал алжирскому ФНО крупную партию американского оружия, захваченного на Плайя-Хирон. Мазетти сопровождал один из новобранцев Гранадо, Федерико Мендес, который, хотя ему было едва за двадцать, уже успел послужить в армии. В течение нескольких месяцев они жили в ставке генштаба ФНО, и Мендес обучал алжирцев пользоваться американским оружием. Ко времени возвращения на Кубу оба установили самые тесные контакты с лидерами алжирских революционеров и ключевыми офицерами их движения.

25 мая, в День независимости Аргентины, 380 членов аргентинской общины Гаваны собрались на торжества с неизменным асадо, национальными костюмами, народной музыкой и традиционными танцами. Когда организаторы обратились к Че с предложением посетить мероприятие в качестве почетного гостя, он сказал, что было бы неплохо позвать также Хайди Тамару Бунке. С момента ее прибытия из Берлина Тамара, как все ее называли, работала переводчицей с немецкого в Министерстве образования и с большим энтузиазмом воспринимала все происходящее на Кубе. Она стала участвовать в добровольческих работах, вступила в народное ополчение и в Комитет защиты революции — в результате Тамара заработала репутацию преданного революции человека. Она стала завсегдатаем встреч повстанцев из различных стран Латинской Америки, собиравшихся то и дело в Гаване.

Перед своими соотечественниками Че выступил с традиционной речью на тему революционной борьбы в Латинской Америке, особое внимание уделив Аргентине. Он говорил о том, что «антиимпериалистическим силам» Аргентины следует преодолеть идеологические разногласия, причем особо подчеркнул, что имеет в виду в том числе и перонистов. По словам одного кубинца, присутствовавшего на торжествах, в какой-то момент во время трапезы Че написал что-то на спичечном коробке и без слов протянул его сидевшему рядом с ним аргентинцу. Там было написано лишь одно слово: «единство». Спичечный коробок пошел дальше по кругу, ясно передавая мысль Че.

Че потихоньку расставлял шахматные фигуры своей партии, на кону которой стояла судьба его родины. Он уже готовил несколько различных аргентинских боевых группировок, отличавшихся друг от друга идеологически, но объединенных

общим желанием начать боевые действия. В нужное время каждая из группировок должна была войти в состав единой армии под началом самого Че. Отправка Мазетти стала первым ходом Гевары.

Тем временем в мире случилось несколько важных событий, имевших прямое отношение к судьбе Че. В сентябре предыдущего года при крайне подозрительных обстоятельствах погиб Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд. Это произошло в результате авиакатастрофы во время его посещения Конго после того, как войска ООН вступили в страну, чтобы противостоять бельгийским и южноафриканским наемникам, орудовавшим в богатой медью провинции Катанга.

Давно назревавший советско-китайский конфликт приобрел открытую форму в октябре 1961 г., когда китайский премьер-министр Чжоу Эньлай демонстративно покинул конгресс КПСС в Москве; обе державы стали теперь претендовать на мировое влияние и, в частности, оказывать давление на Кубу и компартии Латинской Америки, заставляя тех выбрать, на чьей они стороне.

В марте 1962 г. Фидель начал кампанию против «старых коммунистов» из НСП, пытавшихся взять под контроль Объединенные революционные организации, или ОРО (новая правительственная партия, возглавленная Фиделем и поглотившая «Движение 26 июля» вместе с НСП и «Революционной директорией»). Главной жертвой последовавшей чистки стал Анибаль Эскаланте, бывший влиятельный функционер НСП, а теперь первый секретарь ОРО, обвиненный в том, что при распределении постов он оказывал предпочтение и составлял протекции своим старым товарищам. Подвергнутый жесткой публичной критике, Эскаланте был сослан в Москву. Затем Фидель предложил новое название реформированной партии — Единая партия социалистической революции, — что стало следующей ступенью к созданию ныне действующей кубинской Коммунистической партии.

Летом 1962 г. Гранадо организовал встречу Сиро Бустоса с Че. Их беседа, состоявшаяся однажды ночью в конце июля в гаванском кабинете Че, была краткой. Че рассказал Бустосу, что есть особая «группа», которую готовят для Аргентины, и спросил, хочет ли он участвовать. Художник ответил утвердительно. Этого было достаточно. Бустосу велели оставаться в отеле: за ним должны были прийти. Затем его перевезли в дом в гаванском районе Мирамар, где он встретился с человеком, которого знал по фотографиям в газетах, а именно с Хорхе Рикардо Мазетти. Кстати, в свое время именно книга Мазетти о кубинской войне «Те, кто борется, и те, кто плачет» (1959) пробудила интерес

Бустоса к Кубе.

Мазетти объяснил, что это «проект Че», но, поскольку команданте не может пока оставить Кубу, именно ему предстоит возглавить партизанские войска на начальной стадии операции; Че должен был приехать позже и развязать настоящую войну. Он спросил, готов ли Бустос оставить все ради этого дела, и художник вновь ответил утвердительно. Для видимости ему пришлось вернуться в Ольгин и ждать там, пока его не вызовут, а предлогом для его неожиданного исчезновения должно было послужить выделение стипендии от Министерства промышленности на обучение в Чехословакии. Его жена должна была остаться на Кубе и хранить в секрете истинное местопребывание своего мужа.

В сентябре Бустоса и еще трех аргентинцев поселили на вилле в фешенебельном районе на востоке Гаваны. Опустевший после массового бегства с острова богатых людей, этот зеленый анклав с обнесенными оградами особняками находился теперь под охраной кубинских вооруженных сил, что давало все возможности для успешного прохождения здесь военной подготовки. Аргентинцы поселились в одной комнате, чтобы поближе познакомиться друг с другом и подготовиться к предстоящей им жизни. Их обучение состояло из пеших переходов и стрельбы по мишеням.

Время от времени к ним наведывались Мазетти, Че и некоторые офицеры разведки, прежде всего Ариэль и Пиньейро. Люди Гевары — Орландо «Оло» Тамайо Пантоха, служивший при Че офицером во времена войны в сьерре, и Эрмес Пенья, один из его телохранителей, — также принимали активное участие в тренировках, и вскоре выяснилось, что «капитан Эрмес» отправится с ними в Аргентину на правах заместителя Мазетти.

Другим человеком, регулярно появлявшимся в расположении аргентинской группы, был Абелардо Коломе Ибарра по прозвищу «Волосатый», бывший ни много ни мало начальником гаванской полиции. Он также намеревался присоединиться к аргентинской кампании в качестве руководителя базового лагеря в Боливии и ответственного за поддержание связи с Кубой. Впрочем, подготовкой их руководил не кубинец и не аргентинец, а советский генерал испанского происхождения, которого они знали как Анхелито. Сиро Бустос, так же как все остальные, понимал, что им не стоит задавать этому человеку слишком много вопросов; в тот момент присутствие советских военных на Кубе оставалось темой весьма щекотливой.

Эрмес Пенья старался воссоздать сцены баталий в сьерре, дабы на этих примерах подготовить своих подопечных к тому, с

чем им предстояло иметь дело. Довольно скоро всем членам группы в соответствии с их умениями и наклонностями были вменены определенные обязанности. Так, Бустоса готовили к тому, чтобы он отвечал за вопросы безопасности и разведки.

Че всегда прибывал к ним очень поздно: в два-три часа ночи. Сиро Бустос вспоминает, как они всей группой впервые встретились с Геварой. «Едва ли не первое, что он нам сказал, было: "Ну что же, вы все добровольно решились на это, и теперь нам необходимо все подготовить как следует, однако начиная с этого момента вам лучше считать себя мертвыми. Смерть — это единственное, о чем можно говорить тут с уверенностью. Кто-то из вас, может, и выживет, но в этом случае остаток своей жизни ему уместно будет рассматривать как подарок судьбы"».

Че намеренно расставлял все точки над «i». Ему было важно добиться, чтобы каждый партизан чувствовал себя психологически готовым к тому, что может с ним произойти. Как вспоминает Бустос, им предстояло «идти в самое пекло, не зная, дойдет ли хоть кто-то до цели и сколько времени это может занять».

III

Карибский кризис вынудил Че форсировать подготовку своей аргентинской кампании. Во время кризиса Гевара снова командовал войсками Кубы, базировавшимися на западе, в Пинар-дель-Рио. Ставка его командования располагалась в нескольких пещерах около одной из советских ракетных установок.

Когда разразился кризис, Че взял своих аргентинских подопечных к себе, определив их в батальон под командованием кубинских офицеров. В случае чего они должны были принять участие в сражении.

В момент максимального напряжения — после того как советская ракета класса «земля-воздух» сбила американский самолет-разведчик «Ю-2», убив пилота, — Фидель телеграфировал Хрущеву, что рассчитывает на то, что в случае начала американского наземного вторжения Москва первой приведет свои ракеты в действие. Он и кубинский народ, заверял Фидель, готовы биться насмерть. Только день спустя Кастро узнал, что у него за спиной Хрущев совершил сделку с Кеннеди, предложив вывести ракеты в обмен на обещание не нападать на Кубу и на вывод американских ракет «Юпитер» из Турции. Сначала Фидель ушам своим не поверил, а затем пришел в

бешенство и несколько раз ударил кулаком по зеркалу. Че, узнав о произошедшем, сухо приказал своим людям оборвать все контакты с соседней военной базой СССР и помчался в Гавану на встречу с Фиделем.

В течение следующих дней Кастро непрерывно ругался с Хрущевым, и в Гавану для улаживания ситуации был послан несчастный Микоян, сделавший все, что было в его силах, однако Фидель и Че по-прежнему пребывали в убеждении, что Хрущев продал их ради достижения своих стратегических целей. Их переговоры продолжались несколько недель, и по временам накал страстей достигал критической отметки. Один раз ошибка, допущенная русским переводчиком, привела к тому, что представители обеих сторон начали попросту кричать друг на друга. Когда недоразумение разъяснилось, Че спокойно вытащил из кобуры свой пистолет и вручил его переводчику, сказав: «По-моему, это для тебя лучший выход…» По словам Алексеева, все, включая Микояна, засмеялись; черный юмор Гевары разрядил обстановку.

Через несколько недель после кризиса Че, еще разгневанный «предательством» СССР, дал интервью Сэму Расселу, корреспонденту британской социалистической «Дейли уоркер». Гевара заявил Расселу, что, будь ракеты в руках кубинцев, они привели бы их в действие. После интервью Рассел испытывал смешанные чувства. Он назвал Че «душевным человеком, к которому тотчас пропитался симпатией… Гевару несомненно отличает большой ум, хотя, похоже, он слегка спятил из-за этих ракет».

Как вспоминает Сиро Бустос, когда напряжение из-за кризиса спало, их перевезли обратно в Гавану, и Че сказал: «Вы уезжайте. Я не хочу, чтобы вы тут находились».

Членам аргентинской группы было велено оставить дом, в котором они жили, точно таким же, каким он был до их вселения, устранив абсолютно все следы своего пребывания. Одного из аргентинцев, Федерико Мендеса, направили на курсы подготовки радистов, а Бустос прошел недельный курс криптологии. Его обучили советской кодовой системе, основанной на десяти неповторяющихся числах. «Все это напоминало истории про Джеймса Бонда, — вспоминает Бустос. — Расшифровав сообщение, нужно было сжигать текст».

Затем в дело вступили «специалисты по паспортам» службы Пиньейро. Они дали каждому члену группы паспорта различных стран: Бустос стал уругвайцем. «Это было что-то невообразимое, — говорит он. — Они сделали меня очень молодым, да еще и светловолосым». Но художника успокоили,

сказав, что в таком виде он предстанет только в Чехословакии, дружественной стране, где никто не станет задавать лишних вопросов.

Также членам группы стало известно, что они будут продолжать подготовку до тех пор, пока кубинская служба безопасности не подготовит для них безопасную базу на южной границе Боливии, рядом с Аргентиной. Вся группа получила название Народной повстанческой армии, а каждый из ее членов — особое прозвище на период кампании: Бустос был отныне Лауреано, Мазетти — команданте Сегундо. Нетрудно догадаться, что команданте Примеро[31] был Че, который пока оставался в тени, будучи подпольным руководителем под кодовым именем Мартин Фьерро. Операции в целом было присвоено название «Тень». Все эти обозначения имели двойной смысл, отсылая к аргентинскому героическому прошлому, олицетворяемому фигурами Мартина Фьерро и дона Сегундо Сомбры.[32]

В Праге группу из пяти человек встретил майор Рафаэль «Папито» («Папаша») Сергера, которого они мельком видели в Гаване и который ныне действовал под прикрытием кубинского посольства в Праге. Он отвез всех на озеро Слапи, находящееся в часе езды от столицы, и поселил в отеле, где им уже были забронированы номера. Стояла глухая осенняя пора, и кроме них в отеле был только обслуживающий персонал. По соглашению с чешской разведывательной службой, однако, была придумана легенда, объяснявшая появление этих людей в отеле. «Нас объявили кубинскими студентами, — вспоминает Бустос, — выехавшими за город немного отдохнуть».

Папито Сергера навещал их пару раз, в остальном же пятеро будущих партизан были предоставлены самим себе. Им нечем было заняться, и, чтобы поддерживать себя в форме, члены группы стали совершать пешие переходы по окрестностям, покрытым снегом — «по 20–25 километров в один конец». В конце концов, утомленные такой однообразной жизнью, они связались с Сергерой и стали жаловаться, но он призвал всех к терпению: боливийская ферма, которой предстояло стать их базой, еще не была куплена.

Еще месяц Мазетти со своими людьми провел в полудобровольном заключении в отеле на озере Слапи, после чего Сергера наконец позволил им перебраться в Прагу. Однако чехословацкие спецслужбы выразили недовольство таким нарушением мер предосторожности, поэтому латиноамериканцам пришлось разделиться: Мазетти поселился в одном отеле, а Сиро Бустос и остальные — в другом.

Тем временем уже наступил декабрь, и чехам все больше

начинало не нравиться затянувшееся пребывание кубинцев на их территории. В конце концов Мазетти больше не мог всего этого выносить и заявил, что летит в Алжир договориться о разрешении перебраться со своей группой туда, чтобы продолжить подготовку. В июле после переговоров с де Голлем была окончательно провозглашена независимость Алжира от французского колониального правления, и во главе суверенного государства встал теперь «Фронт национального освобождения».

«Мазетти улетел в Алжир и вернулся два дня спустя, — продолжает свой рассказ Бустос. — Он сказал, что Бен Белла и Бумедьен, президент и министр обороны независимого Алжира, встретили его в аэропорту и согласились нам помочь. Мы отправились туда незамедлительно». Но для того, чтобы долететь до Алжира, необходимо было сделать пересадку в Париже и провести там несколько дней, а для Бустоса, продолжавшего путешествовать по поддельному паспорту, это представляло определенную проблему. Он решил ее, высветлив волосы перекисью водорода. «Я стал похож на какого-то трансвестита из кабаре», — вспоминает художник с мрачным юмором.

Члены группы прибыли в Париж 1 января 1963 г. Три дня из четырех они провели в старом отеле «Пале д'Орсе», недалеко от вокзала д'Орсе. Вынужденные поддерживать абсолютную секретность, будущие партизаны приняли все меры предосторожности, причем Бустос отвечал за безопасность группы и решил, что им следует выдать себя за туристов. «Мы сходили в Лувр, — вспоминает он, — и много гуляли по городу».

4 января они прилетели в город Алжир. На стенах многих домов были видны следы пуль, а на улицах сплошь и рядом встречались руины обрушившихся зданий — все это свидетельствовало о недавней войне, но долгое кровопролитие не смогло уничтожить удивительной красоты города.

Решительно переходя от военных действий к управлению страной, алжирские лидеры начали с «чистки» — то же самое устроили и кубинцы четырьмя годами ранее, разобравшись с собственными чивато и предателями. Город еще был охвачен военной истерией: повсюду рыскали военные из ФНО, выискивавшие коллаборационистов и недавних палачей, при этом на всех европейцев и прочих иностранцев подозрительные арабы бросали откровенно враждебные взгляды. Понимая, что люди Че не могут чувствовать себя в безопасности в такой обстановке, революционные правители Алжира отправили в аэропорт двух генералов и целый взвод охраны для встречи гостей. После этого прибывших незамедлительно препроводили на виллу в пригороде и снабдили охраной.

Спустя некоторое время члены группы перебрались на другую виллу, на сей раз уже в самой столице, но, поскольку опасность того, что их могут принять за французов, по-прежнему сохранялась, они редко покидали ее пределы. А в том случае, если будущие партизаны все же куда-то направлялись, их повсюду сопровождали сотрудники алжирских сил безопасности.

В течение следующих нескольких месяцев аргентинцы — в компании алжирских ветеранов борьбы за независимость — упражнялись в стрельбе и гимнастических упражнениях, а каждый из них, кроме того, занимался теми областями военной науки, за которые отвечал. Алжирцы возили гостей на бывшие передовые линии фронта, к пещерам, в которых были прорыты туннели, где они прятали бойцов и запасы оружия во время войны, а также к французским передовым линиям. Папито Сергера, который как раз получил должность кубинского посла в Алжире, вскоре прибыл на место и, помимо исполнения своих прямых обязанностей, стал выполнять функцию связующего звена между группой и Че. Бустос, продолжавший отвечать за безопасность группы, получил право покидать территорию виллы и ездить в посольство за новостями.

Во время своего пребывания в Алжире аргентинцы весьма крепко сдружились с местными революционерами. Однако время шло, и Мазетти не мог дождаться, когда они наконец смогут отправиться на место назначения. В ответ на его бесконечные расспросы Папито Сергера передавал им «странные и противоречивые» (по выражению Бустоса) сообщения из Гаваны, которые как будто исходили от Че. «Волосатый» вылетел на Кубу, чтобы выяснить, что происходит, и вернулся встревоженный: они с Че просмотрели все присланные им сообщения, и выяснилось, что некоторые из них Гевара не отправлял. Поскольку вся связь с будущими партизанами шла через Пиньейро, то они решили что его служба дала сбой. Однако кое-кто, в том числе Бустос, начали подозревать нечто большее — возможно, намеренный саботаж планов Че. Впрочем, вся эта история так и осталась покрытой завесой тайны.

Тем временем телохранители Че Альберто Кастельянос и Гарри Вильегас ожидали от команданте распоряжений о выезде в ту или иную страну. Однако прошло много месяцев, а от Че не поступало никаких сигналов. Кастельянос успел уже окончить курсы подготовки кадров при своем министерстве, вновь вступить в вооруженные силы и заняться военной переподготовкой. В конце февраля он на выходные вернулся домой в Гавану, и тут его шеф неожиданно послал за ним. Поскольку сообщение Че, как обычно, было очень лаконичным, Кастельянос решил, что его

ждет какое-нибудь наказание. «Всякий раз когда Че посылал за нами, это происходило потому, что он хотел надрать нам уши за какую-нибудь провинность. Вот я и сказал себе: "Странно, я в последнее время вроде бы ничего такого не сделал — даже не напился ни разу". В общем, я и представить не мог, почему Че хочет меня видеть».

Несколько обеспокоенный, Кастельянос отправился к Че и перед дверью в его кабинет спросил у секретаря Гевары, Хосе Манресы, что случилось. Невозмутимый словно сфинкс, Манреса ответил: «Ничего, все нормально».

Когда Кастельянос вошел к Че, тот многозначительно посмотрел на него и напомнил офицеру, что у него есть жена, о которой стоит подумать. Затем Че сказал, что задание, о котором пойдет речь, не предполагает легкомысленного отношения: «Это задание может вылиться для тебя в двадцать лет борьбы, и хорошо еще, если ты вообще сможешь вернуться».

Че предложил офицеру обдумать все серьезно, прежде чем дать окончательный ответ, но, как говорит Кастельянос, он подумал лишь секунду-другую, после чего спросил: «Куда ехать?»

Гевара не сообщил никаких подробностей, лишь заметил, что в том месте, куда он его отправляет, Кастельянос обнаружит некоторых своих знакомых. Еще Че добавил: «Тебе придется дожидаться меня с группой товарищей, которых я также туда посылаю; ты будешь главным до моего прибытия». Гевара сказал, что намерен присоединиться к ним до конца года. Затем Кастельянос направился к Пиньейро, чтобы получить от него инструкции, свою новую легенду и программу действий.

IV

Примерно в то же время Тамара Бунке поступила на курсы разведчиков при департаменте Пиньейро, подвергшись перед этим, как пишут ее официальные кубинские биографы, «проверке на благонадежность, занявшей несколько месяцев».

«Бунке пришла к нам и попросила, чтобы ее имели в виду как кандидата на участие в каком-нибудь задании», — говорит заместитель Пиньейро, Ариэль. В то время, по словам Ариэля, они рассматривали Тамару как главного претендента на отправку в Аргентину.

Согласно досье, собранному на нее в разведывательном управлении бывшей ГДР, перед отправкой на Кубу в 1961 г. Тамара Бунке была неофициальным информатором «Штази». В то же время ее держало в поле зрения Главное разведывательное

управление (ГРУ) этой организации, подумывавшее об использовании Бунке в качестве агента глубокого прикрытия в Аргентине, а в перспективе — и в США.

Принимая во внимание жесткий внутренний контроль, принятый в системе безопасности ГДР, а также то, что сама Тамара была воспитана в духе идей марксизма-ленинизма, не стоит удивляться, что она стала информатором «Штази». «Информировать» о деятельности своих сограждан и иностранных гостей заинтересованные структуры коммунистического государства было для этой женщины патриотическим долгом, который она, похоже, выполняла без всяких угрызений совести. Но на кого же работала Тамара, когда оказалась на Кубе: на кубинские власти, на восточногерманские спецслужбы или на тех и других? Орландо Боррего, друживший с этой женщиной, говорит, что «не сомневается в том, что она работала на германские спецслужбы», но также и не сомневается в ее полной преданности идеям кубинской революции. Александр Алексеев предполагает, что Бунке была немецким агентом, которого «Штази» передала в помощь кубинцам. «Немцы готовы были предложить свою помощь, — рассказывает он. — Они стремились к дружбе с революционной Кубой, что было неплохо и для нас».

Алексеев согласен с Боррего в том, что Тамара была предана «кубинцам, Фиделю и Че». Он полагает, что Че «покорил ее своими идеями: он умел убеждать и привлекать к себе людей».

Еще один человек (аргентинец по происхождению), тесно работавший с Че и знавший Тамару лично, говорит о ней следующее: «По-моему, Бунке работала на германскую спецслужбу, которая передала ее в ведение разведки Че, о чем она сама же и просила. Ни Че, ни немцам не понравилось бы, если бы она стала посылать отчеты в два места одновременно. Гевара был совсем не глуп: он ни за что не допустил бы двойной игры».

Согласно недавно обнародованным документам «Штази», Тамара Бунке изначально была завербована агентом восточногерманской разведки Гюнтером Маннелем, отвечавшим в «Штази» за американское направление.

Через месяц после отбытия Тамары на Кубу в 1961 г. Маннель бежал в Западный Берлин, где вскоре перешел на службу ЦРУ. Он передал информацию о некоторых завербованных им агентах, действовавших в Западном Берлине, и они были арестованы; кроме того, он проинформировал ЦРУ о Тамаре.

По-видимому, в ГРУ «Штази» об этом догадывались. 23 июля, вскоре после предательства Маннеля, на Кубу было послано письмо для Бунке, в котором ее уведомляли об опасности и настоятельно рекомендовали не пытаться «ехать в Южную или

Северную Америку и в любом случае предварительно обо всем консультироваться».

Впрочем, судя по документам «Штази», контактов с Тамарой у нее больше не было. Тем не менее в связи с этими документами встает ряд вопросов. Когда кубинская разведка принимала Тамару на службу, сообщила ли та о своих предыдущих связях со «Штази» и о том, что ее собственный вербовщик всего через месяц после ее прибытия дезертировал в Западный Берлин? Если Бунке рассказала об этом, то почему кубинцы использовали ее в том же самом регионе — Боливии и Аргентине, — куда изначально планировало ее послать ГРУ «Штази»? Вполне логично было бы заключить, что после предательства Маннеля ЦРУ и дружественным спецслужбам было прекрасно известно о личности Тамары и ее предполагаемой роли в разведывательных действиях.

Вот что говорит по этому поводу Пиньейро: «Я сам занимался Бунке. И поинтересовался, работает ли она на немецкую разведку. Она ответила отрицательно». Пиньейро добавил также, что, даже если бы он знал о Маннеле и письме, которое прислали Тамаре, он все равно одобрил бы ее кандидатуру, поскольку Бунке продемонстрировала «отличные навыки» разведчика, а также потому, что доверял своей организации в отношении создания для нее надежной легенды.

V

В то время как Бунке начинала подготовку в рядах кубинских спецслужб, а группа Мазетти была в Алжире, Че занимался изучением политических изменений в своей родной Аргентине, стремясь получить любую информацию, которая могла бы ему помочь определить, когда лучше всего дать старт партизанской кампании. Одним из источников нужных сведений были друзья и родственники, которых Че приглашал к себе на Кубу. В феврале он послал за Рикардо Рохо. Их политические взгляды несколько расходились — Рохо был хотя и «антиимпериалистом», но не социалистом, — и тем не менее у них за плечами был долгий опыт общения, и Че знал, что Рикардо является превосходным политическим аналитиком с широким кругозором. Да и, кроме того, именно Рохо познакомил Гевару с Ильдой, впервые прислал на Кубу Мазетти, а в последнее время стал еще и большим другом матери Че.

Че разместил Рохо по высшему разряду: в одной из правительственных резиденций в районе Мирамар, неподалеку от

бывшего укрытия группы Мазетти. Рохо провел там два месяца, и Че частенько вызывал его к себе для бесед. Впоследствии Рохо писал, что Гевара был удручен нарастающей региональной изоляцией Кубы и по-прежнему крайне недоволен «патерналистским» отношением к Кубе со стороны СССР во время Карибского кризиса. В их разговорах Че ясно дал понять, что не думает, будто Куба сможет преодолеть изоляцию до тех пор, пока в других латиноамериканских странах не произойдут социалистические революции, и совершенно не скрывал, что размышляет о том, как этот процесс ускорить. Рохо вспоминает, что они вместе обсуждали каждую из стран Латинской Америки, пока наконец в один из дней Че не попросил его всесторонне поговорить с ним об Аргентине.

Во время их разговора Гевара кое-что записывал. Рохо заметил, что Че выказывает особый интерес к рабочему и университетскому движению в Аргентине и стремится понять, кто есть кто в нынешней аргентинской оппозиции. Они также обсуждали феномен популярности Перона у аргентинского рабочего класса, и Че показал Рохо письмо, которое он получил от изгнанного каудильо, выражавшего свое восхищение кубинской революцией. Рохо показалось, что Че взвешивает все за и против создания альянса с перонистами как средства разжигания повстанческого движения. Военное правительство было не слишком популярным в Аргентине, и в трудовых массах нарастало недовольство; Че задавался вопросом, какова будет «реакция масс», если Перон переедет жить на Кубу.

В начале апреля 1963 г., непосредственно перед отъездом Рохо с острова, на военно-морской базе в Буэнос-Айресе вспыхнул мятеж. Его быстро и жестоко подавили войска, но для Че этот инцидент стал свидетельством серьезной разобщенности в рядах военных, и он сказал Рохо, что, по его мнению, в Аргентине начинают складываться «объективные условия для борьбы». Самое время было добавить «субъективных условий», чтобы показать людям, что они могут сбросить своих правителей силовым путем. Рохо же доказывал, что революция победила на Кубе только потому, что американцы ослабили контроль, но это время прошло и теперь Соединенные Штаты вместе со своими региональными союзниками бдительно следят за ситуацией. Че согласился со второй частью доводов Рохо, однако отказался признать успех Кубы лишь «исключением из правил».

Тем временем Мазетти, который находился в Алжире, узнал, что люди Пиньейро наконец приобрели для них ферму в Боливии, однако по-прежнему не было никаких признаков того, что их группа скоро туда отправится. Тогда Мазетти решил, что ждать

дольше он не может, и попросил алжирцев помочь ему переправиться в Боливию, на что те тотчас согласились.

«Алжирцы дали нам все, — вспоминает Бустос. — Они дали бы нам и оружие, но мы не могли его взять, поскольку нам предстояло пройти пограничный контроль нескольких стран».

В мае 1963 г., через семь месяцев после отъезда из Гаваны, группа Мазетти отправилась наконец в Южную Америку. Правда, не в полном составе, лишившись одного из своих членов. Аргентинский еврей Мигель, рекрутированный Альберто Гранадо, склонный к спорам и нарушению дисциплины, стал вдруг нападать на Мазетти, открыто оспаривая его лидерство. Они постоянно спорили и соперничали между собой. Их борьба достигла кульминации в момент, когда группа собиралась покинуть Алжир: Мигель заявил, что не хочет ехать, если руководителем будет Мазетти. Это означало неминуемое и окончательное выяснение отношений. Как вспоминает Бустос, «Мазетти, который служил в свое время в аргентинском военном флоте и всегда пытался походить на мачо из кинофильмов, не мог этого так оставить». Кончилось тем, что противники подрались. Их растащили, но Мазетти по-прежнему жаждал отмщения. Он настоял на проведении импровизированного трибунала, который должен был решить, оставаться Мигелю в группе или нет. Бустос был назначен обвинителем, а Федерико — адвокатом Мигеля.

Бустос считал, что Мигель просто-напросто струсил и спровоцировал Мазетти специально ради того, чтобы отколоться от группы. Выступая в роли обвинителя, он подчеркнул нежелание Мигеля соблюдать дисциплину, и, поскольку им предстояла рискованная поездка через несколько иностранных государств, было бы логично не брать его с собой. Даже защитник Мигеля Федерико не сильно возражал против такого решения вопроса.

Но Мазетти этого было мало. Он стал настаивать на том, что желание Мигеля отколоться от группы является дезертирством, а это преступление карается смертью, поэтому Мигеля следует поставить к стенке. Более того, он заявил, что может организовать расстрел при помощи своих друзей — алжирских военных. В тот день мнение Мазетти возобладало, и группа единогласно проголосовала за смерть Мигеля. Алжирцы прислали взвод солдат, которые увели приговоренного к смерти.

Бустос, хотя и был уверен в правильности принятого решения, тем не менее чувствовал себя скверно. «Мы… были поражены тем, что парень ведет себя на редкость достойно… Ушел по-мужски, хладнокровно, не причитая и не прося о пощаде».

Начиная с этого момента Бустос и все остальные если говорили о Мигеле, то называли его не по имени, а «Фусиладо» («Расстрелянный») и считали его первой жертвой во имя аргентинской революции. Только спустя долгое время выяснилось, что они напрасно говорили о нем в прошедшем времени.

Будущие партизаны разбились на несколько групп и с алжирскими дипломатическими паспортами вылетели в Рим. Там они решили, что Мазетти и «Волосатый» поедут отдельным маршрутом, а Бустос, Федерико, Леонардо, Эрмес и двое алжирских агентов, которые все это время их опекали, полетят в бразильский Сан-Паулу. Из Сан-Паулу они на поезде доехали до города Санта-Крус-де-ла-Сьерра, находящегося уже в тропических низинах на востоке Боливии. Там алжирцы из тактических соображений отделились от группы и отправились в Ла-Пас, где оставили привезенное ими военное снаряжение в специальном месте и затем от имени нового алжирского правительства продолжили свою «дипломатическую миссию» в соседних с Боливией государствах. Несколько дней спустя Бустос со товарищи прибыли в Ла-Пас и вступили в контакт со своими единомышленниками — молодыми активистами из Коммунистической партии Боливии а вскоре к ним присоединился и «Волосатый».

Все вместе они отправились к месту расположения базового лагеря, и по пути к ним присоединился Мазетти. Они всем говорили, что якобы являются партнерами в новом совместном аргентинско-боливийском предприятии и приобрели для своих нужд ферму в удаленной части страны — там, где река Бермехо разделяет боливийскую и аргентинскую территорию; их участок располагался посреди гористого и лесистого треугольника с аргентинскими землями по двум сторонам. Туда вела только одна, покрытая грязью дорога, и до ближайших соседей было много километров.

На ферме их уже ждал помощник — активист боливийской компартии. «Волосатый», выступавший в роли «администратора», разъезжал на джипе, привозил продовольствие и оружие, но когда будущие партизаны увидели снаряжение, подготовленное для них людьми Пиньейро и сотрудничавшими с ними боливийцами, то пришли в ужас. «Это была очень уж тонкая форма, сшитая из блестящего нейлона, — вспоминает Бустос. — Обычные нейлоновые рубашки и кобуры со звездочками… Это выглядело несерьезно».

Рюкзаки и ботинки также были плохого качества, но, к счастью, алжирцы снабдили их несколькими комплектами

хорошей югославской военной формы, патронташами и полевыми биноклями. Вообще весь арсенал, доставленный с Кубы, был достаточно разнообразным и хорошего качества: он включал китайские базуки, пистолеты, пистолет-пулемет Томпсона, автоматы и множество боеприпасов. Сиро Бустосу достался пистолет с глушителем.

Изучив маршруты для перехода на территорию Аргентины, Мазетти решил, что они готовы к выходу. 21 июня передовой отряд Народной повстанческой армии из пяти человек пересек аргентинскую границу.

VI

Начало операции Мазетти почти совпало с разгромом в Перу другого партизанского формирования, отправленного с Кубы. В мае колонна партизан из сорока человек, подготовленная на Кубе «Фронтом национального освобождения» во главе с Эктором Бехаром, попыталась перейти боливийскую границу и проникнуть на территорию Перу, но безуспешно. Бехар планировал достичь Валье-де-ла-Конвенсьон в районе южных Анд на территории Перу, где правительственная армия пыталась подавить небольшую группу повстанцев, возглавляемую крестьянским лидером троцкистского толка Уго Бланко. В ноябре группировка Бланко напала на пост гражданской гвардии и с тех пор скрывалась от преследования, и кубинцы сочли эту ситуацию подходящим поводом для ФНО вмешаться в дело.

Проще всего Бехару было попытаться проникнуть на территорию Перу из Боливии — этой большой и в основном не очень развитой страны, расположенной в сердцевине южноамериканского континента, с плохо охраняемыми границами, отделяющими ее от Перу, Чили Аргентины, Парагвая и Бразилии. Другим аргументом в пользу Боливии было то, что Куба имела хорошие отношения с левоцентристским правительством Виктора Паса Эстенсоро из «Национально-революционного движения» (НРД); это было одно из немногих правительств в Латинской Америке, по-прежнему сохранявших дипломатические отношения с Гаваной. Кубинским послом в Перу был Рамон Аха Кастро — человек, близкий Че и в свое время сопровождавший его на конференции в Пунта-дель-Эсте, а его помощником был назначен Ариэль, работавший у Пиньейро. Немаловажным было также и то, что Коммунистическая партия не была запрещена в Боливии и могла содействовать кубинцам, предоставляя партизанам нужные связи, явочные квартиры и

транспорт. Кубинские власти попросили боливийских коммунистов помочь колонне Бехара дойти до перуанской границы, а Мазетти — до аргентинской. Те согласились и направили своих людей на помощь обеим группам, однако это решение было принято с большой неохотой.

Коммунистическая партия Боливии (КПБ) действовала в стране вполне легально, и ее лидеры, как и руководители многих других родственных партий в соседних странах, сторонились вооруженной борьбы за власть, навязываемой Кубой — и особенно Че, — предпочитая укреплять свои позиции путем участия в выборах. Боливийские коммунисты установили дружеские отношения с правительством Паса Эстенсоро и рассчитывали двигаться и дальше в том же направлении.

В сущности, КПБ согласилась помочь Гаване в проведении перуанской и аргентинской операций только потому, что надеялась отвлечь внимание Кубы от Боливии. Кроме того, в молодежном крыле партии имелась прокубинская фракция, которая вполне могла стать опорой для партизанской армии, поэтому, давая возможность ее членам помочь кубинцам в Аргентине и Перу, лидеры КПБ рассчитывали не допустить раскола партии, как это произошло с перуанскими коммунистами. Как вспоминает Марио Монхе, бывший глава боливийской компартии, первыми заговорили с ним на эту тему кубинские дипломаты в Ла-Пасе.

«Они сказали, что нуждаются в помощи молодых перуанских коммунистов, которые были бы хорошо обучены и мечтали вернуться на родину. Они считали, что лучшей исходной точкой для них будет именно Боливия». По словам Монхе, он заявил кубинцам, что не согласен с их стратегией, ибо считал, что кубинский опыт уникален и не может быть повторен еще где бы то ни было. Он также сказал им, что не может действовать за спинами своих товарищей из перуанской компартии и должен сообщить им обо всем и узнать их мнение. На встречах в Чили и Уругвае Монхе рассказал перуанцам о предложении кубинцев и выяснил, что для них эта идея совершенно неприемлема. «Они не хотели иметь ничего общего с партизанами», — говорит он.

Хотя Монхе перуанцев прекрасно понимал, он попытался убедить их не идти на открытый разрыв с Гаваной, призывая «быть гибкими и стараться контролировать ситуацию».

Впрочем, и до Монхе, и до других его товарищей уже начинали долетать слухи о том, что и Боливию Гавана тоже хочет охватить войной. На заседании Политбюро КПБ было принято единогласное решение выступить против идеи вооруженной борьбы в их стране, после чего Монхе с другим членом

Политбюро, Иларио Клауре, выехал в Гавану. По словам Монхе, их целью было выразить официальную позицию боливийской партии, выступавшей против кубинского «интервенционизма» в регионе, а также попытаться «стать посредниками» между Гаваной и негодующими перуанцами.

Встречаясь с Мануэлем Пиньйеро, Монхе напомнил ему, что в 1930-е гг., при Сталине, СССР, также поддерживал партизанские движения в Латинской Америке, но это ни к чему не привело.

Пиньейро предложил ему поговорить с Фиделем и организовал им встречу, на которой Монхе вновь изложил и свою точку зрения, и точку зрения перуанцев по поводу планов Кубы. Но Фидель, назвав кубинский революционный опыт реальной альтернативой традиционным методам коммунистической партии, заявил, что не может и не станет лишать этой альтернативы молодежь, желающую последовать кубинскому примеру. «Мы намерены помогать им, — сказал Фидель Монхе. — Я понимаю вашу позицию, но полагаю, что мы обязаны помогать тем, кто сейчас собирается приехать в вашу страну. Я не прошу помощи у перуанской партии, я прошу помощи у вас».

Решив, очевидно, что Кастро из чувства благодарности не станет начинать никаких партизанских действий за их спинами, Монхе с Клауре пошли навстречу Фиделю; они согласились, ничего не сообщая перуанской компартии, помочь группе Бехара проникнуть на территорию Перу. Затем они поговорили и с Че, но эта встреча была куда менее дружеской. По словам Монхе, Гевара отстаивал свои взгляды «агрессивно и твердо», и между ними возникло не доверие, а напряженность.

По словам Клауре, они с Монхе вернулись в Ла-Пас, отнюдь не избавившись от подозрений, что кубинцы намерены осуществить свои замыслы, невзирая на позицию КПБ, и потому были полны решимости сохранять бдительность. Довольно скоро стало понятно, что их опасения не напрасны. Во время следующего визита Монхе в Гавану ему довелось провести один день с Че за городом, и вот, когда они лежали на траве и разговаривали, Че вдруг повернулся к нему и сказал: «Эй, Монхе, а почему бы нам не начать партизанскую войну в Боливии?» Тот ответил: «А зачем? Что нам это даст?» Тогда Че сказал вызывающе: «Ты просто боишься, да?» Монхе, если верить его словам, принял вызов: «Нет, это у тебя в голове одни пулеметы, и ты просто не можешь представить себе другого способа вести борьбу с империалистами». Че рассмеялся и закрыл тему.

Помимо расхождений с кубинскими властями в отношении революционной теории, Монхе и его товарищи по боливийской компартии принимали во внимание еще и то, что лично им

инициированная Кубой партизанская борьба не обещает никаких особенных выгод и будет больше на руку Кубе. Как рассказывает Монхе, довольно скоро после описанной беседы с Че «высокопоставленный кубинский чиновник» заявил ему, что «будет великолепно», если его партия начнет вооруженную борьбу в Боливии, «поскольку это отвлечет внимание империалистов и снизит их давление на нас».

Некоторое время Монхе старался поддерживать как можно более хорошие отношения с кубинцами. Он даже попросил у кубинских властей позволения прислать на Кубу некоторых молодых членов партии на том основании, что КПБ хотела бы «перенимать опыт кубинской революции». Тем временем партийцы начали оказывать поддержку группам Бехара и Мазетти, отправляя им в помощь молодых активистов. Именно боливийцы подобрали и приобрели землю на реке Бермехо, которая должна была стать базой для проведения операции Мазетти. После ряда задержек и изменений в планах колонна Бехара была выведена из Ла-Паса и длинным речным маршрутом доставлена через восточные боливийские джунгли на границу с Перу.

Это произошло в мае, и к тому моменту намерения Бехара были, по-видимому, уже хорошо известны перуанским властям. Бехар отправил передовой отряд пересечь границу, но тот был сразу же обнаружен полицией перуанского городка Пуэрто-Мальдонадо. В последовавшей перестрелке погиб один из бойцов, талантливый молодой поэт Хавьер Эро. Большей части остальных удалось вернуться в Боливию, правда примерно дюжина людей Бехара была схвачена местными властями, но потом отпущена на свободу — это был жест доброй воли со стороны правительства Пас Эстенсоро в адрес Кубы. В конце мая Уго Бланко также арестовали и бросили в перуанскую тюрьму. В начале июня военная хунта, захватившая власть в Перу годом ранее, провела обещанные выборы, на которых победил правоцентрист Фернандо Белаунде Терри. Первая попытка организовать в Перу партизанское движение закончилась полным провалом, но Бехар с товарищами стал готовить силы к новой операции.

Столь быстрое раскрытие планов группы Бехара вызвало подозрения в адрес местных компартий: Бехар обвинил партию Монхе в том, что она уступила требованиям перуанской компартии и стала чинить ему препятствия, причем он особенно отмечал тот факт, что боливийцы составили маршрут таким образом, чтобы его группа вошла на территорию Перу в сотнях миль от места, где действовал Бланко. В ответ на эту критику партийные лидеры Боливии заявляли, что действовали в полном

соответствии с пожеланиями кубинских властей: их люди доставили Бехара к перуанской границе и потом не бросили его в беде, обеспечив укрытие и другую помощь.

Что касается бывшего шурина Че Рикардо Гадеа, то он не участвовал в провальном мероприятии Бехара. После раскола, случившегося в революционном перуанском движении, Гадеа вместе с некоторыми другими будущими партизанами образовал «Левое революционное движение», которое выступало с иных позиций, нежели «Армия национального освобождения» и ее кубинские покровители: оно ставило перед собой цель сначала создать социальную и организационную базу в Перу и только затем начинать войну. Кубинские власти не одобряли подобных идей, и, по словам Гадеа, в отношении к ним кубинцев «появился холодок». Пока Бехар со своей группой переправлялся в Боливию, Гадеа и его единомышленники были посланы в горы Эскамбрай для борьбы с орудовавшими там контрреволюционерами. Все их просьбы о возвращении в Перу получали решительный отказ или вовсе оставались без ответа. Только после фиаско Бехара и поездки в Гавану лидера их партии Луиса де ла Пуэнте Уседы им наконец разрешили уехать. Перед отбытием Гадеа в последний раз встретился с Че.

«Для меня это был важный разговор, — вспоминает Гадеа, — поскольку впервые Че смотрел на меня не как на ученика и не как на члена семьи, но как на человека, который принял решение осуществить революцию в Перу… Он сказал мне: "Что ж, испытай себя. Каждый должен пройти через это, и твой путь к знанию также лежит через опыт"».

Гадеа описывает свои чувства при расставании с Кубой как схожие с теми, что испытывает юноша, оставляющий родительский дом против воли отца и матери и мучимый сомнениями, но тем не менее полный решимости самоутвердиться в жизни. Хотя с тех пор прошло уже больше тридцати лет, он по-прежнему гордится тем, что все члены его партии благополучно прибыли в Перу, избежали ареста и начали подпольную работу, так что уже через два года были готовы к началу партизанской войны.

Тем временем Че с нетерпением ожидал, когда Мазетти организует в Аргентине базу для партизанских действий.

VII

Алейда не хотела, чтобы Че уезжал, но знала, что не в силах его остановить. Он был революционером, когда они

познакомились, и ни на секунду не переставал быть им в дальнейшем. С самого начала Че ясно давал понять жене, что придет день, когда он оставит ее, чтобы начать революцию у себя на родине.

В мае 1962 г. у них родился второй ребенок, Камило. Если дочь Алюша унаследовала смуглоту Че, то новорожденный сын был светленьким — в Алейду. Он так и вырос светловолосым, но от отца ему достались большой лоб и выразительные глаза. Во время Карибского кризиса Алейда забеременела вновь, и супруги переехали в новый, более просторный дом в районе Нуэво-Ведадо, в нескольких кварталах от зоопарка и неподалеку от комплекса правительственных зданий на площади Революции. 14 июня 1963 г. — в тридцать пятый день рождения Че — Алейда родила вторую девочку, которую они назвали Селией — в честь бабушки.

То, что ребенка назвали в честь матери Че, было особенно важно, так как она в этот момент находилась в тюрьме. В январе 1963 г. Селия приехала на Кубу, где провела три месяца, а в апреле, по возвращении в Аргентину, она была арестована по обвинению в хранении кубинской пропагандистской литературы и в шпионаже.

9 июня Селия написала Че из женской исправительной тюрьмы в Буэнос-Айресе: «Мой дорогой, ты просил меня написать тебе, правда с тех пор прошло уже много времени. Исправительная тюрьма — не самое лучшее место для писем… В моем королевстве сейчас пятнадцать человек, почти все — коммунистки». Селия понятия не имела, когда ее освободят, но писала: «…Единственное, что я нахожу неудобным, — это то, что у меня в течение дня нет ни минуты, когда я могла бы остаться одна. Мы едим, спим, читаем и работаем в нашей камере 14 на 6 метров, а также в галерее, где через решетку можно увидеть небо и откуда нас вышвыривают, стоит там появиться обычным заключенным…

Я завтракаю в восемь, делаю упражнения; с трех до четырех мы играем в волейбол в патио. Я — почти самая старая, если не считать Консуэло, арестантки семидесяти лет, а остальные шестеро — молоденькие девушки, все студентки. Меня единодушно провозгласили лучшим игроком, и команда, за которую я играю, — чемпион».

У Селии имелись хорошая кровать, теплое одеяло, вполне сносная еда, и охрана не прибегала к «ненужной жестокости». Помимо невозможности уединиться, ей больше всего не нравились обыски, которым арестантка подвергалась до и после любого визита к ней, но наиболее унизительным Селия считала то, что просматриваются все ее письма. «Обыски сопровождаются

сомнительными поглаживаниями: практически все заключенные здесь — лесбиянки, и я подозреваю, что наши стражи избрали эту чудесную работу также по причине подобных наклонностей…

Я не знаю — хотя нет, знаю, — почему правительство решило упечь меня в это место… Представь, мне задали вопрос: "Какую роль вы играете в правительстве Фиделя Кастро?"»

Мать заверила Че, что с ней обращаются нормально. Полицейские, допрашивавшие ее, даже ни разу «не повысили голос».

С тех пор как ее сын Эрнесто превратился в «Че», политические взгляды Селии существенно изменились, став более радикальными. Она утверждала теперь, что верит в социализм, хотя и не была коммунисткой; как говорят те, кто хорошо знал эту женщину, она не любила Фиделя и не доверяла ему. Больше всего Селии не нравилось то, что Фидель, как она считала, имеет власть над ее сыном. Однако она яростно защищала право Кубы на самостоятельное определение своей политической судьбы. Но прежде всего Селия Гевара защищала революцию потому, что одну из основных ролей в ней играл ее сын.

Хотя в письме к Эрнесто Селия постаралась заретушировать тему своих отношений с сокамерницами-марксистками, порой они делали ее существование просто невыносимым. Вот что рассказывает ее невестка Мария Элена Дуарте: «Они вводили такие правила, какие не приходили в голову даже тюремщикам. Когда Селия садилась читать, соседи, издеваясь над ней, выключали свет. Если она хотела поиграть во что-нибудь во дворе, ей говорили: нет, в этот час заниматься спортом нельзя. Все это было так жестоко… и, по-видимому, направлено лично против нее!»

В скором времени после того, как Селия послала Че это письмо, ее выпустили на свободу, но жизнь ее уже не могла идти как прежде. Дети выросли и зажили собственной жизнью, у нее самой не было даже собственного дома.

Вместе с младшим сыном — девятнадцатилетним Хуаном Мартином — сеньора Гевара оставила дом на улице Араос на попечение служанки-индианки и перебралась в маленькую съемную квартиру, где к ним вскоре присоединилась невеста Хуана Мартина — Мария Элена. Пока Селия была в тюрьме, Мария Элена родила сына, и, чтобы не быть молодым помехой, сеньора Гевара после своего освобождения отдала эту квартиру им, а сама переехала к дочери Селии, жившей в старом темном доме на улице Негро.

Мария Элена и Хуан Мартин чувствовали себя крайне неловко и просили Селию остаться с ними. «Нет, — сказала она

им. — У нас замечательные отношения, и я не хочу их испортить совместным проживанием». Они часто виделись, встречаясь обычно по выходным у Роберто, однако в целом Селия стала вести настолько замкнутый образ жизни, что даже родные дети многого о ней не знали. Им было известно, например, что Селия любит ходить в кино, но только после смерти матери они обнаружили в карманах ее пальто обрывки билетов, по которым можно было догадаться, что она почти всегда бывала в кино одна.

«У Селии был свой круг друзей… но в сущности она жила очень обособленно, — говорит Мария Элена, — и, я думаю, ей в каком-то смысле нравилось это одиночество. Она много читала и размышляла».

Конечно, тот факт, что Че был ее сыном, перевернул всю жизнь Селии, да и у остальных членов семьи жизнь не могла не измениться. Превращение Эрнесто в революционера Че стало для них «взрывом», заставившим определиться с собственными политическими позициями и невольно поставившим их под удар вследствие родственной связи со знаменитым «команданте-коммунистом».

В письме из тюрьмы Селия пожелала Че хорошо отметить день рождения, несмотря на то что он наверняка проведет праздник «погруженным в дела министерства и прочие заботы», и затем добавила: «Чуть не забыла спросить — как там развивается кубинская экономика?»

Как Селия, без сомнения, знала, ни о каком особом экономическом прогрессе говорить не приходилось. Рикардо Рохо, посетивший остров одновременно с нею, моментально отметил ухудшение ситуации с момента своего прошлого визита. Неоновые вывески, некогда освещавшие улицы Гаваны, исчезли напрочь; американские сигареты достать было невозможно, их заменили местные марки, вроде «Криольос» и «Дорадос»; кубинские машины и автобусы стали превращаться в развалюхи из-за отсутствия запчастей, и по той же причине в полях ржавели сотни брошенных американских тракторов.

Кубинские революционные власти, очевидно, не просчитали до конца все последствия полного разрыва отношений с США. Старая система была разрушена до основания, а новая пока не отвечала насущным нуждам Кубы — и еще меньше ее амбициозным планам на будущее. В советском бензине содержалось слишком много серы, и он разъедал трубы на построенных американцами сахарных заводах, а инженеры из стран восточного блока оказались неспособными должным образом использовать оставленное американцами на Кубе оборудование. Мало того, значительное количество

промышленного оборудования, прибывшего на Кубу из стран социалистического блока, оказалось некачественным или устаревшим.

Че едва справлялся со множеством забот. «Если бы меня спросили, как себя чувствовал в те месяцы Гевара, — пишет Рохо, — я бы ответил, что постоянная борьба потихоньку подрывала его оптимизм. Он казался не таким остроумным, как обычно, и все мысли его были, похоже, заняты статистикой и производством».

Альберто Гранадо объясняет мрачное настроение Че еще и тем, что он утратил веру в советскую модель, которую ранее принял с детским воодушевлением. Попытки перенести ее на Кубу — со всем ее бюрократизмом, неэффективностью и напыщенной риторикой — давали весьма посредственные результаты. Гранадо вспоминает, как Че описывал свое обращение в марксизм, произошедшее во времена его жизни в Гватемале и затем в Мексике. Он оставался «скептиком», пока «не открыл Сталина», фигура которого увлекла его по-настоящему. «Именно тогда Гевара начал искать мир, который был бы больше лозунгов и манифестов, исполненный важности мир, — и я думаю, что он, опьяненный прочитанным, поверил в то, что только в Советском Союзе можно найти путь к спасению и что написанное в книгах реально отражает то, что было там построено. Однако в 1963 и 1964 г. он понял, что его ввели в заблуждение, а, вы знаете, Че терпеть не мог, когда его обманывали».

Гевара находился на пороге среднего возраста, у него было четверо детей, он являлся государственным министром, пребывая на вершине своей революционной карьеры. В нем почти не осталось былой веселости духа. Сама внешность Че все более соответствовала его возрасту. Он состриг длинные волосы, которые отличали его в период жизни в горах и затем в первый год жизни на «свободной Кубе». Лицо Че заметно округлилось; хотя он говорил Рикардо Рохо, что в этом виноваты лекарства от астмы, в действительности он набрал лишний вес.

Че был единственным кубинским команданте, отказавшимся носить официальную военную форму: он упрямо ходил в одежде защитного оливкового цвета, с рубашкой навыпуск, перетянутой ремнем. Брюки он обычно не заправлял в ботинки, а носил свободно. Никто, конечно, не смел его упрекать. «Че есть Че», — говорили обычно окружающие, пожимая плечами.

Дома Гевара мог часами сидеть, запершись в маленьком, забитом книгами кабинете — там он читал, писал, думал. Единственными украшениями кабинета были бронзовый

барельеф Ленина, маленькая бронзовая статуэтка Симона Боливара и большая фотография Камило Сьенфэугоса в рамке. Если Че спрашивали, почему он никогда не отдыхает, он обычно ссылался на свою занятость. У него почти не было времени, чтобы побыть с Алейдой и детьми. Частенько ему приходилось выезжать куда-нибудь по работе, и все эти отлучки неизменно носили затяжной характер; Алейду в поездки он с собой не брал. Че инспектировал кубинские фабрики, военные подразделения, кооперативы и школы, выступал с речами, принимал почетных иностранных гостей, посещал дипломатические приемы. На «светские» мероприятия он по возможности старался приводить Алейду. Но рабочая неделя у него длилась с понедельника по воскресенье, причем ночи были частью рабочего времени, а по воскресеньям утром он еще занимался добровольческими работами. На семью оставались только воскресные вечера.

Че обычно садился в гостиной на пол и играл с детьми и собакой — немецкой овчаркой по кличке Муралья, которая любила сопровождать хозяина до работы. Старшая дочь Гевары Ильдита, которой исполнилось восемь лет, также приходила к ним на выходные, и они смотрели вместе по телевизору бокс и футбол.

Однако иной раз Че мог выступить и в роли строгого отца. Однажды, когда Алюша стала капризничать, он подошел к ней и отшлепал. Алюша заплакала еще сильнее. Тогда няня София взяла девочку на руки и попыталась ее успокоить, однако Че сказал, чтобы она этого не делала, так как Алюша должна запомнить, почему ее наказали. Но особенно сурово он относился к своим телохранителям, жившим в пристройке около его дома. Невеста одного из них вспоминает, что как-то раз Че запер Гарри Вильегаса голым в чулане в наказание за какой-то мелкий проступок.

Таков был «Че Непримиримый», верховный политкомиссар, требовательный к окружающим, но сам стоявший выше критики, так как его образ жизни соответствовал установленным им строгим стандартам. Одни уважали и обожали его, другие презирали и боялись, но никто не оставался к нему равнодушен.

Возможно, самым противоречивым дисциплинарным нововведением Че стала организация лагеря «Гуанаакабибес». Этот «реабилитационный» лагерь находился на западной оконечности Кубы, в скалистом регионе с непереносимо жарким климатом, и туда для прохождения исправительных работ направлялись правонарушители из Министерства промышленности. Наказание это было «добровольным» и могло длиться от месяца до года в зависимости от степени тяжести

проступка, который обычно касался этической сферы. Если кто-то занимался кумовством, намеренно скрывал ошибку или имел преступную связь с женой товарища, нарушитель представал перед Че. Тот давал провинившемуся возможность «принять» наказание, предполагавшее пребывание в «Гуанаакабибес», либо уйти из министерства. Если виновный отбывал срок в лагере и показывал, что осознал свои ошибки, ему дозволялось вернуться в министерство, не получая никаких «черных меток» в своем личном деле. Если же он отказывался, то тут же лишался работы.

Другим детищем Че была экспериментальная ферма имени Сиро Редондо в провинции Матансас. Это была сельская коммуна, в которой жили и работали неграмотные гуахиро, сражавшиеся когда-то под началом Че в сьерре. Чтобы проверить, как развивается их хозяйство, он часто летал туда на самолете «Чессна» с личным пилотом Элисео де ла Кампой.

Однажды Гевара взял с собой на ферму Рехино Боти и решил проверить навыки чтения у некоторых из живших там крестьян. Один из них читал настолько плохо, что Че грубо отругал его, сказав: «Ну, если ты продолжишь учиться в том же духе, то, может, лет через двадцать станешь не глупее вола», — после чего развернулся и ушел. Бедолага-гуахиро был так унижен, что даже расплакался. Боти пошел за Че и сказал ему, что не следовало вести себя настолько грубо.

Подобные эпизоды случались сплошь и рядом. Склонность Че к резкости частенько требовала вмешательства со стороны его более дипломатичных коллег и друзей. Казалось, он не понимает, какой уничтожающий эффект могут производить его слова на других. Впрочем, иногда происходили и комичные случаи.

Однажды на набережной Малекон в Гаване Че, известный своим лихачеством, врезался сзади в какую-то машину. Реакция ее владельца была вполне нормальной: он тут же стал клясть горе-водителя на чем свет стоит. Однако, увидев Че, пострадавший немедленно принялся перед ним лебезить. «Че, команданте, — с придыханием заговорил он. — Какая честь для меня, что вы врезались в мою машину!» После чего, любовно поглаживая вмятину, объявил, что не станет чинить автомобиль, сохранив повреждение как память о личной встрече с Че Геварой.

Подобные истории до сих пор в ходу у жителей Гаваны. Большинство их связано со знаменитым распорядком дня Че, с его ненавистью к лизоблюдам и строгостью. По-видимому, с женой Гевара был столь же суров, как и с подчиненными по министерству. Рассказывают, что как-то раз Селия Санчес послала Алейде новую пару итальянских туфель, но Че заставил ее вернуть подарок. Разве обычная кубинка может носить

импортную итальянскую обувь? Нет. Значит, и Алейда не может.

Когда супруги переехали из дома на 18-й улице в Мирамаре в новый дом в Нуэво-Ведадо, Алейда решила украсить стены декоративными светильниками. Че поинтересовался, откуда они взялись, и Алейда сказала, что взяла их из прежнего жилища. Че вспыхнул и велел жене вернуть светильники назад. В другой раз, когда заболел один из их детей, Алейда спросила, нельзя ли отвезти ребенка в больницу на машине Че. Но муж ответил отказом, сказав, чтобы Алейда «садилась в автобус, как все», ведь иначе она потратит «народный» бензин, который предназначается только для служебного использования, а никак не для удовлетворения личных нужд.

Когда возник дефицит с едой и один из коллег Че пожаловался на это, Гевара раскритиковал его, заявив, что он с семьей прекрасно обходится тем рационом, который предлагает ему правительство. Стоило коллеге указать на то, что Че положен особый паек и потому-то он и доволен своим рационом, как команданте тут же бросился выяснять ситуацию и, обнаружив правоту сослуживца, отказался от всех привилегий для своей семьи.

Ходили слухи о том, что в семье Гевары частенько не хватает еды и что Алейда тайком занимает деньги у телохранителей Че, чтобы свести концы с концами. Тимур Гайдар, бывший корреспондент газеты «Правда» на Кубе, вспоминает, что как-то раз один из сотрудников советского посольства, посочувствовав Алейде, украдкой, чтобы Че не заметил, вложил ей в сумочку какой-то деликатес. Вдова Гевары никогда не расскажет, в действительности ли ее муж был таким суровым, каким его рисуют эти рассказы: она чувствует себя обязанной всемерно защищать образ Че и настаивает на том, что он был «человеком без изъянов».

Отношения Че с Алейдой многим представлялись загадкой — столь разителен был контраст между супругами. Он был интеллектуалом, эрудитом, питавшим неутолимую страсть к чтению книг. Алейда же предпочитала фильмы и живое общение. Че был суров и добровольно отстранялся от всех радостей жизни. Алейда, напротив, подобно большинству из нас, ценила земные блага и немного завидовала женам других команданте, не отказывавшим себе в комфорте. Это, по-видимому, не раз приводило к спорам между супругами.

Но, несмотря на коренные различия между ними, Че и Алейда любили быть вместе, испытывали страстное физическое влечение друг к другу и при всех обстоятельствах хранили верность. Оба любили грубоватый юмор. Однажды, будучи в

гостях у своей тещи в Санта-Кларе, на предложение принять ванну Че отреагировал: «Если только вместе с Алейдой».

Оба они были романтиками в душе, хотя Че редко проявлял эту сторону своей натуры на публике. По вечерам, в спальне, он нередко читал Алейде стихи — к огромному ее удовольствию. Его любимым поэтом был, конечно же, Пабло Неруда.

Другой чертой, которая объединяла супругов, была прямота. Алейда могла быть даже еще менее тактичной и более резкой в разговоре, чем Че. Если ей кто-то не нравился, она могла высказать это ему прямо в лицо. Че не раз говорил, что это одна из черт, которые особенно нравятся ему в жене.

Но больше всего Че любил Алейду за то, что она создавала неведомое ему ранее ощущение «дома». Как рассказывает Алейда, муж тепло относился к своему отцу, потому что тот очень заботился о нем, но из-за присущих ему причуд Че воспринимал Эрнесто-старшего почти как ребенка. (Сама Алейда мало общалась со свекром и признает, что после смерти Че у них даже случилась стычка, так как, услышав заявление Гевары Линча, будто Эрнесто перенял увлечение социализмом от него, невестка обвинила его во лжи, чего старик ей так и не простил.)

С «мадре» Селией все было несколько иначе. Они с Че были «щепками от одного дерева», как говорят в Латинской Америке. Когда Селия приезжала в Гавану, они с Че могли говорить часами и при этом, по словам Алейды, все время «цапались». Мать и сын спорили обо всем на свете. «Селия всегда была очень политизирована и упряма, и, услышь их беседу сторонний человек, он бы, наверное, решил, что сейчас они разругаются навек, но это просто был их стиль общения».

Но как Че ни любил свою мать, она всегда была довольно сдержанна в проявлении своего женского начала, и именно этого ему не хватало. В юные годы Че потому так и любил ездить к тете Беатрис, что от нее исходило некое материнское тепло, а теперь, уже будучи к взрослым человеком, он нашел то же самое в Алейде. Жена понимала эту его потребность и отвечала на нее, как умела: окружала мужа лаской, одевала и даже купала.

Алейда рассказывает, что каждое утро, перед тем как Че отправлялся на работу, она проверяла, все ли у него «в порядке» — Гевара был известен безразличием к своему внешнему виду. Причина, по которой он носил рубашку по-казацки — навыпуск, подпоясав ремнем и расстегнув верхнюю пуговицу, — состояла в том, что он очень страдал от влажного кубинского климата, усугублявшего его астму. Ни дома, ни на работе он никогда не держал ковров. Поскольку Че не любил кондиционеры, было решено в конце концов загерметизировать окна, защитив кабинет

от проникновения в него воздуха с улицы. Как говорит Алейда, только так у мужа и получалось спасаться от астмы. (Свою болезнь Че передал по наследству: от нее страдают двое из четырех их с Алейдой детей, да и среди его внуков также имеются астматики.)

При всей посмертной мифологизации его образа на Кубе Че до сих пор резко выделяется на фоне других великих фигур революции. Некоторые кубинцы находят в его поведении даже нечто уничижительное для их национальной культуры. Гевара не любил вечеринки — кубинское общенародное увлечение — и редко ходил в гости или приглашал кого-то к себе. Боррего, один из его ближайших друзей, говорит, что за все время жизни на Кубе Че только раз заскочил к нему домой, хотя они жили всего в паре кварталов друг от друга.

В стране, где без местного рома не обходятся ни одни посиделки с друзьями, Че к нему даже не прикасался. Все, что он себе позволял, — это выпить при случае красного вина, выделяясь даже этим, поскольку большинство кубинцев вино не любят. Живя среди кофеманов, у которых каждый день, точно пунктиром, отмечен чередой выпитых чашечек свежего эспрессо, Че открыто предпочитал родной мате — напиток, любимый в южной части Латинской Америки. Из еды кубинцы превыше всего ценят жареную свинину, а Че предпочитал запеченный бифштекс. Кубинцы любят простодушный, грубый юмор, Че же был ироничен и остроумен, а временами шутки его были весьма ядовитыми.

Хотя у Че было почетное кубинское гражданство и на Кубе он прожил уже не один год, в культурном отношении Гевара по-прежнему оставался аргентинцем. Он любил говорить, что считает себя «латиноамериканцем». Это отвечало его идее объединения всех наций Западного полушария в братское сообщество. Но на самом деле он оставался аргентинцем, и даже на Кубе его лучшими друзьями — людьми, с которыми Гевара мог говорить наиболее свободно и открыто, — были его соотечественники, например Альберто Гранадо.

Гранадо был одним из тех немногих людей, кто не боясь критиковал Че в лицо и, хотя он помогал набирать людей для отряда Мазетти, а также служил его связным с некоторыми венесуэльскими партизанами, не верил, как Че, в возможность извне насадить революционные настроения в странах Латинской Америки путем создания там партизанского движения. По этому поводу они часто спорили, но так ни в чем друг друга и не переубедили.

Гранадо вспоминает один разговор с Геварой, в котором тот

сформулировал фундаментальное различие между ними: Че может навести прицел на врага и спустить курок, зная, что убийством помогает «спасти от жизни впроголодь» 30 000 еще не родившихся детей, а Альберто, глядя в прицел, видит человека, у которого есть семья.

Альберто, чувствовавшему вкус к танцам, выпивке и веселому времяпрепровождению, кубинский образ жизни подходил куда лучше. Этим он кардинально отличался от Че, который, по признанию Гранадо, своей саркастичностью настроил против себя немало кубинцев. Многим он казался этаким святошей от революции.

Единственная истинно кубинская черта, которую Че приобрел на острове, — это пристрастие к сигарам, которое, разумеется, было ему противопоказано из-за астмы. Но даже в этом он умудрялся отличиться: выкуривал сигары до самого конца, чтобы продукт человеческого труда не «пропал впустую».

Сама по себе болезнь Че делала его пребывание на Кубе парадоксальным. Влажный климат этой страны настолько не подходил Геваре, что сложно было бы найти место, в котором ему было бы хуже жить.

Хотя многие подчиненные Че пытались ему подражать — безуспешно, надо сказать, — аскетизм команданте был как кость в горле у многих его соратников-революционеров, вознесенных ныне на вершины власти и отличавшихся не самым возвышенным образом жизни. В стране, где у многих мужчин имеются наряду с законной женой вторая, а и то и третья «жены», Че, по всем свидетельствам, умудрялся оставаться приверженцем моногамии, хотя и имел множество страстных почитательниц, преследовавших его, словно фанатки рок-звезду.

Зная о том, какой успех Че имеет у женщин, Боррего однажды спросил у него с характерной кубинской прямотой, почему он женился на такой «дурнушке», как Ильда Гадеа. Че страшно возмутился, хотя и согласился, что его первая жена не была внешне привлекательна. Однако Гевара сказал, что Ильда была для него превосходной спутницей жизни, а кроме того, добавил он, необязательно иметь красивую внешность, чтобы творить чудеса в постели.

Один из помощников Гевары был свидетелем того, как на одном из мероприятий какая-то красотка открыто пыталась флиртовать с Че. Но Че не ответил ей галантным комплиментом — напротив, он отчитал женщину, посоветовав «следить за своим поведением». Впрочем, он не всегда был таким строгим и мог оценить красоту женщины по достоинству. Как рассказывает друг Гевары, которому случилось быть с ним на обеде в иностранном

посольстве, рядом с ними за столом сидела обворожительная дочь посла, и похоже, эта молодая женщина являлась приманкой, с помощью которой дипломат рассчитывал теснее сойтись с Че. Их соседка, как рассказывает друг Че, была настолько красива, что любой другой и думать забыл бы о жене и принципах революционера, если бы ему представилась возможность переспать с ней. Похоже, Че тоже едва удерживался от искушения, поскольку в конце концов повернулся к своему товарищу и прошептал: «Найди предлог вытащить меня отсюда, а то я погиб».

Че с подозрением относился ко всем, кто стремился оказать ему какую-нибудь любезность, так как видел в этом угодничество и лизоблюдство. Классическим примером служит история о том, как новый телохранитель Гевары принес ему до блеска начищенные сапоги. Че дал ему пинок под зад и обозвал подхалимом. Когда же тот, оскорбившись, вышвырнул сапоги на улицу, Че в наказание лишил телохранителя недельного жалованья.

Однако те, кого Гевара удостаивал своим расположением, отвечали ему фанатичной преданностью. В их глазах Че воплощал собой Революцию, и именно поэтому такие люди, как Эрмес Пенья, Альберто Кастельянос и Хорхе Рикардо Мазетти, добровольно бросали работу, жен и детей, чтобы участвовать в его военных проектах.

VIII

В течение двух недель отряд Мазетти с большим трудом продвигался по диким просторам Северной Аргентины. Их целью была местность к югу от городка Оран. Избранный партизанами путь, однако, привел к поросшим густым лесом утесам, и они вынуждены были отступить назад на ферму, чтобы набраться сил и попробовать найти иной маршрут.

Вернувшись, они узнали, что в Аргентине произошли серьезные политические изменения. 7 июля аргентинские военные все-таки провели президентские выборы, но, так как они устранили от участия в них крупнейшую партию страны — перонистов, — Мазетти наряду с большинством других аргентинцев был уверен, что победит ставленник военных — правый радикал генерал Арамбуру. И тем не менее с небольшим перевесом верх одержал кандидат от центристской Народной радикальной партии — почтенный шестидесятитрехлетний врач из Кордовы Артуро Ильиа.

Это известие вызвало смятение среди повстанцев: одно дело

было вести борьбу против военного режима, незаконно захватившего власть в стране, и совсем другое — воевать с демократически избранным гражданским президентом. Новости из Аргентины обещали неизбежный «возврат демократии» в страну.

Поначалу Мазетти решил отменить кампанию. «Волосатый» уехал в Ла-Пас, чтобы провести консультации с Гаваной, а Федерико «Флако» («Тощий») Мендес отправился в Аргентину, чтобы связаться с Хорхе «Лоро» («Попугаем») Васкесом Вьяньей, молодым боливийским коммунистом, исполнявшим роль связного. Лоро также должен был координировать совместные действия с разрозненными троцкистскими группами, активисты которых хотели присоединиться к вооруженной борьбе.

Пока Мазетти раздумывал над тем, что делать дальше, Че находился в Алжире на праздновании первой годовщины победы алжирской революции. Он проехал по местам боевых действий и, разумеется, не мог не поблагодарить алжирского президента за помощь, которую его правительство оказало Мазетти и его группе. Гевара вернулся в Гавану как раз к торжествам 26 июля в компании с алжирским министром обороны Хуари Бумедьеном, что еще раз подчеркивало факт революционного альянса между Кубой и Алжиром.

Ко времени возвращения Че на Кубу Мазетти успел изменить свое первоначальное решение. Всего через два дня после отправки «Волосатого» и Федерико он пересмотрел свои выводы касательно итогов аргентинских выборов и решил все-таки продолжать действовать. Мазетти сел и написал вновь избранному президенту так называемое «Открытое письмо от повстанцев».

Назвав Ильиа человеком с развитым чувством гражданского долга, достойным всяческого уважения, Мазетти затем подверг жесткой критике решение «опуститься» до участия в устроенной военными игре, ставшей «самым скандальным электоральным мошенничеством в истории страны». Он призвал президента уйти в отставку, чтобы восстановить свою репутацию и объединиться с теми аргентинцами, которые хотят освободиться от власти военных — этих «шантажистов с оружием, стоящих на охране империалистов и олигархов». Народная повстанческая армия (НПА), заявлялось в документе, вооружена и хорошо организована. «Мы — единственные свободные люди в этой угнетенной республике… и если мы выйдем отсюда, то лишь затем, чтобы драться». Письмо было подписано так: «Сегундо команданте, Народная повстанческая армия, 9 июля 1963 г., лагерь имени Аугусто Сесара Сандино… РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ

СМЕРТЬ».

Закончив этот труд, Мазетти отправил Сиро Бустоса вслед за Федерико, чтобы отменить первоначальный приказ. Бустос должен был также позаботиться о том, чтобы открытое письмо к Ильиа было напечатано, а затем проехать по аргентинским городам и провести начальную работу по организации подпольной сети помощников повстанческой армии.

В течение следующих нескольких недель Бустос ездил по Аргентине, в основном между Кордовой, Буэнос-Айресом и своим родным городом Мендосой. Он сумел опубликовать письмо Мазетти, но только в «Кампаньеро», левом перонистском и весьма маргинальном издании, так что эффект от этой публикации вышел очень незначительный. Куда более преуспел он в организационной деятельности. В Кордове Бустос связался со своим старинным приятелем Оскаром дель Барко, ученым левых взглядов, соучредителем и редактором интеллектуального марксистского журнала «Пасадо и Пресенте». Бустос рассказал ему о планах повстанцев и попросил о помощи. Не прошло и дня, как дель Барко собрал группу людей, в основном интеллектуалов и таких же, как он, диссидентов из среды компартии, работавших на факультете философии и словесности Кордовского университета. Бустос изложил им планы НПА, а также откровенно рассказал о том, что проект курирует лично Че, что ядро группы прошло подготовку на Кубе и в Алжире и что проблем с финансированием нет. Но им нужны новобранцы, чтобы увеличить свои ряды, а также конспиративные квартиры, городские помощники и поставщики припасов — короче говоря, полномасштабная подпольная инфраструктура.

Присутствовавшие на встрече интеллектуалы именно потому и были вытеснены на задворки аргентинской компартии, что защищали идею «революционных действий», и им не потребовалось много дней на раскачку, чтобы довольно быстро наладить хорошо скоординированную цепь ячеек в полудюжине городов по всей стране: от Буэнос-Айреса до Сальты.

На базе партизан в это время появилась новая важная персона — Хосе Мария «Папи» Мартинес Тамайо, капитан кубинской армии и одна из ключевых фигур в ведомстве Пиньейро. Теперь он оказался в подчинении у Че. Во время войны Папи служил под началом Рауля Кастро, затем остался в армии и с конца 1962 г. неутомимо ездил в качестве инструктора по лагерям различных латиноамериканских партизанских группировок. Он был у Турсиоса Лимы в Гватемале, участвовал в подготовке Тамары на Кубе, помогал обучать аргентинскую троцкистскую группу Васко Бенгочеа.

Папи прибыл в лагерь аргентинских партизан, чтобы помочь им на начальной стадии и подготовить все условия к приезду Че.

Папи также должен был освободить от части забот «Волосатого», который не только отвечал за их базовый лагерь в Боливии, но и был связным с кубинским посольством в Ла-Пасе.

В сентябре ферму посетила боливийская полиция, заинтересовавшаяся новоприбывшими поселенцами, — до нее, без сомнения, дошли слухи о том, что на недавно приобретенном участке наблюдается повышенная активность. К счастью, на ферму вела только одна дорога и шум мотора было слышно издалека; в итоге полиция уехала, не найдя ничего подозрительного. На случай повторного визита повстанцы организовали дополнительный лагерь в лесу неподалеку от фермы, где часть людей могла скрываться от посторонних глаз.

Но, когда в конце сентября — начале октября Папи доставил на ферму Альберто Кастельяноса, Мазетти с людьми по-прежнему был там. Сегундо только что вернулся из разведывательной вылазки на аргентинскую территорию. Разведчикам приходилось соблюдать повышенную осторожность и перемещаться по ночам, поскольку аргентинская жандармерия, чьи посты имелись вдоль всей границы, постоянно патрулировала местность. Кроме того, север страны был малонаселен, и потому чужаков, особенно вооруженных, бородатых и одетых в форму, легко было обнаружить.

Кастельянос должен был дожидаться в лагере приезда Че, но, увидев, что один из людей Мазетти болен, и желая поскорее принять участие в деле, попросил взять его с собой в качестве бойца. Он черкнул Че записку, в которой объяснял свое решение, и переслал ее через Папи. Но группа их по-прежнему была очень малочисленной. Помимо лопоухого весельчака Кастельяноса, которого все звали «Моно» («Обезьяна»), к ним присоединились еще только один-два новичка. Учитывая заслуги Бустоса в организации сети городского подполья, Мазетти теперь попросил его заняться набором добровольцев.

Среди первых, кого завербовал Бустос, были братья Жюв из маленького городка в провинции Кордова. Эмилио и Эктор были детьми эмигранта франко-баскского происхождения. Обоим было едва за двадцать, и оба состояли ранее в «Коммунистической молодежи», однако разочаровались в пассивности партии и сформировали собственную небольшую «боевую группу» в Кордове, деятельность которой, впрочем, ограничилась лишь сбором оружия. Когда явился Бустос со своим предложением, они, разумеется, не могли упустить шанс уйти в горы к партизанам.

К этому моменту группа успела обзавестись грузовиком, в котором кордовский друг Бустоса «Петисо» («Коротышка») Канело переправлял добровольцев на север. В городе Сальта была открыта «книжная лавка», служившая складом вещей, нужных партизанам. Из Буэнос-Айреса прибыли еще трое добровольцев.

В октябре Мазетти и его бойцы перешли границу и встали лагерем в лесу на реке Пескадо, примерно в пятнадцати километрах от пограничного аргентинского городка Агуас-Бланкас. Их лагерь располагался в горах, немного в стороне от дороги из Сальты, к югу от Орана. Усилиями Бустоса их ряды начали потихоньку пополняться, причем он углубился далее в горы, надеясь охватить «военной пропагандой» тамошних крестьян. Вступая с ними в разговоры, Бустос пытался пробудить в них сознательность, объясняя, что движение ставит целью освободить крестьян от бедности и несправедливости. Однако поначалу его старания оказались безрезультатными.

«Я был поражен до глубины души, — вспоминает Бустос. — Эти люди… жили на небольших участках, расчищенных от зарослей. Там кишели блохи, носились собаки… да сопливые ребятишки. Никакой связи с внешним миром. Их условия жизни не дотягивали даже до уровня жизни индейцев, которые по крайней мере имели свою кухню, племенные традиции и тому подобное. А эти люди были настоящими маргиналами».

Район, который повстанцы выбрали для своего лагеря, был слишком малонаселенным, и, чтобы попасть из одного селения в другое, им приходилось тратить по нескольку часов, преодолевая крутые холмы, поросшие джунглями, и переходя реки, во многих местах перерезавшие им путь. Стоял сезон дождей, и реки разбухли, так что партизаны нередко промокали насквозь. У них болели мышцы, на ногах вздувались мозоли, и еще их постоянно донимали блохи. Орды москитов безжалостно терзали повстанцев. Поскольку вокруг было мало крестьянских хозяйств, добыть еду удавалось не всегда, и они практически полностью зависели от того, что им привозили из города на грузовике.

НПА едва ли можно было назвать эффективно действующей организацией. Не имея такого мощного союзника среди местных крестьян, каким был Кресенсио Перес, в свое время снабдивший маленькое повстанческое воинство Фиделя проводниками, курьерами и бойцами, Мазетти и его люди оставались в этих местах «инородным телом». Большинство добровольцев составляли городские ребята, в основном студенты, происходившие из семей среднего класса; их привлекали образы героев-партизан и мечты о создании нового общества. Некоторые из них имели опыт военной службы, были физически

подготовлены к тяготам партизанской жизни и умели обращаться с оружием, но остальным было непросто адаптироваться к жизни в лагере: к тяжелым природным условиям, изнуряющим марш-броскам, скудости пищи и суровой военной дисциплине.

К тому же темная сторона личности Мазетти начинала проступать все более отчетливо. Его раздражение из-за позднего начала кампании, усиленное досадой на политические перемены в Аргентине, переросло в медленно кипящую злобу, изливавшуюся на желторотых бойцов, которых он водил по раскисшим от влаги джунглям. Чаще всего объектом для измывательств становились новички, особенно тяжело переносившие нагрузки: Мазетти жестко наказывал их за малейшие провинности, заставляя нести наряды вне очереди, работать «мулами», то есть носить на себе провизию, а иногда подвергая «голодной диете», длившейся порой два-три дня. Эрмес, суровый гуахиро из кубинского Орьенте, прошедший «школу Че», только поддерживал его.

У Мазетти были и свои любимчики, например Эктор «Кордовес» Жюв, которого он назначил политическим комиссаром. Жюв был высок ростом, хорошо сложен и прошел службу в войсках; он с легкостью приспособился к партизанской жизни. Но те, кому это было сделать сложнее, вскоре почувствовали на себе суровость Мазетти. Тот придирчиво следил за поступившими в его распоряжение юношами, выискивая среди них «потенциального дезертира». И вскоре он нашел такого.

Им оказался Адольфо Ротблат по прозвищу Пупи — еврейский юноша двадцати лет, приехавший из Буэнос-Айреса. Бедняга страдал от астмы и во время переходов отставал от товарищей, жалуясь на тяжесть партизанской жизни. Было невооруженным глазом видно, что он не годен к ней, однако, вместо того чтобы отпустить юношу, Мазетти продолжал таскать его за собой в походы. С каждым днем физическое и моральное состояние Пупи ухудшалось. Вскоре он был окончательно сломлен.

Когда в октябре в повстанческий лагерь на несколько недель вернулся Бустос, он обнаружил Пупи в положении совершенно жалком. Бедняга жил в постоянном страхе, вечно плакал, отставал во время переходов. Все вокруг испытывали к нему отвращение.

Однажды Бустос и Пупи отправились на рекогносцировку местности и заблудились. В конце концов они набрели на реку, где Бустос сумел сориентироваться, однако Пупи наотрез отказался ее переходить. «Он сказал, чтобы я застрелил его прямо там. Когда аргументы не помогли… я вынужден был вытащить

пистолет и приставить его к голове Пупи, и только после этого парень пошел, причем временами мне приходилось применять силу, буквально пинать под зад. Так я тащил его, пока не наступила ночь».

Они решили переночевать в лесу, а на следующее утро вновь тронулись в путь. Не доходя до лагеря, они наткнулись на Эрмеса, посланного на поиски пропавших.

Несколько дней спустя Мазетти сказал Бустосу: «Слушай, это уже становится невыносимо… Никто не может более терпеть Пупи. Никто не хочет нянчиться с ним. Нам нужно принять санитарные меры для восстановления хорошего психологического климата в отряде, меры, которые освободят нас от порчи, разъедающей изнутри». «Это было более или менее общее мнение, — рассказывает Бустос. — Сегундо решил застрелить Пупи».

Это должно было произойти в тот вечер, когда в лагерь прибыли трое новеньких. Сегундо выбрал на роль палача одного из них — Пиринчо, студента из Буэнос-Айреса, выходца из богатой аристократической семьи. Как понял Бустос, Мазетти намеренно хотел проверить парня на прочность, так как мягкий, дипломатичный Пиринчо «действовал ему на нервы». «Ему нужны были суровые воины, ребята из стали, послушные его воле».

Ни о чем не подозревавшего Пупи накормили транквилизаторами и привязали к гамаку, который повесили невдалеке от лагеря. Было объявлено общее собрание. Мазетти рассказал, что именно сейчас произойдет и кто будет исполнителем. На лице Пиринчо отразился ужас, однако он повиновался.

«Пиринчо отошел… и мы услышали выстрел, — вспоминает Бустос. — Затем Пиринчо вернулся с отчаянным выражением на лице и сказал: "Он не хочет умирать", — и тогда туда отправили меня… Подойдя, я увидел, что пуля попала Пупи в голову и он уже не жилец. Но он еще дергался, и я решил покончить с этим».

Бустос вытащил пистолет и сделал выстрел, после чего вернулся к товарищам. По Пиринчо было видно, что он совершенно подавлен, однако остальные, напротив, пришли в хорошее расположение духа. «Так бывает, когда кто-то умирает и окружающие чувствуют потребность устроить поминальный пир с выпивкой и тостами».

Итак, 5 ноября 1963 г. НПА освятила свое существование пролитием жертвенной крови, а команданте Сегундо временно вернул себе хорошее настроение и решимость двигаться вперед.

Но было уже поздно. До жандармерии дошли распространявшиеся среди местных жителей слухи о

вооруженных людях, поселившихся в лесах около Орана. Были опрошены скотоводы и владельцы деревенских лавок, видевшие чужаков; уже к концу года не оставалось сомнений в том, что поселившиеся в лесу были теми самыми «повстанцами», которые ранее выступили с угрозой в адрес президента Ильиа.

Папи сказал Мазетти, что, как ему кажется, они слишком задержались на этом месте и что зона, в которой они находятся, не слишком удобна для организации партизанской базы. Он предложил открыть второй фронт в регионе Чако, к востоку от андских предгорий, где они сейчас засели; «Флако» Мендес жил там несколько лет и имел хорошие связи с местным населением. Папи предложил привести в действие троцкистскую группу Васко Бенгочеа в провинции Тукуман, которую лично готовил на Кубе; он сам мог ее возглавить и в качестве помощника хотел взять Эктора Жюва.

Мазетти рассердился и обвинил обоих соратников в том, что они пытаются подорвать его авторитет. «Ты всегда хотел быть команданте, — заявил он Жюву. — Но у тебя ничего не выйдет — ты останешься здесь».

В ноябре Папи привез в боливийский базовый лагерь одного из доверенных людей Че. Это был Мигель Анхель Дуке де Эстрада, бывший счетовод Че в Эскамбрае, затем судья трибунала в Ла-Кабанье и сотрудник НИАР по специальным поручениям. Задачей Дуке было ждать Че на ферме, чтобы затем отправиться вместе с ним в зону военных действий.

Тем временем Кастельянос заработал себе тяжелую болезнь дыхательных путей, и в декабре стало ясно, что ему требуется операция. Их курьер, доктор Канело, отвез больного в Кордову, где организовал операцию у знакомого врача, который, впрочем, не подозревал, с кем имеет дело. Он был уверен, что лечит перуанца Рауля Давилу. Кастельянос провел Рождество и Новый год в Кордове, затем был прооперирован и весь январь оставался в городе, приходя в себя после операции.

В это время к нему заявился Папи с сообщением, что приезд Че откладывается и что Дуке отозван с боливийской фермы в Гавану. Че приказывал группе «продолжать разведывать территорию… а крестьян не рекрутировать, пока не будет достигнута полная готовность к войне».

IX

Между тем положение Че в Гаване стало не таким прочным. У него появилось несколько новых врагов — как на Кубе, так и за ее

пределами. Идеологический сектор Кремля был озабочен поступающими сведениями о том, что Че все более открыто склоняется в пользу Пекина.

И Пекин, и Москва стремились перетянуть на свою сторону компартии различных стран мира, а в Латинской Америке эта борьба за влияние привела даже к расколам в рядах нескольких партий с отделением «прокитайских фракций». Существование большинства латиноамериканских компартий зависело от субсидий из Москвы, и поэтому они выбрали Советский Союз. Кубинское правительство, оказавшееся перед необходимостью выбора, в конце концов отказалось от нейтралитета, и Фидель лично поддержал советскую позицию во время своего визита в СССР весной 1963 г. Хрущев принял его как героя-освободителя Кубы, и Фидель купался во всеобщей любви и овациях. Была подписана совместная советско-кубинская декларация, в которой Куба провозглашалась полноправным членом социалистического лагеря; Москва официально взяла на себя обязательство защищать «независимость и свободу» Кубы, а Фидель в ответ заявил, что Куба поддерживает «социалистическое единство» и политику Москвы по «мирному сосуществованию» с капиталистическим Западом. Поддержка эта была сугубо номинальной и выражена не в столь четких формулировках, как, возможно, того хотел бы Хрущев, однако заявления Кастро оказалось вполне достаточно для того, чтобы нервировать Китай.

Изначально Че был архитектором советско-кубинских отношений, но теперь его фигура вызывала беспокойство. Идя наперекор советской политике «мирного сосуществования», он постоянно искал способы расширения вооруженной борьбы, делал ставку на партизанские движения в сельской местности и привечал коммунистов-диссидентов, даже троцкистов, принимал их в свои тренировочные лагеря, обеспечивал вооружением и деньгами, невзирая на протесты официальных компартий соответствующих стран, что в конечном счете заставило Москву подозревать, что Че является фигурой в игре Мао.

Еще в конце 1962 г. Кремль внедрил в окружение Че агента КГБ. Звали его Олег Дарушенков, и, хотя официально он занимал пост атташе по делам культуры при советском посольстве, более важной его задачей было работать переводчиком при Че. Его предшественник Юрий Певцов, проведя на Кубе только год, был отозван в Москву. Собственное отношение Че к Дарушенкову письменно нигде не засвидетельствовано, но, по утверждению некоторых людей, входивших тогда в его ближний круг, Гевара считал переводчика провокатором, чьей задачей было за ним шпионить.

После Карибского кризиса в Кремле было немало тех, кому не нравились действия Кубы по подготовке партизанских «авантюр» (а всем понятно было, что верховодит там Че Гевара), так как они могли привести Советский Союз к новой конфронтации с Соединенными Штатами. «После кризиса СССР опасался, что кубинцы могут что-нибудь натворить, — говорит Георгий Корниенко, заместитель советского посла в Вашингтоне. — Мы не хотели, чтобы эти действия осложнили наши отношения с США».

Федор Бурлацкий, некогда бывший советником Хрущева, вспоминает, что в ЦК партии мнения разделились: одни поддерживали линию Че, другие, и их было большинство, не доверяли ему. Бурлацкий причисляет себя ко вторым. «Нам не нравилась позиция Че. Он стал примером для авантюристов, которые могли спровоцировать конфронтацию между СССР и США».

По словам Бурлацкого, мнение, что Че представляет собой «опасную персону», укрепилось после его заявлений по поводу Карибского кризиса, в частности, о том, что СССР «следовало применить свои ракеты». Эту мысль высказывал также и Фидель, но — частным образом, а Че заявлял об этом публично, и мало кто сомневался, что Гевара имел в виду именно то, что говорил. Его слова в сущности повторяли обвинения Пекина в том, что Советы «капитулировали» перед Вашингтоном.

Словно нарочно взяв на себя роль еретика, Че продолжил испытывать терпение Советского Союза. Ободренный собственными успехами, а также «Второй гаванской декларацией» Фиделя, в которой провозглашалась неизбежность всеобщей революции в Латинской Америке, в сентябре 1963 г. Че выпустил в продолжение своей книги «Партизанская война» статью под названием «Партизанская война как метод». В статье этой содержался призыв к общеконтинентальной партизанской борьбе.

Упрекая коммунистические партии Латинской Америки в стремлении узурпировать право на борьбу в своих странах, Че писал: «Быть в авангарде партии означает быть на передовой линии борьбы рабочего класса за власть. Это означает, что необходимо знать, как руководить этой борьбой, чтобы кратчайшим путем добиться победы».

Подтверждая свои аргументы цитатой из Фиделя, Че писал: «Субъективные условия в каждой стране, а к ним относятся такие факторы, как революционное сознание, организация и наличие лидеров, могут ускорить или замедлить приход революции, и зависит это от уровня развития той или иной страны. Рано или поздно в каждую историческую эпоху при созревании условий

появляется сознание, выстраивается организация, возникают лидеры, и так происходит революция».

В его призыве к оружию ощутимо зазвучали некоторые новые нотки: вместо старого коммунистического эвфемизма «вооруженная борьба» он стал использовать куда более прямое слово «насилие». «Насилие не является монополией эксплуататоров, эксплуатируемые также могуг прибегать к нему и, более того, обязаны делать это, когда наступает подходящий момент… Диктатура старается функционировать, не прибегая к силе. Таким образом, мы должны постараться заставить диктатуру прибегнуть к насилию, чтобы тем самым открыть ее истинное лицо — как диктатуры реакционных социальных классов».

И наконец: революция в Латинской Америке должна носить общеконтинентальный характер, поскольку только так можно переиграть янки, которые готовы сделать все для того, чтобы разделить, подмять под себя, подавить восставшие народы. «Как сказал Фидель, все Анды станут латиноамериканской Сьерра-Маэстрой, и огромная территория, которую занимает этот континент, предстанет сценой борьбы с империализмом не на жизнь, а на смерть».

Богатая Аргентина давно уже была для Кремля лакомым кусочком, а лидеры ее компартии не только имели привилегии при распределении московских субсидий, но и могли оказывать влияние на политику СССР в Латинской Америке. Остальные региональные партии, за редкими исключениями, присоединяли свои голоса к мнению аргентинских товарищей, и в конце 1963 г. их посыл был общим: Че вторгается на территорию их стран, и его пыл следует охладить.

Поначалу желание Хрущева установить «неформальные» отношения с революционной Кубой оказалось сильнее скептицизма части кремлевских чиновников, которые предпочли бы сохранять с островом Свободы прямые межпартийные связи, где Кремль мог бы играть доминирующую роль, как это было в случае со странами-сателлитами в Восточной Европе. В их глазах Куба оставалась в социалистическом блоке «белой вороной», и, несмотря на заявления Фиделя о приверженности социализму и намерении построить на Кубе компартию советского типа, они по-прежнему чувствовали себя некомфортно из-за того, что не могли контролировать этот процесс.

Николай Метуцов, заместитель секретаря ЦК партии Юрия Андропова, отвечавший за связи с социалистическими государствами за пределами Европы, признает, что СССР стремился установить более жесткий контроль над Кубой. «Была

целая группа товарищей, которые придерживались той точки зрения, что мы должны научить наших кубинских товарищей… помочь им стать марксистами, подлинными марксистами, поскольку они не были достаточно подкованы в теории».

Метуцов, который до того работал в Пекине, был направлен на Кубу для проверки идеологической лояльности Че. «Для меня как представителя моего отдела… идеологическая позиция кубинских лидеров была делом первостепенной важности, — говорит Метуцов. — Для меня, для Андропова, для Хрущева, конечно же, да и для других членов Политбюро прежде всего важно было прояснить теоретические и идеологические позиции кубинских лидеров». В частности, требовалось определить их позиции в отношении, как он выразился, «теоретических проблем всемирного революционного процесса» — этим эвфемизмом обозначалось соперничество между Москвой и Пекином.

Метуцов приехал на Кубу в конце 1963 г. в составе советской делегации, возглавляемой Николаем Подгорным, председателем Президиума Верховного Совета СССР. По словам Метуцова, ни Фидель, ни Рауль их тогда не интересовали. «Мы знали о том, как они пришли к марксизму, насколько искренним было их восприятие марксизма… Нам было известно, что в сущности Фидель был либеральным буржуазным демократом и что его брат Рауль был ближе к коммунистам и состоял в партии. Другое дело — Че Гевара: из всего политического руководства он казался наиболее подготовленным в теоретическом плане».

В свое время именно Че подвел Фиделя к принятию социализма, к установлению отношений с Советским Союзом, а теперь стал еретиком, enfant terrible[33] кубинской революции, да еще и с немалыми международными амбициями.

Во время своего визита Метуцов много раз говорил с Че, и одну из этих бесед, состоявшуюся в начале января 1964 г. и длившуюся всю ночь, Метуцов вспоминает во всех подробностях. В ту ночь они до самого рассвета сидели в библиотеке в советском посольстве и, закончив разговор, вместе поплавали в бассейне.

По словам Метуцова, Че начал объяснять, почему не является маоистом. «Гевара сказал, что по своим идеологическим и теоретическим убеждениям марксиста он куда ближе к нам, чем к китайцам… и попросил меня твердо это уяснить, чтобы дать знать моим товарищам, что он является подлинным другом Советского Союза и ленинской партии».

«Гевара понимал, что его прозвище, «Че», стало отражением его личности. Во время нашей беседы у меня сложилось впечатление, будто он уже знал, что вошел в историю, историю

национально-освободительного движения. Но ему хватало ума думать об этом без тщеславия, и он оставался нормальным человеком».

Хотя Че призывал к вооруженной борьбе и был источником беспокойства для некоторых товарищей Метуцова по Центральному Комитету, он сам отрицает, что все руководство СССР и лично Хрущев разделяли это беспокойство. «Был ли Советский Союз заинтересован в развитии всемирного революционного движения? Да. Так что было дурного в том, что Куба помогала этому делу, вносила свою лепту? Все шло в общую копилку».

Пока Метуцов и Че вели свою ночную беседу, Фидель готовился к ответному визиту в Советский Союз. 2 января 1964 г., в пятую годовщину революции и накануне своего отъезда, он выступил с пространным обращением к кубинскому народу.

Фидель, очевидно, многого ожидал от предстоящей поездки и уже готовился отступить от своего нейтралитета по вопросу китайско-советского спора и открыто поддержать внешнюю политику Москвы. Он с преувеличенным энтузиазмом говорил о будущем кубинской экономики и в восторженных тонах отзывался о партнерстве Кубы с Советским Союзом. Он несколько раз повторил, что Куба поддерживает политику мирного сосуществования и желает жить в мире с любой страной, какова бы ни была ее политическая система, в том числе и с Соединенными Штатами.

Его речь была явно рассчитана и на американских слушателей. Двумя месяцами ранее они с Кеннеди обменялись рядом осторожных сообщений, имевших целью «нормализацию» отношений, однако вскоре после этого Кеннеди был убит в Далласе. И теперь в своем обращении к народу Фидель четко дал понять, что он рассчитывает на продолжение переговоров с новым американским президентом, Линдоном Джонсоном.

Фидель получил от Москвы щедрое обещание закупить в течение шести лет двадцать четыре миллиона тонн кубинского сахара. Но взамен он подписал совместное советско-кубинское заявление, в котором Куба и СССР выражали неприятие раскольнической деятельности в рамках мирового коммунистического движения. Кроме того, Куба выказала готовность «сделать все необходимое для установления добрососедских отношений с Соединенными Штатами Америки, основанных на принципах мирного сосуществования». Хрущев высоко оценил эту новую позицию Кубы, которая должна была способствовать «укреплению мира и ослаблению международного напряжения».

По мнению Мориса Гальперина, американского политолога и экономиста, документ, подписанный Фиделем в Москве, был весьма двусмысленным. «Послание в адрес Соединенных Штатов — равно как и в адрес Латинской Америки — было следующим: Кастро решил искать компромисс с Вашингтоном, Хрущев дал на это свое согласие, и для Латинской Америки это означало, что Кастро готов отказаться от идеи всеобщей латиноамериканской революции ради договора с США».

Конечно, как и другие страстные заверения Фиделя, слова о поддержке идеи «мирного сосуществования» были не более чем хитрой уловкой необходимой для начала диалога с Вашингтоном. В тот момент кубинское оружие и кубинские кадры были напрямую задействованы в целом ряде конфликтов на территории Латинской Америки и по крайней мере в одном конфликте в Африке. Бойцы Мазетти рассекали джунгли Орана, партизанская колонна Эктора Бехара стремилась вторгнуться на территорию Перу, и всего за два месяца до того венесуэльские власти захватили груз из трехсот тонн оружия, отправленный с Кубы для местных партизан. Бывший начальник революционной полиции Эфихенио Амейхейрас и другие кубинские военные находились в Алжире, тайно помогая руководить вооруженным батальоном в пограничной войне, разгоревшейся между Алжиром и Марокко.

Для Че термин «мирное сосуществование» был абсолютно неприемлем, поскольку означал примирение с империалистической системой. Пока что он молчал, но нет сомнений в том, что его пути с Фиделем уже начали расходиться. Целью Фиделя было добиться кубинского экономического благосостояния и собственной долговечности как политика, и ради этого он готов был пойти на компромисс. А Че видел свою миссию в том, чтобы распространить социалистическую революцию за пределы Кубы. Близилось время покинуть остров. Его надежды были связаны с Хорхе Рикардо Мазетти, который должен был подготовить почву для этого решительного шага.

X

В феврале кубинский повстанец Альберто Кастельянос вернулся в «зону военных действий» из Кордовы. За месяц спокойной жизни в городе, где он хорошо питался и пил пиво, он набрал лишний вес и потерял форму. В ходе шестичасового перехода к партизанскому лагерю Кастельянос трижды падал в обморок. По прибытии же он узнал, что Мазетти решил перейти к

активным действиям.

Однако за те месяцы, что прошли среди зеленых, залитых дождями лесов Орана, склонность Мазетти к авторитаризму приобрела угрожающие масштабы. Новой жертвой его преследования стал Генри Лернер, молодой студент-медик из Кордовы, прибывший в лагерь в ночь казни Адольфо «Пупи» Ротблата.

Лернер, так же как Ротблат, был евреем. Сын старого коммуниста, сам считавший себя «сталинистом», Лернер гордился собственным несгибаемым духом и силой своих убеждений. Однако замечания Мазетти в его адрес становились все более нелицеприятными, командир выбирал его для наиболее унизительных поручений, вследствие чего Лернер стал осознавать, что Мазетти считает его недостойным быть партизаном и старается пробить брешь в его самообладании.

Лернер пришел в отчаяние. Он был настроен на то, чтобы повиноваться приказам и уважать своего командира, и поэтому из кожи вон лез, стараясь безупречным исполнением всех указаний завоевать одобрение Мазетти. Но этого, похоже, было недостаточно.

На Рождество партизанам прислали из города целую гору деликатесов. После ужина Лернер сел, прислонившись к дереву, закурил сигарету и погрузился в ностальгические воспоминания. Его мысли обратились к семье и жене, которых он оставил в городе, и тут Мазетти подкрался к нему сзади и громко спросил: «Эй, о чем это ты думаешь?» Когда Лернер ответил, Мазетти промолвил: «Значит, планируешь дезертировать, да?»

Лернер понял, насколько серьезно его положение. Он уже слышал о Фусиладо, а Пупи и вовсе был казнен в день его приезда. С точки зрения Мазетти, одного подозрения в дезертирстве было достаточно, чтобы применить смертную казнь.

Лернер приватно поговорил с Бустосом и попросил у него помощи. Бустос вмешался и сказал Мазетти, что тот не прав: Лернер — надежный кадр, он предан делу и совсем не является потенциальным дезертиром. Он призвал Мазетти дать Лернеру шанс проявить себя, и Мазетти согласился. Он поручил Лернеру проследить за поведением двух других бойцов, которые, по его мнению, заслуживали наказания.

Одним из них был новичок по прозвищу Нардо. Настоящее его имя было Бернардо Гросвальд, он был банковским служащим из Кордовы, евреем по национальности. Суровые будни в джунглях давались ему тяжело, и он начал проявлять те же симптомы отчаяния, которые привели Пупи к его трагическому концу. Лернер вывел Нардо в его первый поход за пределы лагеря

и в ходе общения понял, что юноша совершенно не представляет себе, во что ввязался.

Второй жертвой был «Грильо» Фронтини, фотограф по профессии, сын известного и влиятельного буэнос-айресского адвоката. Грильо координировал работу подполья в столице, но вел себя расточительно и небрежно с доверенными ему финансами организации. Мазетти приказал Бустосу арестовать его и доставить в горы для суда.

Он поместил обоих молодых людей под арест, и Лернеру было поручено провести с ними неделю в лесу и внимательно следить за их поведением. Он должен был попытаться определить, достойны они доверия или нет, и от его показаний зависело решение их судьбы.

Мазетти постоянно видел вокруг себя врагов. Его настроение было непредсказуемым. То он чувствовал эйфорию, то погружался в глубокую депрессию, которая могла длиться несколько дней.

Бустоса особенно волновала судьба Нардо. Он намеревался подыскать надежных людей, которые могли бы подержать Нардо у себя на ферме, пока его нельзя будет отпустить совсем. Мазетти обещал, что подождет.

Тем временем Пиринчо получил особое задание. С момента убийства Пупи он сильно переменился, запрятав глубоко внутрь все свои душевные муки. Завоевав полное доверие Мазетти, он добился позволения вернуться в Буэнос-Айрес. В Уругвай с Кубы как раз должна была прибыть крупная партия оружия, и Пиринчо предстояло привезти ее по Ла-Плате на яхте своей семьи.

Мазетти задумал новый план, и ему для этого требовалось оружие. Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) Аргентины, огромная организация, в которой преобладающую роль играли перонисты, решила начать общенациональную забастовку против правительства Ильиа. Мазетти хотел снабдить оружием группу Бенгочеа и организовать серию скоординированных молниеносных атак против военных в зоне, где соединяются провинции Сальта и Тукуман. На фоне всеобщей забастовки НПА могла громко заявить о себе и в то же время продемонстрировать свою солидарность с рабочим движением Аргентины. Затем партизаны собирались уйти с места действий, передислоцировавшись в Анды, в паре сотен километров к югу; Мазетти уже провел рекогносцировку местности в поисках подходящих маршрутов к отступлению. Их резкое исчезновение должно было также сбить с толку правительственные силы безопасности, создав впечатление, что они обладают куда большей силой, чем на самом деле. Именно такую тактику с

успехом применяли Фидель и Че на начальных стадиях войны в сьерре, и Мазетти намеревался последовать их примеру.

В феврале он попросил Бустоса связаться с Пиринчо и узнать, как обстоят дела с доставкой оружия. Бустос уехал в Буэнос-Айрес и договорился о встрече с Пиринчо. Но Пиринчо на нее не явился. Они договорились о новой встрече — и опять тот же результат. Наконец Пиринчо согласился встретиться с Бустосом на вокзале Бельграно. Когда Бустос прибыл на место, то увидел, что Пиринчо подстраховался, опасаясь, очевидно, что к нему могут применить «крайние меры». Он не только выбрал для встречи оживленное место, но был также в сопровождении нескольких друзей, которые сторожили выходы.

«Пиринчо сказал мне, что он согласен встретиться и дать объяснения именно мне, — вспоминает Бустос, — но не Сегундо. Он хотел объяснить мне, почему не вернулся, поскольку знал, что я пойму его. Он рассказал обо всем: о душевных страданиях, об утрате веры из-за убийства Пупи, о том, что он знает, что партизанское дело не замыкается на личности Сегундо, что он уважает это дело и хранит ему преданность. Он сказал: "Я хочу уехать отсюда. Я еду в Европу… Даю слово, я ничего никому не скажу"».

В отсутствие Бустоса Мазетти нарушил свое обещание по поводу Нардо. Лернер, проведший неделю подле Нардо и Грильо, вернулся вместе с ними в лагерь и доложил Мазетти об их поведении. Грильо «удалось реабилитироваться», но «ничего хорошего нельзя было сказать» о Нардо, чье поведение только ухудшилось.

По словам Лернера, он был «полностью уничтожен, даже не разговаривал. Он падал на колени, ползал; глубоко несчастный, он плакал, он мастурбировал. Так он очищал себя, это была примитивная форма гигиены».

Мазетти распорядился устроить суд над Нардо. В памяти Лернера почти ничего не сохранилось об этом мероприятии, которое длилось минут десять-пятнадцать, но он помнит, что у него возникло ощущение, будто Нардо «решил изобличить себя», поскольку не сказал ничего в ответ на обвинение, что если он попадет в руки полиции, то расскажет все, что знает.

Этот вывод, разумеется, был сделан заранее, и вердикт не заставил себя долго ждать. «Нардо приговорили к смерти, — говорил Лернер. — Ему сказали, что его расстреляют за неподчинение революционным законам».

На рассвете была вырыта яма, на край которой поставили приговоренного. Лернер стоял неподалеку и наблюдал за происходящим. В последнюю минуту, когда был дан приказ к

расстрелу, Нардо расправил грудь. «Он смотрел прямо перед собой, не трясся, не падал на колени, не просил ни о чем».

После приведения приговора в исполнение никто не промолвил ни слова. «Мы все старались спрятаться от своих мыслей», — вспоминает Лернер. Мазетти же вел себя как ни в чем не бывало.

Обращение Мазетти с Генри Лернером тотчас улучшилось — с него были сняты все подозрения. Только многие годы спустя Лернер осознал, как близок он сам был к тому, чтобы стать одной из жертв Мазетти. Также он задумался над странным совпадением: он сам, Мигель, Пупи и Нардо были евреями, а Мазетти начинал свою политическую карьеру в Националистическом освободительном союзе, отличавшемся ультранационалистическими и антисемитскими взглядами.

Бустос, вернувшийся в лагерь, расстроился из-за того, что случилось с Нардо, но ничего уже нельзя было изменить. Когда он рассказал Мазетти об измене Пиринчо, тот отказался ему верить. Пиринчо был одним из его любимчиков, он просто не мог его предать. Мазетти приказал Бустосу вернуться в Буэнос-Айрес и привезти Пиринчо к нему.

Но было слишком поздно. Пиринчо, как и обещал, уехал в Европу и затерялся там. А затем и для всей Народной повстанческой армии наступили тяжелые времена. Через несколько дней после отъезда Бустоса в город прибыли пять новобранцев, направленных в лагерь буэнос-айресскими коммунистами, не согласными с официальной линией партии. Двое из них оказались двойными агентами, работавшими на секретную полицию Аргентины. Им поручили проникнуть в ряды НПА найти ее базовый лагерь и вернуться назад с полученной информацией.

Тем временем жандармерии удалось определить точное место нахождения партизан. Основной помощник партизан в Сальте, молодой и образованный Энрике Болини Рока, плохо походил на провинциального владельца торговой лавки: он был слишком привлекателен, и это сыграло с ним дурную шутку. Привлеченные красотой Энрике, местные женщины следили за каждым его шагом. Жандармы вскоре вычислили, куда именно он ездит по дороге в Оран. И не замедлили отправить туда разведывательный отряд.

Почти в это же время солдаты наткнулись на группу партизан около склада с провизией, которую те собирались доставить в основной лагерь в горах; там были Кастельянос, Лернер, Грильо Фронтини и еще один партизан по прозвищу Маркес. Они заявили, что якобы охотятся в джунглях на «диких индеек». Им,

разумеется, никто не поверил. Также были арестованы оба агента спецслужб, но те очень скоро раскрыли жандармам, кто они такие и что им удалось выведать. В горы были брошены дополнительные силы, и очень скоро НПА пришел конец.

К 18 апреля передовой отряд Че в Аргентине был полностью ликвидирован. Около дома одного крестьянина они попали в засаду, и Эрмес был убит сразу же. Остальные партизаны во главе с Мазетти попытались уйти через горы.

Довольно скоро они оказались во влажном тропическом лесу высоко в горах — на высоте три-четыре тысячи метров. У них не было еды. Из-за тумана они почти ничего не видели. Три новобранца умерли во сне от недоедания.

Мазетти, который едва мог идти из-за боли в позвоночнике, вместе с Атилио, Эктором и Антонио Паулем отбился от остальных и послал Эктора с Антонио на поиски отряда. Спускаясь вниз с горы, Антонио сорвался с высокого утеса и упал в реку. Эктор, попытавшийся его удержать, упал вместе с ним. Антонио расшибся о скалу, но Эктор остался жив.

В течение нескольких дней выжившие партизаны были схвачены. В Жужуе, Оране и Буэнос-Айресе были арестованы Болини Рока и другие участники городского подполья. Бустосу и остальным членам движения в Кордове удалось скрыться и бежать в Уругвай. «Волосатый» благополучно вернулся на Кубу, никем не раскрытый.

О Мазетти и Атильо ничего слышно не было. Жандармы прочесали лес, но вернулись с пустыми руками. К концу апреля в тюрьме Орана сидело восемнадцать человек, в том числе Кастельянос, Лернер, Фронтини, Федерико и Эктор Жюв. Все члены группы держались уверенно и не думали помогать следствию. Они молчали о связях с кубинскими властями и даже смогли сохранить в тайне личность телохранителя Че Альберто Кастельяноса.

Впрочем, кубинский след вскоре все-таки вышел наружу. Был найден дневник Эрмеса, и по использованной в нем лексике полиции удалось определить, что его автор был кубинцем. Кроме того, аргентинские силы безопасности проверили происхождение захваченного оружия и выяснили, что бельгийские автоматы «ФАЛ» были ранее проданы компанией «Фабрик насьональ» именно Кубе. Что касается советского оружия, то Куба и вовсе была единственной страной Западного полушария, которая имела к нему доступ.

Эта история получила широкий резонанс в прессе, пытавшейся ответить на вопрос: не стоит ли за историей с НПА Че Гевара собственной персоной? Вскоре вопрос отпал сам собой,

так как сначала в одном из погибших партизан опознали Эрмеса Пенью, бывшего личным телохранителем Гевары, а затем стало известно, что пропавший команданте Сегундо есть не кто иной, как Рикардо Мазетти, которого Че публично назвал «героем-революционером».

Впрочем, о конкретных деталях операции никто в Аргентине так и не узнал. История с «партизанами в Сальте» осталась загадкой, небольшим инцидентом, перекрытым вскоре более серьезными и драматическими событиями. Лишь горстка людей знала, насколько этот эпизод был важен для Че и как сильно неудача Мазетти повлияла на его жизнь и на последующие события в Латинской Америке.

Мазетти так и не нашелся. Его выжившие товарищи полагают, что здесь возможны только три варианта. Первый: Мазетти осознал, что все кончено, и вместе с Атильо совершил самоубийство. Второй: они умерли от голода. Третий: жандармы все-таки их нашли, забрали около двадцати тысяч долларов, которые были в распоряжении Мазетти, и убили обоих, чтобы оставить содеянное в тайне.

Довольно скоро партизаны предстали перед судом. Хотя их защищали хорошие адвокаты, все они были осуждены на тюремное заключение сроком от четырех до четырнадцати лет.

Гевара был подавлен и сбит с толку кошмарными новостями о разгроме его аргентинской базы. Для Че это была не только личная трагедия, но и серьезный удар по его планам начать вооруженную борьбу в Аргентине. Че потерял двух своих ближайших помощников: Эрмеса и Мазетти, — которые к тому же не послушали его советов и совершили ряд промахов, приведших к обнаружению лагеря.

Лишь немногие осознавали, насколько сильно Гевара привязан к своей родине. Аргентинской журналистке Росе Марии Оливер довелось невольно обнажить в нем эти чувства во время их разговора, состоявшегося в феврале 1963 г. Они сидели, потягивая мате и ностальгируя по родной стране, когда вдруг Че ударил себя по колену и воскликнул почти умоляюще: «Довольно: давай не будем больше говорить об Аргентине!»

«Но почему? Ты же так ее любишь», — спросила Оливер.

«Именно по этой причине…»

Через некоторое время после того, как стало известно об исчезновении Мазетти, в кабинет к Че зашел Альберто Гранадо. Че выглядел удрученным. Гранадо попытался его немного растормошить, пошутив: «Что такое, Че? Ты почему такой кислый?» В ответ он услышал: «Петисо, я вот сижу тут, за рабочим столом, а мои люди тем временем гибнут там, куда я их

послал».

Че продолжал говорить, горестно сетуя на то, что Эрмес, опытный партизан, не последовал его инструкциям и не настоял на смене места дислокации. Разгром был вызван именно тем, что повстанцы задержались на одном месте слишком долго и аргентинские жандармы смогли их обнаружить. Постоянное движение — одно из основополагающих правил ведения партизанской войны, и если не Мазетти, то Эрмесу это должно было быть хорошо известно. Именно поэтому Че отправил его туда, и тем не менее опыт и партизанские инстинкты этого человека не помогли спасти операцию от провала.

Неудача в Сальте стала поворотным пунктом в жизни Че. «Хорошие», но недостаточно опытные исполнители вновь оказались не способны воплотить на практике его теорию ведения партизанской войны. И Геваре стало ясно, что он должен подать личный пример, если хочет, чтобы его идеи воплотились в жизнь. Успех революционного движения на всем южноамериканском континенте был невозможен без личного присутствия признанного лидера, а кто еще мог взять на себя эту роль, как не он сам?

Глава 26
Долгое прощание

I

Летом 1964 г. Че твердо решил оставить Кубу и вернуться на поля революционных сражений. Вопрос был — куда именно? Сначала необходимо было подготовить все необходимые условия. Отныне мысли Че всецело были сосредоточены на этом.

Он более не чувствовал себя необходимым на Кубе. Кубинская революция сумела себя отстоять. И, хотя ЦРУ по-прежнему поддерживало контрреволюционную деятельность, а в воздушном пространстве Кубы то и дело появлялись самолеты-разведчики, не похоже было, чтобы американцы намеревались развязать войну; в конце концов, ведь Кеннеди дал гарантии ненападения в обмен на вывод советских ядерных ракет. Обещание, конечно, всегда можно было нарушить, однако преемник Кеннеди Линдон Джонсон был слишком озабочен другими вопросами: предстоящей президентской гонкой и эскалацией конфликта во Вьетнаме.

Хрущев называл теперь Кубу не иначе как «дочерью СССР». Советская помощь щедрой рекой потекла на остров, но вместе с тем Куба начинала становиться все более зависимой от Москвы. Че не нравилась эта ситуация, но Фидель, по крайней мере пока, не видел особых поводов беспокоиться, тем более что никаких других готовых альтернатив у него не имелось.

Че по-прежнему был убежден в том, что в более далекой перспективе поддержание кубинского суверенитета будет зависеть не от советских субсидий, но от успеха революционного движения в Латинской Америке. Располагая общими ресурсами, братское сообщество революционных государств Латинской Америки должно было избавиться от своей традиционной зависимости от внешних сил, включая СССР, и возглавить движение всего развивающегося мира в сторону новой, социалистической эры.

Были и другие факторы, повлиявшие на решение Че уехать. Политическая атмосфера на Кубе становилась для него все более неуютной.

Коммунистические партии Латинской Америки были возмущены его попытками экспортировать вооруженную борьбу в их страны. И, несмотря на все заверения Че, в Кремле по-

прежнему преобладало представление о нем как о маоисте, опасном экстремисте, даже троцкисте. Китайцы были осведомлены об этом и стали настойчиво преследовать Гевару своими предложениями о сотрудничестве. Когда он был в Женеве на Конференции ООН по торговле и развитию, китайские агенты всюду следовали за Че по пятам, караулили в фойе гостиницы, наблюдая за тем, кто поднимается на лифте на его этаж и спускается оттуда.

В те идеологизированные времена любое отклонение от курса Кремля считалось ересью и даже предательством, а Че неоднократно выказывал себя сторонником китайской политики в отношении социалистической революции.

Тень легла на его работу в кубинских государственных структурах и даже на отношения с некоторыми ближайшими товарищами, например с Раулем Кастро, который, в отличие от него, вошел в тесный контакт с советским военным и партийным руководством. Их отношения постепенно превратились практически во враждебные. Возможно, поворотным пунктом стали переговоры по поводу размещения советских ракет летом 1962 г. — тогда Че пришлось заниматься «исправлением последствий работы» Рауля.

Открытой критике подверглась индустриальная политика Че, и он был вовлечен в жаркий, хотя и в дружеских тонах, спор по поводу направления развития кубинской экономики. Че выступал за так называемую «бюджетную финансовую систему», при которой государственные предприятия совместно управляли бы активами, а не соревновались друг с другом внутри системы «государственного капитализма», практиковавшегося в СССР. Но его позиция вызвала ярое противодействие некоторых членов правительства, прежде всего Карлоса Рафаэля Родригеса, отвечавшего за сельское хозяйство, и Марсело Фернандеса, министра внешней торговли.

В центре идеологических расхождений было то, что Че настаивал на внедрении «моральных стимулов» в дополнение к «материальным стимулам» в целях развития коммунистической сознательности трудящихся Кубы. Именно эта идея лежала в основе его приверженности системе добровольческих работ. Там он мог на личном примере показать «готовность жертвовать собой» во имя общего блага.

На повестке дня стоял и еще один вопрос: в каком направлении будет развиваться кубинская экономика. Мечты Че об ускоренной индустриализации Кубы почти угасли. Он принял часть критики в свой адрес за то, что пытался двигаться «слишком быстро», не имея подготовленной рабочей силы и

достаточных ресурсов, но были и другие факторы — такие как некомпетентность, недостаток технических знаний и зачастую плохое качество оборудования и материалов, поставляемых из стран советского блока, — от него не зависевшие и приводившие его в бешенство. Другим вариантом развития страны был возврат Кубы к «его величеству сахару». В середине 1964 г., когда Куба и СССР заключили новое соглашение о сахаре, а Хрущев выступил с предложением помочь Кубе механизировать процесс сбора урожая, стало окончательно ясно, что именно развитие сельского хозяйства, а не промышленности станет первоочередной задачей Кубы, и до некоторой степени это тоже подорвало мечту Че о создании нового, социалистического Человека.

И наконец, Гевара был аргентинцем, а не кубинцем, и, хотя он никогда не говорил этого публично, в нем, должно быть, всегда присутствовало понимание, что в конечном счете это «их» страна.

Возможно, Че также начинал чувствовать, что стареет. Ему шел тридцать шестой год, и он мог еще совершать походы, сражаться и вести за собой людей, но времени на это оставалось уже не так много.

II

Первой его задачей было заново воссоздать и расширить подпольную инфраструктуру партизанского движения в Южной Америке, подорванную, но не разбитую полностью в результате фиаско в Сальте. За исключением Альберто Кастельяноса, боливийские и кубинские активисты, участвовавшие в деле, вышли из него невредимыми, так же как городские подпольщики в Кордове, Буэнос-Айресе и других аргентинских городах. Потери ограничивались в основном членами самого партизанского отряда и их непосредственными помощниками в Сальте. Последствия провала Мазетти были не столь удручающими еще и потому, что у Че в Южной Америке появился новый серьезный помощник в лице Тани (так партизаны называли Тамару Бунке).

Таня окончила курс шпионской подготовки в марте 1964 г., и Че вызвал ее к себе в Министерство промышленности; с ним в кабинете был также Ренан Монтеро — под этим именем скрывался один из лучших агентов Пиньейро. Че сообщил Тане, что хочет отправить ее в Боливию, чтобы она обосновалась там в качестве агента глубокого прикрытия и наладила контакт с как можно большим числом влиятельных людей в стране. Ей предстояло находиться там неопределенное время, ожидая, пока

наступит нужный момент и ее призовут к действию. По словам Пиньейро, Таня была отобрана для этого дела потому, что она, помимо других достоинств, говорила по-немецки, а это могло пригодиться для ее проникновения в среду немецких эмигрантов, имевших большой вес в Боливии. Пиньейро сообщает также, что она не знала о планах Че лично присоединиться к ней впоследствии.

Таня ушла со встречи, исполненная гордости: Че счел ее достойной и дал ей роль первостепенной важности в проекте общеконтинентальной революции. Вскоре после того, изменив внешность, она покинула Кубу и отправилась в Западную Европу, чтобы там апробировать свою легенду и познакомиться с теми местами, которые фигурировали в выдуманной истории ее жизни.

Вскоре после встречи с Таней Че вызвал в Гавану Сиро Бустоса, чтобы дать ему новые инструкции. Бустос ждал новых указаний с «Острова», как называли Кубу в подпольных кругах. С помощью университетских знакомых из Кордовы он собрал команду адвокатов для попавших в тюрьму товарищей, а также помог «Волосатому» и двум другим конспираторам — «Петисо» Белломо и брату Эктора Жюва Эмилио — переправиться в Монтевидео, где для них была снята квартира.

Но самое главное, Бустос организовал переправку оружия со складов, предназначавшихся для отряда Мазетти, двум независимым повстанческим группам. Одну из этих групп составляли аргентинские троцкисты во главе с «Васко» Бенгочеа, которые планировали организовать новую базу в Тукумане. Вторая группа только-только зародилась в Уругвае на базе движения «каньеро» — рубщиков сахарного тростника, — придерживавшихся левых взглядов и возглавляемых Раулем Сендиком.

Бустос согласился провести небольшой курс по шпионажу для нескольких товарищей Сендика. (Когда мы беседовали с ним тридцатью годами позже, Бустос не без иронии отметил, что один из его давних «учеников» стал известным и уважаемым экономистом, работающим в уругвайском правительстве.) Решение Бустоса помочь уругвайцам имело куда большее значение для истории, чем сам он подозревал. Через некоторое время организация Сендика приобрела широкую известность как городское партизанское движение «Тупамаро», действия которого сотрясали уругвайское общество.

На встречу с Че Бустос приехал в компании «Панчо» Арико, редактора «Пасадо и пресенте» и идеологического лидера группы сочувствующих из Кордовы. Он был единственным из этой группы, кто успел побывать в лагере Мазетти до его разгрома и

после этого исполнился уверенности — так же как его соратники Оскар дель Барко и Эктор «Тото» Шмуклер, — что идея Че об организации базы в Аргентине не сработает.

«Панчо отправился на Кубу, чтобы повидаться с Че и высказать свои критические замечания, сообщить о наших сомнениях относительно его тактики, — говорит Тото Шмуклер. — Но когда он прибыл туда, то и рта раскрыть не смог. Че говорил с ним часа два-три, и Панчо ничего не сказал». Вернувшись, Панчо объяснил своим друзьям, что, оказавшись перед Че, он почувствовал себя настолько подавленным силой его личности, что не в силах был что-либо ему возражать. «Это же Че», — просто констатировал Панчо Арико.

Бустос чувствовал себя немногим увереннее рядом с Че, с которым встречался уже несколько раз, чтобы обсудить произошедшее в Сальте и попытаться определить план дальнейших действий. Че сказал, что не может понять, почему некоторые партизаны в лагере умерли от голода. Бустос попытался описать условия в джунглях в районе Орана, где практически нет ни крестьян, ни еды и где сложно охотиться. При этом он рассказал один случай, когда партизаны подстрелили тапира, но съесть его оказалось делом непростым, поскольку он очень быстро сгнил. «Когда я рассказал ему все это, Че ответил, что тапира следовало поварить подольше, так чтобы кислоты трансформировались там во что-то, в общем, мясо было бы отличным».

Позиция Че была вполне определенной: повстанческую базу организовать можно, только делать это следует правильно. У Бустоса имелись свои сомнения. Любой новой попытке, по его мнению, должна была предшествовать организация сети подпольной инфраструктуры, охватывающей несколько зон для более стабильного существования партизанского отряда. Неправильно было бы рассчитывать на то, что партизаны станут охотиться или полагаться, как Мазетти, на поставки консервов из города. Новому отряду партизан необходимо было укорениться на местности и обеспечить для себя достаточно автономное существование, чтобы не вызывать ничьих подозрений.

По словам Бустоса, Че с ним согласился. Бустос понял, что ему нужно работать с любыми группами, готовыми включиться в вооруженную борьбу, и одновременно пытаться объединить их в хорошо скоординированный общенациональный партизанский фронт. В его функции не входило пока объявлять имени того, кто станет во главе движения как политический или военный руководитель, или призывать всех обязательно уходить в горы — его работа была подготовительной, и сроки ее выполнения не

были определены.

Существенной преградой на их пути было недостаточное количество денег. По словам Бустоса, некоторые особо рьяные его товарищи отстаивали идею «экспроприации» путем грабежа банков. Ту же идею Гевара сам выдвигал в конце 1958 г., когда прибыл во главе экспедиционных сил в Лас-Вильяс, но тогда ситуация была несколько иная: Куба находилась в состоянии полномасштабной гражданской войны, и Че лично стоял во главе революционных сил. В Аргентине же условия были совсем другими, и он не хотел, чтобы ситуация вышла из-под контроля до того, как восстание наберет обороты. Поэтому Че отринул идею ограбления банков. «Не на этой стадии, — сказал он Бустосу. — Если ты начнешь с ограбления банков, то кончишь обыкновенным преступником, тебя поймают и будут судить за грабежи».

20 мая, все еще находясь на Кубе, Бустос получил телеграмму, извещавшую его о взрыве на улице Посадас, в центре Буэнос-Айреса. «Васко» Бенгочеа вместе с четырьмя товарищами изготавливали бомбы на шестом этаже жилого дома, но случайно произошел взрыв, и все находившиеся в квартире погибли. Это был конец группы «Тукуман». Однако эта новая неудача, как вспоминает Бустос, не взволновала Че: «Он воспринял случившееся совершенно спокойно».

После отбытия Бустоса у Че с Фиделем случилась временная размолвка по поводу стратегии дальнейших действий. На ужесточение риторики со стороны администрации Джонсона, которая ввела новые торговые санкции и способствовала очередным мерам по изоляции Кубы со стороны Организации американских государств, Фидель ответил мирными инициативами.

В серии интервью, данных им в июле корреспонденту «Нью Йорк таймс» Ричарду Идеру, Фидель косвенно дал понять, что Куба может перестать поддерживать революционные движения в Латинской Америке в случае прекращения против нее враждебных действий. Фидель выразил надежду, что Джонсон победит на ноябрьских президентских выборах своего ультраконсервативного соперника — сенатора от республиканцев Барри Голдуотера — и возобновит мирные переговоры с Кубой, начатые при Джоне Кеннеди.

На следующий день после публикации интервью Фиделя Госдепартамент выступил с заявлением, прямо отвергающим эту мирную инициативу: никаких переговоров с Кубой не может быть до тех пор, пока она сохраняет связь с СССР и продолжает «поддерживать подрывную деятельность в Латинской Америке».

19 июля американец с военной базы Гуантанамо убил кубинского солдата. Рауль заявил, что погибший будет похоронен со всеми почестями, и дал понять, что такова воля самого Фиделя. Этот выстрел, заявил он, направлен на всю Кубу и на президента Джонсона, и сделан он для того, чтобы помешать делу мира. В случае победы на выборах Голдуотера война была неминуемой.

Непримиримый Че, со своей стороны, несколько дней спустя публично огласил свои взгляды. 24 июля, выступая на фабрике в Санта-Кларе, он напомнил слушателям об их общем долге сражаться с империализмом «всеми доступными средствами». Не важно, кого изберут американцы на пост президента, — враг от этого не поменяется. В том выступлении Че как никогда близко подошел к прямой критике позиций самого Фиделя Кастро. Высказал ли тот ему свое осуждение — неизвестно. Однако, как выяснилось позже, именно Че, а не Фидель был более реалистичным в своей оценке происходящих событий.

Два дня спустя Организация американских государств приняла решение наложить на Кубу санкции, принудительные для всех своих членов — в том числе и для тех, кто пока не разорвал связи с Кубой. Еще в мае это сделала Бразилия, и теперь пришел черед остальных: в августе отношения с Кубой порвали Боливия и Чили, в сентябре — Уругвай. Мексика осталась единственной страной, отказавшейся подчиниться давлению.

Вашингтон праздновал победу, а Фидель выступил с повторным предложением о продолжении переговоров. Если достижение мира будет стоить прекращения «материальной помощи другим революционерам», то пусть будет так, лишь бы дружеский жест был принят. «Мы намерены жить в мире со всеми странами, всеми государствами этого континента, вне зависимости от их социальной системы. Мы хотели бы существовать в системе международных норм, рассчитывая на равные отношения со всеми странами».

Это был «пряник», протянутый Фиделем американцам, но в руках у Фиделя был и «кнут»: «Предупреждают, что, если пиратские нападения с территории Северной Америки и стран Карибского бассейна не прекратятся… равно как и отправка агентов, вооружения и бомб на кубинскую территорию, народ Кубы будет считать, что у него есть равное право всеми имеющимися у нас ресурсами помогать революционным движениям во всех тех странах, которые будут замечены в аналогичных вмешательствах во внутренние дела нашей отчизны».

Было очевидно, что Фидель предлагает мир на вполне

умеренных условиях, однако, так же как выступление Че в 1961 г. в Пунта-дель-Эсте, этот новый жест был воспринят американским руководством как знак слабости и столь же презрительно отвергнут.

5 августа американские самолеты в ответ на не вполне доказанные нападения торпедных катеров Ханоя на американские морские силы в Тонкинском заливе начали бомбежки Северного Вьетнама. Два дня спустя Конгресс принял так называемую «Тонкинскую резолюцию», давшую Джонсону право увеличить военное присутствие во Вьетнаме. Началась полномасштабная война. Куба выступила с решительным осуждением американских бомбежек, призвав мировой социалистический лагерь к единству для защиты Вьетнама от «империалистической агрессии янки». С точки зрения Кубы, вьетнамский кризис предоставлял отличный шанс восстановить братские отношения между социалистическими странами, которым был нанесен столь существенный урон в результате вражды двух коммунистических гигантов.

Че не мог стоять в стороне. 15 августа на церемонии вручения наград передовикам коммунистического производства, показавшим выдающиеся результаты на добровольческих работах, он заверил кубинцев, что Куба при всей ее нарастающей изоляции остается частью расширяющегося союза революционных государств. В тех латиноамериканских странах, которые приняли политику «сдерживания», навязанную им Вашингтоном, революционные вооруженные силы вскоре одержат триумф и еще более укрепят социалистический лагерь.

«Пусть сейчас дуют дурные ветра, — говорил Че, — и угрозы возрастают день ото дня, и против нас и других стран по всему миру предпринимаются пиратские нападения. Пусть нам угрожает Джонсон или Голдуотер… пусть с каждым днем империализм становится все более агрессивным. Люди решили биться за свободу и отстаивать завоеванную свободу».

Гевара напомнил слушателям, что в Латинской Америке есть две страны, в которых идет революционная борьба, — Гватемала и Венесуэла, — и что сражающиеся там силы добиваются успеха, «нанося поражения империализму одно за другим». По всей Африке силу набирают национально-освободительные движения. В бывшем бельгийском Конго революционные последователи Патриса Лумумбы продолжают борьбу и несомненно выйдут из нее победителями. В португальской колонии Гвинее освободительная армия во главе с Амилкаром Кабралом уже контролирует половину территории — и вскоре вся Гвинея будет свободна, так же как и Ангола. Занзибар уже отвоевал

независимость, и Че признал с гордостью, что Куба внесла свою лепту в этот счастливый исход: «Занзибар — наш друг, и мы оказали ему посильную помощь, братскую помощь, революционную помощь в тот момент, когда это было нужно».

Че был готов пойти еще дальше, признав возможность начала ядерной войны: «Тысячи людей по всему миру погибнут, но ответственность за это будет лежать на империалистах, и их народы также пострадают… Но это не должно нас беспокоить… Мы как единая нация знаем, что можем положиться на силу всех стран мира, составляющих социалистический блок, и народов, борющихся за свободу, а также на силу и сплоченность нашего собственного народа, на решимость сражаться до последнего человека, мужчины или женщины, до последнего существа, способного держать в руках оружие».

Че был убежден, что всемирная война против империализма является борьбой за власть между двумя диаметрально противоположными историческими силами и нет смысла оттягивать окончательное разрешение вопроса путем обреченных на провал краткосрочных тактических альянсов с врагом или попыток его умиротворения. Корни проблем останутся и неминуемо спровоцируют новые конфликты, а умеренная позиция может привести к укреплению врага, который, таким образом, только получит преимущество. История, наука и справедливость находятся на стороне социалистов, поэтому им следует вести войну и победить в ней, невзирая на возможные последствия, — в том числе не чураясь использования ядерного оружия. Че не пугала эта перспектива, и он призывал не бояться ее и всех остальных. Многим предстоит погибнуть на пути революционной борьбы, но выжившие создадут на пепелище новый, справедливый мировой порядок, основанный на принципах научного социализма.

Для успеха в этом деле важно добиться формирования нового, социалистического Человека. Подлинное революционное сознание является ключевым фактором в создании нового общества. И именно это было основополагающей мыслью в августовской речи Че Гевары, озаглавленной «Создание нового отношения к жизни»: «Когда общество достигает определенной стадии развития и становится способным начать суровую борьбу и разрушить силы подавления, разрушить их мощную длань — армию — и захватить власть, тогда каждый человек возвращает себе чувство счастья от труда, счастья от исполнения своего долга, от ощущения собственной важности для социального механизма.

Он становится счастлив от того, что чувствует себя винтиком

в колесе, винтиком… необходимым, хотя и не незаменимым, для процесса производства, сознательным винтиком, винтиком, имеющим собственный мотор и сознательно и жестко старающимся поддерживать себя в действии ради того, чтобы успешно осуществить одну из важнейших предпосылок для построения социализма — создание достаточного количества товаров потребления для всего населения страны».

Че говорит о трудящихся как о деталях механизма, и это свидетельствует о некоей эмоциональной отстраненности от реальной жизни конкретных людей. Учитывая его холодный аналитический ум, неудивительно, что слова, употребляемые Геварой в отношении отдельных личностей, имеют несколько принижающий и дегуманизирующий оттенок, в то время как ценность их труда в социальном контексте идеализируется и описывается в лиричных тонах и с подлинной симпатией. Впрочем, описывая кубинских крестьян и рабочих как «счастливые винтики в колесе», он относил это сравнение и к самому себе.

Че нашел смысл жизни, особый вид счастья в отождествлении себя с образом революционера в большой социалистической семье. Здесь вполне можно разглядеть параллель между его жизненным опытом и методологией обретения революционного сознания, которую он проповедовал. Атмосфера братства, найденная им в партизанской жизни, когда люди оказываются связаны единой целью, вне зависимости от прошлого каждого из них, и сознательной готовностью пожертвовать собой перед лицом неминуемой смерти во имя конечной победы, стала ключевым фактором в личной трансформации Че, выкристаллизовавшей его как человека. И этот опыт Гевара теперь пытался перенести на весь окружающий мир. Чтобы создать коммунистическое государство, требовалось широко внедрить это, в сущности, уникальное сознание, сделать его неизменной частью человеческой природы.

Действительность, однако, расходилась с философией Че. Коммунистическое сознание, которое он сам обрел, оставалось непонятной, а порой и нежеланной абстракцией для многих, в том числе и для тех, кто считал себя социалистами и с радостью откликался на его призыв: «Свобода или смерть!» Готовность пожертвовать материальными благами и даже самой жизнью ради правого дела, быть может, укоренилась в сознании Че, но большинству людей это было не под силу, да они, пожалуй, и не так уж стремились к этому. Они не были слепы: то самое всемирное счастливое социалистическое братство, о котором Че толковал с таким жаром, не было едино, советско-китайские

противоречия уже привели к расколу внутри ряда латиноамериканских компартий, инициированному прокитайски настроенными фракциями внутри них.

Свой взгляд на эту проблему Че выразил публично в нескольких своих августовских высказываниях. Так, он заявил, что советско-китайский конфликт «является одним из наиболее печальных для нас событий», но отметил, что Куба не приняла чью-либо сторону. «Позиция нашей партии состоит не в том, чтобы рассуждать, кто прав, а кто виноват. Мы предпочитаем иметь собственную позицию, и, как часто говорят в американских фильмах, любое совпадение является случайным».

Тем временем на Кубе состоялся очень странный суд над Маркосом Родригесом, который некогда был важным деятелем НСП. Бывший лидер «Директории» Фауре Чомон обвинил его в предательстве нескольких своих товарищей, которые в результате оказались в руках батистовской полиции после неудачного нападения на президентский дворец. Поскольку Родригес имел тесные связи со «старой коммунистической» верхушкой, это дело поначалу обещало стать продолжением процесса чистки. Однако Фидель не хотел позволить процессу зайти настолько далеко. Был проведен новый суд, на котором честь коммунистов была восстановлена, а Маркоса Родригеса выставили отщепенцем и только он предстал перед расстрельной командой.

Поскольку Че в то время находился в Женеве, он избежал причастности к этому позорному процессу. Его неприязнь к сектантским настроениям внутри компартии была хорошо известна. В свое время он принял к себе в личные секретари Хосе Манресу, бывшего сержанта батистовской армии, тем самым создав прецедент, и в дальнейшем последовательно выступал в поддержку любого, кого считал искренне готовым трудиться во имя дела революции, закрывая глаза на то, где ранее этот человек работал или с кем был связан. Министерство промышленности было открыто для многих гонимых или попавших в опалу революционеров.

Одним из таковых был Энрике Ольтуски, старый соперник Че по «Движению 26 июля», под давлением коммунистов вынужденный уйти с поста министра коммуникаций. Можно вспомнить и о Хорхе Мазетти, которого Че убрал от греха подальше из «Пренса латина», после того как тот вошел в конфронтацию с членами НСП. Также среди его протеже был Альберто Мора, сын одного из повстанцев, погибших при попытке «Директории» захватить президентский дворец. Когда в середине 1964 г. Фидель сместил его с поста министра внешней торговли, Че принял опального функционера к себе в министерство на

должность советника, несмотря на то что ранее Мора был одним из главных критиков его экономических взглядов.

Когда Мору уволили с поста министра, он изыскал возможность уехать с Кубы, получив стипендию на изучение политэкономии у французского экономиста-марксиста Шарля Беттельхайма (с которым Че также дискутировал по поводу экономической теории); одновременно с ним Кубу покинул и его друг Эберто Падилья, поэт и писатель, также принятый Че к себе на работу и теперь сумевший получить должность заграничного эмиссара Министерства внешней торговли со штаб-квартирой в Праге.

Перед отъездом оба зашли напоследок к Геваре. Мора не стал скрывать от Че своего грустного настроения и сообщил, что уже утром проснулся в мрачном расположении духа. «Че медленно подошел к Альберто, — вспоминает Падилья, — положил руки ему на плечи и потряс его, глядя прямо в глаза. "Я живу, словно разорванный надвое, двадцать четыре часа в сутки… и у меня нет никого, кому бы я мог рассказать об этом. Но, даже если бы я мог рассказать, никто бы мне не поверил"».

Это важное признание Че является одним из немногих свидетельств того, какому колоссальному напряжению он подвергал себя, стремясь явить пример образцового коммуниста-революционера. И ему пришлось заплатить высокую цену. Его отец, обычно столь близорукий в отношении сына, на сей раз проявил наблюдательность, заметив, что «Эрнесто жестоко подавлял в себе собственные чувства», стремясь стать достойным революционером. Как сказала мать Че уругвайскому журналисту Эдуардо Галеано, ее сын с детских пор «старался доказать себе, что может сделать все, чего не мог сделать, и таким путем он до невероятной степени закалил свою волю». По словам Селии, действия ее сына были «продиктованы огромным стремлением к цельности и чистоте». «Таким образом, — пишет Галеано, — Гевара стал главным пуританином среди западных революционных лидеров. На Кубе он был якобинцем от революции. "Осторожно, Че идет", — восклицали кубинцы полушутя-полусерьезно. Всё или ничего: какие же сражения, должно быть, вел этот рафинированный интеллектуал с собственным сознанием».

Уже услышав откровения Селии, Галеано встретился с Че в августе 1964 г. и, как ему показалось, заметил в нем нетерпение: «Че не был кабинетным человеком: совершенно очевидно было, что он призван творить революцию; если он и был администратором, то вопреки себе. Гевара походил на льва, попавшего в клетку, и под внешним спокойствием скрывалось

напряжение, которое не могло рано или поздно не прорваться. Ему нужна была сьерра». Заключение Галеано было очень точным: Че действительно искал возможности вернуться на поля сражений.

Тем более что варианты уже были. Помимо повстанческих групп в Гватемале, Венесуэле и Никарагуа, партизаны, при поддержке кубинских властей появились теперь и в Колумбии. Речь шла о созданной в июле «Армии национального освобождения» (АНО). В Перу партизанская группировка Эктора Бехара и Левое революционное движение Луиса де ла Пуэнте Уседы готовили собственные выступления. Но Че по-прежнему притягивал юг континента и прежде всего он думал о своей родной Аргентине.

Однако исполнить это желание было непросто, поскольку Сиро Бустос и его товарищи должны были провести огромную подготовительную работу, а Таня пока находилась в Европе, хотя ей предстояло вскоре прибыть на место своего назначения — в Боливию.

По-видимому, самым перспективным вариантом на ближайшее будущее была Африка. В разных местах континента — в португальских колониях Анголе и Мозамбике, в Южной Африке, где вся власть принадлежала белым, и в бывшем бельгийском Конго, занимавшем значительную территорию в самом сердце Африки, — набирали силу повстанческие движения против последних остатков колониализма.

В октябре 1963 г. в Конго была сформирована антиправительственная коалиция, получившая название «Национальный совет освобождения» и собравшая под своими знаменами пеструю компанию бывших членов правительства Лумумбы и недовольных местных лидеров, зачастую племенных вождей. Совет имел свои представительства как в Леопольдвиле, так и на другой стороне реки Конго — в городе Браззавиле, столице нынешней Республики Конго, ранее Французской Экваториальной Африки. Этому движению удалось заручиться поддержкой у Китая и, в меньшей степени, у СССР, воспользовавшись конкуренцией двух держав между собой. После этого союзники по повстанческому движению сумели поднять мятежи в южной, восточной, центральной и северной частях Конго и в результате захватить ряд провинциальных городов и значительные территории страны, не встретив практически никакого сопротивления. Одна из колонн, действовавшая под покровительством китайцев, в августе 1964 г. взяла город Стэнливиль на дальней окраине страны и объявила о создании Республики Конго. В сентябре возникли все предпосылки для

новой эскалации конголезского кризиса, так как правительство занялось подавлением восстания.

Когда же появились шокирующие известия о жестоких расправах над белыми людьми, учиненными повстанцами из так называемой «Симбы» в Стэнливиле, Запад тоже поспешил вмешаться в ситуацию. Во главе Конго встала весьма решительная троица: бывший лидер страны Моиз Чомбе, президент Жозеф Касавубу и командующий вооруженными силами Жозеф Мобуту. Перед лицом новой партизанской угрозы они занялись укреплением боеспособности правительственной армии, которая изрядно пошатнулась к этому времени. Они призвали к себе на помощь известного южноафриканского наемника Майка Хоара и попросили его набрать тысячу белых бойцов из Южной Африки и Родезии.

Африканское сопротивление и особенно конфликт в Конго стали занимать все более важное место в сообщениях кубинской прессы и привлекли внимание Че. Он стал серьезно подумывать над тем, чтобы на время забыть о своих планах континентальной революции во имя помощи африканским повстанцам. Тогда Фидель дал задание службе Пиньейро поработать в этом направлении. Правда, Че оставил за собой право принять окончательное решение по поводу наилучшего места для организации всеафриканского центра повстанческой борьбы, после того как сам побывает на местах и лично познакомится с различными партизанскими лидерами. Огромная территория Конго, раскинувшегося в центре африканского континента, казалось, предоставляла оптимальные условия для ведения партизанской войны, которую можно было бы «распространить» и на соседние страны.

У африканского варианта имелись и другие преимущества: СССР чувствовал себя там куда менее стесненным, нежели под боком у США в Латинской Америке, а сама природа тамошней борьбы, направленная против чужаков, белых колонизаторов — или, как в случае с Конго, против послушного Западу диктатора, — предполагала поддержку со стороны широких народных масс. Наконец, весь континент уже был охвачен огнем восстания, и там не требовалось особой подготовительной работы. СССР, Китай, американцы и их западные союзники вовсю принимали участие в африканских делах, помогали враждующим сторонам деньгами, оружием и военными советниками. Также там было немало антиимпериалистически настроенных национальных лидеров, тепло относившихся к Кубе и готовых обеспечить партизан всем необходимым. Помимо новых правителей Мали и Республики Конго (со столицей в Браззавиле),

к ним относились Бен Белла в Алжире, Секу Туре в Гвинее, Кваме Нкрума в Гане, Джулиус Ньерере в Танзании и Гамаль Абдель Насер в Египте.

В Африке Че видел возможность осуществить наконец свою давнюю мечту: создать новый антиимпериалистический альянс под эгидой кубинских революционных властей взамен неэффективной Организации солидарности афро-азиатских народов. Это бы придало его планам по-настоящему глобальный масштаб, а латиноамериканская континентальная революция получила бы дополнительный импульс от союза со схожими движениями в Азии и Африке. В идеале Фидель должен был взять на себя политическое руководство этим союзом, а две социалистических сверхдержавы — Китай и СССР — финансовую и военную поддержку.

Осенью 1964 г. Че получил от Фиделя разрешение отправиться в Африку. Кастро всегда хотелось играть важную роль на международной арене, и, после того как американцы отказались иметь с ним дело, он вновь начал прислушиваться к предложениям Че. Стараясь не принимать открыто сторону Пекина, он тем не менее задумался над тем, стоит ли придерживаться кремлевской политики «мирного сосуществования», если та не приносит ему почти никакой пользы.

В сентябре Организация американских государств приняла новую резолюцию, которая еще более ужесточила торговые санкции против Кубы. Одновременно усилились диверсии со стороны кубинских эмигрантов, поддерживаемых ЦРУ: угоны самолетов, акты вредительства, вооруженные нападения на кубинские суда стали происходить с пугающей частотой. 24 сентября группа боевиков-коммандос, базировавшихся в Никарагуа, напала на испанское грузовое судно «Сьерра де Арансасу», направлявшееся на Кубу с грузом оборудования. Были убиты капитан и два члена экипажа, а само судно подожжено и выведено из строя. Инцидент повлек международные протесты и разбирательства внутри ЦРУ. Выяснилось, что нападение произошло по ошибке: коммандос приняли испанский корабль за кубинское военное судно «Сьерра-Маэстра». А приказ к нападению дал не кто иной, как Феликс Родригес.

С конца 1963 г. Родригес координировал действия финансируемой ЦРУ антикастровской бригады коммандос, которую возглавлял Мануэль Артиме и база которой находилась в Никарагуа. Группа состояла из более чем трехсот активных членов, которые были рассредоточены в Никарагуа, Майами и на Коста-Рике. По словам Родригеса, за два года коммандос

потратили шесть миллионов долларов и совершили четырнадцать атак на кубинские объекты, в том числе весьма успешное нападение на сахарный завод в Кабо-Крус (неподалеку от места высадки «Гранмы»), в результате которого ему был нанесен серьезный ущерб.

В конце 1964 г., однако, их бюджет был урезан, так как приоритеты администрации Джонсона сместились с Кубы на Вьетнам, и неудачная атака на «Сьерра де Арансасу» подвела итог деятельности кубинских коммандос. Родригес писал по этому поводу: «Вскоре после инцидента наши операции были свернуты. ЦРУ забрало у нас быстроходные суда и отправило их в Африку… Некоторые из тех, кто служил со мной в Никарагуа, отправились туда добровольцами».

Сам Феликс Родригес вернулся в Майами и возобновил работу в тамошнем отделении ЦРУ. До того судьбоносного дня, когда у него в кабинете раздастся телефонный звонок и ему предложат роль охотника за Че Геварой, оставалось еще три года.

III

Когда 4 ноября 1964 г. Че садился на самолет, вылетавший из Гаваны, в аэропорту его провожали три высокопоставленных кубинских чиновника: Рауль Кастро, Рауль Роа и Эмилио Арагонес. Присутствие в одной компании главы вооруженных сил Кубы, министра иностранных дел и секретаря правящей партии страны — Единой партии социалистической революции[34] — имело большое символическое значение. Че вновь был избран на роль посла Кубы на родину мирового социализма, на сей раз для участия в торжествах по случаю сорок седьмой годовщины Октябрьской революции и в мероприятиях, посвященных созданию Общества советско-кубинской дружбы. Алейда вместе с двумя детьми тоже пришла проводить мужа. По ее животу уже было заметно, что она снова беременна — в четвертый и последний раз за время их брака с Че Геварой.

Этот последний визит Че в Москву произошел ровно через три года после первого. Много воды утекло за это время. В Советском Союзе случились серьезные изменения. За несколько недель до визита Че со своего поста был смещен Никита Хрущев. Вместо него новым главой государства стал Леонид Брежнев.

По требованию главы аргентинской компартии Викторио Кодовильи, который имел претензию к Кубе из-за операции Мазетти, Кремль настоял на проведении первого в истории конгресса латиноамериканских компартий, который должен был

состояться в том же месяце в Гаване. С одной стороны, это было на руку Фиделю, так как Кремль тем самым подчеркивал, что признаёт значение Кубы для региона; с другой стороны, этот жест отражал надежду на то, что Кастро договорится с просоветскими партийными лидерами и поможет тем самым изолировать Пекин. Довольно скоро китайская сторона своей агрессивной поддержкой сторонников маоистской линии еще более усугубила разногласия с СССР.

В октябре официальный «рупор» Фиделя — президент Дортикос — уже обозначил новую позицию своего шефа на конференции неприсоединившихся стран в Каире. Подтвердив приверженность Кубы политике «мирного сосуществования» со странами Запада (то есть приняв линию советского руководства), Дортикос вместе с тем поставил под сомнение возможность мирного сосуществования в условиях «империалистической агрессии против маленьких стран». В связи с событиями в Юго-Восточной Азии и в Конго требовалась более четкая демонстрация солидарности со своими партнерами из стран третьего мира.

В Москве Че для проформы посетил торжества на Красной площади и вместе с космонавтом Юрием Гагариным открыл новый Дом дружбы. Но «за сценой» он провел ряд секретных встреч с кремлевскими чиновниками, предложив им свою помощь в урегулировании советско-китайского конфликта, а также изложив кубинские предложения относительно развития революционных процессов в странах Латинской Америки. Однако на сей раз рядом с Че не было его старого приятеля Николая Леонова (ранее выступавшего в роли переводчика). После предыдущего визита Че в СССР КГБ вновь отправил Леонова в Мексику, где тот, помимо исполнения других функций, принимал участие в подготовке гватемальских партизан.[35]

Вместо Леонова Че помогали Олег Дарушенков (кремлевский эмиссар на Кубе), а также другой представитель советской разведки, Рудольф Шляпников. Шляпников работал под началом Юрия Андропова в Международном отделе ЦК и специализировался на молодежных коммунистических группировках в Латинской Америке; он уже несколько раз бывал на Кубе и был знаком с Че. По словам Шляпникова, во время пребывания Че в Москве у них появилась традиция сидеть ночи напролет на лестничной площадке и играть в шахматы. За игрой и разговорами Че попивал молоко, а Шляпников потягивал коньяк.[36]

Среди высших советских чиновников, с которыми Че встречался во время своего визита, были шеф Шляпникова Юрий

Андропов, а также Виталий Корионов, который отвечал за отношения с компартиями стран капиталистического лагеря, и, по словам Корионова, Че особо попросил о встрече с ним, чтобы обсудить «взгляды» латиноамериканских компартий.

До Корионова уже дошли жалобы ряда видных латиноамериканских коммунистов — в частности, боливийца Марио Монхе и венесуэльца Хесуса Фарии — на то давление, которое оказывал на них кубинский режим с целью заставить принять свой план «общеконтинентальной революции».

Из разговора с Геварой Корионов понял, что Че с Фиделем толкуют не о чем ином, как о несколько осовремененной версии той эпической освободительной войны, которую вели за сто лет до них Сан-Мартин и Боливар: объединенные «красные» армии северных стран, таких как Венесуэла, Колумбия и Эквадор, подобно войскам Боливара, должны были постепенно продвигаться на юг навстречу армиям южных стран — Чили, Перу, Уругвая и Аргентины, — аналогу войск Сан-Мартина. Встретиться армии должны были в стране, получившей свое название от имени латиноамериканского «Либертадора» («Освободителя»), — в Боливии.

Как рассказывает Корионов, во время разговора они с Геварой выпили «много хорошего армянского коньяку», при этом Че более всего интересовала позиция Кремля относительно политической стратегии латиноамериканских компартий, многие лидеры которых прибыли в Москву на встречу с новым советским руководством.

Корионов честно сообщил Че все, что знал, так что к моменту отъезда аргентинца из Москвы «Че уже сам понимал, что происходит: линия Фиделя и Гевары на эскалацию вооруженной борьбы не получает поддержки». Поскольку Кремль официально заявил о том, что намерен «уважать» мнение региональных компартий, места для иллюзий более не оставалось: Москва была против кубинских инициатив. Но Корионову было ясно, что Че Гевара твердо намерен отстаивать стратегию вооруженной борьбы в Латинской Америке: аргентинец не верил в действенность кремлевской концепции «мирного сосуществования» и в советско-китайском конфликте был на стороне китайцев.

Вернувшись на Кубу, Че демонстративно отказался от участия в недельном коммунистическом форуме, предпочтя уехать в Орьенте. Однако молчаливой его позицию назвать было нельзя. 30 ноября Гевара выступил в Сантьяго с едкой критикой в адрес латиноамериканских компартий, обвинив их в отказе от активной борьбы за власть.

В своей речи он также коснулся темы Конго: всего за

несколько дней до того бельгийские десантники, использовавшие для заброски в Конго американские самолеты, вытеснили революционеров из их опорного пункта в Стэнливиле. Че охарактеризовал «побоище» в Стэнливиле как пример «империалистического зверства».

Чуть позже Че вместе с Алейдой встретился с Альберто Гранадо и его женой Делией: они сходили в ресторан «Фонтан де Треви» и вместе пообедали. Это была последняя встреча старых друзей — Миаля и Взрывателя. Позже Гранадо догадался, что со стороны Гевары это было своего рода «тихое прощание». Очень немногие на Кубе понимали в то время, что неявка Че на Гаванский конгресс является знаковым событием. Те же, кто следил за его жизнью, видели, что Че постепенно избавляется от своих служебных обязанностей, уходя в тень. По конфиденциальным данным, полученным автором книги из кубинских источников, к этому моменту Че уже сообщил Фиделю, что не хочет более сохранять пост в революционном правительстве Кубы. Он принял такое решение после поездки в Москву, где осознал в полной мере, какое давление оказывает СССР на Фиделя с целью заставить его принять свою модель социализма.

Тем временем на конгрессе в Гаване, с одобрения Фиделя, была ратифицирована компромиссная резолюция. Она в целом совпадала с позицией Москвы по внешнеполитическим вопросам, но вместе с тем одобряла деятельность партизанских группировок в тех странах, где ни компартии, ни Кремль не видели возможности открытого, «легального» ведения политической борьбы. Также было решено отправить делегации участников конгресса в Москву и Пекин для ратификации принятых соглашений и для посредничества в разрешении китайско-советского конфликта.

Через неделю после возвращения в Гавану из Орьенте Че снова оставил столицу Кубы, на сей раз улетев в Нью-Йорк — город, который, как он когда-то сообщил тете Беатрис, он хотел посетить, несмотря на непреодолимое отвращение к Соединенным Штатам. Ему предстояло выступить в роли официального представителя революционной Кубы на Генеральной Ассамблее ООН, и то, что именно Гевара был избран на эту роль, весьма красноречиво свидетельствовало: хотя Фидель искал компромисса с Советским Союзом, Че по-прежнему мог рассчитывать на его помощь в проведении более агрессивной «антиимпериалистической» кампании. 9 декабря, когда Че прибыл в Нью-Йорк, стояла холодная погода, и на фотографиях он запечатлен одетым в зимнюю шинель и берет. Выражение лица

отчужденное, без тени улыбки, как у человека, который знает, что ступил на враждебную территорию. Это было второе и последнее посещение Че страны янки, и на этот раз его появление, в отличие от визита в Майами в 1952 г., не прошло незамеченным.

IV

11 декабря Гевара выступил на XIX Генеральной Ассамблее ООН. Че на редкость тщательно подготовился к этому событию: ботинки его были вычищены до блеска, оливково-зеленая форма отглажена, а волосы и борода аккуратно расчесаны.

С высокой трибуны Че провозгласил скорую смерть колониализма, обличил преступления американских интервентов и от имени Кубы поддержал «освободительные войны», которые шли в Латинской Америке, Африке и Азии. Гневно говоря о конфликте в Конго, он призвал ООН взять на себя задачу вмешаться в ситуацию и стать инструментом борьбы с западным империализмом — «плотоядным хищником, который пожирает тех, кого некому защитить». Касаясь недавней бельгийско-американской операции в Стэнливиле, в результате которой город вновь, ценой сотен жизней, оказался в руках армии Чомбе, Че заявил: «Все свободные люди мира должны быть готовы отомстить за это преступление, совершенное в Конго». Дабы развить эту мысль, он объединил в одно целое «белый империализм» в Конго, равнодушие Запада к преступному режиму апартеида в Южной Африке и расовое неравенство в Соединенных Штатах. «Как может выступать в роли покровителя свободы страна, которая посылает на смерть собственных детей и изо дня в день подвергает дискриминации людей из-за цвета их кожи, страна, которая позволяет убийцам негров гулять на свободе, по сути их защищая, и при этом наказывает самих негров, требующих уважения к себе как к свободным людям и, соответственно, к своим законным правам?»

Обращаясь к одной из главных тем Ассамблеи — вопросу глобального ядерного разоружения, — Че выразил поддержку Кубой этой концепции, но отметил, что Куба не станет ратифицировать подобное соглашение до тех пор, пока Соединенные Штаты не уберут военные базы из Пуэрто-Рико и Панамы. В своей речи Че также повторил, что Куба полна решимости придерживаться независимого курса в обсуждении глобальных мировых проблем. Подчеркнув, что Куба «строит социализм», Че заявил, что при этом она считает себя «неприсоединившейся страной», видя себя среди тех недавно

образованных стран Африки, Азии и Ближнего Востока, которые «сражаются против империализма». В тогдашних условиях этот тезис звучал как косвенный выпад против Советского Союза, остававшегося безучастным к этой борьбе.

Неудивительно, что слова Че вызвали бурю протестов со стороны американского представителя Адлая Стивенсона и некоторых послов латиноамериканских стран, в то время как здание ООН окружили представители кубинской эмигрантской общины, разгневанные одним уже появлением Че на Ассамблее. Причем некоторые из них не ограничились пикетированием. Группа боевиков обстреляла здание ООН, но была арестована. Также была задержана женщина, попытавшаяся заколоть Че ножом. При этом сам Гевара сохранял хладнокровие и даже, казалось, был доволен тем, что вызывает такую ярость.

Но далеко не все были недовольны присутствием Че в Нью-Йорке. Известный в Америке активист движения за права чернокожих Малькольм Экс, только что вернувшийся из поездки по Африке и Ближнему Востоку, выступая 13 декабря перед публикой, зачитал послание от Че Гевары: «Дорогие братья и сестры из Гарлема!.. Примите горячие приветствия от кубинского народа и особенно от Фиделя, который с радостью вспоминает свой визит в Гарлем. Вместе мы победим!»

По словам Педро Альвареса Табио, «придворного» историка Фиделя Кастро, сопровождавшего Че в его поездке в Нью-Йорк, Гевара не смог появиться на выступлении Малькольма Экса лично, потому что не хотел давать основания американскому правительству обвинить его во «вмешательстве» во внутренние дела США.

Из Нью-Йорка Че не стал возвращаться на Кубу. Вместо этого 17 декабря он вылетел в Алжир. Так началась трехмесячная одиссея, в ходе которой он проехал по Африке, слетал в Китай и вновь вернулся в Африку, по дороге остановившись в Париже, Ирландии и Праге. Официально Че выступал послом Фиделя к новообразованным государствам Африки, однако истинным мотивом его поездки было знакомство с континентом, на котором он намеревался сыграть новый акт своей пьесы.

В конце 1964 — начале 1965 г. Че много ездил по Африке: из Алжира в Мали, затем в Конго-Браззавиль, Гвинею и Гану, в Дагомею (старое название Бенина) и оттуда обратно в Гану и Алжир. Гевара встретился с главой Алжира Бен Беллой, главой Ганы Кваме Нкрумой, конголезским лидером Альфонсом Массамба-Деба и лидером ангольского освободительного движения, боровшегося против владычества португальцев, Агостиньо Нето, которому он пообещал прислать кубинских

военных инструкторов в помощь партизанам из Народного движения за освобождение Анголы (так было положено начало военному присутствию кубинцев в Анголе, продлившемуся более двадцати лет).

Где бы он ни появлялся, Че всюду озвучивал одну и ту же мысль: Куба солидарна с африканскими освободительными движениями, все мировые антиколониальные и антиимпериалистические движения должны объединиться и действовать заодно со странами социалистического лагеря.

В частности, Че дал интервью Джоси Фанон, вдове революционера с Мартиники Франца Фанона, автора пламенного антиколониального манифеста «Проклятьем заклейменные». В этом интервью, напечатанном в журнале «Революсьон африкен», он сказал, что Куба рассматривает Африку как одну из «важнейших сфер борьбы со всеми формами эксплуатации, имеющимися в мире: с империализмом, колониализмом и неоколониализмом». Гевара считал, что у Африки имеются «прекрасные возможности достичь успеха благодаря волнению народных масс», но также отметил и многочисленные опасности, связанные, например, с зачастую искусственным разделением африканских народов, доставшимся в наследство от колониализма. Позитивным фактором, по словам Че, была «ненависть, которую колониализм оставил в умах людей».

В начале февраля Че улетел в Китай. Гевару сопровождали министр промышленного строительства Кубы — Османи Сьенфуэгос, старший брат его покойного друга Камило, — а также влиятельный секретарь кубинской компартии Эмилио Арагонес. Оба компаньона Че затем сыграют важную роль в развертывании тайной операции Кубы на территории Африки.

К этому моменту Фидель одобрил план секретной военной миссии в Конго; от Че требовалось только определиться с тем, куда именно будет лучше ее отправить и с какими повстанческими движениями она будет сотрудничать. За месяц до описываемых событий, в январе 1965 г., была отобрана группа чернокожих кубинцев, которые теперь проходили военную подготовку в трех различных лагерях на Кубе. Другим признаком приближающегося начала операции было назначение Пабло Рибальты — старого друга Че, времен войны в Сьерра-Маэстре, — послом Кубы в соседней с Конго Танзании.

О чем шла речь за закрытыми дверями во время посещения Че Китая, до сих пор не разглашается кубинскими властями, однако, если верить Умберто Васкесу Вьянье, бывшему деятелю боливийской компартии, делегация Че встречалась с Чжоу Эньлаем и другими членами правящей верхушки КНР, но не с

самим Мао.

Покинув Китай, Че сделал остановку в Париже, где на несколько часов отвлекся от мыслей о революции, чтобы посетить Лувр. Затем он вернулся в Африку. В течение следующего месяца он побывал в Алжире, Танзании и Египте, где снова встретился с Гамалем Абделем Насером, Бен Беллой и Джулиусом Ньерере и начал осторожно озвучивать свои планы по проведению панафриканской революции.

Город Дар-эс-Салам в Танзании стал ключевым пунктом его путешествия. Под управлением президента Джулиуса Ньереры, придерживавшегося левых взглядов, «Дар» стал центром различных африканских партизанских движений. Кроме того, здесь не только закрыли американское посольство (после того как годом ранее две страны порвали дипломатические отношения), но и открыли посольство кубинское.

Однако первые итоги встреч Че с африканскими революционерами оказались разочаровывающими. В главе «Первый акт» неопубликованной книги «Эпизоды революционной войны (Конго)» он описал свои впечатления от этой поездки в Конго и, в частности, от встреч с теми, кого не без иронии назвал «борцами за свободу». В поведении этих людей был общий «лейтмотив»: почти все они с комфортом жили в отелях Дар-эс-Салама и все без исключения ждали от Гевары одного — «военного обучения на Кубе и денежной помощи».

Одним из этих лидеров был Гастон Сумалио, самопровозглашенный «президент северо-восточного Конго», чьи силы освободили полоску земли на востоке страны, куда они смогли проникнуть с территории Танзании, через озеро Танганьику. Че счел Сумалио «слабо подкованным политически — и уж совершенно точно не лидером нации». Он также отметил соперничество между Сумалио и некоторыми его товарищами, особенно противостояние с Кристофом Гбенье, бойцы которого захватили Стэнливиль.

Из всех повстанческих лидеров Че понравился только Лоран Кабила — конголезец лет двадцати пяти, командовавший войсками Гастона Сумалио на восточном фронте. Позиции Кабилы показались Че «ясными, конкретными и прочными», хотя Кабила тоже плохо отзывался о своих товарищах по Национальному совету освобождения, таких как Гбенье и даже сам Сумалио.

Несколько позже Че узнал, что Кабила солгал ему при первой встрече: по его словам, он только что прибыл «из глубины» Конго, но, как выяснилось, парень ездил в портовый город Кигома, расположенный на танзанийском берегу озера Танганьика и

кишевший злачными местами. Для повстанцев это было место «отдыха и восстановления сил». Че предпочел закрыть глаза на ложь Кабилы, приняв во внимание его преданность левым взглядам. Че сообщил молодому африканцу, что очень расстроен недалекостью конголезских повстанцев, не желающих принять помощь со стороны других африканских государств, и добавил: «С нашей точки зрения, проблема Конго — это проблема всего мира». Стоило Кабиле с ним согласиться, как Че незамедлительно предложил ему помощь Кубы: «От имени кубинского правительства я предложил около 30 инструкторов и любое оружие, и Кабила с удовольствием принял мое предложение; кроме того, он посоветовал поспешить с доставкой того и другого в Конго. Об этом же самом говорил и Сумалио, с которым я встречался отдельно, причем этот последний добавил также, что инструкторам предпочтительнее будет иметь черный цвет кожи».

Далее Че решил узнать настроения других «борцов за свободу». Он планировал встретиться с ними по отдельности и пообщаться неформально, но «по ошибке», как он пишет, кубинское посольство устроило «грандиозное сборище… из пятидесяти или более человек, представлявших движения из десяти с лишним стран, причем в каждом из них было два, а то и более течения». Че оказался в зале, просто забитом людьми, которые «почти в голос» начали просить о том, чтобы Куба оказала им финансовую помощь и дала возможность их бойцам пройти на Кубе курс военной подготовки. К вящему их неудовольствию, Че отмел эти просьбы, заявив, что обучение на Кубе будет делом расходным и малоосмысленным, что настоящие партизаны выковываются на полях сражений, а не в военных академиях. «Поэтому я предложил провести курсы подготовки не на далекой Кубе, но в близлежащем Конго, где шла борьба не только против марионеток наподобие Чомбе, но и против североамериканского империализма».

Конголезская борьба, настойчиво внушал им Че, чрезвычайно важна. Победа в ней, равно как и поражение, «эхом отзовется по всему континенту». Че предполагал создать в Восточном Конго центр повстанческого движения, так чтобы туда могли прибывать партизаны из соседних стран и, внося свой вклад в освобождение страны, приобретать военный и организационный опыт, дабы затем перенести его на территорию своих стран.

«Реакция на это, — пишет Че в рукописи конголезских «Эпизодов», — оказалась более чем холодной. Хотя большинство присутствовавших воздержались от комментариев, некоторые все же набрались смелости и заявили, что их народы потребуют отчета, если кто-то из их бойцов погибнет… в войне во имя

освобождения другого государства. Я попытался объяснить им, что речь идет не о войне в пределах какой-либо одной страны, а об общеконтинентальной войне против общего поработителя, чье присутствие в равной степени ощущается на Мозамбике и в Малави, в Родезии и Южной Африке, в Конго и Анголе».[37]

Однако, как пишет Гевара, никто с ним не согласился. «С холодной вежливостью они попрощались и ушли». У Че сложилось четкое впечатление, что Африке предстоит очень долгий путь к обретению «подлинно революционного направления».

V

В Каире Че поделился своими планами насчет Конго с Насером (об этом рассказывает личный советник египетского лидера Мухаммад Хейкал), но, когда он упомянул о своем намерении лично возглавить кубинскую военную экспедицию, Насер заволновался. Он сказал Че, что с его стороны будет ошибкой лично ввязываться в конфликт, что если Гевара думает, будто ему удастся стать этаким «Тарзаном, белым человеком среди черных, ведущим и защищающим их», то он ошибается. По мнению Насера, у этого предприятия мог быть только плохой конец.

Но, несмотря ни на что — и на эти предостережения египетского лидера, и на то, что его предложения не получили поддержки в Дар-эс-Саламе, и на собственные сомнения Че в надежности конголезских лидеров восстания, и на недостаток информации о реальном положении дел в Конго, — Гевара все-таки был полон решимости осуществить свои планы.

Последнее выступление Че на африканском континенте также стало его последним появлением перед публикой. На Кубе эту речь иногда негласно именуют su ultimo cartucho (его последней пулей). Гевара произнес ее 25 февраля в Алжире на II Афро-азиатской экономической конференции. Че отринул всякую двусмысленность и призвал социалистические сверхдержавы бескорыстно поддержать освободительные движения в странах третьего мира, взяв на себя расходы по их трансформации в социалистические государства.

Не только «жизненный интерес» развитых социалистических стран, но и их «долг» состоит в том, чтобы осуществить отделение новых развивающихся стран от капиталистического мира. «Отсюда вывод, — заявлял Че, — развитие стран, вставших на путь освобождения, должно быть оплачено социалистическими

странами. Мы никого не собираемся шантажировать, мы не хотим этим заявлением завоевать расположение народов Азии и Африки, но мы просто высказываем наше заветное убеждение. Социализм производит перемены в сознании людей и вселяет в них ощущение братской связи со всеми жителями планеты как на индивидуальном уровне, так и на мировом; социалистические страны обязаны видеть братьев во всех народах, страдающих под игом империализма».[38]

Создав основу для дальнейших умозаключений, Че затем обрушился с резкой критикой на развитые социалистические страны за то, что они ведут разговоры о «взаимовыгодных» торговых соглашениях с более бедными государствами. «Как можно говорить о "взаимной выгоде", когда и на сырье, добытое с таким трудом бедными странами, и на технику, созданную на гигантских автоматизированных заводах, установлены одни и те же цены мирового рынка? Если мы введем подобные отношения между государствами с большим индустриально-техническим потенциалом и нациями, еще не вышедшими на столь высокую ступень развития, мы признаем, что развитые социалистические страны являются в определенном смысле пособниками империалистов. Нам возразят, что доход от торговли со слаборазвитыми странами составляет ничтожно малый процент от общего внешнеторгового баланса. Это утверждение соответствует действительности, но оно никак не меняет аморального характера этой торговли. Социалистические страны должны прекратить молчаливое пособничество эксплуататорам».

Всем слушавшим его было ясно, что критика Че обращена непосредственно в адрес Москвы, которая наряду с Китаем отправила своих представителей на форум. Поблагодарив обе страны за то, что они заключили торговые договоры с Кубой о поставках сахара на выгодных для нее условиях, Че, однако, подчеркнул, что это только первый шаг. Цены должны стать фиксированными, чтобы обеспечить подлинное развитие в бедных странах, и эта новая, «братская» концепция внешней торговли должна быть распространена социалистическими державами на все слаборазвитые страны, вставшие на путь, ведущий к социализму.

Че далеко не впервые выступал с обличением «спекулятивных», в духе капитализма, методов, применяемых СССР в торговле с Кубой и другими развивающимися странами, и его взгляды на этот счет были хорошо известны кубинской властной элите в Гаване, однако он впервые высказал их на крупном международном форуме. Сделал это Гевара сознательно: нарочитым выходом за рамки дозволенного он, очевидно,

рассчитывал пристыдить Москву и побудить ее к действию — и это было еще не все.

Че призвал образовать «большой, но крепкий блок» из стран, способных помочь другим народам освободиться от империализма и от паутины экономических структур, в которую он их повергает. Это означало, что социалистические страны, производящие собственное оружие, должны делиться им «безвозмездно и в любых количествах с теми народами, которые попросят об этом, сообразно своим нуждам и возможности доставки оружия».

Неудивительно, что Советский Союз был взбешен этим выступлением Че. Назвать Кремль «пособником империалистов» означало нарушить все правила приличия, принятые в социалистическом лагере, и, учитывая степень помощи, какую Москва уже оказывала Кубе, речь Гевары вполне можно было счесть черной неблагодарностью и, по сути, плевком в лицо.

Че продолжил свой путь, и, пока он ехал из Алжира в Египет, чтобы вылететь оттуда в Прагу, в Конго произошли новые события, которые придали больше веса словам Сумалио и Кабилы о необходимости скорейшей доставки обещанных кубинских инструкторов и вооружения. Белые наемники, собранные Майком Хоаром, перешли к активным действиям против повстанцев: под их управлением правительственные войска начали устраивать облавы на партизан и совершать воздушные рейды, сопровождавшиеся бомбежками. Они захватили несколько ключевых точек и вскоре стали угрожать «освобожденной территории» на восточном берегу озера Танганьики. Трудно было придумать более подходящий момент для вмешательства Кубы в конголезский конфликт.

VI

В советские времена «кремлеведы» внимательно следили за тем, какие позиции занимают члены Политбюро на трибуне во время парадов на Красной площади, ибо по этому можно было судить об изменениях в структуре верховной власти СССР. И точно так же прием Че в Гаване после его крайне провокационного выступления в Алжире привлек к себе пристальное внимание тех, кто хотел увидеть в нем свидетельство дружбы либо конфликта между Че и Фиделем.

Че прибыл в аэропорт Ранчо-Бойерос 15 марта, и там его встречала Алейда вместе с Фиделем, президентом Дортикосом и — что самое интересное — с Карлосом Рафаэлем Родригесом,

противником Че по экономическим вопросам. Алейда не хочет рассказывать о том, что произошло затем, Кастро также никогда не касался этой темы, но доподлинно известно, что сразу из аэропорта Че отправился на беседу с Фиделем, которая проходила за закрытыми дверями и длилась несколько часов. Один осведомленный источник в кубинском правительстве сообщил в довольно обтекаемой форме, что, возможно, на той встрече со стороны Фиделя прозвучали какие-то «жесткие слова», но что они касались скорее «бестактности», допущенной Че в своей алжирской речи, нежели фундаментальных расхождений между ними во взглядах. В таком случае присутствие Карлоса Рафаэля Родригеса в аэропорту вполне можно истолковать как некий знак со стороны Кремля, рассерженного поступком Че.

У историка Мориса Гальперина свой взгляд на ситуацию. «Я был крайне удивлен, прочитав несколько дней спустя речь Че, — пишет Гальперин. — Когда я спросил одного высокопоставленного чиновника из Министерства внешней торговли, в чем смысл этого выпада Че, тот ответил с ухмылкой: "Он отражает кубинскую точку зрения"». Сам приезд Кастро в аэропорт для того, чтобы лично приветствовать возвращение Гевары на Кубу, Гальперин рассматривает как знак одобрения. Более того, алжирская речь Че была потом напечатана в ежеквартальном правительственном издании «Политика интернасьональ», что, по-видимому, снимает всякие сомнения касательно собственной позиции Фиделя.

Действительно, имеется куда больше оснований считать, что Че и Фидель выступали в тандеме, и это выражалось даже в их публичных заявлениях. В своей речи 2 января на торжествах по поводу шестой годовщины революции Фидель выступил с жесткой критикой советской модели социализма — хотя и не называя прямо объект этой критики — и впервые сообщил кубинцам о наличии проблем в содружестве социалистических стран. У кубинского народа, заявил он, есть право высказывать собственное мнение и интерпретировать идеи Маркса, Энгельса и Ленина в соответствии с собственными представлениями и нуждами, но ему следует быть готовым к самостоятельному плаванию, если нынешняя помощь из-за рубежа неожиданно перестанет поступать.

А 13 марта, за два дня до возвращения Че в Гавану, Фидель выступил снова и непрямо осудил Китай и СССР за демагогию в отношении Вьетнама, который они на словах поддерживали, но которому не оказывали никакой конкретной помощи.

Кастро напомнил аудитории, собравшейся в Гаванском университете, о том, что недавно Куба явила пример подлинной

солидарности: во время Карибского кризиса она добровольно взяла на себя риск стать объектом термоядерной войны, приняв на своей земле советские ракеты во имя усиления социалистического лагеря.

Однако Че, как обычно, зашел дальше Фиделя, высказав в Алжире все, что он думал и чувствовал, — при этом нимало не беспокоясь о последствиях. Теперь он должен был лично явить пример «пролетарского интернационализма» и заставить всех остальных последовать ему.

Как рассказывает офицер кубинской разведки Хуан Карретерро («Ариэль»), они с Пиньейро и Фиделем «побудили» Че принять руководство кубинской военной миссией в Конго. Планировалось, что она займет всего лишь пару лет и за это время агенты Пиньейро наладят повстанческую инфраструктуру в Латинской Америке, создав тем самым необходимые условия для переправки туда Че. Война в Конго обещала стать бесценным опытом для бойцов Гевары, а также надежно законспирировать тех из них, кому предстояло затем отправиться вместе с команданте в Южную Америку.

Теперь события разворачивались значительно быстрее. 22 марта Че выступил в Министерстве промышленности, коротко рассказав коллегам о своем африканском турне, но не сообщив, что собирается их оставить. Неделю спустя он встретился с ветеранами-гуахиро из своей старой колонны времен войны в сьерре, работавшими ныне на экспериментальной ферме имени Сиро Редондо в Матансасе, и сказал им, что собирается немного «порубить тростник».

Вернувшись в Гавану, Гевара собрал у себя в министерстве нескольких ближайших товарищей и поведал им о том же. Лишь очень немногие знали, что Че намерен навсегда покинуть Кубу, и попрощался он лишь с горсткой избранных, которым мог доверить свой секрет. А большинство кубинцев в последний раз увидело Че, когда 15 марта он прилетел в аэропорт из Африки (это событие широко освещалось в прессе).

Наконец, Че в последний раз повидал и своих детей. К слову, самый младший сын родился в его отсутствие: 24 февраля, пока Че летел из Каира в Алжир, Алейда родила мальчика, которого назвали Эрнесто.

Алейда была очень расстроена. Она просила Че не уезжать, но его решение было окончательным. Впрочем, он пообещал жене, что, когда революционное движение войдет в более «серьезную фазу», она сможет присоединиться к нему.

Однажды за обедом, на котором помимо него и Алейды присутствовала няня их детей София, Че спросил ее, что

случилось со вдовами тех кубинцев, которые погибли, отстаивая революцию. Вышли ли они замуж снова? Да, ответила ему София, многие из них так поступили. Тогда Че повернулся к Алейде и, указывая на свою чашку с кофе, сказал: «В таком случае ты тоже можешь варить кофе кому-нибудь еще — так же, как варила его мне».

На рассвете 1 апреля из дома, в котором Че Гевара прожил восемь лет, вышел солидный, гладко выбритый мужчина в очках. Звали его Рамон Бенитес.

Глава 27
История провала

I

«И вот в один прекрасный день я прибыл в Дар-эс-Салам, — писал Че. — Никто не узнал меня; даже сам посол Пабло Рибальта, старый товарищ по оружию… не смог признать меня, когда я появился в городе».

Че приехал в Дар-эс-Салам 19 апреля, предварительно совершив заезды в Москву и Каир. Его сопровождали Папи Тамайо и Виктор Дреке, который был избран на роль «официального» командира кубинской бригады интернационалистов, чему способствовал тот факт, что он был чернокожим.

Че был полон больших надежд. Он снова ступил на континент, который мечтал посетить еще десять лет назад («немного приключений в Африке — и на этом мир будет исчерпан», — писал тогда Гевара матери). С тех пор Че довелось увидеть куда больше, чем он мог себе представить, но в основном он ездил по свету как министр кубинского правительства и мировая знаменитость, что накладывало на него множество ограничений. Теперь, когда в его жизни была открыта новая страница, Че, переодетый и замаскированный, вновь оказался предоставлен самому себе, хотя и нельзя сказать, что его совсем не волновало расставание с любимыми людьми. Как он позже напишет в своих конголезских «Эпизодах»: «Я оставил позади почти одиннадцать лет работы бок о бок с Фиделем во имя кубинской революции, счастливый дом — насколько можно назвать домом место, где живет революционер, преданный своему делу, — и выводок ребятишек, которые почти не видели отцовской любви. Начинается новый цикл».

Один из предыдущих «циклов» жизни Гевары начался с того, что он расстался с семьей, порвал со всем, что его удерживало в Аргентине, ради того чтобы стать революционером, а закончился, когда он оставил Ильду с новорожденной дочерью, чтобы окончательно превратиться в товарища Че. Сейчас, завершая свой кубинский цикл, Эрнесто Че Гевара оставлял позади куда больше: жену Алейду, детей, кубинское гражданство, ранг команданте и министерский пост, не говоря уж о друзьях и товарищах, с которыми его объединяли испытания последних десяти лет

жизни.

II

В ожидании прибытия остальных членов кубинской бригады, добиравшихся разрозненными группами по различным маршрутам, Рибальта поселил Че и двух его товарищей на маленькой ферме, которую снял в пригороде Дар-эс-Салама. Взяв словарь суахили, Че выбрал новые имена для каждого из них. Дреке получил имя Моха (Один), Папи — Мбили (Два), а Че — Тато (Три).

В отсутствие Лорана Кабилы и других лидеров конголезских повстанцев, которые отбыли в Каир на саммит революционных сил, их представителем в Дар-эс-Саламе был Годфруа Чамалесо. Он с недоумением воспринял присутствие среди кубинцев белых людей, но ему объяснили, что человек, который называет себя Тато, является врачом, ветераном партизанского движения и говорит по-французски, а Мбили, также белый, прибыл в Африку, поскольку обладает огромным и бесценным опытом участия в партизанской борьбе.

Но это, конечно, было временной отговоркой, и вопрос о том, когда и кому открыть истинное лицо руководителя кубинской группы, на долгое время остался серьезной проблемой. Че сообщил Чамалесо, что количество бойцов, которые прибудут с Кубы, будет больше, чем изначально планировалось, — сто тридцать; к его облегчению, эта новость не встревожила африканца. Че также сказал ему, что они хотели бы как можно скорее попасть на территорию Конго. Чамалесо отправился в Каир, чтобы сообщить Кабиле об их прибытии, не догадываясь, что человек, с которым он познакомился, был не кто иной, как Че.

«Я не говорил никому из конголезцев о том, что решил сражаться здесь, — писал позднее Че. — Во время первой беседы с Кабилой я не мог сделать этого, поскольку ничего еще не было решено, а после одобрения плана сообщать о моем проекте до прибытия на место назначения было опасно. Я решил поэтому поставить их перед фактом… Я понимал, что в случае негативной реакции окажусь в затруднительном положении, так как пути назад у меня не было, однако я счел, что им будет трудно отказать мне. [В сущности,] я намеревался шантажировать их фактом своего присутствия».

Че не мог вернуться на Кубу не потому, что между ним и Фиделем возник какой-то разлад, а потому, что он принял решение уехать оттуда, окончательное и бесповоротное. Вся

репутация Че Гевары была построена на твердом следовании данному слову, и ничто в мире не могло заставить его действовать иначе.

Следует еще раз подчеркнуть, что Че не просто «оставил Кубу» — он сжег за собой все мосты. Об этом свидетельствует небольшое послание Фиделю, которое тот должен был обнародовать, когда сочтет нужным. Это было одновременно и подведение итогов их совместной деятельности, и прощальное письмо, и акт освобождения кубинского правительства от любой ответственности за его последующие действия, и последняя воля, и завещание Че. Гласило оно следующее:

> *Фидель!*
>
> *В этот момент мне многое вспоминается: как мы встретились в доме Марии Антонии [в Мехико], как ты предложил мне присоединиться к вам и сколько было всяких сложностей, сопутствовавших нашей подготовке. Однажды мне задали вопрос, кого следует уведомить в случае моей смерти, и реальная возможность такого исхода поразила нас всех. Позже мы поняли, что именно так и обстоит дело, что в революции ты или побеждаешь, или погибаешь (если это подлинная революция).*
>
> *Сегодня все это звучит для нас не так драматично, поскольку мы повзрослели. Но события повторяются вновь. Я чувствую, что исполнил часть своего долга (это привязывало меня к кубинской революции и земле, на которой она развивалась), и теперь я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который стал моим народом.*
>
> *Я официально отказываюсь от всех своих постов в руководстве партии, от должности министра, от ранга команданте и от кубинского гражданства. Никакие должности не держат теперь меня на Кубе.*
>
> *Оглядываясь на свое прошлое, я думаю, что достаточно честно и преданно работал во имя приближения триумфа революции. Моим единственным серьезным упущением стало то, что в Сьерра-Маэстре я поначалу не очень верил в тебя и слишком долго не мог признать в тебе качества лидера и революционера…* [39]
>
> *В мире есть и другие страны, где требуются мои скромные усилия. Я могу сделать то, от чего отказался ты в силу своих обязанностей лидера Кубы, и настало время нам расстаться.*

Я хочу, чтобы ты знал: я делаю это со смешанным чувством радости и грусти. Я оставляю на Кубе чистейшие из своих помыслов как созидателя, оставляю самых любимых своих людей. И я оставляю народ, который принял меня как сына. Какую-то часть моей души это ранит. Но к новым полям сражений я несу убежденность, которой ты меня научил, революционный дух моего народа, ощущение того, что исполняю священнейший долг — я имею в виду борьбу против мирового империализма. Это успокаивает и залечивает самые глубокие раны…

Если я встречу свой смертный час под чужим небом, то моя последняя мысль будет о нашем народе и особенно о тебе… Меня нимало не огорчает, что я не могу оставить никаких материальных ценностей жене и детям. Я даже рад этому обстоятельству. Я ничего не прошу для них, поскольку государство обеспечит моих близких всем необходимым для жизни, даст детям образование…

Вперед, к окончательной победе! Родина или смерть! Обнимаю тебя со всем революционным пылом.

Че

Также Гевара оставил письмо, которое просил передать родителям.

Дорогие мои!

Снова под своими стопами я чувствую ребра Росинанта. Я возвращаюсь на тропу войны со щитом в руке. В этом нет ничего существенно нового, если не считать того, что я стал более сознательным, а мои марксистские убеждения — глубже и чище. Я верю в то, что вооруженная борьба является единственным спасением для народов, сражающихся за свободу, и я последователен в этих своих убеждениях. Многие назовут меня авантюристом и будут правы, вот только я авантюрист особого типа — из тех, что не жалеют собственной жизни ради доказательства своей правоты…

Я люблю вас очень сильно, вот только я никогда не знал, как показать вам свою любовь. Я… не сомневаюсь, что временами вы не понимали моих поступков. С другой стороны, понять меня было объективно непросто… Теперь сила воли, которую я оттачивал с наслаждением художника, вновь поведет вперед меня, несмотря на

дряхлые ноги и измотанные легкие…

Вспоминайте иногда своего скромного кондотьера двадцатого века… Крепкие объятия от блудного сына, который никогда не был вам послушен.

Эрнесто

Алейде он оставил магнитофонную запись своих любимых стихов о любви (в частности, нескольких стихотворений Неруды) в собственном исполнении. А своим пяти детям Че написал письмо, наказав им прочитать послание только после его смерти.

Если однажды вам придется прочитать это письмо — стало быть, меня уже не будет больше рядом с вами. Вам почти нечего будет вспомнить обо мне, а у самых младших и вовсе не сохранится никаких воспоминаний. Ваш отец был человеком, действовавшим в соответствии со своими взглядами, неотступно следовавшим своим убеждениям.

Растите настоящими революционерами. Хорошенько учитесь, чтобы овладеть теми изобретениями и достижениями техники, которые позволяют управлять природой. Помните о том, что важна только Революция и что ни один из нас сам по себе ценности не имеет.

Самое главное — всегда старайтесь быть способными глубоко чувствовать всякую несправедливость против любого человека в любой части света. Это самое прекрасное качество, присущее настоящему революционеру.

Прощайте, детки. Я надеюсь еще увидеть вас снова. Крепко целую и обнимаю.

Ваш папа[40]

Что касается Ильды, то, хотя она и была некогда женой Че, в последние годы их отношения стали чисто формальными, а общение свелось в основном к посещениям Че их дочери. Последний раз Ильда встречалась с бывшим супругом в ноябре 1964 г., накануне его поездки в Нью-Йорк на Ассамблею ООН — он зашел тогда попрощаться с ней и Ильдитой. Тогда Ильда показала Че письмо, которое она получила от его отца: тот сообщал, что собирается вскоре приехать в Гавану. Че был удивлен и, как ей показалось, озабочен — во всяком случае, если верить Ильде, у него вырвались следующие слова: «Ну почему отец не приехал раньше!.. Вот досада! Теперь совсем не остается

времени».

Значительно позже Ильда поняла, что он имел в виду: Че уже тогда обдумывал проект африканской кампании. Когда несколько месяцев спустя, 15 марта, он вернулся из Алжира, времени общаться с Ильдой у него не было. «Через два-три дня Че позвонил и сказал мне, что приедет поговорить, — пишет она, — но в последнюю минуту перезвонил и сообщил, что должен ехать за город рубить сахарный тростник и навестит меня, когда вернется с добровольческих работ». Но ни Ильда, ни Ильдита так больше никогда его и не увидели.

Для нескольких ближайших друзей Че отобрал в подарок книги из своей библиотеки и, снабдив дарственными надписями, положил на полку, где их должны были обнаружить. Для своего старого друга Альберто Гранадо он выбрал книгу под названием «Гений» по истории сахарной промышленности на Кубе. Дарственная надпись на ней гласила:

«Я не знаю, что оставить тебе на память. Что ж, придется тебе углубиться в тему сахарного тростника. У моего дома на колесах вновь будет две ноги, а мечты мои будут безграничны, по крайней мере до тех пор, пока пули не скажут свое слово. Я буду ждать тебя, мой оседлый цыган, когда запах дыма рассеется».

Орландо Боррего, просившему позволения отправиться с ним, но встретившему отказ (молодой протеже Че был назначен министром сахарной промышленности, и Гевара заявил, что его нынешний пост слишком важен, чтобы он мог с него уйти), он оставил трехтомное издание «Капитала».

(Без ведома Че, в знак огромного уважения к учителю, Боррего после его отбытия взял на себя особую миссию: он решил издать том избранных трудов Гевары, включая его эссе, статьи, тексты выступлений и письма — все то, что составляет основной корпус сочинений Че, его литературное наследие.)

Но эти прощальные послания оставались пока в секрете. Впрочем, в дополнение к своей алжирской речи, ставшей его последним публичным выступлением, Гевара написал также статью-манифест «Социализм и человек на Кубе», которая вышла в уругвайском еженедельнике «Марча» в марте и еще до исчезновения Че стала причиной разногласий в рядах сторонников левых идей по всему Западному полушарию. На Кубе эта статья была опубликована в «Верде оливо» 11 апреля, когда Че был на пути назад в Танзанию.

В этом своеобразном манифесте не только предстали в законченном виде идеи Че, статья также представляет собой его яркий автопортрет. Он вновь заявил о праве Кубы на авангардную роль в деле латиноамериканской революции и подверг осмеянию

собратьев-социалистов, принявших советские догмы. Критикуя далее советскую модель, Че вновь повторил свои аргументы в пользу превосходства моральных стимулов над материальными.

Че отверг тезис о том, что строительство социализма означает «отказ от индивидуального». Напротив, индивидуальное лежит в основе революции: успех кубинской борьбы всецело зависел от индивидов, готовых пожертвовать жизнью ради победы. Однако в вихре сражений сформировалось новое понимание личности — «в этот героический период соревнование за более высокую позицию, сопряженную с большей ответственностью, но и с большей опасностью, зиждилось на радости от сознания исполненного долга… В поведении бойцов проглядывали черты человека будущего».

Читая эти строки, сложно отделаться от ощущения, что Че здесь высказывает свои заветные убеждения, которые хотя и касаются других, но прежде всего отражают его собственное становление как революционера. И в этом состоит вся сущность философии Че: он верил в то, что очищением себя, своей прежней индивидуальности достиг такого состояния ума, при котором мог осознанно пожертвовать собой во имя общества и его блага. А если он смог сделать это, то и другим было под силу последовать его примеру.

Развивая свою мысль, Че писал:

«Надо сказать со всей искренностью, что истинные борцы отдают себя целиком делу революции. И не ждут взамен никакой материальной компенсации…

Рискуя показаться смешным, хотел бы сказать, что истинным революционером движет великая любовь. Невозможно себе представить настоящего революционера, не испытывающего этого чувства. Вероятно, в этом и состоит великая внутренняя драма каждого руководителя. Он должен совмещать духовную страсть и холодный ум, принимать мучительные решения, не дрогнув ни одним мускулом. Наши революционеры должны поднять до уровня идеалов свою любовь к народу, к своему святому делу, сделать ее нерушимой и целостной. Они не могут снизойти даже до малой дозы повседневной ласки там, где обычный человек это делает…

Мы, руководители, понимаем, что должны заплатить высокую цену за право говорить, что идем во главе народа, который стал лидером Америки. Все мы неустанно вносим свою долю самопожертвования, сознательно рассчитывая получить вознаграждение — осознание исполненного долга, продвигаясь в направлении Нового Человека, облик которого уже вырисовывается на горизонте».

III

20 апреля, в связи с распространением слухов о том, что «с Че что-то случилось», Фидель решил нарушить молчание и довольно неопределенно высказался, что с Че все в порядке и он находится там, где может быть «наиболее полезен для революции». Больше на эту тему кубинский лидер не проронил ни слова.

Поначалу поговаривали о том, что Че отправился в соседнюю Доминиканскую Республику, где как раз случился серьезный политический кризис. Американский президент Линдон Джонсон отправил туда военных моряков на подавление вооруженного восстания левых, и улицы Санто-Доминго стали ареной сражений между сторонниками свергнутого президента Хуана Боша и доминиканскими военными.

Как не раз намекали представители кубинских спецслужб, слух о присутствии Че в Санто-Доминго был специально «скинут» общественности: пока сам Че двигался в направлении Конго и запросто мог быть опознан или даже схвачен, было крайне важно сохранить в тайне его истинное местоположение. С течением времени появились новые слухи о том, что Че находится то ли во Вьетнаме, то ли еще где-то на Востоке, некоторые из этих слухов оказались дезинформацией со стороны кубинских властей, другие, возможно, измышляли агенты ЦРУ, для того чтобы бросить тень на режим Кастро. Одно из наиболее мрачных предположений имело советский «привкус». На свет появилось «секретное сообщение» о том, что Че якобы попал в клинику для умалишенных, где проводит время за написанием Фиделю писем, в которых отстаивает идеи перманентной революции.

Как вспоминает Серго Микоян, в первоначальных донесениях в Москву сообщалось о конфронтации между Фиделем и Че. «По общему мнению сотрудников аппарата, между ними имело место соперничество. А может, просто Фидель не хотел видеть Гевару на Кубе — хотел быть единственным лидером, а Че ему мешал». Микоян подчеркнул, что сам он никогда не доверял подобным сообщениям: «Эта версия казалась мне смехотворной, и я не верил ей. Но наши люди вспоминали о Сталине и Троцком, затем о Хрущеве и Брежневе, которые вечно боролись друг с другом, — и полагали, что на Кубе происходит то же самое».

До советского посла Александра Алексеева также доходили все эти слухи, но ему ситуация была известна куда лучше. Еще в марте Фидель, пригласивший его в Камагуэй, куда была снаряжена трудовая добровольческая бригада для рубки сахарного тростника, повел Алексеева на прогулку и, когда их никто не мог услышать, сказал ему: «Алехандро, ты, вероятно,

обратил внимание на отсутствие Че. Он сейчас в Африке, отправился туда, чтобы организовать революционное движение. Но я говорю это только тебе. Ни в коем случае не телеграфируй об этом [в Кремль]».

Алексеев истолковал слова Фиделя как просьбу не фиксировать полученную информацию в письменной форме, чтобы не допустить ее утечки третьей стороне, однако советский посол был обязан сообщить обо всем своему правительству и сделал это. Тридцать лет спустя Алексеев не смог вспомнить, как именно передал полученные сведения — кажется, он воспользовался услугами «какого-то надежного человека, приезжавшего в Гавану в составе советской делегации», — однако подчеркнул, что не сообщал ничего «в письменной форме». Затем, оказавшись в Москве, Алексеев лично доложил обо всем Леониду Брежневу.

По-видимому, Фидель хотел дать понять советским лидерам, что, несмотря на ухудшение отношений Гаваны и Москвы и дерзкие публичные заявления, он втайне остается верен СССР. И то, что Че содействует развитию революционного движения в Конго, поддерживаемого в основном китайцами, не должно вредить отношениям между Кремлем и Гаваной. Возможно, Фидель надеялся, что, сделав шаг навстречу советскому руководству и одновременно поставив его перед свершившимся фактом, он добьется положительной реакции со стороны нового Политбюро — уже начавшего оказывать помощь конголезским повстанцам — в виде прямой поддержки кубинской партизанской программы в Африке. Примерно в то время, когда Фидель разговаривал с Алексеевым, передовая колонна кубинских интернационалистов во главе с Че готовилась перейти к активным действиям.

IV

Ранним утром 24 апреля Че вместе с тринадцатью кубинцами ступил на конголезский берег озера Танганьика. Позади остались пятьдесят километров водного пути, отделивших их от безопасной территории Танзании с ее широкой, открытой саванной, тянущейся До Индийского океана. Эту часть суши они пересекли за два дня и две ночи, выехав на машинах из Дар-эс-Салама. Впереди находилась обширная «освобожденная» территория, удерживаемая повстанцами. «Линия фронта» начиналась в 170 километрах к северу, около городка Увира на северном берегу озера Танганьика, неподалеку от границы с

Бурунди. Повстанцам пришлось отойти сюда после потери города Букаву, находящегося там, где сходятся границы Конго, Руанды и Бурунди. Отсюда власть повстанцев распространялась на сотню километров к югу, вплоть до деревушки Кибамба на берегу озера, где пока остановились Че и его подчиненные. В глубь страны «освобожденная» территория тянулась через леса на двести километров до Казонго, находящегося на берегу реки Луалаба в северной оконечности провинции Катанга, и состояла из открытых долин и поросших джунглями гор. Там текли бурные речные потоки, бродили стада слонов, а население представляло собой пеструю смесь племен. Здесь было мало дорог и городов, и небольшую горстку обитаемых мест, обозначенных на карте, составляли поселения местных жителей, обособленные гарнизоны колониальных бельгийских войск, религиозные миссии и перевалочные торговые пункты.

В помощь кубинцам из Дар-эс-Салама прибыл Годфруа Чамалесо; пока что он был единственным связующим звеном между Че и конголезскими революционерами, которых тот намеревался объединить в боеспособное движение. Кабила пока оставался в Каире, он сообщил, что вернется через две недели. До его появления Че должен был сохранять инкогнито.

Уже в Кигоме, танзанийском порту на восточном берегу озера, Че получил первые свидетельства того, что конголезские повстанцы плохо дисциплинированы и не имеют толкового руководства. Местный чиновник пожаловался ему, что повстанцы регулярно перебираются через озеро, чтобы позабавиться в городских барах и публичных домах. Кроме того, к приезду кубинцев ничего не было готово, и Че пришлось прождать целые сутки, прежде чем им предоставили лодку. Затем, уже переплыв через озеро и прибыв в Кибамбу, он обнаружил, что штаб руководящего состава повстанцев находится буквально в двух шагах от озера — в слишком удобной, на его взгляд, близости от деревни.

В отсутствие Кабилы Че имел дело с группой «полевых командиров». К счастью, некоторые из них говорили по-французски. Во время первой встречи кубинцев с командирами повстанцев Чамалесо попытался наладить взаимопонимание между своими соотечественниками и новоприбывшими, предложив, чтобы «глава» кубинцев Виктор Дреке и еще один кубинец по его выбору могли участвовать во всех собраниях и принятии решений штаба повстанческой армии. «Я понаблюдал за лицами присутствующих, — сухо отмечал Че, — и не заметил на них и тени одобрения его предложения; похоже, [Чамалесо] не пользовался особой симпатией».

Неприязнь полевых командиров к Чамалесо объяснялась тем, что он лишь изредка приезжал из Дар-эс-Салама на фронт и повстанцы чувствовали себя брошенными. Ну и вдобавок еще командиры, постоянно находившиеся на передовой недолюбливали тех своих коллег, которые беспрестанно мотались в Кигому. Рядовые бойцы были по большей части из простых крестьян, знавших только язык своего племени и иногда еще суахили. Они, как показалось Че, жили своей жизнью, полностью отличной от жизни их командиров.

Другим сюрпризом, неприятно удивившим Че, стала глубоко укоренившаяся вера африканцев в особое магическое средство, которое они называли «дава». Речь шла о некоем «волшебном» отваре, который якобы способен был защитить их от всякого вреда. Че узнал об этом суеверии во время первой встречи с конголезским командованием от весьма приятного офицера, представившегося подполковником Ламбертом. Че писал: «Довольно весело он объяснил мне, что для них самолеты не являются чем-то серьезным, поскольку у них есть ДАВА — зелье, делающее их неуязвимыми для пуль».

В продолжение темы Ламберт рассказал Че, что в него несколько раз попадали пули, но благодаря дава падали на землю, не причинив ему вреда. «Африканец говорил об этом с улыбкой, — писал Че, — и я чувствовал себя обязанным поддержать шутливый тон. Вскоре я понял, что все, на самом деле, очень серьезно и что магическая защита является у конголезцев одним из главных средств вооружения».

Не найдя общего языка с полевыми командирами, Че отвел Чамалесо в сторону и раскрыл свое инкогнито. «Я объяснил ему, кто я такой, — писал Че. — Реакция была чудовищной. Он беспрестанно твердил "международный скандал" и "никто не должен узнать, пожалуйста, молчите, никто не должен узнать"».

Пораженный до глубины души, Чамалесо отправился назад в Дар и оттуда в Каир, чтобы проинформировать Кабилу о присутствии Че. А Тато тем временем попытался организовать курсы военной подготовки. Он стал убеждать конголезцев, чтобы те позволили ему основать свою постоянную базу на гряде Луалаборг, в пяти километрах от их лагеря, однако те начали упрямиться, говоря, что их командир находится в Кигоме, а без него ничего сделать нельзя. Взамен африканцы предложили Тато для занятий собственную базу в Кабимбе. Тогда Че рассказал им о своих планах. Он рассчитывал в течение пяти-шести недель подготовить колонну из ста бойцов, разбив ее на группы по двадцать человек, а затем отправить их с Мбили (Папи) для проведения отдельных боевых акций. Сам он тем временем

собирался подготовить вторую колонну, которая заменила бы первую после возвращения той с фронта. По результатам каждой из этих экспедиций Че намеревался отобрать по-настоящему надежные партизанские кадры и из них создать эффективную повстанческую армию. Эти планы также были встречены без энтузиазма.

Потекли дни. Командир базы все не возвращался. Ища применения своим силам, Че принял участие в работе повстанческого госпиталя, где уже работал один из кубинцев — врач, получивший здесь прозвище Куми. Че был поражен количеством венерических заболеваний среди повстанцев. Впрочем, встречались в госпитале и раненые, доставленные туда из различных точек фронта, но все ранения они получили случайно, не на поле боя. «Почти никто из них не имел ни малейшего представления о том, как следует обращаться с огнестрельным оружием, — вспоминал Че. — Эти ребята сами себя подстреливали, играя с оружием или просто по небрежности». Повстанцы также нередко напивались местной брагой «помбе» и в этом состоянии становились агрессивными и не слушались приказов.

Прознав о появлении по соседству докторов, местные крестьяне гуртом повалили в бесплатную амбулаторию. Особенно их поток возрос после того, как прибыл груз с советскими медикаментами, которые без особых церемоний были вывалены на пляже вместе с кучей боеприпасов и оружия. Предложение Че организовать склад было проигнорировано. Тем временем пляж превратился в «торжище», как писал Че, так как туда стали стекаться полевые командиры и требовать в огромных количествах лекарства для своих отрядов. Один из командиров утверждал, что под его началом находится четыре тысячи солдат, другой — что у него их тысяча, и так далее.

В начале мая Че получил известие, что каирский саммит лидеров повстанческих движений успешно завершился, но что Кабила пока еще не собирается возвращаться — ему требовалась операция по удалению кисты, в результате приезд откладывался еще на несколько недель. Че и его люди начинали ощущать беспокойство из-за своей бездеятельности, и, чтобы как-то занять товарищей, Гевара начал давать им ежедневные уроки французского, суахили и «общей культуры». «Наш боевой дух по-прежнему был высок, — вспоминал Че, — но среди товарищей уже поползли разговоры о том, что дни проходят впустую».

А тут еще появились новые напасти: малярия и тропические инфекции. Че регулярно выдавал больным таблетки против малярии, но вскоре отметил, что у них выявились побочные

эффекты — слабость, апатия и отсутствие аппетита. Впоследствии Че винил эти лекарства в том, что они способствовали возникновению пессимизма у кубинцев, в том числе и у него самого, хотя признавать последнее ему очень не хотелось.

Тем временем у Че появился тайный информатор по имени Киве, который рассказывал ему о ситуации внутри повстанческого движения.

По словам Киве, «генерал» Оленга, «освободитель» Стэнливиля, изначально был простым солдатом, которого он лично отправил на север с заданием разведать местность, но затем Оленга начал самовольно совершать атаки и присваивать себе одно звание за другим по мере взятия городов.

Нынешним председателем совета повстанцев был Кристоф Гбенье, для которого «генерал» Оленга и «освободил» Стэнливиль. Однако, по мнению Киве, Гбенье был опасным и аморальным типом, на совести которого была попытка убийства Лорана Митудиди, ныне возглавлявшего генштаб. Что касается Антуана Гизенги, одного из тех, кто выдвинулся в лидеры сразу после смерти Лумумбы, то Киве охарактеризовал его как крайне левого оппортуниста, мечтающего использовать достижения повстанцев для создания собственной партии. Как писал потом Че, разговоры с Киве на многое открыли ему глаза, так что он в полной мере осознал, какой клубок противоречий скрывается внутри весьма далекого от подлинной революционности Комитета по освобождению Конго.

8 мая наконец прибыл Лоран Митудиди, начальник генштаба повстанцев. Он привел с собой еще восемнадцать кубинцев, а также доставил сообщение от Кабилы, который просил Че еще некоторое время сохранять инкогнито. Хотя Митудиди почти сразу же снова уехал, но в тот день впервые за долгое время Че почувствовал уважение к представителю конголезских повстанцев, человеку «уверенному, серьезному и обладающему организаторскими способностями». Более того, Митудиди одобрил предложение Че о создании базы на горе Луалборг.

Че незамедлительно занялся организацией базы, прежде всего обеспокоившись постройкой жилья для своих бойцов. Он снова начал давать им уроки, чтобы как-то противостоять все возрастающим апатии и безразличию, которые угрожали подорвать моральный дух в его отряде. Однако очень скоро Че столкнулся с рядом других проблем, которые также необходимо было решать. Как выяснилось, помимо мирных скотоводов, живших вокруг Луалаборга, в тех же краях имелось еще несколько тысяч вооруженных боевиков тутси, вступивших в союз с конголезскими повстанцами. После того как несколькими годами

ранее Руанда обрела независимость от Франции и давние враги из племени хуту начали совершать массовые избиения тутси, им пришлось бежать из своей страны. Помогая сейчас конголезцам, они надеялись затем охватить революционным движением и Руанду. Однако, несмотря на столь взаимовыгодный союз, руандийские тутси и конголезцы не очень ладили между собой, и это обстоятельство в последующие месяцы доставило Че немало забот.

Спустя всего несколько дней у Че началась страшная лихорадка, сопровождавшаяся бредом. Лишь через месяц полностью восстановились силы и появился аппетит. Он был отнюдь не единственным пострадавшим — лихорадка подкосила десятерых из тридцати кубинцев.

Пока Че приходил в себя после болезни, прибыл Лоран Митудиди, который доставил ему приказ возглавить нападение двух повстанческих колонн на вражеский бастион в Альбервиле. «Этот приказ абсурден, — писал Че. — Нас всего 30 человек из них 10 больны или только еще выздоравливают». Но, несмотря на эти соображения, Че не хотел с самого начала вносить разлад и отдал приказ своим людям готовиться к сражению.

22 мая к ним в лагерь прибыл курьер от конголезцев и объявил о приезде «кубинского министра». К этому моменту Че уже привык к самым диким слухам, но каково же было его изумление, когда вскоре после того он увидел перед собой Османи Сьенфуэгоса собственной персоной! Тот прибыл во главе дополнительного кубинского контингента из семнадцати бойцов. Еще семнадцать человек остались в Кигоме дожидаться, когда их переправят через озеро. В результате число кубинских партизан в Конго превысило шестьдесят человек.

«В целом новости, которые принес [Османи], были хорошими, — писал затем Че. — Но лично мне он сообщил самое печальное известие за все время войны: еще до того из телефонных разговоров с Буэнос-Айресом мне стало известно, что моя мать очень больна, и по тону, которым это говорилось, понятно было, к чему следует готовиться… Мне пришлось целый месяц провести в тревожной неопределенности. Однако я надеялся, что это всего лишь ошибка, пока не пришло подтверждение, что моя мать скончалась… Она так и не прочитала мое прощальное письмо, которое я оставил в Гаване для них с отцом».

Весьма показательно, что Че пишет о личном в отчете о конголезской операции: это свидетельствует о глубине его переживаний. Впоследствии к Алейде попали три небольших рассказа, очень мрачных и тяжелых, эклектичностью образов

напоминающих литературные опыты молодости. В них отразилось горе Че Гевары от утраты «мадре» Селии. Несмотря на то что автор данной книги не раз просил показать ему эти тексты, Алейда всякий раз отказывалась, аргументируя это тем, что они «слишком личные», чтобы показывать их кому бы то ни было.

Селия умерла 19 мая, за три дня до прибытия Османи в базовый лагерь Че. Она скончалась в возрасте пятидесяти восьми лет от рака — так же как многие ее родственники. Вплоть до самого конца она жила одна в маленькой квартирке по соседству со своей дочерью Селией, встречаясь с небольшим кругом своих друзей по будням, а выходные проводя с детьми и внуками. Лишь очень немногие понимали, что она серьезно больна, и, по словам ее невестки Марии Элены Дуарте, Селия намеренно скрывала это до последнего момента, когда ничего уже нельзя было сделать.

10 мая Селию положили в элитную клинику Стейплера в Буэнос-Айресе, где у нее была отдельная палата с большим окном, из которого открывался красивый вид. Во время одного из посещений Мария Элена увидела, что свекровь смотрит в это окно с восторженной мольбой в глазах. «Все, о чем я прошу, — сказала Селия, — это еще один день».

В больнице рядом с Селией дежурили по очереди ее ближайшие друзья, Рикардо Рохо и Хулия «Чикита» Констенла. Гевара Линч был готов сделать все для спасения жены, он даже обращался в советское посольство, поскольку услышал, что в СССР якобы изобрели лекарство от рака. Присутствие Эрнесто-старшего, должно быть, немало утешило Селию в ее последние дни, поскольку, как она призналась Марии Элене, супруг был первым и единственным мужчиной в ее жизни и, несмотря ни на что, она по-прежнему чувствовала к нему любовь.

В последние дни все мысли Селии были о ее сыне Эрнесто. Она просила Рикардо и Хулию позвонить в Гавану и спросить Алейду, где он находится. Еще в марте в Гавану ездил давний друг Че Густаво Рока, он привез Селии письмо от Эрнесто, в котором сообщалось, что Гевара намерен оставить свои посты, на месяц поехать рубить тростник и затем начать работу на одной из фабрик при Министерстве промышленности, чтобы понять, как все устроено на низовом уровне. Но Селия получила это письмо лишь 13 апреля, когда Че уже исчез и о его судьбе пошли самые различные слухи; мать и без того чувствовала беспокойство, и это послание только усугубило его.

16 апреля, когда стало уже ясно, что Селия находится на пороге смерти, а ее волнение из-за старшего сына ничуть не ослабевало, Рохо позвонил в Гавану Алейде в надежде выяснить хоть что-то, но Алейда ничего не могла ему рассказать. Она

сообщила лишь, что Че нет рядом и она не может с ним быстро связаться. 18 апреля Алейда перезвонила сама и поговорила со свекровью.

Селия ничего не узнала от Алейды, и вот в последней и тщетной попытке добиться какого-то ответа Рохо отправил телеграмму «майору Эрнесто Геваре в Министерство промышленности, Гавана». Текст телеграммы был следующим: «Твоя мать очень больна, хочет видеть тебя. Крепко обнимаю, твой друг Рикардо Рохо». Ответа не последовало, а уже на следующий день Селии не стало.

Во время ее похорон на гроб поставили фотографию Че в рамке, и Мария Элена вспоминает, что ей было жаль остальных детей Селии: «Словно бы их вообще не было и у Селии имелся только один ребенок — Че». Действительно, те особые отношения, которые всегда связывали Селию с ее старшим сыном Эрнесто, до некоторой степени отодвигали на задний план всех остальных детей.

V

Все еще не оправившись от скорбного известия, доставленного Османи, Че тем не менее занялся обсуждением военных планов с Лораном Митудиди. Он сумел убедить Митудиди в том, что нападение на Альбервиль несвоевременно и что сначала им следует разведать положение дел на всех фронтах. Ни он, ни генштаб не знали подлинной картины и целиком должны были полагаться на сообщения полевых командиров, которые, как уже понял Че, не отличались особой надежностью. В конце концов Митудиди согласился с предложением Че отправить четыре группы партизан на различные линии фронта.

Уже через несколько дней стали приходить первые донесения. В паре мест повстанцы производили впечатление хорошо вооруженных и готовых к бою, но в целом везде царило бездействие и не было порядка. Командиры зачастую напивались до одурения, причем делали это прямо на виду у солдат. Пользуясь тем, что дороги находились под их контролем, повстанцы разъезжали туда-сюда на джипах, но не предпринимали никаких попыток перейти к серьезным действиям. Заняв однажды позиции, они лишь заставляли местных крестьян предоставлять им пропитание.

Че также обнаружил, что конголезцы крайне ленивы. Во время марш-бросков они не несли ничего, кроме личного оружия,

патронов и одеял, а на просьбу взять какой-нибудь дополнительный груз отвечали отказом, заявляя: «Mimi hapana Motocar» («Я не грузовик»). Со временем они стали говорить: «Mimi hapana Cuban» («Я не кубинец»).

На линии фронта в Лулимбе Виктор Дреке обнаружил, что повстанцы заняли позицию на вершине холма, в семи километрах от вражеского поста, но за многие месяцы ни разу с него не спустились. Их полевой командир, сам себя называвший «генералом Майо», с открытой враждебностью отзывался и о Кабиле, и о Митудиди, презрительно именуя их «иностранцами». Когда Митудиди приказал Майо явиться к нему на встречу, тот отказался.

Тем временем в Луалаборге Митудиди делал все, что было в его силах, чтобы навести порядок в войсках: виновных в распитии помбе он в наказание отправлял рыть траншеи, приостановил бесконтрольное распределение оружия и начал читать довольно жесткие лекции своим подчиненным. Стоило только Че упомянуть, что он чувствует себя несколько отстраненным от рядового состава конголезской армии из-за языкового барьера, как Митудиди тут же выделил ему одного из собственных помощников — совсем юного парнишку по имени Эрнесто Иланга — для занятий суахили.

В начале июня Че окончательно стали ненавистны и скука, в которую он оказался погружен, и неизменный вид из лагеря: две горные вершины, закрывавшие собой весь горизонт. Однако все, что он мог сейчас сделать, — это направить еще несколько патрулей на рекогносцировку местности. Никаких более серьезных действий, не имея на то санкции начальника Митудиди — Лорана Кабилы, он предпринять не мог. От Кабилы же тем временем продолжали поступать весьма странные сообщения о новых причинах его задержки, правда сопровождавшиеся неизменными заверениями, что он вернется со дня на день.

7 июня Че встретил Митудиди на базе в Кибамбе и узнал от него, что ставка генштаба перемещена на новое место, неподалеку, и что Митудиди как раз идет ее инспектировать. Че поинтересовался, что на самом деле было причиной отсутствия Кабилы, и Митудиди признался, что его начальник не едет, вероятно, потому, что в Дар-эс-Саламе ожидается визит Чжоу Эньлая и Кабила должен встретиться с ним, чтобы обсудить вопрос помощи повстанцам.

Че поднялся обратно на гору, но не успел он дойти до вершины, как его нагнал курьер с новостью о том, что Митудиди утонул. Это был для Гевары страшный удар: Митудиди был едва ли не единственным гарантом того, что им удастся хотя бы чего-

то добиться в Конго. Неслучайно в неопубликованных «Эпизодах» глава, посвященная гибели Митудиди, получила заглавие «Гибель надежды».

Как рассказали кубинцы, бывшие в тот роковой день на катере с Митудиди, на озере из-за сильного ветра началось волнение, и Митудиди, похоже случайно, упал за борт. Однако то, что Че услышал затем, заставило его насторожиться. «Там произошла целая серия странных событий, которые я просто не знаю, чему и приписать — то ли идиотизму, то ли чрезвычайной силе суеверий (озеро якобы населяют всевозможные духи), то ли чему-то более серьезному». Митудиди держался на воде и звал на помощь минут десять-пятнадцать, но двое других африканцев, бросившихся его спасать, утонули. А те, кто оставался на катере, успели отключить мотор, и когда они заново завели его, то «словно бы какая-то магическая сила стала мешать им приблизиться к тому месту, где был Митудиди; в конце концов катер начало относить к берегу, и какое-то время спустя товарищи увидели, что Митудиди пропал под водой».

Однако, несмотря на трагедию, надо было двигаться дальше. В последних числах июня, после двух месяцев «абсолютного бездействия», кубинцы включились-таки в военные действия в Конго по-настоящему. Из Дар-эс-Салама к ним прибыл Муданди, командир боевиков тутси, прошедший ранее курс военной подготовки у китайцев. Он доставил приказ Кабилы: отказаться от плана нападения на Альбервиль и вместо этого совершить атаку на форт Бендера. Че был не в восторге от подобной идеи. Он слыхал от людей Муданди, что гарнизон в Бендере хорошо укреплен и состоит из трех сотен солдат и еще сотни наемников. Он бы предпочел начать с менее серьезной мишени, но в конце концов решил принять план Кабилы, посчитав, что это лучше, чем продолжать бездействовать. Однако сам Че вынужден был остаться в лагере, так как, несмотря на то что он несколько раз посылал Кабиле просьбы разрешить ему принять участие в нападении, тот ему так и не ответил. В конце июня сорок кубинцев и сто шестьдесят конголезцев и руандийских тутси направились к Бендере.

Нападение, состоявшееся 29 июня, окончилось полным провалом. Виктор Дреке, руководивший операцией, доложил, что при первом же столкновении тутси бежали, побросав оружие, а многие конголезцы и вовсе отказались вступать в бой. Около трети бойцов дезертировали еще до начала сражения. Более того, были убиты четверо кубинцев, и дневник одного из них попал в руки врага. Это означало, что наемники, а от них и ЦРУ теперь знали, что кубинские партизаны принимают участие в

повстанческой борьбе.

Расследуя причины фиаско, Че обнаружил, что самое пагубное воздействие на бойцов оказала вера в дава. Вину за поражение африканцы полностью приписывали «плохой дава» и говорили о том, что, мол, их знахарь-муганга, приготовивший снадобье, «несведущ». Че писал по этому поводу: «Знахарь попытался защититься, переложив всю вину на пагубное влияние женщин и трусость самих бойцов, но только женщин там не было… и далеко не все мужчины были готовы признать свою слабость. Все это свидетельствовало не в пользу знахаря, так что он лишился своего статуса».

Конголезцы и руандийцы были раздавлены и деморализованы неудачей при Бендере, а кубинцы, принимавшие участие в деле, испытывали злость: если конголезцы не хотят сражаться, почему они должны делать это за них? Идея «пролетарского интернационализма» по-прежнему оставалась очень дорога сердцу Че, но при столь неблагоприятных обстоятельствах он не мог закрывать глаза на то, что далеко не все кубинские товарищи готовы разделить его убеждения — более того, многие из них стали поговаривать о том, что не прочь бы вернуться домой.

«Признаки деморализации в рядах бойцов были очевидны, — признавал Че. — Поддержание морального духа стало одной из основных моих забот». Надеясь на продолжение активных действий, он отправил депешу офицерам генштаба в Кибамбу, выражая свое раздражение событиями в Бендере и требуя конкретных предложений относительно того, как ему задействовать новых кубинцев, которые продолжали поступать в его распоряжение. Он также написал Кабиле, доказывая, что ему необходимо лично участвовать в будущих военных операциях.

Из зоны боевых действий нескончаемым потоком доставляли раненых. В это время на базу в Кибамбу прибыла четвертая группа кубинцев: тридцать девять человек, среди которых был и Гарри Вильегас. Фидель послал Вильегаса в Конго, чтобы обеспечить Че личным телохранителем и уберечь его тем самым от лишней опасности. Вильегас незадолго до того женился на одной из секретарш Че, красивой девушке китайско-мулатского происхождения по имени Кристина Кампусано. Однако ему пришлось оставить жену и новорожденного сына, чтобы вновь последовать за своим шефом и учителем. В Конго Гарри получил прозвище Помбо, и оно впоследствии стало даже более известным, чем его подлинное имя.

Че воспользовался прибытием новых людей, чтобы, с одной стороны, вдохнуть новую энергию в своих бойцов, а с другой —

честно обсудить положение. Он, в частности, воззвал к боевому духу кубинцев. «Я подчеркнул необходимость соблюдения строгой дисциплины», — писал он. Также Че жестко раскритиковал «пораженческие разговоры» среди своих бойцов. «Я очень откровенно говорил о том, с чем мы имеем дело: не только с голодом, пулями и всевозможными лишениями, но также и с тем, что при определенных обстоятельствах нас может ждать смерть от рук наших собственных товарищей, которые не имеют представления о том, как правильно стрелять из оружия. Борьба обещала быть долгой и сложной. Я предупредил всех об этом потому, что в тот момент готов был пойти навстречу тем из новобранцев, кто надумал изменить свое решение и уехать; позже сделать это было бы невозможно».

Ни один из новоприбывших не выявил «признаков слабости» — в отличие от трех человек, принимавших участие в нападении на Бендеру, что стало для Че неприятным сюрпризом, и он сурово отчитал их.

Дурные вести продолжили поступать к Че из-за пределов Конго. 19 июня в результате переворота от власти в Алжире был отстранен его друг — президент Бен Белла. Переворот возглавил не кто иной, как министр обороны Хуари Бумедьен. Эта ситуация не сулила ничего хорошего кубинцам, задействованным в Африке. После того как Фидель осудил переворот в Алжире и его новое руководство, «единство» между двумя революционными государствами, добытое с таким трудом, было разбито одним ударом.

Кабила, отсутствовавший уже три месяца, так и не появлялся. Позже он начал слать Че весьма ехидные записочки, предлагая тому «набраться мужества и терпения» и покровительственно напоминая Геваре о том, что он «революционер и должен уметь противостоять подобным трудностям», а также, разумеется, повторяя вновь и вновь, что скоро прибудет.

Че это, должно быть, приводило в бешенство, но в своих ответах он сохранял дипломатичный тон, заверяя Кабилу в своем уважении и преданности как делу конголезской революции, так и лично ему как своему начальнику, подчеркивая лишь то, что ему нужно поговорить с ним, и неизменно извиняясь за то, что тайком прибыл на территорию Конго. О последнем Че считал нужным писать потому, что, как ему стало казаться, Кабила был недоволен его присутствием в стране и именно поэтому не ехал на фронт. «Имеются серьезные основания полагать, что мое присутствие крайне ему неприятно, — замечал Че. — Остается выяснить только, что служит тому причиной: страх, зависть или досада на способ [моего проникновения сюда]».

Тем временем правительственные войска начали продвижение в глубь повстанческой территории, что сопровождалось рейдами самолетов-разведчиков на озеро и воздушными атаками на катера, курсировавшие по озеру, а также на береговую базу в Кибамбе. Это вызвало смятение в генштабе конголезских партизан, и в ответ на их просьбы о помощи Че скрепя сердце выделил нескольких кубинцев для обслуживания тяжелых пулеметов, которые могли обеспечить хотя бы какую-то противовоздушную оборону.

«В те дни я был настроен пессимистически, — признавался Че, — но когда 7 июля я узнал о прибытии Кабилы, то спустился вниз с некоторым облегчением. По крайней мере наш шеф наконец-то появился на поле боя!»

Кабила действительно приехал и привез с собой командира, который должен был занять место Митудиди, — Ильдефонса Масенго. Впрочем, уже через пять дней он вернулся в Танзанию, мотивировав это тем, что ему нужно встретиться с Сумалио, чтобы обсудить ряд проблем. На несколько дней присутствие Кабилы подняло боевой дух в войсках. Вдохновленные его прибытием, конголезцы бросились рыть окопы и строить новый госпиталь, но стоило Кабиле уехать — а некоторые ехидные кубинцы даже делали ставки на то, сколько дней он пробудет в лагере, — как вся активность снова сошла на нет: конголезцы отложили лопаты и отказались продолжать работу.

На фронте также возникли осложнения: максимального накала достигло противостояние между руандийскими тутси и конголезцами. Муданди, командир тутси, на которого Че возложил ответственность за позорное поведение его бойцов в бою под Бендерой, заявил, что его люди не стали сражаться потому, что от сражения устранились конголезцы, а ведь это, в конце концов, их страна и их война. Через несколько недель Муданди стал враждебен настолько, что начал открыто ругать Кабилу и других деятелей Комитета за то, что они бросили своих бойцов на произвол судьбы.

Вскоре пришло известие о том, что Муданди застрелил собственного заместителя — по-видимому посчитав его виновным в «плохом дава», что повлекло неудачу при Бендере. Для расследования в лагерь Муданди отправился один из конголезских офицеров, но был бесцеремонно выдворен оттуда. После этого офицер заявил, что покинет Конго, в случае если Муданди не будет расстрелян. Однако Муданди продолжал гнуть свою линию и дал понять, что намерен и дальше бунтовать против Кабилы и Комитета по освобождению Конго, а его бойцы не станут воевать, если этого не будут делать сами конголезцы.

Трения между кубинцами также продолжали нарастать. Еще четверо, включая двух врачей, попросили у Че разрешения уехать. «Я был куда менее жёсток, хотя и куда более язвителен по отношению к врачам, чем к простым солдатам», — отмечал он.

Что касается собственно военных дел, то Че находился на перепутье. После Бендеры ему стало ясно: если не произойдет чего-то такого, что резко повысило бы боеготовность повстанцев, они обречены. В конце июля Че осознал, что изначальные сроки, в которые он рассчитывал добиться победы «конголезской революции», были нереалистичны, и теперь он уже полагал, что для этого понадобится как минимум пять лет.

Тем не менее Че старался постоянно оказывать давление на врага, прежде всего устраивая засады на дорогах. Кроме того, его бойцы занимались разведывательной деятельностью, поскольку и в этом полагаться на самих конголезцев было нельзя. Иной раз возникали такие ситуации, что Че не знал, плакать или смеяться. Как-то раз отряд, возглавляемый кубинцем по прозвищу «Алый», напал на полицейских, однако во время атаки из двадцати конголезцев, отправившихся с ним, шестнадцать бежали. В ходе другой, более удачной операции Папи Мартинес Тамайо, возглавлявший смешанный кубино-конголезский отряд устроил засаду на дороге между вражескими фортами Альбервилем и Бендерой и сумел нанести неприятелю серьезный урон, подбив два броневика и джип, причем были убиты семеро белых наемников. Но в другом месте, где кубинцы устроили засаду совместно с руандийцами, дело кончилось бегством последних, причем сопровождалось беспорядочной стрельбой с их стороны, и в результате один из кубинцев потерял палец. Желая, видимо, как-то возместить эту утрату, командир руандийцев вытащил нож и предложил отрезать палец виновному бойцу, но Папи удалось убедить его не делать этого. Затем и сам командир, и солдаты занялись поглощением виски и пива, найденных в подбитом грузовике, и напились до такого состояния, что подстрелили какого-то крестьянина, которого угораздило проходить мимо и которого они сочли «шпионом».

12 августа Че обратился к своим кубинцам с весьма откровенным заявлением, признав, что они попали в неприятное положение и что повстанческое движение, которому они приехали помогать, организовано очень скверно. Его руководители, говорил он, даже не появляются на фронте, а сами бойцы не воюют и не имеют понятия о дисциплине и самопожертвовании. «О том, чтобы выиграть войну с такими солдатами, — признавал Че, — не может быть и речи». Что касается его первоначальной идеи о том, чтобы доставить в Конго

партизан из других стран для прохождения «школы» партизанской войны, то она также выглядела теперь совершенно немыслимо.

После поражения при форте Бендера Че с удвоенной силой стал пытаться убедить конголезцев принять его план действий. Он настаивал на организации нового, объединенного центра военного командования, на внедрении жесткой программы боевой подготовки, на создании налаженной и бесперебойной системы доставки провианта и коммуникационной сети. Че предлагал также создать своего рода военную полицию, которая занималась бы отлавливанием вооруженных дезертиров, мародерствовавших ныне в округе. Таким образом достигались бы две цели: наведение порядка и возврат ценного оружия. Че бомбардировал Кабилу письмами, на которые, впрочем, приходили стандартно уклончивые или невразумительные ответы, а также пытался внушить свои идеи Масенго, с которым регулярно устраивал совещания. Новый глава штаба вроде бы весьма сочувственно воспринимал его слова, но Масенго недоставало авторитета, чтобы навязывать свои решения остальным, так что сдвинуть дело с мертвой точки не удавалось.

Че вновь попросил позволения лично объехать линии фронта, но эта просьба, адресованная Масенго, была встречена с тревогой — якобы из-за опасений за «личную безопасность» Че. Гевара отказался принимать подобные объяснения и прямо спросил, не является ли истинной причиной отказа «недостаток доверия» к нему. Масенго с жаром отверг это предположение и в итоге даже согласился взять Че с собой на встречу с одним из региональных полевых командиров.

Он выполнил свое обещание и взял Че в короткую инспекционную поездку по близлежащим базам, но затем пришло послание от Кабилы, который просил Масенго прибыть к нему в Кигому. Борьба за власть среди лидеров повстанцев вступила в финальную стадию. В начале августа Гастон Сумалио сместил Кристофа Гбенье с поста главы Комитета по освобождению Конго на том основании, что Гбенье предал своих товарищей, тайно вступив в переговоры с официальным правительством Конго. Масенго пообещал Че, что вернется через день. Когда по прошествии недели он так и не появился, Че самовольно отправился на линию фронта к форту Бендера, твердо намереваясь выяснить истинное положение дел. Это произошло 18 августа.

VI

Тем временем Фидель, полный энтузиазма, как шахматный гроссмейстер, чувствующий близость победы, продолжал посылать в Танзанию все новых людей. В начале сентября 1965 г. прибыла уже пятая группа кубинцев, в том числе весьма корпулентный секретарь компартии Эмилио Арагонес — тотчас по прибытии получивший прозвище «Тембо» («Слон») — и старый приятель Че еще по сьерре, частенько живший с ним под одной крышей, а ныне глава штаба Западной армии Кубы — Оскар Фернандес Мелл, прозванный «Сики» («Уксус»), по-видимому, за свой «кислый» нрав.

Фернандес Мелл отдыхал на курорте в Варадеро, когда ему неожиданно позвонили из Гаваны. Хотя «Оскарито» принимал участие в создании нового облика Че, он не знал, да и не интересовался, куда именно тот едет, хотя и подозревал, что Гевара направляется в Южную Америку.

«Он не раз говорил мне об этом, подобные идеи возникли у Че еще во времена Сьерра-Маэстры, — рассказывает Мелл. — Он заявлял, что после освобождения Кубы собирается освобождать свою страну. Такова была его конечная цель — это истинная правда… Когда мне позвонили, я сперва решил, что речь идет именно об этих краях, а узнав про Африку, даже не знал, что и думать, но сказал: "Ну, если он там, значит, едем туда"».

По словам Фернандеса Мелла, на Кубе отношение к африканской кампании Че было почти восторженным. «Они говорили, что все идет отлично, все складывается как нельзя лучше, мол, наши одерживают победы и т. д., и т. п. А наша задача — просто быть у Че под рукой, помогать ему во всем, служить своего рода резервом». И Мелл с Арагонесом отправились в Африку, полные оптимизма и энтузиазма. Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что истинное положение вещей несколько отличается от того, каким его рисовали.

В Дар-эс-Саламе кубинцы встретились с Кабилой, который разъезжал по городу на «мерседесе-бенц», и это обстоятельство не пришлось по душе Меллу. Затем, уже в Кигоме, африканцы отказались пустить кубинцев на борт «катера Кабилы», как они называли новое быстроходное судно, предоставленное конголезцам Кубой и СССР; в итоге им пришлось ехать через озеро на более вместительном, но также и более медленном судне. Затем телохранитель Че Помбо спустился с горы, чтобы встретить вновь прибывших, и, пока они поднимались наверх, подробно расписал им, насколько плохо обстоят дела. Он сказал, что Че надоело сидеть в лагере и он вырвался наконец за его пределы. Хорошо зная своего давнего товарища, Мелл ничуть не

удивился.

Че поспешил назад в лагерь, как только услыхал о прибытии Фернандеса Мелла и Арагонеса, хотя втайне опасался, что они собираются забрать его на Кубу. Он испытал огромное облегчение и благодарность, когда узнал, что ошибался и что они прибыли в Конго как добровольцы.

Небольшая поездка также приободрила Че. Впервые он вступил в контакт с крестьянами, и это доставило ему огромное удовольствие. Че оказал им небольшую «социальную помощь», передав семена культурных растений и пообещав регулярно присылать к ним докторов. Он даже на некоторое время вспомнил собственные врачебные навыки, занявшись лечением самого «популярного» местного заболевания — гонореи — путем инъекций пенициллина. В одной деревне жители облачились в костюмы «духов джунглей» и исполнили для Че ритуальную пляску вокруг каменного идола. «Ритуал поначалу кажется весьма сложным, но в итоге сводится к простым вещам: перед местным божеством, каменным идолом, совершается жертвоприношение, после чего жертвенное животное съедается, и все едят и пьют до отвала».

Куда бы Че ни ехал, он изо всех сил старался убедить полевых командиров отправить своих бойцов к нему на базу для прохождения боевой подготовки, но всякий раз натыкался на одну и ту же реакцию: командиры хотели, чтобы кубинские инструкторы были направлены к ним, для повышения престижа. Че даже организовал несколько засад, и впервые некоторые руандийцы не бежали с поля боя, а приняли в сражении хоть и пассивное, но участие.

Однако сентябрь вернул Че к жестокой реальности. Правительство Танзании начало чинить препятствия конголезским повстанцам, и им стало сложно доставлять из Кигомы людей и припасы. На территории самого Конго взбунтовались приверженцы Гбенье, контролировавшие часть удаленных районов, и даже произошло несколько вооруженных столкновений между ними и теми командирами, которые поддерживали Комитет по освобождению. Кое-где по Масонго и его людям был открыт огонь, и ему пришлось ретироваться. Ситуация начинала становиться опасной и для кубинцев, которые не знали более, кто друг, а кто враг. И все же Че еще надеялся начать скоординированное наступление на наемников, пока те сами не перешли к активным действиям. Отправив часть бойцов для укрепления оборонительных рубежей повстанцев, он двинулся к городу Физи, где заправлял делами один из партизанских лидеров, «генерал» Мулана. Там обнаружилось, что

единственным средством противовоздушной обороны у повстанцев является пулемет, а управлять им поставлен какой-то пленный грек-наемник. Че попытался убедить Мулану отправить своих людей к нему для прохождения боевой подготовки, но «генерал» отказался; впрочем, поездка была не совсем напрасной, поскольку благодаря Мулане Че стал свидетелем одного из наиболее ярких представлений за все время своего пребывания в Конго. Мулана отвез почетных гостей в свою родную деревню под названием Барака, где устроил парад, нарядившись ради торжественного случая в приличествующий костюм. На Мулане был «мотоциклетный шлем, отделанный сверху леопардовой шкурой, что придавало ему поистине идиотский вид», — вспоминал впоследствии Че. А его острый на язык помощник по имени Карлос Коэльо, переименованный в Африке в «Тумаини», прозвал Мулану «Космонавтом». Затем кубинцам пришлось вынести парадную церемонию «в духе Чарли Чаплина». Самым печальным для Че было то, что конголезские бойцы с большой охотой участвовали в этом шутовском параде, а учиться правилам ведения боя совершенно не желали.

После этого Че посетил дом соперника Муланы — «генерала» Ламберта, того самого, который первым поведал ему о дава. Ламберт с охотой воспользовался поводом напиться помбе и пришел в такое состояние, что Че даже не стал пытался читать ему нотации. Но уехал он только после того, как добился от Ламберта обещания выделить ему триста пятьдесят человек для операции против гарнизона Лулимбы. (Разумеется, Ламберт этого отряда так и не предоставил.)

В начале октября Че понял, что ему едва ли удастся организовать успешную атаку, если он радикально не поменяет свой подход, и, когда в лагерь наконец вернулся Масенго, обратился к нему с новым планом. Чтобы не связываться с имеющимися — и, по мнению Че, совершенно безнадежными — повстанцами, он решил рекрутировать бойцов из числа местных крестьян, дабы создать из них отдельную боевую колонну под своим личным командованием. «Мы могли бы создать школу бойца, — пояснял впоследствии Че. — А также организовать новый и более толковый генштаб, который руководил бы действиями на всех линиях фронта».

Пока Че держал совет с Масенго, «пытаясь поднять Освободительную армию из руин», кто-то из кубинцев в лагере уронил горящую зажигалку, и в мгновение ока вспыхнуло пламя. Помбо сумел спасти дневник Че и некоторые другие вещи из их хижины, а затем всем пришлось бежать подальше, так как начали взрываться гранаты, находившиеся в охваченных пожаром домах.

«Как раз в разгар этого фейерверка из пуль и взрывающихся гранат, — писал он, — прибыл наш министр народного здравоохранения Мачадито, он доставил письма, в том числе послание от Фиделя».

Хосе Рамон Мачадо Вентура, или «Мачадито», тот самый врач, который когда-то в сьерре извлек пулю из ноги Че, приехал узнать, что требуется для обеспечения медицинского обслуживания на повстанческой территории, в связи с примечательной просьбой Гастона Сумалио прислать им еще пятьдесят кубинских докторов. Когда за несколько недель до того Че узнал, что Фидель планирует принять Сумалио в Гаване, он тотчас отправил депешу, в которой советовал не приглашать к себе конголезского лидера и не оказывать ему никакой материальной помощи. Но послание Че либо запоздало, либо не было принято во внимание, поскольку Кастро встретил Сумалио со всеми почестями, и тот «нарисовал ему идиллическую картину» революции в Конго; а когда африканец попросил Фиделя прислать им еще пятьдесят кубинских врачей, тот немедленно согласился. Услышав объяснения Че и лично оценив ситуацию, Мачадито пообещал передать всю информацию Фиделю.

Затем Че рьяно принялся за дело: он попытался создать «военную академию», которая, согласно его последнему проекту, должна была принять двести десять слушателей, набранных как среди крестьян, так и из числа повстанцев с трех основных линий фронта. После всего, что он увидел, Че сомневался в способности и желании генерала Муланы защищать стратегически важную долину Физи, которая определенно должна была рано или поздно стать мишенью для удара со стороны правительственных войск. Он отправил Мелла и еще несколько человек попытаться внушить «генералу-космонавту» некоторые разумные идеи относительно организации обороны Физи.

И вновь Че пришлось урезонивать своих ропчущих кубинцев. «Я сказал им, что ситуация сложная, — писал он. — Освободительная армия разваливалась, и мы должны были сражаться, чтобы спасти ее от полного распада. Наш труд обещал быть тяжким и неблагодарным, и я не мог требовать, чтобы люди верили в конечный успех; хотя лично я верил, что все еще можно поправить, несмотря на то что нужно было очень хорошо потрудиться, закрыв глаза на множество частных неудач. Не мог я и просить верить своих товарищей в мои способности как руководителя, но как революционер я мог требовать, чтобы они с уважением отнеслись к моей честности… Сам я прибыл в Конго не за личной славой, и я не собирался никем жертвовать во имя

собственных интересов».

В довершение всего кубинцы оказались подвержены малярии, не говоря уже о расстройствах кишечника. Последняя напасть коснулась и Че, о чем он писал не без юмора: «У себя в дневнике я вел статистику и за 24 часа насчитал более 30 заходов, но постепенно мой исследовательский пыл сошел на нет под тяжестью этих экзерциций. И сколько их было еще — только джунглям известно».

Между тем непохоже было, что ему удастся расшевелить конголезцев. В один из дней, когда они отказались выполнять работу, которую он приказал им сделать, Че не мог более сдерживаться.

«В бешенстве я обратился к ним по-французски и наговорил самых ужасных слов, какие только имелись в моем небогатом лексиконе, а потом… пригрозил, что наряжу их в платья и заставлю нести юкку в корзине (женское занятие), поскольку они бесполезны и хуже женщин… Пока переводчик старался передать мои гневные сентенции на суахили, все они смотрели на меня и только фыркали от смеха с обескураживающим простодушием».

Были и другие барьеры культурного свойства, снять которые не представлялось возможным. Например, вера в дава. Тут Че в конце концов нашел практический подход, наняв для своих солдат-конголезцев знахаря-мугангу. «Он занял свое место в лагере и незамедлительно приступил к исполнению обязанностей».

В середине октября с наступлением сезона дождей началось и давно ожидавшееся наступление правительственных сил. А Че и его бойцы по-прежнему были к нему не готовы. При поддержке целого флота из канонерских лодок, быстроходных катеров и небольшой эксадрильи бомбардировщиков, вертолетов и самолетов-разведчиков наемники под командованием Майка Хоара начали продвижение в глубь повстанческой территории по трем линиям фронта, намереваясь взять неприятеля в кольцо. Они с легкостью захватили участок фронта генерала Муланы. Затем прорвали оборону, преодолев редуты генерала Ламберта, и его бойцы вместе с кубинцами, ведя перестрелку, начали отступать в сторону озера. Че послал Мелла и Арагонеса вместе с Масенго к озеру, а сам начал возводить новый лагерь у подножия гор.

VII

Положение усугубилось после того, как леопольдвильское

правительство Конго подписало особое соглашение с покровителями повстанцев из ряда стран Организации африканского единства (ОАЕ), в том числе из Танзании.

Ранее ОАЕ осудила конголезский режим премьер-министра Моиза Чомбе за постыдный альянс с бельгийской армией и белыми наемниками. 13 октября президент Касавубу сместил Чомбе и на встрече глав африканских стран в Гане десятью днями позже объявил, что наемники будут отправлены домой. В случае отъезда наемников те страны, которые покровительствовали повстанцам, должны были отказаться от всякой помощи им. Это означало конец иноземному вмешательству в дела Конго, в том числе и со стороны кубинцев.

Майк Хоар не обрадовался, услышав подобные новости, и на встрече с Жозефом Мобуту, командующим конголезской армией, настоял на соблюдении заключенных контрактов. Мобуту удалось убедить Касавубу оставить в стране наемников до тех пор, пока восстание не будет полностью подавлено.

Че был заранее оповещен о том, как складывается ситуация, и от Масенго и прочих знал, что Танзания все более неохотно сотрудничает с повстанцами. Но на фронте события развивались с такой ошеломительной быстротой, что Че просто не успевал своевременно на них реагировать, а уж на размышления о дипломатических тонкостях у него тем более не было времени. Утром 24 октября, когда исполнилось шесть месяцев со дня его прибытия в Конго, кубинский базовый лагерь подвергся атаке правительственных войск. У Че хватило времени отдать приказ поджечь хижины, но и только: при отступлении они оставили значительные запасы оружия и боеприпасов, средств связи, продовольствия, бумаги, а также двух ручных обезьянок, которых завел себе Че.

Уводя людей, Че жестоко корил себя за то, что был захвачен врасплох. Гевара не расставил часовых на пути врага, не веря в то, что он пойдет этим маршрутом. Еще сильнее он расстроился, когда выяснилось, что первая тревога была ложной: это крестьяне бежали при виде надвигающейся правительственной армии. Если бы Че подождал и выяснил, как обстоит дело, то мог бы устроить хорошую засаду и нанести по врагу серьезный удар. Но теперь было слишком поздно.

«Я был жестоко подавлен; я чувствовал ответственность за эту катастрофу, поскольку был слаб и недальновиден», — писал он впоследствии.

Путь Че и его людей лежал через опустевшие деревни, все жители которых побежали вслед за повстанцами в сторону озера. На рассвете после ночного перехода они оказались в какой-то

деревушке, где обнаружили одного из своих товарищей-кубинцев по имени Бааса, он был серьезно ранен в легкое.

Сделав все, что было в его силах, для облегчения состояния Баасы, Че двинул свою колонну прочь из долины в горы, где можно было найти более безопасное пристанище. Они карабкались под проливным дождем по крутому склону, скользкому из-за грязи, и при этом попеременно несли Баасу, так что следующие шесть часов стали для всех тяжким испытанием. Дойдя до небольшого селения, наполненного голодными беженцами, Че пришлось выслушать оскорбления со стороны рассвирепевших крестьян, рассказавших ему, что солдаты увели их жен, а они ничем не могли тем помочь, поскольку повстанцы не дали им никакого оружия для защиты.

Бааса умер на рассвете следующего дня. Че собрал бойцов вокруг покойного и произнес речь, которую назвал «монологом, исполненным самобичевания».

Гевара искренне хотел исправить все свои ошибки, но его намерению не суждено было осуществиться. Не успел Че обосноваться на новом месте, как в его адрес полились обвинения — на сей раз со стороны конголезских повстанцев. Стало известно, что Ламберт утверждает, будто за их поражение ответственен Че и будто кубинцы повели себя трусливо и предали конголезцев. Фернандес Мелл и Арагонес стали просить Че, чтобы тот оставил свои позиции: в любой момент могло начаться новое вторжение врага, которое отрезало бы ему путь к озеру.

Масенго дал знать Арагонесу и Фернандесу Меллу, что президент Касавубу отправил ему тайное послание с предложением возглавить одно из министерств в обмен на прекращение борьбы. Арагонес и Мелл предупреждали Че: «Если они дошли до Масенго, то наверняка «работают» и над Сумалио с Кабилой».

30 октября они отправили Че очередное письмо с просьбой присоединиться к ним. Самолеты уже начали бомбить позиции вокруг Кибамбы, и они опасались, что это только прелюдия к финальному штурму. На базе все погрузилось в хаос: она превратилась в приют «дезертиров, преступников и предателей» всех мастей, и эта толпа была не подконтрольна никому. «Ситуация крайне угрожающая, — подчеркивалось в послании. — Мы думаем, что писали тебе достаточно, предоставляя, подобно старым сплетницам, подробнейшую информацию как о международной, так и о здешней обстановке. Мы просим и тебя сделать то же самое, поскольку нас действительно очень интересуют новости».

Че наконец решил последовать совету Арагонеса и Мелла.

Оставив Папи с группой конголезцев на своей новой базе и отдав им приказ продолжать занятия военной подготовкой, он отправился в Кибамбу.

1 ноября представители танзанийских властей вызвали к себе кубинского посла Рибальту и сообщили, что в связи с соглашениями, достигнутыми в Акре, Танзания заявляет о своем решении прекратить всякую помощь конголезскому народно-освободительному движению. Об этом незамедлительно известили Че.

«Это был смертельный удар по агонизирующей революции», — писал Гевара. 4 ноября Че получил из посольства телеграмму, где содержался пересказ письма от Фиделя, полный текст которого был отправлен ему с курьером. Основные положения послания Кастро звучали следующим образом.

«1. Мы должны сделать все что можем, но не доводя при этом дело до абсурда.

2. Если Тато считает, что наше присутствие становится тягостным и бесполезным, нам следует подумать об уходе. Действуй соответственно объективному положению вещей и тому, как чувствуют себя наши люди.

3. Если ты думаешь, что стоит остаться, мы попытаемся выслать столько человеческих и материальных ресурсов, сколько ты сочтешь необходимым.

4. Ты совершенно не прав в своих опасениях, будто твое настроение когда-либо оценивалось как пораженческое или пессимистичное.

5. Если ты решишь остаться, то можешь сохранить статус-кво, вернувшись сюда или переместившись в другое место.

6. Мы поддержим любое решение, какое ты примешь.

7. Не дай уничтожить себя».

С помощью полевого радио Че надиктовал послание в Дар-эс-Салам, откуда его должны были передать Фиделю, и обрисовал вкратце, как обстоят дела.

Че предложил отправить в Танзанию правительственную кубинскую делегацию для переговоров с Ньерере, дабы сообщить тому позицию Кубы, заключавшуюся в следующем: «Куба предложила свою помощь с согласия Танзании. Предложение было принято, и помощь была эффективной. Мы понимаем нынешние затруднения Танзании, но не согласны с ее предложениями. Куба не отступит от своих обещаний и не бросит постыдным образом своих братьев на милость наемникам. Мы прекратим борьбу только в том случае, если будут уважительные причины или сложится форс-мажорная ситуация и конголезцы сами попросят нас об этом».

Че также попросил Фиделя добиться от Танзании хотя бы минимальной помощи: позволить кубинцам сохранить связь с Дар-эс-Саламом и продолжать использовать озеро для поставок провианта и вооружения.

10 ноября по всему периметру сократившейся повстанческой территории возобновились активные действия. Врагу удалось прорвать линию фронта, которую занимали руандийские тутси, и продолжить постепенное продвижение в сторону озера. Запасов провианта и медикаментов в Кибамбе не хватало, и Че отправил телеграммы-молнии в Кигому и Дар-эс-Салам, где располагались кубинские представительства: «Давление врага усиливается, и сохраняется блокада озера. В случае изоляции срочно потребуются существенные вливания конголезской валюты. Вы должны действовать быстро. Мы готовимся к обороне базы».

14 ноября капитан кубинского катера, носивший прозвище Чанга, пересек озеро со стороны Кигомы и доставил Че запасы провианта; вместе с ним из Дара прибыл офицер кубинской разведки с очередным посланием от Фиделя. Тот сообщал Че, что танзанийское правительство не склонно идти на уступки и продолжает занимать жесткую позицию. Эмиссар из Дара спросил Че, не стоит ли ему, учитывая обстановку, начать готовить для него «подпольную ставку» в Танзании, и Че ответил утвердительно.

Словно в насмешку катер доставил в лагерь также около сорока новых конголезцев, выпускников советских военных училищ. Подобно своим предшественникам, прошедшим курсы подготовки в Болгарии и Китае, они незамедлительно потребовали для себя две недели отпуска, одновременно жалуясь на то, что им некуда сложить свой багаж. «Наблюдать нравы этих ребят, на которых революция возложила свои надежды, было бы смешно, если бы не было так грустно», — писал Че.

Несмотря на усилия кубинских полевых командиров, линия обороны повстанцев продолжала трещать по швам. 16 ноября Че отправил «сигнал бедствия» в кубинское посольство в Дар-эс-Саламе, попросив дополнительных поставок оружия со складов в Кигоме.

В тот же самый день Папи, который оставался в горах, послал Че сообщение о том, что ему срочно требуется пополнение. Руандийцы, бывшие в его подчинении, утром дезертировали, прихватив с собой оружие, и теперь конголезцы готовы были последовать их примеру. Новости были убийственные: не имея достаточного числа бойцов на передовой, невозможно сдерживать наступление противника.

Че созвал совет для обсуждения дальнейших действий. На

нем присутствовали конголезские лидеры: Масенго, Чамалесо и еще пара других (несмотря на настойчивые уговоры, Кабила так и не соизволил приехать). В ходе обсуждения все сошлись на том, что у них есть только два варианта: сражаться до конца, защищая имеющиеся рубежи, или попытаться совершить прорыв через линии врага с последующим продвижением к северу или к югу. Первый вариант отпадал из-за ненадежности бойцов, и потому они не без колебаний склонились ко второму варианту, решив прорываться к югу, через район под названием Бондо. Че приказал Дреке и другому своему офицеру, Алому, совершить туда короткий рекогносцировочный рейд для выяснения возможных ходов.

Решив, что будет нечестно хранить далее в тайне новость о решении Танзании прекратить помощь повстанцам, Че рассказал обо всем Масенго и предложил ему самому делать выводы. Очевидно, это известие стало определяющим для Масенго и его товарищей; в тот же вечер Чамалесо пришел к Че с сообщением о том, что все офицеры штаба приняли решение окончить кампанию. Че не понравилось это известие, и он сурово ответил Чамалесо, что в таком случае он требует, чтобы их решение было задокументировано. «Я сказал ему, что есть такая штука под названием «история», которая состоит из фрагментарных сведений и которую можно исказить». Че хотел получить письменный документ, опасаясь, что впоследствии конголезцы заявят, будто это кубинцы приняли решение о выходе из кампании. Чамалесо ответил, что едва ли Масенго согласится подписать подобный документ, но отправился с ним посоветоваться.

Когда он ушел, Че сообщили по телефону, что верхний лагерь взят. Бойцы покинули его без боя, и крупное соединение врага начало продвижение к озеру. Че не задумываясь предложил отступление, и Масенго тотчас согласился на это. Чамалесо воспользовался поводом, чтобы сообщить Че о том, что он вновь поговорил с офицерами и они были единогласны в своем «решительном» желании прекратить боевые действия. Но это не имело уже никакого значения, так как, по словам Че, «минут через пять телефонисты исчезли, вся военная полиция бежала, и базу охватил хаос».

VIII

Эти события произошли вечером 18 ноября, когда уже стемнело. Че послал в Кигому радиограмму, в которой сообщал о

том, что вынужден отступать, и просил подготовить катера для эвакуации. Приказав своим людям поджечь хижины и спрятать как можно больше вооружения в секретных хранилищах, Че затем распорядился принести тяжелое оружие на тот случай, если им придется еще обороняться на этом последнем рубеже. На рассвете они начали медленно отходить к берегу озера, сгибаясь под тяжестью своих нош и оставляя часть их по пути. Че видел «вековую усталость» на лицах своих бойцов, но тем не менее всячески пытался их поторопить. Вдруг сзади прогремели взрывы, и в небо потянулись облака дыма: кто-то поджег склады с боеприпасами. Конголезцы по большей части бежали. Че позволил им это сделать, зная, что, когда они достигнут озера, места в катерах на всех не хватит.

Встреча должна была произойти на берегу озера, в десяти километрах к югу от Кибамбы. Но катера не прибыли ни в тот вечер, ни на другой день. 20 ноября Че связался по радио с капитаном катера Чангой и сообщил ему, что эвакуации ждут двести человек. Чанга ответил, что его задерживают власти Танзании, но что уже вечером он приплывет к ним.

От этой новости, писал Че, «все пришли в восторг». Он уже поговорил с Масенго и его генштабом, и они сошлись на том, что один из конголезских офицеров останется в Конго со своими людьми, а Масенго и остальные будут эвакуированы вместе с кубинцами. Но для того чтобы этот план сработал, нужно было как-то обмануть конголезцев, и Че с Масенго решили под каким-нибудь благовидным предлогом посадить на один из катеров тех бойцов, которых решено было оставить; катер должен был отвезти их в ближайшую деревушку, а как только они скроются из виду, начнется настоящая эвакуация.

Но все прошло не так гладко. Хотя им удалось усадить изрядную часть конголезцев на катер, остальные «что-то почуяли» и заявили, что не сдвинутся с места. Тогда Че дал своим людям приказ отобрать тех из конголезцев, кто «наилучшим образом проявил себя», чтобы взять их с собой «как кубинцев».

Стоя на берегу озера и наблюдая за окончательной эвакуацией кубинской военной миссии из Конго, Че продолжал размышлять о том, не остаться ли ему самому для продолжения борьбы. «По моим расчетам, я мог отобрать около двадцати человек, готовых следовать за мной… Но что бы я сделал потом? Все вожди отступали, крестьяне проявляли к нам все большую враждебность. Однако идея полной эвакуации… тяготила меня чрезвычайно».

Один из вариантов, которые Че прокручивал в голове все последние дни, состоял в том, чтобы пересечь Конго и

соединиться с повстанцами Пьера Мулеле, но территория, подконтрольная Мулеле, находилась в сотнях километров от озера и путь туда лежал через джунгли, так что просто дойти туда живыми было бы настоящим подвигом, что уж говорить об организации боеспособного партизанского войска.

В ожидании катеров Че продолжал взвешивать этот и другие варианты, ни один из которых нельзя было назвать удовлетворительным. Более всего беспокоило Че то, что он был вынужден уходить бесславно и при том обманом оставлять часть конголезцев. Гевару мучила мысль о том, как эти люди будут вспоминать потом его и его товарищей.

«Так я провел эти последние часы — в одиночестве и мучительных раздумьях, — и вот наконец в два часа ночи за нами прибыли катера», — писал он.

В первую очередь были погружены больные и раненые, затем Масенго, его генштаб и около сорока избранных конголезцев. Самыми последними на борт поднялись Че и остальные кубинцы.

«Разыгралась безотрадная сцена, позорная и бесславная. Я был вынужден ответить отказом на мольбы людей, просивших взять их на борт. С нашей стороны в таком исходе не было ни капли величия, с другой — и намека на неповиновение. Были приготовлены пулеметы, на случай если [покидаемые бойцы], как водится, попытаются взять катера штурмом, однако ничего подобного не произошло — послышались только рыдания, когда я как глава бегущего войска приказал сняться с якоря».

Глава 28
Нет пути назад

I

Через несколько дней после провала в Конго Че был надежно укрыт в небольшой квартире в здании кубинского посольства на окраине Дар-эс-Салама. Посол Рибальта очистил здание от всех сотрудников, за исключением шифровальщика-телеграфиста, секретаря и повара, который, кстати, так и не узнал, что на втором этаже кто-то живет.

Остальных же кубинцев после поражения переправили в Дар-эс-Салам на грузовике, а оттуда, по просьбе Кубы, советские товарищи устроили им перелет в Москву и затем в Гавану. Фернандес Мелл остался в Кигоме, чтобы организовать поиск двух пропавших кубинцев, а также забрать оставшихся конголезских повстанцев. Найдет он их лишь через четыре месяца.

Че с товарищами благополучно переправились через Танганьику, хотя едва не столкнулись с конголезским военным катером. Че приказал выставить на носах лодок 75-миллиметровые винтовки, чтобы дать понять, что они хорошо вооружены и готовы к бою. Это был блеф и весьма отчаянный шаг: если бы винтовки выстрелили, то лишь в результате отдачи погибли бы многие на борту. То ли обман сработал, то ли у военных был приказ позволить им скрыться, но катер не стал приближаться.

Они подплыли к побережью города Кигомы, где Че ожидала небольшая моторка с кубинцем за штурвалом. Че сел в нее вместе с Папи, Помбо и Тумой (Тумаини) и попрощался с остальными, сказав, что надеется свидеться снова, быть может, в другой стране, а также верит, что некоторые из них продолжат сражаться в иных землях.

Высадившись на берег, Че повернулся к трем своим молодым товарищам и, как рассказывает Помбо, обратился к ним с такими словами: «Ну, все продолжается. Вы готовы идти дальше?» Они поняли: Че не собирается возвращаться на Кубу. «Куда?» — спросил Помбо. «Да куда угодно». У Гевары тогда еще не было четкого представления, куда они отправятся.

Гарри «Помбо» Вильегасу исполнилось двадцать два года, Карлосу «Туме» Коэльо — двадцать три, и оба они были

соратниками Че с 1957 г., когда еще подростками примкнули к нему в Сьерра-Маэстре. Хосе Мария «Папи» Мартинесу было двадцать девять, с 1962 г. он был задействован Пиньейро в партизанских программах Че: сначала в Гватемале, потом в операции Мазетти, — также он участвовал в подпольных боевых учениях, организованных Таней. Че надеялся, что эти трое будут готовы «без страха и сомнений» пойти за ним. И они его не разочаровали.[41]

Че не просто пересек озеро и не просто покинул страну, в которой надеялся совершить революцию. Он планировал сражаться пять лет, но прошло лишь полгода — и все было кончено. Месяцем раньше Фидель обнародовал его прощальное письмо. И теперь гордость не позволяла Че вернуться на Кубу. Перед лицом всего мира он заявил о своем желании принести пользу «на полях новых сражений». Немаловажен был и тот факт, что в Бендере был захвачен дневник кубинского партизана, из которого следовало, что Куба задействована в событиях в Конго. Возможно, в ЦРУ еще не знали, где именно находится Че, но смело можно было предполагать, что Конго рассматривается американцами как один из весьма возможных вариантов.

В конце ноября 1965 г. Че был самым известным в мире революционером-марксистом, человеком, готовым служить «пролетарскому интернационализму» в любой точке света. Но сейчас Че некуда было идти, он воистину стал человеком без страны.

II

25 ноября, через три дня после того как Че с товарищами выбрались из Конго, глава конголезских вооруженных сил Жозеф Мобуту совершил переворот и сверг президента Касавубу. Так началось его диктаторское правление, поддерживаемое Западом, продлившееся три десятилетия и выжавшее из страны все соки. «Революция» в Конго действительно закончилась.

Проведя несколько дней в Дар-эс-Саламе, Тума и Помбо вылетели в Париж, а оттуда в Москву и затем в Прагу. Там их поселили на конспиративной квартире, предоставленной чехословацкой разведывательной службой, и они стали ждать Че. А тот, запертый в четырех стенах в столице Танзании и навещаемый лишь Пабло Рибальтой и кубинцем-телеграфистом, принялся за работу — он писал воспоминания о событиях в Конго.

Че намеревался опубликовать свой труд — «когда придет

время» — как вклад в летопись мировой социалистической революции. Он назвал книгу «Эпизоды революционной войны (Конго)», то есть так же, как и книгу о кубинской революции, — тем самым показывая, что Конго для него лишь очередная ступень в исторической борьбе, конечной целью которой является «освобождение» всех угнетенных мира.

Однако между этими двумя книгами имелось существенное различие. Первая, хотя в ней было достаточно прямых указаний на ошибки и ненужные жертвы, тем не менее являла собой хвалебную песнь героизму кубинских партизан, Фиделю и его безупречному руководству революцией, приведшему их к победе, а также содержала наставления тем, кто пойдет по их стопам. Вторые же мемуары были прямой противоположностью: Че обозначил это с самого начала, назвав свой рассказ «историей провала».

Че посвятил книгу «Баасе и его соратникам, в поисках смысла их жертвы». В ней он каялся в своих грехах в духе классической марксистской самокритики. В конце книги, рассказав обо всем произошедшем и подробно перечислив и разобрав все промахи, допущенные, по его мнению, конголезским движением и кубинскими бойцами, Че перешел к своим собственным ошибкам. «Долгое время я был чрезмерно самодоволен, а иногда, видимо в силу своего характера, слишком резок и причинял другим боль».

Че писал, что единственными людьми, с кем у него возникло полное взаимопонимание, были крестьяне, но он порицал себя за то, что не приложил достаточно усилий, чтобы как следует выучить суахили. Понадеявшись больше на знание французского, он мог общаться с офицерами, но не с рядовыми бойцами.

«При общении с товарищами я, как мне кажется, сделал все, чтобы не дать никому повода меня упрекнуть… Иметь лишь одну пару разбитых сапог и одну смену грязной одежды, есть те же помои, что и остальные солдаты, жить в тех же условиях — все это было для меня в порядке вещей. Но возможно, моя привычка уединяться для чтения и нежелание решать мелкие, повседневные проблемы отдаляли меня от остальных, не говоря уж о том, что некоторые особенности моего характера делают близкое общение со мной непростым.

Со мной было трудно, но я не думаю, что чрезмерно. Вряд ли я был несправедлив. Я применял методы, обычно не используемые в регулярной армии, например оставлял бойцов без еды: это единственный известный мне эффективный способ наказания во время партизанской войны. Поначалу я пытался действовать иначе, лишь убеждением, но это не дало результата. Я стремился к тому, чтобы мои солдаты имели ту же точку

зрения, что и я, но мне это не удалось. Они не были готовы смотреть в будущее с оптимизмом, потому что смотреть туда приходилось из мрачного настоящего.

И наконец, был еще один важный момент в моих отношениях с другими… — это прощальное письмо Фиделю. Из-за него мои товарищи считали меня, так же как это было много лет назад в Сьерра-Маэстре, лишь иностранцем, сотрудничающим с кубинцами… Открыто или нет, я отказался от многого, что является самым святым для человека: семья, нация, родина. Это письмо, вызвавшее столько восторженных отзывов на Кубе и за ее пределами, отдалило меня от моих бойцов…

В Конго я получил урок. Есть ошибки, которых я больше не совершу. Возможно, есть и такие, которые я повторю опять, и новые, о которых пока не догадываюсь. Теперь я сильнее чем когда-либо верю в партизанскую борьбу… Я не забуду ни этого поражения, ни его ценнейших уроков».

III

Покинув Конго, Че оказался в полной зависимости от кубинских секретных служб, которые должны были его защитить. Впервые за всю взрослую жизнь он не был хозяином своей судьбы.

Возглавляемая «Барба Рохой» Пиньейро сеть по поддержке партизан и разведке теперь работала на всей территории Африки, так же как в Латинской Америке и других частях света, часто под дипломатическим прикрытием. Одним из агентов Пиньейро был кубинский поверенный в делах в Каире, Хосе Антонио Арбесу, а другим — Улисес Эстрада, отвечавший за страны Азии и Африки. Во все время пребывания Че в Конго Улисес был главным «каналом связи» между Кубой и Танзанией, он постоянно ездил из одной страны в другую, заведовал переправкой оружия, бойцов и координировал разведку. После разгрома повстанцев задачей Улисеса стало отправить кубинских бойцов назад в Гавану и помочь определить последующие действия Че. Поначалу этот вопрос оставался открытым. Фидель предложил Че вернуться на Кубу, но тот отказался, заявив, что хочет отправиться «прямо в Южную Америку». Но куда? К решению вопроса привлекли главного заместителя Пиньейро, Хуана Карретеро (он же Ариэль). Ариэль обнаружил, что с Че нелегко иметь дело.

«С ним трудно было спорить, — вспоминает Ариэль. — Открыто возвращаться на Кубу он не хотел: из-за своего письма, потому что дал обязательство быть преданным делу революции. Этого варианта для него просто не существовало».

Потянулись недели: прошли Рождество и Новый год, а Че оставался в своем укрытии. В начале января 1966 г. Ариэль переправил в Танзанию его жену.

По прибытии в Дар-эс-Салам он сразу отвез Алейду в здание посольства, где обитал Че. Там супруги стали жить в квартирке из двух комнат. Одна представляла собой крошечный кабинет-фотолабораторию, в ней они спали. Другая небольшая комната служила гостиной, и там они проводили дни. В течение полутора месяцев ни Алейда, ни Че не покидали этих стен и занавески на окнах были всегда задернуты. Только один раз Алейда осмелилась выглянуть: она увидела неподалеку рощицу и не обнаружила никаких домов. Единственным их посетителем был Пабло Рибальта, приносивший супругам еду. В специальной комнате связи на том же этаже сидел шифровальщик и стенографист Че, кубинец по имени Коулмен Феррер. Больше никто их не видел и не знал, кто они такие.

По словам Алейды, заключение не очень беспокоило Че, так как у него было много работы. Ко времени приезда жены он уже закончил свои воспоминания о войне в Конго и теперь трудился над двумя новыми сочинениями: «Философскими записками» (они до сих пор так и не опубликованы) и «Экономическими записками», представляющими критический разбор советской книги «Политическая экономия» — классического труда сталинской эпохи. Че вообще много читал, в том числе и просто для удовольствия: поэзию и художественную прозу. Когда приехала Алейда, он составил для нее «учебный план» — список книг, которые жена обязательно должна была прочитать в качестве домашнего задания и которые они обсуждали каждый вечер.

Хотя над ними довлел нерешенный вопрос о том, что же Че будет делать дальше, для Эрнесто и Алейды это были счастливые дни. Она вспоминает их с особой нежностью. «Мы впервые были только вдвоем». Это уединение походило на медовый месяц, которого у них никогда не было.

В конце февраля Алейда вернулась на Кубу. Она сожалела, что, побывав в Африке, так ничего и не увидела, в первую очередь знаменитых парков «сафари». «Потом я узнала, что пропустила, — говорит она, — когда посмотрела фильм с Ивом Монтаном и Кендис Берген».

IV

К тому времени, как Алейда уехала, Ариэлю наконец удалось

уговорить Че отказаться от намерения ехать прямо в Южную Америку. Он убедил его отправиться в Прагу. Там Че был бы в большей безопасности и мог подождать, пока на Кубе решат, куда ему уехать.[42]

До отъезда Че из Танзании его навестил Фернандес Мелл. Он наконец нашел пропавших соотечественников, спас брошенных конголезцев и теперь сворачивал деятельность кубинцев в Кигоме. Че показал другу отрывки из своих воспоминаний, в которых критично о нем отзывался, и сказал: «Видишь, как я тебя хаю?» Фернандес Мелл парировал, что, критикуя его, Гевара нападает сам на себя, так как он лишь исполнял приказы Че.

То, что произошло в Конго, отдалило их друг от друга. Они по-прежнему были друзьями, но думали теперь по-разному. «Оскарито» много размышлял о концепции «континентальной партизанской войны» и стал сомневаться в разумности такого подхода, по крайней мере для Африки. Также он считал, что, упрямо стремясь реализовать эту концепцию, Че сильно заблуждается.

Фернандес Мелл знал, что Че, возможно, отправится в Южную Америку, и в конце концов — как он всегда собирался — вернется на родину, в Аргентину. До событий в Конго между ними существовала негласная договоренность, что Мелл последует за ним туда, но теперь эта тема больше не поднималась. Мелл не расспрашивал Че о его планах и не изъявлял желания в них участвовать. Их обоюдное молчание ясно давало понять: пути двух друзей разошлись. Через несколько дней Фернандес Мелл вернулся в Гавану, взяв с собой рукопись «Эпизодов революционной войны», чтобы передать ее Фиделю. Больше они с Че уже никогда не встретятся.

V

Когда Че вместе с Папи приехал в Чехословакию, Помбо и Тума ждали их в конспиративном доме — большом, величественном особняке в пригороде Праги, скрытом от посторонних глаз за густыми зарослями можжевельника.

Вскоре после победы Фиделя в 1959 г. между кубинской и чехословацкой разведками было установлено соглашение, по которому чехи предоставили кубинцам ряд конспиративных зданий в Праге для использования по их усмотрению.

По воспоминаниям Помбо, после приезда Че они спокойно жили в особняке, «убивали время» и оттачивали партизанские умения, занимаясь стрельбой. Зима кончилась, наступила весна.

На несколько недель к Че снова приехала Алейда, под очередным вымышленным именем. Регулярно наведывался Улисес Эстрада, он привозил из Гаваны сообщения от Фиделя и Пиньейро и забирал донесения Че.

И Ариэль, и Помбо утверждают, что поначалу Фидель всячески пытался убедить Че вернуться на Кубу, но тщетно. Те, кто был приближен к Че, знали, что дело тут не только в гордости. Гевара прекрасно понимал, что в отношениях с СССР он стал для Фиделя политическим препятствием, а ведь, в конце концов, финансировали Кубу именно Советы. Че был полезнее Фиделю за границей, где он мог проводить революционную политику Кубы при тайной поддержке Кастро.

Вскоре после отъезда Че с Кубы Фидель в своей речи, приуроченной к празднованию Первого мая 1965 г., подверг резкой критике концепцию «мирного сосуществования». Эту воинственную позицию он занимает и по сей день. В январе 1966 г. состоялась первая Конференция трех континентов. Хотя официально она проводилась Организацией солидарности народов Азии и Африки, однако инициатива ее проведения принадлежала Кубе. На конференцию приехали сотни делегатов из более чем восьмидесяти латиноамериканских, азиатских и африканских государств, представителей разнородных «движений национального освобождения», участвовали в ней также СССР и Китай. И здесь Фидель снова заставил столкнуться две социалистические сверхдержавы. Он нанес удар Москве, протащив резолюцию о выражении поддержки партизанским силам, сражающимся в Венесуэле, Гватемале, Колумбии и Перу, и одновременно ущипнул китайцев, упомянув о «недопонимании», имеющем место между Гаваной и Пекином относительно решения Китая сократить поставки риса на Кубу, в которых та крайне нуждалась.

Фидель также преследовал и другие цели: постараться распространить слухи о якобы произошедшем между ним и Че расколе и создать своему аргентинскому товарищу возможность выйти на новое поле боя. Фидель объявил 1966 год «Годом солидарности» и поклялся в верности общему делу партизанской борьбы против империализма во всем мире. Это, как вы понимаете, было на руку Че. И действительно, уступив наконец настойчивому желанию Гевары продолжать «вооруженную борьбу», Фидель дал Пиньейро указание подыскать для Че новое место назначения.

А выбор сделать было нелегко. Несмотря на высокую активность революционных движений в Латинской Америке, в начале 1966 г. в целом картина была крайне неясной и

изменчивой. В Боливии, Перу и Колумбии появились прокитайские коммунистические объединения, а новые партизанские группировки постоянно возникали то тут, то там. Одновременно с подъемом партизанских движений увеличилась и активность американских военных и ЦРУ.

В пользующейся поддержкой Кубы повстанческой коалиции в Гватемале возникли внутренние разногласия: от нее хотела отколоться троцкистская группировка. Несмотря на разлад, партизаны осуществили ряд серьезнейших нападений, в том числе были убиты глава военной миссии США и заместитель министра обороны Гватемалы.

В июне 1965 г., после двух лет подготовки, перуанские партизаны из ДРЛ во главе с Луисом де ла Пуэнте Уседой и Гильермо Лобатоном наконец развязали военные действия. В сентябре, оправившись от разгрома 1963 г., борьбу начала и возглавляемая Эктором Бехаром «Армия национального освобождения». Правительство Перу временно приостановило конституционные гарантии, и перуанские войска при поддержке США начали жестокую войну против повстанцев. К октябрю 1965 г. Луис де ла Пуэнте Уседа был убит, а тремя месяцами позже погиб и Лобатон. ДРЛ осталась без руководства, и ее бойцы разбежались кто куда. К декабрю то же самое произошло и с «Армией национального освобождения». Вскоре и сам Бехар был пойман и заключен под стражу.

В Колумбии наблюдалась схожая картина. В мае 1965 г. там было введено осадное положение. Это стало следствием выступлений новой группировки партизан АНО, поддерживаемых Кубой. В декабре в АНО вступил католический священник Камило Торрес, в открытую придерживавшийся революционных позиций, благодаря чему организация приобрела большую популярность. В феврале 1966 г. Торрес был убит, но партизаны продолжали свое дело; несмотря на расколы и постоянные изменения, они будут сражаться еще долгие годы.

В венесуэльской партизанской организации «Вооруженные силы национального освобождения» тоже назревали проблемы. Коммунистическая партия, поддержавшая «вооруженную борьбу» в 1962 г., теперь пошла на попятную, так как многие ее лидеры были арестованы. В апреле 1965 г. партийный пленум проголосовал за изменение курса в сторону «легальных методов борьбы», что открыто осудил Фидель. В марте 1966 г. правительство Венесуэлы «вознаградило» компартию за ее новую политику, освободив ее руководителей из тюрем. Партизаны же, отмежевавшись от коммунистов, при поддержке кубинцев продолжали свою борьбу.

Боливия находилась в глубоком кризисе. Президент Виктор Пас Эстенсоро был свергнут в ноябре 1964 г. военной хунтой, и глава боливийских профсоюзов Хуан Лечин, пользовавшийся в народе огромной популярностью, затеял шумную кампанию против военного режима. В мае 1965 г. Лечин был депортирован, в результате чего началась всеобщая забастовка, и правящие генералы ввели в стране чрезвычайное положение. Однако боливийская компартия во главе с Марио Монхе, пользовавшаяся поддержкой Москвы, не решалась начать вооруженную борьбу. В ней имелась прокитайская фракция, появившаяся в апреле 1965 г., во главе которой стоял студенческий лидер Оскар Самора. Он уже просил поддержки Че, чтобы начать партизанскую войну, и получил согласие, но, пока Че был в Конго, произошло охлаждение отношений между Кубой и Китаем, и теперь ни агентство Пиньейро, ни Самора фактически не предпринимали шагов для осуществления этой задачи.

В марте 1966 г. Че по-прежнему находился в Праге, а возможных вариантов становилось все меньше и меньше. В том же месяце гватемальские спецслужбы провели операцию против лидеров компартии Гватемалы: двадцать шесть ее предводителей были захвачены и убиты. В результате в партизанском движении наблюдался разброд.

По свидетельству Помбо, первым вариантом, предложенным Че, стала Перу, но, чтобы поехать туда, ему потребовалась бы помощь соседней страны — Боливии. В апреле Че отправил Папи в Боливию для выяснения обстановки, планируя последовать за ним, если тот даст «зеленый свет». «Первым делом, — рассказывал Помбо, — нужно было установить контакт с перуанцами, посмотреть, в каком состоянии находится их движение, и получить поддержку боливийской компартии. Боливийские коммунисты помогали нам с операцией Мазетти и в других делах. Там были люди, проявившие преданность идеям революции, сотрудничавшие с нами раньше и к тому же прошедшие подготовку на Кубе».

«Преданными» боливийцами, о которых говорит Помбо, были несколько молодых членов коммунистической партии, приверженцев кубинской стратегии вооруженной борьбы, в том числе и братья Передо: Роберто («Коко») и Гидо («Инти»). Происходившие из большого и влиятельного семейного клана, они были опытными бойцами-коммунистами. Их младший брат по имени Освальдо, или «Чато», учился в Москве. Среди «преданных» боливийцев также были братья Васкес Вьянья, Умберто и Хорхе, сыновья известного боливийского историка, получившие образование в Европе. Родольфо Сальданья, бывший

шахтер и активный член профсоюзного движения, укрывал Сиро Бустоса и его товарищей у себя в доме в Ла-Пасе после их приезда из Алжира. Лойола Гусман, молодая женщина, в чьих жилах текла кровь индейцев-кечуа, являлась дочерью учителя-коммуниста, работавшего в шахтерских районах Боливии; она окончила элитную школу политических кадров компартии в Москве. Лойола помогала организовать снабжение партизан в Аргентине и Перу. Эти люди составили ядро активистов, на которых могли рассчитывать кубинцы, чтобы помочь перуанцам и развязать войну в Боливии.

Относительно того, как именно было определено место назначения Че, существуют разные мнения. Помбо утверждает, что «перуанский» план поменялся вскоре после того, как он и Тума прибыли в Боливию, и тогда Боливия стала рассматриваться как альтернатива. У Ариэля другие сведения: именно Боливией они с Пиньейро и Фиделем смогли соблазнить Че и уговорить его покинуть свое убежище в Танзании.

«Мы рассказали Че о возможностях, которые открываются в Боливии, и смогли зажечь его этой идеей. В Боливии уже имелись некоторые договоренности и были подготовлены соответствующие условия. До этого рассматривались Венесуэла и Гватемала, но у Боливии было больше преимуществ. Во-первых, близость к Аргентине, что было очень важно для Че. Во-вторых, договоренности, предыдущий опыт, люди, боевые традиции партии. И наконец, географическое положение, предоставлявшее хорошие возможности для того, чтобы обученные на боливийском фронте партизаны продолжили войну в соседних странах: Аргентине, Перу, Бразилии и Чили. Че загорелся этой идеей и согласился поехать в Прагу».

Самая главная загадка жизни Эрнесто Че Гевары, ответа на которую мы, видимо, никогда не узнаем, звучит так: кто именно принял решение, что он отправится в Боливию, когда и почему был выбран этот вариант? Фидель утверждает, что выбор сделал сам Че и что он хотел ему помешать, просил повременить, пока условия не станут более благоприятными. Мануэль Пиньейро говорит о том же. Свидетельства Фиделя и Пиньейро не совсем стыкуются с утверждениями Ариэля и Помбо, но и версии двух последних тоже не совпадают. Как объяснить противоречия свидетельств Ариэля и Помбо, не говоря уже об их несоответствии версии Пиньейро и Фиделя Кастро? Разгадка, быть может, кроется в ранее не публиковавшемся предисловии к дневнику Помбо, начатом им в Праге и затем дописанном на основе черновых заметок.

«Через семь месяцев после окончания партизанских действий

на африканской территории и в разгар приготовлений к нашему новому походу, который предполагалось осуществить на территории Перу… Рамон[43] собрал Пачо, Туму и меня и зачитал нам недавно полученное письмо, в котором Фидель сообщал ему истинное положение вещей и настоятельно просил еще раз как следует, трезво пересмотреть свое решение. Подводя итог своим размышлениям, Фидель предлагал Че ненадолго вернуться на Кубу. В то же время он указывал на перспективы борьбы в Боливии, на соглашения, достигнутые с Эстанислао (Марио Монхе), о начале вооруженной борьбы.

Че сказал нам, что, признавая правильность этих предложений, решил отправить Франсиско в Ла-Пас, чтобы исследовать возможности для начала борьбы… Мы с нетерпением ждали возвращения Франсиско. Он приехал назад в первых числах июня. Из его отчета следовало, что все нормально. Папи заявил, что условия благоприятные, в том числе и для нашего прибытия туда».[44]

Итак, похоже, сам Фидель убедил Че начать борьбу в Боливии, и произошло это весной 1966 г. А воплощаться в действительность план стал после того, как Франсиско вернулся из Ла-Паса и вместе с Папи заявил, что условия благоприятные.

Че отправил Помбо и Туму в Ла-Пас, а сам вместе с Панчо поехал на Кубу, куда и прибыл примерно 21 июля. Че отсутствовал более года, но возвращался он не «домой». Его разместили на конспиративной квартире на восточной окраине Гаваны, и о его присутствии было известно совсем немногим.

VI

Одним из пунктов, в котором сходятся все, кто имел отношение к секретному планированию боливийской миссии Че, является так называемое «соглашение», достигнутое между Кубой и лидером боливийских коммунистов Марио Монхе. Почти три десятилетия спустя, находясь в добровольной эмиграции в Москве, Монхе подробно и откровенно рассказывает о своих запутанных взаимоотношениях с Пиньейро, Фиделем и Че, признавая, что он нередко вел двойную игру.

Отношения Монхе с кубинским революционным режимом начались вскоре после победы кубинской революции. Его партия оказывала помощь партизанским группировкам Бехара и Мазетти. По словам Монхе, он делал это в надежде, что Куба не станет пытаться развязать партизанскую войну в его стране. Однако даже после того, что случилось с Бехаром и Мазетти, у Монхе

оставались сомнения по поводу намерений Кубы.

Когда в 1965 г. Че исчез с Кубы и поползли разные слухи о том, где он теперь находится, Монхе насторожился. Он никогда не верил в россказни о разрыве между Фиделем и Че и знал, что оба они стремятся к распространению революции по всему миру. Поэтому он подозревал, что Че может находиться где-то в Африке.

В сентябре 1965 г. партия Монхе получила от кубинского правительства приглашение отправить трех своих членов на конференцию трех континентов, которая должна была состояться в Гаване в январе 1966 г. Однако вскоре Монхе узнал, что глава конкурирующей маоистской коммунистической партии Боливии, Оскар Самора, тоже приглашен на конференцию и ему разрешено привезти более многочисленную делегацию. Монхе и его товарищам по политбюро стало ясно, что по каким-то причинам кубинцы благоволят прокитайской партии. В ноябре товарищи Монхе убедили его приехать в Гавану загодя и попытаться выяснить, в чем дело.

Монхе одолевали подозрения, что все это было не просто оскорбительным выпадом против компартии, но также свидетельством того, что кубинцы планируют устроить волнения в Боливии. Было известно, что Самора предлагал предоставить кубинцам свои силы для этих целей, и, что очень важно, он был в дружеских отношениях с Че. В этот момент, по словам Монхе, он стал задаваться вопросом: где находится Че и какова его роль в происходящем?

С тех пор, вспоминает Монхе, он стал пристально изучать все новые сообщения в поисках указания на местонахождение Че. Он сказал товарищам, что, поехав в Гавану, постарается вести себя по возможности неконфликтно и намерен снискать расположение кубинцев, дабы выяснить, что у них на уме. Монхе прикидывал, не сказать ли кубинцам, что его партия не против «подготовиться» с их помощью к вооруженной борьбе. Он даже был готов предложить себя и других членов партии в качестве кандидатов на прохождение военного обучения под их руководством.

Чувствуя себя «слегка настороженно», Монхе в декабре 1965 г. отправился в Прагу, где перед вылетом в Гавану собрались многие представители иностранных делегаций, участвующих в Конференции трех континентов.

Сидя в самолете, летящем в Гавану, Монхе узнал в одном из пассажиров Режи Дебре, молодого французского теоретика-марксиста, который, как он знал, был тесно связан с кубинскими силами безопасности и приезжал в Боливию годом ранее. Также

было известно — в основном из ряда написанных Дебре статей, — что он является активным сторонником применения кубинской революционной модели в Латинской Америке.

Прибыв в Гавану, Монхе сообщил кубинской службе безопасности, что приехал не только на конференцию, но и чтобы обсудить «еще один вопрос». Его тут же перевезли из гостиницы в особняк, принадлежащий разведслужбе.

Монхе сразу связался с молодыми боливийскими «студентами», жившими в Гаване, — все они были членами боливийского комсомола — и узнал, что многие из них проходят военное обучение, хотя не получали на это разрешения партии. Однако он не стал предъявлять им претензии, а, напротив, «встал на их сторону». На встрече с представителями Министерства внутренних дел Кубы — людьми Пиньейро — Монхе сказал, что он и его товарищи хотели бы пройти военное обучение. «Кубинцы очень обрадовались», — вспоминает Монхе.

Их радость была так велика, что позволила Монхе обойти Самору. Он потребовал, чтобы кубинцы сделали выбор, кому предоставить официальный статус на конференции: его делегации или делегации Саморы. В итоге официально была признана его делегация, а группа Саморы, по словам Монхе, была отправлена «на экскурсию» по кубинской провинции.

На конференции Монхе быстро понял, что главное — это не произносимые на ней речи, а то, что происходит в кулуарах. «Кубинцы пытались наладить контакт с различными группами, — вспоминал он, — но всегда с одним намерением: создать новые очаги партизанского движения в Латинской Америке. Особое внимание они уделяли наиболее радикальным группам, самым отчаянным, тем, кто находился в некоторой конфронтации с ортодоксальными коммунистами».

По словам Монхе, он знал также, что Советскому Союзу не нравится эта кампания по вербовке партизан, и поэтому, когда конференция окончилась, он решил ненадолго съездить в Москву, чтобы «разведать обстановку». К его удивлению, он сразу же был направлен прямо к Борису Пономареву, заведующему Международным отделом ЦК.

«Мы стали говорить о Боливии… и он спросил меня про Конференцию трех континентов и поинтересовался мнением боливийской компартии о том, что готовит Куба. Я в общих чертах дал свою оценку и рассказал, что мы планируем делать».

Монхе стало понятно, что Кремль обеспокоен тем, что на конференции кубинцы благоволили «наиболее радикальным группам». «Это могло привести к нежелательным последствиям, и поэтому русские хотели выяснить, какова во всем происходящем

роль Че». В СССР пришли к тому же выводу, что и Монхе: движущей силой происходившего на Конференции трех континентов был самый заметный из отсутствовавших — Че Гевара.

После совещания в Кремле Монхе вернулся на Кубу и приступил к военному обучению вместе с другими боливийцами. Также он придумал план, как задержать возвращение в Боливию тех, кто уже завершил тренировки: он попросит их подождать его и других новичков под тем предлогом, что после окончания обучения попробует организовать им всем поездку в Москву «для теоретической подготовки». Монхе знал, что на его обучение уйдет три-четыре месяца и это даст ему время предупредить о происходящем своих товарищей по партии, оставшихся в Боливии.

Монхе вызвали к Фиделю. На встрече присутствовали и другие, в том числе Пиньейро и несколько его агентов. По словам Монхе, Фидель поинтересовался, каковы его намерения относительно боливийских кадров на Кубе.

Монхе ответил Фиделю отнюдь не искренне, но так, чтобы ответ звучал правдоподобно. Напомнив, что у Боливии богатая история народных восстаний, он рассказал Кастро о текущей ситуации, о том, что страна опять находится под властью военной диктатуры, и сказал, что возможен очередной мятеж. «Если мятеж действительно вспыхнет, — обратился он к Фиделю, — мы сможем взять ситуацию под контроль». Монхе добавил, что при помощи подготовленных на Кубе людей сможет добиться проведения выборов, на которых коммунисты выступят с прочных позиций.

Но не такой ответ желал услышать Фидель. А как же партизанская борьба? Монхе ответил, что для Боливии это не самый подходящий вариант. Тут несколько агентов Пиньейро стали высказывать свои мнения по этому поводу, и по их словам Монхе понял, что они уже побывали в Боливии и внимательно изучили происходящее там.

Под тем предлогом, что до приезда на Кубу он не знал, что так надолго покинет Боливию, а у него там остались нерешенные вопросы, Монхе попросил Пиньейро прислать к нему Рамиро Отеро, представителя боливийской компартии в Праге. «Я сыграл так потому, — объясняет Монхе, — что знал: мне они уехать не позволят».

Отеро приехал в феврале. Монхе дал ему четкие указания: «Поезжай в Боливию, требуй встречи с ЦК и сообщи, что кубинцы готовят в Боливии партизанскую войну».

Отеро поспешил в Ла-Пас, а Монхе в числе прочих приступил

к обучению. Ему уже исполнилось тридцать пять, и он был самым старшим в группе — остальным было лет двадцать пять-тридцать, — но он старался не отставать от них в тренировках. Отеро вернулся с дурными вестями. Ему не удалось поговорить с Центральным комитетом, получилось побеседовать лишь с членами менее важного органа — Секретариата, и там словам Монхе не поверили.

Монхе требовалось вернуться в Боливию и объяснить нужным людям, что происходит, разрешить все недоразумения. Но кубинцы отнеслись бы к тому, что он хочет уехать, с сильнейшим подозрением. К тому же поздно было осуществлять изначальный план: отправить своих людей для обучения в СССР, не пустив их таким образом в Боливию, — потому что его программа подготовки уже подходила к концу и всем не терпелось поехать на родину. В отчаянии, Монхе попросил о встрече с Фиделем. В мае он вылетел в Сантьяго. Ему удалось побеседовать с Фиделем, когда тот возвращался назад в Гавану.

По дороге, сообщает Монхе, Фидель говорил о чем угодно, кроме Боливии. Монхе стал уже опасаться, что разговор так и не состоится. Но в какой-то момент Фидель произнес: «Знаешь, ты наш добрый друг. Ты ведешь с нами международные дела. Я искренне хочу поблагодарить тебя за помощь, которую ты нам оказал. Сейчас обстоятельства сложились так, что один наш общий друг хочет вернуться в свою страну, это, поверь мне, Революционер с большой буквы. И никто не может отказать ему в праве вернуться на свою родину. Он считает, что лучше всего будет вернуться через Боливию. Пожалуйста, помоги ему проехать через твою страну».

Монхе не требовалось спрашивать, кто такой этот «общий друг», и он сразу же согласился помочь. Тогда Фидель добавил: «Слушай, что касается твоих собственных планов, то делай, что считаешь нужным. Если тебе нужна наша помощь в подготовке людей, присылай их к нам… Мы не собираемся вмешиваться в твои дела». Монхе поблагодарил Кастро и еще раз повторил, что с радостью поможет организовать «транзит» их общему другу.

Затем Фидель произнес: «Я хочу, чтобы ты выбрал людей, которые его встретят, сопроводят и доставят к границе», — и попросил Монхе порекомендовать ему нескольких человек. Монхе назвал тех четверых, кому он дал разрешение пройти обучение на Кубе: Коко Передо, Лоро Васкеса Вьянью, Хулио «Ньято» Мендеса и Родольфо Сальданью. Фидель записал фамилии и сказал Монхе: «Всё». На этом разговор был окончен.

Монхе почувствовал огромное облегчение: беспокоиться им не о чем, у кубинцев другие планы, и, выходит, он зря

волновался, — но партии тем не менее надо было обо всем сообщить.

В июне курс обучения Монхе подошел к концу. Он отправил вышеупомянутую четверку в Боливию, а «студентам» велел остаться и продолжать подготовку на Кубе, пока партия не решит, что с ними делать. А сам Монхе, прежде чем уехать в Боливию, решил нанести краткий визит в Москву.

Перед отъездом кубинцы предложили ему сделать остановку в Праге, потому что «кое-кто» хотел бы его там увидеть. Но Монхе не захотел ехать в Прагу, заподозрив, что кубинцы хотят устроить ему ловушку.

Монхе не раскрывает, зачем он ездил в Москву и с кем он там встречался, но можно предположить, что в Кремле он рассказал о просьбе Фиделя и поведал, куда направляется Че. Раздражение Кремля действиями кубинских «поджигателей» все нарастало, поэтому нетрудно догадаться, какова была реакция. Без сомнения, Монхе посоветовали постоять за себя — ведь он был как-никак главой боливийской компартии — и не позволять Че и Фиделю себя запугивать. Как выяснится позже, именно это Монхе и попытается сделать.

VII

С помощью Фиделя Че начал готовить почву для нового «предприятия ради общего дела». Он надеялся в конце концов оказаться в Аргентине, но условия для этого нужно было подготовить в Боливии. Там, как предполагал Че, к борьбе присоединятся партизаны из соседних стран, а потом они создадут союзнические партизанские армии в своих странах. Когда восстание в Аргентине пойдет полным ходом, он покинет Боливию и примет на себя командование.

Именно ради этой конечной цели, по словам кубинцев, Че и направил в Ла-Пас Таню. Некоторое время она могла предоставлять им ценные разведданные о режиме и политической ситуации в Боливии, а также служить связующим звеном с партизанами в соседних странах, в первую очередь в Аргентине.

Пока что этот выбор полностью себя оправдывал. Таня прибыла в Ла-Пас под именем Лауры Гутьеррес Баэур и за два месяца обзавелась ценными знакомствами среди политиков и дипломатов, получила разрешение на жительство и работу и даже устроилась волонтером в Комитет по исследованию фольклора при Министерстве образования. Помимо того, она преподавала немецкий.

Одним из наиболее полезных знакомых, которыми она обзавелась, был Гонсало Лопес Муньос, пресс-секретарь президента Баррьентоса. Он дал Тане удостоверение сотрудника еженедельного журнала, который издавал. К концу 1965 г. она нашла себе подходящего «жениха», молодого боливийского студента-инженера, и вышла замуж. Это позволило Тане получить боливийское гражданство, а от мужа можно было отделаться, выделив ему стипендию и отправив учиться за границу — эту идею она заранее внушила своему простодушному «избраннику».

В январе 1966 г. к Тане наведался один из агентов Пиньейро, приехавший под видом бизнесмена. Он привез Тане спрятанное в каблуке ботинка письмо, в котором сообщалось, что она удостоена членства в Коммунистической партии Кубы. В апреле Таня отправилась в Мексику, где от другого агента получила новый аргентинский паспорт. В Ла-Пас она вернулась в начале мая с указанием затаиться, пока с ней не свяжутся снова.

Чтобы исключить риск раскрытия Тани, Че приказал Папи свести общение с ней к минимуму. Также он запретил Тане участвовать в начальной стадии партизанской войны. Она была слишком ценна как глубоко внедрившийся агент, и нельзя было ею рисковать. К тому же Че Таня требовалась в качестве курьера, который беспрепятственно сможет перемещаться в Аргентину, Перу и другие страны, где Гевара собирался вербовать бойцов.

Однако Папи уже с мая поддерживал регулярные контакты с Таней, а Помбо и Тума прибыли с приказами от Че лишь в конце июля. Папи не только ввел ее в курс дела относительно плана партизанской войны, но и представил агенту, направленному для осуществления связи с Гаваной, Ренану Монтеро, также известному как Иван.

Аргентина, как всегда, занимала огромное место в мыслях Че, и, когда до приезда в Боливию оставалось лишь несколько месяцев, он стал работать и в этом направлении. В мае 1966 г. Пиньейро вызвал в Гавану Сиро Бустоса.

Бустос предположил, что его ждет встреча с Че. Но вместо этого его в одиночестве поселили на конспиративной квартире. Туда регулярно приезжала специальная машина, доставлявшая ему еду и пиво в банках. В ожидании Бустос провел там несколько недель, не имея абсолютно никакой информации о том, сколько еще придется ждать и зачем его вообще сюда привезли. В конце концов, не вынеся томительного ожидания и узнав, что его друг по прозвищу Волосатый теперь является командующим войсками в Орьенте, Бустос вылетел в Сантьяго. Волосатого он нашел на военной базе в Майяри.

Бустос рассказал ему о своем положении, и Волосатый сразу

связался с кем-то по радио. Состоялся долгий разговор, перемежаемый руганью (Бустос предполагает, что говорил он с Пиньейро). Волосатый требовал, чтобы с Бустосом обращались «как полагается» и устроили ему встречу с «этим человеком» (предположительно Че).

Когда Бустос вернулся на конспиративную квартиру, все изменилось. Ему сообщили, что Че ждет от него отчета, и как можно скорее. К нему прислали стенографистку. «Я надиктовал отчет о нашей работе и политической ситуации в Аргентине, сообщив о возможном военном перевороте, который потом действительно произошел, еще до моего возвращения в страну». В конце концов Бустосу сказали, что на этот раз он не сможет увидеться с Че и что в Кордове ему нужно ждать связного, однако когда именно его ждать и кто это будет, не сообщили.

Прежде чем вернуться в Аргентину, Бустос пережил весьма странное и загадочное приключение. По приглашению правительства Мао он отправился в Китай, где провел три недели. Там ему оказывали почести как главному аргентинскому соратнику Че. В ходе нескольких встреч китайские правительственные чиновники предлагали провести военное обучение «людей Че» и обеспечить их материальной и финансовой поддержкой. Но, как выяснил Бустос во время встречи в Пекине с заместителем председателя Всекитайского собрания народных представителей, у этого соблазнительнейшего предложения был один «нюанс»: его попросили публично отречься от Фиделя Кастро, «вступившего в союз с империализмом». Пораженный, Бустос немедленно отказался, и «поездка доброй воли» вскоре закончилась. Когда впоследствии Бустос встретился с Че в Боливии и рассказал ему об этих неприятных событиях, Гевара рассмеялся и сказал: «Тебе повезло. Там уже начиналась так называемая культурная революция, запросто могли и яйца открутить». Че так и не открыл Бустосу, не он ли сам устроил эту поездку.

Не рассказал Гевара и о том, какие дела были у него самого с китайцами. Далее события развивались столь стремительно, что больше возможности обсудить это у них не возникло.

VIII

К концу лета будущие участники боливийской операции Че были отобраны, всех их доставили в секретный лагерь в восточной кубинской провинции Пинар-дель-Рио. Он находился в районе под названием Виньялес, главной природной

особенностью которого являются *моготес* — большие холмы, по форме напоминающие огромные луковицы, вздымающие свои крутые бока над табачными полями и речными долинами. Базовый лагерь располагался в весьма любопытном месте. Это была роскошная загородная вилла на вершине одного из моготес, с наполняемым из реки бассейном. Раньше она принадлежала американцу, которого обвинили в работе на ЦРУ. Виллу экспроприировали, и теперь она служила стартовой площадкой для очередного выступления Че против янки.

Для нового предприятия Че отобрал разномастную компанию. В нее входили несколько его соратников по Конго, кое-кто из сражавшихся с ним в сьерре и члены его корпуса охраны. Все они были привезены на самолетах из разных частей Кубы в Гавану, где их доставили в кабинет Рауля Кастро. И при этом ни один человек не знал, зачем их сюда привезли. В конце концов Рауль сообщил, что им оказана огромная честь быть отобранными для выполнения «интернационального задания».

Всего участников операции было около дюжины. Среди них был Дариэль Аларкон Рамирес по прозвищу Бениньо, крепкий поджарый гуахиро под тридцать, доказавший свою храбрость в боях в сьерре и в отряде Камило; последний раз ему довелось сражаться в Конго, где он также показал себя отважным бойцом. Элисео Рейес («Рональдо»), двадцати шести лет, также был ветераном сьерры, участвовавшим в долгом переходе с Че в Эскамбрай. Умный и преданный делу, он некоторое время служил руководителем службы разведки, а затем сражался против контрреволюционеров в Пинар-дель-Рио.

«Оло» Пантоха, он же Антонио — тридцатипятилетний боец, бывший одним из офицеров Че в сьерре и потом инструктором у Мазетти. Младший брат «Папи» Мартинес Тамайо, Рене, он же Артуро, являлся опытным военным, ветераном тайной службы госбезопасности. Двадцатидевятилетний Густаво Мачин де Худ, «Алехандро», был выходцем из «Революционной директории» и к войскам Че присоединился в Эскамбрае; впоследствии он работал одним из заместителей Гевары на посту министра промышленности. «Мануэлю», или Мигелю Эрнанде Осорио, было тридцать пять лет, и он вел передовой отряд сил Че во время перехода в Эскамбрай.

Сотоварищем Че, прилетевшим из Праги, а также его личным курьером, ездившим в Ла-Пас, был тридцатиоднолетний Альберто Фернандес Монтес де Ока. Этот человек, известный также под прозвищами Пачо и Пачунго, до вступления во время войны в «Движение 26 июля» был учителем. Имелось и три чернокожих бойца, помимо Помбо. Один из них — Октавио де ла Консепсьон

де ла Педраха, получивший в Конго прозвище Морогоро, — был врачом, ветераном войны против Батисты и кадровым офицером кубинских вооруженных сил. Ему исполнился тридцать один год. Тридцатитрехлетний Исраэль Рейес Сайас, «Браульо», был одним из старых бойцов Рауля, также кадровым военным. В Конго он сражался вместе с Че под прозвищем Аси. Леонардо «Тамайито» Тамайо, или Урбано, как его теперь называли, с 1957 г. служил в охране Гевары.

Хуан «Хоакин» Виталио Акунья, самый грузный и самый старший из всех (ему был сорок один год), сражался в войсках Че во время войны и ближе к концу ее сам получил ранг команданте. Еще одним членом ЦК и кадровым офицером был Антонио Санчес Диас, имевший прозвища Маркос и Пинарес. Он являлся одним из офицеров Камило Сьенфуэгоса и получил звание команданте после победы повстанцев. Наконец, среди них был Хесус Суарес Гайоль, он же Рубио, тридцати лет, друг Орландо Боррего со времен Эскамбрая, а теперь его помощник на посту замминистра сахарной промышленности.

Никто из участников операции не знал, куда их отправят сражаться и кто будет их командиром, пока однажды к ним в лагерь не прибыл незнакомец в гражданском — лысеющий человек средних лет. Рамон собрал их и стал распекать на все лады. Только когда шутка зашла слишком далеко и Элисео Рейес всерьез оскорбился, Рамон открыл, кто он есть: Че. С этого дня Гевара стал жить вместе с ними, руководил их боевой и физической подготовкой и, как всегда, организовал ежедневные занятия, на этот раз с целью «культурного просвещения»: французский и новый язык — кечуа. Они отправлялись в Боливию.

К августу было определено базовое место для начала операции в Боливии: участок дикой местности площадью в полтора гектара в отсталом юго-восточном регионе страны, через который текла река Ньянкауасу. Он находился в холмистой и лесистой местности, примыкающей к восточным предгорьям Анд, и на границе обширной тропической пустыни, *чако*, простирающейся на восток в направлении Парагвая. Лагерь располагался в двухстах пятидесяти километрах по грунтовой дороге к югу от Санта-Круса и примерно на таком же расстоянии от аргентинской границы. Ближайшим городом был Лагунильяс, находившийся в двадцати километрах. А в нескольких часах езды к югу располагался городок Камири, где имелся военный гарнизон.

Вернувшись с Кубы, Монхе выполнил данное Фиделю обещание: он поручил прошедшим на Кубе обучение

однопартийцам сделать приготовления к прибытию Че, закупить снаряжение и оружие, арендовать дома и подыскать транспорт. Папи, приехавший в Боливию без четких указаний по поводу того, где выбирать место для базирования, дал согласие на покупку участка. По совету Монхе выбрали Ньянкауасу.

Многие годы спустя Монхе признался, что выбор этот был почти случайным и определенно не «стратегическим». Он направил Коко, Лоро и Сальдонью на поиски хорошей базы «поближе к аргентинской границе» — полагая, что именно туда направляется Че, — и через две недели Лоро вернулся с сообщением, что нашел Ньянкауасу. По словам Монхе, он глянул на карту, решил, что место расположено достаточно близко к Аргентине, и дал добро. 26 августа Лоро и Коко под видом фермеров, желающих начать разведение свиней, купили этот участок земли.

Когда в конце июля к Монхе приехали Помбо и Тума и сообщили, что планы изменились и «континентальные» партизанские операции начнутся в Боливии, а не в Перу, Монхе сказал им, что согласен. Тогда кубинцы осторожно сообщили ему, что возможно личное участие Че в деле, и Монхе выразил желание самому отправиться на место и согласился предоставить еще людей для создания партизанского фронта в сельской местности, хотя по-прежнему подчеркивал, что предпочел бы «народное восстание».

Однако несколько дней спустя Монхе заговорил по-иному, заявив, что не помнит, чтобы обещал кубинцам больше людей, и пригрозил, что может вообще лишить их помощи своей партии. Он подчеркнул, что намерен контролировать ситуацию в своей стране. Монхе возмущало, что кубинцы пытаются диктовать условия боливийцам. Он напомнил, что дал согласие на то, чтобы его партия помогла переправить Че в Аргентину, а также на то, чтобы посодействовать партизанам в Бразилии и Перу, но Боливия как таковая никогда не была предметом обсуждения. Кубинцы постарались его успокоить, и Монхе отступил, но с того времени между ними возникло взаимное недоверие.

Одной из причин резкого заявления Монхе стали итоги всеобщих выборов в Боливии, прошедших в конце июля. Коммунистической партии было разрешено выдвинуть своих кандидатов, и Монхе с коллегами по политбюро решили участвовать в выборах, одновременно сказав своим радикалам, таким как Коко Передо, прошедшим обучение на Кубе, что они просто откладывают «вооруженную борьбу», но не отказываются от нее. На выборах партия получила некоторое количество голосов, и для умеренного ее крыла это был аргумент в пользу

того, чтобы продолжать работать внутри существующей системы.

В начале сентября Че для оценки ситуации направил в Ла-Пас Пачо. Кубинцы стали выяснять симпатии боливийских партийцев: примкнут ли они к ним в случае, если партизанская война будет начата независимо от партии? Кто-то, как, например, Коко Передо, сказал им, что будет сражаться до последней капли крови, тогда как на некоторых других, послушных воле партии, явно не следовало рассчитывать. Тем временем Че передал, что хочет расположить партизанскую базу в Альто-Бени, тропическом сельскохозяйственном регионе в верхней части бассейна Амазонки, к северо-востоку от Ла-Паса и на другом конце страны по отношению к Ньянкауасу. Он велел своим агентам купить там землю и перевезти туда оружие, которое они хранили в Санта-Крусе.

Монхе же узнал от партийных осведомителей, что в разных частях боливийской провинции был замечен Режи Дебре: его видели в Кочабамбе, Чапаре и в Альто-Бени — все это регионы, которые кубинцы рассматривали, выбирая место для организации партизанской базы. Также он услышал, что Дебре встречался с лидером шахтеров Мойсесом Геварой, диссидентом, отколовшимся от прокитайской фракции Оскара Саморы. Монхе обвинил кубинцев в том, что они действуют у него за спиной, и потребовал сообщить ему, имеют ли они какие-то дела с «раскольником» Геварой. Кубинцы отрицали, что знают о поездках Дебре по стране, и заверили Монхе, что никаких связей с Мойсесом Геварой у них нет. Конечно же, оба утверждения были неправдой. Че отправил кубинцам сообщение, в котором разъяснял задачу Дебре: набрать людей Мойсеса Гевары и оценить, насколько подходит для дела район Альто-Бени, выбранный им в качестве стартовой площадки для начала войны.

Помбо, Папи и Тума оказались в сложной ситуации. У них уже была партизанская база, но на юго-востоке. Компартия как будто их поддерживала, и система была уже создана. Они сказали Че, что все это получилось благодаря их сотрудничеству с Монхе и, как бы нелегко с ним ни было, кроме него, у них сейчас никого нет. Что же до Мойсеса Гевары, то он пообещал присоединиться к вооруженной борьбе, но пока не предоставил бойцов и требует денег. Они уговаривали Че еще раз обдумать свои решения.

Мало того, у них уже были налажены контакты с перуанскими партизанами, и те рассчитывали, что станут главными получателями кубинской помощи в регионе. Во главе повстанцев стоял Хуан Пабло Чан, перуанец китайского происхождения, как две капли воды похожий на Мао. В Ла-Пасе с кубинцами работал агент Чана, Хулио Даниньо Пачеко по

прозвищу Санчес, но он и его товарищи были разочарованы тем, что кубинцы переместили свое главное внимание на Боливию. Кубинцы старались быть дипломатичными, устраивали с Санчесом встречи, чтобы успокоить его и разъяснить новый план.

В итоге, хотя Че и дал приказ найти место в Альто-Бени, помощникам оказалось трудно его выполнить. Они отправили ему подробный отчет, в котором описывали преимущества Ньянкауасу, где была уже куплена земля, и указывали на то, что регион Бени очень густонаселен и там не купить большого участка земли, который им необходим. В конце концов Че согласился, сообщив им, что купленная ферма на первое время подойдет.

Уже наступил октябрь, но многие вопросы так и не были решены. Монхе снова выкинул номер, объявив, что ЦК проголосовал за вооруженную борьбу, но подчеркнув, как обычно, что руководить ею должны боливийцы. Он намеревался поехать в Гавану, чтобы добиться понимания со стороны кубинского руководства. Хотя дело это было, очевидно, срочное, Монхе сначала нанес визит в Болгарию. На Кубу он прибыл только в конце ноября. Там ему не удалось найти человека, который все больше превращался в его врага. Че уже уехал в Боливию, решив появиться там без предупреждения. О приезде знал только очень узкий круг его кубинских товарищей.

Как вспоминает Монхе, когда он встретился с Фиделем, кубинский лидер позволил ему высказать свое мнение, что революцией в Боливии должны руководить боливийцы, но отложил решение вопроса, сказав, что им с Че нужно «встретиться и поговорить». Кастро поинтересовался, где Монхе будет ближе к Рождеству, и, когда узнал, что в Боливии, объявил, что встреча будет назначена примерно на это время.

Монхе вернулся в Боливию в середине декабря, более чем когда-либо уверенный, что кубинцы его обманули.

IX

О присутствии Че на Кубе не было известно никому, кроме Фиделя, бойцов из учебно-тренировочного лагеря и нескольких высокопоставленных персон в руководстве страны. Среди этих немногих был и Орландо Боррего. Ему не исполнилось еще и тридцати, а он уже занимал пост министра сахарной промышленности. Однако он очень хотел поехать сражаться вместе с Че. Узнав, что Че выбрал для участия в операции в Боливии его заместителя, Хесуса Санчес Гайоля, Боррего

попросил, чтобы взяли и его. Че отказался, но пообещал, что Боррего сможет принять участие в событиях потом, на стадии, когда революция будет прочнее стоять на ногах.

Была и другая причина, по которой Че хотел, чтобы его протеже остался на Кубе. После одной из своих тайных встреч с Че за границей Алейда привезла для Боррего особый подарок. Это была книга «Политическая экономия», личный экземпляр Че, весь испещренный его пометками. «Политическая экономия» была официальным советским учебником сталинской эпохи, в котором содержались «правильное» толкование и руководство по применению учений Маркса, Энгельса и Ленина на практике, для строительства социалистической экономики. К книге прилагалась масса записей самого Че, многие из которых были крайне критичны. В них он открыто ставил под вопрос ряд основных принципов «научного социализма», как это называлось в СССР. Также он передал Боррего очерк своей теории «бюджетной финансовой системы». Че предполагал написать новое руководство по политэкономии, более подходящее для современного периода и такое, которым могли бы пользоваться развивающиеся страны и революционеры третьего мира. А свою собственную экономическую теорию он хотел издать в виде книги. Поскольку Че знал, что ни на одно из этих дел времени у него не будет, то доверил завершение всей работы Боррего.

К посылке прилагалось и письмо от Че: он писал, что просит Боррего как следует потрудиться над его заметками. Также он уговаривал его «потерпеть» с Боливией, велев «быть готовым ко второй стадии».

Критикуя сталинский учебник, Че писал, что со времен, когда создавал свои труды Ленин, мало что было сделано для усовершенствования идей Маркса, за исключением небольшого числа работ Сталина и Мао. Ленина он критиковал за то, что тот ввел в Советском Союзе капиталистические формы конкуренции, чтобы дать толчок развитию экономики в начале 20-х годов. Ленин виноват во многих ошибках советских коммунистов, и, хотя, как снова и снова повторял Че, он испытывает «восхищение и уважение» к этому человеку, СССР и страны социалистического блока обречены на «возврат к капитализму».

Боррего в ошеломлении читал эти строки и думал про себя: «Че очень дерзок, это же просто еретичество!» Он признается, что тогда решил, что Гевара зашел слишком далеко, и не поверил этим зловещим предсказаниям. Как показало время, Че был прав.

Как понял Боррего, Че надеялся, что его работы так или иначе увидят свет. «Даже если он понимал, что у нас по ряду причин не пойдут по предлагаемому им новому пути, он,

наверное, надеялся, что сможет сам опробовать свои идеи, если ему удастся победить в Боливии или другой стране». На Кубе Боррего так и не нашел «подходящего момента» для публикации работ Че. Говорят, что Фидель считает их весьма опасными даже в нынешних условиях и пока не разрешает их обнародовать.

Пока Че находился в Конго и Праге, Боррего вместе с Энрике Ольтуски не покладая рук несколько месяцев трудились над «собранием его сочинений». В итоге у них получилось семь томов под названием «Че и кубинская революция». В это собрание вошли все работы, начиная с «Партизанской войны» и «Эпизодов революционной войны» и заканчивая речами Че и подборкой его писем и статей, включая некоторые ранее не публиковавшиеся. Че был и удивлен, и обрадован, когда Боррего показал ему это собрание, однако, просмотрев книги, со свойственной ему сухостью заметил: «Ну и винегрет у тебя получился».

Боррего напечатал двести комплектов семитомника и первый из них передал Фиделю, но широкая общественность так и не увидела этого издания. Книги получили руководители страны и люди из особого списка, составленного Че накануне отъезда с Кубы. В общей сложности распространено было лишь около сотни комплектов, а остальные остались на складе. В 1997 г., в тридцатилетнюю годовщину смерти Гевары, кубинское правительство наконец разрешило выпуск трудов Че «в сокращении» для всеобщего пользования.

X

Боррего тяжело было думать о надвигающемся отъезде Че, и в остававшиеся дни он старался проводить с ним как можно больше времени. Он часто ездил в дом в Пинар-дель-Рио. Равно как и Алейда.

Боррего находился рядом с Че и во время его последнего перевоплощения «в другого человека». Че не только, как всегда, вставил себе зубные протезы, делавшие его лицо толще, но и выщипал солидную часть волос на голове, чтобы приобрести вид лысеющего человека, которому уже за пятьдесят. Боррего сидел подле Гевары, пока «специалист по физиогномии» из кубинской разведки один за другим выдергивал Че волоски. Когда боль стала невыносимой и Гевара вскрикнул, Боррего рыкнул на парикмахера, что надо быть поаккуратней, но Че осадил его, сказав: «Не лезь не в свое дело».

Однажды в октябре, когда до отъезда Че оставалось уже совсем недолго, в учебно-тренировочном лагере устроили банкет

и Боррего привез в качестве угощения свое любимое клубничное мороженое. Расставили столы, и все расселись. Когда наступило время десерта, Боррего, съев свою порцию мороженого, встал за второй. Тут Че громко сказал ему: «Эй, Боррего! Ты в Боливию не едешь, зачем тебе добавка? Дай полакомиться тем, кто едет!»

Эти слова больно ранили Боррего. Слезы сами собой брызнули у него из глаз. Не говоря ни слова, он встал и ушел, весь пылая от стыда и негодования. И вдруг он услышал за спиной приближающиеся шаги. На голову ему мягко легла чья-то рука и поворошила волосы. «Прости за то, что я сказал, — прошептал Че. — Ну-ну, ничего же страшного не случилось. Возвращайся». Не глядя на него, Боррего сказал: «Отвали». «Это самая большая обида, которую за всю жизнь нанес мне Че», — вспоминает он.

Когда, в довершение своего преображения, Че надел костюм и шляпу, он стал похож на мексиканского актера Кантинфласа. В таком виде за день-два до отъезда Фидель представил его группе кубинских министров как своего иностранного друга. По словам Фиделя, человека в костюме никто не узнал.

О своем прощании с Че сам Кастро рассказывает так. Они обнялись — без лишних нежностей, по-мужски, как подобает двум старым товарищам по оружию. Однако Бениньо, присутствовавший при этом расставании, вспоминает, что оно было очень трогательным.

Че устроил прощальный банкет. Все присутствовавшие чувствовали значимость момента: пришла пора выступить в бой, чтобы «освободить» Южную Америку. Была приготовлена особая трапеза: асадо, красное вино, жареный поросенок и пиво, — Че хотел, чтобы обед был «аргентинско-кубинским». Фидель много говорил: давал Че советы, подбадривал, напоминал об их былых днях в сьерре, — и все, забыв о еде, завороженно слушали его. Так прошел не один час. Наконец, увидев, что время близится к рассвету, Че вскочил: пора было ехать в аэропорт.

Че и Фидель коротко обнялись, а потом отстранились, не отнимая рук, и долго и пристально смотрели друг на друга. Затем Че сел в машину и сказал: «Поехали, черт побери!» После его отъезда, вспоминает Бениньо, лагерь погрузился в печальное молчание. Фидель не уехал, но отошел в сторону и сел в одиночестве. Он опустил голову и долго не менял позы. Многие подумали, уж не плачет ли он, но подойти никто не решился.

Последние несколько дней были наполнены переживаниями для всех, но особенно трогательными и горькими были встречи Че с Алейдой и детьми. Детей привозили к нему домой. Но Че не мог раскрыть, что он их отец. Его представили как «дядю

Рамона». Он сказал, что привез малышам весточку от отца. Они пообедали все вместе, и дядя Рамон сидел во главе стола, так же как это делал папа.

По словам Боррего, самой мучительной для Че была встреча с трехлетней дочерью Селией, которую привели к нему отдельно. Че стоял рядом с малышкой, но не мог коснуться ее и взять на руки, как это сделал бы отец, потому что нельзя было быть уверенным, что ребенок не выдаст тайну.

Конечно, встреча с детьми была также и последней проверкой его маскировки: если уж собственные дети его не узнают — не узнает никто. Единственной, с кем Че не встретился, была Ильдита. Старшей дочери было десять лет, и она могла признать отца даже в замаскированном виде.

Максимум что мог сделать Че, это попросить детей поцеловать его, чтобы он передал их поцелуй отцу. В другую встречу пятилетняя Алюша подошла к нему и чмокнула в щеку, а потом отбежала к Алейде и сказала громким шепотом: «Мама, мне кажется, этот дяденька влюблен в меня». Че услышал эти слова, и глаза его наполнились слезами. Алейда и сама готова была разрыдаться, но сдержалась, не желая огорчать детей.

В последний их приезд дядя Рамон попрощался с женой и детьми. Они видели друг друга в последний раз, и судьба распорядилась так, как Че Гевара когда-то предсказал в своем прощальном письме, что самый младший из детей не сохранит об отце никакого воспоминания.

Глава 29
Необходимая жертва

Мы должны принести в жертву Боливию, чтобы в соседних странах началась революция.

Че, в разговоре с партизанами в Боливии, декабрь 1966 г.

Где бы ни застала нас смерть — мы приветствуем ее.

Че, из «Послания народам мира», отправленного на Конференцию трех континентов, апрель 1967 г.

I

Анализируя причины поражения в Конго, Че признавал, что одной из его роковых ошибок был «шантаж личным присутствием», когда он без предупреждения появился среди конголезских повстанцев и взял руководство на себя. Это вызвало враждебность и подозрительность со стороны местных лидеров, писал он в «Эпизодах революционной войны», Че поклялся больше не совершать эту ошибку. И тем не менее, прилетев в Боливию в начале ноября 1966 г., он один в один повторил свой конголезский «шантаж», снова появившись на чужой территории без приглашения, убежденный, что руководство боливийской компартии, будучи поставлено перед фактом его присутствия, не откажется от ведения партизанской войны. На этот раз эта его ошибка окажется действительно роковой.[45]

Хотя начиналось все очень даже неплохо. 3 ноября Че — а точнее Адольфо Мена Гонсалес, уругвайский бизнесмен средних лет — вместе с Пачо прибыл в Ла-Пас, где его встретили ближайшие помощники: Папи, Помбо, Тума и Ренан. Он поселился в номере комфортабельного отеля «Копакабана», расположенного на красивом бульваре Прадо в центре Ла-Паса.

Гевара сфотографировал себя в зеркале платяного шкафа в

номере: сидящий на кровати пухлый человек с лысеющей головой внимательно, с непроницаемым выражением лица смотрит в объектив.

Однако терять время Че был не настроен. Через два дня в сопровождении Помбо, Тумы, Папи, Пачо и боливийца Лоро Васкес Вьяньи он выехал в Ньянкауасу. Дорога заняла три дня.

По пути, во время одной из остановок на обед, Че наконец открыл Лоро, кто он такой, попросив не сообщать партии о его приезде, пока он сам не побеседует с Монхе.

II

К Новому году у Че стали отрастать волосы и снова появилась редкая бородка. В Ньянкауасу прибыли его кубинские товарищи и партизан-перуанец по прозвищу Эустакио; они присоединились к боливийцам, уже находившимся там и проходившим обучение. В его войске было двадцать четыре человека, лишь девять из них являлись боливийцами: в их числе Инти, старший брат Коко Передо, и Фредди Маймура, бывший студент-медик, боливиец с японскими корнями.

Бойцы построили основательный лагерь, а также подсобную базу в лесу на расстоянии нескольких часов ходьбы от так называемого «Каса де Каламина» — крытого железом кирпичного здания, центра их будущей «фермы для разведения свиней и для лесозаготовок».

Хлеб участники операции пекли в глиняной печи, также имелись домик для сушки мяса и примитивный амбулаторный пункт. Они выкопали яму под отхожее место, ходы и пещеры для хранения провизии, боеприпасов и секретных бумаг. В одной из пещер установили радиопередатчик, чтобы отсылать и получать шифрованные сообщения из Гаваны. Постепенно формировалось и городское подполье в Ла-Пасе. Боливийцы Родольфо Сальданья, Коко Передо и Лоро Васкес Вьянья постоянно покидали лагерь для закупки всего необходимого, передачи сообщений и для того, чтобы привезти новых бойцов и оружие.

Однако Че беспокоило преобладание в «боливийской армии» иностранцев. Забегая вперед, заметим, что в итоге национальный состав партизан (не принимая в расчет городское подполье) будет следующим: один аргентинец (Че), одна немка (Таня), три перуанца, шестнадцать кубинцев и двадцать девять боливийцев. Более того, уже сейчас стали появляться признаки конкуренции и разногласий между кубинцами и боливийцами. Когда Хуан Пабло Чан сообщил, что хочет направить Че двадцать бойцов из Перу,

тот попросил его не делать этого, так как не хотел «интернационализировать» свои ряды до того, как к делу будет привлечен Монхе. К началу операции Че надеялся иметь у себя хотя бы двадцать боливийцев. А для этого ему нужен был Монхе.

Несмотря на все меры предосторожности, появление чужаков скоро привлекло внимание немногих соседей, имевшихся у них в этом захолустье. Еще до прибытия Че стало известно, что Сиро Альгараньяс, их единственный близкий сосед, распространяет слух, будто новоприбывшие занимаются торговлей кокаином (уже тогда эта профессия становилась весьма популярной в этой богатой кокой стране). Дом и свиноферма Альгараньяса находились у дороги на пути к их дому, и, чтобы попасть в «Каса де Каламина», нужно было идти через его территорию. Хотя всю неделю Альгараньяс жил в Камири, на ферме постоянно находился его работник. И уже в один из первых своих «разведывательных» приездов Помбо и Пачо были замечены этим человеком.

В конце декабря Че ожидал приезда Монхе, и, прежде чем гость прибыл в лагерь, Гевара рассказал своим бойцам о предложениях, которые он сделает секретарю компартии. Он будет настаивать на своем назначении командующим и заведующим финансами, однако на политическое руководство претендовать не будет. За поддержкой извне он предложит обратиться к Советскому Союзу и Китаю, для чего можно направить Мойсеса Гевару в Пекин с письмом от Че к Чжоу Эньлаю — попросить китайцев помочь «без всяких условий». А Монхе поехал бы в Москву «вместе с одним из товарищей, который мог бы потом сообщить, сколько денег Монхе получит от Кремля».

План Че показывает, что он умел сгладить расхождения между прокитайски и просоветски настроенными коммунистами в Боливии и использовать обе социалистические державы в одном деле. Если Че мог умиротворить противоборствующие стороны на маленьком клочке земли в Южной Америке, то можно было надеяться на социалистическое единство и в большем масштабе. В заключение он сказал: «Мы должны принести в жертву Боливию, чтобы в соседних странах началась революция. Нужно создать в Америке еще один Вьетнам, с центром в Боливии».

Че видел впереди потрясающую, почти фантастическую перспективу — и начало войны, и распространение ее в соседние страны были лишь первыми стадиями грандиозных событий. На третьей стадии южноамериканские войны приведут к вторжению США. Интервенция будет на руку партизанам, потому что их борьба приобретет патриотический оттенок. Как и вьетнамцы, они

станут сражаться против иноземных захватчиков. Отвлекшись на Латинскую Америку, США вынуждены будут действовать на разных фронтах, и это подорвет их силу. В конце концов набирающий силу пожар заставит Китай и СССР прекратить вражду и объединиться с революционерами по всему миру, чтобы уничтожить американский империализм раз и навсегда. Для Че события в Боливии должны были стать лишь первым выстрелом в новой мировой войне, которая наконец определит, при каком строе будет жить планета: капиталистическом или социалистическом. Однако сначала нужно было встретиться с Марио Монхе.

31 декабря Монхе привезли в Ньянкауасу. Они с Че ушли в лес, где и состоялся разговор. Монхе заявил, что намерен полностью руководить вооруженной борьбой в Боливии. Также он потребовал, чтобы не было никакого объединения с прокитайскими группами. Че ответил, что может отказаться от альянса с прокитайски настроенными коммунистами, но в вопросе командования был непреклонен. Он сам будет главнокомандующим, потому что лучше подготовлен для этого. Да и политические решения он тоже сможет принимать лучше. Однако Гевара предложил Монхе стать «номинальным руководителем» партизанской операции, если это ему нужно, чтобы «сохранить лицо».

Затем, уже в лагере, Монхе сказал бойцам, что он откажется от поста главы партии и будет с гордостью сражаться вместе с Че — не в качестве секретаря партии, а как простой партизан. Теперь же он вернется в Ла-Пас и сообщит партии о предстоящей партизанской войне, чтобы ее члены могли принять меры предосторожности, а сам он пройдет процедуру отставки и через десять дней вернется к партизанам.

Монхе либо вел тонкую игру, чтобы заставить Че предложить ему дополнительные условия, которые помогут «сохранить лицо», либо просто лгал. Перед отъездом, на следующее утро, он собрал боливийцев и сказал им, что партия не поддерживает вооруженную борьбу и те, кто останется здесь, будут исключены, а пособия, которые получают их семьи, отменены. Только четверо коммунистов находятся здесь с разрешения партии, и они не будут наказаны, однако остальным придется выбирать между партией и войной. Боливийцы выбрали последнее. Монхе уехал и не вернулся.

Рафаэль Сегарра, партийный деятель из Санта-Круса, сообщает, что по дороге из Ньянкауасу Монхе сделал остановку, чтобы встретиться с ним, и сказал ему следующее: «Дерьмо всплыло. И теперь либо мы его потопим, либо оно потопит нас».

Он посоветовал Сегарре затаиться или исчезнуть; и в последующие дни Монхе будет повсюду давать членам партии этот же совет.

Действия Монхе по-прежнему окружены туманом, который он сам же и создал. Помбо утверждает, что Монхе совершил «сознательную измену». Тридцать лет спустя после тех событий вдова Че Алейда по-прежнему считает «этого уродливого индейца» человеком, предавшим ее мужа.

Встреча Гевары и Монхе привела к катастрофе, и самоуверенная напористость Че сыграла в данном случае не менее важную роль, чем двуличность и нерешительность Монхе.

III

Че был доволен тем, что многие молодые боливийские коммунисты остались ему верны, и не сомневался в умении Фиделя договариваться с партийными функционерами, поэтому разрыв с Монхе не отразился на его оценке дальнейших перспектив. В шифрованном послании Фиделю Че рассказал о случившемся без всякого беспокойства. Вскоре Кастро ответил ему, что для урегулирования кризиса к нему приехал боливийский коммунист Симон Рейес, а в скором времени прибудет еще один, Хорхе Колле Куэто.

Да, казалось, что у Че все идет довольно гладко. Одновременно с Монхе в Ньянкауасу приехала Таня, и Гевара отправил ее в Буэнос-Айрес, чтобы вызвать Сиро Бустоса и Эдуардо Хосами — молодого журналиста, который возглавлял диссидентскую фракцию в компартии Аргентины. Тем временем полным ходом шла также работа по организации подпольной сети на территории Боливии.

По его вызову прибыл Мойсес Гевара. Че сказал Мойсесу, что ему придется распустить свою группу и стать простым бойцом, поскольку раздробленности больше нет места. Гевара-боливиец сначала был поражен, но потом согласился и сказал, что вернется в горы, чтобы набрать еще людей, после чего придет назад.

Теперь бойцы Че патрулировали местность, и в Ньянкауасу установилось подобие военной дисциплины. Конечно, имелись и всегдашние неудобства жизни в лесу: опасные насекомые, порезы и царапины, приступы малярии, — но Че старался не обращать на все это особого внимания.

Их сосед, Сиро Альгараньяс, продолжал беспокоить партизан. Он шпионил за тем, что происходило в лагере, а однажды подошел к Лоро и заговорил с ним. Сказав ему, что он «друг» и

ему можно доверять, Альгараньяс спросил, чем они тут занимаются. Лоро дал понять, что не собирается с ним ничего обсуждать, и через несколько дней в лагерь заявились военные. Они допросили Лоро, забрали у него пистолет, сообщив, что он и его приятели находятся под наблюдением, и намекнув, что если они «что-то замышляют», то пусть не забудут и о них. Все явно приняли партизан за контрабандистов и хотели урвать свою долю. После этого инцидента Че выставил посты для наблюдения за домом Альгараньяса.

1 февраля Че вместе с большей частью бойцов отправился в двухнедельный тренировочный поход в горы, оставив в лагере нескольких человек. Однако две недели превратились в изнурительные сорок восемь дней, потому что партизаны заблудились и подверглись страшным испытаниям голодом, жаждой и ливнями. Им пришлось питаться сердцевиной пальм, убивать, чтобы прокормиться, обезьян, хищных птиц и попугаев. Поскольку все были измучены и пали духом, произошло несколько стычек и ссор. Случились и трагические происшествия. Два боливийца утонули в разлившихся реках. Че оплакивал смерть партизан, но также скорбел о потере шести винтовок, утраченных вместе со вторым утонувшим.

Еще на подходе к лагерю (вернулись они 20 марта) Че понял, что во время его отсутствия что-то пошло не так: недалеко от Ньянкауасу в небе кружил небольшой самолет. От вышедшей их встречать группы он узнал, что случилось. Пока Че не было, в лагерь прибыли несколько «добровольцев» от Мойсеса Гевары. Однако им вскоре разонравилась лагерная жизнь; сыграло свою роль и то, что кубинцы взвалили на их плечи самую грязную работу. Двое новоприбывших дезертировали, были захвачены военными и, видимо, рассказали все что знают, в том числе передали разговоры о «кубинцах» и команданте по имени Рамон. За несколько дней до этого на «Каса де Каламина» совершила набег боливийская служба безопасности. К счастью, там в это время никого не было, но ходили слухи, что военные прочесывают местность. Самолет, замеченный Че, без сомнения, занимался наблюдением, в небе он кружил уже три дня подряд.

Двинувшись дальше, Че встретился с гонцами, у которых была новая порция дурных новостей. Военные только что опять побывали на «ферме», забрали одного их мула и джип и захватили курьера, шедшего в лагерь (одного из присланных Мойсесом Геварой людей). Че ускорил шаг. Когда он добрался до лагеря, то увидел, что там царит «пораженческое настроение», отметил «полный хаос» и неуверенность в рядах бойцов, а также узнал, что прибыли новобранцы.

В довершение всего выяснилось, что его ждут посетители: Режи Дебре, Сиро Бустос, Таня и Хуан Пабло Чан. Сначала Че поговорил с «Чино» Чаном. Чан планировал возглавить группу из пятнадцати человек и начать действовать в юго-восточных перуанских Андах, в районе Аякучо. Че дал согласие направить к нему нескольких кубинцев и оружие, а потом они обсудили, как будут поддерживать друг с другом радиосвязь.

Пока они беседовали, появился Лоро и доложил, что, стоя на посту, он убил солдата. Хотел того Че или нет, но война уже стучалась к ним в дверь.

Гевара поспешил заняться другими посетителями. Обговорив все детали с Чаном, он принял Дебре. Француз сказал, что хочет остаться в лагере и сражаться, но Че ответил, что ему лучше продолжать свое дело по обеспечению «европейской солидарности». Че отправит его с новостями на Кубу и напишет письмо борцу за мир Бертрану Расселу с просьбой помочь в создании международного фонда в поддержку «боливийского освободительного движения».

Потом настал черед Сиро Бустоса. Бустос еще с лета ждал в Аргентине появления обещанного связного. Через пять месяцев появилась Таня. Она сказала, чтобы он ехал в Ла-Пас. Эти слова послужили ему первым намеком на то, что Че находится в Боливии. К тому времени у него появились сомнения в правильности теории Че о партизанской войне с опорой на сельскую местность. Бустос обратился за советом к ближайшим своим товарищам в Кордове, и те настоятельно рекомендовали ему сказать о них Че при встрече.

Спешно сделав фальшивый паспорт, Бустос в конце февраля вылетел в Ла-Пас. Там ему было велено сесть на автобус, в определенное время выезжающий в город Сукре. В автобусе Бустос заметил еще одного человека европейской внешности — это был, как он скоро узнает, Режи Дебре, — а когда автобус выезжал из города, к нему стремительно подъехало такси, из которого вышла Таня и вскочила на подножку. Бустос посчитал, что она ведет себя опрометчиво и устроенная ею совместная поездка на автобусе только привлекает внимание.

В лагере они обнаружили довольно много боливийцев, но Че и большинства кубинцев не было. Почти сразу, рассказывает Бустос, Таня вытащила пачки фотографий, сделанных ею в прошлый раз, и пустила их по рукам. На снимках были запечатлены практически все. Кто-то позировал с винтовкой в руках, изображая из себя бравого партизана, другие готовили, читали, разговаривали. Недовольный, Бустос поговорил с Олой Пантохой, кубинцем, оставленным в лагере за старшего, и Оло

сразу приказал собрать фотографии.

За время долгого отсутствия Че дисциплина совсем развалилась, и Оло, как показалось Бустосу, совершенно не знал, что с этим делать. На следующий день два «добровольца» Мойсеса Гевары ушли с винтовками на охоту и не вернулись. Это был тревожный сигнал. Эта парочка видела все снимки и слышала, как все открыто обсуждали «Кубу» и другие «особые» темы. Оло отправил на поиски пропавших специальную группу, но она вернулась ни с чем. Тогда Пантоха принял решение оставить лагерь, и они ушли в укрытие дальше на холмах. Через пару дней, когда над лагерем начал кружить самолет, стало ясно, что сбылись их худшие опасения: дезертиры попались военным. В это время как раз стали возвращаться первые бойцы из ушедшего в поход отряда Че.

Увидев Че, Бустос был поражен. «Он был в рванье, одежды на нем почти не осталось. От рубашки одни лоскуты, из брючины торчит колено. И еще Че донельзя исхудал. Но, не обращая на это внимания, он обнял меня. Это меня очень тронуло».

Че вызвал Оло и остальных, кто отвечал за дела в лагере, и крайне грубо отчитал их, чем поразил Бустоса, никогда не бывавшего свидетелем такой резкости. Впоследствии он узнает, что такое поведение было для Гевары в порядке вещей. «Потом он всегда успокаивался, уходил почитать, а те, кого только что изваляли в дерьме, бродили с жалким видом».

Когда Че смог наконец поговорить с Бустосом, он первым делом спросил, почему тот не приехал раньше. Бустос ответил, что Таня не дала ему конкретных указаний по срокам. И снова он наблюдал проявление жесткости Че. Вызвав Таню, Гевара устроил ей разнос за неправильную передачу его распоряжений. «Черт возьми, Таня, что я велел тебе передать Пелао? — вопрошал он. — Зачем, мать твою, я даю тебе указания?»

Вновь повернувшись к Бустосу, Че сказал ему: «Моя цель — захватить политическую власть в Аргентине. Для этого нужно организовать специальную группу аргентинцев, чтобы создать пару отрядов, дать им набраться здесь опыта в течение года-двух, а потом выступать. Я хочу поручить это тебе. Мне нужно, чтобы ты направлял ко мне людей».

Он сказал Бустосу, что в деле переправки людей тот должен сотрудничать с Папи, а по поводу обеспечения держать связь с Помбо, и быстро назвал имена прочих людей, с которыми нужно связываться по тем или иным вопросам. Че сообщил, что планирует сформировать основное соединение из двух частей, общей численностью в пятьсот человек.

Че говорил, а Бустос про себя задавался вопросом: каким

образом он будет координировать доставку продовольствия из Аргентины в Ньянкауасу? И как он будет сотрудничать с Помбо, если тот находится вместе с Че в лесу? Все эти планы не казались Бустосу реалистичными.

Потом Че сказал Бустосу, что сейчас самое главное, чтобы он благополучно вернулся в Аргентину и принялся за работу, потому что обстановка неспокойная: партизаны обнаружены, убит солдат, и теперь только вопрос времени, когда к ним нагрянут военные.

IV

Нагрянули они через два дня, 23 марта, и Че записал в дневнике, что события в тот день были «почти боевые». Гевара расставил засады по всему периметру лагеря, и в восемь утра к нему прибежал Коко с докладом, что они напали на отряд солдат, убили семерых, а двадцать одного, в том числе четырех раненых, взяли в плен. Также они захватили приличное количество оружия. Помимо того, в руках партизан оказался документ, в котором описывались планы действий военных. Узнав из него, что они собираются наступать в два этапа, Че сразу отправил нескольких партизан в засаду на другой берег реки. Одновременно он приказал Инти Передо — который хорошо проявил себя и которого Че стал прочить в лидеры боливийцев — допросить двух взятых в плен офицеров, майора и капитана. Впоследствии Гевара записал: «Они болтали как попугаи».

Че сдержанно отзывался об этом военном успехе: его беспокоило, как они будут доставлять провизию в условиях, когда подходы к Ньянкауасу перекрыты, а партизаны вынуждены оставить свой лагерь, бросив запасы. Другой проблемой, и весьма серьезной, была неисправность радиопередатчика: они получали сообщения, но сами передать ничего не могли.

На следующий день солдаты не появлялись, но прилетел самолет и обстрелял «Каса де Каламина» с воздуха. Че снова направил Инти допросить офицеров, а потом приказал освободить пленников.

Партизанская «семья» с самого начала жила не особенно дружно, но после случая дезертирства напряжение между боливийцами и их кубинскими товарищами возросло. Надежность четырех оставшихся из присланных Мойсесом Геварой боливийцев — Пако, Пепе, Чинголо и Эусебио — открыто ставилась под вопрос, и вскоре с ними стали обращаться пренебрежительно. 25 марта Че сказал «добровольцам», что если они не будут работать, то не получат еды. Он отказал им в выдаче

табака, а личные вещи отдал «другим товарищам, которым они нужнее». В этот же день Че выбрал название для своей маленькой армии: «Армия национального освобождения».

В последующие дни партизаны в основном занимались поисками пропитания. Разведчики пришли с вестями, что невдалеке от лагеря бродят солдаты. Мало того, у дома Альгараньяса видели сразу около шестидесяти военных и вертолет. 27 марта Че записал: «Новости шли одна за другой, ими был забит эфир, было много официальных сообщений, в том числе репортаж о пресс-конференции Баррьентоса». Он отметил, что военные нагло заявляют, будто убили пятнадцать партизан и четырех захватили в плен, в том числе и двух «иностранцев». Че решил отправить первое официальное сообщение от повстанцев, чтобы опровергнуть утверждения военных и одновременно подтвердить факт присутствия партизан.

«Ясно, что либо дезертиры, либо пленные заговорили, — писал Гевара. — Но мы не знаем, что именно они рассказали… По всем признакам, Таню засекли, а значит, пошли прахом два года отличной и кропотливой работы… Посмотрим, что будет дальше».

V

А дальше последовал ураган событий, который смел все планы Че и заставил его включиться в войну, начавшуюся почти случайно, из-за череды ошибок и неудач. Теперь у него не было иного выбора, кроме как сражаться, постоянно совершать переходы и пытаться выжить. Именно так он проведет оставшееся ему время жизни.

Начало партизанской войны в Боливии потрясло страну. Правительство объявило мобилизацию. Сначала Баррьентос отзывался о партизанах пренебрежительно, но потом ухватился за добытые в их лагере сведения, чтобы заявить о вторжении иноземных захватчиков, коммунистических агентов Кастро, и воззвать к патриотическим чувствам сограждан. Сыграть на ксенофобии, чтобы настроить гражданское население против партизан, было в этой чрезвычайно националистично настроенной стране весьма эффективным приемом. Баррьентос будет постоянно разыгрывать эту карту, и то же станут делать военные.

Пока что Че в ответ на эту пропаганду мог только посылать официальные сообщения от партизан. Судя по радионовостям, военные точно знали, где находится группировка. Гевара

приказал бойцам вырыть пещеры для хранения оружия в новом лагере, который они назвали «Муравьед», потому что подстрелили там это животное.

Тем временем на Кубе для участия во «второй стадии» операции проходили подготовку более двух десятков партизан, но Боррего в их числе не было. Хотя он, вместе со своим родственником Энрике Асеведо, умолял Фиделя разрешить им поехать в Боливию, однако Кастро отказал. Присутствие партизан было преждевременно обнаружено, сообщил Фидель, и ситуация слишком нестабильна; более того, потеряна прямая связь с Че, поэтому сейчас невозможно благополучно доставить к нему новых бойцов. В своем дневнике, подводя итоги марта, Че лаконично записал: «В этом месяце было много событий». Далее он анализировал состояние своих бойцов и текущее положение дел и отмечал: «Очевидно, нам придется уходить раньше, чем я думал…»

Теперь все дни они проводили на марше или же искали убежища от военных. 10 апреля партизаны снова совершили нападение на солдат, открыв стрельбу по приблизившемуся к ним взводу. «Вскоре пришли дурные вести, — записал Че, остававшийся во время боя на командном посту. — Рубио, Хесус Суарес Гайоль, был смертельно ранен, он умер, когда его принесли в лагерь, пуля попала ему в голову». Были убиты трое солдат, еще несколько ранены и взяты в плен. Допросив пленников и определив, что навстречу им движется еще много военных, Че решил не снимать засаду. К полудню появились новые солдаты и тоже угодили в ловушку. «На этот раз, — писал Гевара, — убиты семеро, ранены пятеро и в плен взяты двадцать два».

Как вспоминает Бустос, Че оставил тело Рубио лежать всю ночь посреди лагеря. Никто не подходил к телу, но его невозможно было не видеть — мрачное напоминание о том, что может ждать каждого из них. На следующий день, после того как Че сказал несколько слов о храбрости Суареса Гайоля — а также о его роковой невнимательности, — Рубио похоронили. Пленников отпустили, передав офицеру «Коммюнике № 1» от Че, в котором тот объявлял, что Армия национального освобождения начинает военные действия.

С неохотой Че вынужден был признать, что в новостных сообщениях может быть большая доля правды: военные обнаружили первый лагерь партизан и нашли фотографии и другие свидетельства их присутствия. Туда привезли журналистов, и 11 апреля Че слушал по радио, как один из репортеров описывает обнаруженную им в лагере фотографию

мужчины — «безбородого и с трубкой». Похоже, речь шла о фотографии Че, но пока что никто не раскрыл, что это он. Двумя днями позже в новостях сказали, что США направляют в Боливию военных консультантов, якобы без всякой связи с борьбой против партизан, а в рамках долгосрочной программы военной помощи Боливии. Че ни на секунду в это не поверил и записал с надеждой: «Мы можем стать свидетелями первых событий нового Вьетнама». 20 апреля ему был нанесен новый удар: Дебре и Бустос были захвачены войсками, когда попытались уйти с линии фронта в небольшую деревню Муюпампа.

Все время с начала военных действий вопрос о том, что делать с этими двумя эмиссарами, оставался нерешенным, поскольку группа Че оказалась в форс-мажорной ситуации. По поводу Чана и Тани было решено, что они останутся пока с бойцами. Таня была «раскрыта», так как военные нашли ее джип, оставленный в Камири, вместе с документами на имя Лауры Гутьеррес Бауэр. Дебре же все больше и больше нервничал. Явно считая его слабаком, Че записал 28 марта: «Француз на все сто доказал, что может принести огромную пользу вне зоны боевых действий». Через несколько дней Че начал выводить свой отряд из расставленных ему сетей, перед этим он поговорил с Бустосом и Дебре и предложил тем на выбор: попытаться уйти самостоятельно или остаться с отрядом до тех пор, пока партизаны не дойдут до города, где можно будет без риска их оставить. Они выбрали последний вариант.

С тех пор прошли три тяжелые недели, полные новых стычек и постоянных переходов. Правительство объявило коммунистическую партию вне закона и ввело в юго-восточном регионе чрезвычайное положение.

Применяя тактику, которую они с Фиделем использовали в первые дни сражений в сьерре, Че решил застать врага врасплох, начав действовать в новом районе, вблизи деревни Муюпампа. Если получится, Бустос и Дебре смогут уйти там. А он с бойцами двинется на север, к восточным предгорьям Анд.

Гевара подготовил «Коммюнике № 2», чтобы Дебре взял его с собой, а также зашифрованное письмо Фиделю, в котором описывал нынешнюю ситуацию. По словам Бустоса, в разговоре с ним Че подчеркнул, как важно передать Кастро информацию о положении партизан. Ему срочно требуется новый радиопередатчик, кроме того, Фидель должен направить сюда бойцов, проходящих на Кубе обучение, для открытия нового фронта к северу, чтобы отвлечь внимание от его группы.

На подходе к Муюпампе Че возглавил передовой отряд, а Хоакина оставил у переправы через реку ждать его возвращения.

Чтобы двигаться вперед быстрее, он решил разбить отряд на две части, назначив Хоакина командующим арьергардом, состоявшим из тех, кто плохо себя чувствовал — у Тани и Алехандро была высокая температура — или притворялся больным, как боливийские «добровольцы». Хоакину было приказано особенно не таиться, но избегать лобовых столкновений, а возвращения Че ожидать через три дня. Че, Бустос, Дебре и остальные двинулись вперед. Когда же они приблизились к Муюпампе, то обнаружили, что военные уже заняли там позиции, а на их поиски отправлены разведчики из числа гражданского населения. Передовая группа отряда Че захватила этих разведчиков, и те во всем признались. Среди них был подозрительный тип, репортер по имени Джордж Эндрю Рот, приехавший, по его словам, чтобы взять интервью у лидера повстанцев.

Интервью ему дал Инти Передо, а Бустос и Дебре придумали план. С помощью Рота они попытаются обхитрить военных: отделятся от партизан и придут в деревню под видом журналистов. Но хитрость не удалась: их сразу арестовали. Когда Че узнал, что случилось, он спокойно сказал, каковы, по его мнению, их шансы на выживание. У обоих были фальшивые документы. У Бустоса, считал Че, «перспективы плохие», но у Дебре все «должно пройти успешно».

Теперь Че сосредоточился на том, чтобы воссоединиться с Хоакином и его отрядом, и на разработке маршрута, которым им нужно было идти, чтобы оказаться у Рио-Гранде: дальше находились горы Центральной Боливии, что дало бы им выход к Андам и, как он надеялся, позволило бы ускользнуть из расставленных армией сетей. Однако в один из следующих дней партизаны натолкнулись на вражеские патрули и понесли новые потери. Во время одной из схваток без вести пропал Лоро. В другой был смертельно ранен Элисео Рейес («Роландо»), старый боевой товарищ еще в юношеские годы служивший курьером в отряде Че в сьерре. Гевара делал все, чтобы его спасти, увы, безрезультатно.

Разведчики, посланные Че на поиски отряда Хоакина, вернулись с очередными дурными новостями. Они натолкнулись на военных, в перестрелке потеряли свои походные мешки и понятия не имели, где находится арьергард. Исходя из того, в каком месте произошло столкновение, Че сделал вывод, что оба возможных выхода к Рио-Гранде перекрыты. Идти придется через горы.

Отчаянно надеясь найти отряд Хоакина, Че и его товарищи стали продвигаться в северном направлении, прорубая себе путь через густые заросли, которыми были покрыты горы. В итоговой

записи за апрель, сделанной Че в дневнике, он описывает положение как крайне тяжелое. Рассказав о смерти Рубио и Роландо и об исчезновении Лоро, про судьбу которого по-прежнему ничего не было известно,[46] он заключал: «Видимо, мы находимся в полной изоляции, болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, что вынуждает нас разделять силы, а это очень влияет на нашу эффективность. До сих пор нам не удалось установить связь с Хоакином. Крестьянская база еще не создана, хотя, думается, с помощью планомерного террора мы сможем добиться, чтобы часть крестьян заняла нейтральную позицию, а поддержка придет позже. Ни одного новобранца у нас пока нет…»

Применение силы, чтобы добиться поддержки гражданского населения, всегда было частью используемой партизанами тактики. Че и Фидель делали это в сьерре. В предназначенных к публикации работах о кубинской партизанской борьбе Че никогда не использовал слово «террор», а, напротив, рассказывал о союзе партизан с крестьянами как о естественном и счастливом единстве. Но сейчас было не время для поэтичных высказываний, требовалось просто физически выжить, а чтобы выжить, годилась любая тактика.

Среди положительных моментов Че отмечал, что «шум» по поводу действий партизан звучит не громче, чем кубинская пропаганда в их поддержку. Уезжая с Кубы, Че оставил там свою статью, «призыв к оружию» под названием «Послание народам мира, отправленное на Конференцию трех континентов», и теперь она была издана. «После публикации моей статьи в Гаване ни у кого не останется сомнений, что я нахожусь здесь».

Захват Дебре и Бустоса стал для Че тяжелым ударом. Они были его единственной возможностью передать хоть какую-то весточку во внешний мир, и теперь он никак не мог связаться ни с Ла-Пасом, ни с Кубой.

Че и его бойцы остались абсолютно одни. Враг шел за ними по пятам, а они бежали, причем силы их были разделены на две части. Че не мог рассчитывать ни на Кубу, ни на боливийское городское подполье, не имелось у него и поддержки со стороны местных крестьян. В общем, хуже некуда. Однако, стоя перед лицом столь суровой реальности, Че завершал свою апрельскую запись на удивление оптимистичными словами: «В целом, это был месяц, в течение которого все развивалось нормальным образом, если принять во внимание неминуемые риски партизанской войны. Моральный дух всех бойцов высок…»

VI

Окончательное подтверждение того, что Че Гевара находится в Боливии, было получено от Режи Дебре. Так сообщают те, кто его допрашивал. Поначалу Дебре заявлял, что он французский журналист, не имеющий ничего общего с партизанами, но когда к нему применили более жесткие методы допроса, он не устоял и рассказал, что партизанский команданте по имени Рамон — на самом деле Че Гевара.

Дебре в любом случае не удалось бы долго продержаться, потому что о его связях с Кубой уже было прекрасно известно. Лишь несколькими месяцами ранее на Кубе опубликовали его книгу под названием «Революция в революции?», и она получила широкое распространение в Латинской Америке, вызвав бурю противоречивых мнений в левацких кругах. Основой книги стали беседы Дебре с Фиделем и выдержки из работ и выступлений Че; также там имелись его собственные наблюдения, сделанные в местах партизанских сражений в регионе. Главной целью книги было дать теоретическое обоснование призыву Кубы к коммунистическим партиям Латинской Америки выбрать «партизанский вариант».

Бустос на допросах утверждал, что является коммивояжером, симпатизирует левым взглядам, но в дела партизан оказался замешан случайно и крайне мало осведомлен о происходящем. Однако, кем он является на самом деле, стало известно через несколько недель: из Аргентины прибыли судебные эксперты, которые взяли у задержанного отпечатки пальцев и сопоставили их с теми, что хранились в Буэнос-Айресе. Когда Бустос понял, что дальше лгать бессмысленно, он, как сам сообщает, рассказал правду. Узнав, что по профессии Бустос художник, следователи попросили его набросать портреты членов партизанского отряда, что он и сделал, нарисовав заодно схему лагеря в Ньянкауасу с указанием мест расположения тайников. К счастью, о том, что в его задачи входило осуществление связи с аргентинским подпольем, так и не стало известно, благодаря чему никого из его членов не арестовали.

Американцы уже напрямую занимались боливийскими делами. Министр внутренних дел Антонио Аргедас был завербован ЦРУ. Вообще, надо сказать, фигура эта весьма загадочная: Аргедас не только работал на ЦРУ, но в прошлом был членом компартии и другом Марио Монхе. В последующие годы Аргедас будет действовать как тройной агент, сотрудничающий и с ЦРУ, и с боливийской компартией, и с кубинцами. Сейчас, тридцать лет спустя, ни один из его коллег и боевых товарищей не берется с уверенностью утверждать, кому же он был предан на самом деле в тот или иной период времени. В тесном

сотрудничестве с Аргедасом находился американский агент-кубинец, действовавший под именем Габриэля Гарсиа, он присутствовал на некоторых допросах Дебре и Бустоса. Когда пришли ошарашивающие новости о том, что Че находится в Боливии, туда срочно прибыло американское спецподразделение «зеленых беретов», чтобы сформировать «Рейнджерский батальон» для борьбы с партизанами, а ЦРУ стало проводить среди агентов отбор людей для нового задания: найти Че и не дать ему захватить плацдарм в Боливии.

Одним из кандидатов стал Феликс Родригес, кубинский эмигрант и полувоенный агент ЦРУ, сотрудничавший с США с момента создания антикастровской программы. Он работал в Никарагуа, откуда был отозван в 1964 г., после чего приступил к работе в отделении ЦРУ в Майами. К лету 1967 г. вопрос о местонахождении Че был одним из самых мучительных для ЦРУ вопросов.

«Насколько я помню, — сообщает Родригес, — в ЦРУ были шишки, в свое время утверждавшие, что Че погиб в Африке, поэтому, когда пошли разговоры, что он в Боливии, реакция многих была: нет, этого просто не может быть. Так что, только когда Дебре подтвердил эти сведения, США приняли решение действовать и развернуться в Боливии в полную силу».

В июне 1967 г. Родригесу позвонили из ЦРУ. Когда Родригес приехал в контору, его представили главе одного из отделений ЦРУ, и тот подробно рассказал о новой программе. В управлении считают, что Че Гевара находится в Боливии, и отбирают агентов в целях его «поимки». Не хотел бы Родригес отправиться на это задание? Родригес, не раздумывая, согласился.

Речь шла о задании всей его жизни, и Родригес это знал. Кроме того, ему было известно, что ЦРУ придает этому заданию высочайшую важность. «Американцы опасались, что Че захватит Боливию, — вспоминает он. — Опираясь на кубинцев, боливийцы запросто могли распространить революцию в такие значимые страны, как Бразилия и Аргентина».

Че был прав: после того как его «Послание», написанное накануне отъезда с Кубы, было опубликовано в апреле, оно вызвало сенсацию. В нем он призывал революционеров всех стран создать «второй, третий, множество Вьетнамов», чтобы влиться в международную войну против империализма. Че задавался вопросом, чего стоит так называемый «мир» в несправедливо устроенном послевоенном мире, и призывал к «долгому и жестокому» противостоянию ради уничтожения империализма и победы «социалистической революции» в целях установления нового мирового порядка.

Перечисляя качества, которые потребуются в этой битве, Че Гевара писал: «Ненависть — важный фактор борьбы; непримиримая ненависть к врагам наделяет человека особой силой, превращает его в эффективную, яростную, действующую четко и избирательно машину уничтожения. Такими и должны быть наши солдаты; народ не способный ненавидеть, никогда не одержит победы над жестоким врагом».[47]

Это должна быть «тотальная война», которую нужно вести против янки сначала на территории их имперских аванпостов, а затем и на их собственной территории. Войну следует вести «там, где живет» противник, и «там, где он отдыхает», необходимо заставить его «чувствовать себя затравленным зверем», изматывать его, пока не «будет подорван его моральный дух», и это станет первым знаком победы народных сил. Че Гевара призывал людей всех стран присоединиться к правому делу, которое уже ведут их собратья, и внести свою лепту во всемирную войну против Соединенных Штатов. «Каждая капля крови, пролитая за освобождение чужой страны, а не той где ты родился, — бесценный опыт; выжившие усвоят его и используют для освобождения своей родины. Таким образом, освобождение любого народа будет рассматриваться как успешное сражение в битве за освобождение своего собственного народа».

Далее он продолжал:

«Мы не можем не ответить на вызов времени… Каким близким и сияющим стало бы будущее, если бы на планете возникло два, три, много Вьетнамов — пусть с их квотами смертей и безмерными трагедиями, но и с каждодневным героизмом, непрерывными ударами по империализму: ударами, заставляющими его распылять свои силы и мешающими укрываться от ненависти народов всего мира!..

Наши действия — это боевой антиимпериалистический клич и призыв к объединению народов мира против главного врага рода человеческого — против Соединенных Штатов Америки. И где бы ни застала нас смерть — мы приветствуем ее, если только наш боевой клич достигнет чуткого уха, и новые руки подхватят наше оружие, и новые бойцы готовы будут пропеть нам надгробные песни — под аккомпанемент пулеметов и новых боевых кличей и криков победы».

Подобный пафос и раньше встречался в статьях Гевары, однако в этом воззвании, в котором звучали истина его убеждений и неукротимая смелость, был особенный драматизм — теперь, когда все знали, что Че на поле сражения делает именно то, о чем он написал: пытается разжечь новую и, как он надеется, последнюю, решающую мировую войну.

Феликс Родригес был вызван в ЦРУ для инструктажа. Ему показали огромную кипу документов, подтверждающих, что Че Гевара находится в Боливии, в том числе признания Дебре и Бустоса, а также рисунки, сделанные последним. 1 августа Родригес прибыл в Ла-Пас под видом «бизнесмена Феликса Рамоса». Там его уже ждал другой агент-кубинец, Густаво Вильольдо Сампера (действовавший под именем Эдуардо Гонсалеса). Он участвовал в недавней антипартизанской операции ЦРУ в Конго, а в Боливии находился с марта. Охота на Че Гевару началась.[48]

VII

К августу Че был разбит болезнями и усталостью, так же как и многие из бойцов, что еще оставались с ним. 7 августа, когда исполнилось девять месяцев со дня появления на свет их партизанской армии, он записал: «Из первых шести моих соратников двое мертвы, один пропал без вести, двое ранены, а я нахожусь во власти астмы».

С того момента, как тремя месяцами ранее попали в плен Дебре и Бустос, Че со своими бойцами продирался через колючие кустарники, перенося то иссушающие холодные ветра, то дожди, то испепеляющую жару, безуспешно пытаясь соединиться с арьергардным отрядом, который возглавлял Хоакин, и испытывая недостаток еды и питья. Они часто сбивались с нужного направления, время от времени сталкивались с армейскими патрулями, и «Радио Гаваны» было для них единственным связующим звеном с внешним миром.

Во время привалов Че читал, вел дневник и заполнял записные книжки своими размышлениями по поводу социалистической экономики, словно бы отстраняясь на время от окружающей его действительности. Многие из его дневниковых записей сдобрены черным юмором. Гевара со стороны взирал на перебранки и мелкое воровство еды, имевшие место среди его бойцов, но затем вмешивался, выносил предупреждения и читал нотации. Впрочем, большую часть времени он был просто слишком слаб для того, чтобы проявлять суровость. Однажды, в начале июня, Че даже позволил армейскому грузовику, в котором ехали «двое солдатиков, укутанных в одеяла», проползти мимо и не открыл по нему огня. В другой раз, захватив полицейского, выдававшего себя за торговца и посланного шпионить за партизанами, Че подумывал пристрелить его, но вместо этого позволил врагу уйти, ограничившись «строгим внушением». 14

июня, в день своего тридцатидевятилетия, Че рассуждал: «Я неминуемо приближаюсь к тому возрасту, когда мне всерьез придется задуматься о своем будущем как партизана. Но пока я еще в порядке».

Попытка отправить одного молодого крестьянина, сочувствовавшего партизанам, в качестве курьера, чтобы тот передал их просьбу о помощи, окончилась неудачей. В результате перестрелки Че потерял свой диктофон, утратив тем самым возможность расшифровывать послания, передаваемые по «Радио Гаваны».

В марте Ренан был отозван Пиньейро, поскольку у него истек срок действия паспорта, а замену ему так и не прислали. Отрезанные и от Че, и от Гаваны, городские участники подполья, прежде всего Лойола Гусман, Родольфо Сальдана и Умберто Васкес Вьянья, просто не знали, что им делать, и только слушали радио в слепой надежде получить какое-нибудь послание от Че. Они даже подумывали — хотя впоследствии и отказались от этой идеи — о том, чтобы притвориться странствующими торговцами и проникнуть в зону военных действий.

Друзья и товарищи Че на Кубе следили за новостями из Боливии со все возрастающей озабоченностью. Вторая группа партизан, состоявшая из нескольких десятков человек, готовилась к отправке в Боливию, но, пока контакт с Че был потерян, делать это было бессмысленно.

А Гевара ослабевал все больше и старался по возможности перемещаться на мулах и лошадях, которых партизаны отбивали у военных или покупали у крестьян. И без того больной и изнуренный, Че в конце июня вновь стал страдать от астмы, а лекарств против нее у него не было. Однажды он даже потерял сознание, и целый день товарищи несли его в гамаке; когда же больной пришел в себя, то обнаружил, что лежит в собственных испражнениях. «Мне дали запасные брюки, но из-за нехватки воды вонь от меня распространялась на целую лигу». 10 сентября Че зафиксировал в своем дневнике «историческое событие»: «Я чуть не забыл упомянуть о том, что помылся сегодня — впервые за шесть месяцев. Это настоящий рекорд».

Усталость, голод и авитаминоз ослабили всех партизан, и по дневниковым записям Че видно, что они все чаще бывали поглощены только мыслями о еде и здоровье. «Я сделал выговор Бениньо за то, что он съел банку консервов и затем пытался отрицать это, и Урбано, который коварно съел вяленое мясо».

Временами партизаны оставались без лошадей, поскольку им приходилось убивать коней и мулов, чтобы не умереть с голоду. В какой-то момент изголодавшиеся люди даже положили глаз на

мула Че, однако Гевара наотрез отказался убивать его.

Измученный болезнью и тяжелыми переходами, Че не всегда мог совладать с собой. Однажды он ударил ножом свою лошадь за то, что она двигалась слишком медленно. В результате у нее в боку открылась огромная рана. Че собрал партизан и сказал им: «Мы в тяжелом положении… Бывают моменты, когда я теряю контроль над собой; это изменится, но пока что мы должны вместе нести это бремя, и тот, кто чувствует, что у него не хватает сил, пусть честно скажет об этом». Некоторые партизаны промолчали, но большинство заявили о готовности продолжать поход.

С местными жителями установить взаимопонимание никак не удавалось. Чтобы придать своей борьбе серьезный масштаб, партизанам необходимо было проявить себя на более населенной территории, но для этого им требовалось больше бойцов. Среди гражданского населения появление бойцов Че обычно вызывало страх и даже панику, и, для того чтобы получить еду и необходимую информацию, им частенько приходилось прибегать к прямому давлению, например удерживать кого-нибудь в качестве заложника, пока его родственник или друг выполнял для них те или иные задания.

6 июля шестеро партизан Че угнали грузовик на шоссе между Санта-Крусом и Кочабамбой и заехали на нем в Самайпату. Это излюбленное туристами место, известное древним храмом инков, располагало собственной больницей и небольшим армейским гарнизоном. Парадоксально, но факт: эта акция, самая отчаянная на тот момент, не имела никакой военной цели — партизанам требовались всего лишь препараты от астмы, в которых остро нуждался Че, а также лекарства для других больных, еда и кое-какие припасы. Прямо на глазах ошарашенных жителей после непродолжительной перестрелки, в ходе которой погиб один солдат, они взяли гарнизон и вошли в аптеку, чтобы купить лекарств. Партизаны уехали из города вместе с десятью пленными солдатами, по дороге раздели их и отпустили.

Однако раздобыть лекарства от астмы не удалось. Несколько дней спустя Че писал, что вынужден делать себе «разные инъекции, чтобы двигаться дальше», и беспокоится, не придется ли возвращаться в Ньянкауасу, где у него остался тайный склад медикаментов. Но вскоре и эта возможность была утрачена, так как в середине августа все их склады в Ньянкауасу оказались в руках военных. «Теперь я на неопределенное время обречен страдать от астмы, — печально констатировал Че. — Захвачены документы и фотографии. Нам нанесли тяжелейший удар. Кто-то проболтался. Но кто? Вот что я хотел бы знать».[49]

Затем последовали новые жертвы. 26 июня Карлос «Тума» Коэльо во время перестрелки получил пулю в живот. Че отчаянно пытался спасти его, но было поздно. Он умер на руках у Гевары. В дневнике Че писал: «Я лишился своего верного спутника, чья преданность выдерживала любые испытания и потеря которого для меня сравнима с потерей сына». Че снял с руки погибшего часы и надел их себе на запястье, надеясь впоследствии передать их новорожденному сыну Тумы, которого тот так и не увидел.

30 июля был убит Хосе Мария Мартинес Тамайо, или Папи. Это произошло после того, как армейский патруль застал партизан врасплох, практически войдя на рассвете к ним в лагерь. В ходе последовавшей перестрелки был также убит один из людей Мойсеса Гевары — Рауль, — которому пуля угодила в рот. Чудом избежал смерти Пачо — ему лишь слегка задело мошонку.

К концу июля в результате новых потерь отряд Че сократился до двадцати двух человек, причем двое из них были ранены, а у него самого усиливалась астма. Между тем Че с удовлетворением отмечал, что боливийский конфликт перестал быть только локальным явлением. Президент Аргентины генерал Хуан Карлос Онганиа из предосторожности закрыл границу с Боливией, и, как сообщалось, Перу также усиливало контроль границ.

Каждый раз, надеясь получить новости о Хоакине, Че внимательно слушал сообщения о стычках и любых действиях повстанцев. Он искал потерянный отряд к северу от Рио-Гранде, полагая, что Хоакин повел его в том направлении, а на самом деле арьергард оставался к югу от реки. Наконец в середине августа по радио сообщили о столкновении недалеко от Муюпампы, в ходе которого погиб один партизан. Назвали также и его имя: это оказался человек из группы Хоакина. Несколько дней спустя двое боливийцев, дезертировавших из отряда Хоакина — Эусебио и Чинголо, — выступили перед прессой, и Че осознал, что Хоакин по-прежнему остается на юге. Он начал двигаться в том направлении, чтобы найти его. По совпадению, Хоакин как раз в это время пошел на север в поисках Че.

Но им не суждено было встретиться. В вечерних сумерках 31 августа, дойдя до дома одного из немногих своих помощников среди крестьян, Онорато Рохаса, группа Хоакина, состоявшая из десяти человек, включая заболевшую Таню, перешла вброд Рио-Гранде неподалеку от места ее слияния с рекой Масикури. Но Хоакин не знал, что Онорато Рохас, подвергшись аресту и допросу, перешел на сторону армии и их уже поджидают солдаты капитана Марио Варгаса Салинаса из дислоцированного в Санта-Крусе Восьмого дивизиона армии. Рохас повел ничего не подозревающих партизан вниз по реке, а Варгас Салинас,

подождав, пока они подойдут поближе, дал солдатам приказ открыть огонь.

Началась бойня, в результате которой был уничтожен весь отряд Хоакина. Среди убитых были Таня, Густаво Мачин, Мойсес Гевара и сам Хоакин. Их тела доставили в полевой штаб армии в городке Вальегранде и выставили на всеобщее обозрение. Исключение составило только тело Тани, которое было найдено на берегу реки несколько дней спустя. Единственными, кто выжил в этой бойне, были боливиец Хосе Кастильо Чавес, или Пако, и Фредди Маймура, боливийский студент-медик японского происхождения, прошедший подготовку на Кубе. Впрочем, Маймура был убит солдатами всего несколько часов спустя.

Когда Че узнал о том, что целый отряд партизан был «ликвидирован» в непосредственной близости от него, он отказался поверить в случившееся, сочтя это дезинформацией. Однако в последующие дни, когда в сводках стали фигурировать имена и описания членов группы Хоакина, Гевара понял, что все это правда. Двум партизанским отрядам не хватило всего одного дня, чтобы соединиться друг с другом.

Для Че эта означало потерю целой трети его боевого состава. В то же время он был теперь свободен от моральной обязанности искать Хоакина и мог сосредоточиться на спасении себя самого и оставшихся под его началом людей; он планировал бежать в более населенную зону и вновь наладить контакт с группой поддержки в Ла-Пасе, а также с Кубой. Тем временем боливийские военные ликовали. Поздравить отличившихся в Вальегранде приехали президент Баррьентос и члены его генштаба с супругами. Баррьентос произвел капитана Варгаса Салинаса, героя дня, в майоры.

Окровавленные и изуродованные тела партизан были тайно захоронены под покровом ночи в окрестностях Вальегранде солдатами под руководством подполковника Андреса Селича. Этот человек, имевший югославские корни и бывший ярым антикоммунистом, являлся тогда заместителем командира полка военных инженеров под названием «Пандо», базировавшегося в Вальегранде.

Когда 8 сентября было доставлено неопознанное тело Тани, президент Баррьентос лично распорядился, чтобы ей как женщине оказали честь — совершили полагающиеся религиозные ритуалы и похоронили «по-христиански». По отношению к истовой коммунистке Тамаре Бунке оказание подобной «чести» было сродни издевательству. Ее тело поместили в гроб, и армейский священник отслужил краткую панихиду на блокпосту неподалеку от кладбища. Однако Таня не была погребена на

кладбище. В одиннадцать часов вечера солдаты под руководством Селича ее тело тоже закопали в лесу — во исполнение официальной директивы о том, чтобы места захоронения партизан были неизвестны.

Чумазого, вонючего, с длинной спутанной бородой, Пако привезли в Вальегранде. Офицеры фотографировались на фоне юного боливийца, который выглядел как дикарь из джунглей. Устрашенный и полностью сломленный психологически, Пако был готов рассказать все, что знал.

Кубинцы-агенты ЦРУ, Феликс Родригес и Густаво Вильольдо, были полноправными участниками антипартизанской кампании. (По словам Вильольдо, они с Родригесом участвовали в засаде на отряд Хоакина вместе с солдатами Варгаса Салинаса, одетые в форму боливийской армии.) Феликс Родригес рассказывает, что сразу оценил, насколько полезен может быть Пако. Поэтому, несмотря на противодействие со стороны подполковника Селича, который первым допросил Пако и хотел его расстрелять, пленный партизан был посажен в тюрьму. В течение нескольких следующих недель Родригес каждый день работал с Пако, постепенно вытягивая из него все больше данных о партизанском отряде. Родригесу удалось выяснить, кто из партизан погиб, а кто мог быть еще жив, и также получить представление о слабых и сильных сторонах каждого и о степени их близости к Че.

Тем временем Че и его бойцы, потратив несколько дней на попытки выяснить, что именно произошло с отрядом Хоакина, решили двигаться обратно на север. 6 сентября они оставили Рио-Гранде и начали карабкаться в горы.

VIII

К северу от Рио-Гранде массив поросшей лесом земли начинает подниматься вверх. За лесами голые скалы и промозглые плато уступают место ущельям, изредка отмеченным пунктиром жилищ соединенных друг с другом тропками и лишь кое-где грунтовыми дорожками. Обитатели их, в основном индейцы и метисы, живут разведением свиней и коров. Деревьев там практически нет, и местным легко заприметить любого пришельца с самого дальнего расстояния.

В течение двух недель отряд Че поднимался в горы, переходя вброд реки, поднимаясь на утесы. Пару раз они напоролись на армейские патрули с собаками. Теперь уже все члены отряда выказывали те или иные признаки упадка сил. Начались склоки из-за дележа скудных припасов еды, и партизаны, будто дети,

приходили к Че жаловаться. Боевой дух упал, но самый пугающий симптом обнаружился у «Антонио» — Оло Пантохи, — который заявил вдруг, что видел пятерых солдат, приближающихся к ним, но, как выяснилось, это была галлюцинация. Тем вечером Че оставил в дневнике взволнованную запись: он опасался, что подобное проявление военного «психоза» может оказать удручающее влияние на моральное состояние его бойцов.

Че продолжал внимательно слушать радио. Баррьентос назначил цену за его голову — всего лишь четыре тысячи двести долларов, — выразив вместе с тем уверенность в том, что Че скорее всего уже мертв. Суд над Дебре, привлекший внимание международной прессы, был отложен до 17 сентября.

В середине сентября пришла новость об аресте Лойолы Гусман, молодой женщины, которую Че в те дни, когда все только начиналось и выглядело столь многообещающе, сделал боливийским «национальным секретарем по финансовым вопросам». Во время допроса, происходившего на третьем этаже здания Министерства внутренних дел, Лойола выбросилась из окна, боясь, что ее силой вынудят совершить предательство. Она сильно пострадала, но выжила.

21 сентября группа Че достигла высоты в две тысячи метров — выше они еще не поднимались. Идя по грунтовой дороге при ярком лунном свете, партизаны направлялись к Альто-Секо, уединенному селению из пятидесяти домов. Двигаясь к нему в течение всего следующего дня, Че заметил, что «люди испуганы и стараются скрыться с дороги». Бойцы достигли Альто-Секо в полдень. К ним отнеслись со «страхом и любопытством». Как выяснилось, местный начальник, или коррехидор, накануне отправился доложить военным об их приближении. В отместку Че забрал все запасы еды, имевшиеся в его небольшой бакалейной лавке, и остался глух к мольбам жены коррехидора, просившей хотя бы какой-то денежной компенсации.

Вместо того чтобы продолжить путь, Че и его бойцы остались в Альто-Секо на ночь, организовав собрание в здании местной школы. Инти выступил с речью, призванной разъяснить смысл «революции… группе из пятнадцати угрюмых и молчаливых крестьян».

Для этих живущих вдали от цивилизации людей бородатые, грязные и вооруженные партизаны были зрелищем воистину удивительным. Некоторым даже приходили в голову мысли, что к ним забрели какие-то сверхъестественные существа. Например, одна крестьянка, жившая неподалеку от Онорато Рохаса, после того как ее посетили партизаны, искавшие еды, рассказала военным, что приняла их за колдунов, поскольку эти незнакомцы,

похоже, знали все обо всех в окрестных местах. Она бы не удивилась, если бы деньги, которые они заплатили ей за еду, оказались заколдованы и превратились у нее в руках в простые бумажки.

В то же время правительство активно и весьма успешно вело психологическую войну. Город Вальегранде, численность гражданского населения которого составляла шесть тысяч человек, был переведен на военное положение. В апреле военные объявили всю провинцию «зоной чрезвычайного положения», ввели в ней законы военного времени и распространили следующую информацию: «Группы прокубински настроенных коммунистов, преимущественно иностранцев, проникли в нашу страну с единственной целью — посеять хаос и остановить прогресс в жизни нашего народа, совершая акты бандитизма, грабежей и попрания частной собственности, особенно в отношении крестьянства… Вооруженные силы… мобилизованы для нейтрализации иностранного вторжения, столь же злонамеренного, сколь и варварского».

С конца лета Вальегранде превратился в центр операции по уничтожению повстанцев. Громкоговоритель, расположенный на людной площади, изрыгал проклятья в адрес партизан, была арестована горстка левых студентов; всех незнакомцев, похожих на иностранцев, задерживали и подвергали допросу. 23 августа, согласно дневниковой записи Селича, все население Вальегранде было «мобилизовано перед лицом красной угрозы».

1 сентября, когда армейское командование в Вальегранде связалось по радио с капитаном Варгасом Салинасом, который накануне совершил нападение на отряд Хоакина, и получило от него список уничтоженных партизан, оно поначалу впало в эйфорию, поскольку там фигурировала фамилия «Гевара». Офицеры штаба незамедлительно позвонили в Ла-Пас, и главнокомандующий армии генерал Давид Ла Фуэнте с плохо скрываемым возбуждением в голосе переспросил: «Речь идет о Че Геваре?» Тут и выяснилось, что убитый был Мойсесом Геварой, а не легендарным команданте.

Солдат Ансельмо Мехиа Куэльяр, побывавший в плену у партизан, поделился несколькими интересными наблюдениями: «Командир едет на лошади… остальные служат ему, как Богу, готовят ему постель и подносят мате. Он курит трубку из серебра… носит брюки цвета хаки, камуфляжную рубашку и берет кофейного цвета… а еще у него две пары часов, причем одни просто огромные».

Ко времени прибытия партизан в Альто-Секо военные уже знали о том, что они на подходе. 24 сентября из гарнизона

Вальегранде вышел целый полк с заданием устроить передовую базу в деревне Пукара, находившейся в пятнадцати километрах к северу.

Из Альто-Секо партизаны двинулись дальше и в течение двух следующих дней неторопливо шли по открытой местности. Че, у которого болела печень, предался почти умиротворенному созерцанию «прекрасной апельсиновой рощи», где они остановились на привал.

Читая об этом в дневнике Че, невозможно избавиться от ощущения, что он как будто отрешился ото всего и спокойно начал движение навстречу смерти. Гевара нарушал все законы партизанской войны: перемещался по открытому пространству, не посылая вперед разведчиков, не ища поддержки у крестьян и зная, что правительственной армии известно о его приближении. [50]

По крайней мере один текст, написанный Че во время этого странствия, указывает на то, что он понимал: его время истекает. Речь идет о стихотворении, которое Че Гевара, по-видимому, посвятил Алейде, придав ему форму завещания и назвав «Против ветра и течения».

> Этот стих (против ветра и течения идя) подпись мою донесет.
> Тебе я даю шесть звучных слогов,
> Взгляд, в котором (как у раненой птицы) нежность всегда сквозит,
>
> Тревогу долгого плаванья по водам стылым,
> Темную комнату, освещаемую только стихами моими,
> Старый наперсток для скучных твоих ночей,
> Наших сыновей фотографию.
>
> А пулю прекрасную в пистолете, который всегда со мной,
> И память нетленную (затаенную в глубине) о детях,
> которых когда-то с тобой мы зачали,
> И то, что от жизни моей еще мне осталось, —
>
> Все это я (убежденно и счастливо) Революции отдаю,
> Ибо ничто из того, что нас единит, силою большей не обладает.

Крестьяне передавали друг другу новости о медленном продвижении партизан, а деревенские коррехидоры доводили их до сведения военных. Придя 26 сентября в весьма захудалое

селенье Ла-Игера, расположенное в чаше между двумя гребнями гор, партизаны обнаружили там лишь женщин и детей: все мужчины исчезли. Че отправил передовой отряд для разведки пути до следующей деревни под названием Хагуэй, но едва тот достиг первого подъема на выходе из Ла-Игеры, как угодил прямиком в засаду. В первые же мгновения были убиты двое боливийцев, Роберто «Коко» Передо и Марио «Хулио» Гутьеррес, а также кубинец Мануэль «Мигель» Эрнандес. Еще два боливийца, Камба и Леон, сочли за лучшее дезертировать. Бениньо, Пабло и Анисето выжили и вернулись в Ла-Игеру, но Бениньо был ранен, а Пабло серьезно повредил ногу.

Чувствуя близость победы, различные боевые единицы правительственной армии начали соревноваться друг с другом за главный приз: окончательный разгром сил Че Гевары. В Вальегранде прибыли полковник Хоакин Сентено Аная, командир Восьмой дивизии; полковник Арнальдо Сауседо, глава его разведуправления, и агент ЦРУ Феликс Родригес. Военные патрули прочесывали зону между Альто-Секо и Пукарой. К делу были подключены свежие силы — боливийские рейнджеры, непосредственно перед тем прошедшие обучение у американских инструкторов; они присоединились к солдатам под Пукарой.

После засады при Ла-Игере Че и выжившие бойцы его отряда, обменявшись выстрелами с военными, занявшими высоты над ними, ретировались, скрывшись в каньоне. На следующий день партизаны забрались на более высокое место, где имелся небольшой лесок, в котором они смогли скрыться. В течение следующих трех дней они оставались там, с тревогой наблюдая за перемещениями военных по дороге. Выбрав момент, когда дорога опустела, Че отправил разведчиков принести воды, проследить за перемещениями военных и найти выход, чтобы вернуться к Рио-Гранде. Разведчики донесли, что они окружены.

Тела трех убитых партизан были привезены в Вальегранде, где их положили в помещении местной больницы. 27 сентября Селич записал в дневнике, что «пораженные жители Вальегранде осмеливались глядеть на них только с расстояния». В город прибыла специальная правительственная комиссия для идентификации погибших. Затем, как вспоминает Селич, «в обстановке абсолютной секретности в определенном месте были погребены останки красных наемников, убитых в ходе операции при Ла-Игере».

30 сентября Вальегранде вновь посетил президент Баррьентос с многочисленной свитой из официальных лиц и репортеров, для того чтобы разделить ликование по поводу последних побед. В тот же вечер, всего в пятидесяти километрах оттуда,

обессиленные партизаны тайком оставили свое прибежище и начали осторожное продвижение в каньон, стараясь избежать встреч с крестьянами, чьи небольшие фермы буквально усеивали этот регион. По радио они узнали о том, что туда стянуты многочисленные войска: в одном репортаже речь шла о тысяче восьмистах солдатах, в другом говорилось, что «Че Гевара окружен в каньоне», автор третьего сообщения утверждал, что Че пойман и вскоре «предстанет перед судом в Санта-Крусе». Затем появились сообщения о задержании Камбы и Леона. Оба они, по-видимому, «не захотели играть в молчанку» и даже сообщили о том, что Че Гевара болен. «Так заканчивается история о двух героических партизанах», — с отвращением заметил Че в своем дневнике.

7 октября партизаны оказались в крутом ущелье близ Ла-Игеры, откуда узкий проход вел к Рио-Гранде. Продвижение было медленным. Однако Че сохранял хорошее расположение духа и свою дневниковую запись в тот день начал словами: «Мы завершили одиннадцатый месяц нашей партизанской операции без осложнений, в пасторальном настроении».

К этому моменту их осталось всего семнадцать человек. В тот вечер они продолжили путь вниз при «очень тусклом свете луны». В два часа ночи партизаны остановились, так как Чан, разбивший свои очки, ничего не видел и не мог идти дальше. В ту ночь Че услышал по радио донесение военных, что солдаты окружили партизан в зоне между реками Асеро и Оро. «Мне кажется, это неправда», — записал он, после чего отметил, что их отряд находился в тот момент на высоте 2000 метров. Это последняя запись в дневнике Эрнесто Че Гевары.

IX

На следующий день, 8 октября, рано утром группа недавно прибывших боливийских рейнджеров во главе с молодым капитаном Гари Прадо Сальмоном заняла позиции в горах вдоль ущелья, по которому шли партизаны. О появлении последних они узнали от местного крестьянина.

С рассветом партизаны заметили на голых склонах гор солдат и поняли, что те перерезали им путь с обеих сторон. Отряд Че оказался зажат в поросшем кустарником овраге под названием Кебрада-дель-Чуро, имевшем триста метров в длину и не более пятидесяти в ширину, а местами совсем узком. Единственное, что партизаны могли сделать, — это попытаться с боем проложить себе путь. Че приказал бойцам занять позиции, разбив их на три

группы. Бой начался в 13.10, когда солдаты заметили двух партизан, совершавших тактические перемещения. Солдаты открыли огонь из миномета и пулеметов. Его жертвой пал боливиец Анисето Рейнага.

В ходе последовавшей затем продолжительной перестрелки погибли Артуро и Антонио, а остальные партизаны рассеялись, потеряв связь друг с другом. Частично укрывшись за большой скалой посреди посевов картофеля, Че стал стрелять из карабина, но вскоре в ствол угодила пуля и карабин стал бесполезен. Гевара вдобавок потерял магазин своего пистолета и, таким образом, остался полностью безоружен. Другая пуля ранила его в левую икру, еще одна прошила берет. При помощи боливийца Симона Кубы, или «Вилли», Че вскарабкался по склону оврага и попытался убежать. Однако за ними уже следила группа солдат. Один из них, сержант Бернардино Уанка, выскочил из кустов, когда эти двое подошли совсем близко, и направил на них ружье. Впоследствии он уверял, что Че якобы сказал ему: «Не стреляйте. Я Че Гевара. Я буду для вас ценнее живым, чем мертвым».

Вслед за тем появился капитан Прадо. Без всяких околичностей Прадо потребовал от пленного назвать свое имя. Че ответил ему столь же прямо. Тогда Прадо, вытащив один из рисунков, сделанных Сиро Бустосом, опознал Че по характерным бровям и шраму от пули около уха. Затем Прадо связал Геваре руки его же собственным ремнем.

В 15.15 подполковник Селич получил по радио сообщение о том, что рейнджеры ведут «кровопролитный бой с группой красных, которыми командует ЧЕ ГЕВАРА». А узнав, что сам Гевара выбыл из строя, Селич в нервном возбуждении сел в вертолет и полетел в Ла-Игеру. По прибытии он тотчас отправился к месту, где шло сражение.

Взяв с собой оказавшегося крайне полезным коррехидора из Ла-Игеры, Селич спустился в каньон, где солдаты удерживали Че, хотя бой между солдатами и остатками отряда партизан еще продолжался. Селич коротко переговорил с Че, позже зафиксировав этот факт в конфиденциальном донесении:

«Я сказал Че Геваре, что наша армия не такая, какой он себе ее представлял, а он ответил, что был ранен, что пуля разбила ствол его карабина и в этих обстоятельствах у него не было иного выбора, кроме как сдаться…»

Селич повел двух своих пленников в Ла-Игеру. К этому моменту к нему присоединились капитан Прадо и его командир майор Мигель Айороа. Для того чтобы подняться по крутому склону наверх, Че в помощь выделили двух солдат. Замыкали процессию крестьяне, несшие тела убитых кубинцев — Рене

«Артуро» Мартинеса Тамайо и Орландо «Оло» Пантохи («Антонио»).

Затем Че бросили, связав по рукам и ногам, на грязный пол в помещении школы в Ла-Игере. Рядом с ним положили трупы Антонио и Артуро. Вилли, который был жив и не ранен, находился в другой комнате.

Из-за темноты преследование оставшихся партизан было отложено до 4 часов утра, однако Селич принял меры предосторожности в Ла-Игере, выставив дозорных на тот случай, если товарищи Че попытаются отбить его. В 7.3 °Селич, связавшись по радио с Вальегранде, спросил, что ему делать с Че, и получил приказ «держать Гевару под арестом до новых распоряжений». Затем он, Прадо и Айороа вошли в школу, чтобы допросить пленника. Неполная запись их сорокапятиминутного разговора имеется в личных бумагах Селича. Вот как было дело, если верить этой записи.

Селич сказал Че:

— Команданте, я нахожу, что вы несколько подавлены. Не могли бы вы объяснить, почему у меня сложилось такое впечатление?

— Я проиграл, — ответил Че. — Все кончено, и в этом причина того, что вы видите меня в таком состоянии.

Затем Селич спросил, почему Че решил сражаться в Боливии, а не в «своей собственной стране». Че уклонился от ответа, хотя и признал, что, «возможно, это было бы лучше». Когда он перешел к восхвалению социализма как лучшей формы государственного устройства для стран Латинской Америки, Селич оборвал его.

— Я бы предпочел не касаться этой темы, — заявил офицер, отметив, что Боливия, в любом случае, «получила вакцину против коммунизма». Он обвинил Че во «вторжении» в Боливию и указал на то, что большинство его партизан были «иностранцами».

По словам Селича, Че взглянул на трупы Антонио и Артуро и сказал:

— Полковник, посмотрите на них. Эти ребята имели на Кубе все что хотели, но отправились сюда, чтобы умереть как собаки.

Селич попытался выведать у Че какие-нибудь сведения о партизанах, которые еще скрывались от военных.

— Я так понимаю, что Бениньо был тяжело ранен в бою под Ла-Игерой, когда погибли Коко и другие. Можете вы мне сказать, жив ли он еще?

— Полковник, у меня очень скверная память, я ничего не помню и не знаю даже, что ответить на ваш вопрос.

— Вы кубинец или аргентинец? — поинтересовался Селич.

— Я кубинец, аргентинец, боливиец, перуанец, эквадорец и

так далее… Думаю, вы меня понимаете.

— Что заставило вас принять решение действовать в нашей стране?

— Неужели вы не видите, в каких условиях живут крестьяне? — спросил Че. — Они живут почти как дикари — в такой нищете, при виде которой сердце у кого угодно обольется кровью…

— Но ведь и на Кубе то же самое, — возразил Селич.

— Нет, это не так, — резко ответил Че. — Я не отрицаю, что на Кубе до сих пор еще существует бедность, но крестьяне видят там изменения к лучшему, тогда как боливийцы живут без всякой надежды. Здесь человек как родился, так и умирает, не видя никаких улучшений в условиях своего существования.[51]

Офицеры начали изучать документы, оказавшиеся у них в руках после пленения Че, и прежде всего две тетради его дневника, которые они читали, пока не наступило утро.

9 октября в 6.15 в Ла-Игеру вылетел вертолет с полковником Хоакином Сентено Анаей и «капитаном Рамосом» (агентом ЦРУ Феликсом Родригесом) на борту.

Без сомнения, Селич, у которого уже был ранее конфликт с Родригесом по вопросу судьбы Пако, не был рад видеть его вновь и придирчиво наблюдал за ним, отметив, что Родригес прибыл с мощным портативным радиопередатчиком и камерой, специально предназначенной для фотографирования документов.

Родригес детально описал сцену встречи со своим заклятым врагом. Че лежал на боку в грязи, его руки по-прежнему были связаны за спиной, ноги — также опутаны, а рядом лежали трупы его друзей.

«Выглядел он ужасно, — писал Родригес. — Волосы спутаны, одежда порвана». У Че не было даже ботинок; на его стопы, покрытые коркой грязи, были надеты грубые кожаные чехлы, какие, наверное, носили крестьяне в Средние века. Пока Родригес молча разглядывал его, боливийский полковник спросил Че, почему он отправился воевать в их страну. Но не получил никакого ответа.

Сразу же после этого под пристальным взором Селича «сеньор Феликс Рамос… установил портативное радио и отправил шифровку… куда — неизвестно». Затем Родригес вышел и начал переснимать страницы дневника Че и другие документы. Сентено Аная, взяв с собой Айороа, направился в овраг, где возобновились боевые действия, а Селич остался за главного в Ла-Игере. Когда около 10 часов утра они вернулись, Феликс Родригес все еще занимался съемкой. К 11 часам он закончил работу и попросил у Сентено Анаи разрешения поговорить с «сеньором Геварой».

Селич, который не очень ему доверял, «посчитал свое присутствие при этом разговоре необходимым» и пошел в школу вместе с Родригесом.

В своих воспоминаниях об этом эпизоде Родригес не упоминает о присутствии в комнате Селича, но, так же как и Селич, отмечает гордую несокрушимость духа, проявленную Че. Как только Родригес вошел, Че предупредил его, что не станет отвечать на вопросы, и уступил, только когда агент ЦРУ сказал, что хочет просто поговорить. По словам Родригеса, Че признал свое поражение, обвинив в нем «провинциализм» боливийских коммунистов, которые отказались ему помогать. Но всякий раз, когда Родригес пытался выведать у него информацию о конкретных акциях, Че молчал. Он также не стал «плохо говорить о Фиделе», к чему его пытался подтолкнуть Родригес.

В конце Че тоже задал Родригесу вопрос, поинтересовавшись его национальностью. Как заметил Гевара, Родригес не является боливийцем, и, судя по тому, что он хорошо знает Кубу, он либо кубинец, либо пуэрториканец, работающий на американскую разведку. Родригес подтвердил, что родился на Кубе и был участником подготовленной ЦРУ антикастровской «Бригады-2506». Единственной реакцией Че на это его признание было «ха!».

В 12.30 полковник Сентено Аная получил радиосообщение от высшего командования в Ла-Пасе и передал содержавшийся в нем приказ Селичу. Как пишет Селич, речь шла о «принятии мер по устранению сеньора Гевары». Он заметил Сентено, что ответственность за исполнение смертных приговоров лежит на майоре Айороа, поскольку именно он командует подразделением, захватившим в плен Гевару. По словам Селича, «Айороа и распорядился об исполнении данного приказа».

Сразу после этого Селич и Сентено Аная, оставив Айороа и Родригеса, сели на борт вертолета и полетели назад в Вальегранде с захваченными трофеями — документами и оружием. По прибытии (около 13.30) они получили сообщение из Ла-Игеры, что расстрел Че Гевары состоялся.

Селич в своем отчете пишет, что ни один из офицеров, присутствовавших в Ла-Игере, включая его самого и Феликса Родригеса, не был согласен с правильностью решения о расстреле Гевары. «Мы полагали, что будет лучше сохранить Че Гевару живым: было бы выгоднее предъявить его на суд мировой общественности — побежденным, раненым и больным, — чтобы затем получить [от Кубы] возмещение наших расходов на ведение борьбы с партизанами, а также компенсацию семьям солдат, убитых партизанским отрядом».

Феликс Родригес излагает события несколько иначе: утверждает, что именно он, а не Сентено Аная получил шифровку с приказом о казни Че и что он отвел Сентено Анаю в сторону, дабы попытаться отговорить его от исполнения приказа. Родригес заявил, что американское правительство хочет «при любых обстоятельствах сохранить лидера партизан в живых» и самолет США готов доставить Че в Панаму для проведения дознания. По словам Родригеса, Сентено Аная ответил, что не может не подчиниться приказу, поступившему к нему непосредственно от президента Баррьентоса и членов генштаба. Он сказал, что в 14.00 пришлет вертолет обратно, и попросил дать ему слово чести, что к этому моменту Че будет уже мертв и что Родригес сам доставит его труп в Вальегранде.

После отъезда Сентено и Селича Родригес все хорошенько обдумал. Утром, опознав Гевару, он отправил шифровку в ЦРУ с просьбой прислать дальнейшие инструкции, однако никакого ответа не получил, и теперь было уже слишком поздно. Он мог пойти против воли Сентено и похитить Че, но понимал, что, поступив так, быть может, совершит колоссальную историческую ошибку: Фидель в свое время прошел через тюремное заключение при режиме Батисты, но это его ни в коей мере не остановило. Он писал: «Решение было за мной. И я решил — оставить все в руках боливийцев». Пока Родригес размышлял, в здании школы раздался выстрел. Он бросился сначала в помещение к Че. Тот был жив. Тогда Родригес вошел в соседнее помещение и увидел там солдата с еще дымящимся ружьем, а рядом — Вилли, повалившегося на стол. Солдат сказал Родригесу, что Вилли «попытался бежать».

По словам Родригеса, он вышел на улицу и взял с собой Че, чтобы еще раз с ним поговорить и сделать фотографии. Эти снимки сохранились, многие годы пролежав в архиве ЦРУ в тайне от всех. На одном из них молодой, пухлощекий Родригес стоит, положив руку на плечо Че, который напоминает загнанного дикого зверя: он сурово склонил изнуренное лицо, длинные волосы всклокочены, руки связаны.

После фотосъемки они вернулись в школу и возобновили разговор, но он был прерван новым звуком выстрела. На сей раз расстрелян был Чино Чан, который был ранен при задержании, но доставлен в Ла-Игеру рано утром живым; также там теперь находились тела Анисето и кубинца Альберто Фернандеса («Пачо»), убитых в ущелье. Отчет Родригеса содержит ряд сведений, противоречащих словам боливийских офицеров, которые также присутствовали в Ла-Игере (хотя и в их рассказах имеются многочисленные нестыковки). Так, по словам Мигеля

Айороа, Вилли и Хуан Пабло Чан находились вместе в соседнем помещении школы и были расстреляны одновременно. Это свидетельство подтверждает ту версию событий, которая многими считается наиболее достоверной и согласно которой фотосъемка Че была произведена до расстрела Вилли и только потом он, Вилли и Хуан Пабло Чан были расстреляны практически одновременно «добровольцами» из боливийской армии.

«Че замолчал, — рассказывает Родригес. — Он ничего не сказал по поводу стрельбы, но на лице его отразилась печаль, и он несколько раз медленно покачал головой. Вероятно, в этот момент Че Гевара осознал, что тоже обречен, хотя я ничего ему не говорил примерно до часа дня».

Согласно его хронологии событий, Родригес затем вышел на улицу, где занялся перебиранием документов, «оттягивая неизбежное». Тут к нему подошла школьная учительница и спросила, собирается ли он расстрелять Гевару. Такой вопрос очень удивил Родригеса, и женщина пояснила, что по радио передали, будто Че погиб от ран, полученных в бою. Хотя рассказ о тех событиях Хулии Кортес, которой тогда было двадцать два года, и опровергается присутствовавшими там офицерами, она уверяет, что ей было позволено посетить Че утром. Когда молодая учительница вошла в помещение, Че вперил в нее взгляд, который она не смогла выдержать и отвела глаза. Он кивнул на доску и указал на грамматическую ошибку в ее записи, а затем сказал, что убожество их школы не делает им чести и что на Кубе ее сочли бы за тюрьму.

Родригес понимал, что не может больше ждать, и вернулся в школу. Он вошел к Че и объявил, что лично ему «жаль» и что он сделал все, что было в его власти, однако пришел приказ от верховного боливийского командования. Он не закончил фразы, но Че и так все понял. По словам Родригеса, лицо Че моментально побелело, и он сказал: «Так будет лучше… Мне не следовало сдаваться живым».

Родригес поинтересовался, не надо ли передать что-либо его родным и друзьям, и Че попросил: «Скажи Фиделю, что скоро он увидит победу революции в Америке… И скажи моей жене, чтобы она повторно вышла замуж и постаралась быть счастливой».

В этот момент Родригес, по собственному признанию, подался вперед и обнял Че. «Для меня это был невероятно эмоциональный момент. Я перестал ненавидеть этого человека. Пробил его час, и он вел себя, как подобает мужчине. Че смотрел в глаза смерти с мужеством и достоинством».

Затем Родригес покинул комнату. К этому моменту майор Айороа успел найти добровольца, готового исполнить грязную

работу, — им был сержант Марио Теран. Он уже ждал на улице. Родригес посмотрел на парня: лицо Терана чуть ли не светилось. Днем раньше он участвовал в перестрелке с группой Че и жаждал отомстить за смерть трех товарищей, погибших в бою.

«Я сказал, чтобы он не стрелял Че в лицо, а пустил пулю в шею, — свидетельствует Родригес (смертельная рана Че должна была выглядеть так, будто он получил ее в сражении). — Я поднялся на гору и стал делать записи в своей книжке. Услышав выстрелы, я посмотрел на часы. Было 13.10».

По легенде, последними словами Че, которые он произнес, когда Теран вошел в дверь, были следующие: «Я знаю, ты пришел убить меня. Стреляй, трус, тебе всего лишь надо убить человека». Теран недолго колебался, затем направил на него свою полуавтоматическую винтовку и нажал на курок, поразив Че в руки и ноги. Затем, когда Че корчился на полу, кусая запястье, чтобы не закричать, Теран сделал новый выстрел. Смертельная пуля вошла в грудную клетку Че, наполнив его легкие кровью.

Эрнесто Че Гевара погиб 9 октября 1967 г. в возрасте тридцати девяти лет.

Эпилог: Мечты и проклятья

I

В ночь с 8 на 9 октября, когда Че уже лежал связанный на полу в школе Ла-Игеры, Алейда внезапно проснулась от необъяснимой тревоги: она знала, что ее муж находится в смертельной опасности. Предчувствие это было настолько сильным, что, когда на следующий день Фидель прислал к ней из Гаваны гонцов с печальным известием, она уже ожидала их появления.

В последние несколько месяцев сообщения из Боливии заставляли Алейду все больше волноваться; Фидель регулярно сообщал ей последние известия, и она знала, что положение Че плачевно. В это время Алейда была в том самом Эскамбрае, где они когда-то повстречались с Че, и вела исследовательскую работу: сразу после отбытия мужа она вернулась к занятиям историей, рассчитывая получить ученую степень в Гаванском университете.

Фидель относился к новостям из Боливии с недоверием и большим беспокойством. 9 октября поступило сообщение о захвате Че и затем — о том, что он «скончался от ран». Увидев первые фотографии трупа, Фидель признал определенное сходство с Че, но не мог поверить, чтобы этот иссохший человек был тем самым Че, который покинул Кубу одиннадцать месяцев назад.

Когда Алейда прибыла в Гавану, они с Фиделем вместе принялись изучать поступающие фотографии и донесения. Поначалу они не хотели верить в худшее, однако затем Алейда узнала почерк Че на страницах его захваченного дневника, и тут сомнений уже быть не могло.

Куба была наводнена слухами, и 15 октября Фидель выступил с телеобращением к кубинскому народу. Он сказал, что сведения о смерти Че, «как это ни прискорбно, достоверны», объявил всенародный трехдневный траур и заявил, что отныне 8 октября, день последней битвы Че, будет официально называться Днем партизана-героя.

У Алейды случился нервный срыв. Фидель взял ее с детьми к себе в дом и в течение следующей недели ухаживал за ней. Затем он поселил вдову Че в другом доме, где она жила с детьми, ни с кем не общаясь, вдали от чужих глаз. По словам Алейды, Фидель навещал ее каждый день.

Орландо Боррего тоже несколько месяцев пребывал в глубокой депрессии. По его словам, гибель Че поразила его сильнее, чем смерть родного отца.

Вечером 18 октября Фидель выступил с речью перед огромной толпой, собравшейся на площади Революции. Почти миллион человек пришли на национальную панихиду по Че. Фидель отдал последнюю дань своему старому товарищу, представив его воплощением революционной добродетели. «Если нам нужен… образец человека, который принадлежит не нашему времени, но будущему, то я от всего сердца заявляю, что таким образцом… является Че! Если мы попытаемся представить, какими бы мы хотели видеть своих детей, то нам как истовым революционерам следует искренне признать: мы хотим, чтобы они были как Че!»

II

В полдень 9 октября окровавленное тело Че положили на носилки, прикрепили их к шасси вертолета, и тот, перелетев через мрачную гряду гор, доставил свой груз в Вальегранде. Сопровождал его Феликс Родригес, одетый в форму капитана боливийской армии; но, как только вертолет приземлился, он растворился в толпе встречающих и исчез.

Через несколько дней Родригес вернулся в Соединенные Штаты, чтобы отчитаться перед своим начальством в ЦРУ. Он привез некоторые личные вещи Че, в том числе его последний кисет с табаком; позже он пересыпал этот табак в стеклянный пузырек, который прикрепил к ручке своего любимого револьвера. Однако самым удивительным его приобретением стала одышка, развившаяся у него в Вальегранде. «Находясь на прохладном горном воздухе, я почувствовал, что сиплю и мне становится тяжело дышать, — писал Родригес спустя двадцать пять лет. — Че погиб, но его астма — болезнь, которой я сроду не страдал — передалась мне. По сей день хроническая одышка служит мне постоянным напоминанием о Че и последних часах его жизни в крошечном городке Ла-Игере».

Тело Че было выставлено на всеобщее обозрение на целые сутки, причем голова его была приподнята, а карие глаза открыты. Чтобы предотвратить разложение, врач надрезал горло и залил внутрь формальдегид. В результате Че точно живой предстал перед чередой людей, которые пришли на него посмотреть. В их числе были солдаты, любопытствующие местные жители, фотографы и репортеры. Монахини, работавшие в

больнице, медсестра, которой было поручено омыть его тело, и многие другие женщины Вальегранде сочли, что Че Гевара обликом невероятно напоминает Иисуса Христа; они срезали с его головы пряди волос, чтобы использовать их в качестве талисманов. Подполковник Андрес Селич и майор Марио Варгас Салинас сфотографировались рядом с телом Че.

К этому моменту уже было решено скрыть место погребения Че: его тело, так же как тела его товарищей, погибших ранее, должно было «исчезнуть». Узнав о том, что гаванские власти не доверяют информации о смерти Че, генерал Альфредо Овандо Кандиа хотел обезглавить Че и представить его голову как доказательство. Феликс Родригес, который, будучи в Вальегранде, узнал об этой идее, утверждает, что выступил против подобного «варварства» и предложил ограничиться пальцем. Овандо Кандиа «пошел на компромисс» и принял решение отрезать кисти рук. Вечером 10 октября с Че были сняты две восковые посмертные маски и взяты отпечатки пальцев. Руки его отрезали и поместили в сосуды с формальдегидом. Вскоре прибыла пара аргентинских судмедэкспертов для сравнения отпечатков пальцев с теми образцами, которые хранились в Буэнос-Айресе: результаты экспертизы были положительными.

Ранним утром 11 октября боливийские военные избавились от тела Че: это было сделано под присмотром подполковника Андреса Селича и в присутствии двух других офицеров, выступавших в качестве свидетелей, в том числе майора Марио Варгаса Салинаса (по крайней мере, так утверждает он сам). Как рассказывает вдова Селича, труп Че бросили в тайно вырытую бульдозером могилу где-то в зарослях неподалеку от аэродрома Вальегранде, а рядом вырыли еще одну яму, где захоронили тела его шестерых товарищей.

Вдова Селича, Сокорро, в 1996 г. рассказала автору данной книги, что несколькими годами позже ее муж — который до этого не делился с женой подробностями своего участия в погребении Че — показал ей схему с обозначениями мест, где покоились останки Гевары и других партизан. Эта схема впоследствии исчезла, но, как утверждает Сокорро, муж говорил ей, что Че был похоронен отдельно; однако Варгас Салинас уверяет, что Гевара и его товарищи лежат в одной могиле. Интересно, что в дневнике Селича, в остальном очень подробном, полностью выпущен промежуток времени с 15 часов 45 минут 9 октября и до 9 часов 11 октября: то есть в нем отсутствуют всякие упоминания о кончине Че Гевары и о том, куда подевался его труп.

Путаницы добавляет также заявление работавшего на ЦРУ кубинца Густаво Вильольдо, который утверждает, что он лично

руководил погребением Че, которое было произведено подчиненными Селича, причем, по его словам, ни сам Селич, ни Варгас Салинас при этом не присутствовали.

Тем же утром в Вальегранде прибыл брат Че, Роберто, который надеялся опознать тело старшего брата и добиться его выдачи, но было уже слишком поздно. Генерал Овандо Кандиа принес Роберто свои соболезнования, но заявил, что тело Че «кремировано». Это была лишь одна из нескольких версий случившегося, появившихся на свет в течение следующих дней благодаря боливийским генералам, противоречившим один другому, и целых двадцать восемь лет вопрос об истинном месте захоронения Че оставался неразрешимой загадкой.

Роберто не оставалось ничего иного, как вернуться домой в Буэнос-Айрес, где его ждали отец, братья и сестры. Им пришлось смириться с печальными известиями, хотя тетя Беатрис отказалась верить в смерть любимого племянника.

III

За последующие дни в Боливии были выслежены и уничтожены еще четверо бежавших партизан — Моро, Пабло, Эустакио и Чапако; их тела также были тайно захоронены в общей могиле в районе Вальегранде.

Однако трем кубинцам (Помбо, Бениньо и Урбано) и трем боливийцам (Инти Передо, Дарио и Ньято) каким-то чудом удалось спастись из ущелья. Тем не менее военные продолжали идти за ними по следу и наконец настигли их 15 ноября, после чего завязалась перестрелка. Хулио Мендес («Ньято») был серьезно ранен и попросил друзей убить его. По словам Бениньо, именно он выполнил этот товарищеский долг, после чего оставшимся в живых удалось вырваться из окружения. В конце концов, благодаря помощи членов боливийской компартии, которые хоть и с опозданием, но все же набрались мужества, чтобы спасти выживших товарищей Че, они скрылись в заснеженных Андах, где провели три месяца. Выбраться оттуда кубинцам помогли представители социалистической и коммунистической партий Чили: сенатор от социалистов Сальвадор Альенде лично полетел с ними на остров Пасхи, откуда они вернулись домой через Таити, Эфиопию, Париж и Москву.

Гарри «Помбо» Вильегас остался на военной службе и возглавил кубинские экспедиционные силы в Анголе. Возведенный в чин генерала, он превратился в живого «Героя

Революции», но продолжил жить в скромной квартире неподалеку от старого дома Че в Гаване. Леонардо «Урбано» Тамайо по-прежнему служит в кубинской армии в звании полковника. Дариэль Аларкон Рамирес («Бениньо») готовил кадры партизан в более чем дюжине латиноамериканских стран вплоть до конца 1980-х гг. В последние годы он, однако, разочаровался в режиме, который сам помогал устанавливать, когда был молод. В 1996 г., будучи во Франции, Рамирес опубликовал резко критическую книгу о режиме Фиделя, обвинив Кастро в многочисленных преступлениях, включая и то, что он «бросил» Че и его партизан в Боливии. Бениньо ныне считается на Кубе предателем и живет в изгнании в Париже.

Впрочем, большая часть фактов говорит о том, что Гавана сделала все, что было в ее силах. После обнаружения отряда Че и прибытия американцев у кубинских агентов в Боливии практически не осталось пространства для маневров. Границы страны были на замке, Коммунистическая партия объявлена вне закона, а любые попытки доставить новых партизан в отряд Че легко пресекались. Боливийские военные задерживали всех иностранцев, казавшихся им подозрительными.

Поддержка Кубой партизанской войны в Боливии не закончилась со смертью Че. Инти Передо и Дарио также перебрались на Кубу и в 1969 г. с новым отрядом боливийцев вернулись домой для продолжения партизанской войны. Но, не успев ничего начать, Инти был застрелен на явочной квартире в Ла-Пасе; несколькими месяцами позже был схвачен и убит Дарио (Давид Адриасола). Младший брат Инти, Чато, стал новым лидером повстанческого отряда, состоявшего примерно из семидесяти слабо обученных студентов. Он попытался начать партизанскую войну в районе шахты в Теопонте, что находится к северу от Ла-Паса, в верховьях реки Бени. После нескольких месяцев сражений партизаны были окружены и ликвидированы. Ныне Чато, которому удалось выжить, является успешным психотерапевтом в боливийском городе Санта-Крусе, он лечит своих пациентов методом «возврата в утробу матери».

Марио Монхе потерял бразды правления боливийской компартией и отправился в изгнание в Москву, где осел на долгие годы. Как он сам рассказывает, сотрудники КГБ посоветовали ему «не болтать», и он держал рот на замке вплоть до начала 1990-х гг. Все это время Монхе находился на попечении Института Латинской Америки — академического учреждения, выполнявшего научные исследования по заданиям партии. После распада Советского Союза положение Монхе стало совсем печальным: он не только остался человеком без родины, но

потерял еще и поддержку со стороны «большого брата».

Большинство выживших партизан из отряда Мазетти были выпущены из тюрьмы в Сальте в 1968 г. благодаря стараниям их адвоката Густаво Роки. Когда они находились в тюрьме, к ним на свидание неожиданно явился «Фусиладо» — тот самый человек, которого Мазетти перед отправкой в Боливию приговорил к смерти. По его словам, алжирцы отчего-то решили пощадить его и вместо расстрела посадили в тюрьму. Через пару лет «Фусиладо» без всяких объяснений выпустили на свободу и отослали на Кубу. Он был уверен, что его участь стала известна Че, который посещал Алжир в 1965 г., и что именно Гевара настоял на его освобождении. Вернувшись на Кубу, «Фусиладо» был направлен в Эскамбрай для борьбы с контрреволюционерами и, «реабилитировавшись» таким образом, получил задание продумать возможность организации побега для своих бывших товарищей. «Фусиладо» сказал им, что у него нет к ним никаких претензий; он просто рад, что остался жив.

Проведя в тюрьме три года и восемь месяцев, телохранитель Че Альберто Кастельянос был выдворен из страны и вернулся на Кубу. Прошения об освобождении Эктора Жюва и Федерико Мендеса были отклонены: вместо четырнадцати и шестнадцати лет тюрьмы их приговорили к пожизненному заключению. После возвращения Хуана Перона в Аргентину в 1973 г. их амнистировали, но они бежали из страны после очередного военного переворота, поскольку власти начали новую волну репрессий против коммунистов. С восстановлением демократии в начале 1980-х гг. Мендес и Жюв смогли вернуться домой. Мендес умер несколько лет назад; Жюв по-прежнему обитает со своей семьей в Кордове.

Генри Лернер также был схвачен аргентинскими военными и три года провел в ожидании расправы. Спасение пришло к нему с неожиданной стороны: католическая церковь настояла на том, чтобы правительство выслало из Аргентины около сотни неугодных, не применяя против них насилия. Благодаря своим еврейским корням Лернер нашел прибежище в Израиле. Эмигрировав позже в Мадрид, он, так же как его старый товарищ Эктор Жюв, начал работать психотерапевтом.

Когда в 1976 г. в Аргентине разгорелась так называемая «грязная война» против представителей левых сил, семья Гевара быстро почувствовала себя одной из ее мишеней. Гевара Линч бежал из родной страны на Кубу вместе со своей невестой Аной Марией Эррой — художницей, которая была моложе его примерно на тридцать лет. Одного из своих сыновей они назвали Рамоном — в честь Че, именовавшего себя так во время

боливийской кампании. Роберто после смерти брата серьезно увлекся политикой, причем в довольно радикальном ключе: они с Хуаном Мартином стали активными деятелями «гевараистского» партизанского движения в Аргентине. Роберто курсировал между Кубой и Европой, а Хуан Мартин совершил ошибку, вернувшись с Кубы, чтобы сражаться на родине: не прошло и месяца, как он был арестован и следующие девять лет провел в тюрьме.

С окончанием «грязной войны» родные Че постепенно вернулись в Аргентину. Роберто работает юристом в системе профсоюзов, а Хуан Мартин владеет книжным магазином в Буэнос-Айресе. Самая младшая сестра Че, Ана Мария, умерла от болезни несколько лет назад; другая сестра, Селия Гевара, ведет тихий образ жизни в Буэнос-Айресе. Однако их отец так и не вернулся назад. Гевара-старший умер в Гаване в 1987 г. в возрасте восьмидесяти семи лет. Он провел последние годы жизни за написанием книг о своем погибшем сыне, материалами для которых служили письма и дневники. Его жена и дети — сводные братья и сестры Че — по-прежнему живут на Кубе.

В 1970 г., проведя в тюрьме три года из тех тридцати, которые были им назначены судом, Сиро Бустос и Режи Дебре вышли на свободу по приказу нового военного правителя Боливии, генерала-реформатора Хуана Хосе Торреса; они улетели в Чили, где в то время президентом был Сальвадор Альенде. Дебре, прославившийся во время собственного судебного процесса, стал важной фигурой в среде левых интеллектуалов Европы и в 1980-х гг. был даже принят на работу к президенту Франсуа Миттерану в качестве советника по латиноамериканским вопросам. Впрочем, постепенно в нем начало нарастать разочарование итогами кубинской революции. В 1996 г. Дебре опубликовал мемуары, где дал крайне критическую оценку личности Фиделя Кастро, которого он обвинил в «мании величия». Он также осудил Че за жестокость и бесчувственность, проявленную в отношении своих партизан в Боливии.

Из тех, кто выжил после боливийской кампании, пожалуй, мало кто пострадал сильнее, чем протеже Че, художник Сиро Бустос. Хотя те, кто допрашивал в свое время Дебре, свидетельствуют, что тот сотрудничал с ними, однако именно Бустос, нарисовавший портреты партизан, заработал «славу» главного предателя Че. Бустос, оклеветанный Дебре и ставший персоной нон грата на Кубе, какое-то время работал в Чили, а потом бежал оттуда в 1973 г. после переворота генерала Аугусто Пиночета. Он вернулся в свою родную Аргентину и возобновил занятия живописью, но вскоре снова вынужден был бежать, на сей раз из-за «грязной войны». Ныне он ведет неприметный образ

жизни в Швеции, где пишет весьма оригинальные портреты.

Лойола Гусман, боливийский «национальный секретарь по финансовым вопросам» Че, была освобождена из заключения в 1970 г., после того как ее товарищи, чтобы добиться выхода Лойолы на волю, захватили в заложники двух немецких инженеров. Затем Гусман перебралась на Кубу. Там она встретилась с вдовой Че Алейдой, которая взяла ее под свое крыло, так как кубинские спецслужбы не желали видеть эту женщину и давать какие-либо разъяснения по поводу событий 1967 г.

Лойола Гусман и несколько ее товарищей смогли вернуться в Боливию, намереваясь продолжить усилия по ведению партизанской войны. Но в 1972 г. она, ее муж и еще несколько повстанцев были выслежены военными на явочной квартире в Ла-Пасе. Ее мужу и остальным удалось на время спастись — только затем, чтобы позже быть убитыми. Лойола, которая была беременна, попала в плен и провела три года в тюрьме, где родила своего первенца; она назвала сына Эрнесто в честь Че. Вернувшись в Ла-Пас, она многие годы пыталась установить точное место захоронения Че и его товарищей, убитых в 1967 г., а также еще около 150 других человек, исчезнувших при военных режимах 1970-х — начала 1980-х гг.

Неприветливый прием, который Лойола встретила на Кубе в 1970 г., свидетельствовал о серьезных переменах, произошедших в стране за долгое время пребывания у власти Фиделя Кастро. Куба успела пройти через краткий период сильного охлаждения отношений с Советским Союзом. Разгневавшись на Москву за открытую поддержку линии боливийской компартии и за опубликованные в газете «Правда» жесткие статьи о Че и об «экспорте» революции, Фидель попытался отмежеваться от Кремля. Посол Александр Алексеев, которого считали слишком близким к Фиделю, был отозван в 1968 г. со своего поста и в наказание направлен на Мадагаскар.

В начале 1968 г. Фидель начал новую кампанию против просоветски настроенных «старых коммунистов», поскольку якобы раскрыл существование группы заговорщиков, обсуждавших вопрос о его смещении с сотрудниками советского посольства. Как и в 1962 г., эта чистка партийных рядов коснулась в первую очередь неугомонного Анибаля Эскаланте, но на сей раз он не был выслан в Москву, а получил пятнадцать лет тюрьмы. Среди зафиксированных на магнитофонной пленке «преступлений», совершенных им и его товарищами, была и критика в адрес Че.

Далее, словно воскрешая память о Че, Фидель предпринял

отчаянную попытку добиться экономической самостоятельности Кубы. Он заявил, что в 1970 г. Куба произведет рекордные 10 миллионов тонн сахара, и бросил на достижение этой цели все силы страны. Когда же Орландо Боррего, министр сахарной промышленности, посмел сказать Фиделю, что эти планы нереализуемы, его отправили в отставку. Цель, разумеется, достигнута не была, а кубинская экономика оказалась на грани коллапса. По существу, это означало конец всякой надежде на подлинную автономию Кубы, и власти СССР — уже приободренные тем, что Фидель поддержал их военное вторжение в Чехословакию — не замедлили выступить с предложением своих услуг. Старое Министерство промышленности, возглавляемое в свое время Че, было разделено на несколько более мелких ведомств, из которых изгнали тех, кто работал при Геваре, а многие иностранные специалисты и вовсе оставили Кубу. Реабилитационный лагерь Гуанаакабибес и экспериментальная ферма Сиро Редондо были закрыты, а «отдел по контролю», в котором хранились сорок тысяч с лишним досье, характеризовавших взгляды тех или иных лиц на революцию, а также их трудовые показатели, подвергся уничтожению. Орландо Боррего, несмотря на свою отставку в 1968 г., остается и поныне верен Фиделю и революции и в шестьдесят один год работает советником в Министерстве транспорта, а также в государственной сети туристических отелей.

В течение почти пятнадцати лет о Че и его идеях на Кубе говорили мало, однако затем ситуация изменилась и Че Гевара вновь оказался востребованным в образе одного из главных деятелей кубинской революции. Когда в конце 1980-х гг. в СССР под руководством Михаила Горбачева стали происходить радикальные изменения, Фидель Кастро противопоставил либеральным реформам гласности и перестройки то, что он назвал процессом «исправления ошибок». Этот процесс, однако, так по-настоящему и не начался, поскольку в это время как раз произошел распад советского блока и тридцатиоднолетний период субсидирования Кубы Москвой подошел к концу. Вынужденный прибегнуть к ограниченным иностранным инвестициям и некоторым «рыночным реформам» для подпитки слабой кубинской экономики, Фидель тем не менее продолжает эксплуатировать образ Че: он служит кубинскому режиму «духовным стержнем», на котором крепится то немногое «революционное», что осталось на Кубе. Следуя революционной традиции присвоения особенного титулования каждому году, 1997 г. был назван «Годом тридцатой годовщины гибели в бою Партизана-Героя и его товарищей».

IV

Многие из тех, кто был причастен к гибели Че в Боливии, впоследствии и сами умерли не своей смертью, что породило слухи о так называемом «проклятии Че». Первой жертвой стал военный президент Боливии генерал Рене Баррьентос, чей вертолет при невыясненных обстоятельствах разбился в апреле 1969 г. Онорато Рохас, крестьянин, выдавший место нахождения колонны Хоакина, был расстрелян партизанами второй волны в конце 1969 г. Полковник Роберто Кинтанилья, глава разведслужбы при Министерстве внутренних дел, который взял отпечатки пальцев с рук Че, был убит в Германии в 1971 г.

Генерал Хуан Хосе Торрес, ставший впоследствии президентом-популистом, а перед тем входивший в состав генштаба при Баррьентосе и голосовавший за смертный приговор Че в 1967 г., был убит аргентинским «эскадроном смерти» в 1976 г. после своего свержения и отправки в изгнание. Всего двумя неделями позже в Париже был застрелен генерал Хоакин Сентено Аная. Ответственность за это деяние взяла на себя «Международная бригада Че Гевары».

Капитан Гари Прадо, чья роль в «победе над Че» была широко признана властями, быстро сделал карьеру и дослужился до полковника. Впрочем, во время операции по подавлению вооруженного мятежа в Санта-Крусе в 1981 г. он был ранен, и нижняя часть его тела оказалась парализована. Выйдя в отставку в звании генерала, он включился в политическую жизнь, присоединившись к лагерю левоцентристов, и одно время даже служил боливийским послом в Лондоне. Капитан Марио Варгас Салинас также стал генералом, а в 1970-х гг. являлся министром в правительстве военного диктатора Уго Бансера Суареса.

Из всех, кто принимал непосредственное участие в поимке и казни Че Гевары, наименее удачно дальнейшая жизнь сложилась у подполковника Андреса Селича. В 1971 г. Селич возглавил военный переворот против президента Хуана Хосе Торреса, в результате которого к власти пришел генерал Уго Бансер Суарес. Прослужив у Бансера министром внутренних дел всего полгода, Селич был смещен с поста и отправлен послом в Парагвай. Вскоре он начал замышлять заговор против диктатора и, тайно вернувшись в Боливию в 1973 г., собирался устроить новый переворот, но по приказу Бансера был схвачен и забит до смерти наемными убийцами. Мигель Айороа вышел в отставку в звании полковника. Ныне он живет в Санта-Крусе и отрицает свою причастность к смерти Че, возлагая всю ответственность на покойного Андреса Селича.

Участь непосредственного исполнителя смертного приговора, Марио Терана, незавидна: он вынужден постоянно скрываться, ибо опасается расправы. Сменивший не одну лакейскую должность (каждая из которых, в сущности, была подачкой со стороны армейского руководства; в частности, он какое-то время работал барменом в клубе офицеров армейского дивизиона в Санта-Крусе), Теран чувствует себя глубоко несчастным человеком. Он считает, что старшие офицеры, написавшие книги и снискавшие славу и звания благодаря причастности к победе над Че, его самого определили на роль козла отпущения. Теран готов рассказать о событиях, имевших место в Ла-Игере 9 октября 1967 г., но только за деньги.

Марио Теран буквально вспыхнул от ярости, когда я поинтересовался, не сожалеет ли он о своем поступке. «Да что вы понимаете! — воскликнул он. — Вы что думаете — я просто вошел в комнату и нажал на курок? За день до того я был в ущелье, я был там! Я видел, как трое моих друзей погибли в тот день».

Феликс Родригес также уверен, что кубинские власти приговорили его к смерти, и рассказывает в связи с этим об одном инциденте, случившемся в 1970-е гг.: тогда американские спецслужбы предупредили своего агента о том, что самолет, на котором он должен лететь, планируют угнать. Последующая карьера Родригеса в ЦРУ привела его во Вьетнам, Сальвадор и ряд других стран, где происходили военные конфликты. Ныне Родригес живет в пригороде Майами, и среди его многочисленных трофеев главное место занимает фотография, на которой он стоит рядом с раненым, обреченным на смерть Че Геварой.

Рикардо Рохо, от случая к случаю появлявшийся в жизни Че и выполнявший функции его политического «спарринг-партнера», сразу после кончины Че написал книгу «Мой друг Че», ставшую международным бестселлером. Она не только принесла ему славу и некоторый доход, но и вызвала яростное осуждение со стороны кубинских властей и товарищей Че, поскольку в книге Рохо говорилось о разрыве Че с Фиделем. В 1970-х гг. Рохо также был вынужден покинуть Аргентину и вернулся на родину только после восстановления демократической власти в 1983 г. Он умер от рака в Буэнос-Айресе в 1996 г.

Друг Че Альберто Гранадо по-прежнему живет на Кубе. Ему уже перевалило за шестьдесят, и теперь Гранадо наслаждается своим положением семейного патриарха, сохраняя вкус к рому и танго. Имея высокий статус «друга» Че, он опубликовал несколько книг об их отношениях, поездках по миру и тех приключениях,

которые они пережили вместе.

Дети Че выросли на Кубе под присмотром «дядюшки» Фиделя и «дядюшки» Рамиро Вальдеса. Сыновья — Эрнесто и Камило — прошли пятилетний курс обучения в академии КГБ в Москве. Ныне Камило работает в Министерстве рыбного хозяйства под началом старого соратника Че Энрике Ольтуски, а Эрнесто — в государственной фирме по производству электроники, возглавляемой Рамиро Вальдесом. Дочь Алюша, подобно своему отцу, стала врачом, специализирующимся на лечении аллергических заболеваний. Несмотря на сопротивление матери, она в 1980-е гг. добровольцем отправилась в Никарагуа и Анголу. Одно время Алюша была замужем за сыном Густаво Мачина де Худа, одного из тех, кто погиб вместе с Че в Боливии. Вторая дочь — Селия — стала биологом и ныне изучает жизнь дельфинов и морских львов в гаванском океанариуме.

Алюша, которая напоминает Че Гевару проникновенным взором и своеобразным, пусть и не столь едким чувством юмора, является сейчас главным публичным представителем своей семьи и защитником памяти отца на Кубе. Эта роль перешла к ней в результате постепенного ухода ее матери с общественно-политической сцены.

Сама Алейда, следуя пожеланию Че, повторно вышла замуж и переехала из дома на 47-й улице в новый дом в районе Мирамар. В течение многих лет она в качестве депутата принимала активное участие в работе Конгресса Коммунистической партии Кубы, а также Федерации кубинских женщин. Теперь в свои шестьдесят лет она выступает в роли почтенной матроны, оставаясь весьма привлекательной женщиной (ее отличают со вкусом выкрашенные светлые волосы и молодая улыбка). Алейда оставила все свои общественные занятия, чтобы целиком посвятить себя семье и поддержанию доброй памяти первого мужа. Этой цели служит музей, открытый в их старом доме.

Дом выкрашен краской цвета морской волны, а на крыше разбит сад. К сожалению, недавно кто-то из соседей срубил огромную ель, которую Алейда посадила, еще когда Эрнесто был жив. Стены в фойе украшены рисунками Че, но им угрожают протечки в крыше. Наверху имеется маленький кабинет Че Гевары, оставленный таким, каким он был при жизни владельца. Тут находятся книги Че: труды Маркса, Энгельса и Ленина, поля которых испещрены его пометками; биографии Фуше и Марии-Антуанетты, написанные Стефаном Цвейгом. Отдельно стоят книги, которые Че читал перед отъездом: о Боливии, Африке и алжирской революции (многие из них на французском языке), а также исследование об убийстве Джона Ф. Кеннеди.

На стене над столом по-прежнему висит портрет Камило, а на книжном шкафу стоят бюст Симона Боливара и бронзовый барельеф с изображением Ленина. Резной калебас для мате с серебряной трубкой стоит на отдельной полочке, а на полу собирает пыль бронзовая статуэтка, символизирующая «Нового Человека советского типа». На полке в узком чулане лежат некоторые вещи, оставленные Че: армейский рюкзак цвета хаки, ремень и другие предметы военной амуниции, которые постепенно ветшают во влажном кубинском климате.

После того как первая жена Че Ильда умерла от рака в 1974 г., их дочь Ильдита отправилась в Европу. Ее жизнь там была не очень легкой: она занималась мелкими подработками и путешествовала автостопом. Будучи в Италии и некоторых других странах, она немного приобщилась к движению «хиппи». Затем Ильдита переехала в Мексику и вышла замуж за местного партизана по имени Альберто. Они поселились на Кубе, но то, что Альберто участвовал в заговорщической деятельности против одного из главных союзников Кубы, не нравилось кубинским властям, и ему в конечном счете предложили покинуть страну; Ильдита уехала вместе с мужем, однако затем они развелись. Вернувшись на Кубу в середине восьмидесятых с двумя сыновьями, она устроилась на работу в главное культурное учреждение Кубы — «Каса де лас Американас» — в качестве архивного работника и исследователя и начала составлять библиографию трудов своего отца.

Преданная идеям кубинской революции, но склонная откровенно говорить о недостатках нового строя, Ильдита заслужила негласное неодобрение со стороны режима. Ее подросший сын Канек, большой поклонник хеви-метал, также вызвал недовольство властей, ибо позволил себе сделать ряд нелестных для правительства Фиделя замечаний в иностранной прессе. В 1995 г. Ильдита умерла от рака, она скончалась в тридцать девять лет — в том же возрасте, что и ее отец. Ни Фидель, ни Рауль не пришли на ее похороны, однако отправили пышные венки. Во время погребения старшей дочери Че Гевары на кладбище Колон, где она упокоилась в Пантеоне революционных вооруженных сил, никаких торжественных речей не прозвучало.

V

Неколебимая вера Че в свои идеалы еще более подчеркивалась необычным сочетанием в нем романтического

страстного сердца с холодным аналитическим умом. Эта парадоксальность его натуры, возможно, и обусловила тот почти мистический ореол, который всегда окружал Че Гевару, но она же, по-видимому, являлась и источником его слабостей — горделивости и наивности. Обладая даром стратегического видения в отдаленной перспективе, Че порой был не в состоянии решать простые задачи, из которых и складывается общий успех. Достаточно вспомнить, например, его в высшей степени неудачное решение избрать Мазетти на роль создателя партизанского лагеря в Аргентине. И там, и на Кубе, и в Конго, и в Боливии те, в кого Че Гевара верил, раз за разом подводили его, а он все бился над вопросом, как же изменить природу людей, превратить их в «самоотверженных коммунистов». Но при всех ошибках Че главное, что осталось в памяти знавших его людей, — это его вера, сила воли и самопожертвование.

Вот что говорит ветеран кубинской разведывательной службы по прозвищу Сантьяго: «Ближе к концу Че понял, что ему предстоит, и приготовился к тому, чтобы явить пример образцовой гибели. Он знал, что его смерть станет примером для многих революционеров Латинской Америки, и был прав. Конечно, мы бы предпочли, чтобы он остался жив и был здесь, с нами на Кубе, но нельзя отрицать того, что его смерть оказала нам огромную помощь. Едва ли бы мы смогли добиться такой революционной солидарности, которая была у нас все эти годы, если бы не тот героический пример, который Че явил своей гибелью».

Че и по сей день остается столь же противоречивой и всемирно признанной фигурой, какой был в конце 1960-х гг., когда восставшие студенты подняли его образ на свое знамя. Полузабытый в 1970- 1980-е гг., он вновь вернулся в массовое сознание в 1990-х гг. в качестве неувядающего символа страстного сопротивления укоренившемуся порядку.

Те, кто думал, что Че или партизанские методы ведения войны «выйдут из моды» с окончанием пропаганды марксизма и прекращением «холодной войны», ошибались. И пример тому — индейское движение сапатистов в Южной Мексике, ведомое «субкоманданте Маркосом». Не столь агрессивная военная тактика сапатистов и довольно умеренные политические цели (автономия для коренных народов мексиканского штата Чьяпас), конечно, не идут в сравнение с тактикой и целями Че, и тем не менее его влияние обнаруживается в критике повстанцами мексиканской зависимости от финансовых структур США и в их призывах к углублению социальных, политических и экономических реформ. Бесспорно харизматичный, Маркос,

который умело обращается с оружием, курит трубку, отличается созерцательным, ироничным и сентиментальным характером, завоевал в народе не меньшую популярность, чем в свое время Че. Маркос действительно предстает этаким вторым Че Геварой, только более приспособленным к современным условиям: идеализм, хотя и не столь утопический, сочетается в нем с готовностью сражаться за свои убеждения; многое в его образе кажется позаимствованным у знаменитого предшественника.

Во многих конфликтах, чьи истоки уходят корнями в прошлое, продолжает незримо ощущаться присутствие Че. Так, в декабре 1996 г. «геваристская» партизанская группировка «Революционное движение имени Тупака Амару» захватила японское посольство в столице Перу Лиме, что привлекло внимание всего мира к прежде малоизвестным проблемам этой страны и пошатнуло позиции местного режима. А всего несколько недель спустя в Африке возник конфликт, вызванный тем, что несколько миллионов представителей народности хуту бежали из Руанды в Восточный Заир; среди них скрывались и вооруженные ополченцы, присутствие которых спровоцировало весьма эффектное выступление ранее неприметного заирского повстанческого движения: его бойцы изгнали беженцев назад в Руанду, захватили заирские города и начали преследование ополченцев хуту.

Вскоре стало известно имя лидера этого движения. Это был не кто иной, как Лоран Кабила — человек, которому Че пытался помогать в Конго тремя десятилетиями ранее; Кабила возник из политического небытия, чтобы снова поднять знамя борьбы.

В мае 1997 г. в результате ошеломляюще быстрой военной кампании Кабила свергнул диктатора Мобуту, правившего страной тридцать один год, взял власть в свои руки и переименовал Заир в Демократическую республику Конго. Осознал ли Кабила свои былые ошибки, помнит ли он, как в свое время наплевательски отнесся к попыткам Че Гевары помочь ему «освободить» Конго, остается неизвестным, но само по себе возвращение Кабилы на сцену истории в очередной раз напомнило о том, что исход некоторых битв, начатых Че в шестидесятые годы, может быть, до сих пор еще не решен.

Попытки найти и эксгумировать тело Че, предпринимавшиеся в окрестностях боливийского городка Вальегранде, наконец принесли успех. В июле 1997 г. специальная кубинско-аргентинская экспедиция откопала его скелет (у которого недоставало кистей рук), вместе со скелетами еще шестерых партизан. После эксгумации останки были помещены в гробы и привезены на Кубу, где состоялась скромная, но волнующая

церемония, на которой присутствовали Фидель и Рауль Кастро, а также вдова Че с детьми. В октябре 1997 г. тело Эрнесто Че Гевары было публично перезахоронено в специально построенном мавзолее на окраине города Санта-Клары. Спустя тридцать лет Че Гевара окончательно вернулся на свою вторую родину.

А в Вальегранде на глинобитной стене телефонной станции красуется ныне граффито с надписью на испанском, гласящей: «Че, ты живей, чем они хотели». Быть может, эта надпись лучше любой другой говорит о значимости Че в современном мире. Каким-то образом Эрнесто Че Гевара сумел сохранить свое влияние на сердца людей — влияние, которому, похоже, нет преград во времени и пространстве. Навеки оставшись молодым, отважным, непримиримым и непокорным, Че победил саму смерть. Даже ближайшие его друзья и соратники увядают с каждым годом, уступая соблазнам тихой жизни, в которой нет более места революции, а образ Че остается неизменным. Он бессмертен, поскольку таким его видят другие — Новым Человеком, призывавшим остальных следовать его примеру.

Избранная библиография

ТРУДЫ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ И РАБОТЫ О НЕМ

Adams J. R. Latin American Heroes. New York: Ballantine Books, 1991. Alexandre M. (ed.). Viva Che. London: Lorrimer, Third World Series, 1968.

Alvarez Batista G. Che: Una Nueva Batalla. La Habana: Pablo de la Torriente, 1994.

Anderson J. L. Bones Now Seem to Prove That Che Is Dead // The New York Times (July 5, 1997).

Anderson J. L. Where Is Che Guevara Buried? A Bolivian Tells // The New York Times, November 21,1995.

Ariet del Carmen M. Che: Pensamiento Pol #237;tico. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1993

Ariet del Carmen M. El Pensamiento del Che. La Habana: Editorial Capit #225;n San Luis, 1992.

Bourne R. Political headers of Latin America. London: Pelican Books, 1969.

Bruschtein L. Che Guevara: Los Hombres de la Historia. (Magazine supplement.) Buenos Aires: Pagina 12, Centro Editor de America Latina, 1994.

Cand #237;a A. G. La Muerte del Che Guevara. La Paz, Bolivia: La Liga Anticomunista de los Pueblos Asiaticos, Republica de China, 1971.

Castro F. Che: A Memoir by Fidel Castro. Melbourne, Australia: Ocean Press, 1994.

Centro de Estudios Sobre America. Pensar al Che, Tomo I and 2. La Habana: Editorial Jos #233; Mart #237;, 1989.

Che. La Habana: Casa de Las Americas, № 43 (Jan.-Feb. 1968).

Che: Edici #243;n Especial de Moncada. La Habana: Ministerio del Interior, October 6,1987.

Cupull A., Gonz #225;lez F. C #225;lida Presencia: Su Amistad con Tita Infante. Santiago de Cuba: Editorial Oriente, 1995.

Cupull A., Gonz #225;lez F. De #209;ancahuasu a La Higuera. La Habana: Editora Pol #237;tica 1989.

Cupull A., Gonz #225;lez F. El Diario del Che en Bolivia. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1988.

Cupull A., Gonz #225;lez F. Entre Nosotros. La Habana: Ediciones Abril, 1992.

Cupull A., Gonz #225;lez F. Ernestito: Vivo y Presente. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1989.

Cupull A., Gonz #225;lez F. La CIA contra El Che. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1992.

Cupull A., Gonz #225;lez F. Un Hombre Bravo. La Habana: Editorial Capit #225;n San Luis, 1995.

Debray R. La Guerrilla de Che. Barcelona: Siglo Veinti #250;n Editores, 1975.

Escobar F., Guerra F. Che: Sierra Adentro. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1988.

Espinosa Goitizolo R., Guardarrama G. G. Atlas Ernesto Che Guevara: Hist #243;rico Biogr #225;fico y Militar La Habana: Editorial Pueblo y Educaci #243;n, Ministerio de las Fuerzas Armadas Revolucionarias, 1991.

Gadea H. Ernesto: A Memoir of Che Guevara: An Int #237;mate Account of the Making of a Revolutionary by His First Wife, Hilda Gadea. London and New York: W. H. Alien, 1973.

Galvarro C. S. El Che en Bolivia: Documentos y Testimonios, vols. 1–5. La Paz, Bolivia: CEDOIN Colecci #243;n Historia y Documento, 1994–1996.

Gambini H. El Che Guevara: La Biograf #237;a. Buenos Aires: Grupo Planeta, 1968, rev. ed., 1996

Garc #233;s M. Materiales sobre la Guerrilla de #209;ancahuasu: La Campa #241;a del Che en Bolivia (1967) Atrav #233;z della Prensa. Quito, Ecuador: Editorial La Ma #241;ana, 1987.

Garc #237;a Carranza A., Garc #237;a Carranza J. (eds.). Bibliograf #237;a Cubana del Comandante Ernesto Che Guevara. La Habana: Ministerio de Cultura Biblioteca Nacional Jos #233; Mart #237;. Dept. de Investigaciones Bibliogr #225;ficas, 1987.

Gonz #225;lez L. J., S #225;nchez Salaz #225;r G. A. The Great Rebel: Che Guevara in Bolivia. New York: Grove Press, 1969.

Granado A. Con el Che Guevara de C #243;rdoba a la Habana. C #243;rdoba, Argentina: Opoloop Ediciones, 1995.

Granado A. Con el Che por Sudamerica. La Habana: Editorial Letras Cubanas, 1980.

Granma: Edici #243;n Especial. «Dolorosamente Cierta La Muerte del Comandante Ernesto Guevara». La Habana: Comit #233; Central del Partido Comunista de Cuba, October 17,1967.

Guevara E. Che. Bolivian Diary / Trans. Carlos P. Hansen and Andrew Sinclair. London: Jonathan Cape / Lorrimer, 1968.

Guevara E. Che. Bolivian Diary. New York: Pathfinder, 1994.

Guevara E. Che. Che Guevara and the Cuban Revolution: Writings and Speeches of Ernesto Che Guevara. New York: Pathfinder/Pacific amp; Asia, 1987

Guevara E. Che. Che Guevara Speaks. La Habana: Pathfinder / Jos #233; Mart #237; 1988.

Guevara E. Che. Che Periodista. La Habana: Editorial Pablo de la Torriente, Uni #243;n de Periodistas de Cuba, 1988.

Guevara E. Che. Che: Reminiscences of the Cuban Revolutionary War / Trans. Victoria Ortiz. / New York: Monthly Review Press, Inc., 1968.

Guevara E. Che. Che: Selected Works of Ernesto Guevara / Ed. Bonachea and Valdes. MIT Press, 1969.

Guevara E. Che. Diario del Che en Bolivia. Buenos Aires: Editorial Lagasa, 1994.

Guevara E. Che. El Che Guevara en la Revoluci #243;n Cubana / Ra #250;l Castro. La Habana: Ministerio de Az #250;car, 1969.

Guevara E. Che. Ernesto Che Guevara (Obras). La Habana: Editorial de Ciencias Sociales del Instituto Cubano del Libro, 1972.

Guevara E. Che. Ernesto Che Guevara: Obras 1957–1967. La Habana: Casa de las Americas, 1970.

Guevara E. Che. Ernesto «Che» Guevara: Scritti scelti, vols. 1 and 2 / Ed. Roberto Massari. Rome: erre emme, 1993.

Guevara E. Che. Ernesto Che Guevara: Temas Econ #243;micos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1988.

Guevara E. Che. Episodes of the Cuban Revolutionary War. New York: Pathfinder, 1996.

Guevara E. Che. Guerrilla Warfare. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1985.

Guevara E. Che. Ideario Pol #237;tico y Filos #243;fico del Che. La Habana: Editora Pol #237;tica / Olivo Colecci #243;n, 1991.

Guevara E. Che. La Guerra de Guerrillas. La Habana: Talleres de INRA, 1961.

Guevara E. Che. The Motorcycle Diaries / Trans #237;. Ann Wright. London: Verso, 1994.

Guevara E. Che. A New Society: Reflections for Today's World. Melbourne, Australia: Ocean Press, 1991.

Guevara E. Che. Notas de Viaje. La Habana: Editorial Abril, 1992.

Guevara E. Che. Pasajes de la Guerra Revolucionaria. La Habana: Ediciones Uni #243;n / Narraciones, UNEAC, 1963.

Guevara E. Che. Venceremos: The Speeches and Writings of Che Guevara / Ed. John Gerassi. London: Panther Modem Society, 1969, 1972.

Guevara E. Che, Castro R. Diarios In #233;ditos de la Guerrilla Cubana / Ed. Heinz Dieterich and Paco Ignacio Taibo EL Mexico: Editorial Joaqu #237;n Mort #237;z. Grupo Editorial Planeta, 1995.

Guevara L. E. Aqu #237; Va un Soldado de las Americas. Sudamericana Planeta, 1987.

Guevara L. E. M #237; Hijo el Che. La Habana: Editorial Arte, 1988.

Harris R. L. Death of a Revolutionary: Che Guevara's Last Mission. W. W. Norton amp; Co., Inc., 1970.

Hodges D. C. The Legacy of Che Guevara: A Documentary Study. London: Thames amp; Hudson, 1977.

James D. Che Guevara: A Biography. New York: Stein and Day, 1969. James D. The Complete Bolivian Diaries of the Che Guevara and Other Captured Documents. New York: Stein and Day Publishers, 1968.

Korol C. El Che y los Argentinos. Buenos Aires: Ediciones Dial #233;ctica, Colecci #243;n Testimonial, 1988.

Larteguy J. Los Guerrilleros. Mexico: Editorial Diana, Mexico, 1979. Lavretsky I. Ernesto Che Guevara. Moscow: Progress Publishers, 1977. Maestre A. J. Ernesto Che Guevara: Antolog #237;a del Pensamiento Politico, Social y Econ #243;mico de America Latina. Madrid: Ediciones de Cultura Hisp #225;nica, 1988.

Mart #237;nez Est #233;vez D. #209;ancahuasu: Apuntes para la Historia Militar de Bolivia. La Paz, Bolivia: Transcripci #243;n e Impresi #243;n Laser «Computaci #243;n y Proyectos», 1989.

Mart #237;nez Heredia F. Che, el Socialismo y el Comunismo. La Habana: Ediciones Casa de las Americas, 1989.

Massari R., Mart #237;nez F., et al. Che Guevara: Grandeza y Riesgo de la Utopia. City TK: Txalaparta, 1993.

Massari R., Mart #237;nez F., et al. Che Guevara: pensiero e politica dell'utopia. Roma: erre emme, 1993.

Massari R., Mart #237;nez F., et al. Guevara para Hoy. La Habana: Centro de Estudios Sobre America / La Universidad de Camilo Cienfuegos, Matanzas / erre emme edizioni, 1994.

Massari R., Mart #237;nez F., et al. Otros Documentos del Che en Bolivia. La Paz, Bolivia: Ediciones Katari (undated).

Moyano Martin D. The Making of a Revolutionary: A Memoir of Young Guevara // The New York Times Magazine (August 18, 1968).

Peredo I. Mi Campa #241;a con el Che. Mexico: Editorial Diogenes S. A.

P #233;rez G. V. Un Hombre Que Actua Como Piensa. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1988.

Prado Salmon G. La Guerrilla Inmolada: Testimonio y An #225;lisis de un Protagonista. Santa Cruz, Bolivia: Co-Edici #243;n Grupo Editorial Punto y Coma, 1987.

Ray M. In Cold Blood: How the CIA Executed Che Guevara // Ramparts. February 5, 1968.

Rodr #237;guez Herrera M. Con la Adarga al Brazo. La Habana: Lectura para J #243;venes, Editorial Pol #237;tica, 1988.

Rodr #237;guez Herrera M. Ellos Lucharon con el Che. La Habana: Ediciones Pol #237;ticas, Editorial de Ciencias Sociales,

1989.

Rojas M. Testimonios sobre el Che, Autores Varios. La Habana: Colecci #243;n Pablo de la Torriente, 1990.

Rojo R. My Friend Che. New York: Grove Press, 1969.

Saucedo Parada A. No Disparen Soy El Che. Santa Cruz, Bolivia: Talleres Gr #225;ficos de Editorial Oriente, 1988.

Sinclair A. Guevara. London: Fontana/Collins, 1970.

Soria Galvarro C. Tras Las Huellas del Che en Bolivia // La Raz #243;n (October 9, 1996).

The Spirit of Che // Evergreen Review, № 51 (February 1968).

Tablada C., Barnes J., Clark S., Waters M.-A. Che Guevara: Cuba and the Road to Socialism (Che Guevara, Carlos Rafael Rodr #237;guez). New York: New International, 1991.

Tablada P #233;rez C. El Pensamiento Econ #243;mico de Ernesto Che Guevara. La Habana: Ediciones Casa de las Am #233;ricas, 1987.

Taibo P. I. II. Ernesto Guevara: Tambi #233;n Conocido Como El Che. Mexico: Editorial Joaqu #237;n Mort #237;z, Grupo Editorial Planeta, 1996.

Ter #225;n R. La Campa #241;a de #209;ancahuasu: La Guerrilla del «Che» Visto por el Comandante de la IV Divisi #243;n del Ejercito Boliviano. La Paz, Bolivia: 1987.

Vargas Salinas M. El Che: Mito y Realidad. La Paz / Cochabamba: Los Amigos del Libro, 1988.

Vasquez-Via #241;a H. Antecedentes de la Guerrilla del Che en Bolivia. Research Paper Series, № 46. Stockholm: Institute of Latin American Studies, September 1987.

Vasquez-Via #241;a H., Aliaga Saravia R. Bolivia: Ensayo de Revoluci #243;n Continental. Bolivia.[52]

Villegas H. (Pombo). Un Hombre de la Guerrilla del Che. Buenos Aires and La Habana: Ediciones Colih #252;e. Editora Pol #237;tica, 1996.

РАБОТЫ О КУБЕ, ФИДЕЛЕ КАСТРО И ЧЕ

Acevedo E. Descamisado. La Habana: Editorial Cultura Popular, International Network Group, 1993.

Almeida Bosque J. Atenci #243;n, Recuento! La Habana: Editora Pol #237;tica, 1988.

Almeida Bosque J. La Siena. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1989.

Almeida Bosque J. La Sierra Maestra y Mas All #225;. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1995.

Almeida Bosque J. Por las Faldas del Turquino. La Habana: Editora Pol #237;tica, 1992.

Arenas R. Before Night Falls: A Memoir. New York: Viking Penguin, 1993.

Beschloss M. R. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. New York: HarperCollins, 1991.

Borge T. Fidel Castro: Un Grano de Ma #237;z. Conversaci #243;n con Tomas Borge. La Habana: Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 1992.

Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A. Cuba on the Brink. New York: Pantheon. 1993.

Brugioni D. A. Eyeball to Eyeball: The Inside Story of the Cuban Missile Crisis. New York: Random House, 1991.

Cabrera Infante G. Mea Cuba. New York: Farrar, Straus amp; Giroux, 1994.

Cabrera Infante G. Vista del Amanecer en el Tr #243;pico. Barcelona: Seix Barral, 1974.

Castro F. La Historia Me Absolver #225;. La Habana: Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 1993.

Castro F., Che Guevara. To Speak the Truth. New York: Pathfinder, 1992.

Chang L., Kornbluh P. (eds.). The Cuban Missile Crisis 1962. New York: New Press, 1992.

Chaviano J. O. La Lucha en las Villas. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1990.

Cuervo Cerulia G. (ed.). Granma — Rumbo a la Libertad. La Habana: Editorial Gente Nueva, 1983.

Darushenkov O. Cuba, El Camino de la Revoluci #243;n. Moscow: Editorial Progreso, 1979.

Debray R. Prison Writings. London: Pelican Latin America Library, Penguin Books, 1973.

Debray R. Revolution in the Revolution? London: Pelican Latin America Library, Penguin Books, 1968.

Debray R. Strategy for Revolution. London: Pelican Latin America Library, Penguin Books, 1973.

Draper T. Castroism: Theory and Practice. New York: Frederick Praeger, 1965.

Dumont R. Cuba: Socialism and Development. New York: Grove Press, 1970.

Ediciones Pol #237;ticas. Cinco Documentos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, Institute Cubano del Libro, 1971.

Edwards J. Persona Non Grata: An Envoy in Castro's Cuba. London: The Bodley Head, 1977.

Franqui C. Diary of the Cuban Revolution. New York: A Seaver

Book, Viking Press, 1980.

Franqui C. Family Portrait with Fidel. New York: Vintage, 1985.

Franqui C. The Twelve. New York: Lyle Stuart, Inc., 1968.

Galeano E. El Tigre Azul y Otros Relatos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, Editora Pol #237;tica, 1991.

Geyer G. A. Prince: The Untold Story of Fidel Castro. New York: Little, Brown amp; Co, 1991.

Gosse Van. Where the Boys Are: Cuba, Cold War America and the Making of a New Left. London and New York: Verso, 1993.

Habel J. Cuba: The Revolution in Peril. London: Verso, 1991.

Halperin M. The Taming of Fidel Castro. Berkeley: University of California Press, 1979.

Hinckle W., Turner W. The Fish Is Red: The Story of the Secret War against Castro. New York: Harper amp; Row, 1981.

Iglesias J. De la Siena Maestra al Escambray. La Habana: Letras Cubanas, 1979.

Jenks L. H. Nuestra Colonia de Cuba. La Habana: La Empresa Consolidada de Artes Gr #225;ficas, 1928.

Karol K. S. Guerrillas in Power. New York: Hill amp; Wang, 1970.

Kennedy R. F. Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. New York: A Mentor Book, Penguin, 1969.

Lara J. Guerrillero Inti Peredo. Cochabamba, Bolivia: Edici #243;n del Autor, 1980.

Lazo M. Dagger in the Heart: American Policy Failures in Cuba. New York: Funk and Wagnall, 1968.

Llovio-Men #233;ndez J. L. Insider: My Life as a Hidden Revolutionary in Cuba. New York: Bantam, 1988.

Lockwood L. Castro's Cuba, Cuba's Fidel. New York: Westview Press, 1990. Mallin J. Covering Castro: The Rise and Decline of Cuba's Communist Dictator. New Brunswick, New Jersey: U.S.-Cuba Institute, Transaction Publishers, 1994.

Martin L. The Early Fidel: Roots of Castro's Communism. New York: Lyle Stuart, Inc., 1977.

Mart #237;nez V #237;ctores R. RR: La Historia de Radio Rebelde. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1978.

Masetti J. R. Los Que Luchan y Los Que Lloran. Buenos Aires: Puntosur, 1987.

Matthews H. L. The Cuban Story. New York: George Braziller, 1961. Matthews H. L. Castro: A Political Biography. London: Pelican Books, 1970.

Min #226; G. An Encounter with Fidel. Australia: Ocean Press, 1991.

Nu #241;ez Jim #233;nez A. En Marcha con Fidel. La Habana: Editoria Cubanas, 1982.

Nu #241;ez Jim #233;nez A. Patria o Muerte. La Habana: INRA, 1961.

Padilla H. Self-Portrait of the Other: A Memoir. New York: Far Straus amp; Giroux, 1990.

Perez L. A. Cuba: Between Reform and Revolution. New York: Oxford University Press, 1988.

Quirk R. E. Fidel Castro. New York: Norton, 1993.

Robbins C. A. The Cuban Threat. New York: ISCHI Publications, 1985. Rojas M., Rodr #237;guez M. Tania la Guerrillera Inolvidable. La Habana: Instituto del Libro, 1970.

Rodr #237;guez F. I., Weisman J. Shadow Warrior: The CIA Hero of a Hundred Unknown Battles. New York: Simon amp; Schuster, 1989.

Rueda M., Antezana Ergueta L. Una Leyenda llamada Tania // La Raz #243;n «Ventana», October 15,1995.

Salkey A. Havana Journal. London: Penguin Books, 1971.

Sarabia N. M #233;dicos de la Revoluci #243;n. Apuntes Biogr #225;ficos. La Habana: Editorial Gente Nueva, 1983.

Stubbs J. Cuba: The Test of Time. London: Latin America Books, 1989. Szulc T. Fidel: A Critical Portrait. New York: William Morrow Co., 1986. Taber R. M-26: The Biography of a Revolution. New York: Lyle Stuart, 1961.

Thomas H. Cuba or The Pursuit of Freedom. London: Eyre amp; Spottiswoode, 1971.

Timmerman J. Cuba. New York: Vintage Books, 1992.

Welch R. E., Jr. Response to Revolution: The United States and the Cuban Revolution, 1959–1961. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985.

Wyden P. Bay of Pigs. New York: Simon amp; Schuster, 1979.

РАБОТЫ ОБ АРГЕНТИНЕ

Barnes J. Evita: First Lady — A Biography of Evita Per #243;n. New York: Grove Press, 1978.

Baschetti R. (ed.). Documentos 1970–1973: De la Guerrilla Peronista al Gobierno Popular. Buenos Aires: Editorial de la Campana, Colecci #243;n Campana de Palo, 1995.

Crasweller R. Per #243;n and the Enigmas of Argentina. New York: W. W. Norton, 1987.

Gilbert I. El Oro de Mosc #250;: La Historia Secreta de las Relaciones Argentino- Sovi #233;ticos. Buenos Aires: Planeta / Espejo de la Argentina, 1994.

Luna F. La Argentina: De Per #243;n a Lanusse, 1943–1973.

Buenos Aires: Planeta, Espejo de la Argentina, 1993.

Main M. Evita: The Woman with the Whip. London: Corgi Books, 1977, 1978.

Rock D. Authoritarian Argentina: The Nationalist Movement, Its History and Its Impact. Berkeley: University of California Press, 1993.

Scobie J. R. Argentina: A City and a Nation. New York: Oxford University Press, 1971.

Tulchin J. S. Argentina and the United States: A Conflicted Relationship. New York: Macmillan, 1990.

РАБОТЫ О ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Aguilar L. E. (ed.). Marxism in Latin America: A Borzoi Book on Latin America. New York: Alfred A. Knopf, 1968.

Borge T. The Patient Impatience. New York: Curbstone, 1992.

Brown M. F., Fernandez E. War of Shadows: The Struggle for Utopia in the Peruvian Amazon. Berkeley: University of California Press, 1991.

Caj #237;as L., de. Juan Lech #237;n, Historia de una Leyenda. La Paz, Bolivia: Los Amigos del Libro, 1994.

Casta #241;eda J. G. Utopia Unarmed: The Latin American Left After the Cold War. New York: Alfred A. Knopf, 1994.

Dunkerley J. Rebellion in the Veins: Political Struggle in Bolivia 1952–1982. London: Verso Editions, 1984.

Gerassi J. The Great Fear in Latin America. New York: Collier, 1963.

Gott R. Guerrilla Movements in Latin America. London: Thomas Nelson and Sons Ltd., 1970.

Gott R. Land without Evil: Utopian Journeys across the South American Watershed. London: Verso, 1993.

Gunson Ph., Chamberlain G., Thompson A. The Dictionary of Contemporary Politics of Central America and the Caribbean. New York: Simon amp; Schuster, 1991.

Herrera H. Frida: A Biography of Frida Kahlo. New York: HarperCollins, 1984.

Lindqvvist S. The Shadow: Latin America Faces the Seventies. London: Pelican Latin America Library, Penguin Books, 1969.

Min #225; G. Un Continente Desaparecido. Barcelona: Ediciones Pen #237;nsula, 1996.

Pendle G. History of Latin America. London: Penguin, 1963, 1990.

Schlesinger S., Kinzer S. Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala. New York: Anchor Press / Doubleday,

1983.

Szulc T. Twilight of the Tyrants. New York: Henry Holt amp; Co., 1959.

Ydigoras Fuentes M. My War with Communism. New York: Prentic Hall, Inc., 1963.

РАБОТЫ О КУБИНСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Barreto J. Comrade Tato // Prensa Latina (June 1993).

Bridgland F. Jonas Savimbi: A Key to Africa. New York: Paragon House Publishers, 1987.

Carrasco J. Tatu: Un Guerrillero Africano // Verde Olivo (June 1988).

Gott R. Che's Missing Year: Che Guevara and the Congo // New Left Review № 220 (1996).

Garc #237;a M #225;rquez G., Risqu #233;t J., Castro F. Changing the History of Africa, Angola and Namibia. Australia: Ocean Press, 1989.

Heikal M. H. The Cairo Documents. New York: Doubleday, 1971.

Jim #233;nez Rodr #237;guez L. Hero #237;nas de Angola. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1985.

Moore J. C. Castro, the Blacks and Africa. Berkeley: Center for Afro- American Studies, University of California Press, 1988.

Taibo P. I. П, Escobar F., Guerra F. El A #241;o Que Estuvimos en Ninguna Parte. Mexico: Editorial Joaqu #237;n Mort #237;z, Grupo Planeta, 1994.

РАБОТЫ О «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

Andrew Ch., Gordievsky 0. KGB: The Inside Story. London: HarperCollins, 1990.

Frankland M. Khrushchev. Lanham, Maryland: Madison Books, UPA, 1969.

Goodwin R. Remembering America: A Voice from the Sixties. Boston: Little Brown amp; Co., 1988.

Grose P. Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles. New York: Houghton Mifflin, 1994.

Kwitny J. Endless Enemies: The Maying of an Unfriendly World. New York: Viking Penguin, 1986.

Schlesinger A., Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. New York: Houghton Mifflin, 1965.

Steele J. World Power: Soviet Foreign Policy under Brezhnev and

Andropov. London: Michael Joseph, 1983.

Ranelagh J. The Agency: The Rise and Decline of the CIA. London: Weidenfeld amp; Nicolson, 1986.

Thomas E. The Very Best Men: Four Who Dared — The Early Years of the CIA. New York: Touchstone, Simon amp; Schuster, 1995.

Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

РАЗНОЕ

Allaine M.-F. Conversations with Graham Greene. London: Penguin, 1991.

Anderson B. Imagined Communites. London: Verso, 1991. (Первое изд.: 1983).

Armi #241;o M. (ed.). Lucha de Guerrillas: Seg #250;n los Cl #225;sicos de Marxismo- Leninismo. Madrid: Biblioteca Jucar: 1980.

Bottomore T. (ed.). A Dictionary of Marxist Thought. Oxford: Blackwell's, 1991.

Cantor J. The Death of Che Guevara. (Fiction.) New York: Alfred A. Knopf, 1983.

De Beauvoir S. All Said and Done. London: Penguin Books, 1977.

De Beauvoir S. The Force of Circumstance. London: Penguin Books, 1968.

Debray R. Loues Soient Nos Seigneurs: Une Education Politique. Paris: Gallimard, 1996.

Desmond A., Moore J. Darwin. New York: Warner Books, 1992.

Fanon F. The Wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1982.

Greene G. Fragments of Autobiography. London: Penguin, 1991.

Greene G. Our Man in Havana. London: Heinemann, 1958.

Harris N. National Liberation. London: Penguin, 1990.

Malcolm X. Malcolm X Speaks / Ed. George Breitman. New York: Grove Weidenfeld, 1990.

Nehru J. The Discovery of India. Oxford University Press, 1985.

Neruda P. Five Decades: A Selection (Poems 1925–1970) / Ed. and trans. Ben Bellit. New York: Grove Press, 1974.

Payne R. The Life and Death of Lenin. New York: Simon amp; Schuster, 1964.

Salisbury H. The New Emperors: China in the Era of Mao and Deng. New York: Avon Books, 1992.

Schama S. Citizens: A Chronicle of the French Revolution. London: Penguin, 1989.

Snow E. Red Star over China. New York: Grove Weidenfeld, 1973.
Westoby A. The Evolution of Communism. New York: The Free Press, Macmillan, Inc., 1989

notes

Примечания

1

В русском переводе «Цивилизация и варварство». (Примеч. пер.)

2

Положение, существовавшее ранее (лат.).

3

От исп. semana — неделя.

4

После смерти Че этот дневник был обнаружен его отцом. Он включил его в свои мемуары «Mi Hijo el Che» — «Мой сын Че». За исключением некоторых фрагментов, которые невозможно разобрать, опубликованная версия, по его словам, полностью соответствует оригиналу. (Примеч. авт.)

«Вернись!», «Ко мне!» (англ.).

6

На основе дневника, который Эрнесто вел во время той поездки, были написаны «Путевые заметки» («Notas de Viaje»), которые после смерти Че были опубликованы его вдовой Алейдой Марч под названием «Дневники мотоциклиста («Diarios de motocicleta»). (Примеч. авт.)

7

Этот дневник, охватывающий события следующих трех лет жизни Гевары, был найден и переписан его вдовой Алейдой Марч после смерти мужа. За исключением нескольких кратких фрагментов, он никогда не публиковался, но вдова любезно сделала для меня копию. Оригинал был предоставлен мне практически без сокращений, за исключением некоторых откровенных эротических пассажей, которые Алейда, по собственному признанию, предпочла удалить в интересах сохранения «правильности» образа ее покойного мужа. (Примеч. авт.)

8

Асадо — национальное аргентинское блюдо, жаренное на углях мясо. (Примеч. пер.)

9

В 1968 г. Рохо выпустил книгу «Мой друг Че», в которой дал собственное описание жизни Гевары и своей дружбы с ним. Возможно, по той причине, что книга была написана в спешке, сразу после смерти Гевары, она пестрит фактическими неточностями.

Рохо, по-видимому, попытался представить их дружбу более крепкой, чем она была на самом деле (впрочем, он был отнюдь не единственным среди множества друзей и знакомых Че, которые хотели погреться в лучах чужой славы). Но они, разумеется, знали друг друга, были приятелями, и поэтому книга Рохо содержит ряд ценных для историков сведений.

В своих воспоминаниях Рохо заявляет, что начиная с Ла-Паса он сопровождал Калику и Эрнесто на протяжении большей части их путешествия на север. Однако на самом деле это не так. Они встречались в Лиме, Гуаякиле, Коста-Рике, Гватемале и Мексике, но всякий раз путешествовали порознь. Позже Рохо пару раз навещал Че на Кубе.

10

В «Операции "Успех"» принимало участие немало людей, чья жизнь и карьера оказались тесно переплетены с судьбой Эрнесто Гевары. Среди них был Дениэл Джеймс, редактор антикоммунистического еженедельника «Нью лидер». В середине 1954 г. он написал книгу «Red Design for the Americas» («Красный проект для обеих Америк»), в которой продвигалась мысль о необходимости свержения Арбенса. По словам авторов другого исследования, наиболее полно освещающего историю падения этого режима, — «Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala» («Горькая правда: нерассказанная история об американском перевороте в Гватемале») — аргументы, приведенные Джеймсом в доказательство того, что в Гватемале к власти пришли коммунисты, были «настолько убедительными», что ЦРУ закупило сотни экземпляров его книги и распространило их среди американских журналистов и других «создателей общественного мнения».

В 1968 г. Джеймс получил эксклюзивную возможность напечатать захваченные ЦРУ документы, принадлежавшие партизанам Че в Боливии, включая дневник самого Че. Год спустя он выпустил также крайне предвзятую работу о жизни Гевары.

11

«Зеленый Кайман» — метафорическое обозначение острова Кубы, чьи очертания напоминают фигуру этого пресмыкающегося; введено в обиход кубинским поэтом-коммунистом Николасом Гильеном. (Примеч. авт.)

12

«Дневник бойца» («Diario de un Combatiente») стал основой книги Че «Эпизоды революционной войны» («Pasajes de la Guerra Revolucionaria»), впервые опубликованной в Гаване в 1963 г. Записи за первые три месяца, пройдя строгую цензуру, были изданы кубинским правительством, но оригинальный текст, полученный автором данной книги от вдовы Че, Алейды Марч, никогда ранее не публиковался; в нем содержится много новых и неприукрашенных фактов о жизни Че в период партизанской войны. Предположительно имеются две копии дневника Че, который он вел в сьерре в 1957–1959 гг. По словам Алейды Марч, одна из них хранится у нее, а другая — у Фиделя. В то время когда автор данной книги находился на Кубе, текст этого дневника подвергся цензуре, после чего из него исчезли имена ныне здравствующих кубинских чиновников, о которых Че отзывается нелицеприятно. Целью этой процедуры было подготовить дневник к его конечной публикации на Кубе. (Примеч. авт.)

13

Крепкие объятия (исп.).

14

Че ознакомился с документом, обрисовывавшим идеологическую платформу «Движения 26 июля», и был в целом доволен прочитанным. «В документе содержались некоторые весьма серьезные тезисы, хотя часть из них звучала слегка романтично, например предложение не устанавливать дипломатических отношений с латиноамериканскими диктатурами».

Че, вероятно, имеет в виду последний выпуск «Революсьон», новой подпольной газеты движения, которую издавал в Гаване Карлос Франки. Февральский выпуск «Революсьон» от 1957 г. содержал статью «Необходимость революции», представлявшую собой выдержки из черновика брошюры под заглавием «Nuestra Razon» («Наш довод»).

В этой статье революция описывалась следующим образом: «Непрерывный исторический процесс… Революция есть борьба за полную трансформацию кубинской жизни, за глубокие изменения в системе собственности и в [социально-политических] институтах… В соответствии с этими целями и учитывая исторические, географические и социальные реалии Кубы, революция здесь должна быть демократической, патриотической и социалистической».

Впрочем, когда несколько месяцев спустя «Наш довод» был опубликован, Фидель дистанцировался от статьи, очевидно не желая пока выступать с какими-либо идеологическими заявлениями, которые могли бы оттолкнуть от «Движения 26 июля» его потенциальных сторонников.

15

Большинство кубинцев, занятых на плантациях сахарного тростника, получали работу только в течение четырех месяцев в году — в сезон сбора урожая. В остальное время им приходилось скитаться по стране в поисках случайных приработков либо наниматься на плантации кофе и табака. (Примеч. авт.)

16

«Движение 26 июля» имело большой успех в подпольной пропаганде своих идей среди кубинцев, работавших на базе Гуантанамо, в результате чего те стали красть для революционеров оружие и боеприпасы со складов американцев. Как и большинство других использованных автором цитат из писем повстанцев, отправленных в период войны, эта цитата заимствована из книги: Carlos Franqui. Diary of the Cuban Revolution. New York: Viking Press, 1980. (Примеч. авт.)

17

Первая часть военного дневника Гевары, оказавшаяся в распоряжении автора, начинается 2 декабря 1956 г. и заканчивается 12 августа 1957 г. Вторая часть, соответствующая периоду с 13 августа 1957 г. по 17 апреля 1958 г., отсутствует; третья часть охватывает период с 18 апреля 1958 г. по 3 декабря 1959 г. (эту дату от конца войны отделяет один месяц). Картину событий в те месяцы, которые оказались выпущены, автору пришлось восстанавливать на основе личных бесед, а также опубликованных материалов, в том числе высказываний самого Че об этом периоде. (Примеч. авт.)

18

В письме Даниэлю (опубликованном Карлосом Франки в «Дневнике кубинской революции») Че писал: «Вследствие своих идеологических установок я принадлежу к тем, кто полагает, что решение мировых проблем лежит по ту сторону так называемого "железного занавеса", и это Движение я рассматриваю как одно из многих движений, вдохновляемых буржуазным желанием освободиться от экономических цепей империализма. Я всегда считал Фиделя подлинным лидером левой буржуазии, хотя он и обладает незаурядными личными качествами, которые ставят этого человека выше всех других представителей его класса. Именно с такими настроениями я начинал борьбу: без всякой надежды на то, что нам удастся зайти дальше простого освобождения страны, и полностью готовый к тому, что мне придется уехать, когда условия последующей борьбы направят все действия Движения в сторону правых идей (в сторону всего того, что ты воплощаешь собой). Но на что я никогда не рассчитывал — так это на то, что он радикально поменяет свои взгляды ради принятия "Майамского пакта". Это казалось невозможным, и позже я обнаружил, что был прав… К счастью, в этот период подоспело письмо Фиделя… и оно показало, как именно произошло то, что мы называем предательством».

По поводу поставок провизии и боеприпасов Че заявляет, что ни он, ни Фидель не получали достаточно быстро того, что им было нужно, и поэтому он намерен продолжать договариваться обо всем самостоятельно. Пусть его главный поставщик имеет «сомнительную репутацию», но он уверен, что не рискует, имея с ним дело. И потом, язвительно замечал Че, лично он не ставит под сомнение свои ценности — в отличие от тех, кто принял «Майамский пакт», так как их «отымели в задницу настолько отвратительным образом, что аналогов этой «содомии» еще не было в кубинской истории». «Мое имя в истории (которое я намерен заработать своими поступками) невозможно связать с этим преступлением, и это я заявляю официально».

Спустя четыре дня Даниэль разразился не менее красноречивым посланием: он также хотел представить «доказательство своей революционной честности». В ответ на просьбу Че сохранить содержание письма в тайне Даниэль сообщал, что он уже поделился им с остальными членами Директората, поэтому его письмо Че мог рассматривать как исходящее от них всех. «Мне совершенно неинтересно, куда ты там меня помещаешь, и я не собираюсь пытаться заставить тебя

изменить свое мнение о нас… Фундаментальная разница между нами состоит в том, что мы хотим дать угнетенным народам "нашей Америки" такие правительства, которые соответствовали бы их тяге к Свободе и Прогрессу… Мы хотим получить сильную Америку, хозяйку своей судьбы, Америку, которая сможет смело противостоять Соединенным Штатам, России, Китаю и любой другой державе, которая попытается подорвать ее экономическую и политическую независимость. С другой стороны, те, кто имеет такие же идеологические установки, как ты, полагают, что решением наших проблем будет освобождение от господства вредоносных янки путем перехода под господство не менее вредоносных Советов».

19

Обнародовав некоторые подробности разногласий между сьеррой и льяно в своей статье, вышедшей как раз перед его отъездом с Кубы, Че нарушил обет молчания касательно этой темы, находившейся под официальным табу с самого момента победы революции. В этой статье Че предпочел умолчать о несогласии Фаустино Переса с решениями, достигнутыми на майском саммите, и создать впечатление, что намечавшийся раскол был тогда полностью преодолен.

Следует помнить, что в тот момент, когда Че писал ее, Фаустино был не только на «одной стороне» с ним, но также входил в состав высшего революционного руководства Кубы, так что их прошлые разногласия стали уже неактуальными и афишировать их публично было бы теперь неуместно.

Последующая карьера Фаустино Переса показала, что вдобавок ко всем прочим его добродетелям, перечисленным Че, он отличался политической непотопляемостью. Бывший соперник Кастро в борьбе за статус каудильо стал одним из «верховных визирей» при Фиделе; бывший антикоммунист стал членом Центрального Комитета реформированной кубинской компартии, когда тот был официально созван Фиделем в 1965 г., и оставался «в обойме» вплоть до самой своей смерти в 1993 г.

20

В своем письме Фидель предупреждал Рауля: «Мы должны иметь в виду, что диктаторы, воспользовавшись этим инцидентом, могут вынашивать план физической агрессии против североамериканских граждан; при всей безнадежности положения Батисты это развернет международное мнение против нас, поскольку в мире, без сомнения, с негодованием встретят новость о том, например, что некоторые из этих североамериканцев окажутся убиты повстанцами. Важно заявить категорически, что брать заложников — это не наш метод, каким бы справедливым ни был наш гнев на политическую позицию того или иного правительства». (Из «Дневника кубинской революции» Франки.)

21

В конце 1958 г. Че уже был знаком с большинством своих будущих соратников-партизан. Элисео Рейес (впоследствии получивший известность как Роландо), Карлос Коэльо (он же Тума), Орландо «Оло» Пантоха (позже получивший прозвище Антонио) и Мануэль Эрнандес Осорио (он же Мигель) дошли вместе с ним до Лас-Вильяс. Кроме того, Гарри Вильегас, или «Помбо», один из его личных телохранителей, и Леонардо Тамайо, он же «Урбано», состояли в «Эскадроне смертников» Вакерито. Дариэль «Бениньо» Аларкон Рамирес, ставший третьим кубинцем, благополучно вернувшимся из боливийской кампании Че, входил в колонну Камило, равно как и Антонио «Пинарес» Санчес. Хосе Мария «Папи» Мартинес и Октавио де ла Консепсьон Педраха, он же «Моро», были в Орьенте с Раулем. Хуан Виталио Акунья, ставший затем в Боливии «Хоакином», остался в Сьерра-Маэстре в качестве команданте при Фиделе. Еще трое будущих бойцов вскоре присоединятся к Че в Эскамбрае: Альберто Фернандес Монтес де Ока, или «Пачунго», Густаво «Алехандро» Мачин де Худ и Хесус «Рубио» Суарес Гайоль.

22

По словам Ольтуски, эта сумма была собрана людьми в льяно, и часть ее планировалось передать Че, чтобы показать ему, что у них и без ограбления банков достаточно источников финансирования. (Примеч. авт.)

23

Коммунист, лидер Национальной федерации трудящихся сахарной промышленности; был убит Касильясом в 1948 г. (Примеч. авт.)

24

Здесь и далее цитируется по изданию «Наш человек в Гаване», М.: Правда, 1986 / Пер. Е. Голышевой, Б. Изакова.

25

Эта цитата взята из книги Аренаса «Прежде чем наступит ночь» («Before Night Falls») (см. Избранную библиографию). (Примеч. авт.)

26

Кауто — главная река Кубы, а Ла-Плата — главная река Аргентины. (Примеч. пер.)

27

Здесь и далее цитируется по переводу, опубликованному на сайте http://cubafriend.narod.ru/bibleo/Che/01.htm

Исп. bolo — болван, невежда.

29

Свершившийся факт (фр.).

30

Программа поддержки партизанских движений в Латинской Америке была первоначально одобрена Фиделем, в результате чего в составе Министерства внутренних дел, руководимого Рамиро Вальдесом, было создано секретное агентство во главе с Мануэлем «Барба Рохой» Пиньейро, известное как «Отдел освободительной борьбы». По словам Пиньейро, он «отвечал за разведывательные учреждения и Управление национального освобождения, курировавшее Латинскую Америку и Африку». В этой должности он, по собственным словам, находился в «активном и интенсивном сотрудничестве с Че», участвуя во многих тайных контактах с революционерами по всему миру. Вальдес больше занимался контрразведкой, направленной против Соединенных Штатов, но и он имел «некоторое отношение» к развертыванию партизанских программ. Рауль, по-видимому, лишь косвенным образом участвовал в этой деятельности: по давнему распоряжению Фиделя, он был лишен права отбирать себе кадры из армейских рядов для каких-либо операций. А подлинным куратором партизанской программы был Че. «Начиная с первого дня, Че отвечал за вооруженные освободительные движения, поддерживаемые Кубой», — сообщает источник в кубинском правительстве, имеющий доступ к соответствующим досье.

31

От исп. primero — первый, segundo — второй.

Исп. sombra — тень.

33

Букв. «ужасный ребенок» (фр.); о человеке своевольном, дерзком, бестактном, смущающем окружающих своей прямотой, необычностью взглядов, излишней откровенностью.

34

После того как в 1962 г. Фидель лишил Анибаля Эскаланте ключевого поста в Объединенных революционных организациях (ОРО) и провел кампанию по искоренению сектантских настроений, исходящих от «старых коммунистов», он объявил о трансформации ОРО в Единую партию социалистической революции и о превращении ее в новую официальную правящую партию Кубы, что стало решающим шагом на пути превращения Кубы в однопартийное государство. Этот процесс, последовательно отправивший в небытие «Движение 26 июля», Народную социалистическую партию и «Революционную директорию», завершился в октябре 1965 г. появлением на свет новой Коммунистической партии Кубы. (Примеч. авт.)

35

Автор данной книги трижды встречался с Леоновым в Москве в течение 1993 г., и Леонов немало поведал ему о различных аспектах своей жизни, в том числе о своей карьере в разведслужбе и отношениях с Че Геварой. Во время одной из бесед он эмоционально рассказывал о гватемальском революционном движении, в частности об убийствах его друзей из гватемальской компартии, совершенных военными «эскадронами смерти». Аргентинец Исидоро Жильбер, бывший корреспондент ТАСС, в своей книге 1995 г. «El Oro de Moscu» («Золото Москвы») выступил с утверждением, что Леонов активно помогал гватемальским революционерам, и допустил даже, что он делал это в рамках официально утвержденной тайной программы КГБ. Мануэль Пиньейро высказался более сдержанно, заявив в частной беседе, что Леонов «всегда демонстрировал солидарность с революционными борцами в Латинской Америке и с кубинской революцией».

Судя по недавно рассекреченной докладной записке главы КГБ Александра Шелепина Хрущеву от 29 июля 1961 г., СССР не имел претензий к партизанским движениям в тех странах, где коммунистические партии находились вне закона, и подчас помогал им развертывать повстанческую деятельность.

36

Вскоре после визита Че в Москву Рудольф Шляпников прибыл на Кубу, где занял особый пост в советском посольстве: он курировал работу тысяч советских комсомольцев, прибывавших на Кубу в качестве «добровольцев». В феврале 1968 г. Шляпников и некоторые другие сотрудники посольства были высланы с Кубы по обвинению в сговоре с Анибалем Эскаланте и другими «старыми коммунистами», которые были недовольны своим положением и вынашивали планы по устранению Фиделя от власти (в результате Эскаланте был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы). Олег Дарушенков, занимавший пост посла в Гаване, довольно быстро приобрел серьезный вес в партийный рядах, возглавив «кубинский» отдел в Центральном Комитете. В 1980-х гг. он был назначен советским послом в Мексике, а после крушения коммунизма в СССР ушел в отставку, но остался в Мексике, где стал одним из руководителей местной телевизионной корпорации «Телевиса».

Именно эти люди отстаивали линию противодействия замыслам Гевары. Вдова Че Алейда Марч считает Олега Дарушенкова провокатором и по-прежнему приходит в ярость при воспоминании о том, что после смерти мужа он явился к ней в дом со своими соболезнованиями, а затем довольно бестактно поинтересовался: «Почему все-таки Че, будучи иностранцем, поехал в Боливию?» Вдова восприняла это как оскорбление и напомнила о доминиканском генерале Максимо Гомесе, который помогал кубинцам в их войне за независимость против Испании. А в довершение Алейда Марч спросила, как Дарушенков посмел задать подобный вопрос в «этом доме» (имея в виду, что он находится в доме Че).

37

Среди находившихся в зале, согласно воспоминаниям Алейды Марч, был молодой лидер ангольских повстанцев Жонаш Савимби. Он получил в Китае поддержку, благодаря которой организовал партизанское движение УНИТА. Впоследствии, когда Куба стала оказывать поддержку его конкурентам из «Фронта национального освобождения Анголы» (ФНОА), Савимби обратился за протекцией к странам Запада. Но в борьбе против португальцев, в которой участвовали разные движения и которая в конечном счете привела страну к обретению независимости в 1974 г., Савимби уступил пальму первенства ФНОА. Эта партия захватила власть и установила прокоммунистический режим. Он тем не менее продолжил войну при поддержке ЦРУ и ЮАР. В 1980-х гг. УНИТА получала щедрые вливания от Вашингтона, а президент Рональд Рейган даже назвал Савимби «борцом за свободу». Однако, потерпев поражение на всеобщих выборах, последовавших за навязанным международным сообществом соглашением о прекращении огня в 1992 г., Савимби возобновил военные действия, и сотни тысяч ангольцев погибли в начавшемся заново конфликте, который практически полностью разорил их родину. Впрочем, в 1996 г. он вновь включился в мирные переговоры с представителями правящего режима.

38

Здесь и далее перевод речи Че Гевары с испанского языка взят с интернет-сайта: http://chehasta.narod.ru/aaconfer65.htm. (Переводчик не указан.)

39

Че, по-видимому, имеет в виду, что после подписания «Майамского пакта» он на короткое время разуверился в Фиделе. (Примеч. авт.)

40

По словам Алейды, помимо записанных на магнитофон стихов, которые оставил ей Че, муж также сочинил специально для нее некое стихотворение. Вдова Гевары до сих пор его никому не показывала. Алейда говорит: «Оно мое. Мир сможет прочесть это стихотворение только после моей смерти». Алейда держит в тайне подробности своей жизни с Че. Их старшая дочь Алюша рассказала мне, что, только когда она собралась пойти по стопам отца и отправиться в качестве врача в Никарагуа, где шла гражданская война, только тогда страх потерять дочь заставил мать открыть душу. Алейда впервые прочитала Алюше любовное послание Че, которое хранилось под замком в специальном ящике у них дома.

Помимо широко известного прощального письма своим детям Че также посылал им из Африки открытки и писал так называемое «говорящее письмо», в котором трогательно признавался в своих родительских чувствах.

41

Отправившись к Че в Конго, Помбо оставил на Кубе жену, с которой прожил менее трех лет, а также маленького сына, Гарри-младшего. Его супруга, Кристина Кампусано, в свое время работала секретарем у Че; кроме того, она была подругой Ильды Гадеа и Алейды. Семьи подчиненных Че в те дни поддерживали очень тесные отношения: так, Тума был шафером на свадьбе у Помбо и Кристины.

Кристина признает, что женам было «ну просто ужас как тяжело», поскольку все они редко видели своих мужей. «Когда те были на Кубе, то проводили все время с Че, затем они отправились в Конго, оттуда в Боливию». Кристина смогла навестить Помбо в Европе: для нее специально разработали «легенду», согласно которой она ехала туда учиться. Ее муж жил тогда в тайном укрытии на территории кубинского посольства в Париже.

После отправки Помбо в Боливию Кристина, так же как и Алейда, получила заверения в том, что сможет поехать туда, когда «будут подходящие условия». Впрочем, дальше курсов военной подготовки дело не зашло: Помбо посчитал, что их сын Гарри слишком мал для того, чтобы остаться без опеки.

Папи также оставил на родине жену и маленького сына. Один только Тума не имел поначалу детей, но и он после возвращения на Кубу из Праги успел зачать со своей женой ребенка; их сын, которого ему не суждено было увидеть, родился уже после отъезда отца в Боливию.

42

Поскольку никаких исчерпывающих документальных свидетельств о конкретных перемещениях, встречах и местах пребывания Че в период между его исходом из Конго и возвращением на Кубу, по-видимому, не существует, автор данной книги базировал свое повествование на наиболее достоверных из доступных ему источников. И в первую очередь сюда относятся воспоминания Алейды Марч, генерала Гарри Вильегаса (он же «Помбо»), Мануэля «Барба Рохи» Пиньейро, Хуана Карретеро (он же «Ариэль», видный представитель кубинской службы разведки и дипломат) и Оскара де Карденаса, который был заместителем Улисеса Эстрады и курировал Африканское подразделение кубинской разведывательной службы в то время, когда Че покинул Конго. Все они утверждают, что Че отправился из Танзании в Прагу, а оттуда — назад на Кубу.

Но есть и другие версии. Марио Монхе, бывший секретарь компартии Боливии, рассказал автору книги, что, как ему стало известно из источника, который он предпочел не называть, Че, оставив Танзанию, отправился в Германскую Демократическую Республику, где жил «под протекций немецких разведывательных ведомств».

Другой осведомленный источник на Кубе также указал на возможность того, что Че провел «какое-то время» в ГДР во время своего пребывания в подполье, а после этого тайно побывал на Кубе по пути в Боливию осенью 1967 г. Этот источник добавил, что Алейда, возможно, встречалась с ним тогда. В том случае если эти сведения истинны, выходит, что ни Алейда, ни кубинское правительство не готовы их пока признать. (На вероятность пребывания Че в ГДР указывает и материальное свидетельство, изъятое у него в Боливии при взятии в плен. Одна из двух тетрадей, в которых Че Гевара вел свой дневник, — первые записи в ней датируются ноябрем 1966 г., — была произведена в Восточной Германии.)

Алейда Марч рассказала автору книги, что она трижды тайно встречалась с Че за границей. В первый раз это было в январе-феврале 1966 г. в Танзании; во второй раз — в Праге, перед его возвращением на Кубу в середине 1966 г.; относительно третьей встречи она ничего конкретного не сообщила.

43

Очередная подпольная кличка Че: в Африке он был Тато, в Праге стал Рамоном, а в Боливии, помимо Рамона, его будут также называть Монго и Фернандо. (Примеч. авт.)

44

Во время пребывания на Кубе автор данной книги получил неполную копию рукописного оригинала дневника Папи, а также машинописный вариант, подготовленный им позднее, и копию текста с внесенными им исправлениями. Приведенная здесь выдержка взята из машинописного документа. В 1996 г. на Кубе и в Аргентине с одобрения кубинского правительства была издана отредактированная версия дневника Помбо, до этого целых 30 лет находившегося под запретом. Этот важнейший пассаж в ней отсутствовал. (Помбо, чье настоящее имя Гарри Вильегас, является действующим генералом кубинских Революционных вооруженных сил и преданным фиделистом.) (Примеч. авт.)

45

Сотрудники Пиньейро, похоже, переусердствовали, убеждая Фиделя, что условия для отправки Че в Боливию сформировались наиболее подходящие. Люди, близкие Че на Кубе, в частных беседах склонны винить Пиньейро и его агентов в том, что они «натворили» в Боливии. Лишь немногие предполагают, что имело место предательство, в основном говорится о таких вещах, как непрофессионализм и «гуаперия» (этим термином на Кубе обозначают зазнайство), которые привели к цепи многочисленных ошибок при осуществлении боливийской операции.

Большинство оставшихся в живых согласны с тем, что одной из этих «ошибок» стало решение отозвать агента Ренана Монтеро из Ла-Паса после преждевременного обнаружения партизан в марте 1967 г. В результате крошечная городская ячейка, состоявшая из Лойолы Гусман, Умберто Васкеса Вьяньи и Родольфо Салданьи, осталась без связи как с Гаваной, так и с партизанами. Летом 1967 г. силы партизан оказались раздроблены на четыре части, каждая из которых не имела связи с остальными.

Почему же Ренан был отозван в столь ключевой момент? Пиньейро уверяет, что это было сделано для того, чтобы обновить его документы и укрепить его «легенду». Однако Лойола Гусман, несколько раз встречавшаяся с Ренаном в 1967 г., вспоминает, что во время последней их встречи он был испуган. Ариэль же утверждает, что Ренан был «очень болен». Они готовили ему на замену другого агента, говорит он, однако события в Боливии сорвали эти планы. Но для Лойолы по-прежнему многое остается загадкой. Гусман отправила с курьерами два письма в Гавану, подчеркивая, что необходимо срочно заменить Ренана, и затем, после того как был опубликован захваченный боливийскими военными дневник Че, она выяснила, что эти письма дошли до адресата, так как в одной из августовских записей Гевара отмечает факт получения шифровки из Гаваны, передающей основной смысл ее посланий и сообщавшей, что замена скоро состоится. Лойола задается вопросом: «Как возможно, что они получили мое письмо, передали его содержание Че и при этом не предприняли никаких действий?»

В конце августа Лойола Гусман и ее товарищи по городскому подполью решили, что ей следует отправиться в Гавану, чтобы объяснить ситуацию. Лойола получила сообщение, что партия рассматривает ее запрос и представители партии готовы встретиться с ней в городе Кочабамба. Еще до отъезда Гусман

почувствовала, что за ней следят. Она рассказала об этом Умберто Васкесу Вьянье, который решил устроить эксперимент, чтобы проверить, насколько обоснованны эти ее подозрения. Лойола провела целый день в разъездах по городу, пересаживаясь с одного автобуса на другой, а Умберто сопровождал ее на почтительном расстоянии, наблюдая за тем, что происходит вокруг. Под конец дня он был уверен в справедливости опасений Лойолы. За ней действительно следили.

Пару дней спустя ее арестовали.

Пиньейро на все обвинения твердо отвечает, что главной целью его ведомства был успех миссии Че и любые намеки на обратное — «отвратительны».

46

Военные сообщали, что Хорхе Васкес Вьянья захвачен в плен и ранен, но впоследствии заявили, что он совершил побег. На самом деле его забрали с больничной койки и казнили, а тело сбросили с вертолета над покрытыми лесом горами недалеко от Лагунильяса. (Примеч. авт.)

47

Здесь и далее цитаты из «Послания» приводятся в русском переводе Александра Тарасова. Источники http://scepsis.ru/library/id_1478.html и Эрнесто Че Гевара. «Статьи. Выступления. Письма». М.: Культурная Революция, 2006. С. 514–530.

48

В июне 1997 г. Вильольдо, который прежде не выступал с публичными заявлениями, рассказал автору данной книги, что у ЦРУ имелись в Боливии дополнительные источники информации, самым важным среди которых был один осведомитель, являвшийся активистом боливийской компартии. Вильольдо не стал раскрывать ёимени предателя, которого он описал как «человека, близкого к братьям Передо», отметив, что тот еще жив. Вильольдо также заявил, что глава боливийской компартии Марио Монхе регулярно снабжал информацией полковника Роберто Кинтанилью — начальника разведслужбы при Министерстве внутренних дел, которым управлял Антонио Аргедас. Кинтанилья в свою очередь передавал эту информацию ЦРУ.

Что касается Бустоса и Дебре, то, по словам Вильольдо, оба они сломались в первые же дни после ареста и «рассказали все, что знали». Но он добавил, что «кто угодно» сделал бы это на их месте, поскольку обоих приговорили к смерти и боливийские военные уже намеревались их расстрелять. Однако он с коллегами из ЦРУ «спас их», чтобы получить нужную информацию.

49

Военных привели туда 8 августа два боливийских дезертира из колонны Хоакина: Эусебио и Чинголо. (Примеч. авт.)

50

По мнению некоторых кубинских друзей и товарищей Че Гевары, вся его боливийская операция была провальной с начала и до конца. Они отмечают, что Че не сумел добиться расположения боливийских крестьян, что кубинские и боливийские партизаны так и не нашли взаимопонимания, а также, что он сам, постаревший и ослабевший по сравнению со временами войны в сьерре, был недостаточно решителен в поддержании дисциплины среди своих бойцов. Один кубинский чиновник сказал следующее: «Эта гуманность в итоге вышла ему боком, поскольку человек помельче обязательно прибег бы к расстрелам, а Че не стал этого делать; он не хотел отпугивать от себя людей, хотел привлечь их в свои ряды, и потом — он прекрасно осознавал, что является для них чужаком».

51

В 1996 г., через двадцать девять лет после этих событий, вдова Селича Сокорро позволила автору данной книги просмотреть и скопировать документы ее покойного мужа. В их числе фотографии, телеграммы, рапорты, дневник, который Селич вел во время военных действий в 1967 г., незаконченная запись его разговора с Че Геварой и тайный доклад об описываемых событиях и обстоятельствах казни Че Гевары, отправленный генералу Ла Фуэнте. В этой главе использованы отрывки из записей Селича, в которых он пересказывает свой разговор с Че. В частности, там приводится следующий обмен репликами:

Селич. Что вы считаете причиной своей неудачи? Я полагаю, отсутствие поддержки со стороны крестьян?

Че. Возможно, в этом есть зерно истины, но вообще все дело в эффективной организации политической партии Баррьентоса, то есть в том, что его коррехидоры и чиновники на местах позаботились о своевременном снабжении армии информацией о наших перемещениях.

Заметки Селича обрываются без всяких объяснений на вопросе, адресованном Че Геваре: «Почему вам не удалось рекрутировать больше боливийцев, например крестьян, живущих в этой зоне?»

(Примеч. авт.)

Издано частным образом, выходные данные отсутствуют.